

А. В. Марчуков

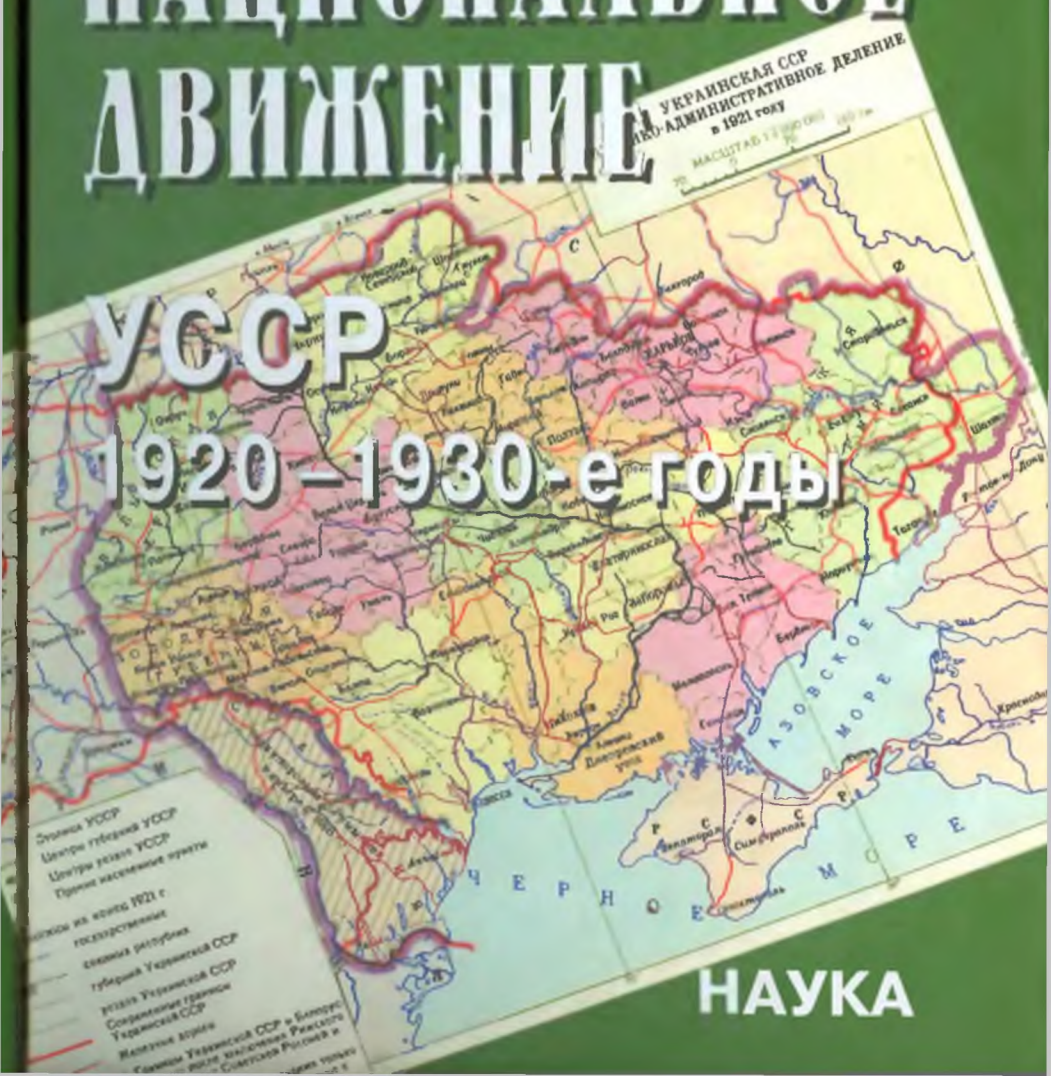
УКРАИНСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

УССР

1920–1930-е годы

УКРАИНСКАЯ ССР
ИНО-АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ
в 1921 году

МАСШТАБ 1:4 000 000

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

А. В. Марчуков

УКРАИНСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

УССР. 1920–1930-е годы

Цели, методы,
результаты

МОСКВА НАУКА 2006

УДК 94(477)
ББК 63.3(4Укр)
М30

Ответственный редактор
доктор исторических наук В.В. ТРЕПАВЛОВ

Рецензенты:

доктор исторических наук Н.Ф. БУГАЙ,
доктор исторических наук А.И. ВДОВИН

Марчуков А.В.

Украинское национальное движение : СССР. 1920–1930-е годы : цели, методы, результаты / А.В. Марчуков ; [отв. ред. В.В. Трепавлов] ; Ин-т рос. истории РАН. – М. : Наука, 2006. – 599 с. – ISBN 5-02-033993-8 (в пер.).

В монографии на широком источниковом материале впервые в отечественной историографии исследуются ход, движущие силы и механизмы создания украинской нации в ключевой для этого процесса период – 1920–1930-е годы. Через призму деятельности украинского национального движения анализируются феномен украинского национализма, его идеологическая и мировоззренческая направленность, рассматриваются взаимоотношения украинской, русской и советской национальных идентичностей. В контексте деятельности движения излагается идейно-политическая борьба в КП(б)У и Православной церкви. Книга позволяет по-новому взглянуть на многие национальные, культурные, языковые, политические процессы, имеющие место на Украине, выяснить особенности и перспективы российско-украинских отношений.

Для историков, политологов и всех, кто интересуется отечественной историей.

Темплан 2006-I-303

ISBN 5-02-033993-8

© Институт российской истории РАН, 2006
© Марчуков А.В., 2006
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2006

*Светлой памяти моего отца
Марчукова Владислава Григорьевича
посвящается эта книга*

Введение

Кризис исторической России и «украинский вопрос». В 1991 г. прекратил свое существование СССР. Чем дальше отодвигается от нас это событие, тем яснее становятся его поистине планетарные масштабы и последствия, тем отчетливее проступает его знаковый характер. По своему влиянию на развитие политических, идеологических, культурных процессов в современном мире, по степени воздействия на дальнейший ход истории всего человечества, гибель Советского Союза можно со всеми основаниями считать рубежом, подводящим черту под новейшим временем и открывающим собой постновейшую эпоху.

Политические изменения и сам распад СССР стали зримым проявлением глубоких внутренних деструктивных процессов, похоронивших советское общество и продолжающих разъедать общество постсоветское. При всех своих идеологических и прочих особенностях СССР был, тем не менее, «исторической Россией», занял ее «историческую нишу», стал ее геополитическим и цивилизационным продолжением. Несмотря на суровые потрясения и чувствительные эксперименты, советское общество продолжало оставаться носителем традиционных моральных и этических установок, несовместимых с протестантской этикой и либеральной системой ценностей, на которых замешана идеология западной модели единого мира.

Преобразование России в буржуазную страну – часть западной капиталистической системы с откровенно классовым обществом, подчас напоминающим кастовое, породило невиданный духовный кризис. При этом кризис этот так и не выдвинул из своих недр ни одной позитивной, отрицающей его идеи и идеологии, способной мобилизовать дезориентированное постсоветское общество и вдохнуть в него энергию созидания, вернуть этому обществу Смысл и Цель жизни. Трудно не согласиться с Н.А. Нарочницкой, утверждающей, что результатом последних лет стало не просто

обнищание или ослабление России, а крушение всей русской истории, «уничтожение российского великодержавия* во всех его духовных и геополитических определениях, устранение равновеликой всему совокупному Западу материальной силы и русской, всегда самостоятельной исторической личности с собственным поиском универсального смысла вселенского бытия»¹.

Сокрушение самостоятельной русской исторической личности оказалось возможным в результате измены советского и российского общества самому себе, сознанию своей правоты (причем, не просто в конкретно-политическом, а и в философско-историческом аспекте), своему праву на собственный исторический путь. Оно стало результатом отрешения от традиционных моральных устоев и норм, критериев оценки Добра и зла, потери веры в далекие, недостижимые идеалы, служащие бесконечной целью бесконечного же приближения к ним. А это уже оказалось следствием пересмотра прошлого России—СССР, дегероизации истории, переоценки всего и вся.

Внутренний кризис и пересмотр прошлого породили многие негативные явления. В частности, сего следствием стал всплеск национальных проблем, сыгравших далеко не последнюю роль в судьбе СССР. Ломка социально-экономического уклада, отказ от своего пути и «поклонение чужим богам» подтачивали духовное единство страны и населяющих ее народов, ставили под сомнение общность их целей и исторической судьбы, отношение к СССР—России как к своей Родине и, тем самым, провоцировали развитие центробежных тенденций, появление национальных и сепаратистских движений и рост этнократизма. С распадом Союза деструктивное действие национального фактора на постсоветском пространстве не прекратилось. Центробежные тенденции, явные и подспудно тлеющие конфликты продолжают ощущаться в некоторых регионах России и ряде бывших союзных республик и поныне.

Дело не только и не столько в «окраинных национализмах» и в межэтнических конфликтах на Кавказе и в ряде других «горячих точек» бывшего Союза. Главная проблема заключается в духовном и физическом самочувствии основателя и главного строителя российской государственности, ее стержня, носителя «генетического кода» России — русского народа. Именно он в наибольшей

* Заметим, что термин *великодержавие* наиболее точно отражает содержание всей русской истории и судьбу России именно как мировой сверхдержавы — Великой Державы. Негативное содержание, которое вкладывалось в этот термин в советские годы, а теперь продолжает вкладываться всевозможными противниками и клеветниками России, должно быть изжито и оставлено в прошлом.

степени пострадал от революции 1989–1993 гг., именно он был сильно расчленен и подвергнут в ряде бывших советских республик национальной дискриминации. Именно его ценности и тысячелетний духовный опыт оказались не востребованы в постсоветском мире и постсоветской России. Именно внутреннее национальное единство *Русского мира* вновь оказалось поставлено под сомнение старыми и новыми течениями, отрицающими это единство.

Поясним, что под *Русским миром* в данном случае понимается определенный цивилизационный, культурно-психологический, религиозно-этнический и хозяйственный организм – сообщество, к которому принадлежат не только русские в современном понимании этого слова (или, по-старому, великороссы), но также белорусы и восточные украинцы. В силу множества факторов (о которых пойдет речь впереди) большинство этих людей продолжает сознавать (или ощущать подсознательно) свою принадлежность к этому миру и поэтому их социальное поведение и реакция на кризис конца XX в. во многом одинаковы².

В этом контексте на первый план выступает так называемый «украинский вопрос». В свете означенных событий абсолютно правильным представляется оценка, данная ему еще в период между двумя мировыми войнами, виднейшим идеологом украинского национализма Д. Донцовым: «Как комета появляется... украинский вопрос на политическом небе Европы всякий раз, когда для России наступает критический момент»³. В настоящее время, после возникновения на мировой арене Республики Украина, этот вопрос как бы перешел во внешнеполитическую сферу. Однако это лишь видимая сторона проблемы. Хотя Украина стала самостоятельным государством, этот вопрос остается и будет оставаться в зримой перспективе внутринациональной проблемой этого Русского мира. Причем проблемой не сугубо «украинской» или сугубо «российской», а именно общей, поскольку от того или иного варианта ее развития будет напрямую зависеть облик и внутренний мир и России, и Украины, и русской, и украинской общностей. Более того, кризис России – это и кризис Украины. И преодоление этого кризиса возможно только одновременно и вместе друг с другом.

Не менее важным последствием воздействия национального фактора стал психологический синдром от крушения многонациональной сверхдержавы. Относительная легкость, с которой произошел политический «развод» республик, свидетельствует о том, что государственное единство страны в том виде, в котором оно существовало на момент ее распада, претерпело сильную эрозию и было подточено процессами, происходившими в СССР

в последние годы его существования. Вместе с тем довольно продолжительное и непростое привыкание населения бывшего СССР к новым реалиям служит подтверждением того, что в Советском Союзе происходило складывание (хотя и не доведенное до своего завершения) некоей надэтнической национальной общности, разрушение которой оказалось более болезненным, нежели распад государственного организма. Впрочем, сознание сопричастности к этой общности не исчезло бесследно и продолжает сохраняться у довольно широких слоев населения как России, так и некоторых бывших союзных республик.

Советский Союз не был однородным образованием. Его регионы и республики отличались друг от друга в языковом, культурном, ментальном, цивилизационном отношении. Поэтому и степень ощущения сопричастности своей судьбы с судьбой СССР–России, осознания принадлежности к советской надэтнической общности в разных республиках и среди разных народов была неодинаковой. Прочнее всего это сознание утвердилось среди славянских народов, которые составляли ядро русского государства и ядро советской общности, – у русских, украинцев и белорусов. Поэтому дезинтеграционные процессы наиболее болезненно воспринимаются именно этими народами. Несмотря на то что со времени крушения Советского Союза прошло уже более десяти лет и люди свыклись с новыми реалиями (а новое поколение вообще выросло в иных условиях), разрыв между Россией и Украиной остается чувствительным как для российского общества (которое, по существу, так и не примирилось с этим фактом), так и, во многом, для украинского⁴.

Другой причиной, по которой современное состояние российско-украинских отношений беспокоит здравомыслящую российскую (и не только российскую) общественность, являются языковые, культурные, политические процессы, которые имеют место на современной Украине, и та политика, которую проводит в этих сферах украинское руководство. Надо открыто признать тот очевидный факт, что на протяжении вот уже более десяти лет мы являемся свидетелями постепенного, но последовательного, методичного и ясно ощущаемого дрейфа Украины в сторону прочь от России^{2*}. Конечно, на Украине изменили бы акценты и препод-

^{2*} Монография была написана задолго до политического кризиса на Украине октября–декабря 2004 г. Поскольку эти события не внесли ничего кардинально нового в политический процесс на Украине и лишь подтвердили правоту приведенной оценки, автору даже не пришлось корректировать или вносить изменения в текст.

если это как исторически и политически закономерный поворот Украины в сторону Европы и США и олицетворяемых ими западных ценностей, как «нормальный» курс самостоятельного и независимого государства. Однако в силу объективных и субъективных причин (например, ментальности населения страны и ее политической и хозяйственной элиты), а также истории становления «Украины» (о чем и пойдет ниже речь), осуществлявшейся на отрицательной, а не положительной доминанте (здесь речь идет не о нравственной оценке, а о способе мироощущения и поведенческих нормах, которыми руководствуется какой-либо общественный коллектив), это движение является не движением «к чему-либо», а движением «от чего-либо».

Этот дрейф воспринимается широкими массами населения в России и даже на Украине с неподдельным удивлением и обращается не только непониманием причин, его побуждающих, но и отрицанием самого факта удаления Украины от России или, в лучшем случае, его неприятием. Истинное положение дел, зачастую весьма неприглядное, замалчивается и подменяется приятными на слух разговорами о дружбе и вечной преданности, обращениями к истории, где два брата – русский и украинский народы – вместе жили, строили, воевали, побеждали и т.д. Что самое интересное, все это имеет под собой неоспоримые исторические основания, ибо является правдой. Но подобный подход страдает одним существенным недостатком: он не позволяет трезво оценить современное состояние российско-украинских отношений и определить причины этого состояния. Елейные речи, заверения, экскурсы в прошлое, равно как и нежелание смотреть правде в глаза, призваны доказать (иногда другим, иногда самим себе), что в украинско-русских отношениях все хорошо, а негативные моменты, возникающие время от времени между Украиной и Россией, – дело временное и поверхностное, своеобразные игры политиков.

Оставим за скобками политиков России и Украины, их цели, тактику и стратегию (в том случае, если она есть), равно как и ответ на вопрос, насколько их курс отвечает интересам наших народов и в чем эти интересы состоят. Это особая тема, требующая серьезного осмысления. Но ради справедливости посмотрим на проблему с другой стороны. Понятно, что познания широких слоев общественности в отечественной истории весьма поверхностны и шаблонны. Здесь речь идет, конечно, не об элементарной исторической неграмотности или о заведомо фальсифицированном освещении прошлого. В самом факте шаблонности нет ничего дурного. Среднестатистический обыватель знает и должен знать своеобразный «краткий курс» из основных фактов, причин-

но-следственных связей и оценок, которые обязательно должны соответствовать государственной и общественной идеологии (в последнем случае речь идет о тех странах, где историческая роль государства не столь ярко выражена, как в России), служить ей историческим фундаментом и способствовать политической мобилизации населения. В соответствии с этой исторической мифологией (в данном случае этот термин употреблен без негативного смыслового оттенка) находила свое изображение и история Украины, отложившаяся затем в общественном сознании.

Однако прочность и жизнеспособность этой идеологии может быть достигнута в том случае, когда она опирается на реальный исторический опыт того социально-политического организма, который она обслуживает, когда ее основы, ключевые положения корнями уходят в прошлое и соответствуют историческому пути народа и его историческому сознанию. И здесь важно подчеркнуть, что официальная советская идеология и народное восприятие многих исторических сюжетов, например, имеющих отношение к Украине и к украинско-русским связям, в целом взаимно дополняли друг друга. Поэтому провозглашаемая идеология дружбы и братства русского и украинского народов, несмотря на известную долю присущей ей патетичности и официозности, не была, тем не менее, чем-то искусственно сконструированным и навязанным. Иными словами, она не была «мифом» (уже во вполне традиционном толковании этого слова), ибо в ее основе лежал взгляд на историю и культуру, позволявший представителям этих этносов видеть друг в друге «своих», пусть немного отличающихся, но «своих».

В связи с этим неурядицы во взаимоотношениях между нашими странами и отдаление Украины от России в последнее десятилетие, в народном сознании представляются делом рук «петлюровцев», «бандеровцев» и украинских националистов вообще. Именно этими же причинами продиктовано и настороженное отношение к Западной Украине, где наиболее широко распространены антироссийские и антирусские настроения. Однако сводить все прошлые и современные проблемы русско-украинских отношений лишь к делу рук петлюровцев и бандеровцев было бы непростительным упрощением. К тому же такой взгляд не позволяет глубже разобраться даже в причинах появления этих последних на исторической арене.

К постановке проблемы исследования. Проблемы происхождения и сущности украинского национализма, истории становления украинской национальной общности и прочие вопросы, связанные с национальным развитием Украины, весьма сложны и мно-

гообразны. Обращение к ним требует от исследователя вдумчивого и комплексного подхода и внимательного изучения прошлого, как далекого, так и относительно близкого. Стоит хотя бы отметить, что развитие «Украины»^{3*} как национального организма началось и набирало силу не на Западной Украине (в ту пору еще таковой не являвшейся и называвшейся Галицией или, по-славянски, Галичиной), а на землях, входивших сначала в состав Российской империи, а затем – СССР. Именно российская Украина, или, как ее называли деятели украинского движения, Надднепрянщина, стала той территорией, на которой зарождались национальные идеи, которая была поставщиком кадров для этого движения и главным центром приложения его сил.

Интерес к истории вполне естествен и легко объясним. Дело в том, что многие процессы, имеющие место на современной Украине, не являются чем-то новым. Их корни уходят в конец XIX – первую треть XX в. Именно в тот период возникает украинская идентичность, активно идет формирование украинской национальной общности и украинского национального самосознания. Поэтому без обращения к не столь уж далекому прошлому, без изучения национального развития русского и украинского народов не разобраться в историческом пути России и Украины и не уяснить то положение, в котором они оказались на рубеже второго и третьего тысячелетий. И это надо делать беспристрастно, отбрасывая старые и вновь создаваемые политико-идеологические штампы и мифы.

Особо стоит отметить, что исследования в данной области имеют не только научно-историческое, но и общественно-политическое значение. Оно заключается в том, что изучение национальных процессов и движений открывает возможности для более глубокого понимания и всестороннего анализа культурной, языковой, национальной и политической ситуации не только в украинском государстве, но и на постсоветском пространстве, в Восточной Европе и мире в целом. А это, несомненно, поможет поиску более действенных средств, направленных на устранение и нейтрализацию деструктивного действия национального фактора, или же его более полного использования, но уже в национальных и государственных интересах России.

^{3*} В том случае, когда слово *Украина* стоит в кавычках, речь идет об «Украине» как проекте специфического национально-политического организма; когда закавычено слово «украинцы», имеются в виду будущие члены создаваемой национальной общности, а также участники национального движения, сторонники «украинского проекта».

Любая политика, в том числе национальная, имеет две основные составляющие. С одной стороны, это курс властных структур, который предполагает достижение определенных целей, стоящих перед обществом и государством. С другой – этот курс всегда обусловлен существующей действительностью и во многом ею корректируется. Она же определяет приоритеты государства в том или ином вопросе. В нашем случае существующая действительность – это состояние общества, его отношение к национальному вопросу, уровень национального сознания широких масс населения, их готовность быть нацией, деятельность общественных кругов и организаций, так или иначе трактующих национальный вопрос и старающихся реализовать свои задачи в этой сфере.

Действительность и политика государства в национальном вопросе связаны между собой теснейшим образом, по сути, являясь обратными сторонами одного и того же процесса. Несмотря на это, в исследованиях, посвященных национальному вопросу, по крайней мере, в отечественной историографии, приоритет отдавался лишь одной стороне – национальной политике, а причины и контекст того или иного мероприятия власти объяснялся лишь отчасти. Естественно, что вне поля зрения исследователя оставалось само общество, которое в таком случае представало в виде некоего статиста, в то время как оно являлось (и является), особенно после крупных войн и революций, весьма активным творцом исторического процесса, определяющим ту или иную расстановку сил на политической арене. Изучение жизни общества дает возможность получить более точную картину исторической действительности, позволяет лучше разобраться и в политике государства, и в выборе путей развития нашей страны. Все это, безусловно, относится также и к сфере национальных отношений.

Данное исследование посвящено формированию и развитию Украины как национального организма. Отметим, что речь идет не о советской национальной политике, хотя близкие сюжеты в той или иной степени в ней присутствуют. Внимание сосредоточено на другой стороне проблемы: на истории украинского национального движения на Советской Украине в 1920–1930-е годы. Это позволит создать более полную картину истории становления украинского национального самосознания, формирования украинской национальной общности и появления на свет «Украины» как национально-политического феномена.

Что такое украинское национальное движение? Существовало ли оно в указанный период, а если существовало, то в каких формах? Какие цели и задачи оно перед собой ставило и чем они были обусловлены? Какова степень его воздействия на те или

инные классы и социальные группы, насколько среди них была популярна украинская идеология, а также распространены украинская национальная идентичность и самосознание? Какие организационные формы принимало движение? Каковы его особенности и специфика, обусловленные советской действительностью? Какова его судьба? Эти и другие вопросы встают перед исследователем при обращении к проблеме.

Конечно, данная работа не претендует на полное освещение проблем формирования украинской нации и истории украинского национального движения. Эта тема настолько обширна и многогранна, что заслуживает дальнейшего изучения. При этом внимание историков может быть сосредоточено и на изучении движения как такового, и на отдельных его сторонах: деятельности политических партий, общественных организаций, церкви, развитии национальной культуры, истории высшей и общеобразовательной школы, органов власти и т.д. У обоих подходов есть свои плюсы и минусы, сильные и слабые стороны. В данном исследовании был избран первый подход, подразумевающий общий взгляд на движение как на некую целостность. При таком подходе не все частные вопросы могут быть освещены достаточно полно и в равной степени и могут остаться за рамками исследования. Внимание было сосредоточено лишь на отдельных, наиболее крупных и главных его сегментах. Свою роль сыграла новизна тематики и подходов к ней. Дальнейшее изучение данной области позволит восполнить возможные недоработки и упущения, которые неизбежны при изучении любой новой проблемы.

История украинского национального движения в границах СССР доведена до 1939 г., т.е. до присоединения Западной Украины. История восточных и западных регионов современной Украины, несколько сот лет находившихся в составе разных государств, сильно отличается по своему характеру, внутренней логике и проявлениям. Политические режимы СССР и межвоенной Польши также весьма непохожи друг на друга. Соответственно, совершенно различными были и судьбы украинского национального движения в СССР и на Западной Украине. Поэтому имеет смысл вынести за скобки деятельность националистов вне территории Советской Украины, а также процессы, протекавшие в среде украинской эмиграции. Естественно, при более глубоком и всестороннем подходе к этой безграничной теме, было бы весьма желательным осуществить комплексное исследование, которое включало бы в себя изучение истории национального движения в Галиции, Подкарпатской Руси (Закарпатье) и на Буковине, в украинской эмиграции, и их взаимодействия на идейном и организа-

ционном уровне с национальным движением в УССР. Но это – тема последующих работ в данной области.

Выбор 1939 г. как верхнего хронологического рубежа очевиден – это начало Второй мировой войны, коренным образом изменившей историю человечества; это присоединение к УССР Западной Украины. Хотя нижняя граница принципиальной роли не играет, она требует некоторых пояснений. Конечно, ее можно специально не оговаривать, представив в виде переходного периода (таковой характер она и имела). Все же посмотрим, с чего можно вести отсчет «1920-х».

Привычным рубежом мог бы стать 1920 или 1921 год, т.е. окончание Гражданской войны и начало перехода к мирному времени. Однако нужно отметить, что единого мнения о сроках окончания Гражданской войны на Украине нет. Отсчет можно вести от завершения боевых действий против польских интервентов или разгрома белой армии генерала П.Н. Врангеля осенью 1920 г.; от момента заключения в марте 1921 г. Рижского мира между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей – с другой. За точку отсчета окончания Гражданской войны по всей стране можно принять X съезд РКП(б) (март 1921 г.), подведший зримую черту под военным временем и политикой, проводимой партией большевиков в этот период. Однако результаты этого курса стали заметны не сразу, да и обстановка на Украине была далека от мирной. Завершение военных действий можно также датировать разгромом отрядов петлюровского атамана Ю. Тютюнника, вторгшихся на территорию УССР в ноябре 1921 г., или ликвидацией повстанческой армии Н.И. Махно. Но при этом нельзя забывать, что вооруженная борьба на Украине не прекращалась: не был полностью уничтожен и на протяжении еще нескольких лет процветал бандитизм. А поскольку не последнюю роль в нашем исследовании отводится изучению состояния народных масс, то искусственно разделять повстанчество и бандитизм, скажем, 1921 и 1922–1923 гг. было бы нежелательно, да и весьма проблематично. Таким образом, процессы, имевшие место в начале 1920-х годов, были неотделимы от предшествующих событий времен революции и Гражданской войны. Этим и продиктовано отсутствие четко очерченной нижней границы исследования.

В качестве условной даты может быть выбран 1922 год, когда произошло образование СССР, изменившее политическую обстановку на территории бывшей Российской империи. И хотя шедшие в обществе процессы в связи с этим событием не претерпели коренного изменения, власть и политика, которую та проводила,

остались прежними, тем не менее, 1922 год стал определенным знаковым рубежом. Образование на месте осколков старой России союзного государства придало юридическое оформление взаимоотношениям между руководством украинской республики и московским центром, определило их полномочия и в известной степени сняло возникавшее время от времени между ними напряжение. Вместе с тем тогда же были заложены семена будущих спорных моментов как между республиканским и центральным руководством, так и внутри самой украинской партийно-республиканской верхушки, которые заключались в соответствии или же несоответствии (в зависимости от позиций и взглядов наблюдателя) проводившейся политики тем принципам, на которых было основано новое государственное образование.

Все эти процессы оказали большое влияние на украинское национальное движение и близкие к нему течения в коммунистической партии, которые были, по сути, его идейными разновидностями. Кроме того, образование весьма необычного по своей организации союзного государства стало в то время (помимо реализации планов всемирной революции и организации мировой республики Советов) ответом на деятельность национальных движений, в частности украинского, символизируя определенный компромисс между центристскими и центробежными тенденциями на одной шестой части суши. Таким образом, 1922 год может считаться хотя и условным, но все же рубежом, с которого начался новый период в развитии нашей страны. Конечно, начинать отсчет с 1922 г., без анализа предшествующего развития движения, невозможно. Поэтому там, где это необходимо (например, при рассмотрении вопросов, касающихся повстанчества или связанных с уровнем развития национального сознания крестьянства), нижняя хронологическая граница будет сделана прозрачной.

Рассматриваемый период, в свою очередь, можно подразделить на два временных отрезка. Дело в том, что процессы, протекавшие в 1920 и 1930-е годы, по своему содержанию и своей внутренней логике диаметрально противоположны. 1920-е годы были временем выхода СССР из затяжных войн и разрухи, временем восстановления хозяйства и создания нового союзного государства, временем укрепления позиций большевиков. В области национальных отношений это десятилетие ознаменовалось «заигрыванием» коммунистов с национальными движениями, поддержкой из тактических соображений их целей и постепенным перехватыванием у них инициативы в руководстве национальным строительством.

1930-е годы стали прямой противоположностью предыдущему десятилетию. Переход к форсированной социалистической модернизации экономики и социальной структуры общества не мог не затронуть и национальную сферу. Прежний курс на развитие «ранее угнетенных» (как в то время официально провозглашалось) народов за счет русских и за счет интересов единого государства, выражением чего, в частности, являлось терпимое отношение к национальным движениям, был заметно скорректирован и заменен идеологией советского патриотизма. Это не означало прекращения помощи национальным республикам, но их население уже не именовалось «ранее угнетенным», а их национальное развитие уже не осуществлялось только за счет РСФСР. Принятие руководством страны на вооружение модернизационной идеологии советского патриотизма означало переход к развитию СССР как единого социально-политического организма и формированию в нем новой надэтнической национальной общности – советского народа, а также отказ от той политики по отношению к национальным движениям, которая проводилась в прежнее десятилетие. Последние были ликвидированы не только на уровне движений или идейных течений, но и на личностном уровне. Перипетии этих двух разных, но взаимосвязанных и взаимообусловленных этапов отразились на судьбе украинского национального движения самым непосредственным образом.

К вопросу о национальном движении. Но что же такое национальное движение? Каковы его функции? Какой смысл мы вкладываем в понятия *национальное строительство* и *формирование национальной общности*? На этих вопросах необходимо остановиться подробнее, раскрыть их, не вдаваясь, однако, в теоретические тонкости. Они рано или поздно заканчиваются риторическими вопросами: что такое нация, чем она отличается от этноса; является она феноменом этническим, политическим или культурным; а также что такое национализм, национальное самосознание и прочие категории, так или иначе связанные с проблемами осмысления нации. Все эти вопросы выходят за рамки настоящего исследования. Здесь же следует хотя бы вкратце обрисовать методологические подходы к указанным проблемам.

Концепций и теорий нации и национализма, пожалуй, столько же, сколько и авторов этих концепций, и единого мнения о сущности этих феноменов, по сути, нет. Также нет и единой точки зрения, что такое *украинская нация* и что она собой представляет⁵. Более того, создание универсальной теории национализма представляется невозможным, ибо свести все многообразие чело-

вечества к неким единым для всех лекалам весьма затруднительно. Впрочем, нации и национализмы в этом «не виноваты»: не меньшие трудности возникают и при попытке создать некие единые стандарты социально-экономического развития разных обществ. И, наконец, надо помнить, что все систематизирующие построения – это в известной мере абстракции, результат работы человеческого разума. Выдающийся русский химик академик А.М. Бутлеров, создавший и обосновавший теорию химического строения, повторял, что как бы ни была совершенна теория – она только приближение к истине. Если сказанное применимо к естественным и точным наукам, то познание общества – сложной и тонкой системы, материальность которой отличается от материального в привычном понимании этого слова, и тем более его прошлого, оказывается задачей еще более трудной.

Мир нельзя *познать*. Его можно *познавать*, изучать, бесконечно приближаться к истине. Как в действительности складывались нации, что послужило толчком к их формированию, какие факторы стали при этом решающими? Что вообще является движущей силой общества, что наполняет его Жизнью? Как национальные ценности, категории нации, стали основополагающими ценностями второй половины XIX–XX вв. и даже современности, общественно принятыми, объясняющими и активно творящими мир? Со стопроцентной уверенностью этого сказать не может никто. Остаются анализ фактического материала, построение теоретических схем, бесконечное приближение к истине. Все это, без сомнения, затрудняет подход к исследованию конкретных вопросов, имеющих выход на теоретические аспекты, так или иначе связанные с проблемами нации и национализма. Но это не значит, что надо отказаться от попыток понять и объяснить пути общественного развития. Ведь жизнь как раз и состоит в движении, в вечном приближении.

Существует два основных подхода к феномену нации. Первый, примордиалистский, или этногенетический, основан на положении, согласно которому нация в форме этноса и народа существует во все времена. Она не остается в одинаковом состоянии и проходит различные этапы своего развития. Так как в основе ее лежит этническое общество, обладающее набором специфических черт, то и развитие нации происходит не «с нуля», а состоит в последовательной смене стадий развития этноса в народ и нацию⁶. Приверженцы этого подхода, перенося его на украинскую почву, утверждают, что украинцы существовали с древних времен. Уже в Киевской Руси была создана украинская этнокультурная или даже этнополитическая общность. Попытки

этой национальной общности перераста в национально-государственную (Запорожская Сечь, княжество Русское, создание которого предполагалось по Зборовскому договору 1649 г.) были предприняты в XVI–XVII вв. После того как эти попытки окончились неудачей, данная общность продолжала существовать в латентном состоянии, находясь в составе Российской и Австрийской империй. В XIX в. она пережила период национального возрождения и приобрела черты современной украинской нации. Затем национальная общность снова вступила в борьбу за национально-государственный статус. В советское время она существовала уже в полулатентном виде (ведь и украинская нация, и украинская государственность были общепризнаны и зафиксированы), а на рубеже 1980–1990-х годов снова претерпела возрождение и добилась-таки действительного превращения в национально-государственную общность.

Данный подход (конечно, не такой схематичный и более вариативный) является преобладающим в современной украинской исторической науке и обществоведении⁷. Он имеет как сильные, так и слабые стороны, но главное, страдает прямолинейностью и ограниченностью, препятствующими пониманию истории во всей ее полноте и многогранности. Оставив в стороне критику этого подхода, заметим, что согласно ему украинская нация возникла именно потому, что должна была возникнуть, а формирование нации предстает в виде процесса, генетически запрограммированного заранее и развивающегося вопреки всем преградам только благодаря самому факту существования этноса⁸.

Есть и другой, конструктивистский, подход к проблеме. Он заключается в точке зрения на нацию как на продукт современной индустриальной эпохи⁹. Согласно этому подходу, нижняя хронологическая граница сложения наций отодвигается к концу XVIII – началу XIX в., т.е. к началу эпохи капиталистических отношений, менявших базис общества и его структуру, и ко времени Французской революции, секуляризовавшей человеческое сознание и выдвинувшей идею народного суверенитета и формально-правовую теорию национального государства. Главные отличия национальных общностей от донациональных состоят в общественных связях, изменившихся под воздействием нового способа производства. Так, известный специалист в данной области, австрийский историк А. Каппелер к чертам обществ нового типа относит их массовый характер, связанный с участием широких масс населения в политике. Такие коллективы формируются «по вертикали», что делает их социально мобильными, в отличие от донациональных сословных обществ, организованных «по

горизонтали». Капеллер также подчеркивает, что в национальных сообществах национальная идея приобретает значение важнейшей составляющей государственных (и иных) идеологий и общественного сознания, оттесняя или отменяя такие ранее господствовавшие формы, как религиозное, сословное, династическое, территориальное сознание¹⁰.

Такие особенности приобретаются только в условиях индустриального хозяйства, урбанизационного перехода от общества сельского к обществу городскому, развития народного образования, средств сообщения и связи, иных коммуникативных возможностей. С одной стороны, эти факторы являются двигателями общественного переустройства, а с другой – следствиями и признаками этой трансформации, создающей новые способы видения окружающего мира. Порождением эпохи Просвещения и рационалистической революции (как предтечи и неперемкнутого условия социально-экономических изменений внутри европейских стран) стал отказ Западной (особенно протестантской) Европы от религиозно-христианского миропонимания и миротолкования. Иными словами, отказ от сознания, что мир является Богосозданным и развивается по неведомому для человеческого разума, но открытому для понимания через веру Божественному Замыслу и Провидению. Новый способ миротолкования был антропоцентричным: творцом вместо Бога оказывался человек, который и становился центром нерелигиозной картины мира. Отказ от христианского мировоззрения потребовал создания нового социокультурного пространства, утверждения иных ценностей, которые придали бы легитимность общественному развитию и служили ему философией. Одним из таковых стал националистический дискурс.

Несомненно, что на западе Европы социально-экономические и идеологические перемены начались и осуществились раньше, чем на востоке и в Российской империи, где промышленная революция произошла позже. Но проникновение рожденных на Западе теорий и способа мышления категориями национального на просторы Восточной Европы, в том числе в малороссийские губернии России, началось несколько раньше, чем там сложились социально-экономические условия для становления национальных коллективов. Впрочем, реальную возможность влиять на широкие массы населения эти теории получили лишь тогда, когда в обществе началась структурная перестройка. Именно тогда национальные формы мышления стали реальностью, до тех пор оставаясь идейными течениями, к тому же весьма узкими и маргинальными.

Конструктивистский подход подразумевает, что национальная идентичность, национальные черты – плод более высокого и сложного уровня развития общественного сознания. Они не бывают врожденными, изначально данными признаками этнического коллектива, а приобретаются с течением времени и под воздействием определенных объективных и субъективных факторов. По словам британского исследователя Э. Геллнера, «нации являются созданием человеческих убеждений, верности и солидарности», причем «национализм не есть пробуждение наций к самосознанию: он изобретает нации там, где их не существует»¹¹. Хотя точнее (и сам Геллнер, кстати, именно это имеет в виду) говорить так: *еще* не существует и именно в виде *таковой*. Более мягко тот же принцип: «нации делает человек», толкуют другие националисты. Так, американский ученый Б. Андерсон считает нацию воображаемым сообществом, т.е. таким, члены которого не знают и не могут знать лично или понаслышке большинство других его членов, однако имеют представление о таком сообществе и его образе¹². Иными словами, нация может быть воображена (ее образ будет сформирован), а затем она развивается – модулируется, видоизменяется, приспособливается к меняющимся условиям и отвечает на вызовы времени.

По-новому взглянуть на ход формирования национальных коллективов позволяет синергетический подход к истории. В основе его лежит представление о нелинейности, неустойчивости, непредопределенности и альтернативности развития. Этот подход позволяет не обходить молчанием, а, наоборот, учитывать и оценивать влияние на ход того или иного процесса множества различных случайностей, воздействий, кризисных и переломных моментов, открывающих возможность для качественного изменения этого процесса и использования иных, альтернативных путей его развития. Иными словами, синергетический подход предполагает отношение к историческому процессу как к многовариантному и непредопределенному.

На основании конструктивистского и синергетического подходов, а также анализа фактического материала (в конкретном случае украинского), можно прийти к следующему заключению. Становление национальной общности не является линейным и внутренне predetermined, а потому безальтернативным развитием (наподобие, скажем, превращения личинки в куколку, а куколки в бабочку). Оно предстает в виде нациотворения, строительства нации – непредопределенного процесса создания у данного этнического коллектива специфических черт и национальных признаков, осознаваемых его членами в качестве неких сим-

волических ценностей, и выработки на их основе национальной идентичности и самосознания. Поскольку облик будущей национальной общности не предопределен внутренней логикой развития этого коллектива, которому еще только предстоит превратиться в нее, не предопределенным является и сам конечный результат этого процесса. Образно говоря, личинка необязательно должна стать куколкой, но, даже став ей, может превратиться в какой-нибудь другой вид бабочки¹³. Следовательно, усилия по утверждению того или иного варианта национальной идентичности могут увенчаться как успехом, так и неудачей (естественно, с точки зрения участников национального движения), причем даже в случае «удачного» завершения национального строительства его конечный результат может отличаться от того идеального образа, который имелся изначально.

Таким образом, можно предложить следующую формулировку: *нациостроительство – это совокупность культурных, политических, психологических процессов, направленных на выработку специфических национальных черт и признаков, присущих национальной общности – человеческому коллективу, находящемуся на определенной социально-экономической и политической ступени развития, и преобразование данного коллектива в соответствии с выработанным национальным типом.*

Нациостроительство не идет само по себе. Его берет на себя национальное движение. Оно является формой, в которой осуществляются процессы нациостроительства, способом существования и жизнедеятельности этой совокупности процессов. Известно, что историю делают люди и без них нет истории. Поэтому национальное движение (как и любые другие движения) – это, прежде всего, какое-то число единомышленников, людей, разделяющих определенные ценности и убеждения, верующих в них и в свое дело. Но при исследовании исторического процесса, при изучении человеческого общества исследователь вынужден прибегать к обобщениям и систематизации. Так на свет появляются семьи, роды, племена, классы, социальные группы, профессиональные коллективы, партии, движения, нации и прочие единицы систематизации, созданные умозрительно, но имеющие под собой вполне определенные материальные основания. При этом «пропадают» люди – непосредственные участники и творцы истории, но зато открываются более широкие возможности для анализа и обобщений. Такой подход применим и к национальным движениям.

Конечно, объектом любого исследования являются люди, в данном случае – адепты движения, но все вместе, на сознательном

и подсознательном уровне объединенные общей целью и верой, единым способом видения мира, они представляют собой некую целостность, систему, единство противоположностей, форму социального движения материи, «ответственную» за развитие процессов формирования национальной общности и служащую той средой, где эти процессы развиваются.

Национальное движение – процесс не линейный и не единонаправленный. Сравнить его можно с уличным движением, где все его участники – пешеходы или транспортные средства – действуют самостоятельно, движутся по своим делам, преследуют свои цели и задачи, но при этом все вместе являются составными частями одного общего процесса, подчиняются его законам и действуют в одном направлении, сознательно или неосознанно выполняя главную задачу движения – перевозку грузов и пассажиров. Аналогичная ситуация и с движением национальным. Это упорядоченная сумма разнонаправленных составляющих. При таком подходе, когда национальное движение рассматривается именно как система, как форма воплощения нациотворческих процессов (и, естественно, не забывается, что за ней стоят конкретные люди), открываются широкие возможности для изучения истории Украины.

Сформулируем это более сжато. Итак, *национальное движение – это многовекторная деятельность групп людей, вместе представляющих сложную систему, ответственную за осуществление процессов формирования нации, и служащую средой, в которой эти процессы нациотворчества развиваются.*

Такова основная цель национального движения. Все прочие, более конкретные (в сфере ли культуры, политики, образования и т.д.) – лишь частные ее проявления. Как любая система, национальное движение включает направления, которые выполняют свои задачи, развиваются и действуют независимо друг от друга, а порой и конкурируя друг с другом, как, например, конкурируют друг с другом политические партии. Но при этом, сознательно или неосознанно, они являются частями единого процесса, направленного на формирование и развитие национальной идентичности и становление национальной общности. Скажем, можно выделить светское и церковное (церковные организации) крыло национального движения. Первое включает различные области общественной деятельности, например науку, прежде всего гуманитарные дисциплины, ответственные за создание теоретических и идеологических учений (история, философия и т.д.). К нему относится система образования, а также культура: литература, музыка и в меньшей степени, живопись и скульпп-

тура (так как последние не обладают такой силой общественно-го и эмоционального воздействия, какая присуща художественному слову и музыкальному произведению). Направления, в свою очередь, подразделяются на более мелкие сегменты. Например, в области науки – научные общества, институты, кафедры, клубы, вокруг которых группируются adeпты национально-го движения и через которые они ведут свою работу. В сфере культуры такими сегментами являются творческие союзы и группы, литературные объединения и т.п.

Национальное движение может быть структурировано в общества и организации, в нашем случае, например, в церковные структуры или культурно-просветительские общества, а может и не иметь собственных организационных форм и действовать через структуры, которые не являются плодом усилий этого движения (скажем, государственные школы и прочие учебные заведения, научные учреждения). Национальное движение может развиваться и действовать вокруг учреждений культуры – литературных обществ, творческих союзов и иных организаций, а может иметь свои сценические, хоровые, художественные коллективы, образованные ради развития и пропаганды «национальной» культуры. Национальное движение может иметь четкое политическое оформление, не в смысле выдвигаемых требований, а в смысле структурированности в политические организации – партии, а может и не иметь его, оставаясь на уровне идей и настроений определенных кругов общества.

Aдепты национального движения могут придерживаться каких угодно политических взглядов, разделять любые системы ценностей, от консервативных до либеральных и социалистических. Общей платформой для них является отношение к национальному фактору (который лежит в иной плоскости, нежели социальный, экономический и политический) как к жизнеопределяющему. Различия в подходе к общественному устройству не мешают этим людям считаться националистами и быть ими. Здесь под националистами понимаются такие люди, которые принимают, а также стараются интерпретировать категории национальных интересов и нации как символические ценности. Для них *национальное* является первоочередным и главным, определяющим и направляющим их мировоззрение и социальное поведение, хотя, в то же время, их понимание конкретного выражения этого *национального* может различаться. Надо сказать, что данный подход – новый для российской общественности, относящейся к национализму подсознательно настроенно и воспринимающей его в публицистических и идеологическо-оценочных категориях¹⁴.

За годы своей монополии коммунистическая идеология утвердилась в общественном сознании штамп о несовместимости национализма и социализма (вернее, коммунизма), связывая последний лишь с интернационализмом. Не вдаваясь в тот смысл, который вкладывался в эти понятия, заметим, что данный штамп был не более чем отголоском идейно-политической борьбы большевиков за утверждение своего подхода к пониманию национального и социально-политического устройства общества, а также его практического воплощения. История, и в том числе отечественная, свидетельствует, что национализм и социализм/коммунизм нередко выступали вместе, а то и сливались. Особенно ярко это было видно на примере национальных республик и в том числе Украины, где наблюдался такой феномен, как «национал-коммунизм», имевший тенденцию превратиться в антитезу «интернационального коммунизма», под которым националисты, а часто и «национал-коммунисты», понимали российский великодержавный национализм. Просто люди, разделявшие левые и даже коммунистические взгляды и считавшие себя коммунистами, мыслили национальными категориями и видели в них некие символические ценности. На практике это становилось заметно хотя бы потому, что, называя себя коммунистами, они непременно добавляли прилагательное – украинский, грузинский и т.д. Поэтому левореволюционное движение или коммунистическая партия вполне могли стать и становились полем деятельности для националистически мыслящих людей, а «национал-коммунизм» вполне можно считать одной из составляющих национального движения.

Но все сказанное выше о структуре национального движения относится, прежде всего, к украинскому движению и не является какой-то характеристикой для прочих движений, например, славянских народов Европы. Напротив, последние невозможно представить без четкой организации в общества и партии, которые были показателем политической зрелости движения и знаменовали наступление очередного этапа в его жизни¹⁵. Однако реалии России, а затем СССР, в которых приходилось действовать украинскому движению, а главное, особенности самого движения придавали ему неповторимую специфику. Поэтому отсутствие каких-то составляющих элементов или неполная структурированность для украинского национального движения не является чем-то необычным. Становление каждого национального коллектива – явление неповторимое, имеющее сходство с аналогичными процессами у других народов лишь в основополагающих принципах своего развития. Объединяет все секторы, направления, сегменты национального движения, придает им общий фунда-

мент и вектор развития и, собственно, делает их таковым национальный фактор, который для участников движения является символической ценностью, определяющей и мотивирующей их сознание и поведение.

Общепринятой является подтвержденная фактическим материалом точка зрения, что у истока национальных движений стоят небольшие группы активистов – их идеологи и организаторы. Они могут стать культурной и политической элитой общества, но лишь в том случае, если это общество будет ими создано. Кроме того, за этот довольно продолжительный период может смениться несколько поколений адептов движения. В момент же становления национального движения, с точки зрения того коллектива, в котором оно начало свою деятельность, участники движения являются маргинальной группой. Роль адептов движения состоит в том, что они вырабатывают умозрительные черты будущего национального коллектива, его идеальный образ, который можно условно назвать *национальным фантомом*. Они конструируют то пространство, которое должно соответствовать его идеальному образу (русский исследователь А.И. Миллер называет это пространство *идеальным Отечеством*). Этот идеальный, пока еще умозрительный, национальный фантом и призван стать той целью, к которой следует стремиться и в соответствии с которой вырабатывать реальные отличительные особенности этого коллектива, формировать его национальную идентичность и утверждать национальное самосознание. Между тем моментом, когда образ национального фантома возникает, и тем моментом, когда соответствующая ему национальная идентичность получает осязаемое оформление и проникает в сознание большинства членов этого сообщества, проходит значительное время, в которое и осуществляется многовариантный и непредопределенный процесс национального строительства. Иными словами, его можно сравнить с реализацией того или иного проекта национального сообщества.

В мире вообще и человеческом обществе в частности нет ничего постоянного, ничего окончательно определенного. Жизнь – это развитие, постоянное изменение, преобразование. Нации не составляют исключения. Это живая материя, отражение бытия и продукт общественного сознания. Нация находится в движении и развивается, она существует, пока в ее членах поддерживается живой огонь сознания ее реальности, сознания своей причастности с ней, нераздельности своей судьбы с ее судьбой. И все же говорить, что нация *создана* и стала *реальностью*, можно. *Она может считаться таковой, когда ее образ, черты станут*

символическими ценностями для всего или для большей части данного коллектива, когда его члены будут позиционировать себя в окружающем мире исходя из сознания своей принадлежности к ней. Ее реальность не только объективна, но и субъективна и заключается еще и в том, насколько конечный результат соответствует идеальному образу нации и насколько ее строители считают этот результат соответствующим изначальному идеалу.

Следует пояснить, что в данном случае понимается под проектами национального строительства. Это создание группой интеллектуалов умозрительной конструкции национальной общности – национального фантома, и «привязка» его к конкретным условиям – субъективным факторам: этническим, культурным, социальным, экономическим особенностям того населения, у которого предполагается сформировать определенную национальную идентичность¹⁶. Этим условиям надлежит стать «плотью» для умозрительных национальных фантомов и превратить их в живые национальные организмы.

Указанные факторы часто называют объективными признаками национальной общности. И действительно, и язык, и территория, и социокультурный, психологический тип, и хозяйственные особенности (общность экономической жизни), взятые как признак, являются чертами данного коллектива, делают его отличным от других¹⁷. Но в то же время ни один из этих «объективных» признаков, ни даже все они вместе, сами по себе не играют решающей роли в становлении национальной идентичности. Язык, этническое происхождение, вероисповедание, культура и территория становятся действительно объективными признаками данной общности лишь тогда, когда в сознании отдельного человека, в сознании групп населения и общества в целом превращаются в субъективные символические ценности¹⁸. Когда, скажем, украинский язык представляется чем-то большим, нежели средством коммуникации; борщ и сало воспринимаются не как еда, а как ценностные атрибуты определенной общности; а гопак рассматривается не как народный танец, а как некая национальная философия, заключенная в символический набор телодвижений и жестов, причем философия боевая, направленная на борьбу с внешним (инонациональным) врагом. О том, как культура может стать такой ценностью и превратиться в объективный признак, наглядно демонстрирует судьба поэзии Т. Шевченко и культ самого поэта. Таким образом, «объективные» признаки становятся таковыми в ходе их трансформации в символические ценности, т.е. в процессе формирования национальной идентичности.

Поскольку преобразование этнических коллективов было характерно для всех европейских стран, нациотворение той или иной общности реализовывалось в тесном взаимо- и противодействии с другими проектами, которые, в свою очередь, стремились утвердить среди того же населения свои ценности и свою национальную идентичность¹⁹. В случае с национальным развитием «Украины» альтернативой украинскому выступали проект *Большой русской нации* и польский проект. Оба проекта подразумевали включение в развитие собственной национальной идентичности того восточнославянского населения, которое сторонниками украинского проекта трактовалось как украинское, русского – как малоросское, а польского – как русинское. Борьба велась за население и территории, на которых это население проживало. Наиболее яркий пример – столкновение русского и украинского проектов, претендовавших (и продолжающих претендовать) на одно и то же население и территорию, на одни и те же святыни, на одно и то же прошлое, и, естественно, взаимно отрицающих друг друга и альтернативную идентичность для «подконтрольного» населения.

О проектах нациотворения речь еще будет идти. Здесь же, для лучшего понимания состояния общества и стоящих перед украинским движением задач, стоит привести еще одну модернистскую версию украинского нациогенеза, предложенную американским исследователем украинского происхождения Р. Шпорлюком. Он исходит из тех позиций, что Украина была «окрайной» России и Польши. Когда под влиянием индустриально-капиталистической модернизации начинается трансформация русского и польского обществ в общества современного типа, в которых национальная идентификация и идеология стали приобретать ведущее значение, украинцы оказались в непрестом положении. Дилемма состояла в том, станут ли они из «полуфабриката» и «окраинного общества» частью русской или польской наций (к тому времени для российской Украины актуальность сохранял лишь общерусский вариант), или сами превратятся в особую, такую же современную нацию. И далее Р. Шпорлюк указывает, что в силу определенных традиций (культурных, исторических, государственных) и стремления «украинцев» непосредственно войти в мировое сообщество был выбран второй путь и начато создание «Украины» как особого национально-культурного и политического сообщества. Этот же процесс означал отказ от иной идентичности и удар по русскому и польскому проектам²⁰.

Подход Р. Шпорлюка к проблеме появления «Украины» как национального организма заслуживает внимания, но после того

как будет пересмотрена его основная посылка, а именно: положение о наличии «украинцев». Такая посылка является широко распространенной, причем не только среди сторонников этногенетического подхода. Это считается как бы само собой разумеющимся, поэтому стереотипы мышления ведут и к одинаковым выводам. Но вот существовал ли «украинский народ» как некий вполне оформленный самодостаточный организм, осознающий себя таковым? Факты свидетельствуют об обратном.

Было бы некорректно утверждать, что украинцы оказались перед каким-то выбором. Перед выбором оказались деятели национального движения. Ведь «украинцев» еще предстояло создать, еще предстояло внушить населению Малороссии, Новороссии, Волыни, Подолья, Слобожанщины, Приазовья украинское национальное сознание, распространить украинскую идентичность. Можно сказать, что национальную идентификацию пришлось выбирать именно тем группам образованного малороссийского общества (и в том числе самим активистам национального движения), которые были готовы к восприятию такого рода вопросов. *Украинский проект* (термин, кстати, был введен в употребление Р. Шпорлюком) не был ответом малороссийского общества на дилемму, которую во второй половине XIX в. поставило перед ним общественно-политическое и социально-экономическое развитие Европы и Российской империи. *Он был лишь одним из нескольких возможных вариантов его трансформации и ему только предстояло утвердиться в качестве такового.* В отличие от позднейших историков деятели украинского движения вполне отдавали себе отчет, что «украинцев» как нации нет и их только предстоит создать. Именно так, как целенаправленное распространение малочисленными группами «украинцев» национальной украинской идентичности на широкие этнографические массы и превращение этих масс из «малороссов» и «русинов» в украинскую нацию, излагал суть украинского движения его виднейший деятель и руководитель М.С. Грушевский²¹.

Вкратце ознакомимся с тем, что представляли собой эти проекты. Согласно польскому проекту, идеальным отечеством поляков была Польша в границах 1772 г. В этих же границах виделась и польская нация, которая включала бы три «братских» народа: собственно поляков, русинов (в современной терминологии – украинцев) и литвинов (белорусов). При этом не учитывалось, что поляки – народ западнославянский, не имеющий с остальными «братьями» близкородственных культурных связей. Да и их отношения были далеки от «братских» (что отразилось в народной памяти).

Если об украинском проекте еще пойдет речь, то содержание общерусского проекта стоит пояснить. Не вдаваясь глубоко в проблематику нациогенеза русских (хотя она весьма интересна, но при том слабоизучена(!), и, к тому же, имеет непосредственное отношение к украинскому нациогенезу), укажем лишь на следующие моменты. Вхождение в середине XVII в. части южнорусских земель (Левобережья с Киевом) в состав Российского государства имело огромное значение и для малороссов, и для великороссов. Оказало оно влияние и на дальнейшую судьбу самой России. Народное восстание, возглавленное Богданом Хмельницким, и Переяславская Рада, открывшая собой воссоединение обеих частей Руси и интеграцию Малороссии в состав России, стали настоящей точкой бифуркации. Иными словами, точкой ветвления исторического процесса, в которой накопившиеся качественные изменения ситуации переламаывают прежний ход развития (в данном случае и западнорусских земель, и России, и Польши, и Турции с Крымом), направляя его в новое эволюционное русло.

Не будет преувеличением сказать, что становление России как империи и последующее превращение в сверхдержаву явилось результатом совместного труда великороссов и малороссов, их совместным детищем. Точно так же, как и культура XVIII–XIX вв. (и XX тоже), которую мы сейчас называем русской, не была «русской» в современном понимании этого слова, а была плодом творчества Великой, Малой и Белой Руси. В русском общественном сознании «русскость» чаще всего рассматривалась как нечто более широкое, чем «великорусскость». Она распространялась на малороссов и белорусов, т.е. на то русское (восточнославянское) православное население, которое имело общие этнические и культурные корни и составляло ядро русского идеального Отечества, в границы которого входила территория всей Древней Руси. И велико-, и мало-, и бело- и карпаторуссы (жители Восточных Карпат) считались *русскими*, неразрывными частями единой большой общности. Естественно, ни о какой дискриминации на личностном уровне мало- и белорусов не было и речи: представителям этих народностей был открыт доступ ко всем карьерным возможностям, вплоть до самых высших постов в государстве. При этом им не приходилось ломать себя, переходя в совершенно иную общность и навсегда порывая с «отеческими гробами», как это приходилось делать малоруссам при интеграции в польское государство и общество.

Было бы неверно полагать, что триединая русская нация существовала в виде устоявшегося современного организма. Она еще оставалась на уровне проекта и так же, как и украинская, яв-

лялась одним из возможных вариантов национальной трансформации российского (и малороссийского) общества. И этот проект тоже нуждался в претворении в жизнь, т.е. подразумевал интеграцию нескольких русских «племен» (по терминологии того времени) в национальную общность. Но при этом образ Большой русской нации (формировавшийся, кстати, и в Киеве, и во Львове) присутствовал в сознании подавляющей части российской и малороссийской общественности и значительной части правящих кругов, а среди простого народа – на уровне чувства общности.

Триединый русский народ составлял этнический центр Российского государства и занимал самую высокую ступеньку в этнической иерархии империи. Хотя, наверное, правильнее и логичнее будет вслед за А. Капелером сравнить эту иерархию не с лестницей, а со сферическими кругами, расходящимися от культурно-этнического ядра, которым был русский народ (великороссы, белорусы и малороссы, этнические границы между которыми были весьма нечеткими)²². При этом местные этнические и культурные отличия не воспринимались как что-то вредное и противоестественное (за исключением разве что церковной практики²³) и даже считались колоритным вариантом общей русской души. Толерантное и даже заинтересованное отношение российского общества к местной специфике (немыслимое, скажем, во Франции), совсем не подразумевало ликвидацию местной малорусской идентичности. Но такое отношение сохранялось лишь при условии, когда эти отличия не превращались в слагаемые этнического фундамента для конструирования новых национальных общностей, отрицающих общерусскую идентичность и потому вступающих с ней в непримиримую борьбу.

Неприятие украинского национального движения было вызвано опасением разложения русского идеального Отечества, за которым ясно виделось и разложение Отечества вполне реального, политического. Как совершенно справедливо замечает А.И. Миллер, восприятие русским общественным мнением украинского (и белорусского) национального движения в корне отличалось от восприятия других национальных движений в империи. Дело в том, что борьба с ним означала не только борьбу за сохранение государственного единства страны, но и непосредственно касалась еще и вопроса о целостности русского народа или о том, какие территории еще предстоит консолидировать в единую русскую нацию²⁴. Разложение этой целостности имело бы гораздо более серьезные последствия, и прежде всего для единства страны, поскольку непременно поставило бы под сомнение и его. Если сравнить отношение к украинству российской общественно-

сти и ту государственную политику, которая проводилась в отношении него, с его целями и деятельностью, то нетрудно заметить, что они все же далеко не соответствовали той опасности, которую украинский проект представлял для национального и государственного единства Российской империи.

Не будем останавливаться на ходе противоборства украинского и русского проектов. Отметим только, что в силу ряда причин (см. наст. изд. с. 101–106), проект, основанный на великорусском, малорусском и белорусском этническом компонентах триединой русской нации, не был реализован в том объеме, который позволял бы говорить о существовании таковой как нации современного типа²⁵. Одновременно с этим украинский проект сумел утвердиться и достичь определенных результатов. В начале XX в. взгляд на проблему, признающий особую украинскую идентичность, становится в России все более распространенным, особенно среди либерально настроенной интеллигенции. Признавая очевидность этого, хочется в то же время остановиться на ряде моментов, которые имеют к нашему исследованию непосредственное отношение и которые до настоящего времени не получили должного внимания.

Несомненно, что к началу XX в. и, особенно к 1917 г., украинское движение достигло определенных результатов в деле формирования основополагающих принципов национальной идентичности и даже ее утверждения среди народных масс. Национальное самосознание малорусского населения стало формироваться в его украинском варианте. Но вот здесь и возникает вопрос: насколько же эта идентичность была выработана и оформлена идеологами и активистами украинского движения, насколько глубоко она проникла в массы народа и насколько широко охватывала ту территорию, которая входила в украинское «идеальное Отечество»?

На наш взгляд, к 1917 г. процессы строительства украинской нации были далеки от своего завершения, несмотря на то, что основной соперник украинского проекта – проект общерусской нации – сошел «с дистанции». Украинская идентичность и украинское национальное самосознание только начали проникать в массы. Строительство нации в организационно-структурном отношении тоже не было доведено до логического завершения. Не успело национальное движение и сформировать ряд общественных институтов (школу, научные учреждения и организации и т.д.), без которых национальная общность как особый организм не может существовать, не говоря уже о независимом государстве. Собственно, и вузы, и средняя школа, и церковь существовали, но они бы-

ли институтами Российской империи, проводили ее политику и отражали ее идеологию. Украинофилы имелись и там, но представляли собой небольшие группы людей «по интересам». Использовать эти структуры сторонники украинского движения могли лишь в случае полного или частичного овладения ими, или придания им своей идеологии. Был и другой путь: создание своих, параллельных структур, но таковые, как только что было сказано, отсутствовали.

Главным было то, что социальная структура российского общества и его неразрывной части – общества малороссийского – была ближе к обществам традиционным, донациональным, чем к обществам современного типа. Его превращение из аграрно-индустриального в индустриально-аграрное, а затем и в индустриальное произошло уже после революции. В советское время (в основном, конечно, в межвоенный период) изменилась социальная структура общества. Другими стали коммуникативные возможности, средства массовой информации и связи, транспорт, система образования, уровень грамотности населения, т.е. все то, что не успела обеспечить русскому национальному проекту для его утверждения дореволюционная Россия. Именно при советской власти сложились социально-экономические условия, при которых формирование национальной общности оказалось возможным. Необходимо отметить одно важное следствие этих процессов: в то время вместе с украинской советской государственностью возникает украинская партийная и государственная бюрократия, которая могла использовать и использовала национальный вопрос и украинскую идентичность для удовлетворения собственных политических амбиций.

По нашему мнению, решающим периодом в формировании у малорусского населения украинского национального самосознания и в становлении украинской нации вообще стала первая половина XX в., а особенно 1920-е и, как ни покажется странным, зная содержание этого десятилетия, 1930-е годы. Последние, быть может, имели для становления национального сознания и утверждения идентичности даже большее значение. Важнейшим рубежом, зафиксировавшим самосознание украинского населения и сложение украинской нации, стали Вторая мировая и Великая Отечественная войны.

Нельзя также забывать, что даже после того, как проект большой русской нации отошел в прошлое, украинский проект национального строительства не остался «в одиночестве». Есть все основания считать, что конкуренция этих проектов продолжилась и после, но уже в иных условиях, на основе иных субъек-

тивных факторов и на качественно новом уровне. Общим оставался лишь модернизационный вызов, вновь вставший перед страной к концу первого десятилетия советской власти. Таким образом, почва для националстроительства продолжала оставаться и в условиях Советской Украины.

Здесь надо остановиться на одном немаловажном вопросе: а имелось ли украинское национальное движение в УССР после окончания Гражданской войны? Как-то негласно утвердилось представление, что таковое существовало лишь до революции, ибо тогда оно было структурировано в политические партии, парламентские группы, общественные организации с национальной окрашенностью, имело собственную прессу и выдвигало национальные требования в политической и культурной сферах. По тем же причинам не отрицается его наличие и в межвоенной Западной Украине. А к востоку от советско-польской границы движения, якобы, как такового и не было: существовала украинская государственность со всеми присущими ей атрибутами, проводилась политика украинизации – коренизации государственного и партийного аппарата, шел процесс создания украинской интеллигенции и рабочего класса, широкую поддержку получило развитие украинской культуры, существовал однопартийный режим и т.д.

На наш взгляд, отрицать наличие украинского движения в указанный период на Советской Украине было бы безосновательным. Отчасти об этом уже говорилось. Во-первых, нация без государственности быть не может, так как нация – феномен, скорее социально-политический, нежели чисто этнический (даже в случае с более-менее моноэтническим составом населения), а вот государства без нации – явление не такое уж редкое. Как справедливо указывает М. Грох, достижение независимости и создание собственного государства не означает завершения формирования нации²⁶. Она должна еще стать ею, т.е. обладать полнотой классовой структуры, соответствующей обществу индустриального, а не традиционного типа, и достичь такого уровня, когда сознание сопричастности с судьбой данного национального коллектива войдет в сознание широких слоев населения и утвердится там в качестве символических ценностей. Отметим, утверждение этих национальных ценностей происходит тем быстрее, чем выше в обществе социальная мобильность, грамотность и т.д., которые возрастают по мере его трансформации из традиционного общества в индустриальное.

Во-вторых, советскую коммунистическую государственность многие представители украинского движения считали фальши-

вой, искусственной, не отвечающей интересам украинского народа (в том виде, как они их понимали), что вынуждало их бороться за ту форму государственности, которую они считали более подходящей для нормального развития украинцев. При этом борьба велась как силовыми, так и иными методами. В-третьих, многие цели, которые были актуальными для движения накануне и во время революции (особенно в культурно-национальной сфере), продолжали оставаться на повестке дня и после установления советской власти и перехода к восстановительному периоду. В-четвертых, политика большевиков в национальном вопросе тоже не всегда встречала поддержку со стороны деятелей движения, имевших свое видение перспектив национального развития Украины, поскольку созданный ранее движением идеальный образ украинской нации существенно корректировался всей советской действительностью, а это вызывало неприятие большинства украинских националистов.

Наконец, в УССР существовали некоторые общественные организации, партии и объединения, которые действовали в годы революции и Гражданской войны и даже задолго до них, и которые в новых условиях продолжили свою прежнюю работу. И, кроме того, на Советской Украине оставались многие активисты и участники национального движения, не собиравшиеся менять свое мировоззрение и отношение к национальным проблемам. Их многогранной деятельности во многом способствовала и политика большевиков в национальном вопросе. Все вышеизложенное позволяет предположить, что в указанный период в УССР сохранялись предпосылки, условия и возможности для деятельности украинского национального движения.

Итак, к революции 1917 г. и даже ко времени окончания Гражданской войны, украинское национальное движение не смогло полностью реализовать тот национально-политический проект, который оно воплощало в жизнь. Поэтому строительство украинской нации продолжилось на Советской Украине в условиях власти большевиков. Соответственно, никуда не исчезло и украинское национальное движение – выразитель и носитель этого процесса. Подробнее о развитии украинского движения, о его формах и методах деятельности, его сильных и слабых сторонах, и пойдет речь.

Но прежде чем приступить к непосредственному изложению означенных сюжетов, следует дать характеристику источниковой базе исследования и степени разработанности вопроса в историографии. Это позволит заинтересованному читателю глубже разобраться в специфике проблемы и способах ее решения.

Источники. Характер исследования предусматривает привлечение материалов, отражающих жизнь всех слоев украинского общества. Поэтому исключительную ценность представляют информационно-аналитические материалы спецслужб – сводки, информационные записки, которые составлялись в ГПУ–НКВД, а затем в обработанном виде поступали в ЦК КП(б)У. В них содержатся сведения о положении населения УССР, его настроениях, экономических и политических требованиях, случаях антисоветских и националистических проявлений. Эти материалы хранятся в фонде ЦК КП(б)У (Ф. 1) Центрального государственного архива общественных объединений Украины (ЦГАООУ).

В этом же фонде хранятся закрытые письма и отчеты секретарей губернских (затем, окружных) комитетов партии, поступавшие в информационный отдел ЦК и содержащие весьма важную информацию о политическом и экономическом состоянии губерний и округов УССР, настроениях различных групп населения, случаях бандитизма и фактах националистических выступлений. Там же находятся различные справки и анкеты, например, о положении украинской и русской интеллигенции, о состоянии крестьянских хозяйств, а также информационные сообщения и доклады, исходившие от партийного руководства республики в адрес высшего руководства СССР. Хранятся там и документы, касающиеся проведения политики украинизации. Следует также упомянуть протоколы заседаний, постановления и решения Политбюро ЦК КП(б)У.

Особый интерес представляют материалы весьма распространенных в 1920-е годы крестьянских, рабочих и учительских беспартийных конференций, так как эти конференции непосредственно отражают настроения широких слоев населения, их взгляды, в том числе отношение к национальным проблемам. С их помощью руководство страны стремилось выяснить настроения народных масс, узнать, чем они живут, чего желают, что их волнует. При помощи конференций большевики хотели выпустить «пар» народного недовольства, направив народную энергию в советское русло. Кроме того, они помогали создавать беспартийный актив – посредника между партией и народными массами. Хотя решения конференций не были обязательными для исполнения и никакого официального статуса не имели, руководство республики к их мнению прислушивалось и часто шло навстречу народным пожеланиям, а главное, имело возможность корректировать проводимую политику. Таким образом, использованные материалы ЦГАООУ дают возможность составить представление о состоянии населения УССР, определить наличие среди него нацио-

налистических настроений и взглядов, охарактеризовать последние, а также разобраться в приоритетах национальной политики большевиков.

Интересующие нас материалы находятся и в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины. Это фонд Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ) – Ф. 3984. В материалах фонда содержится информация о создании и деятельности УАПЦ, которая долгое время была одной из главных организационных форм украинского национального движения. Сюда относятся материалы соборов этой церкви, протоколы заседаний и совещаний ее руководящих органов, переписка ее иерархов и священнослужителей между собой и с государственными структурами, отвечавшими за контроль над деятельностью религиозных организаций.

Были использованы также документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Это интересные и информативные материалы о национальной политике на Украине, ходе украинизации, политическом состоянии населения республики, настроениях украинской общественности, их позиции по вопросу о национально-государственном развитии Украины (Ф. 81 «Л.М. Каганович»). Представляют интерес протоколы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б), на которых рассматривались украинские вопросы (Ф. 17 «ЦК КПСС»). Был использован также ряд материалов о церковном движении из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Помимо архивных материалов немалый интерес представляют опубликованные документы. Это отчеты ВУЧК–ГПУ о политическом состоянии УССР, материалы «особых папок», содержащие сведения об украинских партиях, отдельных представителях национального движения и т.д.²⁷ Необходимо упомянуть ряд сборников документов, а также издания, в которых имеются опубликованные источники. Это работы Ю. Шаповала, В. Пристайко, В. Золотарёва и Р. Подкура, посвященные деятельности советских спецслужб²⁸. Они содержат ценную информацию по истории украинского национального движения. Надо упомянуть и аналитические материалы российской полиции о деятельности украинского движения дореволюционного периода²⁹. Немало источников опубликованы в сборниках, посвященных проблемам национальных отношений и национальной политики в СССР и на Украине в XX в.³⁰ В сборниках есть статистические материалы, партийные документы о национальной политике. Многие документы содержат информацию и о деятельности национального движения.

Особо стоит отметить изданный совместно Институтом российской истории РАН и Федеральной службой безопасности Российской Федерации многотомный сборник «“Совершенно секретно”: Лубянка—Сталину о положении в стране»³¹. В него вошли раскритикованные и снабженные комментариями документы спецслужб, хранящиеся в архиве ФСБ. К ним относятся поступающие с мест в Москву информационные сводки, на основании которых для высшего руководства страны и лично И.В. Сталина составлялись доклады о внутреннем положении в СССР. Ценность этого источника заключается в уникальности информации, содержащейся в этих сводках, так как в столицу попадали уже обработанные на местах отчеты, которые включали лишь наиболее характерные и самые важные факты. Это дает возможность оценивать ситуацию в стране и определять, какие события имели общесоюзный характер, а какие были специфически украинским явлением. В силу указанных особенностей, в этих документах представлено не очень много деталей, но это компенсируется имеющимися в нашем распоряжении архивными материалами и опубликованными источниками.

Конечно, при работе с документами спецслужб необходимо помнить о некоторой доле субъективизма в подборе и подаче фактов. Это происходило хотя бы потому, что оценка текущего момента производилась с точки зрения правящей партии и государства. Другой их особенностью является то, что сотрудники органов безопасности фиксировали в первую очередь негативные явления, несущие угрозу хозяйственному и политическому положению страны. При этом многие позитивные факты и явления оставались как бы вне сферы внимания. И если забыть об этой особенности документов спецслужб, можно составить однобокую картину советской действительности. Поэтому, работая с таким ценным источником, как материалы ЧК, ГПУ, НКВД, надо всегда учитывать этот момент. При этом, им присущ очень высокий уровень информативности и глубокий, комплексный подход к проблемам, увязывающий воедино социально-экономические, национальные, политические процессы, происходившие в стране и республике и позволяющий разобраться в ситуации и поведении тех или иных классовых и общественных сил.

Стоит отметить и ряд сборников документов о церковном крыле украинского движения. Это объемная «Мартирология украинских церквей», содержащая интересные сведения по истории автокефального движения на Украине³². Говоря о церкви, нельзя не упомянуть и деяния двух соборов: Собора Русской православной церкви 1917–1918 гг. и автокефального Всеукраинского пра-

вославного собора 1921 г.³³ Из них можно почерпнуть ценные сведения о развитии автокефалистского движения, его требованиях и целях, и о том, в какой атмосфере (в том числе национальной) это движение осуществляло свою деятельность.

В эту же группу опубликованных источников можно включить программы украинских политических партий, действовавших до революции и в годы Гражданской войны³⁴. Поскольку речь зашла о партиях, нельзя не отметить еще одну группу чрезвычайно важных для изучения украинского национального движения источников, а именно: документы РКП(б)–ВКП(б) и КП(б)У. Это стенограммы партийных съездов и конференций, предоставляющие уникальную возможность окунуться в жизнь компартии Украины, узнать взгляды ее членов на проблемы развития республики, на происходящие события внутри нее, на отношения с центром³⁵. Основываясь на них, можно проследить позицию делегаций украинской партийной организации по всем ключевым вопросам жизни страны, а также выяснить наличие разных течений внутри этих делегаций. Реакция их представителей на образование СССР, на формы устройства союзного государства, на проведение национальной политики и точка зрения на национальный вопрос дает важную информацию не только о состоянии внутривнутриполитической ситуации в УССР и СССР, но и позволяет оценить остроту звучания национальной проблемы, определить наличие в республиканской парторганизации националистических настроений и сепаратистских устремлений и установить порождающие их причины.

Изучая материалы съездов и конференций, можно выяснить наличие в ее составе различных идейных течений, противоборствующих или конкурирующих групп и проследить, как отражалась внутренняя борьба на позиции партийного и республиканского руководства по тем или иным актуальным вопросам политической жизни. Помимо стенограмм съездов и конференций КП(б)У, представляют интерес стенограммы и тезисы конференций местных партийных организаций – губернских и окружных³⁶. Их информация дает немало интересных фактов о политической обстановке на Украине в начале 1920-х годов. Кроме стенограмм были использованы опубликованные резолюции и решения пленумов, съездов и конференций компартии республики³⁷.

Ценным источником, рассказывающим о формировании советской национальной политики, являются стенограммы секретного IV совещания ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в июне 1923 г.³⁸. Были также использованы резолюции и решения съездов, конференций и

плenums ЦК КПСС и другие нормативные акты, декреты советской власти³⁹. Они позволяют судить о точке зрения партии на тот или иной вопрос, о проводимой ею политике, а значит, и той обстановке, в какой действовало украинское национальное движение. К тому же курс партии и государства в какой-то мере был ответом на вызов, бросаемый этим движением.

К еще одной группе источников можно отнести периодические издания и прессу, центральную и местную: газеты «Правда», «Известия», «Вісті ВУЦВК», журнал «Більшовик України» (орган ЦК КП(б)У) и др. При изучении церковного движения пригодился журнал УАПЦ «Церква й Життя», а также ряд других периодических изданий⁴⁰.

Нельзя обойти вниманием публицистические произведения деятелей украинского движения – В.К. Винниченко, М.С. Грушевского, И.П. Мазепы, П.А. Христюка и др. – и написанные ими по свежим следам исследования исторического характера, посвященные революционным событиям 1917–1920 гг.⁴¹ Важным источником являются также дневники, воспоминания, литературные произведения современников – как активистов украинского движения, так и людей, ему не симпатизировавших. В них содержится весьма ценная информация, в том числе неявная, позволяющая оценить уровень сознания, ощутить духовный мир общества тех лет, бытующих в нем ценностных ориентаций. Конечно, при работе с такого рода источниками нужно иметь в виду, что им присуща известная доля субъективизма и, исходя из этого, относиться к ним осмотрительно. Особо стоит отметить дневник С.А. Ефремова, академика Всеукраинской академии наук (ВУАН) и одного из виднейших участников украинского национального движения⁴². Его дневник – интереснейший источник, позволяющий взглянуть на жизнь населения Украины «изнутри» и увидеть то, что поневоле теряется из вида в источниках иного характера.

Надо упомянуть и воспоминания Н.И. Махно, одного из главных действующих лиц гражданской войны на Украине⁴³, воспоминания видного деятеля УАПЦ протоиерея В. Потиевко и др. Сюда надо отнести и историю этой церкви, написанную ее первым главой митрополитом В. Липковским⁴⁴. В эту же группу источников входят автобиографии генерал-хорунжего армии Украинской Народной Республики, одного из командующих петлюровскими войсками и руководителя послевоенного подполья Ю. Тютюнника⁴⁵, бывшего командующего Южной группы войск УНР А.А. Гулого-Гуленко и др. Поскольку речь зашла об автобиографиях, то можно назвать также автобиографии виднейших партийных ру-

ководителей УССР Х.Г. Раковского, Н.А. Скрыпника⁴⁶. Из полемических работ надо указать памфлеты Н. Хвылевого, писателя и публициста, одного из основных участников «литературной дискуссии» – спора о путях развития украинской литературы и Украины в целом, который проходил в печати УССР в середине – второй половине 1920-х годов⁴⁷.

Отдельная группа источников – работы руководителей Советского Союза и Украинской республики – В.И. Ленина, И.В. Сталина, Л.Д. Троцкого, Н.А. Скрыпника, Д.З. Лебеда, Д.З. Мануильского, А.А. Хвыли, А.И. Шумского и др.⁴⁸ В основном, это их речи и выступления на различных съездах и собраниях, опубликованные в прессе, а также изданные в виде сборников. Эти источники важны тем, что содержат оценку проделанного в области национальной политики, характеристику состояния национального вопроса на Украине и перспектив его разрешения. Тем самым, в нем отражается состояние национального движения, наличие националистических взглядов в обществе, равно как и отношение к этой проблеме партии.

Рассмотрев источниковую базу исследования, охарактеризуем историографию проблемы.

Историография вопроса. Как ни покажется странным, но настоящая работа – одно из первых исследований по данной проблематике и по данному периоду. История украинского национального движения в этот период, рассматриваемая к тому же через призму формирования наций и национальных идентичностей, не стала объектом внимания специалистов. На первый взгляд это удивительно, особенно если учесть тот факт, что настоящие вопросы имеют широкие параллели с аналогичными явлениями в мире и в первую очередь в Европе. Подтолкнуть историка к исследованию могли бы также события последних лет, а именно: обретение Украиной независимости и весь комплекс последовавших за этим процессов в национальной, политической, культурной, языковой, церковной сферах, непростые отношения с Россией. Но и данные обстоятельства не стали толчком к интересу исторической науки к украинскому национальному движению и формированию украинской нации.

Это можно объяснить причинами идеологического свойства. Некоторые из них лежат еще в той системе мира, которая была заложена в Ялте и Потсдаме. Специфика разрешения (притом, как показал опыт, весьма эффективного) национального вопроса в послевоенной Европе и СССР (депортации и создание этнически чистых территорий) предполагала взгляд на национальные проблемы как на вроде бы несуществующие. На Западе интерес

к проблемам наций и национализма возродился во второй половине XX в. В нашей стране на изучение подобных вопросов оказывал воздействие целый ряд обстоятельств идеологического и политического плана. Официально провозглашаемый тезис о крепнущей день ото дня дружбе народов и решенности в СССР национального вопроса никак не мог способствовать беспристрастному изучению межэтнических отношений в стране. Поэтому советская историография старалась тщательно обходить вопросы, связанные с национальными проблемами. Не была исключением и украинская тематика. Если же работы по украинскому национализму и появлялись, то носили обличительный и идеологизированный характер⁴⁹. Строгий контроль диктовал и выбор тематики исследований: в прицеле советских историков оказывалось националистическое движение в годы Великой Отечественной войны либо деятельность националистических правительств времен войны Гражданской. Но опять же, как самостоятельный предмет ни украинский национализм, ни даже деятельность украинских буржуазных правительств, не изучались. Они становились фоном, контекстом других событий – Гражданской войны, революционного движения, истории рабочего класса и социалистического строительства. Даже в официальном издании «История Украинской ССР» вопросы, касающиеся деятельности украинских буржуазных правительств, рассматривались вскользь, с точки зрения оказываемого ими противодействия советской власти⁵⁰.

Впрочем, было время, когда такого рода проблемы привлекали больше внимания. Этим временем были 1920-е годы. Тогда еще не сложилась система идеологического контроля над историей, не был выработан «единственно правильный» взгляд на прошлое, а национальный вопрос был на слуху – национальная политика советской власти широко обсуждалась внутри страны и за рубежом. Поэтому появлялись работы, чаще политического, но иногда и исторического характера, посвященные тем или иным аспектам украинской проблемы (см. ниже). Авторами их чаще всего были партийные деятели или историки-коммунисты, но это обстоятельство не снижает значения этих работ. В них содержится немало интересных фактов, а сами по себе они могут служить источником по истории общественной жизни и национальной политики на Украине в те годы. К недостаткам таких работ (помимо политизированности) можно отнести отсутствие ретроспективы, поскольку их авторы были современниками и очевидцами описываемых событий. Вместе с тем именно это и придает им особую ценность, делает их свободными от оценки с точки зрения

последующих периодов. Однако вышесказанное касается только национальных проблем и украинской тематики в целом.

Принесли ли что-то новое в изучение вопроса последние годы? Для начала обратимся к российской историографии. Несмотря на то что со времени распада СССР прошло уже более десяти лет, российская историческая наука только приступает к изучению украинских сюжетов, и работы по истории Украины, особенно XX в., можно пересчитать по пальцам⁵¹. Чаще переиздаются работы, посвященные украинскому вопросу в предреволюционный период⁵². Выходят (особенно в последние годы) труды дореволюционных исследователей: историков, филологов и публицистов. В числе таковых нужно отметить информативное исследование С.Н. Щёголева, сочетающее обширную источниковую базу (происходящую из «украинского» лагеря) и основанный на ней всесторонний, глубокий анализ украинского движения XIX и особенно начала XX в.)⁵³. Но в них, по понятным причинам, ничего не говорится о 1920–1930 гг. Впрочем, время берет свое: в последние годы интерес к украинской тематике усилился.

Помимо ряда статей в периодических изданиях, в этой связи необходимо отметить новаторскую книгу А.И. Миллера «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века)». Хронологически охватываемый им период включает время зарождения и становления украинского национального движения. Автор исследует проблемы взаимодействия и борьбы русского и украинского проектов строительства национальных общностей, исход которой в то время оставался открытым. Важность этой работы заключается не только в том, что в ней подробно разбираются история национального движения и политика российских властей по отношению к нему, но и в том, что в ней был предложен принципиально новый подход к освещению проблемы формирования украинской нации. Следует упомянуть и содержательное исследование И.В. Михутиной, в котором дана широкая картина деятельности украинского движения, в том числе содержатся интересные сведения о его связях с масонством⁵⁴. Но, как видим, и эти книги посвящены другому периоду.

Необходимо также упомянуть и вышедшие в последнее время работы по национализму и проблемам формирования наций⁵⁵. Они содержат теоретические концепции и взгляды зарубежных и отечественных исследователей-нациологов на феномен национализма и его роль в генезисе национальных коллективов.

Иное положение наблюдается в украинской историографии. Вполне понятно, что за последнее десятилетие она вплотную по-

дошла ко многим вопросам, которые историки раньше обходили вниманием. В первую очередь это относится к темам, связанным с национальными проблемами и феноменом, получившим ранее название «украинского буржуазного национализма». Истории «национально-освободительных устремлений» украинского народа сейчас явно отдается приоритет: молодая украинская государственность «заказывает» под себя соответствующее изображение прошлого, призванное подвести под независимость исторический фундамент, продемонстрировать глубокие национальные и государственные традиции Украины. Но не только и не столько интересы укрепления государственности стали причиной повышенного внимания к национальному фактору. Главная причина кроется в стремлении сплотить национальный коллектив на иных ценностных ориентирах, предложенных новым бытием Украины. И естественно, что история, вернее, ее соответствующая подача, стала ключевым моментом в создании этих ценностных систем и конструировании новой идентичности.

Помимо средневековья и XIX в., на которые приходится значительная часть трудов, немало их посвящено действительно яркому и переломному периоду в истории Украины – 1917–1921 гг.⁵⁶ Но эти годы также выходят за рамки нашего исследования. Переиздаются и дореволюционные издания. Среди них надо отметить и известную книгу «Украинский вопрос», впервые вышедшую в 1914 г.⁵⁷ Она была написана коллективом авторов – сотрудниками издававшегося в Москве журнала «Украинская жизнь», в котором печатались такие видные адепты движения, как М.С. Грушевский, В.В. Дорошенко, С.А. Ефремов, А.Е. Крымский, С.В. Петлюра, А.А. и С.Ф. Русовы и др. В книге излагается точка зрения сторонников украинского движения на происхождение и современное состояние украинского вопроса в России, на историю Украины, выдвигаются предложения и требования по пути справедливого, с их точки зрения, разрешения этого вопроса.

В середине 1990-х годов появились коллективные монографии, носящие обобщающий характер, а также работы Я. Грицака и Г.В. Касьянова, в которых рассматриваются история формирования украинской нации и связанные с этим процессом теоретические проблемы⁵⁸. В историографии уделяется внимание и национальному движению. Так, в 1994 г. под редакцией В.Г. Сарбея вышла коллективная монография «Нариси з історії українського національного руху», освещающая некоторые аспекты проблемы, например, деятельность культурно-просветительских обществ, студенческого движения и развитие национального самосознания среди крестьянства. Но и это исследование, как и еще

одна книга В.Г. Сарбея, также посвященная деятельности национального движения, относится к дореволюционному периоду⁵⁹.

За последнее время усилился интерес к различным аспектам национальной проблематики. Можно упомянуть работу Л. Новохатько, в которой проблемы социально-экономического и культурного развития Украины в 1920–1930-е годы увязываются с проводимой национальной политикой⁶⁰. Появились исследования, посвященные отдельным звеньям и институтам национального движения, например «Просвитам»⁶¹. Но в целом проблема до сих пор продолжает оставаться открытой – слишком узок подход к пониманию национального движения. Укоренилось мнение, будто украинское национальное движение существовало только до революции. В годы революции и Гражданской войны оно стало одной из противоборствующих сторон (это подход советской и российской историографии). Согласно украинской историографии, национальное движение, встав у руля «украинской революции», возглавили украинские народные массы, поднявшиеся на борьбу за самоопределение Украины. После того, как возникла УССР, окончилась Гражданская война, движения вроде бы и не стало: ведь появилась Украинская республика, со своими органами власти, конституцией и т.п. А после 1923 г. – и широкая свобода национального развития, выразившаяся в политике украинизации и «национальном возрождении». Вот почему в исследованиях по данному периоду приоритет отдается изучению либо социально-экономической истории УССР, либо институтов государственной власти, либо сферы культуры и т.д. А между тем факты свидетельствуют, что украинское национальное движение имело место.

Все эти обстоятельства привели к тому, что историографии национального движения, развивавшегося на территории УССР в межвоенные десятилетия, фактически нет. И это вызывает понятные трудности с определением приоритетов, подачи материала и т.п. Но вместе с тем предоставляет и свободу исследователю. То, что работ по истории украинского движения в исследуемый период почти нет, не значит, что их нет по данному периоду вообще. Для удобства изложения их лучше сгруппировать по тематике. Существует немало работ, посвященных истории Украины в целом. Точку зрения советской историографии можно свести к уже упоминавшейся «Истории Украинской ССР». В настоящее время следует ждать появления новых работ обобщающего характера.

Свою точку зрения на историю Украины и украинской нации имели и украинские эмигрантские исследователи (И. Лысяк-Руд-

ницкий, Т. Гунчак, Р. Шпорлюк, Д. Соловей, Г. Костюк), работы которых за последнее десятилетие широко издаются на Украине⁶². Для таких работ, в первую очередь тех, что впервые увидели свет в пору существования СССР, свойственна недостаточная подкрепленность источниками материалами (книги Д. Соловья, Г. Костюка): в основном это пресса и официальные акты советских и партийных органов. В эмиграции проводились и более основательные исследования, хотя бы по глубине анализа и осмысления фактов (например, И. Лысяка-Рудницкого, Р. Шпорлюка). Но для всех них в той или иной степени характерен упрощенный антисоветский и антироссийский подход к освещению истории Украины, которая зачастую предстает жертвой «российско-большевистского империализма», а события тех лет изображаются с точки зрения «национальной» Украины, да еще исходя из ее «идеального варианта» (т.е. такого, какой она должна была быть в представлениях националистов).

Данный подход во многом был воспринят современной украинской историографией. Необходимо дать краткую характеристику национальной концепции истории Украины. Ее фундамент составляют четыре принципа, которые красной нитью проходят через всю украинскую национальную идеологию и призваны обосновать законность появления на свет украинского государства и украинской нации. Первый принцип заключается в стремлении представить государственность Украины (именно Украины, а не Древней Руси) и державную идею более древними, чем они есть на самом деле. Это предполагает взгляд на историю как на многовековую борьбу за создание украинской государственности. Вторым принципом состоит в таком же «удревнении» украинцев как национального коллектива. Из этого следует третий принцип: оценка истории с точки зрения украинского национального движения и изображение ее как непрерывной борьбы за национальные права против чужеземного угнетения. И, наконец, четвертый принцип, вытекающий из первых трех, подразумевает взгляд на историю как на извечное, непрерывное противостояние Украины и России, украинцев и русских. При этом внимание постоянно акцентируется на различиях между последними. Порой это переходит в полное отрицание общности их исторических судеб, их прошлого, настоящего и будущего. Периоды их совместной истории нередко изображаются как потерянное для украинского народа время.

Подчас внимание, уделяемое национальному фактору, переходит всякие разумные границы. Он делается чуть ли не ключевым моментом в истории Украины, которая все-таки не замыкается только на борьбе за формирование национального коллек-

тива. История украинского движения и создания национальной общности, и история Украины как исторической территории и народа вовсе не одно и то же. Это положение очевидно для любого серьезного и уважающего себя историка, даже если сам он разделяет идеологию этого движения. Так, даже виднейший украинский эмигрантский исследователь И. Лысяк-Рудницкий отмечал, что «под “украинской историей 19 столетия” (да и XX тоже, добавим от себя. – А.М.) можно понимать две разные вещи: с одной стороны, историю украинского национального движения, с другой – историю страны и народа»⁶³.

Подмена предмета исследования является одной из главных причин чрезмерной политизированности истории на Украине, одностороннего и потому неглубокого ее изучения известной частью исследователей. При этом втиснуть историю Украины (как страны и народа) в кургузые рамки истории националистического движения оказывается крайне затруднительно. Многие явления «выбиваются» из этого узкого концептуального коридора или же тракуются произвольно, исходя из оценочной шкалы национального движения. Понятно, что при этом ни о какой вариативности и нелинейности исторического процесса говорить не приходится. Подмена «широкой» истории историей «узкой» лишает исследователя возможности непредвзято рассматривать исторический процесс во всем его многообразии и противоречивости (вообще, такой подход присущ значительной части современных украинских исследований, поэтому в дальнейшем не будем останавливаться на этом). Но вместе с тем немало работ выполнено на должном научном уровне и содержит интересную информацию по изучаемой теме.

Любопытные сведения можно также найти в работах по истории национального вопроса и национальной политики того периода. В тех из них, что выходили в 1920-е – начале 1930-х годов, речь шла о состоянии национальных отношений и проводимой властями политике в этой области⁶⁴. Не лишённые определенной исторической ангажированности, они, тем не менее, содержат немало интересных фактов, статистических данных и позволяют оценить силу национального движения и степень его влияния на политику компартии. За свой подход к проблеме, не соответствующий тому, что возобладал в 1930-е годы, некоторые исследования попали в разряд не почитаемых. Но это лишь подтверждает наличие разных подходов к национальной проблеме, имевшихся в партии и советском обществе в те годы.

В более позднее время исследования по национальной политике (именно политике, а не по национальному движению) писа-

лись исходя из тезиса о дружбе народов, при котором мероприятия советской власти имели знак «плюс», а деятельность националистов описывалась при помощи слов «предательство», «измена», «раскрытие» и «разгром». Большая часть данных трудов посвящена другим хронологическим периодам. Несмотря на политизированность, эти работы обладают высокой информативностью и содержат сведения, немодные на современной Украине.

Иные идеологические оценки дают некоторые современные украинские исследователи и авторы-эмигранты. О том, насколько активно в последнее время изучаются национальная политика большевиков и проблемы украинизации, можно убедиться, ознакомившись с количеством выходящей по теме литературы⁶⁵. Стоит упомянуть работу эмигранта Ф. Силницкого, посвященную национальной политике большевиков в 1917–1922 гг., а также работы его коллеги эмигрантского историка Д. Соловья⁶⁶. Нужно отметить и труд канадского историка Б. Кравченко. Исследователь не просто изучает национальное развитие Украины на протяжении XX в., но и подводит под него социальный базис. Его интересует связь между изменениями в национальном сознании украинцев (правильно сказать, утверждением национальной идентичности в украинском варианте и формированием национальной общности) с теми переменами в УССР, которые коренным образом преобразовали социальный облик общества⁶⁷. Концепция Б. Кравченко весьма интересна и не так уж далека от истины, в том смысле, что решающим периодом нациогенеза он считает советское время. Но при этом в ней сквозит уже известная точка зрения на украинскую общность как на существовавшую изначально и лишь модернизированную в социальном плане. Реальность же такова, что в этот период шло становление не только социальных форм этой общности, но и ее самой.

Если светский сектор национального движения пока испытывает недостаток внимания, то связанным с ним церковным организациям посвящена уже своя историография. Развитие движения за автокефалию православной церкви на Украине в годы революции и Гражданской войны можно проследить по монографиям В.И. Ульяновского и Б. Андрусишина⁶⁸. К достоинствам этих работ, помимо прочего, можно отнести политическую непредвзятость, что в условиях современного внутрицерковного противостояния на Украине вызывает уважение.

Деятельность появившейся в 1920–1921 гг. Украинской автокефальной православной церкви нашла свое отражение в трудах эмигрантского историка И. Власовского и украинского исследователя А.Л. Зинченко⁶⁹. В работах этих авторов содержится важ-

ный фактический материал, у первого – личного характера (в том числе исходящий от деятелей УАПЦ), у второго – архивный. Симпатии обоих явно на стороне автокефалистов. Вопросы становления автокефалистского движения, его связей с национальным движением, а также создания УАПЦ, рассматриваются в работах А.В. Марчукова⁷⁰. Движение за автокефалию Православной церкви на Украине исследовалось еще рядом авторов (В. Еленским, В. Пащенко и др.), но поскольку большая часть посвященных УАПЦ трудов повествует о ней в контексте церковно-государственных отношений или в контексте внутривосточного противостояния, в данном случае можно ограничиться и указанными выше исследованиями. Напрямую с национальным движением (а не просто с «национальным возрождением», о чем часто говорят), за исключением работ А.В. Марчукова и, отчасти, А.Л. Зинченко, автокефальное движение не увязывалось.

Поскольку одним из ключевых вопросов настоящего исследования является вопрос, имело ли национальное движение социальную опору в тех или иных классах и социальных группах СССР, необходимо хотя бы в общем виде иметь о них представление. Поэтому следует кратко коснуться литературы, посвященной проблемам крестьянства, интеллигенции, рабочего класса⁷¹. В связи с тем, что украинское движение в значительной части состояло из представителей интеллигенции, начинать обзор логично именно с этой группы.

Изучению интеллигенции как самостоятельной темы в советское время уделялось немного внимания, хотя первые работы по этой проблематике опубликованы уже в 1920-е годы. Их появление было продиктовано необходимостью определения партией своего отношения к интеллигенции вообще и к украинской интеллигенции в частности. Отводилось ей место и в исследованиях по национальному вопросу, борьбе с национальными уклонами. В дальнейшем интеллигенцию часто рассматривали как объект воздействия политики партии⁷². Впрочем, появлялись и специализированные работы⁷³. Политические процессы начала 1990-х годов и активное участие в них интеллигенции резко повысили интерес историков к этой социальной группе. Весьма созвучна изучаемой теме статья Е.Д. Бойко, посвященная судьбе украинской интеллигенции в годы революции и Гражданской войны⁷⁴. Автор сравнивает ее с российской и определяет присущие ей общие и особенные черты поведения и мироощущения, а также выясняет причины, влиявшие на эту специфику. Естественно, не остались обойденными и национальные особенности. История интеллигенции на Украине была всесторонне освещена в работах Г.В. Кась-

янова и В.М. Даниленко⁷⁵. Есть и еще одна разновидность работ, посвященных интеллигенции. К ней относятся всевозможные мартирологи, повествующие о судьбах многих представителей интеллигенции в 1930-е годы, в частности о репрессиях по отношению к ним⁷⁶. В работах (особенно 1920-х годов и последних лет) содержится информация, позволяющая раскрыть отдельные вопросы, имеющие отношение к исследуемой тематике. Но в целом, интеллигенция и ее самоопределение в окружающем мире не рассматривается авторами этих исследований только через призму национального вопроса.

То же можно сказать о работах, посвященных крестьянству. Но здесь надо учесть, что количество исследований по украинской деревне во много раз превышает количество работ, которые рассматривают историю национального движения, интеллигенции и т.д. К тому же в подавляющем их большинстве речь вообще не идет о национальной политике и все внимание уделяется социально-экономическим вопросам и развитию сельского хозяйства. Да и основной базой национального движения было не крестьянство, а интеллигенция. Поэтому имеет смысл ограничиться некоторыми исследованиями, помогающими составить впечатление о социально-экономическом и политическом положении села и УССР в целом. Это официальное советское издание «Історія селянства Української РСР», а также недавно вышедшая монография В.В. Калиниченко⁷⁷. Особо надо отметить основанные на богатом архивном материале работы видного украинского историка С.В. Кульчицкого. В его трудах рассматриваются проблемы политического и социально-экономического развития Украины в межвоенный период, взаимоотношения власти и крестьянства. Он также является автором исследований о голоде 1932–1933 гг. – проблеме весьма острой и неоднозначно воспринимаемой общественными кругами Украины⁷⁸. Поскольку важным источником по нашей теме являются беспартийные крестьянские, рабочие и учительские конференции, была также использована литература, посвященная этой проблематике⁷⁹. Следует выделить работу Е. Ганжи о социальной активности села, антисоветских проявлениях, как весьма близкую некоторым проблемам данного исследования⁸⁰.

Поскольку речь зашла о сопротивлении, нельзя обойти стороной и проблему националистического и антисоветского подполья, бандитизма и повстанчества, которые были не только формой протеста против тех или иных мероприятий большевиков, но и формой деятельности украинского национального движения после окончания Гражданской войны. Здесь нельзя не упомянуть

фундаментальное исследование «Політичний терор і терорізм в Україні», основанное на широком источниковом материале, главным образом документах советских органов госбезопасности⁸¹. Работа содержит ценную информацию о националистическом движении, бандитизме, а также о борьбе с ними советской власти. Нужно также назвать книгу А.Е. Кучера, в которой дается всесторонний анализ действий националистического подполья и бандформирований, а также мероприятий власти, направленных на их нейтрализацию и устранение⁸². Представляет научный интерес и литература, посвященная махновскому движению⁸³.

В связи с тем что большая часть наших источников носит специфический характер, следует обратиться к работам, так или иначе касающимся действий спецслужб. Это книга Р. Подкура, а также исследования В. Пристайко, Ю. Шаповала, В. Золотарева, основанные на богатом материале архивов спецслужб, в которых также опубликованы ценные документы ЧК, ГПУ, НКВД⁸⁴. В монографиях анализируется работа органов безопасности, внутреннее состояние УССР, деятельность общественных групп, а также освещаются некоторые ранее неизвестные страницы истории Украины 1920-х – начала 1950-х годов.

Вообще, любая работа по истории УССР данного периода, в которой может содержаться хоть какая-то информация о деятельности украинского национального движения, ввиду практического отсутствия историографии по нашей теме, может быть отнесена к ней. Это и государственная политика в области национальной культуры⁸⁵, и история Всеукраинской академии наук, и история украинской литературы. Это деятельность украинских партий, молодежных объединений в УССР⁸⁶, история коммунистической партии Украины и т.д. О последней стоит сказать особо. История КП(б)У активно изучалась в 1920-е годы. Из исследований, вышедших в тот период, стоит упомянуть книги М. Равич-Черкасского и Н. Попова⁸⁷. Представляют интерес их взгляды на происхождение партии, первые годы ее существования, излагаются имевшиеся среди различных течений в компартии подходы к пониманию и разрешению национального вопроса на Украине. Так, М. Равич-Черкасский отстаивал теорию двух корней компартии Украины. Первый, как он полагал, был общероссийским, а второй – местным, украинским, «укапистско-боротьбистским». Синтез этих двух корней произошел под давлением специфических обстоятельств – особой национальной ситуации на Украине, которая вынуждала общероссийскую часть идти на уступки в национальном вопросе, украинизировать партию и развивать украинскую государственность. После укрепления власти

партии и группы И.В. Сталина, централизации (де-факто) СССР и прекращения заигрываний с национальными движениями, подобные взгляды стали выбиваться из руслу «единственно верной» идеологии. Принципы подачи истории партии были закреплены в «Кратком курсе истории ВКП(б)», на долгие годы определившем изображение истории коммунистической партии⁸⁸. Дальнейшие исследования отечественных историков лишь могли, что называется, «десталинизировать» те или иные аспекты, но принципы подхода к изображению национальной политики компартии и ее борьбы с националистическими уклонами оставались практически неизменными. История партии также изучалась в среде украинской эмиграции (например, работы Ф. Силницкого или И. Майстренко⁸⁹). Насколько известно, на современной Украине специализированных работ по истории КП(б)У нет (хотя, возможно, они появились в последнее время).

Итак, сделав необходимый обзор источниковой базы исследования и имеющейся историографии, можно приступить к рассмотрению поставленных вопросов.

- ¹ *Нарочницкая Н.* Россия и русские в мировой истории. М., 2003. С. 12, 520.
- ² О возможных путях развития Украины в рамках западной концепции единого мира и цивилизационного кризиса России см.: *Марчуков А.* Об Украине, России и даже немножко об Ираке // Россия XXI. 2003. № 3. С. 16–21; *Круглый стол: Украина, Россия и славизм* // Там же. С. 4–53.
- ³ *Донцов Д.* Історія розвитку української державної ідеї. Київ, 1991. С. 40.
- ⁴ Появление независимой Белоруссии, благодаря особым отношениям между нашими странами, политике президента А.Г. Лукашенко и слабости (возможно, что пока) белорусского националистического движения, не вызывает таких болезненных чувств у российского населения, как отделение Украины.
- ⁵ *Касьянов Г.* Теорії нації та націоналізму. Київ, 1999. С. 259.
- ⁶ Например, такой точки зрения придерживаются Э. Смит, Дж. Армстронг, П. Брасс. Из примордиалистов-«практиков» подобные суждения высказывал основатель украинской историографии М.С. Грушевский.
- ⁷ *Касьянов Г.* Теорії нації та націоналізму. С. 264–265 и др.
- ⁸ *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2002. С. 20–22. Он удачно сравнил это с травой, пробивающейся сквозь асфальт. См. также: *Касьянов Г.* Теорії нації та націоналізму. С. 273.
- ⁹ *Национализм и формирование наций. Теории–модели–концепции.* М., 1994. С. 20.

- ¹⁰ *Канпелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 1997. С. 12, 208; *Он же.* Формування української нації у Російській імперії ХІХ ст. на тлі націотворчих процесів у Європі // Формування української нації: історія та інтерпретації: матеріали круглого столу істориків України. Львів, 1995. С. 78.
- ¹¹ *Гелнер Е.* Нації та націоналізм // *Націоналізм. Антологія.* Київ, 2000. С. 298, 307; *Gellner E.* Thought and Change. L., 1964. P. 169.
- ¹² *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализмов. М., 2000. С. 29–32. Примерно в этом же русле рассматривал проблему и английский историк Х. Сетон-Уотсон (*Seton-Watson H.* Nations and States. An Enquiry into the origins of Nations and the Politics of Nationalism. L., 1977).
- ¹³ С биологической точки зрения это, конечно, невозможно именно потому, что личинке генетически предопределено превращение в бабочку строго определенного вида.
- ¹⁴ В отечественной историографии, в частности, в украинистике, такой подход (и не без успеха) был предложен А.И. Миллером (см.: *Миллер А.И.* Указ. соч. С. 17).
- ¹⁵ Об этом, в частности, писал М. Грох. См.: *Бобрович М.А.* Мирослав Грох: Формирование наций и национальные движения малых народов // *Национализм и формирование наций...* С. 70–93.
- ¹⁶ *Касьянов Г.* Теорії нації та націоналізму. С. 296–298; *Миллер А.И.* Указ. соч. С. 12–13.
- ¹⁷ См. об этом: *Сталин И.В.* Соч. М., 1946. Т. 2. С. 292–297.
- ¹⁸ См.: *Касьянов Г.* Теорії нації та націоналізму. С. 262–264.
- ¹⁹ *Национализм и формирование наций...* С. 18.
- ²⁰ *Шпорлюк Р.* Імперія та нації. Київ, 2000. С. 250–272. *Он же.* Украина: от периферии империи к суверенному государству // *Украина и Россия: общества и государства.* М., 1997. Вып. 1. С. 41–42.
- ²¹ *Грушевський М.С.* Хто такі Українці і чого вони хочуть. Київ, 1917. Вид 2. С. 4–6.
- ²² *Канпелер А.* Мазепинці, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // *Россия–Украина: история взаимоотношений: сб. ст.* М., 1997. С. 134–135.
- ²³ Некоторые местные богослужебные и обрядовые обычаи трактовались как последствия польско-католического влияния, а многие из них и действительно были таковыми.
- ²⁴ *Миллер А.И.* Указ. соч. С. 40.
- ²⁵ Там же. С. 231–235.
- ²⁶ *Бобрович М.А.* Указ. соч. С. 78–79. Кстати, пример постсоветской Украины очень ярко это демонстрирует.
- ²⁷ ВУНК в 1921 році. Загальні завдання і структура ВУНК / Підгот. до друку Є. Скляренко // *3 архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ.* 1995. № 1/2. С. 69–85. Документи про підготовку і проведення судового процесу над членами Спілки Визволення України / підгот. до друку В. Пристайко, Ю. Шаповал // Там же. С. 373–396; *3 матеріалів «Окремої папки»:* документи вищого політичного керівництва України / підгот. до

- друку Р. Пиріг, Н. Маковська // Там же. С. 90–94; Під софітами секретних служб (Документи з папки – формуляра на О.П. Довженка / підгот. до друку В. Попик // Там же. С. 235–280; Наказ Ф. Дзержинського про каральну політику надзвичайних комісії // Там же. С. 86–89; Звіт – доповідь про діяльність київського губернського відділу ДПУ за 1923 рік // підгот. до друку П. Кулаковський // Там же. 1997. № 1–6. С. 303–332.
- ²⁸ Документи трагічної історії України (1917–1997 рр.). Київ, 1999; *Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В.* ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, документи. Київ, 1997; *Пристайко В., Шаповал Ю.* Справа Спілки Визволення України. Київ, 1995; *Подкур Р.* За повідомленням радянських спецслужб. Київ, 2000.
- ²⁹ Записка об украинском движении за 1914–1916 годы с кратким очерком истории этого движения как сепаратистско-революционного течения среди населения Малороссии // «Украинская» болезнь русской нации. М., 2004.
- ³⁰ «По решению правительства Союза ССР...» Депортация народов: документы и материалы. Нальчик, 2003; Національні відносини в Україні у ХХ столітті: збірник документів і матеріалів. Київ, 1994; Національні процеси в Україні: історія і сучасність: документи і матеріали: в 2 т. Київ, 1997.
- ³¹ «Совершенно секретно»: Лубянка–Сталину о положении дел в стране. М., 2001–2004. Т. 1–4, 6, 7.
- ³² Мартирологія українських церков: у 4 т. Торонто; Балтимор, 1987. Т. 1: Українська православна церква.
- ³³ Собор Православной российской церкви 1917–1918 годов. Деяния Священного собора Православной российской церкви. М., 1994; Українська автокефальна православна церква. Собор 1-й. Київ, 1921; Діяння Всеукраїнського православного собора в м. Київ 14–30 жовтня н. с. 1921. Київ, 1927.
- ³⁴ Самостійна Україна: збірник програм українських політичних партій поч. ХХ ст. Тернопіль, 1991; Українські політичні партії кінця ХІХ – початку ХХ ст. Програмові і довідкові матеріали. Київ, 1993.
- ³⁵ См., наприклад: Десятий съезд РКП(б): стеногр. отчет. М., 1963; Дванадцятий съезд РКП(б): стеногр. отчет. М., 1968; ХVІІ съезд ВКП(б): стеногр. отчет. М., 1934.
- ³⁶ См.: Шестая Волынская губернская партийная конференция 21–23 июня 1922 года: бюл. Житомир, 1922; Стенографический отчет 8-й губернской партийной конференции, май 1924 года. Житомир, 1924; Отчет Днепропетровского окружкома КП(б)У: к 15-й (6-й) окрпартконференции. Днепропетровск, 1926; Отчет Днепропетровского окружного комитета КП(б)У: к ХVІ партийной конференции. Днепропетровск, 1927; Отчет Донецкого губернского комитета КП(б)У, март 1923 – март 1924. Бахмут, 1924; Отчет Донецкого губернского комитета КП(б)У: к Х губернской партконференции, январь 1924 – январь 1925. Артемовск, 1925; ХІ Екатеринославская губернская партийная конференция: стеногр. отчет. Екатеринослав, 1923; Резолю-

- ции XII губпартконференции Екатеринославщины. Екатеринослав, 1924; Отчет Екатеринославского губкома КП(б)У: к 13 губпартконференции. Екатеринослав, 1925; Стенографический отчет восьмой Киевской губернской конференции КП(б)У, 18–20 марта 1923 г.: бюл. № 1–5. Киев, 1923; Стенографический отчет расширенного пленума губкома КП(б)У Киевщины, 16–18 сентября 1924 г. Киев, 1924.
- ³⁷ Коммунистическая партия Украины в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов, 1918–1956: в 2 ч. Киев, 1976.
- ³⁸ Тайны национальной политики ЦК РКП: стеногр. отчет секретного IV совещания ЦК РКП 1923 г. М., 1992.
- ³⁹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1979; Декреты Советской власти: в 12 т. М., 1957; Съезды Советов СССР, союзных и автономных советских республик: сб. документов, 1917–1957: в 7 т. М., 1956–1960.
- ⁴⁰ Голос Православной Украины. 1925. № 1–13.
- ⁴¹ *Вінниченко В.* Відродження нації, Київ, Відень, 1920; *Грушевський М.С.* З біжучої хвилі. Статті й замітки на теми дня, 1905–1906. Київ, 1907; *Он же.* Освобождение России и украинский вопрос. СПб., 1907; *Он же.* Хто такі Українці і чого вони хочуть. Вид. 2; *Мазепа І.* Україна в огні і бурі революції. Київ, 2003; *Христюк П.* Записки і матеріали до історії української революції, 1917–1921 рр. Відень, 1921.
- ⁴² *Єфремов С.* Щоденники, 1923–1929. Київ, 1997.
- ⁴³ *Махно Н.* Воспоминания. М., 1992.
- ⁴⁴ *Потієнко В.* Відновлення ієрархії УАПЦ. Новий Ульм; Німеччина, 1971; *Зеньковський В., протоієрей.* Пять месяцев у власти (15 мая – 19 октября 1918 г.): восп. М., 1995; *Чикаленко Є.* Щоденник (1907–1917). Львів, 1931; *Он же.* Є. Спогади (1861–1907). Київ, 2003; *Липківський В., митрополит.* Відродження Церкви на Україні. Торонто, 1959.
- ⁴⁵ Генерал-хорунжий армії УНР. Невідома автобіографія Ю. Тютюнника / публ. підгот. О. Божко // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 1998. № 1–2. С. 24–56.
- ⁴⁶ Автобіографія Раковского // Архивы Украины. 1989. № 1. С. 38–54; Автобіографія Н. Скрипника // Архивы Украины. 1989. № 6. С. 32–43.
- ⁴⁷ *Хвильовий М.* Україна чи Малоросія? Памфлети. Київ, 1993.
- ⁴⁸ *Ленин В.И.* Об Украине: сб. Киев, 1967; *Сталин И.В.* Соч. М., 1946–1955; *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. М., 1990; *Он же.* К истории русской революции. М., 1990; *Скрипник М.О.* Статті і промови. Харків, 1930; *Лебедь Д.З.* Советская Украина и национальный вопрос за пять лет. Харьков, 1924; *Мануильский Д.З.* Национально-колониальный вопрос: доклад на V Всемирном конгрессе Коминтерна 30 июля 1924 г. М., 1924; *Затонський В.* Національна проблема на Україні. Харків, 1926; *Раковский Х.Г.* Союз Советских Социалистических Республик: новый этап в советском союзном строительстве. Харьков, 1923.

- ⁴⁹ См.: *Євдокименко В.Ю.* Критика ідейних основ українського буржуазного націоналізму. Київ, 1968; *Дмитрук К.Є.* Під штандартами реакції і фашизму. Крах антинародної діяльності уніятської та автокефальної церков. Київ, 1976; *Римаренко Ю.І.* Українській буржуазний націоналізм – враг інтернаціонального єднання трудящих. Київ, 1970; *Он же.* Націоналізм і нації. Київ, 1981; *Кравченко В.О.* Прокляті народом: українські буржуазні націоналісти – прислужники світової реакції. Київ, 1979.
- ⁵⁰ Історія Української РСР. Київ, 1977. Т. 5, 6.
- ⁵¹ Исследования по истории Украины и Белоруссии. М., 1995. Вып. 1; Украина и Россия: общества и государства. М., 1997; Россия–Украина: история взаимоотношений: сб. статей. М., 1997.
- ⁵² *Ульянов Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996.
- ⁵³ *Щёголев С.Н.* История «украинского» сепаратизма. М., 2004. Это переиздание его работ «Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма» (Київ, 1912); «Современное украинское движение. Его происхождение, рост и задачи» (Київ, 1913). См. также: Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М., 1998; «Украинская» болезнь русской нации. М., 2004; Нация и империя в русской мысли начала XX века. М., 2004.
- ⁵⁴ *Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003.
- ⁵⁵ Национализм и формирование наций... Национализм: теория и практика. М., 1995; Национализм (взгляд из-за рубежа). М., 1995; Нации и национализм. М., 2002; Націоналізм. Антологія. Київ, 2000.
- ⁵⁶ См.: *Солдатенко В.Ф.* Українська революція. Концепція та історіографія. Київ, 1997; Українська революція і державність (1917–1920 рр.). Київ, 2001; *Верига В.* Визвольні змагання в Україні 1914–1923 рр. Львів, 1998; и др.
- ⁵⁷ Українське питання. Київ, 1997.
- ⁵⁸ Украинская государственность в XX веке. Киев, 1996; *Грицак Я.* Нарис історії України. Формування модерної української нації XIX–XX ст. Київ, 1996; *Касьянов Г.* Теорії нації та націоналізму; и др.
- ⁵⁹ Нариси з історії українського національного руху. Київ, 1994; *Сарбей В.* Національне відродження України. Київ, 1999.
- ⁶⁰ *Новохатько Л.М.* Проблеми соціально-економічного і культурного розвитку України в контексті національної політики (20–30-ті рр. XX ст.). Київ, 1998.
- ⁶¹ *Євселовський Л.І., Фарина С.Я.* Просвіта в Наддніпрянській Україні: історичний нарис. Київ, 1993; *Коновець О.Ф.* Просвітницький рух в Україні (XIX – перша третина XX ст.). Київ, 1992.
- ⁶² *Гунчак Т.* Україна. Перша половина XX століття. Київ, 1993; *Костюк Г.* Сталінізм в Україні (генеза і наслідки). Київ, 1995; *Лисяк-Рудницький І.* Історичні есе. Київ, 1994. Т. 1; *Соловей Д.Ф.* Втрата орієнтиру: українська інтелігенція у визвольних змаганнях. Київ, 1998; *Шпорлюк Р.* Імперія та нації.
- ⁶³ *Лисяк-Рудницький І.* Указ. соч. Т. 1. С. 146.

- ⁶⁴ См.: *Попов Н.Н.* Национальная политика Советской власти. М., 1924; 2-е изд. М., 1927; *Козельський Б.В.* Шлях зрадництва і авантюр (петлюрівське повстанство). Харків, 1927; *Шусь О.* Українське національне питання на історичному зламі. Харків, 1930; *Сухино-Хоменко В.* Одмини і банкрутство українського націоналізму: історико-публіцистичні нариси. Харків, 1929.
- ⁶⁵ Політика коренізації в радянській Україні (1920–1930-ті рр.): науково-допоміжний бібліографічний показчик / отв. ред. В. Даниленко. Київ, 2003.
- ⁶⁶ *Силницький Ф.* Национальная политика КПСС в период с 1917 по 1922 г. Вид. 2: Сучасність, 1981; *Соловей Д.* Національна політика партії й уряду СРСР на Україні в світлі деяких найновіших фактів // Український збірник. 1956. Кн. 6; *Он же.* Національне питання в ленінській партії та практиці. Сучасність, 1966.
- ⁶⁷ *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ століття. Київ, 1997.
- ⁶⁸ *Ульяновський В.* Церква в українській державі, 1917–1920 рр. (Доба Українській Центральній Раді). Київ, 1997; *Он же.* Церква в українській державі, 1917–1920 рр. (Доба гетьманату Павла Скоропадського). Київ, 1997; *Андрусихин Б.* Церква в українській державі, 1917–1920 рр. (Доба Директорії УНР). Київ, 1997.
- ⁶⁹ *Власовський І.* Нарис історії Української православної церкви. Нью-Йорк; Київ; Савнд-Бавнд-Брук, 1990: Т. 4, ч. 1; *Зінченко А.Л.* Благочесття національного духу. Українська церква на Поділлі в першій третині ХХ ст. Київ, 1993; *Он же.* Визволітися вірою. Життя і діяльність Василя Липківського. Київ, 1997.
- ⁷⁰ *Марчуков А.В.* Движение за автокефалию Православной церкви на Украине в 1917–1919 годах и украинское национальное движение // Мир истории. 2000. № 3 ([HTTP://www.tellur.ru/~historia/archive/03-00Marchukov.NTM](http://www.tellur.ru/~historia/archive/03-00Marchukov.NTM)); *Он же.* Движение за создание Украинской автокефальной православной церкви в 1920 – начале 1921 годов // Богословский сборник. М., 2001. Вып. 8. С. 395–412; *Он же.* Украинская автокефальная православная церковь: возникновение и особенности внутреннего устройства (1921–1922 годы) / Богословский сборник. М., 2002. Вып. 10. С. 320–336.
- ⁷¹ См.: Історія робітничого класу Української РСР: у 2 т. Київ, 1967.
- ⁷² *Бунегин М.* Крестьянский актив и сельская интеллигенция // Пути коммунистического просвещения. Симферополь, 1926. № 2 (12). С. 20–23; *Веселов В.Р.* Идеологическая работа партии среди учительской интеллигенции в 1917–1937 гг. // Вопр. истории КПСС. 1980. № 2. С. 61–70; Держава і українська інтелігенція (деякі проблеми взаємовідносин у 20-х – на початку 30-х рр. Київ, 1930; *Пилипенко С.* Украинская интеллигенция и советская власть // Октябрьская революция. Первое пятилетие: сб. Харьков, 1922. С. 237–257; *Хорошун Б.І.* Діяльність партійних організацій України по залученню старих спеців до відбудови сільського господарства (1921–1925) // Вісник Київського університету. Сер. Історія КПРС. 1979. № 9. С. 64–72; *Шейко В.Н.* Из

- истории идейно-политического перевоспитания старого учительства СССР (1921–1925) // *Вопр. истории СССР*. 1980. Вып. 25. С. 51–57.
- ⁷³ *Лукашевич М.П.* Інтелігенція Радянської України. Київ, 1985; *Ткачова Л.І.* Інтелігенція Радянської України в період побудови основ соціалізму. Київ, 1985; *Гамрецький Ю.М.* Интеллигенция и революция на Украине // *Интеллигенция и революция. XX век*. М., 1985. С. 183–192.
- ⁷⁴ *Бойко Е.Д.* Украинская интеллигенция и революция: общее и особенное // *Украина в 1917–1921 гг.: некоторые проблемы истории*. Киев, 1991. С. 217–248.
- ⁷⁵ *Касьянов Г.В., Даниленко В.М.* Сталінізм і українська інтелігенція. Київ, 1991; *Касьянов Г.* Українська інтелігенція 1920–30-х рр. Соціальний портрет та історична доля. Київ, 1992; и др.
- ⁷⁶ См.: Репрессоване «вiдродження»: збiрник статей. Київ, 1993; *Петров В.П.* Діячі української культури (1920–40 рр.): жертви більшовицького терору. Київ, 1992.
- ⁷⁷ Історія селянства Української РСР. Київ, 1967; *Калініченко В.В.* Селянське господарство України в період непу. Харків, 1997.
- ⁷⁸ *Кульчицький С.В.* Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919–1928). Київ, 1996; *Он же.* Україна між двома війнами. 1921–1939. Київ, 1999; *Он же.* Голодомор 1932–1933 рр. в Україні: причини і наслідки. Київ, 1995.
- ⁷⁹ *Мирошникова П.Т.* Беспартийные крестьянские конференции – одна из форм партийно-массовой работы в деревне в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925) (по материалам Украины) // *Уч. зап. Харьк. ун-та*. Т. 128 (Труды кафедры истории КПСС. 1962. Т. 10). С. 45–57; *Маключенко В.І.* Роль беспартиїних робітничих і селянських конференцій у політичному вихованні трудящих України в кінці відбудовного періоду (1923–1925) // *Вісник Київського університету: історичні науки*. 1978. Вип. 20. С. 16–20.
- ⁸⁰ *Ганжа О.І.* Опір селян становленню тоталітарного режиму в УРСР. Київ, 1996.
- ⁸¹ Політичний терор і тероризм в Україні, ХІХ–ХХ ст.: історичні нариси. Київ, 2002.
- ⁸² *Кучер О.О.* Розгром збройної внутрішньої контрреволюції на Україні в 1921–1923 рр. Харків, 1971; *Лихолат А.В.* Разгром националистической контрреволюции на Украине. М., 1954.
- ⁸³ *Аришинов П.* История махновского движения. Запорожье, 1995; *Гордеев И.* Махно: От «единого коммунизма» к стопам румынского короля. Киев, 1924; *Волковинский В.Н.* Махно и его крах. М., 1991; *Шубин А.В.* Махновское движение: док. исслед. М., 1998; *Семанов С.Н.* Махно. Подлинная история. М., 2001.
- ⁸⁴ См. раздел «Источники», а также: *Пристайко В., Шаповал Ю.* Михайло Грушевський і ГПУ–НКВД. Трагічне десятиліття, 1924–1934. Київ, 1996; *Они же.* Михайло Грушевський: справа «УНЦ» і останні роки (1931–1934). Київ, 1999; *Шаповал Ю.І.* Україна 20–50-х років: сторінки ненаписаної історії. Київ, 1993.

- ⁸⁵ *Кручек О.А.* Становлення державної політики УРСР в галузі національної культури (1920–1923 рр.). Київ, 1996.
- ⁸⁶ *Гусев К.В.* Крах мелкобуржуазных партий в СССР. М., 1960; Нариси історії Комуністичної партії України. Київ, 1971. Вид. 3. *Сабинин А.С.* Идеиный и организационный крах мелкобуржуазных партий на Украине (конец 1920–1925): дис. ... канд. ист. наук. Ужгород, 1971; *Чирко В.А.* Крах ідеології та політики націоналістичної партії укапістів // Український історичний журнал. 1968. № 12. С. 24–35; *Курас И.Ф.* Торжество ленинских идей пролетарского интернационализма и крах мелкобуржуазных националистических партий на Украине: дис. ... д-ра ист. наук. Киев, 1980; *Прилуцький В.І.* Небільшовицькі молодіжні об'єднання в УСРР в 20-ті роки. Київ, 1993.
- ⁸⁷ *Равич-Черкасский М.* История Коммунистической партии (большеви-ков) Украины. Харьков, 1923; *Попов Н.* Очерк истории Коммунистической партии (большеви-ков) Украины. Харьков, 1928; Комуністична партія України: з'їзди і конференції. Київ, 1991.
- ⁸⁸ Краткий курс истории ВКП(б). М., 1938; и др.
- ⁸⁹ *Майстренко І.* Історія комуністичної партії України. Сучасність, 1979; *Силницький Ф.* Указ. соч.

Зарождение и развитие украинского национального движения. XIX – начало XX века

Украинское движение до 1914 года

Истоки. Прежде чем приступить к рассмотрению деятельности украинского национального движения в советский период, необходимо сделать хотя бы краткий обзор его предыдущей истории. В первой половине XIX столетия под влиянием идей романтизма, популярных в Европе и оттуда попавших в Россию, среди образованных кругов малорусского общества все большее распространение получало увлечение прошлым краем, этнографией и культурой простого народа. Энтузиасты занялись собиранием народного творчества, записывали фольклор: песни, сказки, обряды и т.д. Дальше увлечения культурой общественное внимание не заходило. Это была вполне понятная любовь к своему краю, лишенная какой бы то ни было политической окраски.

Кстати, интерес к этнографии и истории региона проявляли не только представители малорусских образованных слоев, но также великороссы и поляки, причем и те и другие в малорусской культурной специфике усматривали одно из проявлений культуры соответственно русского и польского народов. У поляков к этому еще примешивалась ностальгическая память о временах Речи Посполитой, к неотъемлемой части которой они относили и «восточные кресы» (т.е. бывшие древнерусские территории, попавшие затем под власть Польши). Именно в польской среде начали возникать политические мотивы, связанные с «Украиной».

Малороссия стала полем идейной борьбы поляков против России и русскости. Они считали южнорусские земли своими и видели их в составе будущей Польши, за восстановление которой боролись. Со временем все большее число поляков начало понимать нереальность восстановления Польши в границах 1772 г. (до разделов) и ассимиляции малоруссов в польскую нацию. Тогда на

вооружение была взята идея политического сепаратизма Южной Руси; добиваться которого следовало прививая малороссийскому населению особую «украинскую» идентичность. Край этот потерян для Польши, но надо сделать так, чтобы он был потерян и для России¹, таковой стала генеральная линия польских националистов в «малорусском вопросе». Питательной почвой для этого могли послужить воспоминания о запорожской автономии, гетманщине, антимосковских фрондах казачьей верхушки. Однако после инкорпорации этой последней в российское правящее сословие, получения ею вождеденного дворянского статуса и помещичьих привилегий, казачьи мятежи, фронда и вызванные ими сепаратистские тенденции сошли на нет. Малороссийское дворянство стало опорой порядка, а простой народ доказал верность своему выбору в пользу Москвы еще во время Б. Хмельницкого и бесчисленных казачьих смут XVII – начала XVIII вв. Вдохнуть силы в идею сепаратизма, посеять рознь между Северной и Южной Русью предполагалось путем постепенной, но настойчивой пропаганды их различия и национальной обособленности, путем идейного воспитания малорусской молодежи. А польское культурное влияние в крае было весьма сильным.

Культивированию сепаратизма должна была способствовать даже терминология. Поляки стали употреблять термины *Украина* для обозначения всех южнорусских земель (а не части территории Среднего Поднепровья, за которым это название закрепилось исторически) и *украинцы* для обозначения православных малороссов, вкладывая в эти слова политический смысл. «Украину» стали изображать землей, духовно близкой Польше. При этом акцент делался на ее противопоставлении России, что отразилось и в терминологии (польские националисты еще называли ее «Русью», в противовес «Московщине», т.е. России, которая, по их убеждению, Русью не являлась). Тогда же некоторые польские националисты стали выдвигать идею об этнической близости поляков и русинов (по современной терминологии, *украинцев*), опять же, подчеркивая сильные культурные и этнические различия между последними и великороссами. Из авторов подобных концепций можно упомянуть, например, Франциска Духинского. В частности, он считал Русь, т.е. галицких русинов и малороссов, ветвью польского народа, а их язык – диалектом польского языка. «Москали»* же, по его утверждению, присвоили себе это имя

* Именно так называли великороссов поляки. Вслед за ними и под их влиянием этот термин стали употреблять русины Галиции, а затем это название начало проникать и в Малороссию. Впрочем, в начале XX в. и даже в его первые

вместе с территорией, на которой проживали малороссы. Сами «москаля» – народ не арийского, а туранского происхождения, народ азиатский (финско-монгольский), лишь слегка ослабявшийся. Соответственно, рассуждал Духинский, их культура и нравственность были жалкими и ничтожными и ни в какое сравнение не могли идти с европейскими (куда, естественно, входила культура поляков и «руси»)².

Идейный, а позднее и организационный вклад поляков в украинское движение, позволил его противникам усматривать в нем «польскую интригу», своеобразный тихий реванш за потерю государственности и неудачу антироссийских восстаний 1830–1831 и 1863 гг.

Зарождение украинского движения, т.е. такого, которое приступило к конструированию национального фантома и созданию идеального Отечества и начало воплощать их в жизнь, следует отнести к самому концу первой половины XIX в., к созданному в 1845 г. Кирилло-Мефодиевскому обществу. В этом обществе состояли историк Н.И. Костомаров, писатель П.А. Кулиш, поэт Т.Г. Шевченко и еще несколько представителей общественности Малороссии. Ими была выработана программа идеального устройства России, которое виделось в виде федерации славянских народов, построенной на началах политической свободы и социального равенства³. Члены Общества впервые заговорили об «Украине» как об особом политическом организме: в составе федерации она должна была стать отдельной политической единицей. Николаем Ивановичем Костомаровым, впоследствии видным историком и украинофилом, была написана «Книга бытия украинского народа», ставшая не только своеобразным манифестом Кирилло-Мефодиевского общества, но и первой серьезной и сознательной программой украинского движения⁴. В ней заведомо давалась «идеальная», далекая от действительности, история Украины. Она представляла в виде самостоятельного субъек-

десятилетия общеупотребительным названием великороссов на Украине было слово *кацап*, а не *москаль*. Москалями же первоначально называли *служивых* – военных и чиновников. Интересно отметить, что даже оловянные солдаты назывались оловянными *москаликами*, по крайней мере, это название можно встретить у такого знатока украинского слова, как С.А. Ефремов. См.: Ефремов С. Щоденники, 1923–1929. Київ, 1997. С. 109, 110. Слово *москаль* употреблялось заметно реже и, как правило, националистически настроенными людьми. Оно смогло вытеснить из употребления традиционное слово *кацап* лишь во второй половине XX в., после присоединения к УССР Западной Украины и переноса на украинскую почву многих галицийских идейных установок и представлений.

та, ведущего самостоятельную политику, но насильно разделенного Польшей (которая, впрочем, была названа автором «сестрой» Украины) и Москвой⁵.

Развитие политической мысли в малорусских землях Российской империи имело место и в XVII, и в XVIII, и в начале XIX вв. Можно упомянуть ряд публицистических произведений. Так, «Разговор Великороссии с Малороссиею» К. Дивовича (1762 г.) написан как спор противников отмены Гетманщины со сторонниками усиления центростремительных процессов. Нельзя не упомянуть и «Историю Русов», проникнутую местническим духом и на долгие годы ставшую основой для исторических сочинений украинофильского содержания. Мотивы некоторого противопоставления Малороссии и Великороссии как проявление местничества встречались в литературе и позже⁶. Но содержащие их литературные и публицистические произведения были все же отголоском старой эпохи. Их авторы рассуждали в привычной им системе феодального вассалитета, и хотя и вспоминали о прежней гетманской автономии, но не подвергали сомнению целесообразность нахождения Малороссии в Российском государстве. Утверждать, что в литературе того периода имелось осознание себя в историческом развитии как нации, было бы явной натяжкой.

В этих произведениях даже сильнее чувствуется желание вышших слоев малороссийского общества лучше, т.е. с большими для себя правами и выгодами, «вписаться» в существующую самодержавную российскую государственность, нежели стремление предложить ей свою альтернативу. Выше сожаления о потере части (опять же, собственных, а не «украинских») полномочий авторы этих произведений не поднимались. И самое главное, новый положительный идеал, расположенный в будущем, а не в прошлом, они не формулировали. О национальном фантоме под названием «Украина» речи еще не было. Впервые в этом качестве такой идеал появляется в программе Кирилло-Мефодиевского общества, деятельность которого и становится отправной точкой в истории движения. Но в 1847 г. Общество было разгромлено властями, и до второй половины 1850-х годов украинское движение ничем себя не проявляло.

Император Николай I и его ближайшее окружение сознательно засекретили истинные цели Кирилло-Мефодиевского общества, хотя верно оценивали их как попытку формирования программы украинского национального движения. Вместо этого (как бы сказали некоторые историки, если бы вели речь о советском периоде) была «сфабрикована» версия, гласившая, что его члены

стремились объединить славянские народы под скипетром российского самодержца. Сделано это было для того, чтобы не допустить проникновения подобных антиправительственных настроений, к тому же спаянных с регионально-национальными (украинскими) устремлениями, в массы малорусского, прежде всего образованного, населения⁷.

Огромный вклад в становление движения, в конструирование идеального образа «Украины» и придание ему романтического ореола внесло творчество одного из членов Кирилло-Мефодиевского общества, Тараса Григорьевича Шевченко. Несмотря на неоднозначность личности Шевченко и его творчества, нельзя не отметить, что во многом благодаря его поэзии «украинская» тематика не только нашла свое выражение, но и со временем стала достоянием широкой общественности. Не будет преувеличением сказать, что Шевченко стал духовным отцом движения, во многом определившим его дальнейшее развитие и мировоззрение. Шевченко не был идеологом в чистом смысле этого слова. Он формулировал идеи не в четком политическом виде, а в образах и литературных формах. Он дал тот эмоциональный толчок, тот иррациональный импульс развития, в котором нуждается и с которого начинается всякое национальное движение. Он определил его ценностные ориентации и пути воплощения национальных идеалов.

Поэзия Шевченко уже не покоилась на позициях чистого романтизма, хотя и была насквозь проникнута духом былой казацкой вольницы, которую Шевченко так любил и воспевал. Впрочем, трактовал прошлое он весьма вольно, чаще придумывая его самостоятельно или слепо доверяя лукавым памфлетам времен казачьих фронд и польским «учителям», так как, по словам знавших его людей, историю «знал очень поверхностно, общих выводов из нее делать не мог; многие ясные и общеизвестные факты или отрицал, или не желал принимать во внимание», да и вообще чтение не жаловал⁸. Но получилось так, что заложенные Шевченко эмоциональные оценки истории – вхождения Украины в состав России, деятельности Богдана Хмельницкого, Переяславской Рады, отношения к российской власти и государственности вообще и т.д. – оказали сильнейшее влияние на мышление и определение своего места в мире последующих поколений сторонников украинского движения⁹.

Высказался Кобзарь и о своем видении путей «возрождения» Украины. Выход, считал он, настанет лишь тогда, когда будет отброшено наследие Хмельницкого. Это наследие было им образно названо «церковью-домовиной», той «церковью Богдановой»,

где гетман «молился» о равенстве и братстве «козака» и «москаля». Лишь когда она будет разрушена, полагал Шевченко, Украина освободится из неволи:

Церков – домовина Розвалиться... і з-під неї
Встане Україна. І розвіє тьму неволі,
Світ правди засвітить, І помоляться на волі
Невольничі діти!..¹⁰

Именно поэтическая форма выражения украинской идеи облегчала ее вживание не только в образованные слои общества, но и в народные массы. Творчество Кобзаря было насквозь проникнуто национальными мотивами, порой граничащими с ксенофобией. Эмоциональные, яркие, а зачастую дико-кровавожадные сюжеты, центральное место в которых занимали темы о разгульной запорожской вольнице, гайдамаках, «козаченьках» и «вороженьках», «крови врагов постылых», замученной «Матери–Украине», «москалях», разрывающих ее «могилы», откладывались в подсознание и формировали некие идеальные образы и штампы с привязкой их к политическому контексту современности и этническому окружению.

Впрочем, появление поэтических творений Кобзаря еще не означало их немедленного использования и усвоения народом. Известный украинофил М.П. Драгоманов вспоминал, что опыты чтения крестьянам стихов Т. Шевченко оканчивались, как правило, неудачно: мужики оставались равнодушными¹¹. Но для дальнейшей судьбы украинского движения важен был сам факт существования поэзии Шевченко, которая со временем стала одним из мощнейших источников его подпитки. В его стихах находили или учились находить кладезь мудрости, духовной силы и ответы на возникающие вопросы. По мере развития движения они становились чем-то вроде гимна, клятвы членов этого национального «ордена». Культ Шевченко начал складываться уже после его смерти. Сначала он создавался националистами, а после революции – большевиками, вступившими с националистами в борьбу за «своего» Шевченко, но уже не национального, а революционно-демократического поэта. Это, кстати, свидетельствует о том, что его творчество успело стать оружием в руках украинского движения. Шевченко был превращен в своеобразный символ легитимизации для сторонников той или иной идеи, борющихся на «украинском» политическом поле¹². Но все это придет потом.

Активизация украинского национального движения произошла во второй половине 1850-х годов и была обусловлена об-

щей либерализацией внутривнутриполитической жизни России. Бывшим членам Кирилло-Мефодиевского общества было разрешено вести общественную работу, в которой они и преуспели. В центре внимания украинофилов оказались вопросы создания украинского литературного языка. В настоящее время существование украинского литературного языка воспринимается как нечто очевидное, как данность, как объективная реальность. Более того, на Украине активно культивируется представление о его древности. Любые попытки создать непредвзятую, политически не ангажированную историю украинского языка наталкиваются на плотную стену околонучной мифологии и уже знакомой идеологии. А между тем все, что в настоящий момент считается реальностью, не является чем-то заданным и определенным изначально. Она производна, творима и становится объективной лишь в результате практической деятельности предыдущих поколений. Точно также наши потомки будут действовать исходя из той реальности, которую как результат нашей деятельности оставим им мы.

В середине XIX в. существование украинского языка вовсе не было реальностью, и это прекрасно понимали как противники его создания, так и сторонники. На народной малорусской речи возник ряд литературных произведений «изящной словестности», но язык, на котором они были написаны, был далек от того, чтобы называться (и являться) особым литературным языком. Российские образованные круги и власти страны считали язык малорусского крестьянства местным наречием большого русского языка и не препятствовали изданию на нем литературных работ и книг для народа, но только при условии, что они будут написаны русскими буквами, без примеси латинской графики¹³. Деятелей украинского движения это не устраивало. Они стремились к созданию отдельного языка, с помощью которого было бы легко очертить четкие границы формируемой общности. А существование подобного возможно при наличии особых норм и правил фонетики, грамматики, синтаксиса, лексики и орфографии. Поэтому энергия деятелей движения была направлена на закрепление существующих отличий народных малорусских говоров от русского литературного языка и на их искусственное создание.

Среди них особо выделялся Пантелеймон Александрович Кулиш, наиболее последовательный националист из всех украинофилов его поколения. Так, в письме к С.Т. Аксакову (1858 г.) он открыто заявлял, что для него и его единомышленников-украинофилов (горсточка, по его собственному признанию) Россия и

русская культура – чужие. По его словам, именно эта «горсточка», невзирая на политику правительства и, главное, отношение к ним малороссийской общественности («земляков-недоумков», как в бессильной злобе называл их Кулиш), хранит «завет свободы нашего самостоятельного развития» и «веру в свою будущность», которая, по их мнению, не могла быть одинаковой с будущностью остальной Руси¹⁴. Под старость, увидев, куда идет движение, у истоков которого стоял он сам, и поняв, чего желают его адепты, Кулиш станет отрешиваться от своих прежних сепаратистских идеалов и начнет ратовать за единство Великой и Малой Руси, велико- и малорусской ветвей русского народа. Но сделанного уже воротить будет нельзя¹⁵.

Именно П. Кулиш всерьез занялся созданием особого украинского языка. О том, что таковой украинцам необходимо не только иметь, но еще и создать, он говорил прямо. Им была написана украинская «Грамматика», начато создание алфавита (прозванного «кулишѣвкой»), лежащего в основе современного украинского алфавита, сочинялась научная (например, юридическая) терминология. Для придания украинскому языку видимых отличий от русского он удалил букву *ы*. Ее звук стал обозначаться буквой *и*. Но дело было даже не в личном вкладе Кулиша в создание особого украинского алфавита. Им была заложена методика, по которой стали действовать его последователи – создатели и конструкторы украинского языка в XIX–XX вв. Их трудами вслед за *ы* из украинской азбуки были изъяты буквы *ѣ* (ее звук стали передавать через сочетание согласной с мягким знаком), *ѣ* (заменен апострофом). Были введены некоторые новые буквы, например, *і* или *е*, а также заменен ряд русских букв на другие. Так, буква *э* была заменена на *е*. Но главное, в основу нового языка был положен не этимологический принцип, на котором основан русский язык (когда написание слов не всегда совпадает с их произношением), а фонетический (при котором все как слышится, так и пишется).

Этимологическое письмо для малорусской речи, на которое, кстати, российские власти смотрели вполне благожелательно, не устраивало строителей украинской идентичности: различия между местными наречиями и литературным русским языком оказывались несущественными (отличия региональных великорусских говоров от принятой литературной нормы были не меньшими). И это бросалось в глаза. Создание языка на фонетическом принципе открывало широкие возможности: можно было фиксировать любые, даже самые незначительные отличия ма-

лорусских говоров от великорусских и закреплять их при помощи нового алфавита^{2*}.

Вопрос о языках во второй половине XIX в. оставался открытым и вариантов его решения было множество. Наравне с теми, кто выступал за эмансипацию украинского языка, были сторонники создания на основе местных «мов» особых «волынського», «литвинського», «подольського» и ряда других языков. А это подразумевало бы оформление «волыньської», «литвинської», «подольської», а также «галицької» общностей. Выбор путей развития нациотворческих процессов был широк, причем они могли развиваться не только на малорусской и белорусской почве. Известно, что Л.Н. Толстой хотел написать азбуку на «тульском» наречии для «удобства» овладения грамотой детьми Тульской губернии (именно такими же образовательными причинами мотивировали свою борьбу за украиноязычную школу и сторонники украинского движения). Повторим, что различия в говорах жителей разных великорусских губерний (скажем, Поморья, Юга, Центра) были весьма заметными. Вполне возможно, что при желании определенных представителей образованных кругов, соответствующих действиях и, конечно же, благоприятной внутренней и внешней конъюнктуре, в настоящее время мы вполне могли бы иметь как данность «волынян», «подольцев», «туляков» с «поморами» или даже «Волынию», «Подолию», а то и вовсе «Туляндию» как государственные образования.

Официальная точка зрения на вопрос об украинском языке не являлась препятствием для выхода в свет и «Граматики», и различных букварей, переводов произведений зарубежных и древних авторов и прочей литературы, в том числе учебной, на местном наречии. Помимо работы на филологической ниве, в начале 1860-х годов участники национального движения приступают к объединению «украинских» сил в кружках («громады»). Тогда же, в 1861 г., начинает издаваться журнал «Основа». Журнал был посвящен проблемам истории, культуры, языка Украины, т.е. вопросам формирования украинской национальной идентичности¹⁶, которая со временем должна была превратить наци-

^{2*} Чтобы наглядно представить, как выглядело и воспринималось конструирование украинского языка, стоит вспомнить пьесу Бернарда Шоу «Пигмалион, или Моя прекрасная леди». Неизвестно, что стало бы с английской культурой и Англией, если бы талантливый лингвист профессор Хиггинс не учил бы Элизу Дулиттл литературному английскому языку, а вознамерился бы сделать ее говор эталоном и создать новый язык на основе *кокни* (cockney) – своеобразной «мовы» восточных районов Лондона и лондонского порта. А потом и обучать на нем простой народ в школах.

ональный фантом «Украина» в особое национально-политическое целое. Так, Н. Костомаров в 1860 г. писал, что в будущем славянском союзе «наша Южная Русь должна составить отдельное гражданское целое на всем просторе, где народ говорит на южнорусском языке». По его словам, единство народов и частей Российского государства должно сохраняться, но не на основе «губительной умертвляющей централизации, а на четком осознании равноправности и своих собственных выгод»¹⁷. Несмотря на то что первый опыт издания общественно-политического органа национального движения оказался неудачным (попросту не нашлось достаточного числа подписчиков), он положил начало публичной работе украинофилов, в частности, обсуждению вопроса об украинском языке как решающем факторе в национальной идентификации «украинцев».

К этому же времени относятся первые попытки перевода на новый язык Священного Писания. Опять-таки, дело заключалось не в желании скорейшего перевода богослужения на украинский ради удовлетворения религиозных потребностей народа. Будучи частью российской интеллигенции, украинофилы религиозными и церковными вопросами интересовались мало, оценивая действительность с точки зрения перспектив украинского национального строительства. Конечно, в то время в стремлении перевести Писание на украинский язык усматривать желание скорейшего превращения Русской православной церкви в «украинскую» нет оснований. Дело в другом. Перевод Священного Писания, как и прочих религиозных текстов, на какой-либо язык, особенно находящийся на стадии формирования, наглядно показывал степень развития и богатства языка данной нации и свидетельствовал о наличии одного из главных признаков национального коллектива. Впервые украинский перевод Евангелия был выполнен в 1860 г. инспектором Каменецкой гимназии Ф.С. Морачевским. Позже появились переводы отдельных частей Писания, выполненные П. Кулишом, И.С. Нечум-Левицким, галицийцем доктором Пулюем¹⁸.

После долгих обсуждений в Священном Синоде и императорской Академии наук целесообразности перевода Евангелия на украинский язык, на издание был наложен запрет. Против перевода выступили многие малороссы – противники создания украинской идентичности. В этом шаге они усматривали путь к подрыву государственных устоев России и расколу внутреннего культурного единства страны. По их мнению, «существование отдельной малороссийской литературы, разрешение на которую вытекает из разрешения Святого Писания на малороссийском языке (имеется

в виду украинский. — А.М.), привело бы «к ослаблению связи Малороссии с Россией»¹⁹.

Вопрос об украиноязычном Писании вновь всплыл лишь в начале XX в. В 1903 г. в Европе Британским Библейским обществом издается «Святе Письмо Старого й Нового Завіту». Это событие, а также революция 1905 г., активизировавшая движение, заставили Синод и Академию наук вернуться к отложенному вопросу. После совместной работы комиссии, созданной Академией наук (куда вошли филологи А.А. Шахматов, П.И. Житецкий и др.) и членов Синода было принято решение издать Евангелие на украинском языке в переводе Ф. Морачевского. В 1906 г. издание увидело свет. По выражению работавших с переводом еще в XIX в. И.И. Срезневского, А.В. Никитченко, А.И. Востокова (Остенека), «малороссийское наречие оказалось способно на степень литературного развития, к выражению тех божественных и величайших истин, какие содержит в себе Евангелие»²⁰. Хотя перевод был еще «сырой» и основная переводческая деятельность велась уже после революции, это означало, что украинский язык все больше превращался в реальность. Но это стало возможным не само по себе, а благодаря работе нескольких поколений украинофилов, закладывавших основы литературного языка, работавших над его грамматикой, лексикой.

Уделяли украинофилы внимание и народному образованию на украинском языке, добиваясь введения в школах малороссийских губерний преподавания на местном наречии, на свои средства открывая частные и воскресные школы, издавая буквари и прочие учебные пособия²¹. Шло становление украинской литературы, появляется целый ряд писателей (М. Вовчок, П. Мирный, И. Нечуй-Левицкий, О. Пчёлка, А. Барвинок и др.), не только украиноязычных, но и пишущих об «Украине» и для «Украины». На протяжении всей второй половины XIX в. культурно-национальный вопрос занимал в украинской литературе одно из центральных мест. При этом в поле зрения украинских писателей оказывались как чисто культурно-просветительские, так и социальные вопросы (например, о жизни крестьян), которые, впрочем, также ставились ими в контексте пробуждения любви к украинскому слову, обычаям, прошлому Украины²². Но ряды украинских литераторов пополняло и множество людей, не имевших писательских способностей. В работе на литературном поприще, в сочинении поддельных и тенденциозных, выдаваемых за подлинные, «дум» о временах казаччины, они видели сугубо конкретную цель: возможность проявить свои патриотические чувства к «Украине» и внести свой вклад в дело ее «возрождения» и, что не ме-

нее характерно, «освобождения» от Москвы. И таковых среди «пишущих патриотов» было большинство.

Однако развернувшаяся деятельность украинофилов была на некоторое время приостановлена. Отчасти это произошло из-за внутренней слабости движения (об этом говорилось выше), а отчасти этому способствовал изданный 18 июля 1863 г. циркуляр министра внутренних дел П.А. Валуева. В циркуляре подчеркивалось, что создание малороссийской литературы на малороссийском языке начинает выходить за рамки собственно литературных вопросов и приобретает политическое звучание. Оно заключалось в том, что «приверженцы малороссийской народности обратили свои виды на массу непросвещённую» и «под предлогом распространения грамотности» начали издавать книги для народа – буквари, грамматики и другую литературу. Эти лица обвинялись в идейных и организационных связях с поляками и в сепаратистских устремлениях, «враждебных для России и губительных для Малороссии». Циркуляр отрицал наличие «особенного малороссийского языка», относя его к простонародному наречию литературного русского языка, «испорченного влиянием на него Польши». Им также запрещалось издание книг духовного содержания, учебников и книг для народа на украинском, за исключением сочинений «изящной литературы»²³.

Видную роль в появлении этого циркуляра сыграло само малороссийское общество, а именно весьма многочисленные сторонники общерусского единства и противники особой украинской идентичности. Именно на их негативное отношение к попыткам украинофилов изобретать «так называемый украинский язык» и вести на нем пропаганду, и ссылался П. Валуев: эти люди «весьма основательно доказывают, что никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может»²⁴. Последние слова украинскими националистами обычно вырываются из контекста, и получается, что министр не констатировал наличие в малороссийском обществе противоположных подходов к проблеме, а выступал от своего имени, олицетворяя антиукраинскую политику империи.

Появление на свет Валуевского циркуляра, который украинские националисты считали и считают гонениями на украинскую культуру, было вызвано реакцией на польское восстание 1863 г., а, кроме того, опасением украинского сепаратизма и его возможного использования поляками в своих целях. Польские корни украинофильства, особенно его политических проявлений, о чем мы уже упоминали, были ясно различимы. Еще «Книга бытия украинского народа» провозглашала «сестринские» отношения

Украины и Польши («как будто ничего не было между ними плохого») и даже заверяла, что Украина «разбудит Польшу»²⁵. Правда, истинными будителями были как раз поляки, стремившиеся сделать из малороссов союзников в борьбе за воссоздание независимой Польши или, по крайней мере, противников России, и потому идейно и организационно возвращавших политическое украинство.

О том, насколько украинское движение было ориентировано на «польского учителя», можно убедиться из опубликованного в 1863 г. стихотворения «Ще не вмерла Украина» видного этнографа и украинофила П.П. Чубинского. Бросается в глаза прямое подражание польскому гимну «Ещё Польша не сгинела». В стихотворении содержится горячий призыв к потомкам «козацкого роду» восстать, «волю добывать» и «запанувать в своей сторонке». Призыв к восстанию Чубинский объяснял просто:

Наші браття Славяне вже за зброю взялись;
Не діжде ніхто, щобъ ми по-заду зістались.
Поеднаймось разомъ всі братчики – Славяне:
Нехай гинуть вороги, най воля настане!

Кто враг украинцев-казаков и их «братьев» – поляков ясно: это Россия и москали. Украину гнетет наследие Хмельницкого:

Ой, Богдане, Богдане, славний нашъ гетьмане!
Нащо віддав Україну москалям поганимъ?!
Щобъ вернути її честь ляжем головами,
Назовемся України вірними синами!²⁶

Характерно, что этот стихотворный призыв к восстанию появился именно в 1863 г. Но особенно символично то, что стихотворение стало настоящим гимном украинского движения, вдохновляя последующие поколения его адептов (и в том числе в XX в.) на борьбу за воплощение в жизнь национальных идеалов.

Рассчитывали польские мятежники и поднять крестьянское восстание. Но эти планы провалились: малорусское крестьянство не только не поддержало поляков, но и помогало русской армии подавлять восстание. Тем не менее угроза проникновения на село антиправительственной пропаганды через деятельность активистов украинского движения была ненадуманной. Другой причиной запрещения издания книг для народа, помимо его национальной составляющей, стала боязнь распространения среди крестьянства социалистических народнических идей²⁷.

Если посмотреть на проблему несколько шире, то можно заметить, что Валуевский циркуляр, последующие правительственные меры в отношении украинского движения, как и «антиукра-

инская» настроенность русских властей и их политика «русификации» Украины, имели своей целью сохранение и укрепление целостности русского общества и формирующейся в его недрах русской нации, частью которой считались малороссы²⁸. Надо отметить и то, что «антиукраинскими» этот и некоторые последующие шаги были, с точки зрения адептов национального движения, узкой и маргинальной в то время политической группы, и того проекта, который она воплощала в жизнь, а вовсе не с точки зрения современного понимания термина «антнукраинский» в значении «антинародный».

В этот же период происходит осмысление российским обществом украинского движения как движения национального, направленного на создание особой национальной общности. При этом в ее создании стала усматриваться прямая угроза национальной и государственной целостности России. В том, что создание украинской национальной общности рано или поздно поставит под вопрос целостность государства, были убеждены многие противники украинского движения. Сами украинофилы отрицали наличие каких бы то ни было планов по отделению от России. Историк и учитель одного из отцов украинского движения М.С. Грушевского, В.Б. Антонович, называл упреки в сепаратизме или желании «сепаратизма государственного» бессмысленной и наивнейшей клеветой, но тут же пояснял, что совсем другое дело, «когда под словом сепаратизм понимают желание развить южнорусский язык и южнорусскую литературу»²⁹.

Понятно, что развитие последних как самостоятельных единиц рано или поздно, пусть даже вопреки желанию деятелей движения, поставило бы вопрос и о политических формах связи Украины и России. В XIX в. подавляющее большинство украинофилов было убежденными сторонниками государственного единства двух русских народностей. Другой известный деятель движения, Михаил Петрович Драгоманов, говорил об этом еще конкретнее: «Отделение украинского населения от других областей России в особое государство – есть вещь ...вовсе ненужная для каких бы то ни было интересов украинского народа». Своих социальных и национальных свобод, считал Драгоманов, народ сможет быстрее достичь не путем сепаратизма, а в рамках преобразованной России. А о своих соратниках он отзывался следующим образом: «...люди, посвятившие себя освобождению украинского народа, будут самыми горячими сторонниками преобразования всей России на началах наиболее благоприятных для свободы развития всех ее народов»³⁰.

Украинофилы вполне могли быть искренними, говоря, что не ставят перед собой политических целей и не желают отделяться

от России. Но тогда сделать это было невозможно хотя бы потому, что надо было ясно обосновать, кто, зачем и почему собирается отделяться, и обосновать это, прежде всего, перед своими земляками и не только перед крестьянами, но и образованными слоями общества. А среди последних имелось немало активных противников украинской идентичности, считавших себя русскими, русскими-малороссами. Таким образом, украинскому движению еще только предстояло создать основу для политических устремлений. Все внимание было уделено вопросам строительства украинской общности – созданию языка, национальной культуры, литературы и т.п. Оградительными мерами правительство сумело приостановить развитие движения на несколько лет. Его новый подъем стал возможен в начале 1870-х годов и был вызван, опять же, оживлением общественной жизни в России.

Украинское национальное движение, особенно на своих ранних этапах, да и на протяжении XIX в. вообще, очень многим обязано тому, что в советские времена называлось российским «освободительным» и «революционно-демократическим» движением. Соединение воспоминаний о Запорожье и казачьей автономии (причем подчас далеких от реально-исторических и превращенных в своеобразный глянцевоый агитационный проспект, изобилующий бунчуками, радами и шароварами) с российским либеральным и революционным движением придало украинству живительную силу. По словам исследователя идеологии украинского сепаратизма Н.И. Ульянова, «украинофильство XIX века... представляет причудливую амальгаму настроений и чаяний эпохи гетманщины с революционными программами тогдашней интеллигенции». Оно «сделалось обязательным признаком русского освободительного движения» и шло вместе с ним, получая от него идейную, духовную, а часто, и материальную поддержку³¹.

На пореформенный период приходится начало активной деятельности нового поколения украинофилов, поколения более политизированного, к тому же не дворянского, а интеллигентско-разночинского происхождения. Украинофильство начинает активней проникать в образованное общество, прежде всего в среду студенческой молодежи. «Украинские» кружки появляются в университетах, игравших важную роль в становлении и утверждении национальной идентичности. Например, в 1860–1864 гг. до 70% активистов национального движения составляли студенты Киевского и Харьковского университетов³². Все больше внимания деятели украинского движения стали уделять развитию научной, культурной, издательской деятельности, которую взяли на

себя Киевский (Юго-Западный) отдел Русского императорского географического общества (РГО) и журнал «Киевская старина». По-прежнему издавалась учебная и народная литература по разным отраслям знаний³³.

Валуевский циркуляр соблюдался не всегда. Кстати, мягкость «репрессий» признавали и сами украинофилы. М. Драгоманов позднее указывал, что ограничения 1863 г. были весьма избирательными. Так, они запрещали Костомарову «печатать в России по-украински Библию и популярные педагогические книги, но не запрещали ему печатать по-украински “Богдана Хмельницкого”, “Мазепы” и тому подобные произведения»³⁴. Это обстоятельство на фоне активизации украинского движения, оформления идейных принципов национального строительства, развития украиноведческих дисциплин, языка и литературы вновь вызвало опасения у противников украинофильства в Малороссии и у российских властей и привело к появлению указа, подписанного императором Александром II 18 мая 1876 г. в германском городе Эмс.

Деятельность украинофилов в нем признавалась опасной в государственном отношении. Вводился запрет на ввоз из-за границы книг на украинском языке, равно как и на издание таковых в России (кроме исторических памятников, которые должны были печататься при помощи русской, а не украинской орфографии). Запрет налагался на украиноязычные сценические постановки, публичные чтения, преподавание на украинском. Указ настаивал на более тщательном подборе преподавательских кадров в школах и прочих учебных заведениях. Киевский отдел РГО был закрыт, а его активные члены – М. Драгоманов и П. Чубинский – высланы за пределы малороссийских губерний³⁵. Формально указ действовал до 1905 г., хотя на практике не стал сколько-нибудь серьезной преградой на пути развития украинского движения. Репрессии, и то весьма либеральные, коснулись узкого круга лиц. Деятельность украинофилов на культурной и языковой ниве также существенно не пострадала. Они перешли к так называемой органической работе, т.е. подчеркнуто дистанцированным от политики занятиям в области истории и культуры. Даже последствия указа в издательской сфере не были такими суровыми, как можно было предположить. Скажем, в конце 1870-х годов из общего числа рукописей, представленных на цензуру, 20% были запрещены к печати, еще в 10% случаев делались изъятия. В 1896–1900 гг. Киевским цензурным комитетом ежегодно запрещалось около 15% украинских изданий. Соответственно 85% к печати допускалось³⁶.

Но Эмский указ имел и иные последствия. Во-первых, он усилил недовольство у вполне лояльных, но украинофильски настроенных групп общественности. Но главное, он активизировал перенесение украинской культурной жизни из Малороссии в населенную русинами австро-венгерскую Галицию. Цензурные ограничения спровоцировали то, что должно было произойти по законам внутренней логики развития движения. Пребывание части русских (в широком смысле слова) этнических земель в составе другого государства, с более либеральным политическим режимом, которое к тому же использовало украинское движение в отношениях с Россией и «своими» поляками в собственных интересах, рано или поздно должно было привлечь внимание деятелей украинского движения. Кроме того, среди русинского населения Галиции наблюдались процессы, имевшие параллели с теми, что происходили в России. Постепенно в Галицию переносится «украинская» литературная, издательская и научная деятельность, а сама она превращается в центр национального движения, что позволило украинофилам по аналогии с процессом объединения Италии окрестить ее «украинским Пьемонтом»³⁷. Перенесение центра тяжести движения в Галичину и его поддержка австрийскими властями способствовали тому, что местное культурное возрождение русинов, начавшееся в середине XIX в. как общерусское, под знаменем единства со всем русским народом, все больше начало развиваться в направлении формирования украинской идентичности.

Как показало будущее, это имело для судьбы украинского движения далеко идущие последствия. Тесный контакт с галицкими деятелями вызвал к жизни теорию «соборности», подразумевавшую, что русская и австрийская части «Украины» являются единым целым, идеальным Отечеством единого «украинского» народа. В дальнейшем, когда украинское движение вступило в фазу своей политической зрелости и начало выдвигать политические требования, именно это представление легло в основу всей украинской идеологии. Другим не менее важным последствием перенесения центра тяжести «украинской» жизни в Австро-Венгрию стало сильное культурное и политическое влияние, которое это движение испытало со стороны галицийского «этнического материала». Например, теперь создавать украинский литературный язык приходилось исходя из теории «соборной Украины» и с учетом особенностей разговорной речи галицких русинов, нередко очень существенных.

Не меньшее воздействие испытала и психология движения, которая закладывалась в основу психологии создаваемой нацио-

нальной общности. К изначальным идейным установкам украинского движения, к антироссийской и антирусской пропаганде, которая велась поляками, а затем и австрийскими властями, добавилось неприятие политического строя России и политики российских властей, затруднявших работу по созданию украинской нации. Озлобление у адептов украинства вызывало также отношение большей части российского общества, не признававшей отдельную украинскую идентичность и не желавшей ее признавать. Постепенно у многих представителей движения, особенно галицийцев, все это слилось воедино и переросло в неприятие России, русских и русской культуры как главного препятствия на пути создания особой украинской культуры, на пути становления «Украины». Все больше становилось людей, считавших Россию «чужой», и все меньше тех, кто в украинофильстве видел пути прогрессивного преобразования России. Галиция стала подходящей почвой для выработки основной черты психологии движения — его антироссийской и антирусской направленности, когда Россия воспринималась как нечто чужое, внешнее, непонятное и враждебное.

Немалую роль в формировании образа России играли религиозные различия малороссов и галичан (православие—униатство). Австрийское правительство и польская общественность Галиции поддерживали те круги галицийских русинов, которые заявляли о своей украинской идентичности, и враждебно относились к галичанам, считавшим себя частью единого русского народа. Поддержка Петербургом местных русофилов в силу разных причин была непоследовательной и непланомерной. И как результат, уже к концу XIX в. украинская партия (называвшаяся народовой) начала приобретать превалирующее положение среди образованного населения Галиции. Она берет в свои руки инициативу по «воспитанию» простого народа, среди которого все активной начинает распространять украинскую национальную идентичность. Во многом этому способствовало созданное в 1868 г. общество «Просвита», со временем «покрывшее» всю Галичину сетью своих организаций, читален, библиотек, связанных с ней кооперативных и спортивных обществ³⁸. Постепенная, методичная работа украинских организаций, особенно в экономической сфере, поддержка ими крестьянских хозяйств, вырабатывали у галицийских крестьян отношение к ним как к «своим» и тем самым способствовали закреплению украинской идентичности.

Наряду с начавшимся перенесением украинских идей в народные массы, в Галичине украинское движение активно занималось идеологическим и научным оформлением украинского «фанто-

ма». Неоценимый вклад в эту работу внесло созданное в 1873 г. силами российских украинофилов Общество имени Шевченко, которое с 1892 г. стало называться Научным обществом (Товариществом) имени Шевченко (НТШ). Оно занималось научной, культурной, издательской деятельностью. Немало работ, вышедших во Львове, было написано «украинцами», проживавшими в России, а также теми, кто оттуда эмигрировал. Значительная часть средств, за счет которых жило Общество, поступала из России (от сочувствующих украинскому делу), а также от австрийского правительства. Общество состояло из исторической, филологической и естественнонаучной секций. Вклад НТШ в дело развития украинского движения значителен. Им были выпущены 118 томов «Научных записок», посвященных украинской истории, этнографии, литературе, 35 томов «Этнографического сборника», 14 томов опубликованных источников по истории, многочисленные литературные произведения и, реже, естественнонаучные труды³⁹. Работа по созданию «украинской» науки, научному обоснованию целей и идеалов движения, сложению национальной концепции истории особенно активизировалось после того, как в 1898 г. НТШ возглавил историк и общественный деятель из российской Украины Михаил Сергеевич Грушевский.

Роль М. Грушевского в деле создания украинской нации поистине огромна. Его научная и общественная деятельность была во много раз весомей его непосредственного участия в политике. Он создал главный труд – многотомную «Историю Украины–Руси», в котором сформулировал национальную концепцию истории Украины, определил место формируемой общности в прошлом и настоящем. Собственно, об «украинском народе» как о субъекте истории стало возможно говорить лишь после выхода его трудов. Он собрал истории земель, входивших в «идеальное украинское отечество», до этого составлявших историю других государств и народов, и создал из них историю «украинского» народа.

Следует кратко охарактеризовать идейную основу национальной концепции истории «Украины». Поскольку официально считалось, что все части православной Руси являются единым целым, имеющим общую этническую, культурную и государственную традицию, восходящую к Древней Руси, а противники украинства отрицали наличие особой украинской идентичности, ссылаясь на отсутствие сколько-нибудь серьезных различий между великороссами и малороссами, то сторонники украинского движения все усилия сосредоточили на доказательстве обратного. Так, одним из краеугольных положений работ М. Грушевского стало отрицание этого единства в прошлом и настоящем. Украин-

на объявлялась единственной преемницей древнерусского (или, по введенной им терминологии, «древнеукраинского») наследия: религии, культуры, государственности. Одним из главных постулатов стало утверждение, что различия между русскими и украинцами носили существенный характер и зародились очень давно, еще в эпоху расселения славян. Племена, входившие в состав Древней Руси так и не составили единого народа, так как политическое объединение было верхушечным и не затронуло широкие слои населения, различавшиеся по языку, по жизненному типу, бытовому укладу. После распада Киевской Руси южная и северная ветви восточного славянства продолжали идти каждая по своему собственному пути, а лишенный государственности украинский народ попал под чужеземную (в том числе российскую) власть и боролся за свое национальное существование⁴⁰.

По сути, Грушевский подхватил и развил тезис, выдвинутый еще Н. Костомаровым в работе «Две русские народности» (1861 г.). В ней известный украинофил озвучил теорию о существовании не только двух русских языков, но и двух русских (пока еще) народностей, различающихся всей своей сущностью (языком, историей, характером, антропологией) и сведенных воедино только ходом истории. Со временем «вторую» народность перестали называть «русской».

Но создание самостийной истории Украины началось задолго до Грушевского и даже Костомарова. Корни самой схемы уходят к уже упоминавшейся «Истории Русов», представляющей собой историю Южной Руси, написанную на основе поддельных казачьих летописей, легенд и сознательно искаженных фактов. «История» играла роль своеобразного манифеста гетманского автономизма, должна была служить «доказательством» древности и благородства казачьих родов и их равноправности (если не больше) с русским дворянством, а следовательно, средством борьбы за сословные права и привилегии. Именно в ней содержались основные положения украинской идеологии: изначальная обособленность малоруссов, различная судьба Малой и Великой Руси, обвинения России «в кривде» и угнетении Малороссии, прославление Мазепы как борца за украинскую независимость и т.д. «История Русов» была популярна в образованных кругах, долго не воспринималась критически и принималась на веру. Оказала она и сильнейшее влияние на зарождение украинофильства.

Грушевский представил эту известную схему в виде научной концепции, нанизав на нее огромный фактический материал и придав ей, тем самым, внешнюю убедительность и солидность (хотя сами приводимые факты часто существуют вне схемы и во-

все не обязательно свидетельствуют в ее пользу, а порой, могут быть истолкованы с прямо противоположной стороны). Но главное, он положил в ее основу не сословные интересы и привилегии казачьей верхушки, а национальный фактор, сделав субъектом истории «украинский народ». Поэтому Грушевский и имеет право считаться создателем схемы украинской истории.

В дальнейшем этот подход, как и этноцентризм концепции, лег в основу украинской исторической науки и разнообразных политических доктрин. Аналогичные идеи были представлены и в других гуманитарных областях. Так, украинская литература выводилась из древнерусской литературы (естественно, она именовалась «украинской»), но разделялась с русской. Как утверждали авторы этих схем, еще памятники XII–XIII вв., созданные в Южной Руси, отличались по языку от тех, что были созданы в Руси Северной. В последующие столетия произведения, вышедшие с территории Украины, по языку все больше сближались с народной речью. Этот процесс был прерван в XVII–XIX вв. насильственным запрещением «живой разговорной речи» и введением русского языка во все сферы общественной жизни. Вопрос о языке и здесь был одним из основных. При этом желание создать свой язык приводило к настойчивым попыткам отгородиться не только от русского, но и от церковнославянского языка. Так, один из основателей украинского литературоведения, Е. Огоновский, признавал литературу Киевской Руси хоть и украинской, но «мертвой», «ненародной», ибо писалась она не на народном разговорном языке, а на старославянском. Он также отделял украинскую литературу от «московской», руководствуясь территориальным принципом происхождения произведения⁴¹.

М. Грушевский продолжал работу по созданию украинского языка, терминологии, фонетического правописания. Научное общество также переводило на украинский язык труды русских ученых малорусского происхождения, прежде всего историков и филологов. Механическое «возвращение» трудов «блудных сынов» в лоно «украинской» науки (зачастую, посмертное), позволило адептам движения вскоре утверждать о существовании таковой.

После перенесения центра тяжести украинского движения в Галичину деятельность украинофилов в России сосредоточилась на сфере культуры и просвещения. В 1882 г. в Киеве был основан журнал «Киевская старина». Вскоре были разрешены украиноязычные театральные постановки, издание словарей и текстов к нотам. Надо сказать, что украинофилы придавали театру большое значение, считая его трибуной, с которой не только звучала украинская речь, но и распространялись украинские идеи⁴². Буду-

чи широко доступным и зрелищным, театр способствовал усвоению политических и социальных идей, формированию самосознания, в том числе национального. Продолжали существовать и малочисленные кружки интеллигенции, деятельность которых не выходила за рамки культурно-просветительской работы.

Таким образом, к началу XX в. украинское национальное движение подошло с частично разработанным литературным языком, национальной концепцией истории, художественной литературой, некоторыми общественными формами движения. Национальные идеи начали транслироваться в народные массы. Но все это, особенно общественная деятельность, имело место в основном в Галиции. В России движение развивалось не столь явно, сосредотачивая усилия, в основном, на литературной и некоторых формах общественной работы. Легальных украинских организаций, помимо кружков, в России не существовало. Но движение набирало силу и здесь, украинские идеи находили все больше приверженцев среди образованных слоев населения, начинали просачиваться в народ.

Активизации этих процессов способствовало развитие промышленности, путей сообщения и связи, которые приводили к значительным изменениям в социальной сфере. Крестьянство втягивалось в товарно-денежные отношения, происходила урбанизация и связанные с этим миграции населения, которые изменяли этнический облик территорий, развивалось образование. Все явственнее стали ощущаться пока еще постепенные изменения в массовом сознании, размывание рамок старого, привычного мира. Индустриальные преобразования постоянно увеличивали спрос на образованных людей, соответственно, количественно росли ряды интеллигенции. Противоречия российского капитализма, при которых сохранялись многочисленные экономические и политические пережитки, приводили к тому, что в обществе стали накапливаться и обостряться социальные противоречия. В них оказались вплетены проблемы национальные. До поры до времени они находились как бы в латентном состоянии и не воспринимались населением как самоценные. Но по мере изменений социально-экономического уклада, общество постепенно подготавливалось к их восприятию.

Украинское движение возникло не как естественная реакция на радикальные социально-экономические преобразования и их следствие (подобно европейским национальным движениям), а, прежде всего, как идейное течение, пользующееся собственными легендами и заимствованными в Европе и пересаженными на российскую почву идеями. Но если раньше эти последние оставались

на уровне идейных течений, то теперь, используя складывающуюся конъюнктуру, они получали возможность привиться и приобрести осязаемое наполнение. Накопленные силы, идейный, научный, лингвистический багаж позволили украинскому движению в новых условиях приступить к более четкому и ясному самоосмыслению и к формулированию своих требований и задач уже на организационном уровне.

Рубеж XIX–XX вв. Политизация движения. Новый этап в жизни украинского движения, получивший название «младоукраинского», начался с 1890-х годов и заключался в переходе к организационно-политической фазе развития и отказе его адептов от традиционного культурно-просветительского украинофильства. Сам термин *Молодая Украина* был введен публицистом Т. Зиньковским и подхвачен галицким писателем и активным деятелем движения Иваном Франко, а вслед за ним и другими его активистами. В этот период в «украинство» вливается новое поколение участников (по преимуществу молодежь – студенты, гимназисты), которое создает свои кружки, устанавливает более тесные связи с народоовскими громадами и социалистическими течениями Галиции, формирует новую идеологию. Происходит резкая политизация требований и настроений.

Но одной из важнейших задач, доставшихся «младоукраинцам» по наследству от старого поколения украинофилов, оставалось сплочение «украинских» сил и самоубеждение в справедливости дела. Материалы Киевского жандармского управления содержат весьма показательные примеры подобной деятельности. Так, в 1898 г. студент Киевского университета В. Доманицкий, в будущем ставший историком-популяризатором и кооперативным деятелем, занимался тем, что рассылал конспиративные письма (под псевдонимом Диваковский) студентам высших учебных заведений России, симпатизировавшим украинскому движению. В них помимо прочего (например, предложений о поставке украинской литературы, в том числе галицийской) он убеждал своих единомышленников, что «украинское возрождение является не химерой и пустой мечтой, а потребностью народных масс»⁴³.

В Петербурге несколько студентов создали нелегальный кружок социалистов-федералистов⁴⁴. Основной задачей кружка его члены считали национальное развитие украинской нации, а в политической сфере – полную автономию Украины⁴⁵. В 1891 г. в Каневе несколькими молодыми людьми создается тайное «Братство тарасовцев». В качестве своей цели братчики добивались достижения самостийности и автономии Украины, ее развития и укреп-

пления как национальной единицы (языка – «органа духа и проявления психологии народной», культуры и т.п.). Они не сомневались, что «Украина была, есть и всегда будет отдельной нацией, и как каждая нация... потребует своей национальной воли для своей работы и прогресса». Тарасовцами были впервые сформулированы обязанности человека – члена нации перед всей нацией. Исходя из них, каждый украинец в общественной и частной жизни должен быть последовательным и делать все, что требует идея «возрождения» Украины⁴⁶.

Идеология прочих младоукраинских кружков и обществ была аналогична тарасовской. Показательна не только политизация движения, произошедшая под воздействием как внутренних механизмов, так и внешних факторов, обусловленных социально-экономическим развитием России, Галиции, становлением мирового социалистического движения, но и его «национализация». Новое поколение окончательно сформулировало свою национальную украинскую идентичность, превратило украинство из культурной и культурно-этнической категории в категорию национальную, установило связь между украинской нацией в целом и отдельным «украинцем» – членом этой нации. Оно порвало с двойной идентичностью, причем даже не только с «малорусско-русской», но и «украинофильско-малорусской», которая была распространена среди многих украинофилов старшего поколения. Стоит сказать, что новое поколение отвергало даже сам термин *украинофилы*, называя себя «національно свідомими» (национально сознательными) украинцами⁴⁷. То есть такими, которые были «украинцами» не только по происхождению или даже не только по сознательному использованию «украинского» языка, но и по глубокому убеждению, посвятившими свою жизнь служению «украинскому» народу. Писатель и учитель Б.Д. Гринченко, как раз «національно свідомий», это служение своих единомышленников выразил следующим образом: «Свободы! Свободы украинскому народу, как самостоятельной национальной единице, думать, верить, говорить, писать, трудиться и в своем крае управлять так, как он сам того хочет»⁴⁸.

Национальные процессы по-прежнему активно развивались главным образом в Галиции. Там продолжается формирование украинской культуры, истории, языка, возникают первые политические организации, ведется идеологическая работа, обсуждаются, в том числе в прессе, проблемы национального и государственного развития Украины. Все большее распространение получает концепция соборности, утверждающая единство всего украинского народа вне зависимости от государственных границ. На-

чинается увязывание национальных и социалистических идей, причем происходит это не только в Австро-Венгрии, но и в Малороссии, куда эти идеи проникали в том числе стараниями украинских националистов из Галиции. Например, в Киеве появился интеллигентский кружок «Украинская социал-демократия», созданный в 1896 г. И. Стешенко и Л. Косач-Квиткой (Леся Украинка).

Благодаря давним народническим и либеральным традициям отечественной интеллигенции, новое течение все активнее утверждается и в России. Кружки, связанные с социалистическим учением, возникают не только в Киеве, но и в других городах. Появление в Галиции и Малороссии партий и обществ с политической окраской и политическими требованиями, было предвестником того, что украинское движение стоит на пороге организационно-политического оформления и уже начало эволюционировать в этом направлении. И в феврале 1900 г. в Харькове возникает Революционная украинская партия (РУП), ставшая тем корнем, из которого впоследствии выросло большинство украинских партий. Она была создана представителями народнически (Б. Ярошевский), социалистически (Л. Украинка, Д. Антонович, М. Русов) и крайне националистически (Н. Михновский) настроенных кружков⁴⁹. Общей платформой для людей со столь разным на первый взгляд мировоззрением был национальный вопрос.

Поскольку все эти люди мыслили национальными категориями и определяющим для них был именно национальный фактор, то всех их, вне зависимости от позиции по социально-экономическим вопросам и разной степени интерпретации национальных проблем, можно считать украинскими националистами. Национальная направленность имела у всех украинских партий. Именно благодаря этому они и существовали как «украинские». Те представители социально-активных кругов малороссийского общества, кто не разделял украинскую идеологию или был равнодушен к «украинскому вопросу», а таковых было очень и очень много, вливались в общероссийский политический процесс и пополняли ряды общероссийских партий, в том числе революционных. Такие люди, по горьким замечаниям «национально сознательных украинцев», были навсегда потеряны для украинского движения и, тем самым, значительно ослабляли дело национального становления Украины⁵⁰.

Национализм можно считать чем-то единым только при широком взгляде на него, когда нужно установить его суть, его основное положение, а именно определенный способ видения и понимания окружающего мира и продиктованную этим способом видения социальную практику. При более пристальном взгляде

обнаруживается, что в рамках этого способа существует множество оттенков и направлений, зависящих от самых различных факторов – происхождения, социального положения, воспитания, образования человека, его эмоциональности и темперамента, специфики жизненного пути, окружения и прочих внешних условий, от воздействия которых зависит, в какой форме и в какой степени эти категории национального будут определять мышление и социальное поведение человека. Таким образом, национализм как способ мышления и социальной практики является единством во множестве, феноменом сложным и многоликим.

Украинское движение имело под собой общий фундамент и общий вектор развития. Но в силу того, что в движении принимали участие люди разные, имевшие разное видение будущего Украины, оно не могло быть монолитным и не было таковым. Это наглядно продемонстрировала судьба РУП. Вначале, как уже было сказано, в нее вступила украински настроенная молодежь и интеллигенция различных направлений, от радикально-националистического до социалистического. Появилась у нее и идейная платформа. Ее по просьбе Д. Антоновича написал Н.И. Михновский – адвокат, названный впоследствии отцом украинского национализма. Его брошюра под названием «Самостийная Украина» ясно и недвусмысленно давала понять, что Украина – особый национальный организм, являвшийся таковым еще в XVII в., а затем насильно (в обход «Переяславской конституции», якобы заключенной между Московским государством и украинской «республикой») подчиненный Россией и угнетаемый ею. Поэтому, заключал автор «Самостийной Украины», «единая неделимая Россия для нас («украинцев». – А.М.) не существует»⁵¹. Поскольку эта брошюра, как и сама РУП, для которой она была написана, оказали серьезное влияние на дальнейшее развитие украинского движения и его идейные приоритеты, имеет смысл остановиться на ее содержании подробнее.

Н. Михновский исходил из того, что современный ему мир стал ареной великой борьбы наций, в том числе наций угнетаемых против наций угнетающих. К числу первых он относил украинцев, причем подчеркивал, что в условиях России им грозит политическое национальное и культурное вымирание. Сохранение национальности, считал Михновский, было возможно только в своем государстве (причем государстве этнократическом), поэтому государственную самостоятельность он считал главным условием существования нации, а государственную независимость – национальным идеалом в сфере межнациональных отношений⁵².

Таким образом, борьба за нацию становилась борьбой за государственность, и наоборот.

Борьба предстояла со всеми противниками украинства и в первую очередь с Россией. Михновский выстроил систему доказательств (весьма спорных с исторической и юридической точки зрения) того, что Россия владеет Украиной незаконно. Суть их сводилась к следующему: после Переяславской Рады (договора «равного с равным») Украина сохранила свою независимость и права самостоятельного государства. А поскольку Россия нарушила этот «договор», поправ украинский суверенитет, он терял для Украины силу. Интересы русских и украинцев были, по его представлению, диаметрально противоположны. Как представитель «нового поколения» Михновский решительно порывал с украинофильством. «Времена вышитых сорочек, сермяг и горилки миновали и никогда уже не вернуться». Задача «сознательных украинцев» – возвращение отнятых прав и восстановление «одной, единой, неразделимой, вольной, самостийной Украины от Карпат и до Кавказа». Возвращение их будет возможно в жестокой, кровавой борьбе, потребность которой, с точки зрения Михновского, вытекает из факта национального существования украинцев⁵³.

Таким образом, устами харьковского адвоката украинское движение во всеуслышание заявило о своих целях и национально-политических приоритетах. По словам известного деятеля движения В. Дорошенко, РУП стала первой попыткой самостоятельного выхода украинской молодежи на политическую арену под знаменем независимой Украины⁵⁴. Правда, экстремизм отца украинского национализма, его неприкрытую враждебность российской государственности и заикленность лишь на национальной борьбе разделяли далеко не все активисты движения. Долгие годы им пришлось отрещиваться от точки зрения Михновского и ряда ксенофобских положений брошюры – этого «первородного греха» украинского национализма. В 1903 г. РУП официально отмежевалась от взглядов Михновского, приняв принцип автономии Украины. Видный деятель украинского движения и член РУП Б.Н. Мартос позже объяснял это тем, что лозунг полной самостийности «не получил никакого отклика в массах»⁵⁵.

Нет оснований сомневаться в истинности этих слов. Основная масса адептов украинского движения придерживалась автономистско-федералистских идей (правда, эти понятия толковались весьма широко и по-разному), во всяком случае пока не думая всерьез о возможности и необходимости полного отделения. Однако вопрос о полной независимости был лишь вопросом времени, вопросом внутренней готовности и внешней возможности.

Ведь и к идее федерализма–автономизма большая часть деятелей украинства тоже пришла не сразу, десятки лет перед этим занимаясь вопросами культуры и идентичности, не переводя их в политическую плоскость. Собственно, переход был запрограммирован изначальной сущностью движения, возникшего как новая форма южнорусского сепаратизма. И даже если его адепты умом понимали нецелесообразность этого, логика движения подсказывала иное поведение. К тому же разум часто пасовал перед эмоциями.

То, что федералистские симпатии рано или поздно сменятся требованиями полной независимости и то, что это надо будет сделать, для наиболее последовательных вождей украинства было делом решенным. «Мы признаем федеративные формы наиболее совершенным способом сочетания государственного союза с интересами свободного и нестесненного развития национальной жизни», – писал в 1907 г. М. Грушевский. И тут же оговаривался, что в условиях настоящего момента приходится настаивать «на осуществлении принципа национально-территориальной автономии как одного из оснований нового государственного устройства». Однако «отец» украинского движения откровенно утверждал, что «последовательным и логическим завершением запросов национального развития и самоопределения всякой народности» является «полная самостоятельность и независимость»⁵⁶. О том, что идеалом украинского движения является «независимая Русь–Украина», в которой соединятся воедино «все части нашей нации», Грушевский и его галицийские коллеги публично высказывались еще в 1899 г.⁵⁷ Становилось понятно, почему уверения представителей национальных движений в том, что они дорожат единством России и не помышляют об отделении, по словам того же Грушевского, не имели «ни для кого особой убедительности»⁵⁸. Дальнейшие события развивались именно по такому сценарию.

Возвращаясь к брошюре «Самостийная Украина» отметим, что, несмотря на временное неприятие ряда утверждений, ее краеугольные положения, например об украинцах как особой нации, о Переяславской Раде как договоре «равного с равным», о «несправедливом» подчинении Москве и необходимости борьбы за национальную эмансипацию Украины, принимались безоговорочно. А само появление «Самостийной Украины» стало поистине знаковым событием в истории украинского движения, так как в ней ясно говорилось не о сиюминутных задачах, а о стратегических целях движения, о том, что рано или поздно встало бы на повестку дня.

Члены РУП, по преимуществу студенты, учителя и прочие представители интеллигенции создавали ячейки во многих городах Малороссии. Весной 1902 г. на волне стихийных крестьянских беспорядков в Полтавской и Харьковской губерниях, вызванных прошлогодней засухой и недородом, были предприняты попытки ведения агитации на селе. Но влияние РУП там было слабым⁵⁹. Вскоре дали о себе знать различия в подходах к социально-экономическим вопросам. В 1902 г. из РУП вышли радикальные националисты, создавшие свою Народную украинскую партию, с 1917 г. получившую название Украинской партии социалистов-самостийников. За ними из РУП вышли народнически настроенные группы⁶⁰. Покинули ее и те, кто больше тяготел к общероссийской работе (это течение в дальнейшем влилось в РСДРП). Те же, кто остался, эволюционировали в сторону социал-демократии. Основные принципы в национальном вопросе были подтверждены, но при этом «манифест» РУП был подвергнут критике за отсутствие социалистического мировоззрения. Эволюция этой группы руповцев завершилась в декабре 1905 г., когда она приняла название Украинской социал-демократической рабочей партии и окончательно перешла на социал-демократические позиции⁶¹. Этой партии, из которой вышли многие виднейшие представители украинского движения (В. Винниченко, С. Петлюра, Н. Порш, В. Чеховской), было суждено сыграть заметную роль в развитии украинского движения до 1917 г. и во время Гражданской войны. Именно она способствовала его политическому и идеологическому оформлению.

Революция 1905 г. вдохнула новые силы в украинское движение. Окончательно отошли в прошлое ограничения 1876 г. Высочайший Манифест 17 октября, даровавший политические свободы (слова, собраний и т.п.), открывал возможности для легального существования общественных и политических организаций, в том числе созданных по национальному признаку. Таковые начали появляться на Украине еще до начала революции. Возникают новые и легализуются возникшие ранее партии. Одновременно с этим началась организация украинской прессы. Увидели свет газеты «Рада», «Село», «Засів», «Рідний край», журнал «Світло», ряд местных периодических изданий. Своей целью они провозглашали борьбу за право украинского народа на самостоятельное национально-политическое существование, которое могла обеспечить автономия Украины.

По-прежнему основной задачей движения оставалось всестороннее развитие украинской национальной общности и трансляция ее черт «вниз», в народные массы, формирование у них укра-

инского самосознания и идентичности. Эту задачу весьма конкретно сформулировал И. Франко: «Перед украинской интеллигенцией, – писал он, – открывается теперь, при более свободных формах жизни в России, огромная действительная задача – создать из громадной этнической массы украинского народа украинскую нацию, цельный культурный организм, способный к самостоятельной культурной и политической жизни»⁶². Воплощение этой задачи взяли на себя украинские клубы, кружки, музыкальные общества и коллективы («Кобзарь», «Боян») и др. Появляются и «Просвиты» – аналог галицийских обществ, работавшие в направлении образования и просвещения (в первую очередь в национальном духе) сельских и городских масс. Быстро развиваются украиноязычные книгоиздательства, особенно педагогической литературы (например, издательства «Дзвин», «Украинский учитель», «Криница»), появляются книги для народа. В Киеве начинает функционировать Научное общество, выходит редактируемый М. Грушевским «Литературно-науковий вісник». Ведется агитация за открытие в университетах украинских кафедр, преподавание украинской литературы, истории.

Кроме того, получают развитие организованные коммерческие общества на паях (естественно, с национальной окраской), сочетавшие экономическую и «украинскую» деятельность. Так, киевская фирма «Крамница Час» занималась торговлей украинской литературой и изделиями кустарей. Аналогичную работу, только уже среди крестьян, вело общество «Добробут» и еще ряд кооперативов. Последние редко имели украинскую национальную окрашенность, занимаясь по преимуществу чисто экономической деятельностью. Но трудившиеся в них представители сельской интеллигенции, среди которых увеличивалась численность «сознательных украинцев», могли проводить соответствующую идейно-воспитательную работу среди крестьянства и по личной инициативе⁶³.

Наступившая вслед за окончанием революции реакция частично приостановила бурное развитие движения. Так, циркуляром Министерства внутренних дел от 20 января 1910 г. губернаторам предписывалось не допускать регистрации украинских (как и еврейских) организаций, возникших на почве сугубо национальных интересов⁶⁴. Закрытыми оказались многие «просвиты» и украинские газеты. Издание ряда газет и журналов было запрещено правительством, некоторые же закрывались сами по причине отсутствия средств и подписчиков. Но «украинская» жизнь не прекращается. К этому времени движение достигло такого состояния, которое одними бюрократическими методами ликвидиро-

вать было невозможно. Остались и печатные издания, в том числе на украинском языке, сохранились украинские библиотеки, продолжала выходить и книжная продукция, сочинения по украинской истории, литературе, географии. Например, в «Короткой географии Украины» С. Рудницкого были очерчены границы «идеальной Украины», на востоке упиравшиеся в Каспий и Большой Кавказский хребет с Эльбрусом.

В годы первой российской революции происходит не только политическое оформление национального движения. Изменения коснулись и других сфер его существования. Оно укрепляется идейно и опирается на уже определенные достижения. К числу его наиболее крупных успехов надо отнести признание комиссией императорской Академии наук украинского языка самостоятельным, а не малороссийским наречием единого русского языка (правда, профессиональный состав комиссии оставлял большие сомнения в научной аргументированности данного решения). В то же время комиссия признавала его «сырое» состояние – отсутствие четких, единых литературных норм, единого правописания⁶⁵.

Несомненно, что на такое решение оказали влияние дух свободы, принесенный революцией и оживление либерально настроенных слоев российского общества, которые в официальной позиции по украинской проблеме и, в частности, по языковому вопросу, усматривали проявление «самодержавно-консервативной» сущности власти. В этом контексте признание украинского языка отдельным языком смотрелось как «восстановление» попранных бюрократическим государством общественных прав и свобод. Однако такое решение было бы невозможно без предшествующей работы поколений украинофилов и «сознательных украинцев», создававших на базе народной крестьянской речи (которая действительно вполне может быть отнесена к наречию большого русского языка) особый литературный язык.

Однако тогда решение Академии наук, потешив самолюбие «украинцев», осталось почти незамеченным: противники украинской идентичности своей точки зрения на вопрос не изменили, а сторонники давно считали украинский язык самостоятельным. К началу XX в. проблема литературного языка еще не была решена: к этому времени были заложены его основы. Несмотря на выход в 1907–1909 гг. в свет «Словаря украинского языка» Б. Гринченко и ряда других словарей, создание и стандартизация единого языка, одинаково близкого для всех территорий и социальных групп населения, были далеки от своего завершения. Продолжали сохраняться серьезные различия между разговорным и письменным языком российских и галицийских «украинцев». Огром-

ные пласты технической и естественнонаучной лексики, имевших важное значение для всестороннего становления языка, оставались пока вне поля зрения его разработчиков. Более-менее были проработаны художественная и общественно-политическая лексика. Да и там не наблюдалось строгого единства, как не было его и в отношении правописания.

Газеты на Украине и в Галиции выходили при помощи множества орфографий (как различных фонетических, так и этимологической). У разных писателей и журналистов украинский язык также сильно отличался по словарному составу и написанию. Огромное количество польских заимствований и новоделов, призванных доказать непохожесть украинского языка на русский, создавали невообразимый хаос. Немудрено, что народная аудитория – простые малороссы, по сообщениям самой украинской прессы, не понимала предлагаемого им «родного» языка. Как будет видно из дальнейшего, не всегда понимала она его и в 1920-е годы. М. Грушевский, один из инициаторов языковой политики, был вынужден публично признать, что даже читатели украинской прессы и литературы (т.е. его единомышленники) были недовольны состоянием «ридной мовы» (как можно называть «родным» тот язык, который незнаком и малопонятен?!) и резко критиковали его эксперименты⁶⁶.

Все это серьезно затрудняло кодификацию украинского языка. Его фактическое отсутствие отмечали сами деятели движения, естественно, не в апелляциях к властям (там как раз говорилось обратное), а между собой. Это ставило под сомнение возможность и целесообразность организации школьной сети с украинским языком преподавания, которой они добивались всеми силами. На это обстоятельство как раз и обращали внимание противники украинства, говоря, что нельзя обучать детей на том языке, которого фактически нет. Но это не смущало деятелей украинского движения. Разработка стандартизированной литературной речи была завершена только к концу первой трети XX в.⁶⁷

Еще одним важным результатом 1905–1907 гг., имевшим несомненное значение для активизации, политизации и политического оформления движения, равно как и для становления украинской нации, стал первый опыт российского парламентаризма. Украинское движение использовало появившуюся Государственную думу для публичного изложения своих требований и поиска союзников. В I и II Думах имелись украинские громады, члены которых состояли в различных левых фракциях. В III и IV Думах особых украинских объединений не было. Далекое не все делегаты, избранные от малороссийских губерний, в том числе крестьяне,

входили в состав украинских громад. По оценке М. Грушевского, из 62 депутатов от украинских губерний I Думы большинство были малороссы, т.е. люди, придерживавшиеся общерусской, а не украинской идентичности⁶⁸. Понятно, что они были противниками украинства.

Депутаты- «украинцы» выступали за предоставление Украине национальной и территориальной автономии и изменение статуса украинского языка. Позиция украинских громад и депутатов была крайне нерешительной, они постоянно оглядывались на действия польского кола (фракции) и ход обсуждения польского вопроса⁶⁹. Чаще инициативу в украинском вопросе проявляли их российские коллеги-депутаты. Но вне зависимости от того, кто «эксплуатировал» украинский вопрос, с парламентской трибуны на весь мир было заявлено о существовании особой национальной общности – украинского народа, имеющего свои интересы и добывающегося национальных прав.

Заметно эволюционировало в отношении к украинскому вопросу и российское общественное мнение. Прежде всего это касалось либеральной и левой общественности, настроенной оппозиционно к власти (да и как оказалось, к России вообще). Именно она первой отказалась от концепции триединой русской нации, встав на точку зрения украинского движения и в целом признав его требования законными и правомерными. В украинском движении они видели союзника против правительства, а украинский вопрос использовали как повод к очередному фрондёрству, дискредитации власти и обвинению ее в косности и недемократизме.

Весьма деятельными защитниками политического украинства были представители Конституционно-демократической партии, озвучивавшие с думской трибуны позицию движения и поддерживавшие украинский вопрос на слуху. Так, лидер партии П.Н. Милюков отстаивал право преподавания в школах Малороссии и Белоруссии на украинском и белорусском языках, употребление украинского в местной администрации^{3*}. И в целом он поддерживал цели украинского движения по эмансипации народных масс в нацию. Еще радикальнее были левые. К примеру, на состоявшейся в 1912 г. конференции Трудовой партии украинцы и белорусы были объявлены самостоятельными народностями⁷⁰.

^{3*} Упоминание в этом контексте Белоруссии еще более примечательно, если учесть, что национального движения там практически не было. «Белорусский вопрос» был рукотворным в еще большей степени, чем украинский. Белорусизация во многом инициировалась «сверху», из столиц: сначала противниками самодержавия, а затем большевиками, создававшими «образцовую» во всех отношениях республику.

Сдвиг в общественном мнении был налицо. И все же значительная часть образованного общества и даже тех либералов, для которых интересы демократии и свободы не означали необходимости сокрушения основ России, продолжала мыслить в категориях общерусского единства. Даже если они и признавали наличие украинского народа, они не считали, что его существование обязательно должно означать разрыв с русской культурой и т.п., что опять же было проявлением подсознательного восприятия единства и русскости украинцев.

Социальный состав и численность движения. Революция 1905 г. повлекла за собой резкую политизацию населения. Все экономические, социальные, политические и национальные процессы, которые ранее были прерогативой численно небольших образованных кругов, становятся достоянием широких слоев общества. Политизация достигла своей кульминации в годы революции и Гражданской войны. Одним из ее результатов стало превращение классовой и национальной идентичности из предмета интересов довольно узких групп интеллектуалов в достояние миллионов людей. Классовая идентичность, опиравшаяся на довольно явственный социально-экономический фундамент, закрепились в сознании масс прочнее, с национальной – дело обстояло сложнее. В предреволюционные годы, да и в последующий период (об этом речь будет идти ниже) идентичность в украинской форме закрепились даже не во всем образованном малороссийском обществе, часть которого продолжала придерживаться ее общерусского варианта. Вплоть до революции 1917 г. украинское движение оставалось лишь одним из проявлений (пусть и постепенно набиравшим силу) гражданского и национального менталитета интеллигенции малороссийских губерний.

Несмотря на то что ряды сторонников национального движения неуклонно росли, массовым оно стать все же не успело. Основной силой украинского движения, его идейным вдохновителем и организатором и одновременно социальной базой являлась интеллигенция. В ее среде рождались и созревали теории национального строительства, из ее представителей формировались общественные организации и политические партии, из нее выходили вожди движения.

По данным Всероссийской переписи 1897 г., лица, занимавшиеся умственным трудом, составляли всего 0,5% от населения малороссийских губерний⁷¹. В то же время здесь проживало приблизительно 25% от всей интеллигенции Российской империи⁷². Вообще-то, применительно к дореволюционной интеллигенции было бы некорректно употреблять термин «украинская», ибо

«украинской» ее можно было назвать условно, исходя из чисто территориального принципа, да и то с позиций современной терминологии. Для обозначения дореволюционной интеллигенции, проживавшей в Малороссии, больше подходят термины *русская* или *российская*. Под *украинской* интеллигенцией в то время понимали именно участников украинского национального движения, сторонников украинской идентичности. Все прочие представители профессий, связанных с умственным трудом, в зависимости от ориентированности на ту или иную культуру, этнического происхождения, разговорного языка, принадлежали либо к русской, либо к еврейской и польской интеллигенции. Наиболее многочисленной и влиятельной являлась интеллигенция русская. Этническое происхождение не было главным фактором, определявшим принадлежность к ней. Значительная ее часть, как бы сказали в советское время, была «украинцами», а точнее (применительно к тому времени), «малороссами». Большая часть еврейской интеллигенции, не связанной с местечком и включившейся в общероссийскую экономическую и политическую жизнь, особенно те ее представители, которые приняли христианство, оказывалась вовлеченной в сферу русской, российской культуры, и к интеллигенции украинской тоже отношения не имела.

Этнический фактор был больше характерен при формировании интеллигенции украинской. Конечно, и в этом случае бывали исключения. Например, В. Антонович происходил из поляков, известная украинская писательница Марко Вовчок (М.А. Вилинская-Маркович) была из великороссов. Не менее интересно этническое происхождение известных украинофилов супругов Русовых. А.А. Русов – великоросс-костромич, а жена его, урожденная С.Ф. Линдфорс, происходила из обрусевших шведов. Сначала, оказавшись в Черниговской губернии, «украинцем» стал А. Русов, а затем, под его влиянием, украинофилкой и активной участницей движения стала и его жена⁷³. Случалось, что в одной семье дети выбирали разную национальную идентичность. Так, российский ученый В.И. Вернадский писал, что его сын (известный историк Г.В. Вернадский) – «православный и русский без всяких украинских симпатий, а дочка – украинка»⁷⁴. В то же время многие русские националисты на Украине и убежденные малороссы (люди, придерживавшиеся общерусской идентичности или ее формы в сочетании с определенной местной идентичностью) были, как бы теперь сказали, этническими «украинцами».

Таким образом, выбор национальной идентичности далеко не всегда совпадал с этническим происхождением. Он зависел от об-

щественного самочувствия человека, его семьи, среды, в которой он находился. На принадлежность к тому или иному течению влияли многие обстоятельства, не последнее место среди которых играли карьерные перспективы и прочие личные мотивы. С. Ефремов приводит пример того, как украинские национальные идеи находили поддержку у неукраинцев. Его друг В. Виноградов, «калуцкий кацап», как он сам себя называл, «через... жену свою, глубокую украинку», которая «твердо держала в семье украинский курс», «сдружился и сошелся с украинцами» и стал среди них своим⁷⁵.

Но случаи с Русовыми и Виноградовым все же были исключением. В отличие от русской интеллигенции, в основе самоидентификации которой лежал культурно-языковой принцип, интеллигенция украинская имела более единообразную этническую базу и группировалась вокруг своей культурно-этнической отличительности, стремясь превратить последнюю в признак собственной национальной идентификации. Подобное положение сохранилось и после революции. Так, С. Ефремов, сам националист и виднейший деятель украинского национального движения, слово *украинец* употреблял не в этническом, а в политическом смысле, подчеркивая этим принадлежность к определенному кругу единомышленников, сторонников украинской идеи. Его знакомые (отнюдь не великороссы) «приходят к украинству», «разочаровываются в украинцах». А чего стоит его выражение «весь украинский Киев»!⁷⁶

Русская интеллигенция была по преимуществу городской. К ней относились инженерно-технические кадры, основная масса профессорско-преподавательского состава высшей школы, особенно специалисты по естественным и техническим наукам, медицинский персонал, часть учительства, а также значительная часть служащих. По социальному происхождению эта интеллигенция принадлежала к буржуазным и мелкобуржуазным слоям города и села⁷⁷. Украинская интеллигенция по своему составу была преимущественно сельской (землемеры, агрономы, ветеринары и, конечно, учительство) и пополнялась за счет мелко- и среднебуржуазных слоев села.

Другим поставщиком кадров для украинской интеллигенции был город. Несмотря на то что города Малороссии были носителями в первую очередь русской (и во многом еврейской^{4*}) культу-

^{4*} Такое положение сохранялось и в начале 1920-х годов. Так, в 1923 г. в городах и местечках УССР проживало 5 083 540 человек, в том числе 1 300 690 евреев, что составляло 25,6% от всего городского населения республики. См.: Поляков Ю.А. Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. М., 1986. С. 195–196.

ры, именно в них формировалась украинская интеллигенция, именно там развивалось украинское движение. Источником ее пополнения были предместья, полумещанские районы, в которые попадали выходцы из сел, дети торговцев, мелкие собственники.

Конечно, далеко не все эти люди связывали судьбу с украинской идеей. Многие стремились овладеть «высокой» русской культурой и резко повысить свои возможности, перешагнув рамки местной провинциальности. Но именно они, «интеллигенты в первом поколении», которые находились в переходном состоянии, покинули свою прежнюю социальную среду и не успели еще утвердиться в новом социальном статусе, чаще всего пополняли ряды украинской интеллигенции.

Пополнялась она и за счет выходцев из верхушки городской разночинской интеллигенции – гуманитариев, преподавателей, публицистов, юристов, банковских и кооперативных деятелей, земцев. Еще одной немногочисленной группой, которая поставляла кадры национальной интеллигенции, стали выходцы из привилегированных слоев – помещиков, потомков казацкой старшины, крупных хуторян, незнатных по происхождению, но экономически сильных и влиятельных⁷⁸. Все группы имели общую «украинскую» основу, но довольно сильно расходились по другим вопросам, например, по социальным, что и стало причиной появления множества национальных партий.

Но это была, так сказать, потенциальная почва для деятельности национального движения. Ее активных участников было гораздо меньше. По данным Киевского жандармского управления, в 1896 г. в 22 организациях «старой громады» насчитывалось 438 человек. Из них в самом Киеве – 108. «Младоукраинцев», в основном студенческой молодежи, было еще меньше⁷⁹. Конечно, число «украински» ориентированных людей, «национально сознательных» и «старых» украинофилов, было больше, может, в несколько раз. Но даже в таком случае они составляли явное меньшинство. Подобная тенденция сохранялась и в дальнейшем. Лидер Украинской радикально-демократической партии Е.Х. Чикаленко указывал, что на сентябрь 1910 г. общее число сторонников украинского движения составляло примерно 2 тыс. человек, из них активных членов было не более 300⁸⁰. Вообще, он весьма неординарно охарактеризовал немногочисленность своих единомышленников. 3 августа 1903 г. в Полтаве открывали памятник малорусскому писателю И. Котляревскому. Это событие адептами движения было превращено во «всеукраинскую манифестацию», правда, весьма умеренную. «Всеукраинский»

характер ей придавало то, что в Полтаву съехались националисты не только из России, но и из Австро-Венгрии. По словам эмигрантского историка Т. Гунчака, «открытие памятника Котляревскому стало большим политическим событием, поскольку украинская интеллигенция своей массовостью и согласием публично засвидетельствовала в присутствии представителей враждебной (т.е. российской. – А.М.) власти свою преданность украинскому делу»⁸¹. Преданность собравшихся украинскому делу не вызывает сомнений, а вот о «массовости» имеются и другие сведения, причем исходят они от современника и участника тех событий. Е. Чикаленко вспоминал, что большинство активистов движения занимало два вагона поезда, шедшего из Киева в Полтаву, и если бы он сошел с рельсов, украинскому движению был бы нанесен тяжелый удар, на годы, если не на десятилетия задержавший бы развитие украинского дела⁸².

Но сама по себе интеллигенция не способна воплотить свои идеи в жизнь. Для реализации этих идей необходимо, чтобы они овладели массами. На долгие годы второй половины XIX и первых десятилетий XX вв. основным объектом внимания российской интеллигенции стало крестьянство. Украинская интеллигенция тоже не могла оставаться в стороне от увлечения народолюбием. Но в отличие от своих русских коллег, основополагающим моментом в ее мироощущении и деятельности был национальный фактор. Представители украинской интеллигенции стремились видеть в крестьянстве не класс, не элемент социальной структуры общества, а его этнографические особенности – народную речь, черты бытовой культуры, т.е. то, что отличало малорусского крестьянина от крестьянина великорусского, то, что при определенном воздействии могло послужить основой для совершенно новой национальной культуры, но уже не избранно-элитарной культуры небольшой группы украинофилов, а культуры массовой, культуры многомиллионного народа.

При этом интеллигенция стремилась представить украинское движение как глубоко демократическое, идущее из народных низов. Себе она отводила роль выразительницы крестьянских настроений, скромно отдавая пальму первенства в деле осознания своей национальной особенности самому крестьянству. Она утверждала, что крестьянство уже в немалой степени считает себя «украинцами», чувствует на себе тяжелую руку русского обрусительства и стремится к достижению своих национальных прав, в первую очередь в языковой сфере и сфере образования. Этнографические черты бытовой крестьянской культуры преподносились как черты культуры более высокой, национальной.

Малорусское крестьянство изображалось как общность – украинский народ, обладающий национальным сознанием, отводящий национальному вопросу значительное место в своем мировоззрении и потому поддерживающий национальное движение. Но насколько такая точка зрения соответствовала действительности? Было ли оно и вправду народным, или же верхушечно-интеллигентским?

Так как основную массу населения составляло крестьянство, интересно посмотреть, насколько оно было восприимчиво к национальным идеям. В первые десятилетия XX в. в украинское национальное движение крестьянство было вовлечено слабо, а развитие национального сознания в любых его вариантах лишь набирало силу. Подавляющая масса крестьян придерживалась иных форм самоидентификации, более свойственных обществу традиционному, чем современному: идентификации по местности («местные», «здесьние», «тутошние»), по вероисповеданию («православные»), подданству («подданные царя-батюшки, живущего в Петербурге») и социальному статусу («крестьяне»). В эту систему могли включаться и более обширные понятия, такие как *Малороссия*, *Волинь*, *Подолье* и названия других исторических областей. Могло даже использоваться понятие *Украина*, но в узкогеографическом смысле, обозначавшее часть среднего Поднепровья и не имевшее этнической нагрузки. Иначе говоря, сельский житель ощущал себя православным крестьянином, проживавшим в определенной местности и подданным такого же православного русского царя. На этой основе, по мере вовлечения в капиталистическую систему отношений, в первую очередь в экономические связи с городом, через сферу образования, службу в армии и т.д., строилась дальнейшая идентификация, включавшая уже национально-политический («жители России») и этнонациональный («русские» или «украинцы») уровни.

Имелись предпосылки к тому, что это сознание могло формироваться в русском или общерусском варианте, особенно у тех крестьян, которые шли в города, переселялись на Волгу, Урал, в Сибирь и на Дальний Восток, получали образование. Этому способствовали процессы социально-экономической модернизации, когда личные возможности человека повышались в зависимости от овладения общегосударственным языком. Многие крестьяне приобщение к русскому языку не воспринимали как преступление перед нацией (что следовало из логики тарасовцев и прочих деятелей молодой генерации украинских националистов) и видели в этом не утрату своего национального естества, а пропуск в «широкий мир». Как отмечал либеральный публицист М. Моги-

лянский, «чутьё говорило крестьянину – украинцу – с местным языком он лишь провинциал, с русским – он у себя дома на необъятном пространстве огромной страны»⁸³. Данный механизм социальной интеграции действовал на протяжении всего XX в., продолжает действовать и сейчас.

Но «национализация» крестьянства еще только началась. По меткому выражению А.А. Потебни, ученого-языковеда, занимавшегося вопросами малорусского наречия и не понаслышке знакомого с проблемой, в предреволюционные десятилетия народные массы Украины в национальном отношении представляли собой сырой «этнографический материал»⁸⁴. Сторонники украинского движения не сомневались, что этот «материал» в силу особенностей бытовой культуры, языка, занимаемой территории мог быть преобразован в украинское национальное сообщество. В то же время эти отличительные особенности могли и не быть использованы и не стать «плотью», которая превращает умозрительные фантомы в живые национально-государственные организмы.

Несмотря на постоянно возрастающее влияние и давление капиталистического города, крестьянский мир все же сильно отставал от него по уровню политизированности, по степени вовлеченности в различные политические процессы и подверженности идейным влияниям. А если село и придерживалось какой-то идеологии, то своей, крестьянской, которая при всех вариациях вполне укладывалась в одно слово – «земля». Для начала века абсолютно справедливыми можно признать слова писательницы – украинофилки О. Пчёлки (О.П. Драгоманова-Косач), сожалевшей, что «между украинцами всех кругов, между крестьянами особенно, сознание национальное очень мало». Еще яснее выразился один из лидеров Украинской социал-демократической рабочей партии Н.В. Порш, сказавший, что «украинский народ – национально темный народ»⁸⁵. Естественно, говорилось это с точки зрения служителя «украинского фантома». Но подобные замечания известнейших деятелей культурного и политического секторов национального движения как нельзя лучше характеризовали уровень развития национального самосознания крестьянской массы.

Чтобы не быть голословными, поясним сказанное цифрами. Революция 1905–1907 гг. положила начало пробуждению русского крестьянства. Волна народных выступлений прокатилась по всей стране, в том числе и по малороссийским губерниям. Крестьянское движение того периода выражалось в принимаемых на сходах петициях, которые содержали самые насущные крестьянские нужды, в письмах и обращениях к властям, а нередко и в си-

ловых формах: поджогах, бунтах и вооруженных столкновениях. Характерно, что из 6802 выступлений, зарегистрированных в малороссийских губерниях в эти годы, политические требования содержались только в 886, т.е. в 13% от общего числа всех выступлений. А национальная проблематика присутствовала в еще меньшем количестве⁸⁶.

Подавляющая часть выступлений содержала требования экономического характера, вращавшихся вокруг взаимоотношений с помещиком, размеров налогов и, конечно, вокруг вопроса о земле. Последний назревал еще со второй половины XIX в., со времени отмены крепостного права, и со всей остротой встал в начале XX в. Малоземелье не могло не вызвать роста напряженности на селе. Так, если в 1861 г. на Украине насчитывалось 1937 тыс. крестьянских дворов, то к 1917 г. их было уже 4 млн. В то же время количество используемой земли осталось без изменений. Иными словами, величина среднего надела за полвека уменьшилась в два раза. В 1917 г. бедняцких хозяйств, владевших 12,3 тыс. дес. земли, насчитывалось 57,1%. В то же время 0,8% помещичьих хозяйств имели в своем распоряжении 29,9 тыс. дес. Правда, только помещичьи земли удовлетворить крестьян не могли (из всех них около 1 млн дес. находилось под постройками и лесами)⁸⁷. Поэтому на Украине «черный передел» на отчуждении помещичьих и церковных земель закончиться не мог, и позже с новой силой и ожесточением вспыхнул уже внутри самого села, за земли кулаков и зажиточных крестьян, что и обусловило затяжной характер Гражданской войны и трудный переход к мирной жизни. Но пока существовало помещичье землевладение, все имущественные группы крестьян выступали против него единым фронтом.

Правительственные меры по борьбе с малоземельем, принятые после революции 1905 г., прежде всего переселенческое движение (в основном, из Черниговской, Полтавской и Харьковской губерний) в Сибирь, на Урал и в Поволжье, хотя и привели к некоторому оттоку населения из перенаселенных губерний Левобережной и Слободской Украины, но полностью решить проблемы не могли, и отчасти, даже обострили ее. К примеру, переселенцы, которым не удалось закрепиться на новых землях, возвращаясь на прежние места проживания, оказывались там лишними и попадали в батраки. Поэтому земли, находившиеся в руках помещиков, были самым действенным «лекарством» от малоземелья и недовольства. Вплоть до начала Гражданской войны ничто другое не могло отвлечь внимание крестьян от борьбы за землю. В то же время национальный вопрос имел для них второстепенное значение⁸⁸.

Впрочем, национальные проблемы, хотя и довольно медленно, но начинали находить отклик в народных массах. В народ национальные идеи более-менее широко стали проникать еще с начала века и особенно после революции 1905 г. Националистические настроения были весьма умеренными и нечетко сформулированными, что немудрено, поскольку они не были еще окончательно выработаны даже самими идеологами украинского движения. Национальный вопрос в крестьянском сознании еще не вышел полностью за рамки традиционной системы этнических симпатий и антипатий, тесно связанных с религиозно-традиционалистским и социально-экономическим факторами. Центральное место в этой системе занимали отнюдь не русские, а евреи и поляки.

В годы первой российской революции национальный вопрос находил свое выражение в решениях крестьянских сходов и в принимаемых на нем петициях. В них речь шла, в основном, о применении украинского языка в школах, судопроизводстве и администрации. Иногда к этому списку добавлялась церковь, но в этом случае имелась в виду украинизация не богослужения, а проповедей. Надо также отметить факты (правда, крайне немногочисленные) поддержки группами крестьян требований студентов, добивавшихся открытия украинских кафедр при высших учебных заведениях и создания украинских школ⁸⁹. Но дальше этого крестьяне не заходили. Главной политической организацией, за которую они выступали, был не национальный, а социально-сословный орган – крестьянский союз. О необходимости его создания крестьяне начали высказываться еще в 1905 г., а на многих сходах даже выбирались делегаты на крестьянский съезд⁹⁰.

Все, что выходило за рамки узкокрестьянских интересов, было представлено лишь единично. Это относилось и к мышлению национальными категориями, и отношению к проблеме «Украины». На Полтавщине на ряде сходов выдвигались требования создания выборного сейма, в обязанности которого входила бы разработка законов для украинских губерний, но таких, которые не противоречили бы главным законам государства. Дальше весьма общих и умеренных запросов автономии дело не шло. Идеи государственной самостоятельности Украины крестьяне тогда не поддерживали. В немалой степени это объяснялось тем, что в стране была легитимная, освященная церковью монархическая власть, которая еще была в состоянии управлять государством и которой народные массы продолжали верить. Да и альтернатива Российской империи – «Украина» – была чем-то неизвестным, нематериальным, не была тем, с чем крестьяне могли бы связать надеж-

ды на решение своих проблем. Показательным может служить пример из жизни с. Диканька. Когда один из выступавших крестьян высказался за создание крестьянского союза, то был полностью поддержан аудиторией. Но стоило ему упомянуть об отделении Украины, как на него зашикали, и он был вынужден сказать, что оговорился⁹¹. Возможно, что так оно и было в действительности, но реакция его односельчан более чем очевидна.

Сложившуюся ситуацию пыталась использовать в своих целях леволиберальная интеллигенция. Не отставали от нее и националисты. Увидев размах стихийного крестьянского движения, украинская интеллигенция, как народнически настроенная, так и ранее обращавшая на село мало внимания, повела борьбу за руководство над ним. Современник тех событий, русский писатель В.Г. Короленко, отмечал, что подавляющее число решений сходов «принималось под влиянием агитации интеллигенции – учителей, докторов, агрономов, студентов, которые чаще всего выступали и авторами текста»⁹².

Активность в деле национального «пробуждения» «спящих» масс проявляла не только сельская интеллигенция, но и городская. Представители киевских «украинских» кругов поддержали идею созыва Украинского крестьянского съезда и даже начали вести работу по его подготовке. Ими была принята резолюция, в которой подчеркивалась необходимость обратить внимание на сельские массы и пробуждать их к национальному и политическому сознанию⁹³. А социал-демократ Н. Порш, ради завоевания симпатий крестьянства, прямо предлагал своим единомышленникам связать автономию Украины с демократическим разрешением земельного вопроса⁹⁴.

Вполне вероятно, что появление, пусть пока еще редкое, «украинских» мотивов в крестьянских требованиях, объясняется именно разъяснительной работой «украински» настроенной интеллигенции. Однако не стоит забывать, что никакое внешнее воздействие или «промывание мозгов» никогда не сможет дать желаемого эффекта, если не учитывает настроения масс. В. Короленко подчеркивал, что сельская интеллигенция часто просто выражала то, что крестьянам было необходимо, потому что сами они не знали, как выразить свои нужды⁹⁵. По этой причине крестьяне выдвигали мало национальных и политических требований, а экономических – большинство. Именно поэтому украинским националистам не удалось в сколько-нибудь значительной степени покорить своему влиянию крестьянское движение⁹⁶.

Несмотря на то что в годы первой российской революции национальный вопрос не приобрел приоритетного значения для ши-

роких сельских масс, события 1905–1907 гг. оказали заметное воздействие как на проникновение «украинских» идей на село, так и на развитие у крестьян национального самосознания в его украинском варианте. Весьма интересные сведения, показывающие развитие данных процессов, оставил генерал-хорунжий армии Украинской народной республики, один из лидеров украинской эмиграции, Ю. Тютюнник. Благодаря специальной операции, проведенной сотрудниками ГПУ, его удалось заманить на территорию УССР и арестовать. В своей автобиографии, оставшейся в материалах следствия, Тютюнник указывал, что развитие национального самосознания у него началось как раз в годы революции 1905–1907 гг. Весьма интересными видятся причины, пробудившие в нем украинское сознание. «На себе лично и на своей земле я почувствовал гнет власти», – вспоминал он, и тут же подчеркивал, что эта власть была русской.

Помимо гнета власти молодого крестьянина волновало и то, что все крупные земельные имения на Украине принадлежали людям чужой национальности. На то, что эти чистейшей воды социально-экономические мотивы оказались «завернуты» в национальную «оболочку», повлияло не только этническое происхождение соседних помещиков, но и то, что рос будущий петлюровский генерал «в местности, где из рода в род передавались традиции казацкой борьбы против панов за Украину». Память о лихих походах укоренилась в его родных местах, по-видимому, не случайно. Она приобрела романтическую окраску (причем, скорее всего, помнили не сами седые времена, а их позднейшую интерпретацию) благодаря стараниям певца казаччины и националиста по убеждениям Т. Шевченко, проводившего «революционную проповедь», да еще «на украинском языке» в с. Кирилловке, которая находилась всего в двух верстах от родного села Ю. Тютюнника – Будищ⁹⁷.

Воспоминания генерала важны тем, что наглядно показывают, как социальный, экономический и национальный факторы могли тесно переплетаться и дополнять друг друга. И еще следует отметить, что их взаимопроникновение очень часто зависело как от воздействия на массы украинофильской интеллигенции, придававшей крестьянским настроениям «нужное» направление, так и от наличия традиций, воспоминаний или привнесенных из городской образованной среды романтических мифов о «козаччине», временах Сечи и запорожской вольницы. На такой почве быстрее прививались национальные идеи, легче протекало формирование новой украинской идентичности. В тех местностях, где в силу разных причин воспоминания о временах Сечи были менее

популярны, или же там, где благодаря слабому влиянию украинской интеллигенции, казачество не удалось окрасить в национальные цвета и связать с политическими идеями, украинское движение оказывалось слабее, уступая место социальной борьбе или обыкновенному бандитизму, который, впрочем, тоже искал свое обоснование в героическом средневековье.

Таким образом, первое мощное социальное потрясение общероссийского масштаба, каким была революция, повысило политизированность малороссийского крестьянства и усилило его внимание к национальным проблемам не только как к противопоставлению «православный крестьянин – польский помещик» или «православный крестьянин – еврей-торговец и еврей-арендатор», но и к оценке событий с точки зрения «Украины». Как свидетельствовал еще один арестованный ГПУ петлюровский военачальник, бывший командующий Южной группой войск армии УНР А.А. Гулый-Гуленко, все больше становилось идейных, «чисто украинских» семей⁹⁸.

И все же вплоть до 1917 г. украинское национальное движение развивалось и укреплялось прежде всего среди городской и сельской интеллигенции. Несмотря на то что национальные идеи начали активнее проникать на село, они занимали в крестьянском сознании далеко не главное место. Эти идеи либо утвердились незначительно, либо хотя и были приняты, но не стали самоцелью, категорией, определяющей мировоззрение и поведение человека и коллектива, т.е. не перешли в разряд символических ценностей. Для кого-то национальные проблемы лежали глубоко под спудом социально-экономических, для других национальная самоидентификация не вытеснила еще местную, социальную, религиозную. И так могло бы продолжаться и дальше, если бы не революция 1917 г., всколыхнувшая и перевернувшая жизнь всей страны, всех населявших ее народов, каждого человека.

О сущности украинского национального движения

Здесь необходимо прерваться и коснуться некоторых теоретических вопросов, раскрывающих сущность украинского национального движения и механизмы его деятельности. Как уже отмечалось, оно было относительно немногочисленным, не успело завоевать сколько-нибудь широкую опору в народных массах. Забегая вперед отметим, что во время Гражданской войны это

сыграло в его судьбе роковую роль. Одной из решающих причин поражения «национальной революции», т.е., украинского движения, по мнению деятелей украинства того времени и ряда современных историков, стал недостаток национального самосознания народных масс⁹⁹. Стоит разобраться, откуда же взялся этот «недостаток».

Объяснить данный «феномен» можно слабостью национального движения и его недостаточной активностью в деле реализации собственного национального проекта. Во многом в этом была «виновата» объективная реальность, постоянно подвергавшая усилия «украинцев» коррекции и не позволявшая последним реализовать свой проект в полной мере. Но эта самая объективная реальность в значительной степени отражала расстановку сил на тот момент. В какой-то степени близкие к этому сюжеты рассматривает в своей работе А.И. Миллер, хотя он все внимание сосредоточивает только на изучении причин, не позволивших реализоваться проекту Большой русской нации. Что же помешало ему реализоваться? Интересно, что в качестве причин автор называет не столько силу украинского движения и его внутренние резервы, хотя и справедливо подчеркивает, что недооценивать их не стоит, сколько иные факторы¹⁰⁰. Среди причин, объясняющих успех украинского проекта, историк видит не только часто упоминаемые при этом русско-польское культурное и политическое противостояние, некоторые особенности психологии малороссов и прежде всего крестьянства, наличие неподконтрольной Санкт-Петербургу Галиции, ставшей «питательным бульоном» для созревания украинской идентичности, или же ту весомую поддержку, которую оказывали «украинцам» австрийские и немецкие власти.

Главную причину неудачи русского проекта^{5*} он усматривает в неспособности тогдашней России довести до конца ассимиля-

^{5*} Впрочем, говорить о полной неудаче тоже нельзя. Во-первых, русский проект одолел своего векового конкурента – польский проект. Уже к концу первой половины XIX в. стало очевидно, что малороссов не удастся ассимилировать в часть Большой польской нации. Иное дело русины Галиции. Среди них польская ассимиляционная политика действовала весьма успешно, и их окончательная интеграция (в большей или меньшей степени, что уже не очень существенно) в польский государственный и национальный организм, скорее всего, была бы завершена, если бы не «освободительный поход» Красной Армии в 1939 г. и присоединение Галиции к УССР. Кроме того, несомненное восприятие своей русскости и вхождение в общерусскую национальную общность известными социальными и территориальными группами малорусского населения также свидетельствует в пользу того, что проект Большой русской нации оказал заметное влияние на пути национальной трансформации малорусского общества.

торские проекты в том виде, в котором они существовали (и это было показано исследователем) в российском общественном мнении и правительственных кругах. Эта неспособность имела как объективные, так и субъективные причины. В качестве первых можно назвать отставание^{6*} социально-экономического развития России от передовых стран Западной Европы, которые тоже сталкивались с аналогичными задачами национальной консолидации своих обществ, но при этом находились в более выгодном положении и обладали более мощным ассимиляторским потенциалом. То есть значительно лучше использовали армию, систему образования, коммуникационную инфраструктуру, органы местной власти для решения национальных задач и реализации собственных национальных проектов формирования наций¹⁰¹. В условиях «националистического вызова» экономическая, политическая и социальная модернизация Российского государства и общества не успевала «набрать обороты» и предложить свой вариант развития (в том числе национального) населению страны. Она не успела «переплавить» близкородственные народности в «плавильном котле» единого государственного, хозяйственного и образовательного пространства, уступая инициативу местным, «окраинным» национализмам, появившимся в России раньше, чем в ней произошла индустриальная революция.

К объективным причинам примешивался субъективный фактор. Отчасти он был порожден ими, а отчасти имел более глубокие корни, уходящие в традиционные российские формы государственного и общественного устройства. Речь идет о неполном использовании даже тех возможностей, которыми располагали пра-

^{6*} Термин *отставание* надо пояснить. Речь идет не о сравнении России и Европы по шкале *хороший–плохой, лучший–худший, передовой–отсталый*. И Россия, и Западная Европа – особые исторические и культурные типы, со своим путем, со своим духовным и политическим опытом, и оценка их по данной шкале, в основу которой, кстати, положены критерии и ценности лишь одной, западноевропейской стороны, неуместна и ошибочна с исторической точки зрения. В данном случае сравниваются не сами эти исторические личности, а сугубо практические вещи – промышленный потенциал, средства сообщения и т.п. В условиях того времени и современного мира их развитие было необходимым и просто неизбежным. «Планку» надо было держать именно для того, чтобы сохраниться как самостоятельной исторической личности (а именно это и является движущей силой модернизации, которая, как показал мировой опыт, не обязательно должна означать вестернизацию). В отечественной истории эту необходимость наглядно демонстрируют 1930-е годы и Великая Отечественная война (особенно в сравнении с Первой мировой). Поэтому «отставание» – это не «отсталость» и «косность» России; не качественная, а количественная характеристика.

вающие верхи страны. С одной стороны, это произошло из-за инертности бюрократической машины того времени (по выражению А.И. Миллера, ее «низкой эффективности... как агента ассимиляции»¹⁰²). С другой – имело место непонимание властями важности и первостепенности решения национальных задач, в том числе и для сохранения империи, а также их невнимание к проблеме русского национального единства. Представители властных кругов в основной своей массе с большим трудом расставались с сословно-имперским мышлением. Они пока еще приучались мыслить национальными категориями, использовать национальный фактор и превращать его в мощное средство защиты государственности, или же только начинали приходить к осознанию неизбежности действовать в этом ключе. По мнению ряда исследователей (например, американца Марка фон Хагена), русский национализм был проблемой для бюрократов, усматривавших в нем «вызов династическому принципу космополитического государства», коим является любая империя, в том числе Российская. И поэтому бюрократия «последовательно игнорировала этнические категории в своих официальных документах»¹⁰³.

Немного отступая от хода изложения следует отметить, что для российской, а затем и союзной советской (как ее ипостаси) политической элиты национальный фактор как фактор наступательный, преобразовательный и одновременно обороняющий национальное и государственное единство страны, так и не стал приоритетным. Важность его была осознана большевиками, но произошло это вследствие иных причин, и к интересам собственно России и русских имело весьма отдаленное отношение.

Сословный, династический, социально-экономический, даже классовый принципы самоидентификации для дореволюционных правящих кругов России оставались преимущественными. Митрополит Евлогий (Георгиевский), который в начале XX в. был на епископском служении в Холмщине, боролся против колонизации местного населения и много делал для ее возрождения как «русской» земли, приводил слова одного русского помещика, утверждавшего, что польский помещик ему ближе, чем малорусский крестьянин¹⁰⁴. Справедливости ради надо сказать, что польский помещик русского коллегу «своим» никогда не считал, в основу своего сознания полагая национальный, а не социальный признак.

Здесь кроется еще одна причина неудачи общерусского проекта, возможно, не менее важная, чем указанное А.И. Миллером социально-экономическое отставание или инертность властей. Дело в позиции широких и весьма влиятельных слоев российской

интеллигенции, проникнутой либерально-демократическим духом, который нередко отдавал «смердяковщиной». Эти слои общества сознательно или неосознанно способствовали взращиванию украинского сепаратизма. Живя в атмосфере оппозиции, ёрничанья и вечного недовольства, веруя в европейские социальные и политические идеалы как в высшее откровение и, к тому же, будучи в своей массе людьми либо неглубокими, либо незадумывающимися, они сочувствовали украинскому движению (как и всякому другому движению или течению, подрывающему устои), относили его к «освободительным» и «угнетаемым» властными «тиранами» и «сатрапами».

Российская либерально-демократическая общественность (за редким исключением) росла в духовном и нравственном отрыве от своей страны, церкви и православного миропонимания – этого генетического кода России и русскости. Она ощущала себя «чужой среди своих», не понимала ее и потому не принимала близко к сердцу ее интересов и устремлений. Воспитанная на «чужевластье мод», она стыдливо-снисходительно, а порой и просто брезгливо относилась к России и всему русскому, с яростью встречая любые идеи и устремления патриотического и государственнического порядка. Она не считала Россию самоценной величиной, подгоняла ее под чуждые ей «общие аршины» и не признавала за ней права быть и оставаться особой духовно-исторической личностью. Такая идейно-нравственная атмосфера^{7*} никоим образом не могла благоприятствовать утверждению проекта триединой русской нации, мешала использованию даже тех возможностей, которые имелись в потенциале у государства, тормозила утверждение в обществе национальной идеи и блокировала политическую волю и энергию власть предрежащих.

Неглубокое национальное сознание, а нередко и подчеркнутое бравоирование своим космополитизмом, пренебрежение к на-

^{7*} А говоря прямо – либеральное мракобесие. Слово «мракобесие» характеризует эту часть российской (а потом советской и постсоветской) интеллигенции наилучшим образом. Это не оценка ее эмоционального и психоповеденческого состояния. Речь о духовном и мировоззренческом настрое ее представителей. Антихристианская и антиправославная направленность (как борьба с Церковью и религиозным сознанием, с христианским пониманием места и роли человека в этом мире, сущности человеческой истории, как неприятие соответствующих моральных норм) была и по сей день остается одной из базовых составляющих либерального мировоззрения. А как следствие – порожденных им социально-экономических и политических доктрин. Этимология слова говорит сама за себя: «бесы» и «мрак» – это из мира антихристианского.

циональному чувству было присуще русскому образованному обществу. Конечно, к 1917 г. в общественном сознании произошли изменения, и притом весьма значительные, но к тому времени общерусский проект как вероятная политическая реальность уже отошел в прошлое, а российская государственность стояла на пороге гибели. Многие же впервые ощутили себя русскими, лишь оказавшись в эмиграции...

Еще одной причиной, следующей из объективного отставания России от Западной Европы и «особенностей национального подхода» к решению государственных проблем со стороны представителей российской властной элиты (одной из которых является непоследовательность), стало нарастание противоречий во всех областях жизни, породивших политическую напряженность в российском социуме. Общественная борьба, неурядицы подрывали политическую, экономическую и карьерную привлекательность России в глазах национальных движений, которые, наоборот, прибавляли политический вес и все чаще подумывали о самостоятельности. В меняющихся условиях они пытались находить ответ в создании и воплощении в жизнь своих национальных проектов, призванных обосновать и объединить несуществующие пока национальные общности или же, если таковые существовали раньше, воскресить их в былом политическом статусе (как на Кавказе). Конфликт в конце концов вылился в колоссальный системный кризис 1917 г., окончательно уничтоживший всякую легитимную власть и предопределивший развал страны.

Однако все это относится, прежде всего, к причинам неудачи утверждения концепции Большой русской нации. Что же касается того, почему украинское движение было относительно слабым и малочисленным, однозначных ответов нет. Вернее, они есть, но вряд ли способны полностью ответить на все возникающие вопросы. Деятели движения, а вслед за ними и «национально ориентированная» часть историков, отмечали репрессии царского правительства по отношению к украинству, а также трехсотлетнюю политику «национального угнетения»¹⁰⁵. Конечно, полностью отрицать влияние запретительных мер в отношении движения нельзя. Они действительно замедляли и затрудняли его развитие, несмотря на то, что соблюдались не всегда строго и оставляли возможности для деятельности.

Но только такое объяснение видится излишним упрощением. Оставим за рамками проблему «национального угнетения» и угнетения вообще. Как известно, Российская империя была страной весьма своеобразной: русский народ (великороссы) не был типичным имперским «народом-господином» и не имел право-

вых, экономических и социальных преимуществ перед народами нерусскими¹⁰⁶. Более того, Великороссия не имела практически никаких привилегий, а великорусское крестьянство (по сути, подавляющая масса населения), которое, казалось бы, является «коренным», «государственным» народом, было поставлено по сравнению с ними даже в худшие условия и подвергалось более тяжелым формам эксплуатации, чем многие «некоренные» народы империи¹⁰⁷.

Поиск «украинцев» как национального коллектива глубоко в истории тоже вызывает известную долю сомнения по причине отсутствия такового. Примордиалистский подход, получивший «зеленую улицу» в значительной части украинской историографии, по сути является одной из составных частей идеологии движения, возводящей этнический принцип в самоцель и делающей его высшим критерием истинности. Любой этнократизм ищет свое идеологическое обоснование в прошлом. Только с точки зрения непрерывности существования «украинцев» как национального коллектива с определенным набором именно «украинских» черт, признаваемых как символические ценности, процессы XIX – начала XX вв. можно считать «национальным возрождением», пробуждением этого коллектива от долгой спячки, вызванной, ко всему прочему, враждебными действиями извне. Сложение такового коллектива, обладающего помимо специфических черт еще и государственностью, а также современной структурой общества – продукта индустриальной стадии его развития, следует отнести к самому концу XIX – первой трети XX вв. Прав украинский исследователь Г.В. Касьянов, утверждая, что «и по содержанию, и по форме украинское «национальное возрождение» было именно созданием украинской нации»¹⁰⁸, и толчок к развитию данного процесса был во многом дан субъективными, проходящими факторами, а не «объективным» изначальным существованием «украинской» общности.

Более предпочтительным видится иной подход к проблеме. Как представляется, относительная слабость движения и, как его следствия, малочисленность и явно недостаточное укоренение украинских идей в массах (а это превращалось в причины его слабости), проистекали именно из-за противоборства украинского проекта с русским. Даже несмотря на то что последний проводился в жизнь далеко не так последовательно и настойчиво, как это было бы нужно для его утверждения в качестве единственно возможного. Русская государственность, русская культура были теми полюсами, которые постоянно притягивали к себе, вовлекали в свою орбиту выходцев из Малороссии начиная уже с XVII в.

Вклад последних был настолько велик, что и государственность, и культура, и русский литературный язык являлись действительно общерусскими феноменами.

Это не было «оттоком кадров» или, тем более, «утечкой умов», ибо не воспринималось таковым. Малорусское население – и простые люди и привилегированные слои – не мыслили категориями самостоятельной государственности и не считали Россию *чужой* (что было свойственно позднейшим украинским националистам). А многие были сознательными сторонниками идеи единой Руси и обоснованно полагали, что они вместе с великороссами и белорусами составляют единый державный народ. Это был *естественный процесс* служения *своим* (настолько близким, что в отличие от польских, не воспринимавшихся иностранными и чужими) культуре и государственности. И даже революционная борьба с самодержавием опять же предполагала принятие общероссийской системы координат. И этот принцип действовал на протяжении всего периода нахождения малорусских земель в составе России.

Деятельное участие малороссов в культурной, экономической, политической жизни общего государства и отношение к этому как к чему-то естественному и нормальному не могло не сказаться на количественном и, что не менее важно, качественном составе украинского движения. Маргинальность политического украинства признавали и сами активисты движения. «Неудачники всякого рода и люди, выброшенные из житейской колеи, обнаруживают у себя возникновение симпатий к украинской идее»,¹⁰⁹ – писал журнал «Украинская хата». Ситуацию усугубило еще и то, что действовать общерусскому и украинскому проектам, утверждать общерусскую и украинскую идентичность приходилось на одном и том же поле и бороться за одно и то же население, превращать одни и те же объекты религии, культуры, истории в символические ценности «своей» национальности. Все это сопровождалось идейной борьбой, прежде всего внутри самого малорусского этноса.

Национальные движения не являются каким-то особенным российским изобретением. Без них не происходило становление ни одной национальной общности. И так же, как неповторимы эти общности, неповторимы и судьбы движений, их облик и индивидуальные черты. Тем не менее у всех этих движений есть и общие моменты, позволяющие их квалифицировать как таковые. Сравнительно-типологическое изучение украинского движения не входит в непосредственный круг наших задач. Однако на одном из его аспектов следует задержать внимание. В отличие от

национальных движений других славянских народов (как наиболее близких и схожих) украинское движение оказалось в весьма непростом положении. Оно целиком и полностью было построено на отрицании и противопоставлении, главным образом, всему русскому: русской культуре, государственности, истории, языку и т.д. Это можно назвать отрицательной доминантой. Здесь речь идет не о нравственной оценке, а о способе мироощущения и поведенческих нормах, которыми руководствуется какой-либо общественный коллектив.

Этническая близость между малороссами и великороссами была настолько тесной, что делала тот этнический фундамент, на котором основывается любое движение, довольно расплывчатым. Выдающийся ученый-славист Любор Нидерле, чех по национальности, оценивал эту близость следующим образом. У малороссов^{8*} и великороссов «столь много общих черт в истории, традиции, вере, языке и культуре, не говоря уже об общем происхождении, что с точки зрения стороннего и беспристрастного наблюдателя, это – только две части одного великого русского народа»¹¹⁰.

Эта близость, в частности, выражалась в трудности определения их этнических границ. По классификации, которую предложил польский исследователь Ю. Хлебовчик, такой тип культурно-языкового пограничья, при котором этнические границы между соседними этносами оказываются размытыми, называется «переходным». Размытость возникает из-за высокой степени этноязыкового родства между данными этносами, на базе которого возникает и развивается генетическое двуязычие населения переходного пограничья, двуязычия как массового феномена, как общественного (а не лично-индивидуального) процесса. В таком случае между этносами отсутствует четкая демаркационная граница, и последняя существует в виде довольно широкой переход-

^{8*} Об отрицании украинской партией этого единства Нидерле высказался следующим образом. Даже в 1920 г. он писал: «Белая, Великая и Малая Русь оставались и продолжают оставаться и поныне частями единого русского народа и совершенно неправильно исключать из этого единства украинский народ либо доказывать, что он вообще нерусского происхождения. Дифференциация между Великой и Малой Русью зашла ныне так далеко, что Украина требует признания своего языка и своего народа одинаково ценным и равноправным с языком и народом Великой Руси. Однако эта дифференциация, питаемая главным образом политическим фактором (курсив мой. – А.М.), даже сейчас не зашла еще так далеко, чтобы опровергнуть фактическое единство русского народа, которое, в отличие от других славянских народов, всегда надежно связывает отдельные его ветви» (Нидерле Л. Славянские древности. М., 2000. С. 182–183).

ной зоны, в которой наблюдается нарастание или сокращение числа тех или иных этноязыковых черт¹¹¹. При определенных условиях двуязычие и культурная диффузия этносов могут послужить факторами, определяющими национальное развитие данного населения. Именно таким было (и является в настоящее время) пограничье между великороссами, малороссами и белорусами, в отличие, скажем, от пограничий между западно- и центрально-европейскими народами (или даже поляками и украинцами), относимых к пограничьям «стыковым». В случае с польско-украинским пограничьем определяющую роль играли религиозные различия (католики–православные и даже католики–униаты). Общность происхождения, этническая, культурная и языковая близость в известной степени затрудняли выделение особой украинской идентичности как антитезы идентичности общерусской и даже долгое время ставили (и отчасти, продолжают ставить) ее под сомнение. И хотя украинская идентичность все же завоевала себе право на существование, далось это ей в нелегкой борьбе, отнимавшей немало времени и сил, когда постоянно приходилось доказывать, в том числе самим себе, правоту и обоснованность отстаиваемого дела.

Еще одним следствием отрицательной доминанты украинского движения стала его растущая радикальность, антироссийская и антирусская направленность. Чтобы в этом убедиться, достаточно ознакомиться с источниками, ведущими свое происхождение из самого движения. Характерна, например, следующая выдержка из журнала «Украинская хата» (1912. № 6): «Если ты любишь Украину, ты должен пожертвовать любовью к другим географическим единицам. Если любишь свой язык, то ненавидь язык врага... Умей ненавидеть. Если у нас идет речь об Украине, то мы должны оперировать одним словом – ненависть к ее врагам». И далее: «Возрождение Украины – синоним ненависти к своей жене московке, к своим детям – кацапчатам, к своим братьям и сестрам кацапам, к своему отцу и матери кацапам. Любить Украину – значит пожертвовать кацапской родней»¹¹². *Ненависть к России – и как к политико-государственному организму, и как к историческому пути и духовному опыту – стала альфой и омегой идеологии и практики украинского движения, его объединительным механизмом, мерилем отношения к текущей жизни, важнейшей составляющей психологии его адептов.*

«Украинцы» (здесь имеется в виду не народ, а адепты украинского национального движения. – А.М.) – это особый вид людей. Родившись русским, украинец не чувствует себя русским, отрицает в самом себе свою «русскость» и злобно ненавидит все рус-

ское. Слова: *Русь, русский, Россия, российский* – действуют на него, как красный платок на быка. Без пены у рта он не может их слышать. Но особенно раздражают “украинца” старинные, предковские названия: *Малая Русь, Малороссия, малорусский, малороссийский...* Все русское для них – предмет глубочайшей ненависти и хамского презрения»¹¹³. Такая характеристика психологии членов украинского движения, данная его противником – малороссом, при внимательном рассмотрении оказывается очень точной. История XX в. и наши дни лишь еще и еще раз подтвердили правоту этой психоэмоциональной характеристики.

Радикальность, антироссийская и антирусская направленность украинского движения, заложенные уже в самом его фундаменте, лишь проявлялись и становились все более яркими по мере развития движения и встававших перед ним трудностей в ходе борьбы за реализацию своего национального идеала. Относительная слабость приводила к неудачам, а те порождали отчаяние и озлобление, усиливая антироссийскую окрашенность движения. А это, в свою очередь, лишь укрепляло его отрицательную доминанту, формировало колоссальный комплекс неполноценности и провинциальности (провинциальности духа), ставший отличительной чертой приверженцев украинского движения (и которого нет у тех их соотечественников, которые не порывали с русской культурой и исторической традицией). В перспективе это грозило выхолащиванием той положительной заряженности, направленной на конструирование своего национального фантома и превращения его в живой национально-государственный организм, которая есть и должна быть у любого движения, особенно национального. При таком положении украинский фантом мог быть сведен не к положительному идеалу, а к антитезе его «спарринг-партнера», к некому антиорганизму, антинации.

Если провести некоторые аналогии, то по своей «отрицательной» направленности (здесь речь идет о механизме функционирования, а не об эмоциональных оценках) украинское движение можно сравнить с македонским национальным движением¹¹⁴. Действительно, во всех прочих случаях со славянскими национальными движениями имели место вполне выраженные потенциальные особенности, которые при соответствующей работе были способны превратиться в объективные характеристики национальной общности. Это либо отчетливый этнический фундамент (у чехов), либо конфессиональные (между сербами и хорватами), и языковые (у болгар) различия либо различная государственная традиция (чехи и словаки) или их сочетания. Македонское же движение зародилось и действовало на отрицании болгарской и

сербской (и греческой) национальных идентичностей. Правда, в данном случае противопоставление было двусторонним, что позволило адептам движения выработать некий промежуточный национальный тип. Такой вариант, кстати, был возможен для русинов Галиции, имевших серьезные предпосылки для выработки собственной, галицийской, национальной идентичности на противопоставлении польской и общерусско-малорусской. Но этого не произошло, и там утвердился принцип соборности Украины (две территории – одна нация) и идентичность украинская. Хотя этнические, культурные, ментальные различия между бывшей русской и австрийской частями Украины сохраняются до сих пор, так как были закреплены в решающий период украинского национально-творения – в 1920–1930-е годы. В немалой степени именно они задерживают и усложняют создание в современной Украине монолитного в национальном отношении общества.

Таким образом, ключевая причина относительной слабости и немногочисленности украинского национального движения и его недостаточного укоренения в массах, крылась в его характере как движения *не просто «созданного» на базе этноса с довольно отчетливыми субъективными признаками («этническим фундаментом», языком, религией, исторической памятью), а скорее «выделяющегося» из более крупного организма, сложившегося или находящегося на стадии формирования, и своей основой имеющего этнос с гораздо менее ярко выраженными признаками.* Возникшая как результат этого отрицательная доминанта движения, к тому же односторонняя, только затрудняла национальное строительство.

Все это, конечно, так. Но при этом не следует забывать, что слабость движения, в частности его влияние среди населения, была именно относительной. Хотя и медленно, но утверждалась в массах и украинская самоидентификация. Национальные идеи были просто чем-то отвлеченным от реальных проблем «земной» жизни. К тому же даже принятие украинской идентичности еще не означало полного противопоставления как России, так и русскости, хотя уже и не в таком виде, в каком она могла бы быть при торжестве проекта Большой русской нации. Иными словами, от принятия украинской идентичности широкими массами (именно ими) до превращения ее в некую символическую, определяющую мировоззрение категорию (т.е. до ее «национализации»), лежала определенная дистанция.

Украинское движение обладало еще одной весьма важной чертой: оно было активным и деятельным (и здесь маргинальность ему только помогала). К нему примыкали те, кто разделял опре-

деленные взгляды и был им предан. Длительный путь становления и развития движения научил его сторонников самоорганизовываться и надеяться прежде всего на собственные силы и средства. Это ценное качество проявилось сразу же после Февральской революции и позволило украинскому движению не растеряться в новых условиях и приступить к достижению поставленных им целей, а также начать наверстывать все, что оно не успело достичь до революции. Не менее важно то, что никакая активность не могла бы компенсировать неподготовленность движения к политической борьбе. А украинское движение, несмотря на свою, вызванную внешними и внутренними причинами, относительную слабость, оказалось все же готово принять вызов, брошенный мировой войной и революцией. Это и стало итогом и главным достижением его предыдущего развития.

Итак, к революции 1917 г. украинское национальное движение подошло уже достаточно сформировавшимся идеологически и оформленным организационно, в том числе в политические партии. Им были разработаны основы литературного языка, выработана национальная концепция истории «украинского народа». Время от времени выдвигались определенные требования в национально-культурной и политической сферах. Движение вплотную подошло к вопросу о формах национально-государственного устройства Украины. Главное, ему удалось утвердить в общественном и, отчасти, народном сознании идею особой украинской идентичности и закрепить такие связанные с самосознанием национально-политические понятия, как «Украина», «украинцы» и т.п., которые все больше начали наполняться этническим содержанием.

Вместе с тем многие процессы – элементы национального строительства – не были закончены. Так, создание литературного языка было далеко от своего завершения. Аналогичное положение сохранялось и в области культуры. Находились в зачаточном положении, а подчас и вообще отсутствовали, некоторые структурные подразделения движения (в церкви, армии, системе среднего образования), без которых существование полноценного национального коллектива было немыслимо. А главное, не было государственности, без которой нация, как социально-политический феномен, не может считаться таковой. Не было готово стать нацией и общество. По-прежнему актуальными оставались слова М. Грушевского, сказанные им несколькими годами ранее. Он говорил, что задачи украинского движения состоят в том, чтобы вывести украинство России «из рамок этнографической народности» и сделать его «политическим и экономическим фактором, принятым за организацию украинской общественности как

нации», ибо потеря воли и времени может затормозить дело «на многие поколения»¹¹⁵.

В таком виде застали украинское движение Первая мировая война и революция, полностью изменившие условия, в которых оно до этого развивалось, и заставившие его адептов корректировать свои цели, приоритеты, практическую деятельность.

По своим организационным формам, размаху, идейной направленности советский период в деятельности украинского движения довольно сильно отличается от дореволюционного. Логика развития советского периода жизни движения вытекает из нескольких лет революции. Оттуда берут начало многие общественные процессы, в полную силу проявившиеся в 1920-е годы, особенно в их первой половине. Поэтому следует показать основные моменты развития движения в 1917–1920 гг. При этом акцент следует сделать не на изложении конкретных событий, коими был так богат этот бурный период. Гораздо важнее постараться определить, что в целях, стратегии и тактике движения осталось прежним, а что изменилось, и какое влияние это оказало на украинское национальное строительство.

¹ *Ульянов Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996. С. 6–7. Наиболее откровенно эта установка была озвучена польским историком В. Калинкой.

² Там же. С. 231–232. Отголоски этой и подобных ей теорий живы до сих пор, и часто всплывают на страницах книг и прессы «национально-украинского» направления и в публичных выступлениях наиболее «твердокаменных» националистов.

³ Устав Славянского общества св. Кирилла и Мефодия // *Національні процеси в Україні: історія і сучасність*. Київ, 1997. Т. 1. С. 253.

⁴ Так охарактеризовал ее историк и виднейший деятель движения М.С. Грушевский. См.: *Грушевський М.С. 250 літ // Національні процеси в Україні...* Т. 1. С. 191.

⁵ *Костомаров М.І.* Книги битія Українського народу. Львів; Київ, 1921. С. 19–21.

⁶ *Нариси з історії українського національного руху*. Київ, 1994. С. 56.

⁷ *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 55–57.

⁸ Так, например, говорил о нем известный скульптор М. Микешин. Цит. по: *Ульянов Н.И.* Указ. соч. С. 159.

⁹ *Марчуков А.В.* Украинское национальное движение и проблема Переяславской Рады: взгляды и оценки (XIX–XX вв.) // *Русско-украинские отношения в XVII–XVIII веках. К 350-летию Переяславской Рады: сб. ст.* М., 2006.

¹⁰ *Шевченко Т.* Кобзар. Київ, 1956. С. 238–239.

¹¹ См. об этом: *Ульянов Н.И.* Указ. соч. С. 170.

¹² Не осталось в стороне и поколение-пехт украинских националистов и властей независимой Украины. В настоящее время культ Шевченко достиг своего апогея и приобрел черты квазирелигии. Здесь действительно верными будут слова: «Шевченко – это наше всё!»

- ¹³ *Миллер А.И.* Указ. соч. С. 65.
- ¹⁴ Цит. по: Там же. С. 72–73.
- ¹⁵ *Щёголев С.* История «украинского» сепаратизма. М., 2004. С. 49–50.
- ¹⁶ Там же. С. 63–64.
- ¹⁷ Цит. по: Українське питання. Київ, 1997. С. 71.
- ¹⁸ ЦГАВОУ У. Ф. 3984. Оп. 3. Д. 22. Л. 13.
- ¹⁹ Церква й Життя. 1928. № 2 (7). С. 137.
- ²⁰ ЦГАВО У. Ф. 3984. Оп. 3. Д. 22. Л. 13.
- ²¹ Українське питання. С. 72.
- ²² *Шип Н.А.* Український національно-культурний рух в умовах антиукраїнської політики російського царизму // Нариси з історії українського національного руху. С. 80.
- ²³ Національні процеси в Україні... Т. 1. С. 260–261.
- ²⁴ Там же. С. 260.
- ²⁵ Цит. по: *Костомаров М.І.* Указ. соч. С. 17, 21.
- ²⁶ Впервые текст был опубликован во львовском журнале «Мета» (1863. № 4. С. 271–272).
- ²⁷ *Миллер А.И.* Указ. соч. С. 112; Українське питання. С. 75.
- ²⁸ См.: *Капелер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Украина–Россия: история взаимоотношений: сб. ст. М., 1997. С. 138–139.
- ²⁹ Цит. по: *Шип Н.А.* Указ. соч. С. 58.
- ³⁰ Опыт украинской политико-социальной программы. Женева, 1884. С. 31–32.
- ³¹ *Ульянов Н.И.* Указ. соч. С. 146, 157.
- ³² *Миллер А.И.* Указ. соч. С. 147–148.
- ³³ Українське питання. С. 110.
- ³⁴ *Драгоманов М.П.* Чудацькі думки про українську національну справу // Вибране... мій задум зложити очерк історії цивілізації на Україні. Київ, 1991. С. 539.
- ³⁵ Текст указа см.: *Миллер А.И.* Указ. соч. С. 242–244.
- ³⁶ Там же. С. 185–186.
- ³⁷ Українське питання. С. 78–82.
- ³⁸ Нарис історії «Просвіти». Львів; Краків; Париж, 1993. С. 4–6; *Ковба Ж.М.* «Просвіта» – світло, знання, добро і воля українського народу (до 125-річчя зі дня заснування). Дрогобич, 1993. С. 6.
- ³⁹ Українське питання. С. 103–105.
- ⁴⁰ См.: *Грушевский М.С.* Очерк истории украинского народа. Киев, 1990; *Он же.* Иллюстрированная история Украины. М., 2001. Основная идейная посылка концепции содержится в статье: *Грушевський М.С.* Звичайна схема «руської» історії й справа раціонального укладу історії східного слов'янства // Вивід прав України. Нью-Йорк, 1964.
- ⁴¹ См.: История литературы русской / написав О. Огоновский. Львів, 1887–1889. Ч. 1–2.
- ⁴² *Гунчак Т.* Україна. Перша половина ХХ століття. Київ, 1993. С. 11–13.
- ⁴³ *Гермайзе Й.* Нариси з історії революційного руху на Україні. Київ, 1926. С. 19–20.
- ⁴⁴ До революции обе столицы были главнейшими центрами деятельности украинофилов.
- ⁴⁵ *Гунчак Т.* Указ. соч. С. 14.
- ⁴⁶ Там же. С. 14, 15.
- ⁴⁷ *Чмырь С.Г.* Украинская демократическо-радикальная партия: генезис, программа, тактика (90-е годы XIX в. – 1909 г.) // История национальных полити-

- ческих партий России: материалы международной конференции. Москва, 21–22 мая 1996 г. М., 1997. С. 148.
- ⁴⁸ Цит. по: Там же.
- ⁴⁹ *Танин-Львов А.А.* УСДРП: организационно-идеологическая характеристика // История национальных политических партий России... С. 154.
- ⁵⁰ *Гунчак Т.* Указ. соч. С. 13–14.
- ⁵¹ *Міхновський М.* Самостійна Україна. Програма Революційної української партії // Національні процеси в Україні. Т. 1. С. 313–316.
- ⁵² Там же. С. 312.
- ⁵³ Там же. С. 321.
- ⁵⁴ *Дорошенко В.* Революційна українська партія. Львів, 1921. С. 111.
- ⁵⁵ Цит. по: *Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003. С. 67.
- ⁵⁶ *Грушевский М.* Освобождение России и украинский вопрос. СПб., 1907. С. 60, 88.
- ⁵⁷ Записка об украинском движении за 1914–1916 годы с кратким очерком истории этого движения как сепаратистско-революционного течения среди населения Малороссии // «Украинская» болезнь русской нации. М., 2004. С. 113.
- ⁵⁸ *Грушевский М.* Освобождение России и украинский вопрос. С. 60, 88.
- ⁵⁹ *Курас И.Ф.* Торжество ленинских идей пролетарского интернационализма и крах мелкобуржуазных националистических партий на Украине: Дис. ... д-ра ист. наук. Киев, 1980. С. 91.
- ⁶⁰ Записка об украинском движении... С. 110–111.
- ⁶¹ *Танин-Львов А.А.* Указ. соч. С. 154.
- ⁶² *Франко І.* Зібрання творів: у 50 т. Київ, 1986. Т. 45. С. 404.
- ⁶³ Українське питання. С. 116–117.
- ⁶⁴ *Михутина И.В.* Указ. соч. С. 99.
- ⁶⁵ Там же. С. 75; *Щёголев С.* История «украинского» сепаратизма. С. 123–129.
- ⁶⁶ *Щёголев С.* История «украинского» сепаратизма. С. 182–198.
- ⁶⁷ *Касьянов І.* Теорії нації та націоналізму. Київ, 1999. С. 262.
- ⁶⁸ *Бондаренко Д., Крестовская Н.* Украинский вопрос в Государственной думе (1906–1917 гг.) // Россия XXI. 2001. № 6. С. 99, 100.
- ⁶⁹ Там же. С. 103, 116.
- ⁷⁰ *Михутина И.В.* Указ. соч. С. 123, 135, 144–146.
- ⁷¹ *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні XX століття. Київ, 1997. С. 20; *Касьянов Г.* Українська інтелігенція на рубежі XIX–XX століть: соціально-політичний портрет. Київ, 1993. С. 33.
- ⁷² *Касьянов Г.* Українська інтелігенція 1920-х – 1930-х років: соціальний портрет та історична доля. Київ, 1992. С. 82.
- ⁷³ *Зеньковский В., протопресвитер.* Пять месяцев у власти (15 мая – 19 октября 1918 г.): восп. М., 1995. С. 29; *Шип Н.А.* Указ. соч. С. 63.
- ⁷⁴ Цит. по: *Михутина И.В.* Указ. соч. С. 59.
- ⁷⁵ *Ефремов С.* Щоденники, 1923–1929. Київ, 1997. С. 297, 515.
- ⁷⁶ Там же. С. 485, 525, 558, 684.
- ⁷⁷ *Касьянов Г.* Українська інтелігенція 1920-х – 1930-х років... С. 56–57.
- ⁷⁸ О корнях украинской интеллигенции см.: *Бойко Е.Д.* Украинская интеллигенция и революция: общее и особенное // Украина в 1917–1921 гг.: некоторые проблемы истории. Киев, 1991. С. 221; *Пилипенко С.* Украинская интеллигенция и Советская власть // Октябрьская революция. Первое пятилетие: сб. Харьков, 1922. С. 239, 241–245.
- ⁷⁹ *Гермайзе Й.* Указ. соч. С. 19.
- ⁸⁰ *Чикаленко Є.* Щоденник (1907–1917). Львів, 1931. С. 158–159.

- ⁸¹ Гунчак Т. Указ. соч. С. 44.
- ⁸² Чикаленко Є. Спогады (1861–1907). Київ, 2003. С. 238.
- ⁸³ Цит. по: Михутина И.В. Указ. соч. С. 55.
- ⁸⁴ Цит. по: Шип Н.А. Указ. соч. С. 73–74.
- ⁸⁵ Цит. по: Федьков О.М. Селянство в українському національному русі // Нариси з історії українського національного руху. С. 114.
- ⁸⁶ Леценко М.М. Українське село на революції 1905–07 рр. Київ, 1977. С. 346.
- ⁸⁷ Історія селянства Української РСР. Київ, 1967. Т. 2. С. 9, 11, 12.
- ⁸⁸ Федьков О.М. Указ. соч. С. 118.
- ⁸⁹ Там же. С. 123–125.
- ⁹⁰ Там же. С. 127–128.
- ⁹¹ Там же. С. 122, 123.
- ⁹² Короленко В.Г. Земли! Мысли, воспоминания, картины // Новый мир. 1990. № 1. С. 182–183.
- ⁹³ Федьков О.М. Указ. соч. С. 126.
- ⁹⁴ Порш М. Національне питання та виборча агітація на Україні // Літературно-науковий вісник. 1907. Кн. 1. С. 137.
- ⁹⁵ Короленко В.Г. Указ. соч. С. 182–183.
- ⁹⁶ Иванов Л.М. Революция 1905–07 гг. на Украине // Революция 1905–07 гг. в национальных районах России. М., 1955. С. 108–109.
- ⁹⁷ Генерал-хорунжий армії УНР. Невідома біографія Ю. Тютюнника / публ. підгот. О. Божко // З архівів ВУЧК, ГПУ, НКВД, КГБ. 1998. № 1/2. С. 31.
- ⁹⁸ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1040. Л. 2.
- ⁹⁹ Кульчицький С. Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919–1929). Київ, 1996. С. 35.
- ¹⁰⁰ Миллер А.И. Указ. соч. С. 231.
- ¹⁰¹ Там же. С. 231–233.
- ¹⁰² Там же. С. 235.
- ¹⁰³ Хаген Марк фон. Русско-украинские отношения в первой половине XX века // Россия–Украина: история взаимоотношений: сб. ст. М., 1997. С. 184.
- ¹⁰⁴ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни: воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. С. 170.
- ¹⁰⁵ Например, эта мысль красной нитью проходит через книгу «Украинский вопрос» (М., 1914).
- ¹⁰⁶ Каппелер А. Указ. соч. С. 128, 138, 140.
- ¹⁰⁷ История России с начала XVII до конца XX века. М., 1996. С. 106.
- ¹⁰⁸ Касьянов Г. Теорії нації та націоналізму. С. 295.
- ¹⁰⁹ Цит. по: Щёголев С.Н. Современное украинство. Его происхождение, рост и задачи. Киев, 1913. С. 140
- ¹¹⁰ Цит. по: Там же. С. 114–115.
- ¹¹¹ Хлебовчик Ю. Роль и функции двуязычия в процессе образования наций // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С. 102–103.
- ¹¹² Цит. по: Щёголев С.Н. Современное украинство... С. 117.
- ¹¹³ Царинный А. Украинское движение: краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М., 1998. С. 250, 252.
- ¹¹⁴ Хотя сравнение может быть и обратным – в зависимости от исходных позиций наблюдателя.
- ¹¹⁵ Грушевський М. Українство і питання дня в Росії // З біжучої хвилі. Київ, 1907. С. 10.

Украинское национальное движение в годы Первой мировой и Гражданской войн

Первая мировая война

Начало войны, казалось, не предвещало украинскому движению ничего неожиданного. Несмотря на предпринятое после революции 1905 г. определенное ужесточение мер в отношении украинского движения, оно продолжало существовать. К 1913 г. в России выходило 22 украинских периодических издания, действовало 49 украинских книгоиздательств, их ежегодный тираж составлял 500–600 тыс. экземпляров (196–242 наименования), в ряде городов имелись украинские клубы (одесская «Украинская хата», московский «Кобзарь» и др.), театральные и музыкальные группы¹. Сохранялась и его политическая составляющая – партии и общества, например созданное в 1908 г. украинскими либералами на месте самоликвидировавшейся УДРП Общество (Товариство) украинских прогрессистов (ТУП). Упадок наблюдался лишь в левом секторе украинского движения, но это объяснялось не гонениями на украинство, а общим упадком социалистического движения в России. Правда, движение не имело сколько-нибудь ясных перспектив реализации своих целей.

Его сторонники в России встретили начавшуюся войну неоднозначно, но большинство из них, по крайней мере, внешне, заняло оборонческие позиции или, даже считая ее злом для своего дела, выбирали «наименьшее», т.е. победу России. Они даже старались всячески подчеркнуть свою российско-патриотическую позицию² и публично отмежеваться от некоторых групп галицких «украинцев» и эмигрантов из российской Украины, вставших на путь поддержки Австро-Венгрии. А таковые имели место. По мере обострения противоречий между ведущими державами, Германия и Австро-Венгрия все больше внимания начали обращать на украинское движение, прекрасно понимая, что украинский вопрос – вопрос не только о государственном, но и о национальном единстве России, и рассматривали его как своего союзника. По

понятным причинам поддержку центральноевропейским монархиям выразили почти все «украинские» партии и общества Галиции. Националистами был сформирован корпус Украинских сечевых стрельцов, воевавший на Восточном фронте против своих единокровных братьев – солдат русской армии.

В 1914 г. рядом эмигрантов (Д. Донцовым, В. Дорошенко, А. Жуком, Н. Зализняком, М. Меленевским, А. Скоропис-Йолтуховским и др.) был создан Союз вызволения (освобождения) Украины (СВУ), действовавший под руководством германско-австрийского командования. Видную роль в создании СВУ сыграл А.Л. Гельфанд, более известный под именем Парвус – активный деятель германской и российской социал-демократии, «банкир революции», входящий в крупнейшие финансовые круги Европы, идеолог мировой революции и создания Соединенных Штатов Европы, бывший одно время покровителем тогда еще мало кому известного Л.Д. Троцкого. Парвус подготовил и изложил германским властям план организации в России революции и вывода ее из войны. Среди прочего планом предусматривалась организация национал-сепаратистских выступлений в России и в первую очередь на Украине. «Украина является краеугольным камнем, сдвинув который можно будет разрушить централизованное государство»³, – убеждал он германское правительство. План был полностью поддержан, и на указанные Парвусом цели стали выделяться миллионы германских марок (правда, значительная, если не большая, часть этих средств, вела происхождение из заокеанских финансовых структур). Первая сумма в размере 2 млн марок была предоставлена Парвусу в марте 1915 г. Часть выделенных средств шла на поддержку Союза освобождения Украины, с членами которого Парвус тесно сотрудничал с самого начала войны. Естественно, финансирование СВУ велось и австро-венгерской стороной.

«Политическим постулатом союза», как заявляли его формальные руководители, являлась державная независимость Украины, которой отводилась почетная роль барьера, защищающего европейскую культуру (очевидно, германскую) от московского «варварства». В «Воззвании» СВУ от 25 августа 1914 г. разъяснялось, что реализацию национальных устремлений Союз связывает «с разгромом России в войне, развивая в этом направлении соответствующую деятельность»⁴. По замыслам его настоящих шефов, СВУ должен был заниматься организацией революционных волнений, диверсий, создавать агентурную сеть, объединять национальные организации российских народов на почве борьбы с Россией. Однако практические результаты деятельности этой ор-

ганизации не оправдали надежд ее учредителей, настолько они были мизерны (хотя формально СВУ прекратил существование лишь 7 мая 1918 г.).

Еще одной задачей СВУ была агитация среди российских военнопленных-малороссов, вербовка их на службу в украинские подразделения австрийской армии и подготовка из них шпионов и агентов по разложению тыла русской армии. Среди пленнх распространялись брошюры и прокламации с призывами вступить в ряды австрийской армии; им втолковывалось, что они «украинцы» и не российские подданные, а граждане «Украины». Но этой работе мешали сами пленные, большая часть которых даже в тяжелых условиях концлагерей не пошла (пусть даже вынужденно) на сотрудничество с украинской партией. Лидер кадетов П.Н. Милюков, как известно поддерживавший требования украинского движения, характеризуя положение в лагере Раштадт, приводил следующие цифры: 1500 распропагандированных пленнх-малороссов были готовы воевать за украинское дело, до 3 тыс. составляли «сочувствующие», занимавшиеся на украинских курсах, 6 тыс. были ярыми противниками украинства. Остальные (большинство) не занимали никакой позиции, сохраняя нейтралитет и мечтая поскорей вернуться домой. В.И. Ленин, проживавший в то время в Европе, приводил еще более красноречивые данные. Сумевший бежать пленный солдат рассказывал ему, что в их лагере за год из 27 тыс. пленнх-малороссов сагитированными оказалось только две тысячи. «27 000 – число большое. Год – срок большой. Условия для галицийской пропаганды – архиблагоприятные. И все же близость к великорусам брала верх!»⁵, – поражался Ленин.

Безусловно, тех, кто принял украинскую идею, было меньшинство. Но немецкая обработка пленнх приносила свои результаты, только они могли проявиться не сейчас, а спустя какое-то время. Ведь многие солдаты узнали об украинском вопросе и о том, что они – тоже «украинцы» именно в концлагерях. Вернувшись в охваченную революцией Украину, обращенные в «украинскую веру» и часть «сочувствовавших» пополняли ряды сторонников украинских правительств, причем становились наиболее активным элементом движения.

Политика центральных держав и связи прогермански настроенных деятелей украинства с немецкими и австро-венгерскими военными и политическими кругами были хорошо известны в России. Понятно, что это непосредственным образом влияло на отношение к представителям украинского движения внутри страны. Вот поэтому они и старались откреститься от германофиль-

ства и опровергнуть укоренившиеся в российском обществе обвинения о связях движения с враждебными разведками. Ни кто иной, как С.В. Петлюра писал, что украинцы (в данном случае имелись в виду и «сознательные», и народ, от лица которого последние стремились выступать) будут храбро защищать Россию, «сражаясь в рядах войска и действительно проливая кровь за единство государства»⁶.

Но несмотря на подобные демонстрации лояльности, иногда искренние, а чаще нет, российские власти не изменили подозрительного отношения к движению. Был закрыт ряд изданий, в том числе газеты «Рада», «Село», журнал «ЛНВ» и др. (украинская пресса в столицах продолжала выходить). Попытки создания «украинских» госпиталей были отвергнуты и характеризовались в прессе как проявления сепаратизма⁷. Отношение властей к украинскому движению внутри страны было сходно с политикой по отношению к «украинцам» в занятой русскими войсками Галичине, заключавшейся в закрытии украинских обществ и прочих учреждений. После отступления в 1915 г. русских армий из Галиции правительство стало более осторожным, а деятели движения – наоборот, более активными.

Аналитики МВД отмечали, что с начала войны украинское движение притихло «лишь на поверхности» и что «его невидимая работа в известном направлении продолжается»⁸. Его адепты, помимо ставшей уже привычной литературно-культурной работы, осуждали политику царской администрации в Галичине, просили открыть украинские школы и ввести украинский язык в сферу народного образования. Добивались они также свободы украинского слова, разрешения деятельности культурно-просветительских обществ. Петиции, содержащие такие требования (а порой и угрозы «отмщения» российскому государству и нации за то, что «украинский народ... приговорен к смерти») время от времени поступали депутатам Государственной думы⁹. Некоторые требования украинства по-прежнему получали поддержку у либерально настроенных представителей общероссийских партий, например, кадетов.

Дальше обсуждения проблем культурно-национальной автономии авторы петиций и меморандумов не заходили, и политическая составляющая движения была незаметна. Украинские деятели умеренно-либерального толка сосредоточились на работе в общественных и хозяйственных организациях и комитетах (Военно-промышленном комитете, Комитете Союза городов Юго-Западного фронта, Обществе помощи населению Юга России, пострадавшего от военных действий). Из материалов полиции сле-

довало, что украинская работа, как и раньше, велась в основном среди интеллигенции, которая для укрепления «украинской обособленности» считала необходимым завоевание «своей» школы и «своих» культурных учреждений. Среди крестьянства проявления сепаратистских тенденций не наблюдались¹⁰. Член УПСР И.П. Мазепа позднее вспоминал, что народ в национальном плане был «несознательным», многомиллионное крестьянство находилось под влиянием российской партии эсеров, и «фактически на Украине накануне революции господствовал “русский дух” и почти не было заметно проявлений какого-нибудь широкого, массового национального движения»¹¹.

Наряду с умеренными кругами, имелись также немногочисленные, действовавшие подпольно, группы, которые были настроены гораздо более радикально и решение социальных вопросов увязывали с национальным становлением Украины. Из числа подобных организаций можно упомянуть харьковские Украинский социалистический коллектив (1914–1916) и Украинский юношеский союз (1915–1916), выступавшие за реорганизацию России в демократическую федеративную республику по национально-территориальному признаку и воспитание социально активного, национально развитого типа молодого украинца. Среди подпольных обществ были и те, что целиком стояли на самостийнических позициях. Таковым был созданный осенью 1915 г. в Екатеринославской губернии «Инициативный комитет Украинского независимого союза». Его основной целью стала организация самостийной украинской республики. Тактикой по достижению этой цели должна была стать борьба за «национализацию» всей общественной жизни на Украине: школы, церкви, администрации, суда и т.п. Ее составной частью члены комитета провозглашали борьбу против денационализации украинской нации, что на практике должно было выражаться в бойкоте русской культуры¹². Конечно, подобные группы не делали погоды в движении, но, с другой стороны, их наличие придавало последнему политическую завершенность: имелся радикальный сектор, куда при определенной конъюнктуре могли переместиться и более умеренные течения.

«Фундамент» у автономистов и самостийников был общий – национальный вопрос, различались лишь подходы к его решению и темпам. Пока устои Российской империи оставались незыбленными, пока сохраняла устойчивость мировая политическая система, в движении господствовал автономистский подход, а само оно действовало осторожно и порой даже робко. Но кажущиеся незыбленными устои были сметены вихрем революции. 1917 год

положил начало новому, очень короткому периоду в жизни украинского движения, повлиявшему самым решительным образом на выполняемую им задачу – строительство украинской нации и создание самостийной Украины.

Движение во всероссийской смуте 1917–1920 годов

Революция, которую так давно ожидало российское общество, стала полной неожиданностью. Война и разразившийся революционный кризис резко повысили политизацию масс и превратили накопившиеся социально-экономические, политические, национальные вопросы в достояние широких слоев населения страны. Падение самодержавной власти и образование Временного правительства открывало реальную возможность для развития инициативы на местах. Временное правительство, созданное депутатами Государственной думы, оставалось легальным органом, хотя его власть, функции и авторитет не шли ни в какое сравнение с авторитетом и полномочиями освященной Богом и церковью власти монарха. Начавшийся процесс эрозии центральной власти порождал и провоцировал сепаратистские тенденции на окраинах империи.

Не украинское движение и даже не национальный вопрос привел Российскую империю к коллапсу. Деятели украинства быстро сориентировались в ситуации и воспользовались революционной стихией, подхватив «лежащую на улице» власть. По образному выражению российской исследовательницы И.В. Михутиной, украинское движение сумело «в первый момент, в волнах углублявшегося хаоса, что называется, сорвать ветер с парусов антивоенного движения и назревшей в деревне аграрной революции и преобразовать эти мощные потоки в энергию государственного строительства»¹³. Эйфорией революции и тем, что националисты смогли занять враз опустевшее «свято место» власти, объяснимы массовые демонстрации весны 1917 г., проходившие и под красными, и под «жовтоблакитными» флагами. Истинное положение дел, истинное место украинского движения в общественно-политическом спектре бурлящей России стало видно чуть позже, когда схлынула первая волна революции.

Способствовали активизации центробежных сил и либеральные настроения, захватившие российское общество после свержения самодержавия, которое ассоциировалось со старым миром угнетения. И соответствующие шаги нового правительства не за-

ставили себя ждать. Было принято постановление об отмене вероисповедных и национальных ограничений, в котором было признано равенство всех граждан России перед законом, свобода совести, право на получение начального образования на родном языке (в случае с Украиной под таковым понимался украинский). Местные языки допускались в суде и делопроизводстве, хотя и с ограничениями¹⁴. Был принят и ряд мер, непосредственно касающихся национального развития Украины: дано разрешение на открытие в Киеве украинской гимназии, возобновлена деятельность общества «Просвита»¹⁵.

Деятели украинского движения тоже даром времени не теряли и, пользуясь терминологией М. Грушевского, перерабатывали «потенциальную энергию этнографического существования в динамику национального развития»¹⁶. Проживавшие в Петрограде адепты движения создали Временный украинский революционный комитет, который призывал украинцев столицы поддерживать революцию и демократию в их борьбе за гражданскую свободу. При этом подчеркивалась и цель «украинской демократии» – обеспечение «отдельных национальных» прав, полным выражением которых являлась бы «национально-государственная самостоятельность» – создание «собственного суверенного государственного организма». Пока что этот «организм» виделся в виде широкой национально-территориальной автономии Украины в Российской федеративной демократической республике¹⁷.

Не отставал и Киев. Местные активисты, состоявшие в Обществе украинских прогрессистов, созвали съезд украинских партий и студенческих, солдатских, кооперативных и прочих организаций города. 20 марта 1917 г. они сформировали Центральную раду, которая провозгласила себя высшей властью на Украине¹⁸. В апреле на Украинском национальном конгрессе, на который съехались представители различных организаций и регионов Украины, Рада была структурирована: определен ее количественный состав, избран председатель. Им стал М.С. Грушевский, его заместителями – С.А. Ефремов и В.К. Винниченко. На Центральной раде, а значит, и на проводимых ею мероприятиях, лежал отпечаток формальной нелегитимности: она не имела преемственности от прежних структур власти. С точки зрения юридической законности, характер Рады не вызывает сомнений. Но с точки зрения «революции», с точки зрения украинского движения, шаг этот был оправдан, а значит, и легитимен. Россия вступала в период безвластия, потом перешедшего в многовластие. И у каждой враждующей стороны была своя правда. Сами сторонники Центральной рады присвоение власти в малороссийских губерниях

явочным путем прикрывали стремлением, во-первых, оправдать доверие украинского населения и исполнить долг перед родиной, а, во-вторых, организовать и удержать «народное национальное движение», не дать ему перерасти в стихийные и опасные для государства формы¹⁹.

Одним из приоритетных видов деятельности стала широкая разъяснительная работа о целях, задачах и истории движения, привлечение в его ряды как можно большего числа людей. «Мы... украинский народ, особый народ со своим особым языком, историей, письменностью и культурой», – убеждал М. Грушевский своих читателей в специально написанной им популярной, рассчитанной на массы, брошюре с говорящим названием «Кто такие Украинцы и чего они хотят»²⁰. Ломка прежней жизни, привычных устоев способствовала увеличению числа тех, кто осознанно или волею судеб примкнул к украинскому движению, стал «сознательным» или «стихийным» украинцем. События 1917 г. вытолкнули на поверхность немало «неофитов», которые радикализировали движение, вдохнули в него новые силы, направили на новые цели. По мнению В. Винниченко, «именно те, кто не умел даже как следует говорить по-украински... были наиболее крайними, непримиримыми националистами»²¹.

Деятельность украинского движения развивалась по нарастающей. В мае под эгидой Рады прошел ряд съездов: войсковой, крестьянский, кооперативный, рабочий, «вольного казачества». Характерно, что политическая активность была вызвана не только работой украинских организаций. Новые условия вынуждали искать свое место в меняющемся мире все общественные силы. Наиболее показательным примером может служить позиция Русской православной церкви. В апреле–мае, а затем осенью 1917 г. во всех губерниях состоялись епархиальные съезды духовенства и мирян, призванные найти ответы на вопросы, поставленные революцией перед церковью. На них, в частности, шла речь и об «украинских» делах.

Войсковые съезды наиболее резко ставили вопрос о национально-территориальной автономии – учреждении при Временном правительстве поста министра по делам Украины, создании украинской армии и разделе Черноморского флота²². Национальные воинские части из солдат-малороссов Центральная рада начала формировать явочным порядком практически сразу. В мае 1917 г. Временное правительство признало эту практику и дало «добро» на формирование украинских полков. Темпы украинизации частей российской армии, стоящих на Украине, были довольно высокими. Но их украинизация происходила не столько из-за

высокой национальной сознательности военнослужащих (вспомним ситуацию с пленными), сколько из-за их нежелания воевать. Не случайно, что после попыток передислоцировать эти части на фронт, в них усиливались большевизация, шатание и дезертирство. Вообще, солдатская масса была, пожалуй, главной опорой движения в эти годы. В отдельные периоды украинские правительства могли рассчитывать только на свои войска. Армия, особенно находящаяся на стадии разложения – наиболее революционный отряд общества, поскольку ее энергия направлена на свержение и уничтожение старого порядка. Кроме того, разлагающаяся армия – явление особое, маргинальное, оторванное от прежней системы общественных связей. Вот почему войсковые съезды мало интересовались социально-экономическими вопросами и почти все внимание уделяли вопросам политическим, почему и были настроены наиболее радикально.

Адепты украинского движения настойчиво продолжали работу по строительству собственной государственности. Рамки самостоятельности «национально-государственного организма» в представлении украинских националистов не имели четких очертаний. Как и прежде, большинство придерживалось идеи автономии Украины в составе федеративной демократической России. Правда, в эти понятия вкладывался настолько разный смысл, что порой автономия Украины понималась как что-то вроде статуса британского доминиона (с приоритетом местного законодательства над общегосударственным, собственной армией, финансами, судом), т.е. фактически независимого государства.

Создается впечатление, что в их понимании границы между национальной автономией и полной самостоятельностью были расплывчаты. Например, все дореволюционные съезды наиболее влиятельной УСДРП выступали против независимости Украины. Апрельская конференция УСДРП (1917 г.) также высказалась за федерацию автономий как «наилучшее обеспечение демократических... прав каждой нации». И только взятие власти большевиками, начало Гражданской войны на Украине, немецкая оккупация заставили УСДРП 6 мая 1918 г. отказаться от лозунга союза с Россией²³. Один из лидеров партии и Центральной рады, В. Винниченко, в октябре 1917 г. заявлял, что с уничтожением царизма исчезли и основания для «самостийничества». Но тот же Винниченко чуть раньше, 7 июня того же года, на Втором войсковом съезде намекал, что лозунг автономии Украины в составе России – мера тактическая и вынужденная, продиктованная велением времени: слабостью сил «сознательных украинцев» и отсутствием их влияния в больших городах²⁴. Даже если предполо-

жить, что подобные высказывания были вызваны колебаниями конъюнктуры, надо констатировать, что по мере углубления системного кризиса сторонников полной самостоятельности становилось все больше, а их требования – все радикальнее.

Создание государственности велось постепенно. 10 июня Центральная рада выпустила свой Первый Универсал. В нем торжественно провозглашалось, что украинский народ способен самостоятельно строить свою жизнь и будет это делать. Подчеркивалось сохранение единства с Россией, но в то же время Универсалом предлагалось избрание Всенародного Украинского собрания (сейма), которому должна была бы принадлежать власть на Украине и решения которого имели бы приоритет перед постановлениями Всероссийского Учредительного собрания. Рада присваивала себе и право налогообложения в виде дополнительных сборов в свою пользу (выплаты во всероссийский бюджет продолжали бы сохраняться)²⁵. Вскоре после издания Универсала было создано и правительство – Генеральный секретариат, ставший высшим исполнительным органом Рады²⁶.

Впрочем, конъюнктура вскоре изменилась. Между Радой и Временным правительством был достигнут компромисс. Петроград соглашался признать право на самоопределение за всеми народами и обещал начать проведение новой линии в украинском вопросе²⁷. Тон Центральной рады сразу изменился. Во Втором Универсале от 3 июля говорилось, что она выступала и выступит против отделения Украины от России, против самовольного объявления автономии до соответствующего решения Всероссийского Учредительного собрания, а Генеральный секретариат объявлялся органом Временного правительства²⁸.

Однако отношения между киевской Радой и петроградским правительством продолжали ухудшаться. Центральная рада явочным порядком провозгласила приоритет собственной власти и издаваемых ею законов над центральными. В сентябре была разработана структура управления и созданы государственные органы – 14 генеральных секретариатов, в том числе военный, финансов, почт и телеграфа и другие, вовсю шло формирование украинских воинских частей. Таким образом, в 1917 г. на Украине активно формировался центр силы, закладывалась собственная государственность. Приход к власти большевиков означал окончательную ликвидацию последних остатков всякой легитимной власти в России. Власть в Киеве перешла в руки Центральной рады. 7(20) ноября она выпустила Третий Универсал, в котором «во имя спасения всей России» Украина провозглашалась «Украинской Народной Республикой» в этнических границах, т.е. охватываю-

щих те территории, где большинство населения составляли этнические украинцы²⁹. Учитывая определенные трудности при установлении национальной принадлежности этого населения, особенно в переходных пограничных зонах, к «этническим украинским территориям» могли быть отнесены и Кубань, и значительные территории Области Войска Донского, Воронежской и Курской губерний, Белоруссии, не говоря уже о бывшей Новороссии и Донбассе.

В Универсале еще говорилось о федеративном устройстве будущей России. Но фактически, он стал переходным звеном от полугосударственности времен многовластия к полной независимости Украины. Его умеренность объяснялась нерешительностью вождей движения и ожиданиями скорого падения большевиков. Но те уступать не собирались и, используя энергию социальной борьбы, даже предприняли попытку распространить свою власть на Киев. Столкновение большевистских отрядов с воинскими формированиями Рады в украинской националистической историографии получило громкое название украинско-московской войны³⁰. Под влиянием новой обстановки 9 января 1918 г. Рада принимает Четвертый Универсал, в котором объявляет, что «отныне Украинская Народная Республика становится самостоятельным, ни от кого не зависимым, вольным суверенным государством Украинского Народа»³¹.

Таким образом, за 1917 г. украинское движение оказалось в состоянии (правда, в благоприятствующих этому условиях) создать государственность, хотя и непрочную. И это самым непосредственным образом повлияло на ход Гражданской войны, в которой украинское движение смогло выступить отдельной силой. Конечно, украинские правительства (сначала до весны 1918 г. Центральная рада, затем отстранивший ее от власти Гетманат Павла Скоропадского, а с ноября того же года Директория, свергнувшая уже гетмана) были неустойчивыми. Их раздирали внутренние противоречия и нерешенные социально-экономические вопросы, держались они, во многом, за счет австро-немецких оккупационных войск, интервентов, Польши и, в конце концов, были сметены большевиками. Но главным оставалось то, что «Украина» стала осязаемой реальностью.

Была определена и ее территория. Временное правительство отводило в ведение украинской Рады Киевщину, Волинь, Подолье, Полтавщину и большую часть Черниговщины. После его падения Центральная рада самостоятельно распространила свою власть еще и на Харьковщину, Екатеринославщину, Таврию (без Крыма), Донбасс, Кривой Рог. Была объявлена территорией

УНР также и Холмщина, оккупированная немецкими войсками еще в 1915 г. Ее судьба, равно как и судьба тех частей Воронежской и Курской губерний, на которые претендовали «украинцы», откладывалась Радой до решения «организованной воли народа»³². Таким образом, украинское государство в основном сравнивалось по территории с украинским «идеальным Отечеством». Украина вышла на мировую арену. Делегация УНР участвовала в переговорах в Брест-Литовске, ее посольства направлялись в европейские страны. Правда, серьезной картой в большой игре западных политиков УНР не стала: в спорных ситуациях они были готовы делать ставку на единую Россию, пусть даже красную³³.

Еще одной важной чертой, которую движение приобрело за годы Гражданской войны, стала его крайняя радикализация. Собственно, ничего более радикального, чем вооруженная борьба за достижение каких-либо идеалов, и быть не может. Радикализация шла рука об руку с укреплением в сознании его приверженцев антироссийской, а у значительной части также антикоммунистической и антисоветской направленности. Упрочились и политические связи с Галичиной. Правда, несмотря на провозглашение 22 января 1919 г. акта «злуки» – соединения Восточной и Западной Украины, создать единое государство не удалось. Серьезному испытанию подверглась сама идея соборности. Дело в том, что Антанта передала Галичину возрожденной Польше, которая силой подавила попытку местных украинских кругов самоопределиваться. В ходе борьбы как раз и проявились различия в интересах и психологии галицийцев и российских «украинцев».

Во имя борьбы против своих вековечных врагов-поляков деятели Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР), и особенно командиры Украинской Галицкой армии (УГА, войско ЗУНР), были готовы сотрудничать и сотрудничали не только со своими коллегами из российской Украины, но и с противниками последних: красными и даже денкинцами – сторонниками единой России. Россия была далеко, а потому, как говорил глава ЗУНР Е. Петрушевич, «не так страшна, как Польша»³⁴. В свою очередь российские «украинцы» (конечно, стремясь к созданию Великой Украины) тоже были готовы пожертвовать интересами галицких братьев, если этого требовала своя борьба. Заключенный в апреле 1920 г. договор между Польшей и УНР подтверждал права Польши на владение Галицией, Холмщиной, Подляшьем, Западной Волинью и Полесьем и означал отказ петлюровцев от этих земель. Галицийскими националистами этот договор расценивался (и расценивается до сих пор) как явное предательство Западной Украины. Иными словами, если для бойцов УГА был

крайне актуален лозунг «хоть с чёртом, только не с поляками»³⁵, то для вождей украинства в России этот же лозунг звучал по-другому: «хоть с чёртом, только не с русскими (москалями)».

Было бы упрощением утверждать, что, начав строительство государственности, деятели украинского движения забыли о национальном строительстве. Напротив, оно велось активно. Но действовать приходилось в условиях войны, постоянной чехарды властей, «кочевого» образа жизни украинских правительств, то отступающих под ударами своих противников, то вновь возвращающихся в Киев. И, кроме того, нельзя забывать, что мероприятия украинских властей встречали противодействие со стороны противников украинства. Все это сказывалось на результатах работы.

Требования преподавания на украинском языке в школах и вузах, введения украиноведческих дисциплин выдвигались представителями движения с самого начала революции, в том числе на многих съездах, например кооперативном, педагогическом и др.³⁶ После перехода всей полноты власти в руки украинских правительств их первоочередной заботой стала украинизация общественной жизни, в первую очередь народного образования. 31 июля 1918 г. Совет министров Украинской Державы (так называлось украинское государство при гетмане П. Скоропадском) принял закон об учреждении при Киевском, Харьковском и Одесском университетах кафедр украинского языка, литературы, истории и права, а также кафедры украинского языка и истории при Нежинском историко-филологическом институте (тогда же было принято постановление о введении монополии на продажу водки и вина)³⁷. Был основан Каменец-Подольский государственный украинский университет, сыгравший важную роль в деле воспитания и консолидации украинских кадров. Украинские правительства в меру своих возможностей поддерживали искусство, особенно тех его представителей и те коллективы, которым были близки идеалы движения³⁸. Чтобы не останавливаться на перечислении всех мероприятий в национально-культурной сфере, стоит ограничиться упоминанием, что в этот период возникает Украинская академия искусств (ноябрь 1917 г.) и Украинская академия наук (1919 г.)³⁹. Их появление на свет стало серьезным вкладом в дело утверждения национального организма под названием «Украина». Научные и образовательные учреждения во главе с УАН и УАИ предоставляли дополнительные возможности для выработки идеологии, развития национальной культуры, конструирования специфических украинских черт и их трансляции в массы.

Правда, своему учреждению и УАН, и УАИ обязаны скорее самим себе – ученым, художникам и другим работникам науки и

искусства⁴⁰, нежели политической воле местного руководства. Говоря об их создании, нельзя забывать, что это было время распада единого государственного, научного, культурного пространства, разрыва или резкого ухудшения сообщения и связей между Украиной и Россией, в которой осталась Академия наук. Нельзя забывать о миграции многих деятелей науки и искусства из большевистских Москвы и Петрограда в неподконтрольные советской власти Киев, Одессу, Екатеринослав и другие города Юга России. Все это оказало самое непосредственное влияние на рождение Академий. Но в данном случае нас интересует другая сторона этого события, а именно то, что общественное сознание оказалось готово к восприятию факта существования «украинских» Академий. Сознание того, что «Украина» стала чем-то большим, нежели национально-политический идеал украинских националистов, укоренилось среди российской интеллигенции, что, конечно, далеко не всегда означало принятие данного положения. Да и принятие его вовсе не означало отказа от сознания единства.

Вообще, значительная работа по украинизации всех сфер общественной жизни, если не большая часть ее, направлялась не указами и законами украинских правительств, а велась силами энтузиастов и активистов движения, по преимуществу представителей интеллигенции. УНР и гетманская Держава представляли своего рода «крышу», создавали благоприятные условия, в которых с новой силой развернулось национальное движение. Непрочность этих режимов не лучшим образом сказывалась на деятельности его адептов.

Нелишним будет остановиться на причинах этой непрочности и поражения украинского движения в Гражданской войне, а также выяснить, каких же результатов оно смогло достичь и что из намеченных целей продолжало стоять на повестке дня. Бытующее объяснение «неконкурентоспособности» украинских режимов перевесом большевиков в силе (вооружении, снаряжении, дисциплине), равно как и неблагоприятными внешнеполитическими обстоятельствами, верно лишь отчасти. Положение большевиков, зажатых в кольце врагов, было ничуть не лучшим. К тому же каждая власть действует в тех условиях, которые заслуживает и которые во многом создает себе сама. А перевес большевиков в силе свидетельствует об их организационных и мобилизационных способностях, т.е. как раз о тех качествах, которые присущи настоящей элите, достойной встать у руля общественного движения или государственной машины.

Как раз такими качествами – политической волей, ясным пониманием стоящих задач, настойчивостью в достижении своих це-

лей любой ценой, целеустремленностью, железной дисциплиной – пришедшие к власти представители украинского движения за редким исключением не обладали. Руководство движением брали на себя люди, как сказал о них (а фактически, и о самом себе тоже) В. Винниченко, с «темпераментом» и «психологией газетных, кабинетных людей»⁴¹. В своей массе это были литераторы, кооператоры, общественные деятели – гуманитарная интеллигенция. Среди них не было серьезных, профессиональных, волевых политиков или революционеров. «Политическая психология украинских деятелей (была. – А.М.) лишена вообще основной силы в политике – реализма, трезвого и делового подхода к своим собственным идеям, выдержки и хладнокровия», – так охарактеризовал вождей украинского движения протопресвитер В. Зеньковский, известный русский церковный деятель, министр исповеданий при гетмане Скоропадском, знавший пришедших к власти людей не понаслышке. «Украина вышла на путь революции фактически без вождей, без сильных, опытных и способных властвовать лидеров»⁴², – заключал он. Получив долгожданную возможность действовать, вожди украинства начали искать свой национальный путь, больше думая о национальной своеобразии, чем о прочности и серьезности «державы».

Но это был субъективный фактор. Дело даже не столько в отсутствии у националистов своих фигур, равных В. Ленину или, скажем, Л. Троцкому. Известно, что деятели «среднего» уровня, но дисциплинированные и обладающие волей к победе, способны одержать ее в гражданском противостоянии. Но это возможно лишь в том случае, если они выражают настроения более-менее широких слоев населения и пользуются их поддержкой. И вот тут решающую роль сыграл объективный фактор – состояние общества, его социально-политические ожидания, отношение к национальным проблемам, а также умение и желание «украинской партии» понять, принять и воплотить в жизнь то, что действительно волновало народ.

Несмотря на заметное увеличение числа сторонников украинского движения, социальная база «украинской революции» (так окрестили свою борьбу сами адепты движения и последующая украинская историография) была слишком узкой. Очевидец событий, эсер П. Христюк констатировал, что «города с самого начала революции в большинстве заняли враждебную позицию по отношению к украинскому возрождению» или же позицию его полного игнорирования⁴³. Лишь незначительная часть крестьянства сознательно поддерживала УНР. Как верно заметил украинский историк С.В. Кульчицкий, «сама динамика социаль-

ной борьбы шла вразрез с интересами национальной революции»⁴⁴. Хотя правильнее будет сказать, что национальное движение, добиваясь стоящих перед ним целей, не учитывало реального положения вещей и поэтому шло вразрез с «динамикой социальной борьбы». Его деятели призывали классы к социальному миру во имя национального согласия, во имя «политических и национальных народных прав», откладывая все прочие вопросы на потом и увязывая их решение с успешностью формирования украинской нации⁴⁵. А большевики в социальных вопросах были радикальны.

УНР обладала всей внешней стороной, всеми элементами и атрибутами государственности. Имелась армия, государственные органы, законодательство и т.д. Гораздо хуже было с ее «внутренним наполнением». Из-за резких политических потрясений форма обогнала в своем развитии содержание: украинское движение создало государственность, но не смогло или не успело преобразовать общество, которое в широкой массе было к ней не готово или относилось равнодушно. Чересчур оптимистичными представляются слова М. Грушевского (хотя во многом они являлись инструментом пропаганды), что «украинство уже не гурток, а весь народ, вся нация»⁴⁶. Национальные проблемы, как и украинская идентичность, еще не перешли в разряд символических ценностей, определяющих мировоззрение и практическую деятельность миллионов жителей Украины – тех, кого националисты именовали украинцами, и даже многих из тех, кто сам себя называл украинцем. Национальный фантом под названием «Украина» был воплощен в жизнь лишь частично. Нации еще не было. Ее строительство еще предстояло завершить, еще предстояло внедрить «Украину» в сознание людей, превратить ее в символическую ценность. Поражение украинского движения в Гражданской войне в конечном счете было обусловлено тем, что к 1917–1920 гг. оно не успело воплотить в жизнь реализуемый им проект.

Поскольку «национализация» общества была не завершена, а национальное строительство до конца не доведено, то многое из того, что стояло на повестке дня перед 1917 г., осталось актуальным и после революции. Не были охвачены украинизацией, преобразованы и «подработаны» под украинский проект целые области общественной жизни. Движению так и не удалось взять под свой контроль церковь. Высшая школа тоже в значительной степени оставалась не «украинской». То же касается и системы среднего образования, поскольку огромные массы населения оставались им не охвачены, и с точки зрения строителей нации ос-

тавались на уровне «этнографической массы». Не был до конца разработан и украинский литературный язык. Крушение государственности, созданной усилиями национального движения, также вносило неопределенность в перспективы дальнейшего развития «Украины». И что самое важное, националистам было ясно, что «народ украинский... темный и национально несознательный»⁴⁷.

И все же, несмотря на неудачу, эти условия существенно отличались от дореволюционных: «Украина» завоевала право на существование. Несмотря на сложные перипетии войны, в виде Украинской Советской Социалистической Республики сохранилась и украинская государственность. Она была создана советской властью и партийным руководством Российской коммунистической партии (большевиков) (РКП(б)). Но объективно украинская советская государственность (а вместе с ней и украинская советская школа) своим существованием была обязана деятельности национального движения, в борьбе с которым и для борьбы с которым УССР была создана и продолжала сохраняться после окончания Гражданской войны. Вот это и стало главным результатом деятельности украинского национального движения в 1917–1920-х годах, результатом как его прямого, так и косвенного воздействия. Но, пожалуй, все же большее значение для утверждения «Украины» имело стечение случайных обстоятельств, вызванных Первой мировой войной, крушением Российской империи и Гражданской войной.

Поражение не было провалом украинского национального проекта и не означало, что строительство украинской нации закончилось неудачей. Украинская идентичность вытесняла малорусскую. Получили путевку в жизнь и понятия «украинцы», «украинский народ» как для обозначения этнической и национально-политической принадлежности населения республики, так и отчасти на уровне самосознания этого населения. Результат был во многом предопределен, но не определен. Это было именно незавершенностью, недоведенностью процесса. Но именно это сохраняло его вариативность. Вопрос состоял даже не столько в том, «быть или не быть “Украине” и украинской нации», сколько в том, «какой быть этой нации»? Что это будет за общность? В какой степени она будет соответствовать тому идеальному образу, к воплощению которого стремились украинские националисты? Насколько полно и широко она будет охватывать малорусский этнический массив? Насколько глубоко сохранится или, наоборот, будет изжито сознание единства и чувство общности между носителями новой идентичности – украинцами и остальной ча-

стью русского мира? Как и в какой степени новая коммунистическая реальность повлияет на украинское национал-строительство: будет ли она ему способствовать или сведет на нет?

Неудача попытки украинского движения политически самоопределилась поставила его в непростое положение. Теперь действовать ему пришлось в совершенно новых условиях. О его целях, тактике, силе, социальной базе и судьбе и пойдет далее речь.

Политическое крыло движения после окончания Гражданской войны

Как уже говорилось, провести четкую грань, отделяющую Гражданскую войну от начала мирного периода, на Украине весьма затруднительно. Многие процессы, начало которым было положено в 1917–1920 гг., по инерции продолжались и после окончательного закрепления советской власти. В первую очередь это относится к деятельности политического крыла украинского движения, не смирившегося с поражением и продолжавшего рассчитывать на силовой вариант прихода к власти. Подпольная работа и бандитизм стали основными формами его деятельности в начале 1920-х годов. Поскольку вооруженное противостояние большевикам являлось пусть и чрезвычайно важной, но далеко не единственной стороной деятельности украинского движения, и к тому же как бы переходной формой от времен Гражданской войны к мирным условиям, логичнее это направление изложить перед освещением остальных, как бы плавно завершая рассмотренный выше «смутный период».

Положение, в котором оказалось национальное движение после окончания Гражданской войны, трудно назвать благоприятным. УНР оказалась не в состоянии удержаться без посторонней помощи даже на части официально провозглашаемой территории и нескольких месяцев. Националистам не удалось увлечь своими лозунгами сколько-нибудь широкие народные массы. Множество его адептов очутилось за границей и было вынуждено довольствоваться незаметной ролью политэмигрантов, которых в Европе было предостаточно и без них. Среди тех участников движения, что остались на территории УССР, царили развал и разложение. Государственное политическое управление УССР уведомяло, что украинские партии «потерпели идейный и организационный крах» и «почти перестали существовать»⁴⁸. Место и будущее Украины как национального и политического организма еще не

было окончательно определено. Украинские националисты опасались, что УССР будет низведена до уровня провинции РСФСР. Эти опасения, а также их неостывшая ненависть к большевикам, которых они считали российскими оккупантами, привела к тому, что деятели украинского движения (или, пользуясь советской терминологией, украинской шовинистической контрреволюции) не смирились со своим поражением и всеми силами готовились «освободить» Украину и заменить УССР на УНР. Весьма точно отношение этих кругов к советской власти выразил уже упоминавшийся Ю. Тютюнник. Ему «казалось, что за широкою советской власти прячется старое, циничное лицо черносотенной России, с неограниченной ненавистью ко всему Украинскому»⁴⁹. А раз так, то и борьба за «освобождение» Украины должна была быть продолжена.

«Петлюровцы» (а тогда с именем главы Директории, головного атамана С.В. Петлюры стало ассоциироваться политическое крыло украинского движения), как те, что оказались в эмиграции, так и оставшиеся на Советской Украине, решающую роль в деле осуществления своих планов отводили крестьянству. Уже к осени 1920 г. у националистов вновь пробудились надежды на скорое свержение советской власти. Настроения крестьянства резко изменились: недовольство не отмененной после ликвидации врангелевского и польского фронтов продрозверсткой и реквизициями привело к очередному всплеску вооруженного сопротивления⁵⁰. Новая эскалация напряженности дала основание В.И. Ленину утверждать, что Украина «кишит бандами» и сравнить сложившуюся ситуацию с войной⁵¹. В постановлении Совета народных комиссаров УССР о борьбе с крестьянскими восстаниями от 29 января 1921 г. фронт борьбы с бандитизмом объявлялся фронтом «такой же государственной важности, каким был фронт по борьбе с белогвардейскими генералами и каким является фронт по борьбе с хозяйственной разрухой»⁵². Выступления достигли большого масштаба и в ряде районов Правобережья советская власть держалась только в городах и вдоль железных дорог. Село оказалось полностью во власти «батек».

Крестьянское повстанчество и бандитизм начала 1920-х годов поставили советскую власть в крайне тяжелое положение. Под угрозой оказались смычка между рабочим классом и крестьянством, экономические связи между городом и деревней, разрыв которых был чреват гибелью экономики и государственности и окончательно погрузил бы страну в хаос. Особую опасность бандитизму придавало то обстоятельство, что он становился полем взаимодействия между крестьянским и украинским националь-

ным движениями. Чтобы понять суть такого явления, как послевоенный бандитизм, надо разобраться в причинах его породивших. Для того чтобы это сделать, придется вернуться немного назад и сказать о влиянии революции и Гражданской войны на сознание крестьянства и его политическую ориентацию, а также выяснить, почему совмещение украинского и крестьянского движений несло в себе угрозу советской власти.

Крестьянство Украины в период революции и Гражданской войны. Февральская революция не только ознаменовала собой конец старого мира и ввергла страну в долгие и мучительные годы гражданской смуты. Кризис власти, наряду с деградацией органов управления в центре и на местах, повлек за собой крушение старой системы ценностей и ценностных ориентаций, в том числе системы самоидентификации населения. В судьбе России самодержавие играло исключительную роль. Его можно сравнить с нитью, которая пронизывала всю российскую государственность и скрепляла воедино такое «пестрое одеяло», каковым являлась Россия. После отречения Николая II в пользу брата Михаила, в свою очередь отдавшего право решать вопрос о будущем устройстве страны на откуп Учредительному собранию, эта важнейшая скрепляющая нить исчезла, вслед за чем поползла «по швам» и сама Россия. Из традиционной системы самоидентификации оказалась выбита категория подданства. Провозглашение всех населяющих Россию жителей гражданами республики по силе своего воздействия не могло сравниться с освященным церковью и подкрепленным многовековой практикой принципом. Над крестьянами не стало «Помазанника Божьего», «надежи и опоры», законного хозяина и господина русской земли, одного на всех, нивелировавшего различия между своими подданными. Даже несмотря на то что в 1917 г. монархических настроений у многих крестьян уже не было, как не было и взгляда на власть как на что-то священное, было бы неверно недооценивать силу основанного на этих воззрениях подсознательного восприятия единства.

Поскольку речь зашла о сакральности, нельзя не затронуть и вопрос о религиозном принципе самоидентификации. Конечно, он нигде не исчез, но за десятилетия, предшествовавшие революции и особенно за годы Первой мировой и Гражданской войн, религиозный фактор отошел на второй план, уступив место идентификации по социальному, национальному и государственному принципам. К тому же на этот период пришлись темные времена безверия в масштабах всей России⁵³. Апатия и неверие как следствия войны, экономического и политического кризиса, породив-

шие, в конце концов, революционный взрыв, либо трансформировались в новую «веру», в основе которой лежали уже не религиозные, а социальные или национальные принципы, либо перерастали в равнодушие к вопросам религии и церкви, или в безбожие. Позже религиозность в народе проснется, но это будет уже другое время...

Третий принцип традиционной системы самоидентификации – по местности – хотя и не утратил своего значения, но пертерпел существенные изменения. Мировая война оказала огромное влияние на развитие народного самосознания. Перемещения больших масс населения (военнослужащих, беженцев, пленных) по территории южных губерний, мобилизация тысяч людей, политизация армии, да и сам характер войны как войны мировой, с фронтом от Балтийского моря до Кавказа, врываются в маленький сельский мирок, разрушали его, выталкивали его обитателей в большой мир, заставляли мыслить категориями, превосходящими село, волость, уезд, губернию*. Пребывание русских войск в униатской Галичине, в которой становление украинской идентичности шло гораздо быстрее, не только расширяло кругозор вчерашнего крестьянина, а теперь солдата, но и заставляло его сравнивать жизнь «там» с жизнью дома, акцентировало внимание вокруг национальных проблем и укрепляло в его сознании такую политическую категорию, как «Украина».

Наступивший после крушения старого мира идеологический вакуум заполнялся новыми идеологиями, не последнее место среди которых занимал национализм, в который легко могло трансформироваться местное сознание, стоило немного расширить его границы и придать этнополитическую окраску. Хотя национальная самоидентификация стала прививаться более скорыми темпами, процесс не мог свершиться молниеносно. В 1917 г. по всей Украине прошли уездные и губернские крестьянские съезды. На них звучали вопросы, больше всего волновавшие крестьян: о земле, о войне, о будущем устройстве России. По сравнению с 1905 г. больше внимания было уделено национальному вопросу – языку преподавания и администрации, а также автономии Украины. Но несмотря на активную пропаганду адептов украинства, крестьянство продолжало относиться к национальному вопросу как к вто-

* Чуть позже это вызвало ответную реакцию, заключающуюся в атомизации общества, в самонезависимости крестьянских общин, враждебном отношении ко всему внешнему, причем не только городскому. Во время Гражданской войны были нередки случаи, когда села опоясывались окопами и сторожевыми постами от всех «чужаков» и воевали с соседними селами: за межу, за угоды, за старые обиды.

ростепенному, и он по-прежнему тонул в хоре голосов, требующих земли⁵⁴. В 1917 г. социальный принцип идентификации – общекрестьянское сознание – не только не исчез, но даже усилился. Именно этот принцип был основополагающим для миллионов крестьян при определении ими своего места в бурно меняющемся мире. На его основе зарождалось и крепло на Украине крестьянское движение.

Определенным рубежом в его эволюции можно считать 1917 год. Весь пыл революционной активности для миллионов малороссийских крестьян в том году не принес желанных результатов. Ни Временное правительство, ни Центральная рада не смогли, да и не могли (будучи выразителями интересов буржуазии) радикально решить земельный вопрос, тем самым предопределив свою судьбу. В то же время захватившие власть большевики раздали землю крестьянам, законодательно воплотив многовековую мечту подавляющей массы населения страны. Об этом шаге не могли не знать на Украине.

«На селе растет большевизм», – докладывали с мест инструкторы Центральной рады, главной причиной радикализации масс называя ее политику, а вернее, отсутствие таковой в земельном вопросе. Этими же причинами (подменой решения социальных вопросов узконациональными) объясняли они и увеличивающееся недовольство шовинистической пропагандой⁵⁵. Националисты стремились отвлечь крестьян от социальной борьбы и направить их энергию в национальное русло, в крайнем случае стараясь привязать их экономические требования к национальным. Например, Одесский крестьянский съезд (май 1917 г.) постановил немедленно отобрать землю у помещиков. Но присутствовавшие на нем украинские эсеры выступили против этого, призывая крестьян сначала добиться автономии Украины. Они объясняли это тем, что в случае немедленного дележа имений часть земли досталась бы крестьянам-неукраинцам, тогда как при автономии Украины вся земля отошла бы украинцам. Часто пропаганда оказывалась еще более откровенной. Так, в с. Рябушки Лебединского уезда националисты заявляли крестьянам: «Если не отделитесь (от России. – А.М.), то на вашу долю при разделе земли придется по 3 десятины, а отделитесь – получите по десять десятин»⁵⁶. И такая пропаганда, хотя далеко не всегда, но в то же время и не редко, составляла след в сознании крестьян.

Дальнейший затяжной характер Гражданской войны на Украине во многом объясняется позицией крестьянства. Его колебания в ту или иную сторону зависели от политики противоборствующих сторон в земельном вопросе. В связи с определенными условиями

военного времени, о которых будет сказано ниже, к «экономике» все сильнее стал примешиваться национальный акцент. Слабость Центральной рады, ее демократическое пустословие и непоследовательность в решении важнейших вопросов вынудили буржуазные силы сплотиться для защиты своего положения от угрозы большевизма, с одной стороны, и от народного движения на самой Украине – с другой. Это привело к установлению Гетманата П. Скоропадского, державшегося за счет штыков австро-немецких оккупационных войск, которые на Украину пригласила еще Центральная рада. В данном случае нас не интересует ни сам режим Гетманата, ни его эволюция от идеи построения «национальной украинской державы» до идеи «Украины как собирательницы свободной белой России», ни деятельность украинского национального движения в данный период. В данном контексте главным является то, что установление режима Скоропадского означало возврат к помещичьему землевладению. В то время как крестьянство в Великороссии⁵⁷ получило землю и потому в основной своей массе поддержало большевиков, крестьянство в малороссийских губерниях было вынуждено брать инициативу в свои руки и самостоятельно добывать ее, не надеясь на «революционные» рады и правительства. Если экономические требования великорусского крестьянства оказались в основном удовлетворены к концу 1917 г., то на Украине этот процесс затянулся. Украинскому крестьянству пришлось дольше бороться за землю, отвоевывая ее у помещиков, а затем на своей шкуре испытывать властную чехарду, сравнивать между собой возникавшие на просторах бывшей Российской империи политические режимы и выбирать из них тот, который стоял ближе к крестьянину и защищал его «крестьянскую правду».

Попытки добыть землю «снизу» стали спецификой Гражданской войны на Украине. Со временем эта специфика вылилась в то, чем кончаются все крестьянские движения – в партизанщину в худшем смысле этого слова, поначалу имевшую идейную и политическую подкладку, а затем выродившуюся в обыкновенный бандитизм. Широкий размах бандитизма как формы политической самодеятельности народных масс стал второй важной особенностью Гражданской войны и первых мирных лет на Украине. Наконец, наличие третьей (или четвертой) силы – украинского национального движения⁵⁸, и его попытки взять крестьянское движение под контроль стали еще одной важнейшей причиной специфического положения на Советской Украине в первые послевоенные годы.

Гражданская война в очередной раз показала, что крестьянство пойдет за кем угодно, кто пообещает решить вопрос о земле.

На волне поднявшегося народного движения достигло успеха восстание, поднятое в ноябре 1918 г. националистической Директорией. Ее войска вступили в Киев почти не встречая сопротивления. Этот кратковременный успех «национальных» сил зачастую преподносится как проявление воли украинского народа и популярности у него идеи самостоятельности Украины. Истинные же причины были гораздо прозаичнее: поддержка, оказанная крестьянством Правобережной Украины Директории, была вызвана ненавистью к режиму гетмана, помещикам и немецким реквизициям. После свержения Гетманата армия Директории начала быстро таять: ее бойцы сделали свое дело и с чувством выполненного долга расходились по домам. Результаты внутреннего расследования состояния армии Директории были предельно лаконичны. Как докладывали С. Петлюре проверяющие, основной контингент армии – крестьяне – восставали «в большинстве случаев по социальным мотивам. Только небольшая часть их руководствовалась здоровыми национальными чувствами»⁵⁹.

1918 год стал годом становления и развития крестьянского движения по всей Украине, которое далеко не всегда шло вместе с движением национальным. В Приазовье, Причерноморье и большей части Левобережной Украины центром притяжения антигетманских сил и «защитником крестьянства» стала армия Нестора Махно. На Донбассе и в приграничных с Великороссией губерниях сильнее ощущалось влияние красных. Народные массы Вольны, Подолья, Киевщины были вынуждены связывать надежды на справедливость с различными украинскими националистическими правительствами, кочевавшими под ударами своих противников от польской границы до Киева, и обратно. Обещания решить земельный вопрос толкали крестьян в объятия националистов, но неустойчивые позиции последних, а также радикализм в этом вопросе большевиков, приводили к тому, что националистические правительства теряли поддержку населения. В. Винниченко, которого нельзя заподозрить в измене украинскому делу, с сожалением констатировал, что через восемь месяцев иностранной оккупации и реквизиций, проходивших под желто-голубым флагом, многие крестьяне, говоря о победе Советов, благодарили Бога за исчезновение Украины⁶⁰.

Трудящиеся массы Украины, в том числе крестьянство, интересовались, в основном, социальными аспектами революции, а проблемы становления украинской нации и организации власти были для них делом весьма абстрактным. И современники хорошо это понимали. Например, в декабре 1918 г., т.е. в период поддержки крестьянством националистической Директории, В.И. Ле-

нин спрашивал украинского коммуниста А. Жарко, поддерживают ли крестьяне слияние Украины с Россией, или нет. На что тот ответил: «Им необходима правильная постановка земельного и продовольственного вопроса, – и тогда против слияния они ничего иметь не будут»⁶¹.

Быстрое продвижение красных по Украине зимой 1919 г., освобождение ими Киева и одновременный развал крестьянской в своей массе армии Директории, был вызван надеждами миллионов крестьян на решение вопроса о земле «по справедливости». Они приветствовали политику большевиков, ликвидировавших помещичье землевладение. Когда же стало ясно, что те делить помещичью землю не собираются, а начинают организацию совхозов и коммун, настроения крестьянства резко изменились. Основной причиной неприятия большевиков стала не продразверстка, хотя и ненавидимая, но все же объяснимая условиями военного времени. Согласно утвержденной на III съезде КП(б)У (1–6 марта 1919 г.) аграрной политике, приоритет отдавался созданию коммун, совхозов, а также передаче массивов бывших помещичьих земель сахарным заводам. Крестьяне же получали землю без инвентаря, т.е. опять оказывались в зависимом положении, теперь уже от заводов и коммун⁶². Уже с начала весны 1919 г. село начинает отворачиваться от коммунистов^{2*}. Крестьянские съезды, прошедшие в тот период, высказывались против передачи помещичьих земель государству и совхозам⁶³.

Недовольство выливалось в ставшие уже привычными формы партизанского движения (названного большевиками бандитизмом), углубляя кризис власти на Украине. Во-первых, разочарование в большевиках и нежелание их поддерживать способствовали неслыханно легкому занятию Украины Добровольческой армией А.И. Деникина и ее наступлению на Москву. Во-вторых, все больше укреплялся альтернативный и белым, и большевикам, и петлюровцам центр силы – «крестьянская республика» Н.И. Махно. Собственно, махновщина, как специфическая в организационном и идеологическом отношении форма повстанчества, появляется именно в июне 1919 г.⁶⁴ В-третьих, что особенно важно, на Правобережье продолжилось слияние украинского национального и крестьянского движений. Деятельность национали-

^{2*} В отличие от слова *большевик*, слово *коммунист* приобрело негативную окраску. Большевики воспринимались как люди, «болеющие» за народ и раздающие землю. Коммунисты – как те, кто ее отбирает. Поэтому вопрос из кинофильма «Чалаев»: «Ты за кого? За большевиков али за коммунистов?» – был для крестьянства вовсе не праздным.

стических правительств в культурной, языковой сферах, в деле строительства украинской государственности, а также то, что они являлись почти единственной политической силой на этих территориях, не могли не наложить отпечаток на сознание местного населения.

Не останавливаясь подробно на перипетиях войны и той роли, которую в ней суждено было сыграть крестьянству, следует сказать, что во многом именно гибкость большевиков в земельном вопросе (и негибкость их противников) позволила им завоевать доверие села. Резолюция «О советской власти на Украине», предложенная В. Лениным и утвержденная VIII Всероссийской партконференцией в декабре 1919 г., провозглашала полную отмену восстановленного деникинцами помещичьего землевладения и передачу земли безземельным и малоземельным крестьянам. Создание совхозов строго регламентировалось с учетом интересов местного крестьянства, на усмотрение которых передавался и вопрос об организации коммун и артелей, которые должны были быть сугубо добровольными⁶⁵.

Умение учитывать настроения многомиллионной крестьянской массы и решение главного вопроса революции в их пользу в конечном счете обеспечили большевикам победу в Гражданской войне. Конечно же, было бы упрощением утверждать, что симпатии села определялись одним лишь социально-экономическим фактором. Даже в мирные годы таковых было множество. Военное лихолетье вносило свои коррективы. Война пробуждала подспудные поведенческие мотивы, в мирное время, возможно, и не проявившиеся бы. Нельзя сбрасывать со счетов личную месть, стечение обстоятельств, волю судьбы и другие субъективные факторы, игравшие подчас гораздо большую роль в выборе позиции, нежели политические и иные, порожденные логикой и разумом.

Случалось и так, что национальный фактор по иронии судьбы оборачивался и против самого национального движения. Весной 1920 г., в поисках союзника против большевиков, украинские националисты обратили взоры к исторической «акушерке» украинства – Польше. Однако совместное вторжение в Советскую страну польско-петлюровских войск постигла неудача. Петлюровские атаманы призывали народ поддерживать «освободительный» поход. «Не завоевывать Наш Край пришли сюда поляки, а бороться рука об руку с Украинцами против общего врага», – говорилось, например, в обращении известного петлюровского атамана Мордалевича, действовавшего на Волыни. «Петлюра – не Скоропадский», «а поляки – не... немцы», – убеждал он крестьян. Но те остались глухи к призывам встречать поляков не как вра-

гов, а как союзников⁶⁶. План спровоцировать антисоветское восстание провалился. Причина неудачи, постигшей украинских националистов, помимо прочего (например, усталости народа от войны), крылась в сильно развитых антипольских настроениях. Эти настроения были особенно крепки на Правобережье, где до революции польское землевладение было весьма значительным. Память о польском панстве оставалась живучей вплоть до 1930-х годов, заметно влияя на крестьянские настроения, национальные симпатии и антипатии.

1917–1918 годы можно считать определенным рубежом в развитии украинского национального сознания. В этот период не только происходит его утверждение в значительных массах крестьянства и начинается закрепление взгляда на Украину как на национально-политическое целое, но и углубляются различия в менталитете населения различных регионов Украины, заложенные еще в средневековье – в зависимости от времени вхождения той или иной местности в состав России и степени в ней польского влияния. Оплотом националистов становится Правобережье, позже других отошедшее к России и дольше других испытывавшее давление полонизации, а также ряд районов среднего Днепра и Левобережья, как правило, слабо урбанизированных, экономически менее развитых и менее пестрых в этническом плане.

Население востока, юга, юго-востока, а также большей части Левобережной Украины связывало социальный вопрос с национальным в меньшей степени. История колонизации этих территорий и вхождения их в состав России, наличие крупных городов, а также пестрый этнический состав приводили к тому, что взгляд на «русский вопрос» и отношение к России здесь существенно отличались от тех, что встречались в других местностях. Так, крестьянский вождь анархист Н. Махно вспоминал, что «население (Гуляй-Польского. – А.М.) района было определено враждебно настроено против политики Украинской Центральной рады, агенты которой, разъезжая по району, травили всякого и каждого революционера, называя его «предателем “неньки Украины” и защитником “кацапів”, которых по идее Украинской Центральной рады (по выражению ее агентов), конечно, нужно было убивать “як гнобытилів мови”. Такая идея оскорбляла крестьян. Они стягивали с трибуны проповедников и били как врагов братского единения украинского народа с русским»⁶⁷. Приведенный отрывок интересен не только тем, что показывает непопулярность националистических идей среди крестьянства. Не менее важно, что для тех, кто уже отождествлял себя как украинца (Махно произвольно говорит об этом как о само собой разумеющемся), бы-

ло вовсе не очевидным, что существование украинцев должно обязательно подразумевать негативное отношение к русским, что их интересы обязательно противоположны, требуют отказа от сознания своей общности, и что Россию и всё русское они должны считать *чужим*.

Под влиянием внешних и внутренних причин крестьянство все больше приобретало украинскую идентификацию, оставляя в прошлом идентификацию по местности, религии. Конечно, пример, приведенный Н. Махно, относится к началу Смуты. По мере углубления социальных конфликтов, по мере ослабления действия любых «сдерживающих центров» менялось и видение национального вопроса. Но если для украинской интеллигенции виной России было само ее существование или та же «ганьба мовы», то движущим мотивом антироссийских настроений на селе был экономический фактор, который можно выразить словами: «не дадим хлеба в Московию», а потому «хай живе незалежна Україна!»⁶⁸ Экономика и интересы своего кармана продолжали играть определяющую роль в настроениях украинского села и после окончания войны.

Итак, за годы революции и Гражданской войны развитие национального сознания в его украинском варианте резко активизировалось, чему способствовало крушение старой системы самоидентификации, активная деятельность украинского национального движения, добившегося создания украинской государственности и выступавшего в войне отдельной силой, а также политика большевиков, формально принявших на вооружение многие лозунги украинского движения. Но проникло национальное сознание в крестьянство еще не достаточно глубоко, сильнее проявляясь в западных губерниях, а слабее – в южных и юго-восточных. Рост националистических и сепаратистских настроений среди крестьянства был вызван, в первую очередь, влиянием социально-экономического фактора, который оставался для него главным на протяжении всех военных лет. От того, как будут разрешены экономические вопросы, зависела и популярность в народе националистических идей и настроений. А все, что раздражало крестьян, могло быть использовано для их разжигания.

Повстанчество и бандитизм: происхождение и формы. В первые годы по окончании Гражданской войны многие адепты украинского движения практически не изменили своих целей, добиваясь создания украинской государственности в форме УНР, и действовали прежними средствами, полагаясь в основном на силовые методы. Была изменена лишь тактика: главный упор делался на

подготовку народного восстания на Украине и одновременный удар петлюровских войск извне. Задача по подготовке восстания ложилась на плечи националистического подполья, усиленно создаваемого еще с конца Гражданской войны.

Повстанческие отряды различной политической окраски начали формироваться во время пребывания на Украине армии Деникина. Кроме махновцев и большевиков, свои отряды создавали и украинские националисты, как те, кто ориентировался на Директорию УНР и С. Петлюру, так и приверженцы более левых взглядов, вплоть до тех, кто по социально-экономическим вопросам разделял программу РКП(б), но по своему видению национального вопроса почти не отличался от петлюровцев. Если последние занимали более-менее определенные позиции, то так называемые национал-коммунисты постоянно колебались от совместных с большевиками действий до вооруженной борьбы против них. Петлюровским подпольем руководил находившийся в Каменце-Подольском Центральный повстанческий комитет (Цупком), который поддерживал связь с отрядами, действовавшими на территории, занятой Красной армией.

Цупком приказал своим отрядам в состав РККА не вливаться, но многие командиры и атаманы примыкали к красным. Одни стремились сохранить свои части от разгрома или расформирования и получить оружие⁶⁹, другие, до конца не определившись, искали свое место в войне или действовали чаще не по своей воле, а под влиянием меняющихся обстоятельств. В рядах петлюровских подпольщиков могли встречаться бывшие красные и белые солдаты и офицеры (вне зависимости от этнического происхождения), а в рядах белых и красных – те, кто раньше состоял в армии УНР. Наиболее ярким примером может служить судьба атамана Н.А. Григорьева. Бывший царский офицер вступил в ряды армии УНР, но затем перешел на сторону красных, стал комбригом, а вскоре комдивом и прославился освобождением от интервентов Одессы, Николаева и Херсона (в 1919 г.)⁷⁰. Но вскоре после этого он поднял мятеж против большевиков. По свидетельству людей, знакомых с ним, Григорьев не знал, на кого ему ориентироваться, причем в числе наиболее предпочтительных «центров силы» он называл не Петлюру, а Деникина и русских эсеров, и намеревался бить петлюровцев (и, конечно, коммунистов)⁷¹. Третьи мыслили примерно так же, как и Ю. Тютюнник, который «пошел служить украинской рабоче-крестьянской власти... потому, что считал ее “УКРАИНСКОЙ”». Но со временем у таких людей «убеждение в украинской природе тогдашней советской власти поколебалось». В случае с генерал-хорунжим на его разо-

чарование повлияло «знакомство с ответственными работниками» большевиков, относившимися, по его словам, несерьезно к «украинской выдумке», а также ликвидация Украинской Красной армии⁷².

После поражения войск Директории в конце 1919 г. петлюровские отряды, оставшиеся в УССР, на какое-то время растворяются среди крестьян. Первоначально они действовали без общего плана, но уже с середины 1920 г. их представители наладили связь с изгнанным правительством УНР и стали получать оттуда руководящие указания. Во всех губерниях предписывалось создавать повстанческие комитеты (ПК) от губернских до сельских, а в каждом уезде организовывать полк (курень)⁷³. В скором времени повстанкомы появляются по всей Советской Украине. Подавляющую массу подпольщиков составляла интеллигенция – учителя, врачи, бывшие офицеры. Наиболее известными из повстанкомов были Екатеринославский, Холодноярский (в районе Кременчуга, название получил от одноименного лесного массива), Одесский (так называемая Политическая пятерка), Киевский («Центральный повстанком»).

Единого центра у них не было. Но необходимость такового понималась всеми подпольщиками. Например, созданный в мае 1920 г. полтавский «Комитет вызволения Украины», состоявший из представителей интеллигенции и бывших офицеров (всего около 200 человек), своей задачей считал ведение пропаганды, объединение всех разрозненных украинских отрядов, сведение их в более крупные единицы, подготовку захвата власти и восстановление УНР. Комитет (так же, как и другие повстанкомы) устанавливал связи с окрестными бандформированиями и подпольными ячейками⁷⁴. Каждый такой повстанком считал себя зародышем будущего правительства УНР. Лишь в конце 1920 г. был создан Главповстанком, находившийся за границей, во Львове, и теснейшим образом связанный с польским генеральным штабом. Возглавил Главповстанком Ю. Тютюнник. Связь между штабом повстанческого движения и ПК на Украине осуществлялась с помощью уполномоченных, нелегально переправлявшихся через довольно прозрачную советско-польскую границу. Они же занимались организацией новых повстанкомов⁷⁵. Имело украинское подполье и связи с многочисленными законспирированными организациями белой ориентации. Главной силой, на которую делали ставку украинские националисты, были партизанские отряды. Здесь надо подробнее остановиться на проблеме бандитизма в Советской Украине 1920-х годов, рассмотреть его социальные корни, характер и движущие силы.

Господствовавший ранее в историографии взгляд на повстанческое движение только как на кулацкий бандитизм страдает некоторой односторонностью. То же можно сказать и о его нынешней трактовке как крестьянской войны или отпора тоталитарному режиму. Действительно, бандитизм возник на сельской почве, он вырос из крестьянской борьбы за землю, за хлеб, борьбы против помещиков, немецких оккупантов, продразверстки, революционного террора и т.д. Действительно, бандитизм вышел из крестьянских восстаний как наиболее крайней формы противостояния села городу. В «своем» отряде крестьяне видели защиту от «чужих» банд, гарантию от реквизиций, полагая, что непрошенные гости (в том числе коммунисты) не пойдут туда, где действует банда⁷⁶. Но по мере развития этого противостояния, по мере углубления революционных преобразований, по мере ожесточения войны бандитизм приобретал черты самостоятельного феномена и с течением времени становился явлением маргинальным. Вчерашние крестьяне переходили в иную социальную категорию и теряли непосредственную связь с селом и крестьянством. В конференции КП(б)У, состоявшаяся 17–22 ноября 1920 г., отметила начавшуюся эволюцию повстанчества. Например, указывалось, что «прошлогодний (речь идет о 1919 г. – А.М.) гуляйпольский “крестьянский” вождь Махно, у которого солдат-повстанец непосредственно сливался с крестьянином, превращается в удачливое командира нескольких тысяч опытных партизан, в основном, оторвавшихся от своего гнезда»⁷⁷.

Деятельность партизан, первоначально полностью отражавшая настроения селян, чем дальше, тем больше начинает отступать от защиты чисто крестьянских интересов, а затем и вовсе вступает в противоречие с интересами их земляков. Так, партизанщина вступает в свою заключительную фазу – уголовный бандитизм. Помимо вчерашних крестьян-повстанцев банды пополнялись за счет других социальных групп. Аналитическая записка ГПУ «Как организуются и вдохновляются банды. (Из истории украинского бандитизма)», датированная 20 апреля 1922 г., указывает эти источники. В банды шли те, кто раньше принимал советскую власть, но потом разуверился в ней или пострадал от ее представителей. Немало было и тех, кто служил в армии Украинской Народной Республики, работал в ее государственных органах и общественных организациях. Среди повстанцев оказывались и бывшие военнослужащие белых армий, которые не имели возможности соединиться со своими, но желали продолжать борьбу против большевиков и потому шли на сотрудничество с любыми их врагами. Наконец, в бандах оседало немало дезерти-

ров, участников разбитых отрядов, а также уголовников и прочего темного элемента⁷⁸.

Из этих групп в основном и формировались создаваемые повстанками отряды. Они уже не были только формой крестьянского протеста, но и превращались в независимую силу, одним своим пребыванием в определенной местности воздействовавшей на крестьян и приносявшей в село свою идеологию, весьма часто националистическую. Культивированию националистических настроений, увязыванию их с социальными проблемами способствовал командный состав петлюровских отрядов. В отличие от армии Махно, во главе пропетлюровских формирований, крестьян, «народных ватажков» было сравнительно немного. Командирами чаще становились представители украинской интеллигенции. По некоторым сведениям, они составляли до 80% петлюровских атаманов⁷⁹. Конечно, далеко не все банды действовали под знаменем национализма. После ухода белых на Украине осталось немало их сторонников и сочувствовавших, часть которых объединялась и продолжала действовать нелегально; имелись и банды, ориентировавшиеся на российскую, а не украинскую эмиграцию⁸⁰.

Таким образом, повстанчество постепенно, но все больше и больше вырождалось в маргинальный бандитизм. Именно с этим явлением и пришлось иметь дело большевикам в начале 1920-х годов. Упомянутая выше V конференция КП(б)У в своей резолюции «О бандитизме и борьбе с ним» со всей серьезностью подошла к изучению породивших его причин. В ней указывалось, что бандитизм 1919 г. «был восстанием единого политического села против рабочего и коммунистического города». Далее говорилось, что политика «расслоения села, классовая продовольственная политика, политика комнезамов на реальной основе перераспределения земельных и продовольственных ресурсов внутри села видоизменяют на всей территории Украины социальную природу бандитизма, превращая прошлогоднее восстание всего села либо в восстание кулацких верхушек села с соответственно откровенно врангелевской или откровенно петлюровской идеологией, либо в откровенно разбойничий, грабительский бандитизм деклассированных элементов села». И ниже следовал вывод, что «банды социально отрываются от села, поднимая против себя массы не только беднейшего, но и трудового среднего крестьянства»⁸¹.

Для конца 1920 г. этот вывод может показаться чересчур самоуверенным. Село только начало расслаиваться, и процесс этот проходил медленнее и болезненнее, чем в Великороссии (сказа-

лись более быстрые темпы развития капиталистических отношений в великорусских губерниях), а «классовая продовольственная политика» вызывала озлобление еще долго. Быть может, на оценку повлиял спад бандитизма в конце 1920 г. и то, что весной – летом не произошло всеобщее восстание, ожидаемое петлюровцами. Тем не менее процесс «отрыва» банд от села был подмечен верно. Ликвидация бандитизма была невозможна без борьбы за крестьянство, без устранения социальной базы этого движения.

Та же конференция дала оценку причин, повлиявших на небывалый расцвет крестьянского повстанчества. Как полагали большевики, оно было вызвано, во-первых, «полным распадом социальных связей, особенно города с селом, превращающим село в самостоятельное, феодального типа “государство”, и замкнутого в себе». Во-вторых, указывалось, что восстания экономически возглавляются «кулацкой верхушкой села», а идеологически – «либо националистическими элементами украинской интеллигенции, либо анархистско-левоэсеровскими отбросами рабочего города». И, в-третьих, подчеркивалось, что «в силу политической нерасслоенности села и значительного участия в восстании его беднейших элементов», лозунги восстания во всех районах носили исключительно советский характер. Например, атаман Н. Григорьев выступал за «самостийную Советскую власть», атаман Зелёный (Д. Туптало) и незалежники – за «самостийную свободную Советскую Украину», Н. Махно – за «свободные советы», т.е. за «истинную» Советскую власть – без коммунистов⁸². Впрочем, лозунг борьбы за советы со временем стал все больше отходить в прошлое. Дольше всего он держался у Н. Махно.

Советская власть различала не только корни повстанчества, но и его разновидности. Информационные и оперативные материалы ЧК–ГПУ довольно четко разделяли политический и не менее распространенный уголовный бандитизм, указывая, какой характер имели действовавшие в данной местности банды. Например, даже в 1921 г., когда политический бандитизм вполне мог рассчитывать на сочувственное отношение со стороны крестьянства, новгород-северские «батьки»–«бандиты Курлешко и Сенин до сих пор своей политической платформы не выяснили». Если первый еще устраивал теракты против представителей сельских и волостных властей, «стоящих на платформе централизации», то второй не мудрствуя лукаво просто занимался ««благородными» грабежами»⁸³. В отличие от политического, уголовный бандитизм не имел организационной структуры, ясных целей и широкой поддержки населения.

Однако несмотря на то что сводки ГПУ различали политическую и уголовную разновидности бандитизма, зачастую было трудно сказать, где кончается политический бандитизм и начинается уголовный⁸⁴. Бывший командующий Южной группой войск армии УНР А. Гулый-Гуленко указывал, что в политическом бандитизме много уголовщины без идеологической подкладки⁸⁵. Обе разновидности бандитизма могли иметь сходные черты как по причине криминализации бывших петлюровских отрядов, так и из-за попыток уголовников «облагородить» себя и найти защиту у сочувствующих.

В отличие от уголовного бандитизма, с которым все было более-менее ясно, бандитизм политический не представлял какого-то единства. Он зависел «от характерных для разных районов Украины социальных группировок на селе», «основных кадров его участников» и их идеологии. Главнокомандующий войсками Украины и Крыма М.В. Фрунзе выделял на Украине два резко отличающихся по политической окраске бандитских района: первый — Правобережье, где «царствуют банды петлюровского толка», и Левобережье «с преобладающим господством шаек анархо-маховского толка». Он также отмечал, что наряду с настоящими отрядами с политической идеологией действовала масса банд уже без всякой определенной политической окраски. Но в виду большего удобства и эти банды не брезговали «наклеиванием на себя того или иного политического ярлыка»⁸⁶. Эта группа «атаманов-грабителей» принаравливалась «к тем или иным местностям, оперировала там, где только можно было безнаказанно грабить и присоединялась периодически то к одной, то к другой крупной банде, оперировавшей в ее районе»⁸⁷.

Маховское движение было распространено, главным образом, на Юге: в Приазовье, на Донбассе и большей части Левобережья, доходя порой до Черниговщины. На правый берег маховцы заходили редко, но когда это случалось, то находили они поддержку и там, хотя и в меньшей степени, чем в Приазовье и на Левобережье. Петлюровские бандформирования действовали, в основном, на Правобережье и, частично, в Полтавской, Харьковской и Черниговской губерниях⁸⁸. Как сказано выше, в повстанчестве не было ни идеологического, ни организационного единства. После окончания Гражданской войны реальными врагами большевиков остались петлюровцы и крестьянская армия Махно. Единственным, что их объединяло, был общий противник. Если для анархо-маховцев неприемлем был диктат коммунистической партии и ее политика на селе, то петлюровцы, как представители украинского движения, все вопросы переносили в плос-

кость национальных отношений, усматривая в диктате партии и ее политике на селе новую оккупацию Украины, советскую власть продолжали считать «оккупационно-российской» и не собирались складывать оружие⁸⁹.

Наибольшую опасность для большевиков в начале 1920-х годов представляло махновское движение. Оно обладало довольно ясной и понятной широким массам идеологией, в основе которой лежали идеи анархизма, предусматривающие создание «вольного советского строя» – свободных от диктата государства (и его воплощения – города) самоуправляющихся общин (конечно, сельских), а также нелюбовь крестьян к коммуне, коммунистам и комиссарам⁹⁰. Оно было неплохо организовано. Повстанческая армия махновцев имела такое же устройство, что и РККА, имелись при ней свой Реввоенсовет и культотдел. Петлюровские отряды представляли собой осколки войск УНР и продолжали сохранять (по крайней мере, по названию) деление на сотни и курени (полки)⁹¹. Их идеология сводилась к тому, что на Украине должно было быть сильное национальное государство в форме УНР с демократическим (а на деле с буржуазным) устройством⁹².

Различались петлюровское и махновское повстанчество и своим отношением к национальному вопросу. Если для петлюровцев он был главным (или же на нем спекулировали из тактических соображений), то отношение к нему махновцев и идущих за ними селян было иным. Распространенным является представление, что махновское движение не несло в себе зерен национализма. Например, видный участник движения анархист П. Аршинов (Марин) прямо указывал, что национальные и религиозные предрассудки «не имели места в махновщине», поскольку это было «низовое движение крестьян и рабочих», защищавших «права и интересы труда». Всех врагов они встречали как «врагов труда» и не интересовались национальным флагом, под которым шло вторжение⁹³. Другой видный анархист, из окружения Н. Махно, И. Тепер (Гордеев), позже отказавшийся от анархизма и написавший работу о махновщине, также утверждал, что об этом движении «нельзя говорить... как о национальном шовинистическом движении»⁹⁴. Конечно, они, как участники движения, по ряду причин могли быть необъективными. Однако отсутствие шовинизма в махновском движении подчеркивали и его современники – коммунисты⁹⁵.

П. Аршинов считал, что отсутствие шовинизма объяснялось действием социально-экономического фактора, сплотившего воедино бедных крестьян всех национальностей. В работе исследователя С. Семанова эта точка зрения находит подтверждение. Он

считает, что на характер махновщины оказал влияние смешанный этнический состав населения южных и юго-восточных регионов Украины⁹⁶. Действительно, в рядах армии Н. Махно служили представители всех проживающих в регионе народов: украинцы, русские, греки, евреи и т.д., причем многие представители «некоренных» наций добивались командирских постов⁹⁷.

Другие указывали на то, что восприятие национального вопроса в махновском движении менялось за время его существования. Исследователь движения М. Кубанин указывал, что в 1918–1919 гг. оно проходило под «ярко интернационалистическими лозунгами», но с 1920 г. начинает скатываться к национализму⁹⁸. Сходную позицию занимает и А.Е. Кучер. Он приводит выдержки из махновской прессы, в которых о большевиках говорится как о людях, «пришедших из Великороссии» и поэтому «чужих» украинскому народу, и содержатся призывы освободить «родную Украину от русских»⁹⁹. В некоторых случаях имело место и слияние ряда махновских отрядов с бандами петлюровского характера¹⁰⁰. Правда, происходило это уже на закате движения, под ударами Красной армии, и было вызвано стремлением (причем обоюдным) найти союзника против общего врага.

И действительно, махновщина была движением прежде всего социальным, а близость к Великороссии, смешанный состав населения и история колонизации Причерноморья не могли не наложить отпечаток на сознание проживающих в регионе народов. Сам Нестор Иванович украинским националистом не был. Показательна его реакция на письмо белого генерала А.Г. Шкуро, в котором тот предлагал начать совместные действия против красных. В письме батько несколько раз был назван настоящим «русским человеком». Махно отверг предложение с негодованием. Но, хотя Махно и считал себя украинцем, раздражение у него вызвало вовсе не то, что его назвали «русским человеком» (что вызвало бы бурю эмоций у «украинца сознательного»), а то, что «буржуазия хочет сделать его генералом»¹⁰¹. Более того, он полагал (а уж кому другому было знать лучше, как не ему), что именно шовинистическая пропаганда националистов о «вечной борьбе с кацапами» и политика Центральной рады, пытающейся «рядиться» в социалистические одежды, толкали «трудовое население Гуляйпольского района на путь вооруженной борьбы со всякой формой обособленного украинства» как явления контрреволюционного, противоречащего интересам украинского народа¹⁰².

Но по мере того как в качестве врага оставались только большевики, стремившиеся установить свои железные порядки, реквизировавшие хлеб и вывозившие его в центральные промыш-

ленные районы, перед движением встала необходимость как-то обосновывать дальнейшую борьбу. Для крестьян не было более наглядного и убедительного примера, чем образ чужака, грабящего и объедающего бедного крестьянина. Несомненную роль сыграло и местничество, нежелание махновцев подчиняться чужой власти. Попытки большевиков подчинить себе вольную «Махновью» наталкивались на сопротивление. Показательна речь Нестора Махно на II съезде Советов Гуляй-Поля, проходившем в феврале 1919 г.: «Если товарищи большевики идут из Великороссии на Украину помочь нам в тяжелой борьбе с контрреволюцией, мы должны сказать им: “Добро пожаловать, друзья”. Но если они придут сюда с целью монополизировать Украину (т.е. власть. – А.М.) мы скажем им: “Руки прочь!”»¹⁰³ Примечательно, что это было сказано еще в феврале 1919, а не в 1920–1921 гг., когда махновцы оказались один на один с большевиками.

Не обошлось и без идеологического воздействия со стороны «свідомих» кругов. Украинские националисты не могли остаться равнодушными к тому факту, что крестьянское движение на огромных просторах южной и юго-восточной Украины развивалось не под «жовто-блакитним» флагом. Поэтому они предпринимали попытки привлечь махновцев на свою сторону или подчинить их своей идеологии. Но эти попытки заканчивались ничем: махновцы воевали с петлюровцами, а сам батько хотел даже убить С. Петлюру (как ранее он убил Н. Григорьева)¹⁰⁴. Более действенным мог оказаться другой путь. И. Тепер вспоминал, что во время наступления деникинцев влияние анархистов на Махно ослабло, чем не преминула воспользоваться «небольшая группа украинской интеллигенции с довольно яркой национально-шовинистической физиономией» для того, чтобы украинизировать махновщину и привить «чуждое ей до сих пор националистическое направление», сводившееся к формуле «геть кацапів та жидів». Националистической интеллигенции удалось на время укрепиться в культурно-просветительском отделе армии. Вполне возможно, что благодаря им и возник образ оккупанта-большевика, пришедшего из Великороссии. Пытались они воздействовать и на самого Махно, в том числе через его жену Галину (Агафью) Кузьменко – свою «сестру по прослойке» – учительницу украинского языка, работавшую раньше в Министерстве труда УНР и к украинскому движению относившуюся сочувственно¹⁰⁵. Но подчинить своему влиянию Н. Махно и привить махновскому движению свою идеологию националистам не удалось. Они были вновь оттерты анархистами.

А крестьянское видение справедливого решения национального вопроса зачастую не выходило за рамки нижеприведенного события. В мае 1919 г. батько Махно возвращался с деникинско-го фронта в Гуляй-Поле. На станции Верхний Токмак на глаза ему попался плакат со следующей надписью: «Бей жидов, спасай революцию, да здравствует батько-Махно!» По приказу батьки плакат был снят, а его автор, партизан, лично известный Махно, «человек в общем неплохой», был расстрелян¹⁰⁶. Немало повстанцев-махновцев придерживалось традиционного («белого») подхода к проблеме освобождения страны, призывая бороться «за Русь святую и русский народ»¹⁰⁷. Во всяком случае в их сознании «Украина» и «Россия» могли стоять через запятую, а в обращении к «украинским» селянам вполне мог присутствовать призыв к освобождению «России» и «русского народа».

В целом, можно смело утверждать, что махновское движение, вовлекшее в свою орбиту огромные массы населения востока и юго-востока Украины и оказавшее на него сильнейшее идейное влияние, было лишено националистической подкладки и являлось движением социальным, а не национальным, что было обусловлено историческим развитием региона и менталитетом его населения. Отсутствие сколько-нибудь сильных национальных мотивов в махновском движении позволило большевикам ликвидировать его уже к концу 1921 г. Правда, борьба с повстанческой армией, то разделявшейся на отдельные отряды, то вновь соединявшейся в кулак, напоминала полномасштабные военные действия¹⁰⁸. Но, с одной стороны, овладев тактикой антипартизанской борьбы, а с другой, действуя при помощи экономических рычагов, советской власти удалось почти полностью ликвидировать бандитизм на всей Левобережной Украине, Екатеринославщине и Приазовье.

Ликвидация бандитизма (в первую очередь, анархо-махновского характера) во многом была ускорена экономическими мерами. В числе таковых были переход в марте 1921 г. к новой экономической политике, замена ненавистой продразверстки продналогом, закрепление сроком на 9 лет за крестьянами участков, которые они обрабатывали (в тех местностях, где было завершено изъятие земельных излишков у кулаков). Без сомнения, эти меры повлияли на спад повстанчества. Но в то же время нельзя не отметить, что к концу 1921 г. результаты нэпа еще не могли принести свои плоды. К тому же 22 марта 1921 г. Политбюро ЦК КП(б)У приняло постановление продразверстку на Украине не отменять и лишь снизить ее размер до 80%. Введение продналога было отнесено к новому урожаю¹⁰⁹.

Не меньшее влияние на снижение политической активности села оказал голод 1921–1922 гг. в южных и юго-восточных регионах УССР. Причин голода было много: засуха, последствия многолетней войны, предыдущие реквизиции, высокие нормы хлебазаготовок. Надо учесть также 439 тыс. переселенцев, попавших в украинские губернии из пораженного голодом Поволжья. Природным катаклизмом воспользовались большевики. По мнению некоторых исследователей, большевики, зная о реальном положении дел, «придержали» помощь пострадавшим губерниям, не снижая при этом плана хлебосдачи¹¹⁰. Да и кто в той обстановке мог бы дать гарантии, что эшелоны с продовольствием не будут разграблены по дороге и оно дойдет до нуждающихся, а не осядет в амбарах родственников бандитов и не будет перепродаваться по спекулятивной цене на черном рынке? Голод заполнил собой все, отвлек внимание крестьян от участия в отрядах и лишил последних моральной и материальной поддержки. Амнистия 1922 г. довершила развал повстанчества. Комплексное воздействие всех факторов привело к резкому снижению бандитизма на юге и Левобережье Украины.

На территориях за Днпром петлюровский бандитизм оставался серьезной угрозой на протяжении еще нескольких лет. Во-первых, от голода больше всего пострадали Одесская, Екатеринославская, Николаевская, Александровская и Донецкая губернии, т.е. те, в которых влияние националистического повстанчества было незначительным. На Правобережье ситуация с продовольствием была гораздо лучше. Во-вторых, на положение в западных губерниях республики постоянно сказывалась близость границы, через которую то и дело просачивались связники, отдельные группы и даже небольшие отряды петлюровцев. В-третьих, как указывалось в отчете Центрального управления ЧК при СНК УССР за 1920 г., петлюровский бандитизм «особенно глубоко привился на Правобережье», потому что «повторные польско-петлюровские оккупации укрепляли его и снабжали банды свежими военными силами из отступающих армий»¹¹¹. Там дольше всего держалась власть УНР. И, в-четвертых, если для махновцев при «правильной» социально-экономической политике властей (т.е. учитывающей их интересы) пропадали стимулы к вооруженной борьбе, то националистов эта «правильная» политика интересовала несравнимо меньше. У них был еще один побуждающий повод – национальный вопрос. Правда, по мере укрепления советской власти и улучшения экономического положения на селе элементов, поддерживающих борьбу против «российских оккупантов» становилось все меньше и меньше. Сказы-

валась и усталость людей от бесконечных войн. «Шеф» повстанцев Ю. Тютюнник был немало озабочен тем, что на Украине чувствовался «упадок интереса масс к революционной борьбе»¹¹².

И хотя нормализация наступила далеко не сразу, и в 1921–1923 гг. недовольство крестьян большевиками и политический бандитизм очень часто смыкались, политика советской власти по расслоению деревни начала сказываться. Бедняцкие хозяйства освобождались от выплат налогов, от кабальных условий, навязанных им во время голода зажиточными односельчанами. Беднякам гарантировалось возвращение их имущества и урожая, которое они были вынуждены отдавать кулакам в счет погашения долгов. Кроме того, до 1923 г. продолжалось изъятие земельных излишков у кулацких хозяйств в пользу малоземельных¹¹³. Но самым главным мероприятием в деле социального расслоения села стало создание в 1920 г. Комитетов незаможных селян (КНС), дублировавших и подменявших Советы и считавшихся организациями государственного значения¹¹⁴.

Раскол по имущественному принципу крайне накалял обстановку в украинском селе. В начале 1920-х годов противостояние между зажиточными селянами и незаможниками выливалось в открытые формы: для борьбы с «кулацким бандитизмом» были сформированы отряды КНС, сыгравшие важную роль при ликвидации банд. При этом по численности эти подразделения превосходили даже повстанческую армию Махно в лучшие для нее времена, не говоря уже только о петлюровских отрядах¹¹⁵. Действуя по правилу «разделяй и властвуй», большевики постепенно приобрели опору на селе, придавая бандитизму выраженный классовый характер.

«Кулацкий» характер, который со временем все больше приобретал бандитизм, объясняется не только защитой имущества своей собственности и положения, но и социальными особенностями села. Кто мог сколотить отряд, который бы признали односельчане? Только тот, у кого было влияние, за кем была сила. Иными словами либо авторитетный представитель интеллигенции, либо зажиточный человек, но никак не бедняк. Кто мог составить костяк отряда, кто мог показать окружающим свою силу? Только большая, крепкая семья, где есть несколько взрослых сыновей и их родня. А такая семья, в которой есть несколько здоровых рабочих рук, в социальном плане опять-таки относилась либо к крепким середнякам, либо к зажиточным. Да и дореволюционная сельская интеллигенция в своей массе вышла из этих же слоев, ведь семье приходилось не только оплачивать образование сына, но и терять столь нужного в хозяйстве работника. Конечно,

в жизни бывало по-всякому и абсолютного шаблона на все случаи не существовало. Но исключения лишь подтверждали правило. Самой логикой социальной действительности у истоков крестьянских отрядов и бандитизма чаще всего стояли зажиточные группы села.

Преобразование политического бандитизма в чисто кулацкий зависело еще и от расстановки сил на селе, от позиции основной массы середняков и даже бедняков, участие которых в бандах (особенно на начальных этапах) тоже было заметным. Например, во время наибольшего подъема повстанческих настроений до 25% участников бандформирований в Черниговской губернии составляли незаможники и середняки¹¹⁶.

Сказывалось и влияние украинского подполья. Поначалу успех в агитации крестьянства принадлежал националистам. Сеть подпольных повстанкомов держала в руках местные банды и возбуждала крестьян против власти. В своем информационном отчете за октябрь 1921 г. председатель ГПУ УССР В.А. Балицкий указывал, что «петлюровцы ведут усиленную агитацию о несдаче продналога, разбрасывают прокламации о самостоятельности Украины, призывают поджигать ссыпные пункты, говорят о скором прибытии на Украину Петлюры». При этом «крестьяне сильно поддаются влиянию этой агитации», а ряд сел вообще «отказался сдавать продналог»¹¹⁷.

Для того чтобы наладить мирную жизнь и взять село под контроль, требовалось покончить с националистическим подпольем и связанными с ним бандами. 1921–1923 годы стали периодом активной борьбы с ними.

Борьба советской власти с подпольем и бандитизмом. Началом 1921 г. стало для большевиков критическим. Кронштадтский мятеж и непрекращающиеся восстания по всей территории Советской России поставили под вопрос прочность их положения. Это дало повод политическим противникам большевиков надеяться на новый раунд борьбы. Весной 1921 г. наметился рост бандитизма, особенно его петлюровской разновидности, и на Украине. Сильней всего им были поражены районы Правобережья. В то время оживились притихшие были банды, повстанкомы и руководящая ими эмиграция, у которой вновь забрезжила надежда на возможность силового варианта прихода к власти. Подъем был обусловлен недовольством крестьян экономической разрухой и продовольственной политикой большевиков. Неоднократно отмечалось, что банды пользовались у крестьян поддержкой и получали от них всестороннюю помощь¹¹⁸.

Своей главной целью националисты видели свержение советской власти на Украине путем организации вооруженного восстания во всеукраинском масштабе. Подготовка к восстанию велась путем организации подпольного аппарата военной и административной власти в лице Холодноярского Центрального украинского повстанческого комитета. Этот комитет осуществлял руководство повстанческим движением и организовывал аналогичные повстанкомы в губерниях, уездах, волостях и селах, налаживал связь с действующими отрядами и создавал новые. Вся территория УССР была поделена на 22 агитационно-организационных района. Каждой группой районов командовал определенный человек, через него же отряды связывались с действующими в данной местности повстанцами. Кроме этого последние занимались организацией ячеек в частях РККА и советских органах власти, а также ведением широчайшей агитации с целью популяризации идей петлюровщины¹¹⁹.

Проникновению в советские органы, особенно низовые, способствовало то, что среди служащих встречалось немало представителей украинской интеллигенции, сочувствовавшей националистам или не принимавшей «совдепию». В равной степени помогал этому и непостоянный состав петлюровских отрядов, позволявший их участникам, «временно перейдя на мирное положение, в связи с холодами или разгромом», вести работу в «комнезаможах и сельских комитетах»¹²⁰. Петлюровские отряды не совершали рейдов, а действовали в определенных районах, лишь изредка, и то чаще не по своей воле, их покидая. В каждом отряде имелся костяк – атаман и его ближнее окружение, и сменный состав, набиравшийся из местных жителей лишь на время операций. В связи с этим установление точной численности банд, равно как и борьба с ними, были делом нелегким.

Начало восстания было намечено на май 1921 г. Подполье удачно воспользовалось вновь охватившими селян антибольшевистскими настроениями. В январе 1921 г. на Украине действовало 39 крупных банд (в несколько десятков штыков и сабель), в феврале – уже 43 (в них состояло приблизительно 5 тыс. человек), а к апрелю их было уже 102. Учитывались только те из них, которые насчитывали от 20–30 до 450–500 штыков и сабель, самые же крупные доходили до 800 человек. Всего, по данным военной разведки и ЧК, в 1921 г. на Украине действовало 464 бандформирования (вместе с махновскими)¹²¹. Как правило, отряды имели более «солидные» названия, призванные подчеркнуть их политический характер. Так, банда атамана Хмары в штабе повстанцев была известна как 144-я Надбужанская диви-

зия, отряд Струка именовался 1-м повстанческим ударным полком, под командой атамана Богатыренко находился 2-й Гайдамацкий запорожский курень смерти, батько Подкова был командиром 145-го Гайсинского пехотного полка, Орлик – 8-го куреня им. Петлюры¹²².

В задачу подразделений входило совершение террористических актов против советских партийных и административных работников, организация диверсий на железных дорогах, водном транспорте. Особое значение придавалось срыву продовольственной кампании путем противодействия хлебозаготовкам, агитации против сдачи хлеба государству, диверсий против хозяйственных объектов – ссыпных пунктов, кооперативов, складов, порчи имущества, железнодорожных путей, телеграфа и т.п. Нередко в ход шли провокации, направленные на дискредитацию советской власти. Например, действовавшие на Харьковщине банды атаманов Хавро и Цимбаленко под видом красных являлись в села и от имени советской власти реквизировали скот и продовольствие, т.е. просто грабили крестьян. Нагнетанию антисоветских настроений и созданию благоприятной атмосферы для деятельности банд способствовали и всевозможные слухи, в том числе распускаемые сознательно. Скажем, крестьяне одного из сел Николаевской губернии, услышав, что красноармейцы якобы забирают в поле скот, вооружились топорами, пилами и кольями и двинулись в поле. Обман раскрылся, и 2 тыс. (!) крестьян разошлось по домам¹²³. В задачу банд также входило маневрирование с таким расчетом, чтобы растянуть противодействующие им крупные подразделения Красной Армии и частей ВОХР, распылить их силы и, тем самым, облегчить действия армии УНР в случае вероятного всеукраинского восстания¹²⁴.

В силу разных причин восстание было перенесено на осень. Как указывал на допросе А. Гулый-Гуленко, подготовка восстания тормозилась польским и румынским генеральными штабами¹²⁵. Польша и Румыния были враждебно настроены по отношению к советской стороне и, кроме того, опасались «красного вторжения». Но, поддерживая украинскую националистическую эмиграцию, они одновременно не желали новой конфронтации с Советской Россией. Свою роль также сыграли склоки и интриги, разъедавшие украинское движение еще в годы Гражданской войны и в условиях эмиграции вспыхнувшие с новой силой. Конфронтация существовала не только между «правыми» (гетманцами), петлюровцами и сторонниками более левой ориентации, но и внутри самих этих течений. Не миновал этой участи и наиболее сильный и влиятельный из всего украинского спектра петлюров-

ский лагерь. Началось скрытое противостояние между С. Петлюрой и приобретающим все больший вес и влияние Ю. Тютюнником, поскольку именно через него осуществлялась связь с националистическим подпольем в УССР. На генерал-хорунжего начинали ориентироваться те, кому не нравилась «самодержавная линия поведения» С. Петлюры. А. Гульий-Гуленко указывал, что головной атаман боялся Ю. Тютюнника и не доверял ему¹²⁶. По мнению пленного генерала, разгром рейда войск УНР на территорию Советской Украины в ноябре 1921 г. был в немалой степени обусловлен подковерными интригами в руководстве эмигрантского правительства УНР.

И все же главной причиной, по которой не состоялось восстание и очередная интервенция, стал не конфликт в стане эмигрантов, а деятельность советских спецслужб, армии, милиции, внутренних войск по разгрому националистического подполья и связанных с ним бандформирований. В результате оперативных мероприятий, проведенных органами ЧК в конце 1920 – начале 1921 г., им удалось внедрить своих людей в ряд повстанкомов и разгромить их, арестовав многих видных подпольщиков, в том числе некоторых уполномоченных от закордонного центра УНР. Весной – в начале лета был раскрыт пропетлюровский заговор в киевской Школе червонных старшин, ликвидирован Холодноярский повстанком, Повстанческая рада Черкасщины, Политический центр в Одессе, екатеринославские центры¹²⁷. Одновременно с ликвидацией подполья был нанесен удар по петлюровским бандам, в первую очередь тем, которые базировались на Левобережье и на Киевщине. В числе разбитых оказались банды атаманов Левченко, Хмары, Гонты, Ярового, Галака. Огромную роль в деле моральной деградации бандитизма и петлюровского движения в эмиграции и возвращения вовлеченных в них лиц к мирному труду сыграла объявленная в марте 1921 г. V Всеукраинским съездом Советов амнистия^{3*}. Как указывал на допросе один из виднейших махновских командиров, В. Белаш, многие партизаны были готовы сложить оружие, но боялись репрессий и мести со стороны чекистов¹²⁸. Теперь же это препятствие было устранено. В результате амнистии с повинной явилось немало рядовых участников бандформирований, а также ряд атаманов, в том числе такие известные, как Мордалевич и Богатыренко¹²⁹.

^{3*} Это была не последняя амнистия лиц, участвовавших в Гражданской войне на стороне противников большевиков. Еще одна была объявлена ВУЦИК 12 апреля 1922 г.

Комплексный подход к проблеме сорвал подготовку восстания, что позволило М. Фрунзе охарактеризовать положение как «вполне благоприятное». По его словам, «из двух главных разновидностей бандитизма – петлюровского и анархо-махновского – в настоящее время (т.е. на середину 1921 г. – А.М.) действуют только жалкие остатки», а на Левобережье бандитизм «вылился в третью свою форму, уголовно-грабительскую»¹³⁰. Понятно, успехи в деле подавления бандитизма Фрунзе несколько преувеличил. Однако не надо забывать, что данное интервью являлось, как бы сейчас сказали, важным элементом информационной войны против националистов внутри страны и их «тылов» в Европе. На тон интервью повлияла и эйфория от нанесенных махновскому и петлюровскому движениям серьезных поражений.

Но тревожное положение продолжало сохраняться на Правобережье. Надо сказать, что петлюровцам удалось восстановить свое подполье достаточно быстро. Уже к августу 1921 г. закордонный штаб оправился от вызванного амнистией замешательства и направил все силы на ее срыв, скрывая и искажая правду о ней. Отчасти сделать это удалось. В Подольской, Волынской, Екатеринославской и Кременчугской губерниях имел место обратный процесс возвращения рядового и командного состава в банды. Вернулись к своей прежней деятельности атаманы Амборцевич, Черный Ворон, Лисица, Мирный. В разоренном селе еще оставалась почва для выступлений. Но полностью сорвать амнистию не удалось: к концу года сложили оружие 9357 рядовых (включая махновцев) и 169 атаманов¹³¹.

Следующий мощный удар по повстанчеству был нанесен осенью 1921 г. Помимо ставшей уже постоянной ликвидации повстанкомов самым ощутимым ударом, подорвавшим надежды националистов на силовой приход к власти, стал разгром рейда на Советскую Украину петлюровских отрядов под командованием Ю. Тютюнника, известного под названием «ноябрьского похода». В начале ноября на нескольких направлениях началось проникновение петлюровских отрядов на территорию УССР. Главные силы осуществляли прорыв на Волыни по линии Ровно–Коропостень. Показательно, что при отряде (именовавшемся конной дивизией, в составе 1000 штыков и сабель) находились гражданские чиновники – костяк будущих органов власти на «освобожденной» Украине. В отряде также присутствовали два офицера – представители польского генерального штаба. После первоначальных успехов в боях с небольшими частями Красной армии и погранвойск петлюровцы были наголову разгромлены 9-й кавалерийской дивизией.

лерийской дивизией под командованием Г.И. Котовского. Свыше 400 бандитов было уничтожено, 537 попало в плен, в том числе представители гражданской администрации и ряд лиц из высшего командного состава. Сам Ю. Тютюнник с 37 бойцами ушел за кордон, бросив «свою банду в самом начале боя»¹³². Были разбиты и отряды, проникшие на территорию УССР на других участках границы. Провалившийся поход стал последней попыткой зарубежной и внутренней националистической контрреволюции силой свергнуть советскую власть. Его разгром наглядно продемонстрировал тщетность подобных попыток, слабость петлюровцев и отсутствие у них массовой поддержки в народе, в том числе среди крестьянства.

Несмотря на полученный удар, националистическое подполье и петлюровский бандитизм не исчезли и держали в напряжении ряд губерний (например, Киевскую) и в 1922 г., хотя поражены им были уже не все уезды этих губерний, как это случалось раньше¹³³. Местные лидеры и закордонные эмиссары начали готовить новое восстание. В 1922 г. продолжилась ставшая уже привычной борьба с повстанками и бандами. Так, в феврале вместе с ликвидацией 14-го повстанческого района на Полтавщине (арестовано около 400 человек) была уничтожена банда атамана А. Левченко (250 человек), одного из «зубров» петлюровского движения. Всего же только за первую половину 1922 г. было ликвидировано 29 подпольных петлюровских организаций и 40 банд, убито и взято в плен 122 атамана и 2879 рядовых¹³⁴.

Одним из героев 1922 г. стал Е.Г. Евдокимов, известный чекист, к тому времени уже имевший на своем счету ряд раскрытых подпольных организаций и банд¹³⁵. 1 июня он был назначен представителем ГПУ по Правобережной Украине, в обязанности которого входило координирование всех мероприятий этого ведомства в регионе. Новый начальник сразу перешел к превентивным ударам. Им была организована фиктивная антисоветская организация – «Черноморская повстанческая группа», перед которой ставилась задача объединить все отряды, действовавшие в Кременчугской, Николаевской, Одесской и Екатеринославской губерниях. Возглавил «группу» бывший полковник Генштаба армии УНР Трофименко (Гамалия). С подачи ГПУ группой было созвано совещание, на котором предполагалось обсудить планы дальнейшей борьбы. На совещание прибыло шесть самых известных атаманов указанного региона, среди них Л. Завгородный, Д. Гупало, Т. Компаниец. Естественно, все они были арестованы. Одновременно в ряде городов было захвачено еще несколько видных петлюровских «батек». В начале февраля при попытке к

бегству 38 атаманов было расстреляно. С правительственной стороны погиб один красноармеец¹³⁶.

В конце 1922 г. была раскрыта и ликвидирована одна из наиболее серьезных военных петлюровских организаций, так называемая Волынская повстанческая армия (ПВА). Ее деятельность заслуживает внимания, ибо на ее примере хорошо видны характер, идеология, цели, методы борьбы подобных организаций и социальный состав их участников. Ядром ПВА стали остатки разбитой в октябре 1921 г. банды полковника Палия, перешедшей границу на волынском участке и попытавшейся организовать антисоветское восстание. Позже, слившись с местной бандой «уголовно-петлюровской окраски», новоиспеченный отряд принялся за проведение терактов, грабежей и дезорганизацию органов власти – налеты на милицию, убийства и т.д. Желая сменить чисто уголовный характер банды и придать ей политический вид, ее руководители основали повстанком Селянская Помста («месть»). Начал меняться и социальный состав будущей ПВА: помимо бывших петлюровцев и «лихих людей» в ней появились представители «кулачества, шовинистически настроенного учительства и духовенства». Изменилось и название: теперь организация именовалась Центральным повстанческим комитетом (ЦПК). Своей первоочередной задачей ЦПК определил работу в сельских массах. Работа велась «путем тонко настроенной игры на национальных чувствах с одновременным использованием тяжелого материального положения» крестьян¹³⁷. Набравшись сил, ЦПК начал налаживать связь с другими подпольными организациями и со штабом в Польше, от которого получил указание занять выжидательную позицию.

Позже ЦПК вступил в контакт с другой группой «петлюровцев из учителей, кулаков, совслужащих и духовенства» и «наиболее сознательных представителей шовинистического национального движения Коростеньского и Овручского уездов» губернии, организованной А. Петриком – одним из уцелевших деятелей гражданской администрации, пришедших с войском Ю. Тютюнника, и «украинским шовинистом» кулаком Л. Костюшко. Обе организации выработали общую стратегию и начали готовить почву, «уверяя темную массу (крестьянства. – А.М.), что в феврале 1922 года произойдет всеобщее восстание, Советская власть будет свергнута, коммунисты перебиты», а после этого при помощи войск Антанты «придет и уже навсегда к своему народу батько Петлюра»¹³⁸.

Чувствуя, что время играет не на них, а «сочувствующее кулачество, не дождавшееся прихода С. Петлюры в феврале 1922 го-

да, начинает разуверяться в организации и разочаровываться в ее обещаниях», вожди банды переносят сроки «всеобщего восстания» на 1 мая. Когда же становится ясно, что помощи из-за границы не последует, то в целях предотвращения распада организации они решают полагаться на себя и создают собственную военную организацию «с политической ориентировкой на УНР во главе с Петлюрой». Армия создавалась по территориальному принципу: уезд равнялся дивизии, волость – полку, село – роте. Координация действий между подразделениями и за границей, а также разведка возлагалась на специальный институт связных. Главнокомандующим ПВА стал Петрик, а начальником штаба – Костюшко¹³⁹. Тогда же произошло окончательное слияние двух упоминавшихся выше организаций.

ПВА начала активную деятельность, распространяя среди крестьянства воззвания и прокламации повстанческо-погромного характера, «восстанавливая его против Соввласти и вовлекая в организацию». Агитация велась также при помощи «наиболее активного и опытного в этом отношении элемента» – духовенства и учительства. Использовалась тактика запугивания (в случае отказа от участия в готовящемся восстании), а также разжигания национальных чувств и мести. Например, вожди «армии» планировали почтить память расстрелянных у местечка Базар тютюнкеровцев водружением на месте их захоронения «прапора ПВА» и одновременным совершением еврейского погрома в самом городке.

Их идейные коллеги, проживавшие в губернском городе, также не остались равнодушными к делу «спасения Украины». Весной – в начале июня в Житомире создается большая группа, состоявшая «исключительно из интеллигентов: бывших офицеров, учителей, чиновников и студентов», ориентирующаяся на УНР и стремящаяся связаться «с сильной организацией» из народа. И это ей удается. Бесконечно откладывать восстание становилось невозможно, поэтому, желая обеспечить себе максимальную поддержку со стороны населения, вожди ПВА приурочили начало восстания к предновогодней кампании 1922–1923 гг. и осеннему призыву в Красную армию. По стечению обстоятельств (задержание на границе связников, посланных в штаб повстанческого движения за указаниями) сроки начала восстания были спешно передвинуты на 7–8 октября. Трех «дивизиям» и «бригаде», имевшимся в распоряжении ПВА, надлежало захватить Житомир и двигаться в двух направлениях: на Киев и к польской границе, чтобы совместно с силами УНР освободить Украину от большевистской оккупации¹⁴⁰. Но сделать это повстанцам не удалось:

ПВА была своевременно раскрыта и разгромлена, ее участники арестованы. В последствии часть из них была расстреляна, часть осуждена к различным срокам тюремного заключения, а некоторые были оправданы и отпущены на свободу¹⁴¹.

Пользуясь проверенным методом, Е. Евдокимов нанес еще один сокрушительный удар по петлюровскому бандитизму. Представители очередной созданной им фиктивной организации – «Высшей военной рады» – установили связь со штабом повстанческого движения во Львове и сумели вынудить второе лицо в петлюровской эмиграции, генерал-хорунжего Ю. Тютюнника, приехать на Украину с инспекцией подполья. В конце мая 1923 г. при переходе границы он был арестован¹⁴². Тютюнник согласился сотрудничать с советской властью и призвал своих недавних соратников прекратить сопротивление. Призыв не остался неуслышанным, и некоторые отряды сложили оружие.

Несмотря на столь явные успехи советской власти в ликвидации бандитизма, украинская вооруженная контрреволюция продолжала сопротивляться. В 1923 г. вновь возник ряд повстанкомов и банд. Однако теперь, научившись раскрывать их, разгромив сеть подобных организаций, ликвидировав многих вождей подпольно-бандитского движения, справиться с одиночными организациями было несравненно легче. Например, в апреле 1923 г. было ликвидировано 11 повстанкомов, в том числе таких крупных, как Черниговский, насчитывавший 220 человек, ликвидация которого сопровождалась боем¹⁴³.

Ликвидации бандитизма способствовало и то, что подполье стремительно теряло популярность, о чем, кстати, свидетельствует лихорадочная подготовка восстания Волынской армией. Усталость от войн, маргинализация бандитизма, все больше мешавшего налаживанию нормальной жизни и приносившего материальный ущерб крестьянскому хозяйству, улучшение экономической ситуации в связи с действием нэпа^{4*}, а также укрепление внешне- и внутреннего положения большевиков (что не могло остаться

^{4*} Кстати, нэп принес в деревню не только мир и спокойствие, но и породил такое интересное явление, как «красный бандитизм». «Долой нэп и совбуржуазии!» – под таким лозунгом действовали эти банды, замеченные на Донбассе и Полтавщине. Отряды состояли из коммунистов, бедняков, безработных – тех, кто активно поддерживал советскую власть, политику раскулачивания, боролся с бандитизмом, а в результате нэпа вновь попал в «лапы классового врага» – оказался в тяжелых экономических условиях или был обижен властью (Політичний терор і тероризм в Україні, ХІХ–ХХ ст.: історичні нариси. Київ, 2002. С. 255–256). Как видно, «селянский бандитизм» был явлением неоднозначным и многоликим.

незамеченным) послужили причинами исчезновения почвы, питавшей политический бандитизм. Показательно, что при ухудшении экономического положения наблюдалось некоторое оживление бандитизма. Но он уже не представлял сколько-нибудь массового явления. Крестьянство постепенно становилось на путь лояльности советской власти, причем это относилось и к кулачеству (сначала левобережному, а затем и правобережному)¹⁴⁴.

Но был еще один важный фактор, положивший конец именно петлюровскому подполью. Им стало изменение национальной политики после XII съезда РКП(б), на Украине известной как политика украинизации. Решения съезда были направлены на устранение, как указывалось в резолюции по национальному вопросу, «фактического неравенства национальностей Союза и поднятия культурного и хозяйственного уровня отсталых народов». Для этого предполагалось строительство в национальных регионах промышленности «с максимальным привлечением местного населения»: создания социальной опоры режима – национального пролетариата, укрепления смычки с крестьянством и формирования управленческих партийно-государственных кадров («людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи» данного народа). Ликвидация неравенства «отсталых» и «ранее угнетенных» (согласно терминологии резолюции) народов подразумевала предоставление национальным республикам широких финансовых и бюджетных прав, законодательное обеспечение свободного употребления национальных языков в органах власти и области культуры¹⁴⁵. Политика коренизации на Украине, к тому же, явилась сильнейшим стимулом к развитию украинской национальной культуры. Но главным было то, что большевики признали «украинцев» особой национальностью, «ранее угнетаемой» Россией, т.е. озвучили то, что утверждали националисты.

Изменение национальной политики выбило главное оружие из рук украинских националистов – борьбу против «национального угнетения», внесло смятение и «полную идеологическую растерянность» в их лагерь, а добровольная сдача бандитов приняла массовый характер¹⁴⁶. Уже с лета 1923 г. началось возвращение на Украину многих людей, пребывавших в эмиграции. Весьма показательным может быть эволюция взглядов на советскую власть виднейших атаманов. Ю. Тютюнник указывал, что одной из решающих причин «упадка интереса масс к революционной борьбе» послужили именно решения съезда. Многие деятели украинского движения, и в их числе он сам, поначалу относились к этим решениям как к «обыкновенным тактическим ходам для окончательного усыпления революционной энергии в массах уг-

нетенных национальностей»¹⁴⁷. Но вскоре недоверчивые убедились, что «при современном положении на Украине и при проведении в жизнь постановления XII съезда РКП и в будущем нет и не будет оснований для борьбы против русской оккупации как несуществующей». Сам же Тютюнник убедился, что «угнетенные нации в лице Советской власти нашли могучего союзника против господствующих наций, наций угнетателей», и что «место украинских патриотов» в будущем конфликте СССР и капиталистических стран «не на стороне Запада»¹⁴⁸.

Аналогичным образом рассуждал и ранее веривший в справедливость антисоветской борьбы, но прозревший и сдавшийся властям еще в 1921 г., атаман Ю. Мордалевич. Считая «окончательным идеалом человечества идею социализма», он, тем не менее, чувствовал в душе «влияние преобладающих украинских течений», толкнувших его на скользкий путь «романтика больших дорог». Но по мере развития революции и Гражданской войны атаман понял, что «западноевропейская буржуазия и украинская реакция сознательно используют всяческие освободительные национальные и демократические лозунги только как средство к осуществлению своих основных целей и собственно – для построения буржуазно-бюрократической республики». Один из виднейших петлюровских «батек» «убедился, что будущее угнетенного украинского народа строится советскими формами». И хотя социальная идея всегда интернациональна, «формы же ее должны быть национальными», считал Мордалевич. Ставя социальный и национальный вопросы в одну плоскость, бывший атаман утверждал, что «освобождение социальное... неизменно должно привести к полному национальному освобождению»¹⁴⁹.

Может сложиться впечатление, что осанну советской власти и ее национальной политике бывшие полевые командиры украинского национального движения пели вынужденно, либо сдавшись на ее милость, либо попав в плен. Конечно, этот момент не стоит сбрасывать со счетов. Но вот А. Гулый-Гуленко, даже будучи арестованным, реверансов советской власти не делал, заявив, что на Украину возвращаться не собирался и остается «на точке зрения суверенной, ни от кого политически не зависимой Украины с правлением, конечно, не правее Демократической Республики». Впрочем, может, изменил бы свое мнение и он, если бы узнал о решениях XII съезда, потому что и раньше признавал, что советская власть – единственная «дающая возможность культурного и национального развития»¹⁵⁰.

Приведенные свидетельства некоторых наиболее видных вождей петлюровского повстанчества интересны не только с точки

зрения эволюции их взглядов на советскую власть и ее политику, но и тем, как они понимали национальный вопрос и как мотивировали им свою жизненную позицию. Характерно, что мыслить национальными категориями они не перестали. Главным же стало то, что в результате комплекса мер к концу 1923 г. бандитизм резко пошел на спад и сохранял актуальность только для отдельных районов Правобережья. В октябре 1923 г. на территории УССР действовало 34 банды (304 человека), из которых политический характер имели шесть. К февралю 1924 г. их число сократилось до 21 (7 петлюровских)¹⁵¹. Политический бандитизм почти полностью уступил место уголовному. В дальнейшем сводки ГПУ неизменно подчеркивали, что банды политического характера либо отсутствовали вовсе, либо встречались исключительно в приграничной полосе и с селом были связаны слабее, чем с границей¹⁵².

Например, сообщалось, что на Могилевщине, ранее почти сплошь пораженной бандитизмом, в конце осени – начале зимы 1925 г. появились две связанные с иностранными разведками банды численностью в 30–40 и 12 человек¹⁵³. Приходившие время от времени из-за кордона небольшие бандформирования имели своей целью проведение разведки боем, выяснение настроений населения, прочности позиции советской власти. Фактически они являлись диверсионными группами, которые не только содержались на деньги польских и румынских спецслужб и действовали в их интересах, но и формировались на их территории. Таковой была, скажем, перешедшая в мае 1927 г. государственную границу банда Герася¹⁵⁴. Но настроения были «неподходящими», милиция и ГПУ работали четко, поэтому действовать бандам удавалось недолго. Они либо уходили обратно, либо уничтожались.

Банды и шайки уголовного характера продолжали действовать, но сами по себе они серьезной опасности для власти не представляли. Напротив, с советской властью стали ассоциироваться порядок и гарантии сохранения жизни и имущества. Ненависть села к уголовникам (особенно к конокрадам) часто вызывала резкую критику властей (если не сказать большего) за недостаточную, по мнению крестьян, жесткость по отношению к бандитам. Возникали сравнения с правосудием при старом режиме, причем сравнения оказывались явно не в пользу большевиков. «Нет нашего Николая, царя-батюшки, – сетовали крестьяне приграничного Каменецкого округа, – тогда было хорошо жить. Как попался вор или убийца, его высылали в другой конец света, и там он подолгу жил и работал на пользу государства, а теперь не то». Нередко имели место случаи самосуда над пойманными преступниками¹⁵⁵. Тем не менее присутствие банд на селе всячески мешало

установлению нормальной жизни. Например, переправившаяся на территорию УССР в 1925 г. диверсионная банда Овчарука совершила налет на Копай-город, разгромила райисполком, кооператив, почту, милицию, а затем ушла обратно за кордон¹⁵⁶. Кроме того, сохранялась опасность, что уголовный бандитизм мог стать запалом для возможных крестьянских выступлений и при наличии подходящих условий перерасти в бандитизм политический¹⁵⁷. Все это предопределило решительную борьбу с ним. В течение нескольких лет уголовный разгул и рецидивы бандитизма на Советской Украине были ликвидированы.

Подводя итоги можно сказать следующее. «Крестьянский бандитизм» был явлением сложным и многоплановым и первоначально отражал настроения села, был его реакцией на разруху, Гражданскую войну, экономическую политику воюющих сторон, а потом – советской власти. С течением времени бандитизм все больше отрывался от села, все меньше выражал его настроения и превращался в самостоятельное явление. Далеко не всегда крестьянские выступления проходили под националистическим флагом. В то же время в ряде местностей украинское движение и крестьянское движение слились, превратившись в серьезный политический фактор.

Для устранения этой связки и подавления националистической оппозиции большевиками был предпринят ряд мер в социально-экономической сфере, в области национальной и внешней политики. Благодаря им, а также в результате непосредственного силового разгрома украинского националистического подполья и связанных с ним банд и пресечения попыток проникновения на территорию УССР отрядов УНР, петлюровская контрреволюция на территории Советской Украины была уничтожена и утратила надежды на возможность силового прихода к власти. Не все адепты национального движения примирились с «чужой» властью. Наличие подпольных групп органами ГПУ отмечались на протяжении всего десятилетия, хотя они не представляли собой сколько-нибудь широкого явления. Но несмотря на то что политическое крыло национального движения оказалось разбито, само движение не исчезло. Оно было вынуждено отказаться от прежней политики, поменять свою стратегию и тактику и приспособиться к новым реалиям.

¹ Щёголев С.Н. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. Киев, 1912. С. 192, 280–281.

² Українське питання. Київ, 1997. С. 180–181.

³ Цит. по: Емельянов Ю.В. Троцкий. Мифы и личность. М., 2003. С. 236.

- ⁴ Записка об украинском движении за 1914–1916 год с кратким очерком истории этого движения как сепаратистско-революционного течения среди населения Малороссии // «Украинская» болезнь русской нации. М., 2004. С. 122–124.
- ⁵ Цит. по: *Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003. С. 236.
- ⁶ Цит. по: *Танин-Львов А.А.* УСДРП: организационно-идеологическая характеристика // История национальных политических партий России. М., 1997. С. 159.
- ⁷ Українське питання. С. 182.
- ⁸ Записка об украинском движении... С. 140.
- ⁹ Там же. С. 147–151; *Гунчак Т.* Україна: перша половина XX століття. Київ, 1993. С. 71.
- ¹⁰ Записка об украинском движении... С. 143, 163.
- ¹¹ *Мазепа І.* Україна в огні і бурі революції 1917–1921. Київ, 2003. С. 27, 28.
- ¹² Записка об украинском движении... С. 151–156, 160–161.
- ¹³ *Михутина И.В.* Указ. соч. С. 252.
- ¹⁴ См. об этом: *Сталин И.В.* Сочинения. М., 1946. Т. 3. С. 18–19. Дело-производство и преподавание на национальных языках могло вестись в частных обществах и школах.
- ¹⁵ *Соколова М.В.* Великодержавность против национализма: Временное правительство и Украинская центральная рада (февраль–октябрь 1917) // Исследования по истории Украины и Белоруссии. М., 1995. С. 119–120.
- ¹⁶ Цит. по: *Смолин М.* «Украинский туман должен рассеяться, и русское солнце взойдет». Украинофильство в России. Идеология раскола // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М., 1998. С. 19.
- ¹⁷ *Лотоцький О.* Сторінки минулого. Варшава, 1932. С. 327–328.
- ¹⁸ *Гунчак Т.* Указ. соч. С. 81.
- ¹⁹ Українське питання. С. 189.
- ²⁰ *Грушевський М.* Хто такі Українці і чого вони хочуть. Київ, 1917. С. 4 и др.
- ²¹ *Винниченко В.* Відродження нації. Київ; Відень, 1920. Ч. 1. С. 140–141.
- ²² *Соколова М.В.* Указ. соч. С. 120–121, 123.
- ²³ *Танин-Львов А.А.* Указ. соч. С. 160–161.
- ²⁴ Цит. по: *Соколова М.В.* Указ. соч. С. 123.
- ²⁵ Національні процеси в Україні: історія і сучасність. Київ, 1997. Т. 1. С. 422–425.
- ²⁶ *Верстюк В.Ф., Дзюба О.М., Репринцев В.Ф.* Україна від найдавніших часів до сьогодення: хронол. довідник. Київ, 1995. С. 223–224.
- ²⁷ *Соколова М.В.* Указ. соч. С. 124.
- ²⁸ Національні процеси: історія і сучасність. Т. 1. С. 425–426.
- ²⁹ Там же. С. 426–427.
- ³⁰ См.: *Мірчук П.* Українсько-московська війна (1917–1919). Торонто, 1957.

- 31 Національні процеси... Т. 1. С. 430.
- 32 Там же. С. 426–427.
- 33 Украинская государственность в XX веке: ист.-политол. анализ. Киев, 1996. С. 250–251, 253–254.
- 34 Цит. по: *Мазера І.* Указ. соч. С. 308.
- 35 Там же. С. 302.
- 36 *Верстюк В.Ф., Дзюба О.М., Репринцев В.Ф.* Указ. соч. С. 211, 215, 216.
- 37 Там же. С. 278.
- 38 Там же. С. 254.
- 39 Там же. С. 248.
- 40 *Бойко Е.Д.* Украинская интеллигенция и революция: общее и особенное // *Украина в 1917–21 гг.: некоторые проблемы истории.* Киев, 1991. С. 217–249.
- 41 *Винниченко В.* Указ. соч. С. 250.
- 42 *Зеньковский В., прот.* Пять месяцев у власти (15 мая – 19 октября 1918 г.): восп. М., 1995. С. 33–35.
- 43 *Христюк П.* Записки і матеріали до історії української революції, 1917–1920 рр. Відень, 1921. Т. 1. С. 19.
- 44 *Кульчицький С.* Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919–1928). Київ, 1996. С. 40.
- 45 *Грушевський М.* Указ. соч. С. 11, 13.
- 46 Там же. С. 5.
- 47 *Гунчак Т.* Указ. соч. С. 82.
- 48 Документи трагічної історії України (1917–1927 рр.). Київ, 1999. С. 414–416.
- 49 Генерал-хорунжий армії УНР. Невідома автобіографія Тютюнника / публ. О. Божка // *З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ.* 1998. № 1/2. С. 36.
- 50 *Кульчицький С.* Указ. соч. С. 114.
- 51 В.І. Ленін про Україну. Київ, 1977. Ч. 2: 1917–1922. С. 493.
- 52 Документи трагічної історії... С. 334.
- 53 *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 34.
- 54 Історія селянства Української РСР. Київ, 1967. Т. 2. С. 8–9.
- 55 *Курас І.Ф.* Торжество ленинских идей пролетарского интернационализма и крах мелкобуржуазных националистических партий на Украине: дис. ... д-ра ист. наук. Киев, 1980. С. 210.
- 56 Там же. С. 230.
- 57 Речь идет о Центральной России без казачьих областей и Поморья (и, если говорить шире, то и Сибири), где земельные отношения существенно отличались от тех, что имели место в центральных губерниях.
- 58 Две главные силы – это красные и белые. Третьей силой можно считать само крестьянство, сыгравшее весьма активную роль в годы Гражданской войны. Украинское национальное движение единой силой можно считать лишь условно, ввиду его неоднородности и того, что его представители часто колебались между главными политическими игроками в зависимости от расклада политических сил.

- ⁵⁹ Цит. по: *Грациози А.* Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 годы. Очерк о большевизмах, национализмах и крестьянских движениях. М., 1997. С. 98.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ В.І. Ленін про Україну. Ч. 2. С. 164; *Кульчицький С.* Указ. соч. С. 36.
- ⁶² Комуністична партія України: з'їзди і конференції. Київ, 1991. С. 34; *Кульчицький С.* Указ. соч. С. 129–131.
- ⁶³ *Гордеев И.* Махно. От «единого коммунизма» к стопам румынского короля. Киев, 1924. С. 32.
- ⁶⁴ Там же. С. 37.
- ⁶⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. С. 200–201.
- ⁶⁶ ВЧК–ГПУ: док. и материалы. М., 1995. С. 194–195.
- ⁶⁷ *Махно Н.* Воспоминания. М., 1992. С. 55.
- ⁶⁸ Цит. по: *Кульчицький С.* Указ. соч. С. 36.
- ⁶⁹ Документи трагічної історії... С. 383.
- ⁷⁰ *Семанов С.Н.* Махно. Подлинная история. М., 2001. С. 161.
- ⁷¹ Генерал-хорунжий армії УНР. Невідома автобіографія Тютюнника. С. 45; *Шубин А.В.* Махно и махновское движение: документ. исслед. М., 1998. С. 96.
- ⁷² Генерал-хорунжий армії УНР... С. 44.
- ⁷³ Документи трагічної історії... С. 384.
- ⁷⁴ ВЧК–ГПУ: док. и материалы. С. 202–208.
- ⁷⁵ *Кучер О.О.* Розгром збройної внутрішньої контрреволюції на Україні в 1921–1923 рр. Харків, 1971. С. 29–30.
- ⁷⁶ Політичний терор і тероризм в Україні, ХІХ–ХХ ст.: іст. нариси. Київ, 2002. С. 246.
- ⁷⁷ Коммунистическая партия Украины в резолюциях и решениях съездов и конференций. Киев, 1958. С. 99.
- ⁷⁸ *Подкур Р.* За повідомленням радянських спецслужб. Київ, 2000. С. 84–85.
- ⁷⁹ Політичний терор... С. 243.
- ⁸⁰ ВЧК–ГПУ... С. 140–141.
- ⁸¹ Коммунистическая партия Украины в резолюциях и решениях съездов и конференций. С. 99.
- ⁸² Там же. С. 98–99.
- ⁸³ Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАОО У). Ф. 1. Оп. 20. Д. 845. Л. 104–105, 108.
- ⁸⁴ См. циркулярное письмо Постоянного совещания по борьбе с бандитизмом при СНК УССР от 14 декабря 1922 г. (*Кучер О.О.* Указ. соч. С. 151).
- ⁸⁵ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1040. Л. 29.
- ⁸⁶ Цит. по: *Волковинский В.Н.* Махно и его крах. М., 1991. С. 189. Стремление многих «батек» облагородить свою деятельность и представить себя борцами за идею ярко и образно (пусть и в гротескном виде) было показано в художественном фильме «Свадьба в Малиновке» (Ленфильм, 1967 г.). В данном контексте интересен разговор между

местным бандитским батькой Грицько и малиновскими крестьянами. Впрочем, батько предстал перед ними не как «Грицько», а как «пан атаман Грициан Таврический» («был Грицько, да весь вышел»), который «сам себе Петлюра». Вопрос: имеется ли у него «какая ни на есть, программа?» – вызвал здоровый смех у его «бойцов». «Ну а как же можно без программы? – ответил Грициан Таврический. – Ну что я вам, бандюга с большой дороги? Я же атаман идейный. Все мои ребята стоят за свободную личность». «Значит, будут грабить», – с тоской подумали селяне.

⁸⁷ ВЧК–ГПУ... С. 179.

⁸⁸ Кучер О.О. Указ. соч. С. 19–20, 135.

⁸⁹ Генерал-хорунжий армії УНР... С. 54.

⁹⁰ Шубин А.В. Указ. соч. С. 65.

⁹¹ Волковинский В.Н. Указ. соч. С. 190.

⁹² Кучер О.О. Указ. соч. С. 25.

⁹³ Аршинов П. История махновского движения. Запорожье, 1995. С. 193, 194.

⁹⁴ Гордеев И. Указ. соч. С. 49.

⁹⁵ Равич-Черкасский М. Махно и махновщина. Екатеринослав, 1920. С. 7; Эрде Д. Політична програма анархо-махновщини // Літопис революції. 1930. № 1. С. 41.

⁹⁶ Семанов С. Махновщина и ее крах // Вопр. истории. 1966. № 9. С. 39–40.

⁹⁷ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2122. Л. 86. Например, в Украинской повстанческой армии (махновцев) имелась особая еврейская артиллерийская батарея и еврейская полурота прикрытия (Аршинов П. Указ. соч. С. 196).

⁹⁸ Кубанин М. Махновщина. Крестьянское движение в степной Украине в годы Гражданской войны. Л., 1927. С. 163, 165–166.

⁹⁹ Кучер О.О. Указ. соч. С. 24, 38.

¹⁰⁰ Волковинский В.Н. Указ. соч. С. 213.

¹⁰¹ Там же. С. 99.

¹⁰² Махно Н. Указ. соч. С. 53–55.

¹⁰³ Шубин А.В. Указ. соч. С. 74.

¹⁰⁴ Гордеев И. Указ. соч. С. 51.

¹⁰⁵ Там же. С. 49–50; Семанов С.Н. Махно. Подлинная история. С. 9.

¹⁰⁶ Аршинов П. Указ. соч. С. 197.

¹⁰⁷ ВЧК–ГПУ... С. 196, 197.

¹⁰⁸ Армия Махно в среднем насчитывала от 500 до 10–15 тыс. бойцов, хотя во время подъема крестьянского повстанчества (май 1919 г.) доходила до 50 тыс. и выше.

¹⁰⁹ Документи трагічної історії... С. 350, 358.

¹¹⁰ Кульчицкий С. Указ. соч. С. 194, 197–202.

¹¹¹ Документи трагічної історії... С. 343.

¹¹² Генерал-хорунжий армії... С. 54.

¹¹³ Історія селянства Української РСР. Т. 2. С. 89–91. Например, в 1922 г. от налогов было освобождено 16% хозяйств; в 1927 г. – 35%.

- 114 *Кульчицкий С.* Указ. соч. С. 268–269.
- 115 Например, к марту 1922 г. в 730 отрядах КНС насчитывалось свыше 56 тыс. штыков и сабель (*Кучер О.О.* Указ. соч. С. 126).
- 116 Там же. С. 17, 18.
- 117 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 63. Л. 76.
- 118 *Кучер О.О.* Указ. соч. С. 128.
- 119 Отчет ВУЧК о деятельности за 1921 год VI Всеукраинскому съезду Советов // Сборник отчетов Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета, Совета Народных Комиссаров, наркоматов и центральных учреждений УССР VI Всеукраинскому съезду Советов, РКиК депутатов. Харьков, 1921. С. 4.
- 120 Документи трагічної історії... С. 343.
- 121 *Кучер О.О.* Указ. соч. С. 58, 59.
- 122 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1276. Л. 39; *Кучер О.О.* Указ. соч. С. 29.
- 123 ВЧК–ГПУ... С. 172–173, 198–199.
- 124 *Кучер О.О.* Указ. соч. С. 29.
- 125 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1040. Л. 12.
- 126 Там же. Л. 25.
- 127 ВЧК–ГПУ... С. 213–215; Документи трагічної історії... С. 386–388; Політичний терор... С. 261.
- 128 *Волковинский В.Н.* Указ. соч. С. 194.
- 129 *Кучер О.О.* Указ. соч. С. 84–87.
- 130 Документи трагічної історії... С. 376, 379.
- 131 Отчет ВУЧК о деятельности за 1921 год VI Всеукраинскому съезду Советов // Сборник отчетов... С. 10.
- 132 Документи трагічної історії... С. 394–395.
- 133 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 998. Л. 64; *Кучер О.О.* Указ. соч. С. 150.
- 134 Політичний терор... С. 251.
- 135 Позже Евдокимов прославится ликвидацией бандитизма в Чечне.
- 136 *Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьев В.* ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, документи. Київ, 1997. С. 88–89.
- 137 Документи трагічної історії... С. 478–480.
- 138 Там же. С. 481–482.
- 139 Там же. С. 482.
- 140 Там же. С. 483–485.
- 141 Там же. С. 485–489.
- 142 *Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьев В.* Указ. соч. С. 89–90. Ю. Тютюнник опубликовал воспоминания, в которых осудил свою прошлую деятельность и деятельность украинской эмиграции.
- 143 *Кучер О.О.* Указ. соч. С. 153–156.
- 144 Отчет о полугодовой деятельности ГПУ УССР (январь – июнь 1922 года) // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 1997. № 1/2. С. 366.
- 145 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 3. С. 80–86.
- 146 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 998. Л. 64, 73, 77.
- 147 Генерал-хорунжий армії... С. 54.
- 148 Там же. С. 55.

¹⁴⁹ Документи трагічної історії... С. 370–373.

¹⁵⁰ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1040. Л. 28.

¹⁵¹ Політичний терор... С. 254.

¹⁵² ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2112. Л. 88–90.

¹⁵³ Там же. Д. 2122. Л. 143 об.

¹⁵⁴ Там же. Д. 2442. Л. 156.

¹⁵⁵ Там же. Д. 2316. Л. 29; Д. 2180. Л. 40, 43; Д. 2442. Л. 69–71; Д. 2443.

Л. 63. Очевидно, жалоби не оставались без внимания. Через несколько лет, в 1930-е годы, стало практиковаться именно то, о чем сожалели крестьяне Каменецкого округа, в том числе и «работа на пользу государства» – на «другом конце света».

¹⁵⁶ Там же. Оп. 16. Д. 2. Л. 180–181.

¹⁵⁷ Там же. Оп. 20. Д. 1642. Л. 36.

Население УССР и национальный вопрос в 1920-е годы

В предыдущей главе говорилось о «неподготовленности» населения к восприятию национальных идей и о том, что украинское движение шло вразрез с динамикой социальной борьбы. Почему же так получилось? Чтобы понять это, надо посмотреть, чем жило в тот период население Украины? Что его волновало? К чему оно стремилось? Как национальный вопрос преломлялся в народном сознании? Насколько широко в обществе были представлены националистические настроения, чем они были вызваны и как проявлялись? Иными словами, необходимо определить ту социальную базу, на которую могло рассчитывать украинское движение.

В сознании всех групп населения УССР национальные проблемы чаще всего ассоциировались с «еврейским вопросом». Как свидетельствуют документы, этот вопрос довольно сильно волновал многих людей. Повышенное внимание выражалось в антисемитизме и нередко провоцировало рост антибольшевистских настроений, и в таком виде могло послужить (и служило) питательной почвой для украинского национализма¹. Поэтому следует остановиться на «еврейском вопросе» подробнее и посмотреть, какие причины его провоцировали и почему он вызывал неоднозначную реакцию со стороны значительной части населения республики.

Антисемитизм и национальное мироощущение населения УССР

Необходимо отметить, что, хотя случаи антиеврейских настроений имели место по всему СССР, на Украине они получили гораздо большее распространение, чем, скажем, в РСФСР. Причины этого крылись в многовековом совместном проживании малороссов (украинцев) и евреев бок о бок на одной территории, что

приводило к накоплению взаимных претензий. В Великодержавии же основная масса населения, прежде всего на селе и в провинции, сталкивалась с евреями гораздо реже, и поэтому антиеврейские настроения получили там меньшее распространение.

Еврейский фактор стал играть заметную роль на малорусских землях еще в средневековье. Крупные еврейские общины имелись уже в городах Древней Руси. Позже на территорию будущей Украины стали прибывать переселенцы из Западной Европы. В Речи Посполитой, куда направлялся главный поток переселенцев, евреи получали от королевской власти и магнатов различные льготы и привилегии: откупа таможенных, питейных пошлин, право иметь земельные владения и арендовать шляхетские поместья. Это привело к тому, что «к началу XVI века еврейство в Польше сделалось уже крупной экономической и общественной силой»². Обладающие внутренним самоуправлением, замкнутые и сплоченные еврейские общины путем предоставления денежных ссуд, управления имениями (в том числе королевскими) приобрели сильные рычаги влияния на королевскую власть, магнатов и шляхту, а через них и на православное крестьянское и городское население. «Сталкиваясь чаще с арендатором-евреем, чем с польским паном, русский крестьянин считал первого главным виновником своих бедствий и стремился отомстить ему», – отмечал известный еврейский историк С.М. Дубнов³. Подспудное противостояние, имевшее социально-экономические и религиозные корни, порой перерастало в открытое противоборство, достигшее своего апогея в середине XVII в. во время восстания под предводительством Богдана Хмельницкого. По причине закабаления широких масс крестьянства, сильной конкуренции со стороны еврейских торговцев и ремесленников восстание из собственно казацкого мятежа молниеносно переросло в социально-этническое и проходило под лозунгом «Бій жидів та ляхів!», причем именно в такой последовательности⁴.

Отношения между славянским и еврейским населением на Украине принимали столь острые формы все же довольно редко. И тем не менее, несмотря на то что народы были вынуждены притираться друг к другу, множество отличий, порожденных разным вероучением, разным отношением к людям другой веры и культуры, не могло не стать почвой для взаимной неприязни (которая вовсе не обязательно должна была перерастать в «выяснение отношений»)⁵. Но дело было не только в религиозных различиях. Евреи принимали весьма активное участие в экономической жизни. Опять, как и в XVII в., главная подоплека лежала в той значительной роли, которую играл еврейский капитал в торговле

и мелкой промышленности. Евреи занимали доминирующее положение в торговле зерном: в 1910 г. из 55 торгово-экспортных компаний Одессы (главных хлебных ворот страны) им принадлежало 46 компаний, доля оборота которых составляла 89,2%. В начале XX в. еврейскому капиталу принадлежало 90,6% торговли в Подольской губернии, 75 – в Киевской, 62,9 – в Харьковской, 40,1 – в Екатеринославской, 27,4% – в Полтавской⁷.

Надо учесть, что эти цифры характеризуют внутреннюю торговлю, непосредственно затрагивавшую интересы каждого крестьянина. По данным на 1897 г., евреи владели 33,9% предприятий пищевой промышленности, 24% сахарных заводов. А слова *арендатор* и *еврей* в те времена звучали практически как синонимы⁸.

Непростым отношениям способствовала и политика государства, отказывавшего иудеям в получении широких гражданских прав. При помощи ограничительных мер власти пытались не допустить политического влияния экономически сильной еврейской буржуазии, получая в ответ массовое участие еврейской молодежи в национальном и общероссийском социалистическом движении.

Украинско-еврейские противоречия обострялись во время революции 1905 г. и, особенно, в 1918–1920 гг., в период многовластия и воцарившейся на Украине анархии. Взаимное ожесточение, помимо «обычных» крайностей Гражданской войны, подпитывалось исторической памятью, давней и недавней. Огнем и мечом прошли по местечкам петлюровцы, григорьевцы, многочисленные «батьки» всевозможных политических и уголовных оттенков. Жестокость больше всего отражалась на мирном, ни в чем не повинном еврейском населении, подчас таком же бедном, как и соседнее украинское. Но нельзя забывать, что жестокость была обоюдной. Массовое присутствие еврейской молодежи в левых партиях, карательных органах большевиков, на постах различного рода уполномоченных и комиссаров, с не меньшим ожесточением действовавших по отношению уже к мирному украинскому населению, не оставалось незамеченным и не могло способствовать установлению межэтнического мира.

В ходе Гражданской войны в глазах значительной части населения Украины, в первую очередь крестьянства, понятия *коммунисты* и *евреи* стали совмещаться. Мероприятия большевиков, осуществляемые в рамках политики военного коммунизма и вызывавшие сильное озлобление крестьян – учреждение коммун, продразверстка, реквизиции, – изображались делом рук евреев. Подобные слухи и настроения подхватывались и культивировались противниками большевиков по всей стране. Но для жителей

великорусских губерний, реже сталкивавшихся с евреями, подобная агитация была менее актуальна, чем для жителей губерний малорусских. Сюда надо добавить массовые расстрелы, проводимые чекистами в Киеве и других городах Украины и в Крыму⁹, а также действия отрядов еврейской самообороны, принимавших активное участие еще в революции 1905 г. и сыгравших важную роль в ликвидации крестьянских банд во время и после Гражданской войны¹⁰. Если факты расстрелов оказывали сильное воздействие на горожан, интеллигенцию, особенно русскую, то борьба с крестьянскими восстаниями и бунтами касалась уже непосредственно селян. А в бандах состояли чьи-то родственники, дети, отцы, мужья. Конечно, в начале 1920-х годов крестьянство устало от войн и партизанщины, и это обстоятельство во многом способствовало ликвидации бандитизма. Но память осталась...

Материалы ГПУ на протяжении всего десятилетия говорят о наличии антисемитских настроений среди различных групп населения УССР, а временами и об их росте. Такие заключения, как «наблюдается рост антисемитизма», «антисемитизм характерен» встречаются довольно часто¹¹. Подметил распространение такого рода настроений и С. Ефремов, записавший в своих дневниках, что «под прессом коммунизма развернулось... страшное юдофобство, что поневоле охватывает ужас»¹². В чем же выражались антиеврейские настроения, чем они были вызваны, насколько широко были распространены и представляли ли опасность для советской власти?

Почва для таких настроений имелаась во всех слоях населения, вне зависимости от национальности, социального положения, партийности или образовательного уровня человека. Поразительное единство в оценках еврейской проблемы проявляли не только националисты, проникнутые, как тогда говорили, «шовинистическим духом», но и далекие от национализма люди. По словам секретаря одного из окружных комитетов КП(б)У, «бывает очень хороший человек, даже бедняк, активный, развитый, подготовленный», а когда речь заходит о нацполитике советской власти, «то он предстает самым заядлым антисемитом»¹³.

Немалую роль в распространении антисемитских настроений играл этнопсихологический фактор. Характер расселения, род занятий, религиозные различия, а также замкнутость и нежелание иудейского населения вплоть до XX в. ассимилироваться (за некоторыми исключениями), не могли не наложить отпечаток как на мировоззрение еврейского народа, так и на отношение к нему его соседей. Своеобразное отношение иудеев к неевреям и отношение к ним самим окружающего христианского населения, в

первую очередь губерний, входящих в черту оседлости, было зеркальным: евреев продолжали считать чужеродным, а подчас и враждебным элементом.

Это находило свое выражение в юдофобстве. Например, когда в с. Шепеличи Киевского округа приехал заведующий Агитпропом Богданов с лекцией об антисемитизме, местный житель член КП(б)У Хоменко выступил с «крестьянским» видением причин, возбуждающих антисемитизм. Он указал на этнорелигиозные причины, порожденные различиями в иудейском и христианском вероучениях: «Евреи говорят на крестьян: го́й и мужик, и никто не принимает это за оскорбление, а слово “жид” евреи принимают за оскорбление, что и предусмотрено законом». Как подчеркивает сводка, «последние слова Хоменко были встречены аплодисментами»¹⁴. Этнопсихологический фактор давал о себе знать при проведении антирелигиозной политики, которая нередко увязывалась с еврейским вопросом. Примером может служить поведение рабочих завода «Красная звезда» (Зиновьевский округ), которые, узнав (или пользуясь слухами), что в Москве в Колонном зале состоялось празднование еврейского религиозного праздника Пурим, открыто возмущались тем, что, поскольку «теперь Россия продана, евреи будут скоро устраивать концерты в наших церквях»¹⁵. А между тем культовые сооружения отбирались и у иудейских общин. Например, в г. Калиновка местные власти отобрали еврейскую религиозную школу и переделали ее в пивную¹⁶.

Но несмотря на то что культурные, религиозные, психологические мотивы подчас играли заметную роль в утверждении антиеврейских настроений, юдофобия являлась лишь одним из их проявлений, внешней оболочкой антисемитизма – явления более сложного и многогранного, не исчерпывающегося только этнопсихологическими причинами. В выступлении того же Хоменко последние тесно переплетались с социальным фактором и «ревностью» к городу вообще. Он утверждал, что крестьяне трудятся в поте лица, у крестьянок натруженные ноги, «они с утра до ночи работают, а еврейки ничего не делают, только одеваются, мажутся да погуливают»¹⁷. Вообще социально-политический фактор был основным побуждающим мотивом при появлении антисемитских настроений в УССР в те годы.

Главной же причиной, порождающей недовольство, стала резко изменившаяся за послереволюционные годы роль, которую стали играть евреи в различных сферах общественно-политической жизни Советской страны. Прежде всего в глаза бросалось деятельное участие евреев в советской экономике. Отказ от

политики военного коммунизма и переход к нэпу был с энтузиазмом воспринят «деловыми людьми» и прочими «социальными осколками» старого мира. Образ еврея-нэпмана, прибравшего к рукам торговлю, прочно закрепился в народном сознании. Нередкими были разговоры вроде тех, что «Троцкий устроил НЭП в Советской России специально для евреев. Украинцы сеют и продают свое зерно евреям для того, чтобы они наживались, нас обманывали». Любые хозяйственные трудности, которые в то время возникали на каждом шагу, – рост цен, высокие налоги – зачастую объяснялись тем, что «у власти стоят жида, мучащие крестьян». Так, бедняки Я. Гаврилюк и П. Глухарёв (Уманский округ) жаловались, что до 1914 г. сапоги стоили 5 пудов пшеницы, а теперь (в 1926 г.) – 15. Причину несправедливости они видели в отсутствии твердых цен на мануфактуру, а также в том, что «жиды захватили торговлю». Чаще всего в поле зрения оказывались местные советские и хозяйственные органы, например кооперация. Впрочем, в трудностях и дефицитах обвиняли и евреев, работающих в центральных органах. Подобные речи неизменно поддерживались сочувствовавшими слушателями¹⁸.

Настроения, аналогичные крестьянским, довольно широко были представлены и в городе. Подвержена им оказалась не только «мелкобуржуазная мещанская среда», но и опора советской власти – рабочий класс. Причин этому можно назвать несколько. Во-первых, социальный состав послереволюционного пролетариата сильно отличался от дореволюционного. Не обошлось и без воздействия «бывших» людей, старавшихся скрыться от бдительного ока ГПУ в партии и рабочей среде. Нетрудно догадаться, как такие люди относились к новой власти. А во-вторых, и крестьяне, и рабочие ежедневно сталкивались со специфическими условиями советской действительности, которые поневоле пробуждали ассоциации между трудной жизнью и национальным вопросом.

Городские условия и образовательный уровень придавали антиеврейским настроениям рабочих несколько иное звучание. Больше внимания уделялось не только экономике, но и политике. Поступавшие в ЦК КП(б)У сводки о настроениях рабочих крупных предприятий подчеркивают, что «в отдельных случаях антисемитские разговоры охватывают целые группы рабочих»¹⁹. Особенно возмущал рабочих тот факт, что евреи, по их мнению, не работали на заводах, а сидели в финотделах, кооперативных, потребительских организациях и прочих «теплых местах», расхищали народные средства и эксплуатировали рабочий класс²⁰. Недовольство разговорами не ограничивалось. Например, от рабочих

Зиновьевского округа на имя руководителей УССР постоянно следовали тревожные сигналы, поступали письма и петиции, отражающие их точку зрения на еврейскую проблему в СССР.

Антиеврейские настроения порождались также несоответствием между тем, чего от революции ожидали, и тем, что получили. Немало рабочих и крестьян, участвовавших в революции и сбросивших иго капитала, думали, что «себе добыли власть, а она вышла не себе, а жидам», в то время как «русские остаются рабочими». А пролетариат-гегемон, трудовое крестьянство остались «у разбитого корыта», живя в бараках и надрываясь на тяжелых производствах, где работали «одни только украинцы и русские», а евреев не было «ни одного»²¹. Причем, подобные взгляды высказывали те люди, которые лояльно относились к советской власти и даже поддерживали ее.

Опасность проникновения евреев во власть волновала их не только из-за опасения социальной «конкуренции», но и потому, что в евреях они усматривали нелояльный, враждебный элемент. Подтверждения этому сплошь и рядом можно встретить в информационных материалах ГПУ. «Напрасно евреев допускают в различные учреждения, так как продадут Советскую власть»²², – считали крестьяне. «Все евреи – большие националисты, будь они хоть тридцать раз партийцами», – рассуждали студенты из Умани²³. Негативное отношение к приему евреев в «святую нашу партию» или на государственную службу было свойственно представителям всех социальных категорий и даже коммунистам²⁴. В основе недоверия к руководителям-евреям лежало представление, что таковой не будет делать для людей ничего хорошего, а «прет-ся на высший пост» только для того, чтобы «власть заграбастать себе» и своим знакомым²⁵.

Совсем неприятным для руководства страны становилось проникновение антиеврейских настроений в армию. Новобранцы приносили в казармы взгляды, бытовавшие в той среде, из которой они вышли. Помимо общих мотивов, антисемитизм в РККА возникал и под влиянием специфических армейских условий. Многих военнослужащих интересовало, кто же воевал в Гражданскую войну, почему евреев было так мало в армии и занимали они, главным образом, нестроевые должности в хозяйственных командах. Подобные настроения имели место не только у рядового и командирского состава, но и у некоторых политработников²⁶.

Довольно прочно антиеврейские настроения укоренились и в интеллигенции. В основном, взгляды представителей этой прослойки ничем не отличались от указанных выше, разве что больше внимания ими уделялось политике и внутривнутрипартийной ситуа-

ции. Служащие, боявшиеся попасть под сокращение, смотрели на проблему с точки зрения, которую весьма точно выразил сотрудник Томашпольского райисполкома Тульчинского округа некий Архангельский, сожалевший, что «куда бы ни хотел бы пристроиться, да все мешают жида»²⁷. Социальная конкуренция порождала антисемитизм и в учебных заведениях. Национальный состав послереволюционного студенчества вузов и специальных учебных заведений сильно отличался от дореволюционного. Старая интеллигенция, в большинстве своем не принявшая большевиков, не пользовалась у властей доверием, а государство остро нуждалось в образованных кадрах. Ситуацией воспользовалась еврейская интеллигенция. Процент евреев в учебных заведениях был очень высоким. Скажем, в 1923 г. они составляли 39,3% от числа всех студентов УССР; среди принятых в вузы в 1924 г. евреев было 35,1%²⁸. В некоторых учебных заведениях процент мог быть еще выше. Так, в 1923 г. среди студентов Коммунистического университета им. Артёма 41% составляли евреи²⁹, среди студентов киевского политехникума в 1924 г. – 58%³⁰. По гуманитарным факультетам и отделениям доля студентов-евреев могла быть значительней. Поэтому часто проскальзывало недовольство тем, что «их дети» учатся, а «наши беспризорные шляются по улицам»³¹. Недовольны были и студенты других национальностей, причем не только выходцы из «старых классов», но и вчерашние крестьяне и рабочие. В гайсинском педагогическом техникуме комсомолец Цымбалюк, подойдя к студентке-еврейке, высказал свое мнение насчет решения еврейского вопроса: «Тобі тут не місце, твоє місце в Палестині»³². Не отставали от него и его товарищи, комсомольцы и беспартийные³³. Подобных примеров можно привести множество.

Но не только крестьянство или город питали антиеврейские настроения интеллигенции. Процесс был двусторонним. «Совесть нации» также оказывала сильнейшее идеологическое воздействие на массы. Так, некий учитель Михневич сетовал кооператорам своего села на то, что они пускают к себе кооператоров-евреев. «Вся власть в руках жидов, а украинец как при царизме ничего не имел, так и сейчас», – это уже из речи другого учителя. «Подобные выступления чутко воспринимаются селянской массой и дают крайне нежелательные последствия», – отмечали сотрудники ГПУ³⁴. А последствия могли быть такими, как, скажем, в Сосницкой школе № 11, где имели место драки между украинскими и еврейскими учениками³⁵. Сосницкий район (Черниговщина) был одним из оплотов автокефалистского движения. Именно там начинал свою деятельность один из руководителей Украинской

автокефальной православной церкви В. Потиевко. Там продолжали работать сильные организаторы-автокефалисты. Возможно, неосторожное слово (а, может быть, и вполне продуманное) упало на хорошо подготовленную церковными и светскими националистами почву.

К еще одной разновидности антисемитских настроений можно отнести изображение партии большевиков как еврейской организации. «Жид стоит у власти, а всеми этими Рыковыми, Камневыми, Петровскими, Чубарями жида помыкают», «а русских в правительстве посадили как лакеев, делай, мол, что прикажут»³⁶. С. Ефремов приводит высказывание крестьянки-молочницы из пригородного киевского села, которая пусть и весьма своеобразно представляла себе политическую жизнь, но, без сомнения, отражала некий «глас народа»: «Сначала был один царь, а теперь стало два: Ленин – наш как будто – да жидовский – Троцкий или как там. Так ихний про них беспокоится – вот им и хорошо живется, а наш о нас не заботится – то нам и горе»³⁷.

Впрочем, есть одно интересное обстоятельство, позволяющее взглянуть на проблему антисемитизма с неожиданной стороны. Выяснилось, например, что одесские безработные (а безработных в годы нэпа было немало, причем их ряды пополняли представители разных социальных групп) «обычно под понятие “жид”... подводят евреев-коммунистов», а не всех представителей еврейской национальности. Более того, «среди примыкающих к антисемитам встречаются и евреи, которые... тоже кричат: “Бей коммунистов и жидов!”», тем самым отождествляя эти понятия. Прочие безработные «к этой категории... беспартийных евреев не причисляют, считая их в некоторой степени русифицированными»³⁸. На беспартийной крестьянской конференции в с. Березнеговатом произошел еще один характерный случай. На конференции присутствовал некий еврей Беркман, до революции имевший 800 дес. земли и арендовавший ряд мельниц. Будучи лишен всего этого народной властью, он не пропал, стал селькором нескольких газет, его дочка была кандидатом в члены партии, а зять – ответственным коммунистом. Беркман попросил выступить вне очереди, в чем ему было отказано. Но собравшиеся крестьяне, несмотря на то что в районе было «сильно развито» юдофобство, слово ему предоставили, мотивировав свои действия тем, что он «из бывших» и ненавидит советскую власть и коммунистическую партию³⁹. Сказанное позволяет несколько пересмотреть точку зрения на антисемитизм как на проявление этнической или религиозной нетерпимости и на первый план выдвигает социально-политический фактор формирования антиеврейских настроений.

Разговорами «за жизнь», пусть даже весьма грозными, содержащими намеки на погромы, на сходах и посиделках дело не ограничивалось⁴⁰. Помимо уже упоминавшихся писем в государственные органы, к «активным» выражениям антисемитизма можно отнести разнообразные листовки. Большинство из них лишь рисуют сложившуюся ситуацию, другие же призывают к определенным действиям. К числу последних можно отнести плакаты и листовки, в течение некоторого времени появлявшиеся в Мелитопольском и Херсонском округах. Так, в с. Большая Александровка (1925 г.) милицией были обнаружены приклеенные к столбам и разбросанные на улицах плакаты, на которых был изображен конный красноармеец с красным флагом, впереди которого «бежал еврей с чемоданом». Под рисунком стояла подпись: «Символ – евреи очень опасны для нашей Украины, пора изгнать их». Еще ниже следовал призыв: «Бей жидов – спасай Россию»⁴¹.

Данная листовка интересна скорее не своим содержанием и даже не художественным исполнением, а тем, что в ней упоминаются одновременно и Украина, и Россия. При этом они не противопоставляются, а дополняют друг друга. Это свидетельствует о том, что для той части жителей южных регионов Украины, для которой национальный вопрос играл, как видно, не последнюю роль, и Россия, и «наша Украина» представлялись не антагонистами, а частями единого целого, переходящими одна в другую, только стоящими на разных ступенях национально-политической иерархии, где Россия занимала более высокий «этаж». Вообще подобная точка зрения была довольно характерна для крестьянства, особенно когда речь заходила о противопоставлении украинцев и русских представителям какого-либо другого народа – немцам, полякам, евреям и т.д. Хотя, как и всегда, бывали исключения. Возвращаясь к листовкам, следует сказать, что то ли благодаря инертности населения, то ли благодаря оперативности милиции и твердости политики советской власти, их запал, в основном, ушел «в песок». А вот «красный конник» некоторых результатов достиг: по свидетельству местного отдела ГПУ, фотограф и портной, еврей по национальности, вместе со своими семьями были вынуждены покинуть Большую Александровку. «Некоторые крестьяне, узнав о плакатах, злорадствовали, считая, что из-за евреев стоит такая дороговизна»⁴².

Помимо листовок, к реальным поступкам можно отнести отказы работать в одном цехе с коллегами-евреями, драки на национальной почве, имевшие место на производстве и в публичных местах. Так, на брайловских сахароварнях несколько рабочих толкнули своего коллегу-еврея в газовую печь, но, к счастью,

обошлось без жертв⁴³. Правда, сводка не позволяет судить, чем был вызван данный инцидент: национальностью рабочего или чем-то еще. Тем не менее этот случай приводится как иллюстрация антисемитских настроений рабочих. В Одессе на собрании грузчиков, на котором проходили выборы месткома, к неудовольствию коммунистической ячейки был провален список ее кандидатов, на 90% состоявший из евреев⁴⁴.

Впрочем, к подобным фактам надо подходить с осторожностью. Такие случаи, несомненно, имели место, но сказать с уверенностью, в каких из них имелась национальная подоплека, а в каких ее не было, сейчас не представляется возможным. Трудно это было сделать и тогда. Большинство столкновений возникало на бытовой почве, а участие евреев в уличных драках, кухонных склоках или скандалах на работе при желании можно было легко квалифицировать как факты проявления антисемитизма. Вероятно, так произошло и в Проскурковском округе, где из одной организации было уволено несколько евреев, причем они объясняли произошедшее антисемитизмом правления организации и комиссии, проводившей чистку⁴⁵.

Иногда раздуванием фактов занимались местные отделения ГПУ, желавшие показать свою бурную деятельность и убедить вышестоящее начальство, что они бдительно следят за вверенным населением и не зря едят хлеб. На чудесное превращение «бытовухи» в «политику» могло повлиять очередное спускаемое «сверху» напоминание о необходимости усилить борьбу с проявлениями национализма и антисемитизма. Похоже, только этим можно объяснить, почему увольнение на одном харьковском винзаводе сотрудника-еврея и прием на работу украинца, русского и поляка было расценено как проявление антисемитизма⁴⁶. Вероятнее всего, что и на упомянутом собрании одесских грузчиков список кандидатов был провален, если можно так выразиться, не столько из-за нелюбви к евреям, сколько из-за нелюбви к коммунистам.

Как уже упоминалось выше, распространенность антисемитских настроений оставалась примерно на одном и том же уровне на протяжении всех 1920-х годов. Они занимали хотя и не малое, но все же далеко не главное место в выступлениях трудящихся. Например, в августе–ноябре 1926 г. органами ГПУ УССР на селе было зарегистрировано 182 случая проявления антисемитизма, тогда как прочих контрреволюционных выступлений – 208, случаев «ревности» к рабочим – 175, а жалоб на «ножницы цен» – 325. И это притом, что на середину года пришелся пик антисемитских выступлений. Такая динамика сохранилась и в два последних

месяца года: антисемитизм – 16, недовольство «ножницами цен» – 45, требования создания крестьянских союзов – 53⁴⁷. Рабочих также больше волновали социальные вопросы. Скажем, в январе–марте 1927 г. было зафиксировано 38 случаев антисемитских настроений, тогда как случаев недовольства условиями труда – 129, ставками и нормами выработки – 198, сокращениями – 27⁴⁸. Подобное соотношение, при котором проявления антисемитизма занимали по количеству третье – четвертое место, но в целом составляли восьмую или десятую части от всех требований, было характерно для всего рассматриваемого периода.

Усиление антисемитских настроений происходило в связи с изменением внутри- и внешнеполитической ситуации – при увеличении налогообложения, росте цен, инфляции, обострении международного положения и угрозе войны. Причем многие события, даже не имевшие отношения к еврейскому вопросу, непременно с ним увязывались⁴⁹. Значительный рост антиеврейских настроений пришелся на середину 1926 и осень 1927 гг. и был связан с убийством (25 мая 1926 г.) в Париже С. Петлюры и судебным процессом над его убийцей – евреем Ш. Шварцбартом⁵⁰. Причем дело было не в особой любви к Петлюре как к таковому и даже не столько в национальности убийцы, сколько в той атмосфере, в которой проходил судебный процесс. Оправдательный приговор* вызвал «страшное возмущение» у определенной части людей, «особенно среди молодежи», воспринявшей его «как национальное оскорбление»⁵¹.

Чем же можно объяснить высокий накал антиеврейских настроений, пришедшийся на 1920-е годы? Конечно, факты антисемитизма на Украине имели место, но они (особенно те, о которых говорилось в прессе) не могли не насторожить своей односторонностью. Трудно объяснить поразительное сходство взглядов на проблему у людей разных национальных, политических пристрастий, с различным образовательным и культурным уровнем, принадлежащих ко всем слоям и классам, одним лишь невежеством или врожденной зоологической юдофобией. Материалы ГПУ и ЦК КП(б)У позволяют шире взглянуть на этот вопрос.

Даже Главное бюро евсекции ЦК КП(б)У признавало «наличие в еврейской среде особых условий, питающих правый уклон» и выражающихся в господстве мелкобуржуазной идеологии, недооценке роста «кулацко-эксплуататорского» элемента, недовольстве политикой индустриализации и наступления на частный сектор⁵². «Господство мелкобуржуазной идеологии» являлось пи-

* Шварцбарт был оштрафован на один франк (за порчу тротуара).

тательной почвой для национализма всех населявших Украину народов – украинцев, русских, поляков, немцев. С неожиданной стороны освещает украинско-еврейские отношения председатель одного из райисполкомов Мариупольского округа, выступивший на собрании представителей еврейского населения с просьбой, чтобы евреи «не обижали крестьян в торговые дни», потому что тогда «и последние будут хорошо относиться к евреям»⁵³.

Порой национальные отношения обострялись на пустом месте из-за непродуманных действий власть предержащих. Ясно, что возникавшие планы введения в школьный курс «еврейских истории и религии в связи с критикой русского “закона божьего”» привели бы, вопреки ожиданиям, не к искоренению антисемитизма, а к его росту. А призывы к коммунистам и коммунисткам, комсомольцам и комсомолкам «кровно, путем браков, переплетаться, слиться» с еврейками и евреями⁵⁴ усилили бы брожение не только в массах, но и в партии и комсомоле. В том же Мариупольском округе комсомольская ячейка была разделена на украинскую и еврейскую части, что привело к «определенным шовинистическим тенденциям в среде комсомольцев»⁵⁵. Разыгрывались национальные чувства и из-за невнимательного, а порой пренебрежительного отношения представителей разных национальностей друг к другу. О комсомольце Цымбалюке и его товарищах уже говорилось выше. А вот еще один пример невнимательности. На состоявшейся в Кременчуге общегородской конференции беспартийной молодежи, где большинство участников были евреями, один оратор начал выступать на идиш. В ответ на это украинцы и русские, комсомольцы и беспартийные покинули зал⁵⁶. Если же обратиться к национальному составу партии, ЛКСМУ, государственных учреждений, учебных заведений, то становится более понятным, почему во всех ошибках советской власти многие винили «засилье евреев».

По данным Центрального статистического управления, составленным на основании переписи 1920 г. и городской переписи 1923 г. в УССР проживало 28 711 961 человек, в том числе 1 554 376 евреев, что составляло примерно 5,4% от всего населения республики. Из них в селах компактно проживало и занималось сельским хозяйством приблизительно 100 тыс. человек, т.е. 6,3% от всего еврейского населения УССР⁵⁷. Остальные жили в городах и местечках. О представленности евреев в высших и прочих учебных заведениях уже упоминалось. В партии процентное соотношение было хотя и не столь велико, но тоже более чем в два раза превышало их долю в составе населения республики. Согласно справке организационно-распределительного отдела ЦК КП(б)У,

на 1 января 1924 г. в КП(б)У насчитывалось 14% евреев, на 1 января 1925 г. – 11,9, на 1 января 1926 г. – 11,2%⁵⁸. Если же не брать массу рядовых партийцев, а посмотреть на состав ответственных работников аппарата ЦК (не ниже руководителей губернского и окружного масштаба), то картина начинает выглядеть несколько по-иному. На 1 января 1925 г. работников русской национальности насчитывалось девять человек, украинской – четыре, прочих – пять, еврейской – восемь, т.е. около 31%. Ровно через год украинцев было уже 22 человека, русских – 19, прочих – 2, евреев – 21 (13%). В указанный период среди инструкторов окружных партийных комитетов евреи составляли 32,2%. Для сравнения: украинцев – 37,2%, русских – 24,8%. Даже на селе во главе парткомов стояло 222 еврея – 7,2% от всего числа секретарей, что превышало численность лиц еврейской национальности в УССР, не говоря уже о сельском еврейском населении⁵⁹.

Аналогичная ситуация наблюдалась и в комсомоле. На конец 1925 г. в ЛКСМУ насчитывалось 14,1% евреев. В составе пленумов окружных комитетов (ОК) их было уже 18,1%, а в рядах рабочих пятерок ОК – уже почти 34,5%, среди инструкторов ОК – 33,3%. Среди актива комсомольских работников Полтавской и Донецкой губерний в 1923 г. насчитывалось: евреев – 65,8%, украинцев – 21,1, русских – 10,5, поляков – 2,6%⁶⁰. Еще выше был процентный состав актива детского коммунистического движения: среди председателей ОДБ – 46,3% (больше, чем русских и украинцев), среди инструкторов ОДБ – 60%⁶¹. Не были исключением и профсоюзные организации: среди их руководящего состава (1924 г.) евреи составляли 38,8%, столько же насчитывалось работников русской национальности и 17,4% – украинцев⁶².

Интересно взглянуть и на национальный состав ответственных работников народных комиссариатов и органов власти УССР за 1926 г. (табл. 1).

Из табл. 1 следует, что в 7 из 13 наркоматов и учреждений число ответственных работников–евреев по национальности составляет более трети, причем в двух (здравоохранения и труда) – более половины. Ниже всего процент евреев был в командовании Украинского военного округа и в Рабоче-Крестьянской инспекции⁶³. Особенно показательны данные по ГПУ: если на 1926 г. евреев в руководящем составе насчитывалось 34,3%, то за все 1920-е – первую половину 1930-х годов среди руководящих работников ГПУ–НКВД их было 60,5%⁶⁴.

Стоит посмотреть и на состав ответственных работников ряда центральных учреждений УССР за тот же год (см. табл. 2).

Таблица 1. Национальный состав ответственных работников народных комиссариатов (НК) УССР на 1 марта 1926 г.*

Наркоматы	Украинцы	Русские	Евреи	Прочие	Итого
НК Здрав.	5	10	18 (51,4)	2	35
НК Труд.	14	7	30 (55,5)	3	54
НК РКИ	12	15	5 (13,8)	4	36
НК Соц. обес.	6	—	5 (45,5)	—	11
Верховный Суд	10	12	7 (20,5)	5	34
НК Внуторг.	6	7	8 (36,3)	1	22
НК Юстиции	24	17	31 (40,7)	4	76
Уполн. НКИД	5	—	2 (25)	1	8
НК Фин.	9	12	17 (43,5)	1	39
ВУЦИК	22	14	10 (18,5)	8	54
ЦСУ	24	35	21 (25,9)	1	81
УВО	9	114	10 (7,4)	2	135
НКВД	12	8	12 (34,3)	3	35
Всего	158	251	176	35	620
В том числе, %	25,5	40,5	28,4	5,6	100

* Опубл. по: ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2252. Л. 3. В скобках указаны проценты. Названия учреждений и органов власти приведены в соответствии с документом. Прочерк означает отсутствие представителей данной национальности в соответствующем ведомстве.

Табл. 2 свидетельствует, что из 609 ответственных работников на долю евреев приходится 37,3% (227 человек). В девяти организациях их доля превышает 50%, еще в девяти — треть от числа руководящих сотрудников⁶⁵.

Приведенные выше статистические данные характеризуют национальный состав руководящих органов УССР и общественных организаций. Аналогичная картина наблюдается на уровне низового аппарата, мелких советских и хозяйственных учреждений и организаций, различных кооперативов и финансовых отделов. Естественно, что такой удельный вес евреев в государственных, советских, хозяйственных организациях, сфере образования, партии и комсомоле не мог оставаться незамеченным и провоцировал возникновение антиеврейских и антисоветских настроений, влияя на рост национализма. Понимало сложность ситуации и большевистское руководство. Поэтому в какой-то мере борьба с проявлениями антисемитизма выходила за рамки борьбы с национальной рознью, превращаясь в борьбу с антигосударственными выступлениями.

Существовала еще одна причина распространения антисемитизма среди населения УССР. Речь идет о еврейской сельскохо-

Таблица 2. Национальный состав ответственных работников центральных учреждений УССР на 1 марта 1926 г.*

Учреждение (организация)	Украинцы	Русские	Евреи	Прочие	Итого
Южный маштрест	4	24	6(17,1)	1	35
РАТАУ	5	1	7(53,9)	—	13
Книгоспилка	12	1	3(18,8)	—	16
Государственный кондитерский трест	9	8	3(14,3)	1	21
Укргохлебинспекция	7	6	—	1	14
Правление Общества "Ларёк"	1	1	11(73,3)	2	15
Управление Южокрвсвязи	—	1	—	1	2
Харьковская центральная телеграфная контора	5	6	—	—	11
Укртекстильтрест	3	8	12(46,8)	3	26
Всеукракоопсоюз (Вукоспилка)	15	10	17(38,6)	2	44
Укрхлеб	2	6	18(69,2)	—	26
Всеукр. контора Промбанка	8	10	34(64,1)	1	53
Всеукр. контора Внешбанка	2	4	10(52,6)	3	19
Правление Всеукраинского АО "АКОТ"	—	7	14(66,7)	—	21
Укржилсоюз	3	3	15(68,2)	1	22
Укртрестсельмаш	4	11	15(39,5)	8	38
Южнорудный трест	3	15	9(33,3)	—	27
Укрмясохладобойня	6	11	10(35,7)	1	28
Паевое общ. Укрлестопливо	3	1	1(20)	—	5
Госиздат Украины	16	6	11(32,3)	1	34
Центральное архивное управление	4	8	1(7,7%)	—	13
Всеукраинская контора акционерного общества "Хлебопродукт"	—	—	2(100)	—	2
Акционерная харьковская контора	—	1	—	—	1
Укрбумтрест (харьковский филиал)	1	—	3(50)	2	6
Всеукраинская контора техснаба "Азнефть"	2	2	1 (20)	—	5
Общество "Коксобензол"	7	14	5 (17,2)	3	29
Текстильсиндикат	—	5	3 (37,5)	—	8
УкрИнбанк	4	3	5 (38,5)	1	13
Укрутильсбор	2	—	3 (42,9)	2	7
1-й Гос. канатный завод им. Г. Петровского	—	25	3 (10,3)	1	29
Укрсиликаттрест	13	6	5 (19,2)	2	26
Всего	141	204	227	37	609
В том числе, %	23,2	33,5	37,3	6,0	100

* Опубл. по: ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2252. Л. 5. В скобках указаны проценты. Названия учреждений и органов власти приведены в соответствии с документом. Прочерк означает отсутствие представителей данной национальности в соответствующем ведомстве.

зайственной колонизации и создании еврейских сельскохозяйственных поселений на юге Украины⁶⁶. Ее проведение было продиктовано несколькими причинами. Во-первых, власти старались решить проблему «оздоровления экономического и культурного положения еврейской трудящейся массы» путем привлечения «еврейского трудящегося населения к производительному труду» – сельскохозяйственному и, особенно, к промышленному⁶⁷ – и, тем самым, ликвидировать бедность и нищету значительной части населения местечек. Во-вторых, приостановить эмиграцию евреев, лишить еврейские националистические и сионистские организации благодатной почвы для их деятельности. В-третьих, приобщение еврейских масс к производительному труду служило ответом на рост антисемитизма. Первые попытки посадить евреев на землю и, тем самым, сделать из них «благонадежных» подданных империи и устранить ряд моментов, вызывающих их трения с крестьянством, относятся еще ко времени царствования императора Александра I. Но экономические трудности и отсутствие у переселенцев навыков к земледелию привели к упадку многих колоний. Правда, некоторым из них удалось окрепнуть и перенести нелегкую послереволюционную пору⁶⁸.

Поскольку значительная часть еврейского населения – рантье, арендаторы, лавочники, мелкие и средние предприниматели и члены их семей, согласно коммунистической доктрине, относились к категории эксплуататоров, политика наступления на частный сектор приводила к тому, что эти группы неизбежно должны были стать жертвой экономической политики Страны Советов. Как указывалось в докладной записке заместителя председателя ГПУ УССР К.М. Карлсона генеральному секретарю ЦК КП(б)У Л.М. Кагановичу от 15 августа 1925 г., «борьба в местечках и в небольших городках с мелкой буржуазией за обладание рынком, за непосредственную связь с крестьянством в целях удовлетворения его продуктами нашей крупной и мелкой промышленности – есть в общем и целом борьба с еврейскими массами, олицетворяющими целиком почти эту мелкую буржуазию»⁶⁹. Иными словами, борьба за крестьянство, за установление прочной, без посредников, смычки города и деревни наталкивалась на национальный вопрос, на этот раз еврейский. Борьба с еврейской мелкой буржуазией стала еще одной причиной, по которой советская власть решила занять евреев, особенно молодежь, производительным трудом – крестьянским и промышленным, и с помощью этого ликвидировать и его бедность, и национальные предрассудки⁷⁰.

Однако это важное государственное начинание вызвало неоднозначную реакцию со стороны местного населения. Ее лейтмотивом

тивом стало представление, что якобы евреи «занимают украинскую землю». Сводки ГПУ тех лет пестрят подобными высказываниями. Недовольство состояло в том, что евреям давали земли на Кавказе, в Крыму, на Херсонщине и Екатеринославщине, а переселенцев – украинцев направляли в отдаленные регионы страны – в Сибирь, на Дальний Восток. Подобные настроения быстро охватили не только те округа, в которых отводили земли под колонизацию, но и те, откуда шли потоки переселенцев⁷¹. Проникали они и в города.

Помимо самого факта передачи земли, зависть крестьян вызывал уровень материального обеспечения переселенцев всем необходимым и оказываемая им поддержка: более крупные земельные наделы и размеры предоставляемых кредитов⁷². Справедливости ради надо отметить, что более выгодное положение, в котором находились переселенцы-евреи по сравнению с переселенцами других национальностей или местным населением, проистекало в основном не за счет государственных средств, а за счет финансирувавших переселение заграничных организаций, занимавшихся поддержкой еврейской диаспоры в мире (Общества ремесленного и земледельческого труда, Джойнта, Еврейского колониционного общества и др.)⁷³. Иногда поселенцы сами «подливали масла в огонь», хвастаясь, что «государство им больше помогает, чем украинцам»⁷⁴.

Все это порождало «антагонизм между крестьянами и еврейскими коллективами», часто принимавший обостренный характер, а иногда даже «характер активных враждебных выступлений против евреев». На почве борьбы за землю между переселенцами и местным населением происходили открытые столкновения: драки, поджоги, отравы посевов. Надо отметить, что под влиянием колонизации усиление антиеврейских настроений стало отмечаться не только у славянского населения, но и у представителей других народов, например у немцев⁷⁵. Власти республики были встревожены обстановкой, сложившейся вокруг еврейских поселений. Изучение ситуации было взято под контроль председателем ГПУ УССР В.А. Балицким⁷⁶. После всестороннего анализа жизни колонистов и жалоб их соседей стало ясно, что в основе антисемитизма лежали «экономические взаимоотношения украинско-русского населения и переселенцев», т.е. все тот же социально-экономический фактор. В основном это была борьба за землю: за аренду земель из государственного фонда, за величину надела. Рост антиеврейских настроений происходил также из-за отсутствия у переселенцев навыков сельскохозяйственного труда⁷⁷. Собственно, такие инциденты часто случались и между «своими».

Но в данном случае конфликт по мере углубления приобретал национальную окраску.

Кроме этого, а также зависти к обеспеченности евреев всем необходимым, страсти разжигал и недостаточный контроль за социальным составом переселяющихся и за жизнью колонистов⁷⁸. В ходе расследований стали известны случаи, когда переселенцы-евреи сдавали полученную землю в аренду местным крестьянам, а сами жили за счет получаемой ренты. Нередко колонисты возвращались к прежним занятиям – торговле, ростовщичеству, а то и вовсе уезжали в большие города⁷⁹. Некоторые становились колонистами ради получения нужной справки о трудовом характере деятельности ее владельца. Эти негативные явления накладывались на борьбу за землю и вызывали резкое недовольство крестьянства, начавшего поговаривать о «новых помещиках»⁸⁰.

Итак, в 1920-е годы на Украине были распространены антиеврейские настроения, в той или иной степени присущие всем социальным слоям и национальным группам. Этнический и религиозный моменты при этом, конечно, имели значение. Именно они бросались в глаза, порой заслоня настоящие причины явления. Однако это было только внешней, видимой оболочкой, под которой просматривались истинные социально-экономические причины. Их главной составляющей была резко изменившаяся за годы революции и Гражданской войны роль, которую стало играть еврейское население в общественно-политической жизни страны. Тяжелые условия жизни, налоговый пресс плюс особенности социально-экономической политики нередко вызывали у людей ассоциации между неустроенной жизнью и изменениями в национальном составе советского политического и хозяйственного руководства, интеллигенции. Это могло повлечь за собой отчуждение между властью и народом, способствовать росту националистических настроений, а в случае вполне вероятной войны негативным образом отразиться на боевом духе армии и тыла.

Но при всем том было бы некорректно и преувеличивать распространение антисемитизма в советском обществе и ту опасность, которая, согласно советской пропаганде, исходила от него советскому строю. В подавляющем большинстве случаев он носил глухой характер, приобретая резкие формы лишь в борьбе за землю. По мере улучшения экономического положения в стране, укрепления власти, по мере того как идея строительства новой жизни завоевывала сердца людей, а во властные структуры, интеллигенцию увеличивался приток украинцев, русских, представителей других национальностей, по мере ассимиляции евреев и стирания имущественных, социальных, национальных, религиоз-

ных различий между народами, сужалась и почва, питающая анти-семитизм.

Теперь следует перейти к другим аспектам преломления национального вопроса в народном сознании.

Рабочий класс и национальный вопрос

Для начала обратимся к рабочему классу и посмотрим, имела ли в нем питательная среда для деятельности национального движения и получили ли там распространение украинские настроения. Согласно коммунистической идеологии, рабочий класс считался классом-гегемоном, опорой мирового коммунистического движения и советской власти. Провозглашаемый привилегированный статус рабочих нашел отражение в их преимуществах при выборах в органы власти⁸¹. От позиции не столь уж многочисленного пролетариата во многом зависела прочность советской власти. Поэтому случаи проявления недовольства, антисоветских настроений среди рабочих были для большевиков тревожным симптомом, к которому они относились со всей серьезностью. Тем более, если речь шла о национализме.

По данным Первой российской переписи 1897 г. в границах малороссийских губерний насчитывалось 425 413 рабочих (не считая сельскохозяйственных), что составляло 16% от всех рабочих Европейской России и 7% от всех трудящихся на территории будущей УССР⁸². Цифры эти, конечно, приблизительные, так как значительная масса рабочих в тот период имела тесные связи с селом. Многие крестьяне занимались отхожими промыслами, а часть рабочих по своим бытовым условиям тоже порой слабо отличалась от крестьян. К тому же, итоговая цифра зависит еще и от методики подсчета, от того, какие профессиональные группы рассматриваются в категории *рабочие*. Поэтому в определении точной численности промышленного пролетариата на последний предвоенный 1913 год имеются расхождения: от 549,4 тыс.⁸³ до 642,3 тыс. человек, примерно 45% рабочих было занято в горной и металлургической промышленности⁸⁴.

Революция, Первая мировая и Гражданская войны, потери на фронтах, от голода и эпидемий произвели численные изменения в рабочем классе Украины. На начало 1921 г. в УССР было 316,5 тыс. промышленных рабочих (по другим данным 260 тыс.)⁸⁵. В контексте исследуемого вопроса определение абсолютно точной цифры не является принципиальной задачей, тем более что

доля рабочих в населении УССР при этом кардинально не меняется. Одновременно с такими сокращениями налицо было и изменение социального состава пролетариата, а именно его окрестьянивание. Широкое распространение получил процесс возвращения рабочих в деревню. В то же время имела место и обратная тенденция: в город на заработки шли крестьяне, «размывая» дореволюционный кадровый состав пролетариата, привнося в рабочий класс крестьянские настроения и психологию.

Изменять психологию вчерашних крестьян, выковывать из них настоящие рабочие кадры пролетариату Украины приходилось на протяжении всех 1920-х годов, так как их приток на заводы и стройки с каждым годом все увеличивался. Так, в 1924 г. промышленных рабочих было 360 тыс. человек, а всего, включая работников транспорта, связи – 1,2 млн, а в 1927 г. – уже соответственно 675 тыс. и 2,7 млн⁸⁶. Вполне естественно, что на протяжении всего десятилетия крестьянский взгляд на происходящие события нередко встречал у рабочих сочувствие. Об этом свидетельствуют сводки ГПУ. Например, недавно осевшие в городе рабочие завода им. Марти (Николаев) поддержали приехавших к ним крестьян, когда те высказались о желательности установления смычки между городом и селом непосредственно, минуя партию⁸⁷.

Была еще одна важная причина качественных изменений в рабочем классе. Быть рабочим оказалось выгодно и безопасно. Как уже говорилось, до Конституции 1936 г., уравнившей все население СССР в правах, рабочий класс находился в некотором привилегированном положении; рабочие также получали бóльшие пайки. К тому же, после окончания Гражданской войны стать рабочим, и, тем самым, исчезнуть из поля зрения ГПУ, стремились многие из «бывших людей», белогвардейцев и т.п. Поработав месяц-другой на производстве, такой человек мог свободно писать в графе «социальное положение», что он «рабочий». Немало было и тех, кто быстро сориентировался и под видом рабочего стремился сделать карьеру, вступить в партию и занять ответственный пост. «На фабрики идет случайный элемент», – так кратко и точно прокомментировал сложившуюся ситуацию В.И. Ленин⁸⁸. Иногда доходило до курьезов. Например, в 1925 г. при проверке некоей партийной ячейки в Полтавской губернии, один из ее членов назвался токарем. Но когда его спросили, что такое суппорт, он ответил, что «это что-то вроде интервенции»⁸⁹. Каким он был «токарем» стало ясно сразу, даже несмотря на то что ответ он дал политически «выдержанный». Таким образом, к началу 1920-х годов в социальном составе рабочего класса про-

изошли довольно значительные изменения, которые не могли не отразиться на его самочувствии и настроениях.

Особо следует сказать о национальном (вернее, об этническом) составе рабочего класса. Известно, что крупные города Украины были средоточием русской культуры. Заметную роль в создании русского облика городов, прежде всего по языку, помимо государственных служащих и мещанства, играл рабочий класс. Выходцы из малороссийских сел, за счет которых в немалой степени происходило его пополнение, попадая в интернациональную городскую среду, приобщались к «высокой» культуре, языком которой был русский. Переход с «крестьянского» языка на «городской», конечно, не проходил бесследно. Благодаря привносимым местным словам и оборотам, в южных областях России и на востоке и юго-востоке Украины сложился интересный и своеобразный говор.

В создании русского облика городов первоначально, особенно на этапе зарождения пролетариата на Украине, заметную роль играл великорусский компонент. При этом сосредоточивался он в основном в металлургической, металлообрабатывающей отраслях и в горнозаводском деле. Например, в 1890-е годы в каменноугольной и металлообрабатывающей промышленности выходцы из великорусских губерний составляли не менее 70%. Но уже с конца XIX в. в промышленность, в том числе и в наиболее передовые отрасли, заметно возрос приток местных кадров⁹⁰.

После окончания Гражданской войны этот процесс усилился и рабочий класс Украины стал пополняться в основном за счет местных людских ресурсов. На протяжении 1920-х годов число украинцев в рабочем классе возрастало. Большую роль в этом сыграли процессы социальной модернизации и урбанизации общества, повлекшие за собой массовый приток рабочей силы из сел в города. Это наблюдалось и в дореволюционный период, но из-за недостаточного уровня развития промышленности он был довольно слабым. Город просто не мог принять и обеспечить рабочими местами тех, кто потенциально мог бы туда уйти. В то же время перенаселенность малороссийского села давала о себе знать и вынуждала тысячи людей покидать насиженные места в поисках лучшей доли. Миграция украинского населения в дореволюционный период носила преимущественно переселенческо-сельскохозяйственный характер⁹¹.

Реконструкция народного хозяйства и пришедшая ей на смену индустриализация настоятельно требовали рабочих рук. Город стал крупнейшим потребителем трудовых ресурсов, и миграция крестьян в 1920-е годы была направлена именно туда. Приток же

трудовых резервов из соседних районов РСФСР существенно ограничился: в России тоже шло промышленное строительство и требовалась рабочая сила. Так, в 1924 г. на крупных заводах украинцев в среднем было уже около 45% от числа всех рабочих, и доля их неуклонно росла. Надо отметить и тот факт, что многие великороссы проживали в местностях, позже составивших территорию УССР (особенно на Донбассе и Новороссии), во втором и третьем поколении являясь их коренными жителями. Это подтверждают и документы. В том же 1924 г. три четверти членов профсоюзов были уроженцами Украины⁹².

Более-менее точная статистика, отражающая национальный состав рабочего класса Украины, присутствует во Всесоюзной переписи населения 1926 г. Надо заметить, что в этой переписи указывалась народность, т.е. этническое происхождение человека, а не спрашивалось, кем сам себя считает человек, как это стало практиковаться в последующих переписях. Этим обстоятельством, кстати, во многом объясняется динамика численности украинцев в советских предвоенных переписях. Абсолютизация этничности была неразрывной составляющей ленинской национальной политики, и зачастую она давала неверную картину действительности, поскольку этническое происхождение далеко не всегда совпадает с национальным самоопределением и национальным выбором индивида. Украинская национальная идентичность, как и украинское национальное самосознание, в 1920-е годы еще только утверждались в народных массах. Поэтому число людей, чья национальность была зафиксирована как «украинец», превышало реальное число тех, кто считал себя таковым. Перепись 1926 г. как раз явилась средством, закрепляющим за данным этническим коллективом именно украинскую идентичность. При проведении переписи, конечно, ни о какой иной фиксации своей народности (скажем, как «хохол», не говоря уже о «малороссах») не могло быть и речи, поэтому все «подходящие» были записаны как «украинцы». Кроме того, часто национальность давали по месту рождения, что способствовало увеличению удельного веса украинцев в населении УССР и в рабочем классе, в частности⁹³. Увеличилась их доля и среди членов КП(б)У, причем не только из-за приема в партию украиноязычных граждан. Многие из тех, кто ранее писался русским потому, что говорил на русском языке, стали обозначать свою национальность как «украинец», исходя из места своего рождения или же из-за конъюнктурных соображений⁹⁴.

Итак, согласно этой переписи, в целом по рабочему классу украинцев насчитывалось 55%, русских – 29, евреев – 9 и прочих – 7%. Среди ядра рабочего класса, промышленного пролетариата,

доля украинцев была меньше – 43%. К 1929 г. она выросла до 48%⁹⁵. Наиболее точно судить о национальном составе рабочего класса позволяет профсоюзная статистика (в основу которой, опять же, был положен этнический принцип), поскольку основная масса пролетариата была охвачена своими профессиональными организациями. Согласно ей, на 1924 г. во всех профсоюзах работников-украинцев значилось 45%. В тех союзах, которые имели более тесную связь с сельским хозяйством, их доля была выше. Например, в профсоюзе работников земли и леса (Рабземлес) украинцев было уже 50%, а среди сахарников – около 70%⁹⁶.

Вообще, для рабочего класса Украины была характерна следующая особенность. Чем выше была квалификация той или иной группы рабочего класса, чем слабее в ней ощущалась связь с селом (на профессиональном и личном уровне), тем слабее в ней замечались признаки украинского культурного влияния, тем крепче она была связана с русской культурой. И дело здесь не только в том, что среди высококвалифицированных групп процент этнических великороссов был выше. Указанная особенность относится как раз к этническим украинцам. К тому же немало тех, кто считал себя русским, по своему происхождению мог быть отнесен к украинцам (что позже и произошло, когда стали вводить паспортную систему с обязательным указанием национальности по одному из родителей). Наиболее высоким процент русских и обрусевших рабочих (точнее сказать, вошедших в русскую национально-культурную общность и овладевших единственными на то время «высокими» культурой и языком) был в тяжелой промышленности (особенно в металлургической отрасли) и в горном деле. Украинцев (по происхождению и языку) больше всего было среди временных, строительных и сельскохозяйственных рабочих⁹⁷.

Рабочий класс на Украине имел по преимуществу русский облик, был вовлечен во всероссийские политические процессы и неразрывно связан с российским пролетариатом. Именно этим объясняется отсутствие интереса к украинскому вопросу у подавляющей массы рабочих. Конечно, сказанное не означает, что до революции какие-то группы рабочих, особенно в небольших городах, не могли быть в той или иной степени вовлечены в украинское движение или симпатизировать его целям. Они вполне могли участвовать в работе украинских культурно-просветительских обществ, например «просвит». Могли они выписывать украинскую прессу или отмечать шевченковский юбилей (как, скажем, рабочие Нижнеднепровских железнодорожных мастерских)⁹⁸. Но в целом, такие случаи были редкостью и не могли сколько-нибудь существенно изменить положение вещей.

Это было настолько очевидным, что большинство активистов украинского национального движения не считало возможным опираться на революционное рабочее движение. Все попытки подчинить их своему влиянию и научить рабочего быть «национально-сознательным украинцем» не принесли желаемых для националистов результатов. Рабочие не видели смысла в политическом и культурном сепаратизме и не отделяли своих интересов от интересов трудящихся всей России. Случаи поддержки со стороны рабочих, в том числе этнических украинцев, украинского движения, даже его левых направлений, были единичными и имели место по большей части среди низкоквалифицированного и сельскохозяйственного пролетариата, т.е. того, который теснее был связан с селом и сильнее всего испытывал на себе его настроения или влияние сельской интеллигенции. Можно с уверенностью утверждать, что во время революции и Гражданской войны рабочий класс Украины за украинским движением не пошел. Неприятие рабочего класса украинскими националистами было столь велико, что некоторые из них даже в 1920-е годы вынашивали планы мести ему за «измену украинскому делу». Сотрудники ГПУ отмечали желание этих групп осуществить в будущей, «освобожденной» от советской власти Украине, «сжатие промышленности», провести репрессии против рабочего класса, а также выселить за ее пределы русских рабочих⁹⁹.

Кто конкретно мог попасть в категорию *русские*, как правило, не уточнялось. Дело в том, что специфика этнического состава рабочего класса Украины и, главное, его ориентированность на русский язык и русскую культуру, обусловили и особенности национального самосознания, ставшего весьма важным фактором в определении мироощущения украинского рабочего. Большую роль в деле его формирования у рабочих – этнических малороссов (украинцев) играл полиэтнический (а точнее, двуэтнический^{2*}) состав рабочего класса УССР. Совместный труд и общие интересы сплачивали представителей различных этносов, «переплавляли» их в одном пролетарском «котле». Много зависело и от интернационалистской политики партии, которая на первый план выдвигала социальный и классовый принципы обществен-

^{2*} Основная масса польского и еврейского пролетариата была сосредоточена преимущественно на небольших предприятиях местечек и городков Правобережной Украины, не определявших индустриальное лицо республики. Подавляющее большинство рабочих крупных промышленных центров УССР было либо великороссами, либо малороссами (украинцами). Именно теснейшее взаимопроникновение и слияние этих этнических элементов послужило основой рабочего класса Украины.

ного бытия (а, значит, и сознания). Да и работая в одном коллективе люди, как правило, не интересовались этническим происхождением своих товарищей и коллег.

Таким образом, рабочий класс на территориях, позднее составивших Украину, изначально формировался как *российский*, поскольку являлся результатом урбанизационных и модернизационных процессов конца XIX – начала XX в. именно всероссийского масштаба. Донбасс, Екатеринослав, Кривой Рог, Николаев, Киев были не украинскими, не местно-территориальными, а *всероссийскими* промышленными центрами и развивались как часть единого экономического и государственного организма России. Вчерашних крестьян, ставших рабочими, никто насильно не русифицировал. Это делала сама жизнь. Втягивание вчерашних крестьян в русское культурное пространство было естественным и вполне укладывалось в рамки аналогичных процессов, имевших место в Западной Европе того времени^{3*}. Формирование национального самосознания среди значительной части рабочих протекало в его русском или общерусском варианте. Этому способствовала этническая близость великороссов и малороссов, совместный труд и проживание в условиях большого города, нивелировавшего этнические различия. Скажем, на востоке республики, на Донбассе, рабочие-украинцы в быту и по языку почти не отличались от русских рабочих¹⁰⁰. Во время обследования практических мероприятий по осуществлению в УССР национальной политики, особенно среди профсоюзов, выяснилось, что в том же Донбассе (в Артёмовском и Луганском округах) «украинские рабочие в большинстве настолько русифицированы, что между ними и русскими рабочими нет почти никакой разницы ни по языку, ни по быту». По-украински дома разговаривало лишь 15% рабочих-украинцев, да и то говорили они «на народном украинском языке, не понимая литературного украинского»¹⁰¹. В то же время у великорусских и малорусских крестьян языковые различия продолжали сохраняться.

^{3*} Кстати, это понимали и наиболее вдумчивые и добросовестные представители украинского движения. Например, М.П. Драгоманов отзывался о русификации следующим образом: «...русификация не является системой, вытекающей из национального духа великороссов или из именно российской государственной почвы, а является, по крайней мере, в значительной своей части, следствием определенной фазы общеевропейской государственной политики». (Драгоманов М. Чудацькі думки про українську національну справу // Драгоманов М.П. Вибране. Мій задум зложити очерк історії цивілізації на Україні. Київ, 1991. С. 533). А эта политика, добавим от себя, находилась в непосредственной зависимости от социально-экономического развития общества.

Не всегда и не везде переход из этнической общности в национальную, в данном случае русскую, происходил одинаково. В тех же округах у металлистов, как наиболее квалифицированного отряда рабочего класса, этот процесс протекал быстрее, чем у горняков, которые в силу особенностей условий труда на шахте были связаны с крупным городом слабее¹⁰². Уровень «русифицированности» зависел не только от профессии, но и от географического положения региона. Чем дальше на запад и северо-запад от Донбасса и крупных центров нижнего Поднепровья, тем более украинским по своему облику становился пролетариат (за исключением Киева). Полностью «украиноязычным» (речь, конечно, не идет о поляках и евреях) он был на Правобережье, в мелких городках, местечках и селах.

Интересно отметить и следующее. Из-за особенностей урбанизационных процессов на Украине наблюдалось особое явление, когда некоторые группы рабочих именовали себя «хохлами», противопоставляя их «украинцам». Первоначально это название было дано великороссами запорожским казакам и малорусским крестьянам. Однако со временем оно претерпело метаморфозу и превратилось в самоназвание довольно больших групп населения. Хохлами называли себя (а нередко, и называют до сих пор) крестьяне в основном юго-восточных районов УССР, российско-украинского пограничья и некоторых районов РСФСР (Воронежской, Белгородской и ряда других областей). Прижилось оно и в городе. Например, у группы комсомольцев луганской шахты № 5–9 спросили, сколько в их ячейке украинцев. Оказалось, что всего пять. «А на каком языке дома разговариваете?» – был задан новый вопрос. «На хохлацком». – «А сколько же у вас хохлов?» – «У нас все хохлы», – ответили шахтеры-комсомольцы, и сильно удивились, узнав, что «хохлы» и «украинцы» это одно и то же. Такие случаи не были редкостью. Подобное понимание тонкостей соотношения этнического и национального продемонстрировал секретарь ячейки железнодорожного цеха завода «Октябрьская революция», заявивший, что у них в ячейке «ни одного украинца нету, все тебе хохлы»¹⁰³.

Можно предположить, что при определенном стечении обстоятельств «хохлы» могли занять ту опустевшую нишу в этнонациональной иерархии, которую до революции занимали (или должны были занять при утверждении общерусского проекта) «малороссы», но теперь уже став категорией национального самосознания этого населения. Украинцами «хохлы», очевидно, называли тех, кто сознательно, в силу ли воспитания, обостренных национальных чувств, крестьянского происхождения или по причине

беспрекословного подчинения авторитету партии, придерживался украинского варианта национальной идентичности.

Таким образом, особенности развития национального сознания в его русском варианте, вовлечение в русское культурное пространство и имевшееся у определенных кругов рабочих восприятие себя как «хохлов» во многом обусловили незначительный интерес рабочего класса к национальному вопросу и украинскому движению.

Обратимся к политическим настроениям рабочих и посмотрим, что их волновало, что вызывало их недовольство, какие требования они выдвигали. Анализ материалов, представленных преимущественно сводками и аналитическими материалами ГПУ о настроениях рабочих, позволяет прийти к заключению, что провозглашенный привилегированный статус рабочего класса-гегемона далеко не всегда отражал его реальное положение. Недовольство, забастовки были в СССР довольно частым явлением. Украинская республика не являлась исключением. Основной причиной недовольства рабочих была неудовлетворенность экономическим положением: задержками зарплаты, перебоями в производстве. Они порождали неверие в перспективы развития промышленности, которое выражалось в прогулах, увольнениях, нарушениях трудовой дисциплины и т.д.¹⁰⁴

Помимо этого недовольство возникало из-за дороговизны, условий труда, конфликтов с начальством¹⁰⁵. А начальство в 1920-е годы было представлено не только государственными чиновниками, но и частниками, что навевало нехорошие мысли о том, чем для человека труда обернулась революция. Как правило, недовольство расценками и условиями работы имело место среди малоквалифицированных групп рабочих¹⁰⁶. Среди их высококвалифицированных коллег или тех, кто владел профессией, на которую был стабильный спрос, чаще наблюдались переходы на новые места работы, что приводило к текучести кадров, и также сказывалось на организации производства¹⁰⁷.

На протяжении всего десятилетия основные требования рабочих оставались неизменными, то обостряясь, то затихая в зависимости от изменения экономического положения в стране. Скажем, повышение в 1926 г. единого сельскохозяйственного налога вызвало у крестьян недовольство. Уклонения от выплат привели к сокращению производства, перебоям в снабжении городов, росту цен, задержкам зарплаты. Такая картина наблюдалась по всему Союзу. Ответом рабочих на ухудшение материального положения стало усиление забастовочного движения. Только в июне 1926 г. по всей стране прокатилось 139 забастовок¹⁰⁸. На

преобладание в недовольстве рабочих экономических мотивов ясно указывают сводки ГПУ. Так, в сентябре 1927 г. было зарегистрировано 29 случаев недовольства сокращениями, 28 – состоянием кооперации, 26 – расценками, 17 – охраной труда. Отмечено 15 случаев антисоветских проявлений (причины не указаны) и лишь четыре случая антисемитских выступлений, которые можно квалифицировать как инциденты, имевшие национальную подоплеку¹⁰⁹.

Любое недовольство старается найти свою причину. Чаще всего в затруднениях винили администрацию предприятий или местные власти, так как в значительной массе нарушений условий труда и бытового обслуживания были виновны именно они. Но случалось, что «копали» и глубже. Например, на рабочей конференции в Запорожском округе (март 1926 г.) в некоторых хозяйственных затруднениях делегаты усмотрели просчеты партии¹¹⁰. Чаще обвиняли не генеральную линию, а ее искажения на местах. Но встречалось и более критическое отношение к партии и коммунистам. Бывало, поговаривали даже о необходимости свершения новой революции¹¹¹. У одних людей оно было продиктовано неприятием режима, правда, в рабочей среде это встречалось гораздо реже, нежели среди крестьянства и интеллигенции. А иногда неприятие рождалось из-за искренней веры в дело коммунизма и революции. В этом случае внимание критикующих сосредоточивалось не на экономике, а на состоянии партии, ее бюрократизации, методах обращения с народом. «Ваши партийцы смотрят на нас, как на ... скотину, которую нужно стегнуть кнутом, если она раскрывает рот, желая изъяснить свой немой протест», так, например, писал генсеку ЦК КП(б)У Л. Кагановичу некий В. Калашняк и напоминал «забывчивой» партийной верхушке, что хозяйником страны была не она, а рабочие¹¹². В таких случаях ясно ощущалась не только тревога за чистоту рядов партии, но и недовольство тем, что в пролетарском государстве эксплуатация рабочего класса не только не прекратилась, но и продолжилась, только теперь уже (помимо нэпманов) коммунистами. «Как был рабочий рабом и черной костью, так и остался»¹¹³, – так говорила некоторая часть рабочих.

Как уже сообщалось, в силу своей специфики, сводки ГПУ страдают некоторой односторонностью, освещая преимущественно негативные и оставляя вне поля зрения положительные явления и факты. И все же, даже в них подчеркивается, что в основной массе недовольство рабочих не имело политического характера и в целом настроения рабочих были вполне удовлетворительными¹¹⁴.

На почве экономического недовольства вполне могли развиться национальные противоречия. Указанные выше особенности формирования рабочего класса Украины и специфика условий его труда сводили эту возможность к минимуму, но таковые тоже имели место. Националистические настроения были представлены среди рабочих довольно слабо, в основном имели место случаи антисемитизма. Конфликты возникали и с представителями других национальностей. Например, на шахте № 29 Сталинского округа немцы были недовольны русскими рабочими, угрожая им увольнением. Русские же обвиняли немцев в пристрастии к спиртному, выражали недовольство их более высокими ставками и жаловались, что им самим не хватает «на харчи»¹¹⁵. Впрочем, множество конфликтов случалось в основном на бытовой и профессиональной почве и зачастую они имели лишь видимость межнациональных.

Говоря о случаях националистических проявлений нельзя исключать и наличие национальных противоречий, не связанных с сиюминутной политикой. Чаще всего они наблюдались в западных регионах республики, вдали от крупных промышленных центров. Поскольку польское и еврейское население было представлено там довольно широко, случаи национального антагонизма в этих районах приобретали антипольскую и антиеврейскую направленность. Так, в обзорах политического состояния приграничных округов прямо указывалось на «наличие национальной розни в рабочей среде», а именно на неприязнь рабочих-поляков к евреям и украинцам, и наоборот¹¹⁶. Данная ситуация имела глубокие религиозные, этнические и социальные корни. Советская действительность лишь заострила их и по-новому преподнесла. Например, основная масса рабочих-поляков в случае вероятной войны была настроена либо пораженчески, надеясь на восстановление «исторической Польши», либо явно ждала ее и злорадствовала. В то же время рабочие-украинцы в тех же местностях и на тех же предприятиях были настроены прямо противоположным образом и были готовы защищать Советский Союз¹¹⁷. Это обстоятельство, кстати, имело немаловажное значение, поскольку не только укрепляло в среде рабочих-украинцев Правобережья просоветские настроения, но и способствовало их цивилизационному выбору в пользу СССР–России.

Но взаимоотношения между коренным этносом и этническими меньшинствами – тема особая, да к тому же отношения эти были чреваты осложнениями даже при благоприятной атмосфере национального мира. Учитывая специфику рабочего класса Украины, особого внимания заслуживает состояние взаимоотно-

шений между главными этническими группами, его составляющими. Украинско-русский конфликт в рабочем классе – главной опоре советской власти – грозил непоправимыми последствиями как для нее самой, так и для государственности в целом. Межэтнические трения, спровоцированные воздействием извне (например, со стороны национальной интеллигенции), могли перерасти в противостояние по линии Украина–Россия. Однако, как можно установить на основании источниковой базы, сколько-нибудь серьезных противоречий между русскими и украинцами, в основе которых лежали бы национальные причины, в рабочем классе УССР не наблюдалось.

Конечно, трения порой возникали. Лакмусовой бумажкой, с помощью которой можно определить отношение рабочих к национальному вопросу на Украине, стала украинизация. Как уже отмечалось, основная масса рабочих в национально-политическом отношении ощущала себя рабочим классом не украинским, а российским. «Украинский пролетариат еще темный» в национальном отношении, – с сожалением оценивали состояние украинского национального самосознания рабочих члены Украинской коммунистической партии – «красные» националисты, которые в меру своих возможностей старались его воспитывать в национально-украинском духе¹¹⁸.

Действительно, большинство рабочих, особенно промышленных, встретило политику украинизации без особого энтузиазма¹¹⁹. Для многих из них, особенно тех, кто в недавнем прошлом сознательно встал на сторону красных, перевод на украинский литературный язык прессы, делопроизводства, замена вывесок на учреждениях и магазинах и т.п. ассоциировались с петлюровщиной. Например, рабочие Киева хорошо помнили усмирение восставшего «Арсенала», а также акции полковника Е. Коновальца, командира ударных сил петлюровских войск – галицийских сечевых стрельцов, по приданию городу «украинского» облика. Проводимая большевиками национальная политика встречала недоверие со стороны многих рабочих, тем более что осуществлялась она нередко теми, кто в годы Гражданской войны находился по другую сторону баррикад. На собраниях, встречах с руководством, в письмах, адресованных в газеты и органы власти, звучал мучавший многих вопрос: не является ли украинизация «петлюровщиной»?¹²⁰

Настороженное отношение к украинизации диктовалось не только политическими мотивами. Люди не понимали, почему они должны переходить на работе и дома на другой язык, который объявлялся их родным. Это относилось не к рабочим-великорос-

сам или, скажем, евреям¹²¹, хотя изучать украинский литературный язык и украинизироваться, пусть даже формально, приходилось и им самим, и их детям. Речь идет об этнических украинцах – о тех, кто называл себя русским или хохлом, и даже о тех, кто считал себя украинцем, но говорил по-русски или на «хохлацком» (простонародном, не литературном украинском) языке.

Вообще, в 1920-е годы вопрос о языке преподавания стал одним из ключевых в национальной политике. Заключался он в том, какой смысл вкладывался в понятие «родной язык». Наркомпрос УССР, а в его лице республиканское руководство, за основу брали этническое происхождение (а для евреев еще и вероисповедание) человека. Такое положение вещей многих не устраивало. В Москву и Харьков летели жалобы, в том числе от рабочих, и предложения определять родной язык по тому, на каком разговаривали в семье и на каком с детства привык общаться ребенок. Но в школах и ответственных учреждениях им в этом отказывали, мотивируя тем, что украинцы не знают свой родной язык из-за прежней политики русификации¹²². Иными словами, украинизация изображалась не политикой по формированию украинской идентичности, каковой она на самом деле являлась, а мерой по возвращению некоего «истинного» национального облика национально неполноценным (что следовало из этой нехитрой логики) соплеменникам. Когда подобное отношение встречалось со стороны «бывших петлюровцев», ныне ставших ответственными работниками народного образования, учителями и т.д., отношение к украинизации поневоле возникало негативное.

Но активного противодействия национальной политике почти не наблюдалось. Помимо жалоб и писем в газеты и органы власти, протест выражался в тихом саботаже украинизационных мероприятий. Скажем, отношение большинства рабочих Донбасса и Киева к украинизации профсоюзов было отрицательным и может быть передано словами «нас не переучишь»¹²³. Отношение к украинизации было неоднозначным и менялось в зависимости от объекта приложения политики. Украинизация советского аппарата рабочих почти не интересовала, но когда дело доходило до работы профсоюзов, т.е. касалось их непосредственно, отношение менялось. Например, на одном заводе рабочие сорвали объявление только потому, что оно было написано по-украински. Имели место случаи, когда составленные на украинском языке коллективные договоры забрасывались грязью¹²⁴. В быту украинский язык тоже приживался медленно. К 1929 г. из числа всех рабочих-украинцев по-украински в семье говорило 44%, а среди промышленных и того меньше – 32,3%.

Но если значительная часть русских и русскоязычных рабочих к украинизации прессы, профсоюзов и т.п. относилась негативно или равнодушно, то случаев националистических проявлений по отношению к украиноязычным коллегам практически не было. Если, конечно, не учитывать высказываний в адрес самого языка и его пригодности для профессиональной деятельности. Так, некий рабочий Донцов, кстати, этнический украинец, заявил, что украинский язык «нужен в деревне, а не на предприятии». Опрашиваемые рабселькорами шахтеры Артёмовского округа ответили, что у них на шахтах «по-украински говорят только в шутку, а если говорят о чем-то серьезном, то только по-русски»¹²⁵. Вот как это явление объяснял инженер Косоногов, преподававший строительные дисциплины. Он жаловался, что «чрезвычайно тяжело такой предмет, как мой, перевести на украинский язык». Впрочем, он также сомневался и в необходимости этого¹²⁶. Случалось, между рабочими возникали споры, на каком языке следует проводить собрания или выступать докладчикам. Одни требовали говорить по-украински, другие – по-русски. В последнем случае на выбор русского языка влияло то, что далеко не все понимали и свободно владели литературным украинским или, как его еще называли, галицийским языком¹²⁷. Кстати, и в требованиях говорить по-украински подразумевался не полонизированный литературный, а простой разговорный язык. И в целом, русский язык продолжал сохранять свои ведущие позиции среди рабочего класса УССР¹²⁸.

В то же время случаи, которые можно было квалифицировать как некие проявления национализма, с украинской стороны, хотя и редко, но имелись. Часто они невольно раздувались самими большевиками. Тихий саботаж украинизационных мероприятий советским и профсоюзным аппаратом вынуждал руководство КП(б)У постоянно их подстегивать, напоминая о необходимости украинизации делопроизводства и внутренней деятельности. Под влиянием спускаемых сверху требований «усилить» и «поднажать», у отдельных рабочих-украинцев появились «настроения своеобразной национальной гордости», которые проявлялись в стремлении «все спешно украинизовать»¹²⁹. Надо сказать, что подобное старание наблюдалось не только у рабочих, но и у некоторых партийцев. Тем не менее здесь нельзя сбрасывать со счетов и формальный момент – бюрократическое рвение и бездумное головотяпство, которое во всем своем «блеске» проявилось во время коллективизации.

Итак, могли ли деятели украинского национального движения рассчитывать на поддержку рабочего класса, и был ли этот

передовой класс благоприятной средой для украинского национализма? На основе имеющихся источников можно утверждать, что в своей подавляющей массе рабочие поддерживали советскую власть и являлись ее надежной опорой. Имевшееся недовольство провоцировалось, в основном, экономическими и бытовыми причинами, и при их своевременном решении на лояльность к власти не влияло. Националистические настроения среди рабочих были редким явлением. Среди же основного ядра рабочего класса Украины – этнических украинцев и великороссов – какого-либо антагонизма по национальному признаку не наблюдалось. Обе этнические группы не имели сколько-нибудь серьезных различий, ощущали себя единым целым, имели общее мировоззрение и общую жизненную позицию по всем вопросам, в том числе лежащим в национальной плоскости.

Важно отметить, что в большинстве случаев внимание к национальному вопросу в рабочем классе возникло под воздействием государственной политики, которая объективно была направлена на противодействие естественному и исторически обусловленному процессу инкорпорации (в той или иной степени) в русскую национально-культурную общность. Во многом искусственная (ибо основанная на политической доктрине) политика украинизации стала причиной появления ответных антиукраинизационных настроений, причем эти настроения были характерны и для рабочих – этнических украинцев.

Таким образом, украинское движение не могло получить и не получило среди рабочего класса какой бы то ни было прочной поддержки. Как ни покажется необычным, но воздействие на него со стороны этого движения было сильнее «сверху», со стороны «чиновников от украинизации». Часто это воздействие прикрывалось коммунистическими лозунгами, но объективно было направлено на формирование украинской нации, пусть даже советской по форме.

Крестьянство и национальный вопрос

Социально-политические настроения крестьянства. Основную массу населения УССР (как и СССР в целом) составляло тогда крестьянство. Уровень урбанизации на украинских землях до революции был невысоким, что не было чем-то исключительным для всей России. Даже крупнейшие российские экономические и пролетарские центры, такие как Одесса, Харьков, Екатерино-

слав, горняцкие поселения Донбасса и Криворожья, представляли собой «острова» в многомиллионном крестьянском «море». Гражданская война усилила аграризацию населения. На 1920 г. из 26 млн человек, проживавших в УССР, городское население насчитывало 5 млн, что составляло менее пятой части от всего населения республики. Остальные четыре пятых (21 млн) проживали на селе, причем подавляющая их часть занималась крестьянским трудом¹³⁰.

Деревня (в том числе украинская) была для большевиков постоянной головной болью. Промышленный пролетариат был крайне малочисленным, разбуженное революцией село – крайне активным. Ожесточение гражданского противостояния, огромные запасы оружия, скопившиеся в деревне, не способствовали установлению спокойствия. Немало селян по отношению к большевикам было настроено настороженно. Коммунистическая доктрина вступала в противоречие с мелкособственническим характером крестьянства. Так, в ходе Гражданской войны отмечалось, что в некоторых губерниях «крестьяне стоят за советскую власть, но равнодушно не могут говорить о коммуне и коммунистах, видя в них разбойников и грабителей»¹³¹. Не стоит забывать и о национальном вопросе, который в начале 1920-х годов активно будировался в республике.

Какие же настроения господствовали на селе во время и после ликвидации бандитизма и петлюровского подполья? Оставалась ли у украинского движения социальная база среди крестьянства? Насколько сильно было привержено последнее идеалам национального движения? Ответы на эти вопросы позволяют дать информационные сводки ГПУ и отчеты местных партийных организаций, поступавшие в ЦК КП(б)У. В ходе борьбы с подпольем и бандитизмом у ГПУ сложилась разветвленная сеть информаторов. Все интересующие власть сведения, вплоть до разговоров, становились известны спецслужбам.

Важную информацию можно почерпнуть также из материалов беспартийных крестьянских конференций, при помощи которых большевики стремились отвести село от бандитизма и направить его энергию в мирное русло. Конференции тщательно готовились, на места рассылались циркуляры, в которых указывалось, какие задачи и вопросы должны быть рассмотрены (если речь шла о политике государства), оговаривался порядок их подготовки. Рассылались и тезисы для докладов. Перед конференциями вопросы обсуждались на партийных и комсомольских сельских ячейках, собраниях КНС. Но взять в свои руки ход конференций сельским коммунистам удавалось далеко не всегда. Да и в

тех случаях, когда они протекали по утвержденному сценарию, страсти на них разыгрывались нешуточные. Интерес к конференциям со стороны населения был велик и число присутствовавших на них местных селян (неделегатов) часто превышало число самих делегатов¹³².

Прежде всего необходимо отметить, что настроения украинского села не отличались от настроений крестьянства других регионов страны. Сводки ГПУ показывают поразительное единство во взглядах на жизнь и политику государства у крестьян совершенно разных регионов СССР¹³³. Так что недовольство властью не было чем-то особым, присущим только Украине. Конечно, имела там и своя специфика.

Украинское село 1920-х годов было политически и эмоционально весьма активным, причем эта активность с течением времени не снижалась, а лишь принимала другие, легальные, советские формы¹³⁴. Хотя в основной своей массе крестьяне приняли новую власть, многие из них были настроены к ней весьма критически. «Кругом недовольство», – так охарактеризовал настроение селян С. Ефремов. «Дурной мужик наш, – говорил в беседе с его знакомым «оплот советской власти – деревенский милиционер, – что уже его бьют, а он все спит и не просыпается». «Чухается, ужасается, а терпит», – поражался Ефремов¹³⁵. Критика властей возникала на почве социально-экономической политики большевиков, а также разрухи, в которой после окончания Гражданской войны оказалась вся страна и село, в частности. Больше всего крестьян волновали вопросы землеустройства, кредитования, аренды, обеспеченности техникой и другие, связанные с сельским хозяйством, проблемы. На сходах, в частных разговорах, в письмах в государственные органы, в антиправительственных листовках и воззваниях выражалось недовольство высокими налогами, бывшими, по мнению крестьян, главной причиной их нелегкой жизни, и содержались требования их снижения¹³⁶. Характерно, что подобные взгляды на фискальную политику разделяли все социальные группы села. Зажиточным крестьянам не нравилась также монополия государства на внешнюю торговлю. По понятным причинам эти требования звучали заметно реже и имели место преимущественно во второй половине 1920-х годов, когда сельское хозяйство было уже более-менее восстановлено и по ряду показателей достигло довоенного уровня¹³⁷.

Помимо высоких налогов раздражала крестьян дороговизна жизни и отсутствие промтоваров. Сравнения с довоенными ценами были явно не в пользу советского строя. Например, крестьяне Белоцерковского округа жаловались, что за 15–20 довоенных

рублей «можно было купить сапоги, шапку, теплую одежду, а теперь (1926 г. – А.М.) только шапку». Херсонские крестьяне с горечью отмечали, что пуд пшеницы стоил всего 92 коп., в то время как метр ситца – 60. А происходил такой грабеж, по мнению селян, из-за отсутствия твердых цен на мануфактуру, тогда как закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию оставались твердыми и низкими¹³⁸. Пока на селе был представлен частный капитал, скупавший хлеб по более высокой цене, у крестьян еще оставался выбор. Скажем, в августе 1924 г. на Киевщине заготовительная цена за пуд пшеницы равнялась 60 коп., в то же время на рынке она поднималась уже до 75–80 коп. Естественно, крестьяне предпочитали сбывать хлеб не через государственные конторы. В 1924–1925 гг. только на Киевщине частники заготовили 4 млн пудов, в то время как государство и кооперативы – лишь 1,5 млн¹³⁹.

Впрочем, деятельность частного капитала, который главным образом оказался в руках нэпманов-евреев, традиционно занимавшихся посреднической хлеботорговлей, тоже не нравилась селянам. На почве экономических затруднений росло недовольство нэпом, развивался антисемитизм. Характерным становилось отношение к нэпу как к политике, выгодной евреям. Государство тоже было недовольно конкуренцией со стороны частника и всячески ограничивало его деятельность, стремясь вытеснить его с рынка. Для крестьян борьба государства с частником носила двойной характер. Но при всей их ненависти к нэпманам и перекупщикам она означала потерю прибыли от сбыта своей продукции. Вот почему по вопросу о величине закупочных цен село, несмотря ни на что, часто выступало единым фронтом¹⁴⁰. Если кулаки и зажиточные середняки не желали терять прибыль, то беднякам и значительной части середняков, сдавших хлеб по заготценам, весной грозила опасность попасть в зависимость от своих зажиточных односельчан¹⁴¹. Все это приводило к тому, что широкие массы крестьян в политику смычки города и села не верили, и готовы были в нее поверить лишь тогда, когда на деле начали бы получать изделия по довоенным ценам, а свою продукцию сбывать по более высоким¹⁴².

На почве «ножниц цен», которые воспринимались крестьянами как «выкачка хлеба», возник и достиг значительного распространения феномен, получивший название *ревности к городу*. Вообще, противостояние «село–город» не было чем-то присущим только нашей стране. Но в силу особенностей национального развития (в том числе революции и Гражданской войны) этот феномен получил в СССР широкое распространение. «Ревность к го-

роду», причем даже не к лавочникам-мещанам, а к его главному представителю – рабочему классу, выражалась во всем. Деревенские грамотеи подсчитали, что крестьяне несут дополнительные повинности и платят налогов больше, чем рабочие. Вызывали раздражение и более высокая зарплата рабочих, наличие у них оплачиваемых отпусков, лучшие условия жизни и труда и вообще их привилегированное положение в государстве¹⁴³. Рабочих обвиняли в том, что на промтовары держались высокие цены. Завидовали, что их детям было легче получить образование, поступить на службу. Им «везде доступно», – так формулировали крестьяне социальное неравенство, тогда как на крестьянской шее, говорили они, сидела целая армия «дармоедов» – «хлебный жук (вредитель), агроном, спекулянт, служащий, администратор» и еврей¹⁴⁴. Венцом антирабочих настроений стало представление о том, что диктатура пролетариата – не прогрессивное явление, как это утверждали большевики, а социальный тормоз, препятствующий развитию страны.

Ревность к рабочим и зависть к горожанам отчасти были объяснимы крайне тяжелыми условиями, в которые была поставлена советская деревня. Вместе с тем крестьяне замечали (или хотели замечать) только внешнюю, яркую сторону городской жизни с нарядными витринами магазинов, модной одеждой, уличным освещением и автомобилями, которые звали, манили, подчеркивали бедность и беспросветность села. Изнанка города, причем даже не криминальная, а самая что ни на есть трудовая, оставалась вне их поля зрения.

О реальной жизни рабочих крестьяне узнавали тогда, когда попадали в город на работу или на организуемые государством ознакомительные экскурсии. И они приносили желаемые плоды. Так, некий экскурсант, дед-пастух Ф. Антоненко из-под Кривого Рога, побывав в Харькове на машиностроительном заводе, заявил, что раньше думал, «что и вправду рабочим заводов легко живется. Но теперь собственными глазами убедился, что это ложь, выдумки кулаков. Особенно тяжело там, где расплавляют железо: духота, жарница, нечем дышать». Старик «насилу... дождался, когда вышли на воздух»¹⁴⁵. Ясно, что вернувшись домой, он больше не поддастся на разговоры о том, что рабочим живется гораздо легче, и со стариковской прямоотой всем и каждому будет их опровергать. Но господствующим на селе оставалось убеждение, что без крестьянства «не будет ни СССР, ни УССР, ни черта – без него жид и рабочий подохнут», и что крестьян власть обидела¹⁴⁶.

В переживаемых трудностях недовольные винили государство и партию. Звучали жалобы, что обещанную землю государст-

во отняло, а коммунисты стали новыми помещиками, только еще худшими. «Крестьяне совсем не чувствуют, что они завоевали землю», – говорили крестьяне Бердянского округа. В другом регионе Украины, в Балаклейском районе на Изюмщине, было замечено стремление крестьян «к черному переделу, а также к захвату инициативы... по землеустройству» в свои руки¹⁴⁷.

Основной причиной своего «неполноправного» положения крестьяне считали неорганизованность, отсутствие собственного крестьянского профсоюза, который бы их защищал. Таковым они считали крестьянские союзы. Чаще всего за создание крестьянских союзов ратовали кулаки и зажиточные, хотя временами их в этом поддерживали и менее имущие соседи. Но в основном, по вопросу о союзах люди с разным достатком занимали разные позиции¹⁴⁸. Чаще всего в крестьянском сознании союз представлялся организацией, занимающейся закупками и сбытом сельскохозяйственной продукции, а также установлением на них единых, более высоких цен, при которых пуд стоил бы 1 руб., а сапоги – 3, а не 15–40 руб.¹⁴⁹ Разговоры о селянских союзах не ограничивались только завалинками, но звучали на сходах, поднимались на собраниях, беспартийных конференциях. Через крестьян-отходников проникали они и в города, а также в армию¹⁵⁰.

Дальше экономических мотивов в требовании создания союзов крестьяне в основном не заходили. Лишь изредка мотивировка переходила в политическую плоскость. Чаще всего политизация представлений о союзах происходила в городах и в армии. Там поговаривали о необходимости создания своей крестьянской партии, мотивируя это тем, что ВКП была для них «не своей»¹⁵¹. Если в начале 1920-х годов любые политические мотивы увязывались с бандитизмом, то к середине десятилетия они приобрели уже советскую окраску. Например, встречались требования для справедливой защиты всех трудящихся учредить «в России» (очевидно, имелись в виду ВЦИК или ВУЦИК) «две палаты» – рабочую и крестьянскую¹⁵². Кое-где на почве недовольства величиной налогов, сходы решали его не платить, а добиваться его снижения и учреждения крестьянского союза или созыва Учредительного собрания. Изредка звучали призывы использовать союзы для борьбы с рабочими и советской властью. За превращение союзов, равно как и беспартийных конференций, в законодательные съезды, отстаивающие права крестьян, ратовали, в первую очередь, кулаки¹⁵³.

Вообще, было бы неправильно говорить о крестьянских настроениях как о чем-то едином. Конечно, были и общие проблемы, одинаково волновавшие и богатых, и бедных. К разряду

общекрестьянских проблем относились недовольство «ножницами цен», антагонизм по отношению к городу. Но усиливающаяся дифференциация села приводила к тому, что у каждой социальной группы вырабатывались свои интересы, исходя из которых она реагировала на текущие события, а имущественный антагонизм стал обыденным явлением¹⁵⁴. «Село – это несколько враждебных лагерей»¹⁵⁵, – замечал С. Ефремов. Основная борьба проходила между кулаками и незаможниками. Противостояние временами превращалось в настоящую войну, зачинщиками которой оказывались обе стороны¹⁵⁶. Бедные выступали за продолжение политики раскулачивания^{4*}, а зажиточная часть села лелеяла мечту о ликвидации КНС и возвращении изъятого ранее имущества. Комнезамы были надежной опорой советской власти во время Гражданской войны и помогли ей победить. Но к середине 1920-х годов по причине своего радикализма, бюрократизации, а в ряде случаев и отрыва от сельского хозяйства они становились препятствием на пути налаживания необходимого советской власти союза с середняком и толкали последнего «в объятия» к кулаку. В середине 1925 г. ЦК КП(б)У был вынужден констатировать (правда, неофициально), что вместо союза незаможника с середняком фактически сложился союз середняка с кулаком¹⁵⁷.

По данным ЦСУ УССР, на 1927 г. кулацких хозяйств насчитывалось 204,5 тыс., т.е. около 4% от числа всех хозяйств (правда, к их числу относили бывших кулаков и тех, кто служил у белых и петлюровцев). Из них (на 1929 г.) наемный труд использовали лишь 1,4%¹⁵⁸. Несмотря на немногочисленность, их влияние (причем не только в деревне) недооценивать нельзя. Кулаки активно стремились взять власть на селе под свой контроль. Будучи в политическом смысле «поразвитей» (в том числе и пообразованней), они интересовались текущими событиями и демонстративно выдвигали общекрестьянские требования, пытались создать единый крестьянский фронт для борьбы с советской властью. Для этого использовались кампании по выборам в Советы (одно из главнейших проявлений активности в советских формах), экономические рычаги, церковь и т.д. И это им иногда удавалось¹⁵⁹. В ряде случаев обе противоборствующие стороны действовали не

^{4*} Их противники называли бедных «лодырями» и «бездельниками». Самих себя они изображали настоящими крестьянами-тружениками. Несомненно, в этих рассуждениях есть здоровое зерно. Но все же бедность далеко не всегда была следствием лени или нерадивости. А отношение народа к проблеме *богатые-бедные* недвусмысленно отражено в сказках – этих поистине кладях народной мудрости.

от своего имени, а через середняков. Кулаки боялись «засветиться» и навлечь на себя гнев государства, бедняки же, находясь в экономической зависимости от кулаков, опасались лишиться их помощи. Поэтому по мере экономического восстановления села и развития внутреннего конфликта, укреплялся и выходил на политическую сцену середняк, от настроения и самочувствия которого зависело как состояние государства, так и позиции украинского национального движения на селе.

Различие интересов разных социальных групп наиболее четко прослеживаются по отношению к войне. Угроза войны и новой интервенции на протяжении 1920-х годов была темой номер один и порождала множество самых невероятных слухов¹⁶⁰. Отчасти ожидание войны провоцировалось политикой большевиков, отчасти рождалось на почве домыслов и слухов. Почти во всех округах УССР кулачество надеялось на нее как на избавление от коммунистического режима. Кулаки заявляли, что не собираются воевать за советскую власть и посылать своих детей в армию. Они намеревались разобраться с ненавистными коммунистами, с КНС и вернуть отобранное имущество. Бедная часть села реагировала на угрозу войны прямо противоположно, видя в советской власти «свою» власть, защищающую их интересы. Некоторые незаможные крестьяне в случае войны планировали разобраться с кулаками. Угроза окончательного решения «кулацкого вопроса» иногда влияла на умонастроения зажиточной сельской верхушки в положительном для большевиков смысле (т.е. когда кулаки выражали готовность защищать советскую власть)¹⁶¹.

Средняки по вопросу о войне колебались. На их позицию влияла расстановка сил на селе и экономический контекст. Понятно, что большая часть середняков и бедняков выступала против войны: она принесет разруху, тогда как «вообще жизнь налаживается». Но в случае войны они были готовы защищать СССР¹⁶². В западных приграничных округах настроения были более решительными: здесь крестьяне готовились отстаивать Союз и советскую власть, лишь бы не вернулись поляки. Основным движущим мотивом, из-за которого украинское село в большинстве своем приняло советскую власть и несмотря ни на что было готово ее защищать, было понимание, что хотя она и «не очень то», но лучше ее не будет, и если она падет, то вернутся помещики. Уж лучше пусть будет советская власть, считали крестьяне, «чем панам руки целовать»¹⁶³, тем более, панам-полякам.

Нельзя не упомянуть и об отношении крестьян к компартии. Отношение это было сложным, на него влияли социальные (антагонизм с городом), экономические (государственная политика),

национальные (в основном, антиеврейские) мотивы. Часто претензий непосредственно к партии не возникало, зато имелись они к представителям низовых партийных органов, которые обвинялись в злоупотреблениях, бесхозяйственности, искажении линии партии. Сказывалось и недовольство присылаемыми на село кадрами, не всегда знакомыми с крестьянской жизнью. Натянутые отношения возникали и по причине относительно небольшого числа коммунистов-крестьян. Партии не верили, боялись, как бояться всего неизвестного, и нередко она воспринималась как нечто враждебное, внешнее, пришедшее из города¹⁶⁴. В то же время материалы конференций, обследования КНС и сельских советов подчеркивали, что в целом крестьянство партии доверяло и видело в ней гарантию от реставрации помещичьей власти и земле-владения.

Несмотря на некоторую отдаленность партии от села, крестьянство следило за внутривнутрипартийной жизнью, но толковало ее по-своему. Особенно интересовались политикой кулаки. Середняки и бедняки в перипетиях внутривнутрипартийной борьбы в основном разбирались слабее. Споры велись о том, кто из противоборствующих сторон – Сталин или оппозиция – хочет сделать «лучше» для крестьян. Исходя из этого крестьяне и определяли свое отношение к происходящему на властном Олимпе¹⁶⁵. Стоит отметить, что в большинстве случаев внутривнутрипартийная политика не вызывала роста национальных чувств, разве что кроме антиеврейских.

На практике недовольство политикой партии в основном сводилось к разговорам, которые при всей своей внешней грозности были простым сотрясанием воздуха. Много было речей вроде того, что «полетел Николай, полетят и Троцкий, Рыков и другие, если будут нас душить такими налогами»¹⁶⁶. Иногда антиправительственные разговоры сводились лишь к ругани власти, причем поводом к излиянию желчи могло стать все что угодно. Но хотя разговоры и являются свидетельством определенной настроенности той или иной аудитории, до реальных антиправительственных акций от них пролегал дистанция огромного размера. Разговоры все же не могут быть показателем того, как человек поведет себя в той или иной критической ситуации, например, в случае войны или в другой кризисный для власти момент.

Итак, основная масса крестьянских требований вращалась вокруг социально-экономических проблем, лишь изредка, как в случае с крестьянскими союзами, упоминая о некоторой альтернативе существующей власти. Да и эти союзы в понимании основной массы крестьян должны были служить защитой их экономических интересов. Хотя нельзя исключать и того, что лю-

ди, требовавшие их создания, особенно представители сельской интеллигенции и те, что были «поразвитей», старались не афишировать их истинное предназначение. Бывший атаман В. Крук, оказавшийся, как и многие его товарищи, в ГПУ, показывал, что петлюровская эмиграция и заграница были заинтересованы в создании «крестьянских профсоюзов», поскольку с их помощью намеревались сплотить крестьянство, возглавить его и поднять восстание¹⁶⁷.

Восприятие национальных проблем. Насколько же интересовал крестьян национальный вопрос? Поскольку «нервом» всей украинской национальной идеологии являются антирусские и антироссийские убеждения, основное внимание следует уделять именно им, а также тому, насколько они соотносились с крестьянским взглядом на национальные проблемы.

Вообще, определить уровень националистических чувств у человека или дать точный срез отношения какого-либо социального слоя к национальному вопросу довольно сложно. Можно говорить лишь об общем уровне присутствия таких чувств и настроений в массе людей. Антирусские и антироссийские настроения отмечались у крестьян заметно реже, нежели антиеврейские или антипольские (последние были характерны в основном для западных округов). Наглядным примером может служить уже упоминавшаяся конференция в с. Березнеговатом, на которой помимо 80 делегатов из окрестных сел присутствовало еще 150–200 активистов-недепутатов. Конференция сразу началась не так, как рассчитывали ее организаторы из комячейки. Сразу же прозвучало мнение: «Раз конференция беспартийная, то при чем тут коммунисты?» Коммунистам противостояла «петлюровско-гетманская группа» и кулаки, которые попытались взять ход конференции в свои руки. Лишь к ее концу комячейке удалось вернуть над ней контроль и добиться проведения нужных решений.

На конференции было затронуто несколько групп вопросов. Кроме чисто экономических, имеющих прямое отношение к сельскому хозяйству, обсуждались такие проблемы, как диктатура рабочих и партии над крестьянством, внутрипартийная жизнь. Помимо ставших уже привычными требований организации крестьянского союза прозвучали призывы учредить крестьянскую партию. Национальный вопрос на конференции встал довольно жестко, чему способствовало присутствие «спянных групп “цирих українців”». Крестьян интересовало, почему электрификация проводится только в России и почему Украина не получила в СССР своей автономии, в то время как другие республики ее по-

лучили. Если первый вопрос, возможно, был вызван недостаточной информированностью о ходе восстановления народного хозяйства СССР, то второй можно объяснить соответствующей пропагандой «щирых», истолковывавших украинскую советскую государственность как «ненастоящую», а самостоятельность УССР – как фиктивную. Но даже несмотря на то что на конференции национальный вопрос приобрел большое звучание, в центре внимания был все же не он. Из 74 вопросов, заданных в ходе нее, национальных отношений касались лишь 12, из них о месте Украины в СССР и украинско-российских отношениях было всего два, тогда как еврейской проблемой интересовались в десяти случаях¹⁶⁸. Как видно, изменить общую настроенность не смогла даже сплоченная группа националистов. Такое соотношение социального и национального, как и «русского» и «еврейского», в крестьянском сознании было характерно не только для этой, но и для других конференций, а также для фиксируемых спецслужбами случаев антисоветских выступлений¹⁶⁹.

Помимо конференций, на которых крестьяне могли открыто излагать все волновавшие их проблемы, национальный вопрос активно муссировался в появлявшихся время от времени по селам листовках и воззваниях. Надо отметить, что с одной стороны, они отражали настроения некоторой части крестьян, а с другой – сами были призваны воздействовать на них соответствующим образом. Естественно, успех агитации зависел от того, насколько точно листовка выразит насущные крестьянские нужды. А сделать это было возможно лишь в случае игры на самом для крестьянина важном: на состоянии его хозяйства. Как правило, листовки констатировали положение, сложившееся на селе и в государстве в целом, особое внимание акцентировалось на состоянии социального и национального неравенства, в котором якобы находились украинцы, и призывали крестьян к действиям. Иногда в листовках содержался призыв свергнуть гегемонию рабочих, повернуться «лицом к селу по-настоящему», т.е. отобрать землю у совхозов и сахарозаводов и раздать ее крестьянам, а затем установить «свою власть», избранную «свободно»¹⁷⁰. В других случаях следовали призывы к восстанию и прочим насильственным действиям по отношению к власти. Иногда встречались листовки, хотя и призывавшие к свержению существующего режима, но не имевшие антиросийской подоплеки¹⁷¹. И все же в большинстве их ясно звучали националистические нотки.

В основном, перечислив высокие налоги, изъятие хлеба, гнет коммунистов, авторы листовок обвиняли в этом засилье евреев, большевиков и (правда, реже) русских. Так как все нюансы анти-

еврейских настроений были рассмотрены выше, имеет смысл остановиться на последнем мотиве, который и составлял основу украинского националистического мировоззрения. Если охарактеризовать антироссийские настроения, содержащиеся в листовках и устных высказываниях, то выяснится следующая цепь рассуждений. Экономические затруднения, переживаемые селом, происходили из-за того, что Украина оказалась оккупирована большевиками, которые представляли собой не что иное, как очередное воплощение российского империализма, проводящего прежнюю колониальную политику национального угнетения украинцев, но только более лживую и коварную. Автор одного из воззваний с горечью сетовал своим непутевым соплеменникам, что «берут не у бедного и не у кулака, а берут вообще с Украины, а народ разбили на классы для того, чтобы легче было грабить». Политика расслоения, классовой вражды была нужна большевикам не только для того, чтобы беспрепятственно вывозить хлеб, но и для того, чтобы народ «не осознал» себя таковым, не объединился и не восстал против «прожорливой России». Как утверждалось в послании «Ко всему украинскому народу», написанном от лица некоего украинского революционного Национал-демократического союза, «на Украину надвигался голод» вовсе не из-за неурожая, а из-за ограбления советской властью и массового вывоза хлеба в Россию. Звучал в листовках и привычный мотив о «земляках-перевертышах»: национальному угнетению помогали продавшиеся Москве партийцы-украинцы¹⁷².

Российско-большевистское «иго» не было бы таким опасным, если бы ограничивалось только выкачиванием ресурсов. В листовке с говорящим названием «Московская отравка» коммунизм (конечно, московский) обвинялся в том, что нес народу Украины разврат, сеял в душах людей и, особенно, среди молодежи бездуховность, сознательно держал народ «в темноте и распутстве», тем самым убивая его морально¹⁷³. Действительно, 1920-е годы отличались высоким уровнем беспризорности, преступности и расшатанности моральных устоев. Отчасти виновата в этом была и новая власть, точнее, принесенная революцией вседозволенность, свобода не «во имя», а «от», переходящая в глумление над всем, что ранее считалось святым. Отнюдь не только большевики, но весь либерально-революционный лагерь долгое время подтачивал устой общества.

На кризис общественной морали и сознания повлиял сложный комплекс факторов. К ним можно отнести и поражение в Первой мировой войне, и катастрофическую гибель старого мира, унесшего с собой привычные отношения и связи, в то время

как новый мир с новой системой отношений еще только нарождался. Многих людей, искренне стремившихся к новой жизни, разочаровал возврат частнособственнической морали, власти денег, разгульного нэповского воровства. На других повлияло затянувшееся ожидание коммунистической эры, засосавшее в мящанское болото обыденности смелые и яркие идеи. Огромную разлагающую роль оказали ужасы братоубийственной смуты, породившие вседозволенность, когда, как сказал герой «Тихого Дона», «подешевел человек за революцию». Кризисные явления наблюдались по всей России, и потому даже если и можно было обвинять большевиков в насаждении нравственной деградации, то большевиков как таковых, не усматривая в них представителей именно *московской* власти (как это делали украинские националисты). Чуть позже именно большевики возьмутся за восстановление традиционных моральных устоев, «счищая» со страны «накипь революции»...

Находили отражение в листовках и устных высказываниях и события мировой политики, перерабатывавшиеся и применявшиеся к конкретным делам. Например, ход революции в Китае или отношения с Англией увязывались с прочностью положения большевиков. С. Ефремов приводит разговор с крестьянином-извозчиком и указывает, что события 1927 г., приведшие к резкому охлаждению отношений между СССР и Великобританией, в народном сознании трансформировались в смутные ожидания какой-то конференции, на которой речь должна пойти о большевиках, плохой жизни, Украине и т.д.¹⁷⁴ Очевидно, таким образом родилась и листовка о «международном конгрессе по разоружению», судя по стилю и содержанию составленная кем-то «из образованных». На этом конгрессе советский дипломат М. Литвинов якобы убеждал Запад в миролюбии большевиков, но был-де посрамлен неким представителем «законного правительства УНР», который оказался на конгрессе. Тот только спросил советскую делегацию, зачем на Украине держат огромную армию, зачем из украинского народа выкачивают налоги и т.д. И сам же ответил: для того чтобы «доить» богатую Украину, для того чтобы «народ украинский не вырвался из московской неволи, не стал хозяином на своей земле», тогда как Украина имеет «такое же самое право на самостоятельность, как и каждый другой народ». Именно за это право «народ украинский борется, как может, против московского нашествия»¹⁷⁵, – закончил выступление «патриот-изгнанник».

Благодаря своей логике и, если так можно выразиться, программному характеру, приведенная выше листовка является все же исключением из правила. Подавляющее их большинство

было более бесхитростно, написано менее грамотно и состояло в основном из перечисления врагов – «коммунистов», «жидов», «кацапов», «советской власти» – и призывов: «долой», «бей», «к восстанию», «к оружию» и т.д. Нередко листовки заканчивались призывами к провозглашению «украинской воли», установлению «самостийной Украины», «самостийной независимой республики». Частым явлением были цитаты из Т. Шевченко и фразы из гимна «Ще не вмерла Украина»¹⁷⁶. Пытаясь противодействовать неуклонному угасанию интереса к украинской эмиграции, особенно ускорившемуся после смерти С. Петлюры, некоторые листовки (например, появившиеся в Зиновьевском округе) выполнялись в виде справочника «Кто есть кто» в эмиграции. Уделялось внимание и вопросам национально-государственного строительства в Советском Союзе. Сводилось оно, в основном, к недовольству тем, что Украину «наглым образом» «слили в единый союз»¹⁷⁷.

И все же не стоит забывать, что листовки, хотя и демонстрируют наличие националистических настроений в украинском обществе вообще и на селе в частности, но не могут свидетельствовать об их массовости. Они относятся скорее не к сфере крестьянского мировоззрения, пусть отчасти и отражают его, а ведут свое происхождение из подпольных организаций, а то и вовсе являются результатом труда энтузиастов-одиночек. Из-за своей относительной малочисленности и успешной работы правоохранительных органов листовки не могли оказать на крестьянство сколько-нибудь значительного влияния. Поэтому судить о наличии националистических настроений по одним листовкам не представляется возможным.

Как уже отмечалось, у большинства случаев проявления национализма или соответствующих разговоров были экономические корни. Извечная тема «ограбления» крестьян ненасытным городом и государством временами окрашивалась в национальные цвета. Например, в Барвенковском и Бугаевском районах Изюмского округа были отмечены разговоры, что налог на Украине выше, чем в России: «у нас рабочий класс с партией объединились и угнетают нас, из-за этого мы будем разрушать свое ... хозяйство»¹⁷⁸. Вообще, любой экономический вопрос, и особенно земельный, являлся питательной почвой для национализма. Наиболее острым этот вопрос был в местах со смешанным составом населения, где недовольство соседями иной национальности во многом проистекало из-за споров о земле¹⁷⁹.

Важно подчеркнуть тот факт, что в местностях, где наряду с Украинским и русским крестьянством жили представители других

этносов, т.е. на Донбассе, Харьковщине, в Приазовье, Причерноморье, случаи взаимного противостояния украинцев и русских были редкими, а сами они видели друг в друге «своих» и выступали «единым фронтом» против других национальностей. Например, в информационных бюллетенях о состоянии округов УССР указывалось, что в Одесском округе «украинское и русское крестьянство враждебно относится» к проводимой дополнительной нарезке земли немецким колонистам. При этом наблюдался рост антисоветских настроений и дело доходило до антинемецкой агитации: «Хай німці їдуть до Німеччини»¹⁸⁰.

Так случалось чаще, особенно тогда, когда имелась третья иноэтническая сторона. Но бывало и по-другому. На перевыборном собрании одного из КНС в Харьковском округе приезжий докладчик стал выступать по-русски, что не понравилось присутствующим и вызвало неоднозначную реакцию. В зале прозвучали замечания: «Почему русских не выселят за пределы Украины, нашего брата хохла нигде не пускают, везде гонят, вот взять бы и выгнать в Россию всех кацапов, и нам привольнее жилось бы и больше было бы земли». Конечно, подобные разговоры могли быть вызваны чем и кем угодно, но здесь важен сам факт подобного, по терминологии ГПУ, «шовинистического уклона»¹⁸¹.

Конфликты возникали и при проведении национальной политики, например при создании немецких, польских и других национальных районов, когда иноэтническое население, не имея в некоторых случаях подавляющего большинства в данной местности, становилось титульной нацией. Так, в одном немецком районе для украинцев было создано несколько украинских сельсоветов. Немцы, проживавшие в украинских сельсоветах, игнорировали их и напрямую обращались к своим районным властям¹⁸². А украинцы в Каменецком округе (Подолье) выступали против создания польского сельсовета, опасаясь, что украинские школы заменят на польские¹⁸³. Раз уж речь зашла о создании национальных районов, то необходимо упомянуть еще об одном интересном обстоятельстве, свидетельствующем об уровне национального самосознания украинского крестьянства. Во время переписи населения 1926 г. поползли слухи, будто украинцев будут выселять из польских сельсоветов. Слухи возымели действие: в ряде местностей (например, в Житомирском округе) крестьяне записывали свою национальность как «поляк»¹⁸⁴.

Наличие в определенной местности банд, подпольных ячеек и прочих антисоветских организаций самым прямым образом отражалось в настроениях населения¹⁸⁵. Их пребывание продолжало сказываться и в дальнейшем. Настроениями села, порой весьма

критическими в отношении властей, умело пользовались украинские националисты из бывших подпольщиков, бандитов либо из представителей национально мыслящей интеллигенции. В ход шли самые простые аргументы. Вот как, например, «национально сознательные» элементы вели агитацию бедноты в ряде сел Черноостровского района Проскуровского округа: «Ваша власть, которую вы защищали, – заявляли они беднякам, – вам ничего не дает, лучше было бы, если бы был Петлюра». Немного подумав, почесав в затылках бедняки сказали: «Давай нам Петлюру»¹⁸⁶. А вот, скажем, кулак А. Онильченко из Прилужанского района Шепетовского округа, выражая свое мнение о ситуации в стране, заявил односельчанам следующее: «Советская власть дерет с крестьян и ничего не дает, и поэтому у нас ничего нет». Констатацией этого для многих очевидного факта гражданин Онильченко не ограничился и позволил себе немного «помечтать». Благодаря трудолюбивым осведомителям и сотрудникам ГПУ его «мечты» остались в истории. «Когда была петлюровская власть, – утверждал Онильченко, – тогда было лучше»¹⁸⁷.

Интересно, что приведенное высказывание относится к 1926 г., т.е. ко времени после убийства самого С. Петлюры. С. Ефремов, записывая свои впечатления от поездки по селам (июнь 1924 г.) и отмечая тяжелое экономическое и моральное состояние деревни, указывал, что «все ропщут, сетуют, грызутся, клянут и тайком ждут... Петлюры!» «Действительно, эта легенда очень живучая, – говорит он далее, – и я ее во всяких вариациях слышал, где только сойдутся два-три человека. “Дурни были – не поддержали. Теперь каемся. Ну, да все-таки придет!”»¹⁸⁸ Поэтому неудивительно, что в частых слухах о войне непременно присутствовало имя Петлюры.

Документы свидетельствуют, что и ГПУ, и партийное руководство получали сведения, что в республике имелись люди, сожалевшие о Петлюре и тайно ожидавшие его возвращения. Конечно, С. Ефремов слышал то, что говорили крестьяне и горожане (и то не все) в Киеве и его окрестностях. Могли об этом поговорить и на Киевщине, Волыни и Подолье. В то же время прочие территории с многомиллионным населением оставались вне его поля зрения. Но даже если бы подобные настроения были характерны для какой-нибудь одной местности, факт популярности Петлюры вызывает интерес. Стоит остановиться на этом вопросе подробнее. Ведь действительно, не все крестьянство, как уже говорилось и как это подтверждал Ефремов («дурни были – не поддержали»), поддерживало Петлюру, что со всей наглядностью было продемонстрировано и в 1920, и в 1921 гг. По-видимому,

рост его популярности (и то относительный) в первой половине 1920-х годов был вызван следующими причинами.

Националистическая эмиграция, объединенная под именем Петлюры и возглавляемого им правительства УНР, оставалась единственной более-менее актуальной альтернативой советской власти и УССР. Главные противники большевиков – белые, в силу проводимой ими экономической политики (восстановления помещичьего землевладения), не могли вызвать у широких масс крестьянства, особенно у бедняцкой и середняцкой его части, симпатий и надежд на их возвращение, хотя случаи того, что кулаки ожидали возвращения именно белых, имелись¹⁸⁹. Нестор Махно с его крестьянской республикой свободных советов, несмотря на личную популярность, тоже не мог выступить в роли вождя «униженных и оскорбленных». Близость его лозунгов к большевистским, а также то, что Махно был все же вождем крестьянским, не создал своего государства и не имел за спиной правительства в изгнании, которое бы действовало (пусть и на «птичьих» правах, как петлюровское) при державах Антанты, делали его шансы как лидера антибольшевистского протеста минимальными. И, кроме того, махновское движение имело корни лишь на определенной части Украины. Сходная ситуация наблюдалась и с еще одним центром оппозиционных сил – с украинскими левыми партиями (боротьбисты и укаписты), в основном разделявшими коммунистическую программу, но расходившимися с РКП(б) в отношении к национальному вопросу. В 1919 г. они имели свои отряды и участвовали в восстаниях против большевиков. Но усилиями компартии эти группы были нейтрализованы: первые в 1920, вторые – в 1925 г. Но даже раньше сколько-нибудь серьезной оппозиции УКП, оставаясь, с одной стороны, в тени большевиков, а с другой – своих более правых коллег (именуемых общим названием «петлюровцы»), составить не могла.

И вот тут, на волне недовольства экономическим положением, всплывало на поверхность имя Петлюры, олицетворявшего последнюю политическую альтернативу большевикам. К тому же за время Гражданской войны и послевоенного бандитизма его имя как антипода большевиков прочно укоренилось на селе. Вот и получалось, что недовольство высокими налогами приводило к восклицаниям типа «Давай нам Петлюру!»

По-видимому, сыграла свою роль и еще одна причина, а именно распространенный на Украине в те годы антисемитизм. В несложной схеме *большевистская власть–еврейское засилье* тут же возникал ее третий элемент – «Петлюра» как «освободитель» Украины от евреев (а значит, и от коммунистов) и который в об-

ласти украинско-еврейских отношений «хотел сделать хорошо»¹⁹⁰. Недаром, как отмечали чекисты, убийство Петлюры вызвало много разговоров среди украинского населения, причем нашлось немало тех, кто придерживался мнения, что евреям и большевикам надо мстить¹⁹¹.

Никаких доказательств участия ГПУ в организации покушения ни на процессе, ни позднее, выявлено не было. Тем не менее спланированное или неожиданное убийство лидера украинского движения позволило большевикам решить сразу несколько проблем. Во-первых, устранялся бывший союзник Ю. Пилсудского, пришедшего в результате переворота к власти в Польше в мае того же 1926 г. Во-вторых, вносился раскол в среду украинской эмиграции. И, в-третьих, устранялся символ, на который могли ориентироваться оппозиционные круги внутри УССР. После его гибели, «пропетлюровские» настроения и ориентация на украинскую эмиграцию постепенно сходят на нет.

Справедливости ради надо сказать, что далеко не все крестьянство, даже в западных регионах УССР, желало прихода петлюровцев. Еще свежо было воспоминание о последнем наступлении Антанты, когда вместе с польской армией на Украину явились остатки войск УНР, а Петлюра предстал в качестве друга и союзника Польши. А отношение украинцев к последней издавна было крайне неоднозначным. Осталось оно таковым и в 1920-е годы. Например, в Шепетовском округе польские крестьяне утверждали, что в случае прихода польской власти жизнь улучшится, а их соседи-украинцы имели резко противоположное мнение. В 1928 г., под влиянием ухудшившейся международной обстановки, село начало лихорадочно готовиться к войне. При этом было замечено «более сочувственное отношение к советской власти, нежели всегда». Перемена настроения объяснялась просто: лишь только речь заходила о поляках, как крестьяне сразу «перестраивались на другой лад» и поддерживали советскую власть¹⁹².

Польский фактор, а именно: антипольская и антипанская составляющая в настроениях украинского крестьянства, во многом определили выбор ими геополитической, культурной и социальной ориентации на СССР. Как ни парадоксально, это относилось прежде всего к жителям западных приграничных округов, более «украинских» по своему облику и настроениям. Национальный и социальные факторы оказывались теснейшим образом связаны и в данном случае. Согласно информации, поступавшей от секретарей окружных комитетов партии, слухи о возможной войне с Польшей возбуждали у крестьян недовольство, обостряли национальные и религиозные чувства, пробуждали историческую па-

мять, в том числе недавнюю (в 1920 г. поляки «жгли села»). Но главное, что в сознании крестьян поляки неизменно ассоциировались с помещиками, а это вызывало резкую реакцию и готовность воевать, «лишь бы они... в виде власти не пришли»¹⁹³. Польский фактор еще раз продемонстрировал, что если для интеллигенции главным противником Украины виделась Россия, то народные массы ее таковой не считали, уступая эту «почетную» прерогативу Польше.

Но не только недовольство экономическими условиями могло послужить почвой или быть использовано для разжигания украинских националистических и антироссийских настроений. С иных позиций на национальную проблематику смотрели «национально сознательные» крестьяне, для которых национальный вопрос имел не последнее значение сам по себе, вне иных контекстов. Этим людей, конечно, тоже волновали налоги и хлебозаготовки. Но они смотрели шире, мыслили не мерками своего села или всей страны, а масштабами геополитической Украины, обладающей «пшеницей» и «Донбассом с углем»¹⁹⁴. Большое внимания они уделяли советской национальной политике, проблемам языка и образования, развитие которых увязывали с национальным вопросом. Такие люди уже мыслили «украинскими» категориями и для них не подлежало сомнению, что украинцы и русские – не только два разных народа, но и что их цели и интересы не совпадают. В качестве примера можно привести письмо некоего гражданина из с. Луки Кошеватского района Белоцерковского округа, в котором он выражает свое возмущение помещенным в газете «Пролетарская правда» (1925 г.) докладом о развитии образования на Киевщине, а также «передает мысли крестьян и рабочих» по данному вопросу. Причина его гнева крылась в том, что на селе было мало школ, в то время как в Киеве – много (соответственно 40 и 87), из них для нацменов (имеются в виду русские, евреи и прочие) – 60. На долю украинцев оставалось 27–30¹⁹⁵. Интересно уже то, что русские оказались помещены в категорию «нацменов». Другие не сомневались, что линия КП(б)У направлена на то, чтобы «запродать наше село... широкие степи казацкие заселить жидками, китайцами и москалями»¹⁹⁶.

Таких «национально сознательных» крестьян было немало и деятельность адептов движения, о которой пойдет речь ниже, способствовала увеличению этой категории. Но не только рассуждения об угнетении могли послужить причиной появления подобных настроений. Всплеск национальных чувств порой мог быть вызван невинным событием. Например, в одном селе Шепетовского округа некий сотрудник рыбхоза (украинец по нацио-

нальности) запретил ловить рыбу в пруду. Этот запрет вызвал у двух его односельчан, П. Дысы и А. Дыбы, приступ «шовинизма», заключавшегося в недовольстве «жидами» и «кацапами» и призывах к новой революции¹⁹⁷.

Поводом могло послужить и публичное выступление на русском языке. Языковой аспект активно муссировался в то время на Украине. Наиболее часто встречалось утверждение, что к крестьянам нужно обращаться по-украински, потому что тогда они не только поймут, что им говорят, но и изменят свое отношение к власти в лучшую сторону. Такую точку зрения активно проповедовали украинские националисты как петлюровского толка, так и «национал-коммунисты», работавшие в культурно-просветительских органах и сфере образования УССР. Между тем эта проблема была далеко не так проста, а выводы, которые делали «жовто-блакитные» и «красные» националисты, были далеко не так очевидны. Стоит остановиться на ней подробнее, так как данный вопрос связан с отношением крестьянства к политике украинизации – важнейшему мероприятию советской власти в области национальной политики в рассматриваемый период.

Не секрет, что украинизация встретила глухой саботаж, а иногда и открытые протесты (например, в виде писем в газеты и органы власти) со стороны горожан – государственных служащих, рабочих, русской интеллигенции. Село, хотя и не в такой степени, тоже по-разному относилось к проводимой политике и по-разному оценивало ее насущность. Если незаможников с Харьковщины русскоязычный оратор натолкнул на мысль об изгнании русских с Украины, то другие крестьяне смотрели на языковой вопрос иначе. Например, в с. Большой Фонтан Одесского округа крестьянский сход не дал учителю сделать доклад по-украински, а когда дело дошло до голосования по выбору языка, на котором следовало проводить официальные мероприятия, то весь сход (за исключением пяти человек) высказался за русскую речь¹⁹⁸. Бывали случаи, когда крестьяне просили приезжих ораторов, выступавших на литературном украинском языке, «не балакати по-українськи», объясняя это тем, что они ничего не понимают. В то же время «не треба» было и «балакати по-руськи». Выступать же следовало «по-нашому, по-селянськи, а не по-українськи»¹⁹⁹. Если вчитаться в различные письма, жалобы, обращения, написанные крестьянами, то можно убедиться, что их язык лишь отдаленно походил на литературный украинский, чаще всего представляя смесь народных малорусских и русских слов и оборотов. Эти и многие другие примеры свидетельствуют, что украинский литературный язык, создаваемый тогда «национально мыслящей» интеллигенцией, был не менее,

если даже не более, далек от крестьян, как и литературный русский. Симпатии к тому или иному языку обучения во многом зависели от особенностей региона, от государственной политики, от воздействия со стороны интеллигенции и от понимания перспектив, который тот или иной язык мог предоставить человеку.

Повсеместное введение литературного украинского языка в широкое употребление иногда приводило к курьезам. С. Ефремов приводит один «из современных (ему. – А.М.) анекдотов, а, может, из действительности, так как одно от другого у нас не отличишь». Суть его была в следующем. «Когда на село приезжает кто-либо из руководства и начинает говорить по-украински, то мужики чешут в затылке и говорят – “ну, значит, надо снова что-то платить”. Потому, что про налоги, повинности, и т.п. им каждый раз говорят по-украински. Если же говорят по-русски, можно быть спокойным: речь пойдет про интернационал, про “мировую буржуазию” и другие “нейтральные” дела, за которые платить не нужно. Вот вам и “украинизация!”»²⁰⁰ – заключает академик.

Судя по имеющимся данным, отношение к украинизации зависело от уровня «национальной сознательности», наличия в данной местности националистически настроенной интеллигенции, участия человека в Гражданской войне на стороне той или иной армии и, особенно, в бандах и националистическом подполье, от экономического положения его хозяйства или региона в целом. Большое влияние оказывала расстановка церковных сил. О церкви и украинском движении в ней речь пойдет ниже, но здесь следует отметить, что вопрос о языке богослужения был для «национально сознательных» крестьян далеко не праздным. Так, некий житель Конотопского округа, именовавший себя «сознательным украинским националистом», в письме в редакцию газеты «Радянське село» с негодованием жаловался на монашку, проводившую, по его словам, антиукраинскую агитацию. На вопрос, почему они служат не по-украински, «несознательная» служительница культа отвечала, что им все равно, так как «Украина нам счастья никакого не даст»²⁰¹.

В целом, отношение к украинизации на селе было разным и менее заинтересованным, нежели у интеллигенции. Немало было и тех, кто смотрел на проблему так же, как и безымянный красноармеец, который на политзанятии, посвященном украинизации, заявил политруку следующее: «Нечего нам пускать пыль в глаза насчет украинизации, так как мы хорошо понимаем и русский язык, а если бы вместо жидов в учреждения посадили украинцев, тогда бы действительно была украинизация»²⁰².

Еще одним поводом к росту украинских националистических настроений или просто к пробуждению национальных чувств, в том числе сознания различия интересов русских и украинцев, была кампания вокруг изменения границ между УССР и РСФСР, занявшая почти все 1920-е годы. Здесь во весь голос заявил о себе фактор государственности. Наличие последней стало мощнейшим стимулом для украинского национального строительства и развития украинского национального сознания. Вопрос о судьбе родных населенных пунктов всерьез встревожил их жителей. В соответствующие комиссии, государственные органы и газеты РСФСР и УССР посыпались письма, жалобы, просьбы передать их населенные пункты той или иной республике или, наоборот, оставить.

На выбор населением «нравящейся» республики оказывало влияние множество причин, далеко не все из которых имели отношение к национальным. К их числу относилось, например, наличие удобных путей сообщения с ближайшим городом, желание быть ближе к привычному городскому центру, с которым были связаны хозяйственные занятия населения. Но нередко встречались и мотивировки, основанные на национальном принципе. Например, сход Грузчанского сельского общества (РСФСР) охарактеризовал себя как часть «широй старой Украины», которую царская власть оторвала от «родного края». Другой сход, в одной из слобод Суджанской волости Льговского уезда Курской губернии, населенной в основном этническими украинцами, отметил, что местные украинцы тяготеют к Украине и украинским центрам и высказался за присоединение к УССР. Свое решение жители слободы мотивировали правом народов на самоопределение²⁰³. Но не все хотели быть «верными сынами УССР». Имели место и просьбы о присоединении к РСФСР. Так, жители четырех районов Таганрогского округа жаловались на украинизацию, непонятный для населения украинский язык, на который переводились органы управления и школы, и обещали, что будут добиваться присоединения их районов к РСФСР тоже «исходя из права наций на самоопределение»²⁰⁴. Как видим, «право наций» превращалось в обоюдоострое оружие.

На волне интереса к изменению границ и вполне понятного беспокойства насчет своего будущего, поднимались и шовинистические настроения, выразившиеся, скажем, в просьбах «избавить украинское население от насилия со стороны русских» и т.п.²⁰⁵ Если коснуться этого случая, то надо отметить, что письмо, пришедшее из слободы Подгорной Россошанского уезда Воронежской губернии РСФСР, было написано под влиянием борьбы ме-

жду инициативной группой сторонников присоединения к УССР и местными властями, не желавшими менять юрисдикцию. Здесь, как и всюду, весьма активную роль в агитации за вступление в состав УССР играла интеллигенция. Но следует подчеркнуть, что всплеск «украинофильства» (в смысле желания присоединиться к УССР) затронул прежде всего украинцев (да и то лишь небольшую часть), проживавших в приграничных областях России (и вездесущую интеллигенцию), а не украинцев в УССР.

Подводя итоги, можно сказать, что в 1920-е годы село в УССР продолжало сохранять высокую политическую активность. После ликвидации политического бандитизма и подполья эта активность выражалась в советских формах – через кампании по выборам в Советы, беспартийные конференции и т.д. Настроения села, особенно его зажиточной и, частично, середняцкой части, были довольно критическими по отношению к власти. В основе недовольства лежали экономические и социальные причины, замешанные на еще сильном крестьянском сознании. Волновавшие крестьян национальные проблемы чаще увязывались с еврейским вопросом и были порождены в основном экономическими и социально-политическими причинами. Случаи антиросийских и антирусских выступлений встречались реже. Спад националистических и в целом антисоветских настроений в середине 1920-х годов был вызван улучшением экономического положения в стране. И в целом, украинское село в основной своей массе интересовалось социальными и экономическими вопросами, по отношению к властям было настроено более-менее лояльно. Конечно, более полную картину можно наблюдать на примере популярности тех или иных организаций, действовавших в украинской деревне в те годы, и влияния Украинской автокефальной православной церкви.

В указанный период наметился рост кругозора и политической грамотности крестьянства, увеличилось его внимание к внутри- и внешнеполитической жизни страны, происходит активное становление национального сознания, в основном в украинском варианте. Закреплению последнего способствовал ряд причин: петлюровский бандитизм, действовавший под националистическим флагом самостийности Украины, политика украинизации. Но что самое важное, ликвидация неграмотности и преподавание в советской школе велось на украинском языке. К тому же на волне советской украинизации активно действовала националистически настроенная интеллигенция, проводившая свою украинизацию и стремившаяся утвердить в народе украинское самосознание и украинскую идентичность.

Оживление антисоветских и националистических настроений происходило при ухудшении экономического положения в стране и в сельском хозяйстве и при резких изменениях в мировой политике. Тогда крестьянство могло оказаться восприимчивым к любой антигосударственной пропаганде, в том числе националистической. Помешать налаживанию мирной жизни и установлению смычки с крестьянством, принести националистическую идеологию на село могла интеллигенция. Поэтому следует обратиться к этой социальной группе, имеющей самое непосредственное отношение к украинскому национальному движению, и проследить, какие же настроения бытовали в ее среде во время и после Гражданской войны.

Украинская интеллигенция и национальный вопрос

Украинская интеллигенция и революция. Революцию 1917 г. украинская интеллигенция встретила с энтузиазмом, надеясь на воплощение в жизнь своих идеалов и проектов. В этом она мало отличалась от всей российской интеллигенции. Но имелись между ними и различия. После кратковременного упоения революционной стихией в 1917 г., российская интеллигенция переживала глубокую депрессию, вызванную как объективными причинами (голодом, террором, разрухой), так и субъективными – разочарованием в революции. С революцией она потеряла возможность использовать то, что имела: свою профессию, знания, а в случае наличия и талант. Утратила она и вождеденную роль «защитницы» и «совести» народа. Лишившись экономической почвы и общественно-политической значимости, российская интеллигенция в основной своей массе не приняла советскую власть и осталась по отношению к ней в глухой оппозиции. Украинская интеллигенция, напротив, приняла деятельное участие в революции и Гражданской войне.

«Откат» от революции российской интеллигенции начался уже осенью 1917 г. Для украинской интеллигенции тот же период стал временем наивысшего подъема политической активности. Разложение старой российской государственности и революция открывали перед национальным движением широкие перспективы национального и государственного строительства «Украины». Поэтому поначалу, наряду с эйфорией от свержения самодержавия, в среде украинской интеллигенции возобладала (а точнее, укрепилась) теория *бесклассовости*. Согласно ей

украинское общество являлось единой силой – молодой украинской нацией, которая должна добиваться своих национальных целей, естественно, под мудрым руководством своей надклассовой интеллигенции. Достаточно ярко эту теорию сформулировал С. Ефремов. Он полагал, что «угнетенные нации – это почти сплошь трудовое крестьянство, во главе которого стоит также трудовая интеллигенция». Поэтому «ни наследия феодального строя – крупных земельных собственников, ни новейшей сильной буржуазии, которая защищала бы свои классовые интересы, внутри молодых, недавно возрожденных наций – не бывает». Но неподготовленная «борьба низов социальной пирамиды за лучшее будущее большей частью приносит им вред». Поэтому польза от борьбы возможна лишь в том случае, если она осуществляется вместе с «разумом» и «сознанием», т.е. под руководством интеллигенции²⁰⁶.

Теория бесклассовости вела свое происхождение из двух источников. Первым было присущее всей российской интеллигенции и украинской как ее части «народолюбие» и связанный с ним ореол «жертвенности» образованного сословия и необходимости искупления его «вины» перед народом. Другим стала собственно этнократическая идеология, в которой центральное место занимало положение об «угнетенной нации». До революции всю украинскую интеллигенцию объединял национальный вопрос, все прочие отходили на второй план. Известный участник украинского движения, видный украинский коммунист А.Я. Шумский утверждал, что с начала XX в. в «просвитах, кружках и громадах» украинская интеллигенция воспитывалась «в атмосфере единого национального фронта»²⁰⁷.

Теория бесклассовости стала главным императивом поведения национальной интеллигенции не только в годы Гражданской войны, но и в последующий период. Но отсутствие единства по социальным вопросам в условиях социальной революции привело к тому, что она, так и не успев сформировать сколько-нибудь прочный «национальный фронт», разделилась на ряд враждующих лагерей. Фактически «фронт» развалился параллельно с падением Центральной рады в начале 1918 г. Ход Гражданской войны и расклад социальных сил продемонстрировал, что подобные идеи были мало чем подкреплены. Одна лишь национальная составляющая не смогла стать общей платформой для украински ориентированных сил. Узость их социальной базы предопределила неудачу попыток встать во главе масс и направить народную энергию на достижение нужных им целей. Все это окончилось эмиграцией большей части интеллигенции за рубеж, разочарова-

нием в политике и апатией той ее части, которая осталась на Советской Украине.

В силу того что на Украине советская власть появлялась периодически и сменялась другими режимами, в ее прочности и долговечности сомневались больше, чем, скажем, в РСФСР. Поэтому для интеллигенции на Украине (и украинской, и русской), эта власть не успела стать «своей», или, по крайней мере, не «чужой». «Своими» украинская интеллигенция считала «национальные» режимы. Да и периоды массового вовлечения интеллигенции в политику совпадали по времени с установлением этих режимов и сменялись периодами выжидания при вступлении на Украину красных или белых²⁰⁸. Поэтому «нейтрализация» большевиками политической активности украинской интеллигенции заняла длительное время. Но несмотря на все, как и на то, что сама она оказалась частично выброшенной из Украины, интеллигенция продолжала оставаться силой, хотя уже не столько политической, сколько идеологической, от позиции которой зависело положение советской власти.

В 1920-е годы понятие «украинская интеллигенция» применительно ко всей интеллигенции на Украине стало употребляться чаще, но все же и для этого периода характерно разделение интеллигенции в зависимости от ее мировоззрения на украинскую и русскую. Если обозначение интеллигенции на Советской Украине как «украинской» имело место преимущественно в публичной практике (пресса, постановления съездов и конференций), то ее разделение на национальные «отряды» было присуще документам закрытого характера. Поэтому в дальнейшем, говоря об украинской интеллигенции, будем иметь в виду только ту часть интеллигенции, которая являлась носительницей украинских национальных ценностей, была их разработчицей и принимала участие в украинском движении.

Каков же был удельный вес населения, относимого к этому социальному слою, среди всех жителей УССР? На начало 1920-х годов данные будут весьма приблизительные. Нечеткими были критерии, по которым определялся социальный статус. Получаемые сведения зависели от того, принималось ли во внимание социальное происхождение человека, дореволюционная его деятельность, или же за основу бралось его нынешнее занятие. Революция коренным образом изменила жизнь миллионов людей, бывшие зажиточные и знатные люди становились рядовыми служащими, а вчерашние крестьяне и красноармейцы занимали ответственные партийные, советские и хозяйственные посты. В значительной степени этот процесс затронул интеллигенцию.

Часть ее люмпенизировалась либо перешла в иные социальные группы, другие оказались в эмиграции или погибли в годы смуты²⁰⁹. В то же время ее ряды пополнились выходцами из других социальных групп. Особенно это касалось учительства, прежде всего сельского. Знающих специалистов, к тому же согласных идти на тяжелую и неблагодарную работу, было недостаточно, а многим представителям интеллигенции и «бывшим людям» надо было на что-то жить. На выбор работы учителя влияли и некоторые другие обстоятельства, о которых речь пойдет ниже.

К началу 1920-х годов на территории Советской Украины проживало примерно 200 тыс. человек, занятых умственным трудом, что составляло пятую часть от всей интеллигенции Советской страны (900 тыс. – 1 млн человек) и 0,7% от всего населения УССР²¹⁰. В отношении количественного состава профессиональных групп интеллигенции единой статистики нет. Так, численность наиболее многочисленной группы – учителей – варьируется от 63 тыс. (для сравнения, в 1914–1915 гг. их было 46 739 человек, а вместе с воспитателями детских садов и детских домов эта цифра увеличивалась до 83 615 человек) до 75 тыс. Такими данными располагал в 1921 г. Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос), причем более половины учителей проживало и работало на селе. Имеются расхождения и относительно численности медицинских работников на территории Советской Украины: врачей от 6122 до 7600 плюс еще 13 тыс. среднего медицинского персонала²¹¹.

Точное число технической интеллигенции также неизвестно, хотя в тот же период в качестве трудовой повинности работало по специальности примерно 6 тыс. инженерно-технических работников и 3 тыс. специалистов по сельскому и лесному хозяйству²¹². Всего же на 1 сентября 1921 г. на Украине проживало свыше 11 тыс. человек с высшей и средней технической квалификацией. Из их числа в промышленности и на транспорте было занято 5188 человек²¹³. Такое расхождение (более чем в два раза) между общей численностью специалистов и теми, кто был занят на производстве, можно объяснить как дезорганизованным состоянием экономики, так и упадническими настроениями самих специалистов, скептически относившихся к экономической политике большевиков и не спешивших идти к ним на службу.

Наконец, представителей элиты интеллигенции – профессорско-преподавательского состава, а также аспирантов вузов, техникумов, рабфаков, сотрудников Всеукраинской академии наук (ВУАН) и других – насчитывалось всего около 8 тыс. человек. К осени 1923 г. число их выросло до 9977 человек²¹⁴. И совсем тон-

кую, но весьма важную для любого общества прослойку составляли лица «свободных» профессий: литераторы, художники, музыканты. Сколько их было, можно установить только условно, ориентируясь по численности преподавателей соответствующих предметов в высших учебных заведениях²¹⁵.

Таким образом, в начале 1920-х годов лица, занятые умственным трудом составляли примерно 200 тыс. человек (из них служащих было около половины). Более точные данные имеются на середину десятилетия. Если не учитывать государственных служащих, то цифра будет выглядеть по-другому: 138 538 человек, из них в городе проживало 84 059 человек (60,7%), а в сельской местности – 54 469 (39,3%). На селе работала значительная часть учителей и подавляющее большинство специалистов по сельскому хозяйству, которые и составляли основные кадры украинской интеллигенции. Самая высокая доля этнических украинцев была среди работников культуры и просвещения – 69,2% (46 915 человек), сельского хозяйства – 62,3% (1843 человека), руководящего состава государственных органов 47,6% (20 112 человек)²¹⁶.

В дальнейшем, на протяжении 1920-х годов ни в составе интеллигенции, ни в том положении, которое она занимала в обществе и государстве, резких изменений не было. Вузы становились «путевкой в жизнь» для детей старой интеллигенции (благодаря уровню образования поступить им было легче, чем детям рабочих и крестьян), профессия давала возможность занять определенное место в обществе. Поэтому основная масса послереволюционной интеллигенции на Украине происходила, по терминологии тех лет, из мелкой буржуазии города и деревни²¹⁷. И только с конца десятилетия государство приступило к активной подготовке новых кадров интеллигенции, что было вызвано их нехваткой в условиях начавшегося индустриального рывка. Этот процесс завершился к середине 1930-х годов, когда, согласно официальным установкам, появилась новая социальная прослойка – *трудовая интеллигенция*. К 1939 г. представителей профессий, связанных с умственным трудом в УССР, насчитывалось уже 839 616²¹⁸.

Нельзя обойти стороной и еще один вопрос: можно ли относиться к интеллигенции как к чему-то единому? Интеллигенция неоднородна по своему социальному, профессиональному составу, значительную роль играет уровень подготовки и образования ее представителей, положение в обществе (которое, с одной стороны, является результатом их профессиональных качеств, а с другой – служит важнейшим условием для получения образования и места в жизни). Действительно, на первый взгляд трудно сравнить общественное положение, которое занимают сельский

учитель и академик. Но при всем внешнем различии их объединяет специфика работы – умственный труд. Что же касается степени воздействия на жизнь общества, на сферу общественной мысли, то, порой, трудно сказать, у кого она больше – у кабинетного ученого или у простого учителя, работающего в постоянном контакте с широкими массами, особенно с детьми. От того, что учитель вложит в душу и голову маленького человека, зависит очень многое и в жизни этого человека, и в обществе в целом.

Конечно, можно говорить о «рядовой» массе интеллигенции и ее «элите» (например, профессорско-преподавательском составе вузов, академических институтов, представителях «свободных» профессий, объединенных в творческие организации или работающих самостоятельно) и исходя из этого анализировать силу их воздействия на жизнь общества. Но хотя данное разделение имеет место, оно достаточно условно и обе эти группы весьма тесно связаны между собой. «Рядовая» масса интеллигенции принимает на вооружение мировоззренческие теории и доктрины, вырабатываемые «наверху», пропускает их через себя и несет в массы. А «элита», в свою очередь, «питается» настроениями, взглядами, практикой этой «рядовой» массы. Формально эти настроения должны идти от народа, быть народными по сути и лишь формулироваться интеллигенцией. Именно так ее представители и стремились представить связь «народ–интеллигенция». Однако, как показывает опыт, российскую и украинскую интеллигенцию собственно народные интересы и чаяния волновали мало. Интеллигенция жила своей особой жизнью, в мире привнесенных извне или созданных ею самой модных идей и теорий, мало соответствующих реальным нуждам общества. Это, впрочем, не мешало ей относиться к народу как к подопытной массе и навязывать ему свои взгляды и ценности. Исходя из них, она формулировала моральные принципы и стереотипы, создавала политические теории и идеологии.

Именно «наверху», в соответствующих творческих, научных и образовательных организациях формулируются поведенческие нормы для крупных общественных коллективов (социальных групп, классов, наций). Такие организации становились базой для идейного и идеологического оформления национальных движений. Вместо исходного «сырого материала», потенциальных элементов национального организма, настроений различных групп населения, иногда довольно общих и туманных, появлялся идеальный тип национального коллектива с концепцией прошлого и будущего, с четко оформленными идентификационными понятиями *мы* и *они*. Теперь уже «низы», а с их помощью и широкие на-

родные массы, должны были проводить в жизнь эти концепции и представления, а если надо, то подгонять и подстраивать под них существующую действительность. Вот почему национальные движения либо возникали вокруг научных центров или творческих коллективов, либо стремились к их созданию (например, к учреждению украиноведческих кафедр при вузах дореволюционной Малороссии и Галиции или к организации украинского университета). Трудно переоценить то значение для консолидации украинского движения и национального развития Украины, которое имели львовское Научное общество им. Шевченко или киевская Всеукраинская академия наук. Поэтому рассматривать обе группы интеллигенции (в данном случае нас интересует, прежде всего, гуманитарная интеллигенция) надо комплексно, не забывая об их теснейшем взаимодействии.

Политические настроения интеллигенции. После окончания Гражданской войны интеллигенция на Украине переживала далеко не лучшие дни. Помимо разрухи и прочих «неудобств», присущих военному лихолетью, на ее самочувствие влиял еще ряд моментов. Отношение большевиков к интеллигенции было настроенным, если не сказать большего. В сознании многих рядовых коммунистов и высокопоставленных партийцев закрепился образ интеллигента как классового врага²¹⁹. Надо сказать, что подобное восприятие интеллигенции, порой перераставшее в «спецеедство», сохранялось на протяжении 1920-х годов, пока она продолжала оставаться «старой». Положение о диктатуре пролетариата и жесткий контроль над обществом не предусматривали особого положения интеллигенции в новом порядке и потому не могли ей понравиться.

Настороженное отношение большевиков к украинской интеллигенции объяснялось ее участием в Гражданской войне на стороне их противников. В связи с переходом к новой экономической политике, которая повлекла за собой некоторую либерализацию в экономике, у нее затеплились надежды, что вслед за этим начнется и демократизация общественной жизни. На этой почве стали отмечаться попытки отдельных лиц и групп выработать и распространить в массах свои альтернативные идеологии. Власти увидели в этом опасность, и начиная с середины 1920-х годов борьба за умы людей, за право монополии над идеологической сферой велась все активней. Прежде всего это коснулось интересов украинской интеллигенции, которой не были чужды мысли о судьбах Украины, и которая имела свое мнение насчет проводимой политики и свою точку зрения на способы разрешения национального вопроса.

Однако не только большевики были виноваты в холодных отношениях с интеллигенцией. Не меньшая ответственность лежала и на последней, и крылась в ее нереализованных амбициях. Вся российская интеллигенция считала себя «обиженной» революцией: запросы на духовное и политическое лидерство были велики, а гегемоном стали другие. Тем более это было характерно для интеллигенции украинской, пережившей крушение своих амбиций и, пожалуй, даже в большей степени, чем русская, считавшей себя морально ответственной за судьбу народа, который она, как сама считала, была призвана вывести из «плена египетского». Но в годы революции достичь единства народа и национальной интеллигенции не удалось во многом потому, что их цели далеко не всегда совпадали, а этого не могли или не хотели понять многие деятели украинского движения. «Идеалы масс не входили составной частью в мировоззрение интеллигента. Захваченный борьбой во имя личного счастья (а для многих достижение этого личного счастья было неразделимо с воплощением в жизнь тех или иных идей, в том числе национальных – А.М.), интеллигент просто не обращал внимания на массы. Требования этих масс казались ему, интеллигенту, господину этих масс, покушением на его личную свободу, борьба за которую являлась сущностью его жизни. Таким образом, интеллигент мог думать о массах только как о своем личном враге»²²⁰. Хотя это было написано за несколько лет до революции, приведенная оценка как нельзя лучше отражает самочувствие интеллигенции в первые годы после окончания Гражданской войны.

Итак, в результате воздействия целого комплекса причин настроение весьма широких слоев украинской интеллигенции к началу мирного периода было подавленным, ощущалось разочарование, нежелание участвовать в общественной и политической деятельности (прежде всего, советской). Состоянию апатии в полной мере способствовало ужасное материальное положение, в котором оказались все без исключения категории интеллигенции, начиная от мелких служащих и заканчивая известными деятелями науки и культуры. Например, зарплата ординарного профессора составляла 30% от довоенной, а зарплаты учителя вплоть до середины 1920-х годов хватало на удовлетворение лишь 50% его нужд²²¹. На материально-бытовом положении учителей негативным образом сказался перевод в 1921 г. школ на обеспечение местных бюджетов, что привело к задержкам заработной платы, произволу со стороны местных чиновников. Трудности ассоциировались с политикой советской власти и не могли способствовать признанию ее «своей».

Не все группы интеллигенции жили одинаково. В лучшем положении оказался (помимо советских служащих) инженерно-технический состав. Труд последних был востребован всегда, тем более в стране, восстанавливающей разрушенное хозяйство. Поэтому на протяжении всего десятилетия специалисты инженерно-технических профессий получали более высокую зарплату, лучшие пайки и вообще занимали привилегированное положение (естественно, относительное) по сравнению с представителями других групп интеллигенции²²². Если в «технарях» государство было заинтересовано, то услуги гуманитариев ценились меньше. Нелегкое материальное положение заставляло людей сосредоточивать все внимание на том, чтобы выжить. «Учителя заботятся только о своем существовании»²²³, — указывалось в анкетах по изучению социальных процессов, протекающих на селе.

С изменениями в экономике происходили и изменения в настроениях. Так, положение учителей постепенно улучшается уже с 1922 г. Школы стали финансироваться не только из местного, но и из государственного бюджета. С 1923 г. начала расти зарплата²²⁴. Улучшение материального положения медленно, но верно увеличивало категорию людей, настроенных по отношению к советской власти лояльно. Но в начале 1920-х годов эта категория была еще относительно невелика. Большинство представителей интеллигенции было настроено к власти нейтрально. Это означало неучастие в какой-либо активной политической деятельности против большевиков, но вовсе не подразумевало отказа от негативного или критического отношения к советскому строю и коммунистам.

Другое направление представляли сторонники «сменовеховства», считавшие, что вместе с нэпом начнется эволюция политического режима страны в сторону его либерализации. Суть сменовеховства заключалась в отчасти вынужденном, а отчасти сознательном признании того, что в сложившихся условиях советская власть, несмотря на ее видимый интернационализм, есть единственно национально-русская власть, а большевизм — глубоко русское явление. Весьма точно ухватил главную мысль сменовеховства Н.И. Бухарин: согласно ей, говорил он, «весь наш социализм — пуф. А не пуф новое государство с небывалой шириной размаха своей политикой, с чугунными людьми, укрепляющими русское влияние от края до края земли»²²⁵. Сменовеховские настроения овладели значительными слоями интеллигенции, прежде всего, как легко убедиться из идейной установки, русской. В УССР сменовеховство также было больше популярно среди русской интеллигенции.

Наблюдались подобные настроения и среди интеллигенции украинской и связанных с ней мелкобуржуазных слоев населения. Но это сменовеховство имело совершенно другую идеологическую основу. Оно стало реакцией на переход большевиков к политике украинизации и увязывалось с ожиданиями трансформации УССР в сторону УНР. Оно затронуло также украинскую эмиграцию, правда, не в таких масштабах, как русскую. В письме И.В. Сталину от 4 сентября 1922 г. секретарь ЦК КП(б)У Д.З. Мануильский указывал, что «в наших национальных республиках, в частности, в Украине, “сменовеховство” запоздало в силу национальных моментов»²²⁶. Надежды украинской интеллигенции на эволюцию режима начали ослабевать после образования СССР. Создание союзного государства оттолкнуло немалую часть национальной интеллигенции, как и украинских националистов вообще, от политики советской власти²²⁷.

И, наконец, оставались люди, которые продолжали активно заниматься общественно-политической деятельностью – по преимуществу в подполье и бандформированиях²²⁸. По мере ликвидации подполья и благодаря прочим акциям советской власти, способствовавшим нормализации положения в УССР, политическая активность радикально настроенных представителей украинской интеллигенции, равно как и численность таковых, постоянно уменьшалась.

На протяжении всего десятилетия политика большевиков заключалась в сохранении кадров старых специалистов и смене их социально-политических настроений, т.е. расширении категории «нейтральных» и на их основе – «лояльных»²²⁹. Достигалось это методом «кнута и пряника». «Кнут» представляли собой политические процессы, на которых в качестве обвиняемых выступали представители интеллигенции: например, процесс над Киевским центром действий (апрель 1924 г.) или «шахтинское дело» (май–июль 1928 г.). В основе таких процессов лежало либо желание «приструнить» интеллигенцию и напомнить, кто в стране «главный», либо найти виновного в экономических просчетах и ошибках. Это, впрочем, больше касалось технической (русской) интеллигенции. К репрессивным мерам относились и высылки за границу, которые тоже оказывали сильное воздействие. Например, в закрытом письме второго секретаря ЦК КП(б)У Д.З. Лебедея И.В. Сталину (1922 г.) указывалось, что после высылки 70 сменовеховцев настроения профессуры изменились и она теперь была готова «служить и не рассуждать»²³⁰. На вопрос видного партийного и государственного деятеля УССР П.П. Любченко,

как относятся академики ВУАН к власти, С. Ефремов ответил, что они «привыкли»²³¹.

«Пряником» было улучшение условий работы и быта лиц, занятых умственным трудом. Восстановление экономики отразилось на положении интеллигенции и на ее отношении к большевикам. И хотя довольно большая масса работников интеллигентных профессий была настроена по отношению к ним язвительно-критически, нормальное материальное положение не давало повода для волнений. Но любое его ухудшение развязывало языки и усиливало недовольство.

Показательным может служить положение учительства – одной из наиболее многочисленных групп интеллигенции. Как свидетельствуют материалы учительских конференций и данные ГПУ, в 1925 г. самочувствие учителей было относительно благожелательным, а отношение к власти – лояльным. Но уже в следующем году был отмечен рост антисоветских настроений. Причиной стало ухудшение материального положения. Сказывалась огромная перегруженность – на одного учителя приходилось не 40 учеников, как полагалось по норме, а 80–140. Соответственно увеличивалось рабочее время. А зарплата сельского учителя в 1926 г. колебалась от 32 руб. 50 коп. до 65 руб., что составляло в лучшем случае 40–50%, а то и вовсе 10–15% от довоенного заработка²³². Городские учителя находились в чуть лучшем положении. Особенно раздражало учителей осознание несоответствия между теми задачами, которые на них возлагало государство, и теми средствами, которые на эти цели выделялись, а также то, что все это происходило на фоне роста экономики и уровня жизни населения. Резкое недовольство вызывало и то, что многие представители интеллигенции оказались гражданами «второго сорта», будучи лишены некоторых политических прав²³³.

Из-за всех этих причин у представителей интеллигенции, особенно работающих на селе, пропадал интерес к участию в общественной жизни и они стремились «выполнять только то, что требуется по службе»²³⁴. Напротив, интерес к профессиональной деятельности даже возрастал, так как служил своего рода защитной реакцией на попытки привлечь интеллигенцию к активной советской работе.

На волне усиления антисоветских настроений активизировались оппозиционные большевикам группы. Например, на учительских конференциях они пытались проваливать кандидатуры коммунистов, выдвигавшихся в президиум данной конференции и руководящие органы профсоюза работников просвещения (Рабпрос)²³⁵. Борьба проходила не только на беспартийных конферен-

циях. Оживлялись различные организации и ассоциации, не связанные с официальными профессиональными союзами – Ассоциация инженеров, Этнографическое общество и другие, которые начинали конкурировать с профсоюзами за право представлять интересы интеллигенции²³⁶. Отмечались и попытки самоорганизоваться. Так, в Черниговском округе учитель Шахлевич (сторонник «белой» ориентации) и его коллега Глоцкий создали группу из десяти учителей для организованной борьбы в профсоюзных органах. На Барвенковской учительской конференции (Изюмский округ) прозвучало недовольство коммунистами, которых обвиняли в том, что они держат учительство в полуголодном положении и смеются над этим²³⁷.

На фоне недовольства мог произойти «упадок политактивности». А могло случиться и обратное. В качестве примера можно упомянуть состоявшуюся 10–11 декабря 1925 г. в Полтаве учительскую конференцию, протекавшую очень бурно. Наиболее остро встали вопросы о зарплате и коллективных договорах. В ходе обсуждения прозвучали обвинения, что советская власть не защищает интересы учителей. В Полтаве даже готовилась забастовка. Часть учителей видела в ней лишь способ улучшить материальное положение. Но среди них имелись и антисоветски настроенные элементы, «сознательно провоцирующие учительство» для того, чтобы вызвать политический скандал. Особенно резко при этом «выступали шовинистически настроенные городские учителя»²³⁸.

Сложившаяся ситуация вызывала озабоченность у руководства республики. Усиление антисоветских настроений у интеллигенции было признано опасным. Но что характерно, не в связи с позицией интеллигенции как таковой, а из-за того, что под ее идейным воздействием «разбуженная активность и самостоятельность масс» могла пойти «под знаменем оппозиционной интеллигенции». Принятые меры по улучшению материального, бытового и профессионального положения сельской интеллигенции, создание вокруг нее атмосферы такта, чуткости, уважения, что было не менее важно для ее эмоциональных и легкоранимых представителей, позволили улучшить положение интеллигенции вообще и учительства в частности. А это заметно ослабило их антисоветскую настроенность²³⁹.

Конечно, материальное положение имело важное значение для формирования самочувствия интеллигенции. Но если выбор жизненной позиции среднестатистического крестьянина определялся положением его хозяйства, то для представителя интеллигенции материальная составляющая была хотя и важной, но дале-

ко не всегда главной мотивацией его поведения. Пожалуй, более важное значение имела духовная сфера. Среди интеллигенции было немало людей, которых больше волновало, что происходит в стране и мире, как развивается украинская культура. Хотя размышления о будущем Украины вполне могли переплетаться и с материальным фактором, последний чаще заключался не в зарплате того или иного учителя или служащего, а в экономическом положении УССР в целом.

На оппозиционность значительной части украинской интеллигенции большевикам, как и на холодное отношение к ней последних, влияло еще одно немаловажное обстоятельство. После окончания Гражданской войны и особенно ликвидации петлюровского подполья, значительная часть тех, кто боролся за УНР – офицеров украинской армии, чиновников министерств, общественных деятелей – легализировалась и «осела в... губернских и окружных учреждениях», иногда занимая ответственные должности²⁴⁰. Многие стали учительствовать в городских и сельских школах. Особенно это было характерно для приграничных округов. В качестве примера можно привести Чемиревицкий райисполком Каменец-Подольского округа. В 1927 г. в нем трудились: райстатистик Файнстиль – бывший петлюровец, до 1924 г. пребывавший в эмиграции; помощник бухгалтера Окнин, в прошлом офицер-сечевик; счетовод Рилинкевич – бывший поручик царской и сотник петлюровской армий; секретарь райсудземкомиссии Сонов – адъютант «какого-то штаба» у Петлюры, тоже вернувшийся после 1924 г. Комиссия во главе с генеральным секретарем ЦК КП(б)У Л.М. Кагановичем, обследовавшая приграничную полосу, пришла к заключению, что факты подобной «засоренности» райисполкомов и сельсоветов «насчитываются десятками»²⁴¹.

Конечно, как докладывали сотрудники ГПУ, «значительный процент бывших петлюровцев отошел совершенно от политической деятельности и примирился с фактом существования Сов. Властью». Постепенно они советизировались и отказывались от своего политического прошлого²⁴². Но происходило это не сразу и не со всеми. Многие, принимая действительность только внешне, оставались при этом во «внутренней оппозиции». В докладах ГПУ указывалось, что несмотря на тягу «части низовой интеллигенции» «к перемене ориентации в сторону сотрудничества с Сов. Властью и Компартией», таковая «в массе своей, если не открыто, то разными способами... старается высказать свое отрицательное отношение и где можно, принести некоторый вред»²⁴³. Бывшие сторонники украинских правительств, либо те, кто про-

сто работал на них, пополняя ряды советских служащих, учителей, медперсонала и т.п., приносили свои взгляды, высказывали свои настроения, которые не всегда свидетельствовали об их отходе от прошлого. Вот почему и руководство республики, и ГПУ внимательно следили за настроениями интеллигенции и деятельностью ее представителей.

Хотя «активной и организованной» украинско-шовинистической контрреволюции (как ее называли большевики) в 1924 г. не наблюдалось даже в западных губерниях республики²⁴⁴ (т.е. спецслужбы не сталкивались с признаками организованной работы националистических элементов), исключать возможность появления таковой было нельзя. Кроме того, нельзя было забывать, что интеллигенция и служащие являлись посредником между партией и государством, с одной стороны, и народом – с другой. А как нередко подчеркивалось в сводках, посредником они были ненадежным, потому что шатались «между буржуазией и пролетариатом», т.е. между поддержкой советской власти и ее неприятием²⁴⁵. В чем же выражалось «отрицательное отношение» к большевикам и в чем заключался «некоторый вред», который определенные круги пытались нанести советской власти?

Взгляд на национальные проблемы. Для начала посмотрим, насколько националистические настроения были сильны среди интеллигенции и как они проявлялись. В большинстве случаев вся «оппозиционность» интеллигенции сводилась к разговорам о том, скоро ли падет большевистский режим и вернется капитализм²⁴⁶. Помимо констатации своего тяжелого положения (интеллигенция подвергается эксплуатации и советской власти не нужна), имело место такое явление, как «ревность к городу» (у сельской интеллигенции) или «ревность к рабочему классу», к которому власть подходит с другой меркой (у городской)²⁴⁷. Часть представителей интеллигенции ожидала перерождения СССР в буржуазную республику даже в 1927 г. Очевидно, подобные ожидания появлялись под влиянием острых внутрипартийных дискуссий о путях развития страны. Вообще, мимо интеллигенции не проходило ни одно важное событие. Были общие темы, одинаково близкие и городской, и сельской интеллигенции, например о хозяйственном развитии УССР, о Днепрострое или переводе главной базы Черноморского флота из Севастополя в Новороссийск. Были узкопрофессиональные темы – о реорганизации высшей школы, развитии ВУАН и т.п.²⁴⁸ Но основное внимание уделялось государственной политике. За политикой следили и крестьяне. Но их основная масса нечетко представляла, чем отлича-

ется линия ЦК от линии левой или правой оппозиции и трактовала события исходя из того, кто хочет сделать для крестьян «хорошо». Интеллигенция в политике разбиралась лучше. Для нее было присуще критическое отношение к коммунистам. Украинская интеллигенция в основу своего анализа внутрипартийной борьбы ставила национальный вопрос.

Как указывалось в докладной записке ГПУ «О состоянии украинской интеллигенции», датированной сентябрем 1926 г., большая часть последней «одобряет линию ЦК и враждебно относится к платформе оппозиции». На отрицательное отношение к левой оппозиции повлияло два момента. Во-первых, украинская интеллигенция опасалась, что левая оппозиция, одержав победу, приступит к свертыванию политики украинизации. Действительно, Г.Е. Зиновьев не раз выступал с критикой этой политики (см. ниже) и сомневался в ее необходимости. Во-вторых, левая оппозиция выступала за ускоренное развитие промышленности за счет сельского хозяйства, т.е. крестьянства. А именно в последнем активисты украинского движения видели ядро украинской нации, очаг национальной культуры. Согласно их точке зрения, экономическое наступление на село становилось наступлением на украинскую нацию, а политика украинизации, – своего рода «уступка украинскому середняку», оказалась бы незамедлительно свернута. Связь между экономическим положением села и перспективами развития национального движения ярко выразил некий украинский кооперативный деятель. Он выступал за линию ЦК («правлящего дома», как он его называл), объясняя свою позицию тем, что при проводимой политике украинство крепнет, а если придет оппозиция, то она «всю украинизацию загонит к черту, никого и ничего не оставит». Ее политика истощит крестьянство, «а по мере истощения крестьянства будет происходить истощение реальных украинских сил». И поэтому, считал он, пока выгоднее «идти с Компартией»²⁴⁹.

В то же время многие представители интеллигенции (тут можно говорить о всех ее разновидностях и группах) придавали оппозиции большое политическое значение и с удовольствием констатировали факт ее существования. «Мы хорошо знаем, что оппозиция против украинской национальной политики. Все же нужно ее поддерживать до тех пор, пока она не свергнет существующую власть, а тогда мы используем момент переворота в своих интересах», – рассуждали деятели украинского движения, усматривая в ожесточенной внутрипартийной борьбе симптом раскола партии²⁵⁰. Общая тактика украинских оппозиционных групп в этих условиях должна была сводиться к тому, чтобы следить за

политической ситуацией в стране и мире, накапливать силы, проводить большую организационную работу, готовить массы и использовать в своей национальной борьбе любую слабость большевиков²⁵¹.

Как полагали «национально мыслящие» элементы, эрозия власти, начавшись со споров ЦК и оппозиции, заставила бы центральное и республиканское руководство идти на всевозможные уступки, в том числе в национальном вопросе, а в экономике – «праветь». И в течение непродолжительного времени УССР могла превратиться во вполне самостоятельное и независимое (от России) буржуазное государство²⁵². Понятными становятся нотки разочарования, появившиеся в настроении интеллигенции после того, как стало ясно, что раскола в партии не будет. Правда, из-за того, что оппозиция потерпела поражение, а победу одержал ЦК (Сталин), большого разочарования в кругах национальной украинской интеллигенции все же не было²⁵³. Большой шок она испытала тогда, когда в борьбе с правой оппозицией И. Сталин фактически взял на вооружение идеологию недавно разбитой им левой оппозиции и ее подход к проблеме индустриализации страны (не говоря уже о переходе к форсированной коллективизации).

Но не вся интеллигенция на Украине выступала за линию ЦК. Больше симпатий к левой оппозиции наблюдалось в среде русской интеллигенции – врачей, инженерно-технических работников, которые были далеки от увязывания экономических вопросов с проблемами развития украинской нации или, напротив, были недовольны политикой украинизации. Они просто критиковали партию и ратовали за ускорение экономического развития. Имелись и настоящие сторонники левых взглядов и подлинные интернационалисты, которым не нравилось, что партия и ее ЦК «сползают вправо». Но в обсуждении внутренней политики интеллигенция, особенно русская, дальше ехидных намеков, многозначительного вида, как бы говорящего «вот посмотрим, что будет впереди, надо только подождать», не шла²⁵⁴.

Будучи мелкобуржуазной по своему происхождению и тесно связанной с городской и сельской мелкой буржуазией, интеллигенция становилась выразительницей ее настроений. В докладной записке «Об оживлении украинской контрреволюции» (1928 г.) председатель ГПУ УССР В. Балицкий заострял внимание на этом факте. Настроения зажиточных групп крестьян, торговцев, частных предпринимателей, недовольных темпами индустриализации, сворачиванием частной торговли и наступлением на зажиточные слои деревни, находили сочувствие среди «национально-шовинистической» интеллигенции. Она же, особенно со второй полови-

ны 1920-х годов, решительно делала ставку на «откровенно мелкобуржуазные слои», на первый план выдвигая их классовые требования. Ее не смирившаяся часть во внутривнутрипартийной борьбе усматривала возможность заставить коммунистов «подражаться» между собой, воспользоваться междоусобицей и начать строить Украину по-своему. «На развалинах коммунизма» они хотели создать «свою национальную партию» и с ее помощью «бороться с московскими узурпаторами», – цитировал Балицкий показания одного из лидеров раскрытой в начале 1927 г. подпольной организации «Украинская мужичья партия»²⁵⁵.

Возможной основой для национальной партии многие националисты считали крестьянские союзы. Они могли стать влиятельной силой, способной объединить под своими знаменами крестьянство и направить его недовольство нелегкой жизнью по «нужному» руслу. Возглавить союзы (идейно, а по возможности, и организационно), придать им политическую окраску и «пропитать» национальным духом должна была интеллигенция. Поэтому требования создания союзов встречали у нее поддержку. Так, в поступавших из окружных комитетов партии в Информационно-статистический отдел ЦК КП(б)У информационных бюллетенях о состоянии округов указывалось, что в ряде вузов (например, в Одессе) оформлялись политгруппировки, выступавшие за диктатуру крестьянства, а не пролетариата, со всеми вытекающими отсюда выводами²⁵⁶.

Общим моментом, объединявшим и тех, кто, разочаровавшись в политике, занялся другой деятельностью, и тех, кто продолжал активно сопротивляться большевикам, было отношение к советской власти как к власти «московской», «оккупационной», продолжающей политику «колониального угнетения» Украины. Интеллигенция все еще осмысливала поражение украинского дела, искала его причины, обращаясь к давним и недавним примерам из прошлого²⁵⁷. Как уже указывалось, образование СССР не могло способствовать изживанию подобных настроений и лишь усилило их (некоторые представители общественности даже называли его по аналогии с Переяславской радой новым «Переяславом» – «продажей Москве»²⁵⁸). Впрочем, уже к середине 20-х годов «мечты о немедленном выходе из Союза» большинством украинской интеллигенции расценивались «как несвоевременные»²⁵⁹.

Коренной перелом в ее настроениях произошел после XII съезда РКП(б). Его решения давали «добро» и государственную поддержку набравшим после революции силу национально-культурным процессам. На практике эти решения воплотились в

принятом в июне 1924 г. постановлении СНК УССР «О мерах в деле украинизации школьно-воспитательных и культурно-просветительских органов» и изданном в августе того же года декрете ВУЦИК и СНК «О мерах по обеспечению равноправности языков и помощи развитию украинского языка». Фактически, суть их сводилась не просто к стремлению «еще больше приспособить государственный аппарат к потребностям, быту и языку украинского народа», как это официально утверждалось. Их конечным результатом становилось *формирование* такого народа, распространение украинской национальной идентичности на народные массы. Естественно, сделать это было возможно лишь путем устранения такого положения, при котором имелось «фактическое преобладание русского языка»²⁶⁰ и русской культуры.

Националистические настроения были присущи (правда, в разной мере) как украинской, так и русской, еврейской, польской интеллигенции. Для русской интеллигенции национальный вопрос не имел такого значения, какое он имел для украинской. Конечно, национальные мотивы в ее настроениях присутствовали, но носили как бы оборонительный характер и являлись именно отголоском (или, как говорили большевики, пережитком) прошлого, того положения, которое занимала русская культура и ее носители до революции. Новая национальная политика, начиная с самого факта существования украинской государственности и, особенно, с начала проведения политики украинизации, расценивалась ею как бессмысленная мера, мешающая нормальному развитию культуры и народного образования, а потому встречалась негативно. Украинской интеллигенции был присущ национализм активный, наступательный, преобразовательный. В соответствии с ним в поле зрения украинской интеллигенции оказывались вопросы о месте УССР в союзном государстве, о перспективах экономического и политического развития республики. Но так как стержнем политики на Украине в те годы была украинизация, все в конечном счете сводилось к оценке ее темпов и содержания. Состояние украинизации стало своеобразным критерием оценки ею настоящего и будущего Украины.

Решения съезда дали «зеленый свет» украинским силам и официально легализовали их работу, которая велась и до этого, но явочным порядком, и трактовалась властью как национал-шовинистическая. Новый курс выбил из рук «шовинистов» их главный козырь – «национальное угнетение», и не только способствовал прекращению подпольной деятельности и ликвидации бандитизма, но и внес коренной перелом в настроения значительной части украинской интеллигенции. Украинизация была встречена

ею с радостью. Материалы политпроверки учительства свидетельствовали «о колоссальном сдвиге» в сторону большей лояльности к власти и заинтересованности в общественной работе. Имели место случаи, когда учителя и прочие работники просвещения были готовы бесплатно выполнять любую работу, лишь бы она была связана с украинизацией²⁶¹. Те, кто раньше находился в оппозиции большевикам, начали менять свои политические симпатии и отмежевываться от петлюровской (и прочей правой) эмиграции. Скажем, В. Голубович, бывший член ЦК УПСР и один из лидеров УНР утверждал, что для его прежних единомышленников коммунисты стали ближе, чем правые националисты, так как «национальный момент сейчас уже отпал» и ничто не мешает работать на благо Украины²⁶². Другой эсер, Сухенко, был более краток: «Теперь создавать (антисоветскую. – А.М.) организацию может только сумасшедший или провокатор»²⁶³. Стали возвращаться на Украину и эмигранты.

Хотя изучение политики украинизации не входит в круг наших задач, кратко сказать о ней необходимо. Политика украинизации была призвана достичь нескольких целей. Часто можно встретить утверждение, что украинизация государственного и партийного аппарата, поддержка развития украинской культуры и украинского языка была нужна для установления более тесных связей между партией и государством с одной стороны, и крестьянством – с другой, а также для того, чтобы партия не упустила руководства растущей общественно-политической активностью крестьянства. Именно таким образом объясняли необходимость проведения этой политики большевики²⁶⁴.

Это утверждение имеет под собой определенные основания. К власти многие крестьяне относились критически, и давать им лишний повод к возмущению было бы неразумно. Но, как мы убедились, далеко не все крестьянство интересовалось национальным вопросом и национальным составом партии в плоскости ее «русскости» или «украинскости». Чаще всего национальный момент всплывал на волне недовольства экономической политикой. А вот увязывали экономику и национальный вопрос, помимо «национально мыслящих» крестьян, которых было относительно немного, в основном представители интеллигенции – учителя, агрономы и др.

Таким образом, от отношения интеллигенции к власти, в том числе к ее национальной политике, во многом зависела позиция крестьянства, а значит, и положение советской власти на селе. Для украинской интеллигенции украинизация стала своеобразной культурной компенсацией за политическое поражение в Граж-

данской войне. Как справедливо указывает украинский историк Г.В. Касьянов, «официальное провозглашение политики украинизации должно было способствовать... привлечению (интеллигенции. – А.М.) к новому строительству, к тому же под контролем пролетарского государства»²⁶⁵, а также укреплению большевиками своих позиций. Партия не могла не видеть, что «неофициальная», «низовая» украинизация (иными словами, культурная деятельность украинского движения) началась задолго до провозглашения «официальной». Энтузиазм украинской интеллигенции начинал беспокоить большевиков. От лица ЦК КП(б)У Д. Лебедь докладывал в Москву, что они собирают факты «нетерпеливого отношения в деле украинизации школ и других культурных учреждений многочисленными украинскими интеллигентами, главным образом, учителями»²⁶⁶. Опасение упустить влияние на массы и отдать культурно-национальное строительство в руки «чуждой» интеллигенции стало еще одной причиной, повлиявшей на переход к политике украинизации. Взяв последнюю под свой контроль, партия намеревалась выбить начавшую было складываться монополию на развитие украинской культуры «у интеллигента, агронома, учителя»²⁶⁷.

По большому счету, «совесть нации» проводимую политику продолжала поддерживать и после того, как стало ясно ощущаться стремление большевиков монополизировать украинский национально-культурный процесс. Там, в ответе профсоюза работников искусств (Вукробмис) на запрос секретариата ЦК Компартии Украины о настроениях интеллигенции (1926 г.) говорилось, что городская интеллигенция, «особенно композиторы, актеры, преподаватели одобряют линию проведения нацполитики». Аналогичные сведения по сельской интеллигенции предоставить оказалось затруднительно по причине отсутствия среди них сколь угодно значительного числа работников искусств²⁶⁸. С одной стороны, этот ответ был выдержан в духе советских рапортов о поддержке и лояльности, но с другой – проводившийся курс действительно мог удовлетворять национальные устремления интеллигенции, хотя и не всей.

Усиление контроля государства над культурным строительством с течением времени стало отмечаться интеллигенцией, и она была этим, конечно, недовольна. Период эйфории сменился более прохладным, порой даже скептическим отношением к проводимой украинизации. В сводках ГПУ отмечалось, что националистически настроенная профессура (как и учительство) «более всего критично относится к... национальной политике» и сомневается в ее серьезности и искренности. Иногда на критическое отно-

шение влияли медленные темпы украинизации, иногда – ее внутреннее содержание²⁶⁹. В качестве примера можно привести письмо одного харьковского партийца, работавшего во Всеукраинском кооперативном союзе (Вукоспилке), Л. Кагановичу. Автор письма рассказывает о настроении своего начальника, «бывшего петлюровца», до 1923 г. проживавшего за границей, а затем вернувшегося в УССР и пополнившего ряды советских служащих. Начальник вращался в среде украинской интеллигенции, из чего автор письма делал вывод, что идеология, которую тот разделял, «в некоторой степени является показательной для его среды». А сводилась она к следующему. Начальник считал, что Украина испытывает «экономическое ущемление» со стороны Москвы. Украинизация оценивалась им как «неэнергичная» и фальшивая, которая ничем не отличается от английской колониальной политики в Индии, где англичане учатся говорить по-туземному, «чтобы лучше эксплуатировать»²⁷⁰.

Были и такие (например, С. Ефремов), которые прямо считали, что официальная украинизация – одно, «а истинное развитие нашего национального существования – другое»²⁷¹. Для проведения «настоящей» украинизации, считали эти люди, не было благоприятных условий. Очевидно, имелось в виду, что Украина находилась в составе СССР и что «большой процент руководящего состава в советском аппарате – не украинцы». Убежденность, что украинизацию и строительство украинской культуры вообще должны вести только украинцы (причем, очевидно, «профессиональные»), была довольно распространенной в среде «национально мыслящих» граждан УССР²⁷². Это убеждение являлось одним из основных аргументов того, что проводимая украинизация не отвечает интересам украинского народа, от имени которого интеллигенция привыкла действовать.

Циркулярное письмо ГПУ УССР «Об украинском сепаратизме» (1926 г.) указывало, что, по мнению украинских националистов, «единственным результатом теперешней украинизации явится то, что “кацапы” и “жиды”, находящиеся на государственной службе, обдирая в интересах Москвы украинского крестьянина, будут говорить с ним на ломаном украинском языке. А настоящая украинизация должна сводиться к тому, чтобы весь государственный аппарат перешел в руки “цирых украинцев”»²⁷³, т.е. активистов национального движения, которые в большинстве своем еще так недавно были сторонниками Центральной рады, Директории, участвовали в подполье и бандитизме, и лишь затем сменили профиль деятельности на работу в области просвещения и культуры. Весьма образно выразил отношение национально мыс-

лящих кругов украинского общества к политике большевиков секретарь отдела Нарпросвета и одновременно лидер коростеньской группы «сознательных» интеллигентов Т. Макода: «Я – националист. Мы – украинские интеллигенты, которых очень много, – и партия – два целиком противоположных лагеря, которые стремятся обмануть друг друга»²⁷⁴.

Борьба за внутреннее содержание украинизации, т.е. борьба за строительство украинской культуры и нации, между большевиками и национальным движением заняла все 1920-е годы, заметно активизировавшись во второй половине десятилетия. Она вовсе необязательно приобретала вид подпольной деятельности заговорщицких групп, хотя таковые тоже имели место. Но велась она в основном скрыто, под советскими лозунгами, прикрывшись коммунистической и интернациональной фразеологией. Пропетлюровски настроенных людей, т.е. ориентирующихся на украинскую эмиграцию и ожидающих реставрации УНР, становилось все меньше и меньше. Конечно, были и те, кто продолжал надеяться на «войну-избавительницу», которая бы принесла «большевикам поражение, а Украине – независимость» и считал, что «лучше быть под Польшей, чем под жидами»²⁷⁵. Но таковых было немного. Менялась жизнь, менялись и настроения: ко второй половине 1920-х годов даже учительство в массе своей стало относиться к советской власти лояльно. Как показали события 1926 г., несмотря на то что «убийство Петлюры вызвало безусловный рост активности враждебных групп как в среде украинской эмиграции, так и внутри УССР, ни к каким серьезным последствиям эта активность не привела. Ожидаемого взрыва протеста на селе не произошло»²⁷⁶. Интеллигенция в большинстве случаев ограничилась вечерами памяти «борца за независимость Украины»²⁷⁷. Даже те, кто имел собственное видение ее будущего, предпочитал связывать свою работу с существующей советской государственностью.

Неверие в искренность «официальной» украинизации возникло также под влиянием кадровых перестановок и внутривнутрипартийной борьбы (теперь уже не на союзном, а на республиканском уровне). Одним из первых столкновений, не оставшихся незамеченным, стал конфликт между бывшим боротьбистом, а затем коммунистом, наркомом просвещения УССР Г.Ф. Гринько, с одной стороны, и большей частью Политбюро ЦК КП(б)У – с другой. Речь шла о дальнейшем проведении национальной политики и привлечении украинской интеллигенции к работе в наркоматах (прежде всего Наркомате просвещения). В результате конфликта Г. Гринько, отстаивавший курс на углубление сотрудничества с

теми, кто участвовал в национальном движении, был вынужден оставить свой пост²⁷⁸. Но тогда, в 1921 г., внимание сторонников национального движения, особенно его некоммунистической части, не было так сильно приковано к внутрипартийной борьбе. Тогда у них еще оставалась альтернатива – подполье и ожидание «освобождения» из-за рубежа, которое в тот период казалось вполне реальным. Гораздо больший резонанс в среде украинской интеллигенции и всех «национально сознательных» украинцев, вызвало снятие со своего поста (и опять наркома просвещения!) А. Шумского и последовавшая за этим кампания по борьбе с украинским национальным уклоном, получившая название «шумскизма», «хвылевизма» и «волобуевщины»²⁷⁹.

И все же, несмотря на имевшееся недовольство официальной украинизацией, украинская интеллигенция активно ею пользовалась, причем не только для достижения каких-то высоких целей или воплощения национальных идеалов, но и просто для удовлетворения меркантильных интересов. Как известно, основная масса служащих была недовольна украинизацией и переводом делопроизводства на украинский язык. Самой волнующей темой, наряду с сокращением, стали экзамены на знание украинского языка²⁸⁰. Служащие были обязаны в определенный срок овладеть украинским литературным языком (а с его «готовностью» еще были, как мы помним, проблемы). Для обучения организовывались курсы, вводились категории знания украинского языка. Его изучение ложилось дополнительным грузом на служащих (как и на прочие группы русской интеллигенции), а угроза увольнения под предлогом незнания языка висела над ними «дамокловым мечом». Довольны политикой (или просто спокойно к ней относились) были те, кто знал украинский в совершенстве. Значительную их часть как раз и составляли националисты. Появился даже особый тип чиновников от украинизации. Многие из них не были «украинцами» с «дореволюционным стажем». Это были люди, пришедшие к украинству недавно, либо те, кто «держал нос по ветру». Они были особенно решительны и настойчивы («люты», как замечал С. Ефремов) в проведении украинизации²⁸¹.

Носители литературного языка быстро смекнули, что конъюнктуру можно использовать в материальных целях. Они становились репетиторами и готовили не говорящих по-украински к экзаменам, естественно, не бесплатно. Например, в середине 1928 г. в Славянске (Донбасс) урок стоил 3–4 руб. Преподавателями были, в основном, приезжие из Центральной и Правобережной Украины. Особую пикантность ситуации придавал тот факт, что репетиторы нередко оказывались и экзаменаторами²⁸². Как

тут не вспомнить утверждение известного коммуниста Ю. Ларина (Лурье). В статье, посвященной «изнаночной» стороне украинизации и ее перегибам, он писал: «Для национальной интеллигенции какого-либо народа вопрос о распространении или сужении применения ее языка – это вопрос хлеба, вопрос борьбы с конкурентами по обслуживанию тех же потребностей тех же людей на другом языке»²⁸³. Случай с репетиторами – наглядное тому подтверждение.

В центре внимания националистически настроенных кругов украинского общества находились не только проблемы развития культуры и формирования национальной идентичности. Они внимательно следили за тем, насколько Украина сохраняет и укрепляет свое «национально-суверенное бытие» и крайне болезненно реагировали на все, что, по их мнению, наносило вред интересам суверенности Украины. По их мнению, суверенности Украины угрожало отсутствие собственной украинской армии, сохранение «колониальных пережитков» в экономике и отсутствие полной свободы ведения внутренней и внешней политики²⁸⁴. Например, их не могло не тревожить бытовавшее положение, при котором «Донбасс не слушает Харьков, а считается только с Москвой»²⁸⁵.

Украинская интеллигенция внимательно следила за экономическим развитием республики. Мотив об экономическом угнетении Украины Москвой (неважно какой – царской, белой или красной) был и до сих пор остается одним из важнейших постулатов украинской националистической идеологии. В ходу были представления о подчиненном и зависимом характере экономики СССР. Суть их сводилась к тому, что советская власть продолжает царскую политику колониального угнетения, вывозя из Украины промышленное и сельскохозяйственное сырье, а товары продает ей по вздутым ценам и взимает с нее непомерно высокие налоги. «Украина кормит Россию», все средства идут на развитие экономики России – вот основная мысль этой концепции. Например, один учитель в письме своему бывшему ученику, указывал, что СССР – «республика, не имеющая своего бюджета». «Не мы распоряжаемся своими средствами, а берем то, что нам дала Москва». «Следи за экономикой, – советовал он своему питомцу, – как распределяются союзные средства, где строят заводы, электрические станции и т.п., тогда ты сразу прозреешь»²⁸⁶.

Но не только покушения на полномочия Украинской республики или игнорирование последних раздражали националистов. Как сообщало ГПУ, «большое возмущение» среди «украинского элемента» вызвала передача РСФСР Таганрогского и Шахтинского округов. «Усиленно муссировались слухи о том, что Дон-

басс с Харьковом Москва в непродолжительном времени также собирается отнять от Украины»²⁸⁷. В вопросе о размежевании с РСФСР нагляднее всего проявился такой феномен, как украинская великодержавность. Этот феномен чаще ассоциируется с украинской эмиграцией и деятельностью галицийских националистов, имевших возможность публично и в печатных работах излагать свои теории. Например, известный деятель Украинского национально-демократического объединения Левицкий на страницах львовской газеты «Діло» писал, что если Украина не желает оставаться второсортной страной и хочет войти в круг великих держав, она нуждается в новых территориях, причем не только сопредельных (Кубань), но и в Сибири, Туркестане, а также в протекторате над путями сообщения со своими «колониями»²⁸⁸. Подобные «имперские» проекты время от времени возникали в умах представителей украинского зарубежья.

Несмотря на то что их единомышленники в УССР в качестве своих первоочередных задач видели борьбу за «язык, нацию, культуру, самостоятельную экономику»²⁸⁹, и «империалистическим» проектам уделяли меньше внимания, великодержавные тенденции имелись и по восточную сторону р. Збруч, разделяющую СССР и Польшу. Здесь украинское великодержавие, т.е. стремление «подравнять» УССР под размеры «идеальной» Украины, включавшей в себя все земли, заселенные этническими украинцами или относимые к таковым, проявлялось в вопросе об изменении границ между Российской и Украинской республиками. Стоит отметить, что по этому вопросу (как и по ряду других) сторонники украинского движения находили точки соприкосновения с некоторыми руководителями республики.

Начавшаяся кампания всколыхнула украинскую интеллигенцию не только на Украине, но и в приграничных с ней областях России. Как всегда она взяла на себя роль организатора масс и повела кампанию за передачу ряда районов РСФСР в состав УССР. Например, общее собрание учителей и курсантов губернских украинских курсов Воронежа и украинского клуба имени Т.Г. Шевченко активно выступило в поддержку требований ВУЦИК о присоединении Валуйского, Россошанского, Богучарского уездов, а также ряда других территорий РСФСР к УССР, мотивируя это необходимостью борьбы с великодержавным шовинизмом. Собрание также постановило, что эту мысль необходимо внушать крестьянству и освещать проблему в прессе²⁹⁰. После завершения размежевания в составе РСФСР остался ряд территорий, которые деятели движения считали «своими». Таким исходом они были очень раздражены²⁹¹.

Важно отметить следующее. Недовольство «колониальной эксплуатацией» Украины, «неискренней» украинизацией и прочими ущемлениями украинского суверенитета, было не только следствием «традиционной» украинской националистической идеологии. Оно также символизировало ее эволюцию, заключающуюся в постепенном переходе ко взгляду на СССР как на *самостоятельное* государственное образование уже сформированной украинской нации. Именно таковым в представлении националистов была и должна была быть СССР. Как указывалось в цитированном выше циркулярном письме «Об украинском сепаратизме», «то обстоятельство, что украинские националисты прекратили открытую борьбу с советской властью и формально признали ее, не означает, что они окончательно примирились с теперешним положением вещей и искренно отказались от враждебных замыслов»²⁹².

«Враждебными» эти замыслы были с точки зрения советской власти. С точки же зрения националистов, они были продолжением национального и государственного строительства Украины – тем, чем они занимались до революции и за что боролись во время Гражданской войны. Недовольство или неприятие некоторых моментов в государственном, культурном и прочем положении СССР возникало скорей даже не столько из-за несоответствия между самим принципом советской государственности и идеалом украинской державности, сколько уже между тем, чего националисты ожидали от СССР, и тем, что в действительности она собой представляла. Еще непрочное положение большевиков позволяло надеяться на постепенное сползание СССР в сторону все большей независимости и окончательному воплощению «символа веры» украинских националистов (язык, культура, территория, нация, суверенность). В конфликт медленно, но верно вступали две концепции, два больших «проекта» будущего Украины: суверенно-национальный, принятый на вооружение украинским движением, и советско-коммунистический, проводившийся в жизнь партией большевиков.

Итак, можно сделать вывод, что украинская интеллигенция в силу многих идеологических, политических и материальных причин была настроена по отношению к большевикам отрицательно. По мере нормализации жизни, укрепления власти менялось и отношение к ней со стороны украинской интеллигенции. Но главной причиной, по которой она повернулась лицом к власти, стала политика украинизации. Украинская интеллигенция – разработчица и носительница украинской идентичности и идеологии – активно приступила к нациостроительству.

Проанализировав настроения основных групп населения УССР, следует обратиться к следующим вопросам и рассмотреть, как представляемый украинским движением национальный проект воплощался на практике.

- ¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 81. Оп. 3. Д. 130. Л. 50.
- ² Дубнов С.М. Краткая история евреев. М., 1996. С. 367, 368, 370.
- ³ Там же. С. 406.
- ⁴ Характерно, что по Зборовскому договору 1649 г. предусматривалось выселение евреев с территории создаваемого Русского княжества.
- ⁵ Емельянов Ю.В. Троицкий. Мифы и личность. М., 2003. С. 26–27. О психологическом портрете российского еврейства, о влиянии глубинных пластов религиозной культуры на его менталитет, как и на мировоззрение евреев – деятелей российского революционного движения см.: Там же. С. 9–53.
- ⁶ Краткая еврейская энциклопедия (КЕЭ). М.; Иерусалим. 1996. Т. 6. С. 118.
- ⁷ Данные Экспозиции Киевского исторического музея.
- ⁸ КЕЭ. Т. 8. С. 1177, 1195.
- ⁹ Мельгунов С.П. Красный террор в России. 4-е изд. Нью-Йорк, 1989. С. 47–51, 66–69, 90–92, 127–129 и др.
- ¹⁰ КЕЭ. Т. 6. С. 574; М. Иерусалим. 1997. Т. 7. С. 650.
- ¹¹ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 3021. Л. 5.
- ¹² Ефремов С. Щоденники, 1923–1929. Київ, 1997. С. 64.
- ¹³ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2442. Л. 72.
- ¹⁴ Там же. Д. 2524. Л. 31.
- ¹⁵ Там же. Д. 2442. Л. 73.
- ¹⁶ Там же. Д. 2112. Л. 58.
- ¹⁷ Там же. Д. 2524. Л. 31.
- ¹⁸ Там же. Д. 2316. Л. 5, 53, 131–131об.
- ¹⁹ Там же. Д. 2523. Л. 37.
- ²⁰ Там же. Д. 2522. Л. 67.
- ²¹ Там же. Д. 2316. Л. 17; Д. 2523. Л. 32–33, 46, 138.
- ²² Там же. Д. 2524. Л. 71.
- ²³ Там же. Д. 2315. Л. 19об.
- ²⁴ Там же. Д. 3021. Л. 10.
- ²⁵ Там же. Д. 2316. Л. 20.
- ²⁶ Там же. Д. 2112. Л. 57, 58.
- ²⁷ Там же. Д. 2316. Л. 100.
- ²⁸ Там же. Д. 1811. Л. 122, 123.
- ²⁹ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 113. Л. 5–6.
- ³⁰ Ефремов С. Указ. соч. С. 54.
- ³¹ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2239. Л. 52.
- ³² Цит. по: Подкур Р. За повідомленням радянських спецслужб. Київ, 2000. С. 203.

- 33 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2112. Л. 59.
- 34 Цит. по: *Подкур Р.* Указ. соч. С. 204.
- 35 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 3021. Л. 9.
- 36 Там же. Д. 2239. Л. 49; Д. 2523. Л. 270.
- 37 *Єфремов С.* Указ. соч. С. 62.
- 38 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2523. Л. 174–175.
- 39 Там же. Д. 2425. Л. 84об.
- 40 Нередко ожидания предстоящих погромов связывались с возможной войной, причем в таких случаях говорившие «хорошо знали», кого же они в действительности будут бить. См.: Там же. Д. 2112. Л. 56; Д. 2316. Л. 16, 71об.
- 41 Там же. Д. 2316. Л. 139–139об.
- 42 Там же.
- 43 Там же. Д. 2631. Л. 14; Д. 2316. Л. 71об.; Д. 3021. Л. 5.
- 44 *Шліхтер А.* Правда про єврейське переселення // *Більшовик України.* 1927. № 9. С. 56.
- 45 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2689. Л. 28–29.
- 46 Там же. Л. 34–35.
- 47 Там же. Д. 2316. Л. 110–110об., 149–149об., 150.
- 48 Там же. Д. 2523. Л. 58, 180.
- 49 Там же. Д. 2316. Л. 75.
- 50 Там же. Д. 2336. Л. 55; Д. 2338. Л. 17–18.
- 51 *Єфремов С.* Указ. соч. С. 538–539.
- 52 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2689. Л. 30.
- 53 Там же. Д. 2122. Л. 60.
- 54 Там же. Д. 2689. Л. 42.
- 55 Там же. Д. 2122. Л. 60.
- 56 Там же. Д. 2336. Л. 83.
- 57 Національні відносини в Україні у ХХ ст.: збірник документів і матеріалів. Київ, 1994. С. 133.
- 58 Там же. С. 170.
- 59 Там же. С. 141–142.
- 60 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1811. Л. 102.
- 61 Національні відносини в Україні... С. 143.
- 62 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1811. Л. 111–112.
- 63 Там же. Д. 2252. Л. 3.
- 64 *Шановал Ю., Пристайко В., Золотарьов В.* ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, документи. Київ, 1997. С. 431–581.
- 65 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2252. Л. 5.
- 66 Подробнее см.: *Марчуков А.* Еврейское крестьянство: миф или реальность? Еврейская сельскохозяйственная колонизация. Проблемы межнациональных отношений в УССР в 1920-е годы // *Россия. Век XXI.* 2002. № 4. С. 102–115.
- 67 Національні відносини в Україні... С. 149–150.
- 68 В 1913 г. в поселениях проживало 42 тыс. человек (КЕЭ. Т.2. С. 553).
- 69 *Шановал Ю., Пристайко В., Золотарьов В.* Указ. соч. С. 234.
- 70 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2689. Л. 14.

- ⁷¹ Там же. Д. 2524. Л. 6, 104; Д. 2239. Л. 47, 49; Д. 2112. Л. 56.
- ⁷² Там же. Д. 2122. Л. 51; Д. 2316. Л. 99.
- ⁷³ Например, в 1926 г. в СССР на нужды переселения было израсходовано 22,5 млн руб., из которых 16,7 (71,2%) поступило от зарубежных организаций (*Шліхтер А.* Указ. соч. С. 28; КЕЭ. Т.6. С. 191, 435; Т. 2. С. 346).
- ⁷⁴ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2425. Л. 20.
- ⁷⁵ Там же. Д. 2336. Л. 34 об. – 35, 68; Д. 2316. Л. 15; Д. 2315. Л. 71, 74, 76.
- ⁷⁶ Там же. Д. 2315. Л. 56, 57.
- ⁷⁷ Там же. Д. 2425. Л. 20; Д. 2315. Л. 56, 57, 77, 78–79.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Там же. Д. 2315. Л. 62, 63, 64.
- ⁸⁰ *Сфремов С.* Указ. соч. С. 397.
- ⁸¹ Отчасти это нашло отражение и в конституциях РСФСР (1918 г.) и СССР (1924 г.). См.: *Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И.* Очерк истории Советской Конституции. М., 1987. С. 252–253, 269.
- ⁸² *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ століття. Київ, 1997. С. 64–65.
- ⁸³ *Історія Української РСР.* Київ, 1977. Т. 6. С. 23.
- ⁸⁴ *Нестеренко А.А.* Очерки истории промышленности и положения пролетариата Украины в конце XIX и начале XX века. М., 1954. С. 147–148.
- ⁸⁵ *Історія Української РСР.* Т. 6. С. 23; *Кравченко Б.* Указ. соч. С. 105.
- ⁸⁶ *Кравченко Б.* Указ. соч. С. 105.
- ⁸⁷ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2425. Л. 24.
- ⁸⁸ В.І. Ленін про Україну. Київ, 1977. Ч. 2. С. 448.
- ⁸⁹ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2180. Л. 23.
- ⁹⁰ *Нестеренко А.А.* Указ. соч. С.157–160.
- ⁹¹ В начале XX в. около 2 млн крестьян переселилось на Урал и в азиатскую часть России.
- ⁹² ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1811. Л. 76, 122.
- ⁹³ Там же. Д. 2631. Л. 123.
- ⁹⁴ Там же. Д. 2894. Л. 100.
- ⁹⁵ *Кравченко Б.* Указ. соч. С. 106.
- ⁹⁶ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1811. Л. 122.
- ⁹⁷ *Кравченко Б.* Указ. соч. С. 67.
- ⁹⁸ *Щёголев С.Н.* История «украинского сепаратизма». М., 2004. С. 342–343, 354–355.
- ⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 127. Л. 254.
- ¹⁰⁰ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2894. Л. 99.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 104.
- ¹⁰² Там же. Л. 98.
- ¹⁰³ *Голуб Ф.* ЛКСМУ в культурно-національному будівництві // *Більшовик України.* 1929. № 7/8. С. 53. Об этнических самоназваниях также см.: ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2894. Л. 106.
- ¹⁰⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2001. Т. 4. С. 25, 28, 48–49, 55–56.

- ¹⁰⁵ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2122. Л. 19, 20, 22; Д. 2523. Л. 4 об., 6.
- ¹⁰⁶ Там же. Д. 2442. Л. 152–153.
- ¹⁰⁷ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину... Т. 4. С. 90–91.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 12–14.
- ¹⁰⁹ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2523. Л. 256.
- ¹¹⁰ Там же. Д. 2336. Л. 41об.
- ¹¹¹ Там же. Д. 2815. Л. 17; Д. 2336. Л. 73об.
- ¹¹² Там же. Д. 2239. Л. 5.
- ¹¹³ Там же. Д. 2523. Л. 32–33.
- ¹¹⁴ Там же. Д. 2443. Л. 119, 121; Д. 2425. Л. 20.
- ¹¹⁵ Там же. Д. 2800. Л. 11.
- ¹¹⁶ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 124. Л. 30.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 29, 35, 45, 47.
- ¹¹⁸ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1999. Л. 27.
- ¹¹⁹ Звіт – доповідь про діяльність київського губернського відділу ДПУ за 1923 рік // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 1997. № 1–6.
- ¹²⁰ Голуб Ф. Указ. соч. С. 54.
- ¹²¹ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2631. Л. 120. В одном из докладов по обследованию хода проведения украинизации приводятся слова одного еврея-строителя, интересные в отношении этнических самоназваний. Респондент считал, что украинскому языку учить надо украинцев, «а кацапов (!) и жидов (!) учить нечего».
- ¹²² Там же. Д. 2256. Л. 21. 22.
- ¹²³ Там же. Д. 2894. Л. 100–101.
- ¹²⁴ Там же. Л. 106.
- ¹²⁵ Там же. Д. 2631. Л. 118, 122.
- ¹²⁶ *Потанчук М.* Робітничя кляса України в національно-культурному будівництві // Більшовик України. 1932. № 5/6. С. 125–126.
- ¹²⁷ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2894. Л. 100; Д. 2256. Л. 13.
- ¹²⁸ Там же. Д. 1811. Л. 76.
- ¹²⁹ Там же. Д. 2894. Л. 100.
- ¹³⁰ Население России в XX веке: ист. очерки. М., 2000. Т. 1. С. 105, 127.
- ¹³¹ *Кульчицький С.* Комунізм в Україні. Перше десятиріччя (1919–1928 рр.). Київ, 1996. С. 133.
- ¹³² *Мирошникова П.Т.* Беспартийные крестьянские конференции – одна из форм партийно-массовой работы в деревне в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925): по материалам Украины // Харьковский ун-т / Учен. зап. Харьков, 1962. Т. 128. С. 49–51. (Труды кафедры истории КПСС. Т. 10).
- ¹³³ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении дел в стране. М., 2001–2002. Т. 1–4, 6.
- ¹³⁴ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2180. Л. 32.
- ¹³⁵ *Ефремов С.* Указ. соч. С. 250.
- ¹³⁶ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1124. Л. 1об.
- ¹³⁷ Там же. Д. 2336. Л. 63; Д. 3184. Л. 63. В 1925 г. общая посевная площадь достигла довоенного уровня, но урожайность продолжала оста-

- ваться низкой. Плохо обстояло дело и с зерновыми, производство которых достигло 98,7% от довоенного уровня лишь к 1927 г., а товарная часть продукции зерновых так и не вышла на довоенный уровень. См.: *Історія селянства Української РСР*. Київ, 1967. Т. 2. С. 97.
- ¹³⁸ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2361. Л. 83, 131–131об.
- ¹³⁹ *Ганжа О.І.* Опір селян становленню тоталітарного режиму в УСРР. Київ, 1996. С. 29.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 30.
- ¹⁴¹ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2310. Л. 53.
- ¹⁴² Там же. Д. 2316. Л. 129.
- ¹⁴³ Там же. Д. 2315. Л. 6; Д. 2239. Л. 11об.
- ¹⁴⁴ Там же. Д. 2316. Л. 8.
- ¹⁴⁵ *Історія селянства Української РСР*. Т. 2. С. 127.
- ¹⁴⁶ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2239. Л. 48.
- ¹⁴⁷ Там же. Л. 12; Д. 2122. Л. 52.
- ¹⁴⁸ *Ганжа О.І.* Указ. соч. С. 15.
- ¹⁴⁹ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2316. Л. 67–67 об., 69.
- ¹⁵⁰ Там же. Д. 2316. Л. 42; Д. 2006. Л. 23об.
- ¹⁵¹ Там же. Д. 2336. Л. 67об.
- ¹⁵² Там же. Д. 2524. Л. 25.
- ¹⁵³ Там же. Д. 2315. Л. 15; Д. 2336. Л. 78об. – 79; Д. 2112. Л. 98.
- ¹⁵⁴ Там же. Д. 2112. Л. 101.
- ¹⁵⁵ *Єфремов С.* Указ. соч. С. 135.
- ¹⁵⁶ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2112. Л. 86–88; Д. 2316. Л. 24–26.
- ¹⁵⁷ Там же. Д. 1703. Л. 37об.
- ¹⁵⁸ *Кульчицький С.* Україна між двома війнами (1921–1939). Київ, 1999. С. 147.
- ¹⁵⁹ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2114. Л. 32; *Ганжа О.І.* Указ соч. С. 18, 19.
- ¹⁶⁰ *Єфремов С.* Указ. соч. С. 123, 126, 144, 166, 217, 218, 255–256 и др. Слухи были, в основном, о скорой войне, причем крестьяне переоценивали мощь западных стран, говорили, что у них есть «меч-кладенец» и «скатерть-самобранка» (ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2443. Л. 97).
- ¹⁶¹ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2316. Л. 46–47, 137; Д. 2443. Л. 96–97.
- ¹⁶² Там же. Д. 2524. Л. 241, 242; Д. 2336. Л. 92; Д. 2316. Л. 14.
- ¹⁶³ Там же. Д. 2316. Л. 15, 18, 69–69об.
- ¹⁶⁴ Там же. Д. 1124. Л. 20; Д. 2112. Л. 31, 40–42.
- ¹⁶⁵ Там же. Д. 2316. Л. 91, 94; Д. 2315. Л. 20об.
- ¹⁶⁶ Там же. Д. 2336. Л. 76–77.
- ¹⁶⁷ Там же. Л. 91об.
- ¹⁶⁸ Там же. Д. 2425. Л. 84, 84об., 85–88.
- ¹⁶⁹ См., например: Там же. Д. 1124. Л. 20, 30 и др.
- ¹⁷⁰ Там же. Д. 2339. Л. 47.
- ¹⁷¹ Там же. Д. 2316. Л. 12–13.
- ¹⁷² «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину... Т. 6. С. 702–704.
- ¹⁷³ Там же. С. 700–701.
- ¹⁷⁴ *Єфремов С.* Указ. соч. С. 507.
- ¹⁷⁵ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину... Т. 6. С. 699–700.

- 176 Там же. С. 683–684, 697, 699–700, 702, 705, 709, 711.
- 177 Там же. С. 703, 705.
- 178 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2336. Л. 51об.
- 179 Там же. Д. 2239. Л. 49.
- 180 Там же. Д. 1646. Л. 61; Д. 2336. Л. 35.
- 181 Там же. Д. 2524. Л. 5, 6, 7.
- 182 Там же. Д. 2336. Л. 68.
- 183 Там же. Д. 2316. Л. 23.
- 184 Там же. Д. 2524. Л. 14.
- 185 Там же. Д. 998. Л. 33.
- 186 Там же. Д. 2336. Л. 52–52об.
- 187 Там же. Д. 2316. Л. 13.
- 188 *Єфремов С.* Указ. соч. С. 135.
- 189 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2316. Л. 163.
- 190 Там же. Д. 2524. Л. 316.
- 191 Там же. Д. 2336. Л. 52об., 55.
- 192 Там же. Д. 2316. Л. 91, 163об; Д. 2673. Л. 63–64.
- 193 Там же. Д. 2443. Л. 86.
- 194 Там же. Д. 2524. Л. 129.
- 195 Там же. Д. 2122. Л. 179.
- 196 Там же. Д. 2522. Л. 55. Характерно уже само слово *москаль*, а не *кацап*.
- 197 Там же. Д. 2316. Л. 45.
- 198 Там же. Л. 23–24.
- 199 Там же. Д. 2425. Л. 84.
- 200 *Єфремов С.* Указ. соч. С. 237–238.
- 201 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2928. Л. 27.
- 202 Там же. Д. 2112. Л. 58.
- 203 Там же. Д. 1984. Л. 23, 40.
- 204 Там же. Л. 7, 25.
- 205 Там же. Л. 12.
- 206 Литературная энциклопедия. М., 1930. Т. 4. С. 96–97.
- 207 *Шумський О.І.* Стара і нова Україна // Червоний шлях. 1923. № 2. С. 99.
- 208 *Бойко Е.Д.* Украинская интеллигенция и революция: общее и особенное // Украина в 1917–21 гг.: некоторые проблемы истории. Киев, 1991. С. 229.
- 209 *Касьянов Г.* Українська інтелігенція 1920-х – 1930-х років. Соціальний портрет та історична доля. Київ, 1992. С. 87.
- 210 *Ткачова Л.І.* Інтелігенція Радянської України в період побудови основ соціалізму. Київ, 1985. С. 12.
- 211 *Гутянський С.К.* Здійснення ленінських принципів народної освіти на Україні. Київ, 1960; *Гамрецький Ю.М.* Интеллигенция и революция на Украине // Интеллигенция и революция. XX век. М., 1985. С. 185–186. *Ткачова Л.І.* Указ. соч. С. 12; *Касьянов Г.* Указ. соч. С. 83.
- 212 *Касьянов. Г.* Указ. соч. С. 82; *Ткачова Л.І.* Указ. соч. С. 12.
- 213 *Гамрецький Ю.М.* Указ. соч. С. 186.

- 214 Там же; Народня освіта на Вкраїні // Червоний шлях, 1924. С. 76, 86, 97.
- 215 Касьянов Г. Указ. соч. С. 83.
- 216 Там же. С. 97, 98. Так в тексте. Очевидно, мы имеем дело с опечаткой, так как при сложении 84 059 и 54 469 получается 138 528, а не 138 538.
- 217 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2245. Л. 4.
- 218 Касьянов Г. Указ. соч. С. 166.
- 219 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2180. Л. 90–105; Касьянов Г. Указ. соч. С. 23.
- 220 Товкачевський А. Утопія і дієність. 1911. С. 66.
- 221 Касьянов Г. Указ. соч. С. 91, 94.
- 222 Там же. С. 87.
- 223 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1072. Л. 87.
- 224 Касьянов Г. Указ. соч. С. 87–88.
- 225 Цит. по: Агурский М. Идеология национал-большевизма. М., 2003. С. 210.
- 226 Документи трагічної історії України (1917–1927 рр.). Київ, 1999. С. 462.
- 227 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 998. Л. 77.
- 228 Там же.
- 229 Касьянов Г. Указ. соч. С. 94.
- 230 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 998. Л. 49–50.
- 231 Єфремов С. Указ. соч. С. 408.
- 232 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2242. Л. 43, 50.
- 233 Там же. Л. 37, 45, 49, 50; Д. 2245. Л. 8.
- 234 Там же. Д. 2315. Л. 2.
- 235 Касьянов Г. Указ. соч. С. 46.
- 236 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2242. Л. 45.
- 237 Там же. Д. 2315. Л. 2, 4об.
- 238 Там же. Л. 2–2 об., 4об.
- 239 Там же. Д. 2242. Л. 46–48.
- 240 Цит. по: Подкур Р. Указ. соч. С. 175.
- 241 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 124. Л. 43.
- 242 Подкур Р. Указ. соч. С. 175.
- 243 Там же. С. 176–177.
- 244 Цит. по: Там же. С. 174.
- 245 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2245. Л. 4.
- 246 Там же. Д. 2442. Л. 166–167.
- 247 Там же. Д. 2443. Л. 12, 23; Д. 2442. Л. 50.
- 248 Там же. Д. 2242. Л. 46; РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 130. Л. 52, 53.
- 249 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2315. Л. 17–17 об., 18.
- 250 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 127. Л. 271.
- 251 Там же. Л. 266–267, 274.
- 252 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2315. Л. 17об., 18–18об.
- 253 Подкур Р. Указ. соч. С. 179.
- 254 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2315. Л. 17, 21об. – 23.
- 255 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 127. Л. 236, 254, 269, 270.

- 256 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2336. Л. 24.
- 257 *Єфремов С.* Указ. соч. С. 56, 383, 602–603.
- 258 РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 130. Л. 73.
- 259 Цит. по: *Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В.* Указ. соч. С. 262.
- 260 Національні процеси в Україні: історія та сучасність. Київ, 1997. Т. 2. С. 42–43.
- 261 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1646. Л. 154; *Касьянов Г.* Указ. соч. С. 76.
- 262 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2315. Л. 17об. – 18.
- 263 Політичний терор і тероризм в Україні, XIX–XX ст.: іст. нариси. Київ, 2002. С. 267.
- 264 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1976. Л. 12.
- 265 *Касьянов Г.* Указ. соч. С. 71.
- 266 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 998. Л. 46.
- 267 Там же. Д. 2573. Л. 134.
- 268 Там же. Д. 2260. Л. 117.
- 269 Там же. Д. 2442. Л. 93, 98; Д. 2443. Л. 86.
- 270 Там же. Д. 1976. Л. 24–25.
- 271 *Єфремов С.* Указ. соч. С. 195.
- 272 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2442. Л. 98; Д. 2631. Л. 107.
- 273 Цит. по: *Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В.* Указ. соч. С. 259.
- 274 Політичний терор... С. 272.
- 275 *Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В.* Указ. соч. С. 262.
- 276 Цит. по: Там же. С. 264–266.
- 277 *Єфремов С.* Указ. соч. С. 383.
- 278 *Касьянов Г.* Указ. соч. С. 72–73.
- 279 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2443. Л. 86.
- 280 Это нашло отражение в анекдотах того времени (*Марчуков А.* Маленький мир с маленькими людьми. Советский политический анекдот в дневниках украинского литератора // *Родина.* 2002. Февр. С. 81–85).
- 281 *Єфремов С.* Указ. соч. С. 431.
- 282 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2443. Л. 63; Д. 2631. Л. 122 об., 123.
- 283 Там же. Д. 2256. Л. 20.
- 284 *Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В.* Указ. соч. С. 262.
- 285 *Єфремов С.* Указ. соч. С. 208.
- 286 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 127. Л. 11.
- 287 Цит. по: *Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В.* Указ. соч. С. 263.
- 288 Цит. по: Там же. С. 261.
- 289 Там же. С. 262.
- 290 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Л. 1984. Л. 11.
- 291 Там же. Д. 2673. Л. 39.
- 292 Цит. по: *Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В.* Указ. соч. С. 256.

Украинское национальное движение: практическая деятельность

«Культурная работа»

Задачи и способы ведения «культурной работы». Как же сторонники украинского движения пытались преодолеть ощущавшееся ими несоответствие между своим видением национального и политического идеала Украины и Украинской ССР? Как уже говорилось, их задачей была борьба за язык, культуру, нацию, самостоятельную экономику и суверенность Украины. В эту формулу, выведенную аналитиками ГПУ, укладывалось не только содержание национально-культурных процессов, происходивших на Украине в 1920-е годы, но также стратегия и тактика национального движения того периода. Показательно, что задачи оказались расположены в порядке той очередности, которая отводилась им националистами. Так, борьба за язык и культуру подразумевала их более глубокое и всестороннее развитие, т.е. укрепление этнического фундамента нации. Борьба за нацию означала осмысление тех составных «кирпичиков», из которых она складывалась (языка, культуры, территории, этнической составляющей и т.д.), как элементов национальной общности и дальнейшее их «вживление» в народные массы, т.е. преобразование в символические ценности и превращение в объективные признаки национального коллектива.

Следующие задачи были более далекими в перспективе, но не менее важными. Их решение заключалось во всемерном укреплении политических и экономических институтов украинской (теперь уже советской) государственности как формы и неперемennого условия существования национальной общности. В указанную формулу вошли задачи разного уровня, которые стояли перед национальным движением на разных этапах его развития. В силу особенностей российского исторического процесса произошло совмещение разновременных задач движения, когда ук-

репление уже существующей национальной государственности происходило одновременно с утверждением национального сознания и идентичности в народных массах и формированием этнического фундамента национальной общности. Это «смещение эпох» стало особенностью украинского движения и украинского нациогенеза.

Как уже упоминалось, далеко не все «сознательные украинцы» приняли активное участие в Гражданской войне и в подпольном движении. Нашлось немало людей, предпочитавших не примыкать ни к одному враждующему лагерю и переждать «бурю», хотя их взгляды могли полностью совпадать со взглядами тех, кто с головой ушел в политику. Они, а также те, кто разочаровался в политической борьбе, составили значительную массу людей, обративших свои взоры к церкви и к так называемой *культурной работе*, т.е. к преподаванию, к сотрудничеству в культурно-просветительских учреждениях УССР. Что же собой представляла эта «культурная работа» и почему именно она стала главным полем деятельности украинских националистов?

Насколько можно судить на основании аналитических материалов спецслужб, даже та часть сторонников национального движения, которая отказалась от политической борьбы и примирилась с советской властью, не рассталась со своим прежним идеологическим багажом. Одни просто не могли сразу перестроиться и привыкнуть к новым реалиям, другие пересматривали свое отношение к советской власти исходя из перемен в ее национальной политике. Третьи же и вовсе не думали отказываться от своих взглядов. Но все они, как и те, кто в названии республики первым делом обращал внимание не на «ССР», а на слово «Украинская», в «культурной работе» видели возможность воплощения своих национально-государственных идеалов.

«Культурная работа» пришла на смену провалившемуся лозунгу вооруженной борьбы за независимость. Как полагали националисты, она должна была дать советской власти почувствовать «мощь национальной стихии», под напором которой власть вынуждена была бы сдавать одну позицию за другой. Нередко «культурная работа» именовалась также «борьбой». Надо сказать, что подобное сравнение имело под собой тогда веские основания, поскольку работа, направленная на строительство украинской нации, стала изменением не идеологии украинского национального движения, а его тактики. Сотрудники ГПУ отмечали, что поскольку тактика открытой войны привела движение к поражению, «культурная работа» «приобрела огромную популярность и втянула в ряды своих сторонников подавляющее большинство виднейших

представителей укр[аинской] контрреволюции»¹, а культурный фронт стал решающим в борьбе за массы между национальным движением и большевиками. Новая тактика открывала удобную возможность для постепенного овладения УССР изнутри и ее перерождения в подлинно «национальное» государство. Для этого могло подойти все: от сферы дошкольного, среднего и высшего образования, прессы до группирования «национально сознательных» элементов украинского общества «во всех жизненных частях государственного организма», или, скажем, в Академии наук, в которой, кстати, имелась «компактная масса» бывших видных деятелей УНР². Все это понимали адепты движения, остававшиеся внутри страны, а также их единомышленники, волею судеб оказавшиеся в эмиграции. Скажем, В. Винниченко и Н. Шаповал, возглавлявшие левые круги украинской эмиграции, высказывались за необходимость возвращения эмигрантов на родину с тем, чтобы они заняли ответственные посты и использовали их для наполнения УССР «реальным суверенитетом»³.

«Культурная работа» включала в себя два основных направления. *Первое* было ориентировано на развитие различных областей культуры, например, театра или изобразительного искусства, особенно связанного с декоративными народными промыслами (народные костюмы, вышивки и т.п.) и прочей этнографической спецификой. Большое внимание уделялось музыкальному и хоровому искусству – ведь ключевым элементом славянской культуры является как раз музыкальность. Музыкальные произведения и форма их подачи оформлялись в национальном стиле, для чего опять же использовалась этнографическая специфика. Огромную роль играл и соответствующий репертуар, который подбирался преимущественно из казацких песен и дум о Сечи, былой славе и «поруганной воле». Многие из них (если не большинство) к тому же были созданы не в те далекие времена, а в XIX – начале XX вв. как дань моде на романтическое прошлое или как мощный побудительный мотив к развитию («пробуждению») национального сознания. Развитию национального музыкального искусства способствовала богатая народная песенная традиция, которая, будучи обработанной и использованной в качестве исходного материала, была способна оказать сильное эмоциональное воздействие на массы и стать важным атрибутом национальной культуры. Сводки спецслужб подчеркивали то особое внимание, которое «национально сознательные» граждане уделяли организации музыкальных, хоровых коллективов, кобзарских студий. Например, при обществе им. Н. Леонтовича (композитора и украинофила) была организована кобзарская студия,

«состоящая преимущественно из шовинистических элементов – участников антисоветского движения». Согласно докладом чекистов, национальные музыкальные и художественные общества занимались не только своей прямой деятельностью, но и группировали вокруг себя «антисоветские элементы в целях противосоветской работы»⁴. Правда, эта «изнаночная» сторона деятельности подобных культурных обществ вполне соответствовала тем задачам (создания и распространения национальной культуры, развития самосознания и объединения единомышленников), которые стояли перед ними изначально.

Рамки исследования не позволяют подробно останавливаться на вопросах развития украинской культуры 1920-х годов, ее прямых и косвенных связях с идеологией украинского национально-строительства. Становлению и развитию национального театра, музейного дела, литературы в интересующей нас плоскости, равно как и процессу, получившему в украинской историографии название «культурного возрождения» в целом, может быть посвящена не одна монография. Стоит лишь отметить, что уже само развитие *украинской* культуры не только превращало ее саму по себе в объективный фактор существования национальной общности и способствовало оформлению последней, но и служило мощным средством сознательного и подсознательного воздействия на народные, крестьянские массы, воспитания в них украинского самосознания и закрепления украинской идентичности.

Конечно, было бы упрощением смотреть на национально-культурные процессы в УССР как на какой-то линейный, единоподнаправленный процесс, облеченный, к тому же, в военизированные формы («фронт», «борьба»). Не всеми его участниками «культурная работа» воспринималась как целенаправленное продолжение неудавшейся борьбы за самостоятельность Украины. Для многих представителей интеллигенции она была профессией, сферой интересов, жизнью, наконец. Они просто занимались тем, что умели и любили. А нэп и украинизация предоставляли благоприятную возможность не только заниматься своим делом, но и облекать его в украинские формы. Но было и немало других людей, считавших, что поражение в Гражданской войне украинское движение потерпело «из-за недостатка национальной сплоченности», и потому своей работой (в школе, музее, библиотеке, академическом институте, за письменным столом) стремившихся «исправить этот основной недочет, т.е. добиться национальной спайки в массах»⁵. Поэтому главной задачей адепты украинского движения считали укрепление национальной идентичности, т.е. работу с населением, особенно с молодежью, и выработку у него

национального самосознания. Это стало *вторым* и, пожалуй, наиболее важным, направлением «культурной работы».

Закрытые письма и отчеты секретарей окружных партийных комитетов, поступавшие в ЦК КП(б)У, содержали сведения, что в кругах «украинской интеллигенции – особенно в антисоветской части ее – по-прежнему (была. – А.М.) популярна идея самостоятельности Украины, освобождения ее из-под опеки Москвы («Украина для украинцев»)), и убеждение, «что разрешать национальный вопрос нужно собственными силами, а сделать это можно будет только при самостоятельности Украины». А поскольку борьба за нее возможна «только при овладении украинскими массами» и их идеологической обработке, то своей ближайшей и важнейшей задачей националисты считали «завоевание командных культурных высот и охват своим влиянием украинских научных, культурно-просветительских и общественных организаций»⁶.

В условиях, когда из всех средств массовой информации была развита только пресса, слово учителя, музейный стенд или учебник истории и литературы (особенно если там подавалось соответствующее изображение прошлого Украины, Запорожской Сечи, казаччины?) были способны оказать на массовое сознание ни с чем не сравнимое воздействие. Даже безобидная, на первый взгляд, музейная экспозиция могла стать «долговременной огневой точкой» «культурного фронта», опираясь на которую адепты движения могли вести работу по развитию у широких народных масс национального самосознания и утверждения среди них украинских ценностей. И борьба на «культурном фронте» развернулась нешуточная.

Воздействие на массы со стороны украинских националистов осуществлялось различными способами. Оно могло вестись через организации, созданные силами национального движения и являвшиеся его структурными подразделениями, скажем, через «просвиты», многочисленные фольклорные общества, студии и союзы, автокефальную церковь. Могло оно осуществляться через государственные учреждения (например, Наркомпрос), местные органы власти, издательства (частные, кооперативные, государственные). Не меньшее значение имела «неорганизованная» работа, т.е. не структурированная в советские или несоветские формы, и проводившаяся частным порядком, путем непосредственного общения с аудиторией. Поначалу ведущую роль играли самостоятельные формы национального движения. Сразу после окончания Гражданской войны, еще в «лучшие» времена подполья и бандитизма, «культурная работа» велась главным образом в «просвитах». Что же они собой представляли?

«Просвиты». Эти общественные организации появились в 1905 г. после опубликования Октябрьского манифеста, разрешившего свободу собраний и организаций. С одной стороны, «просвиты» продолжили традиции прежнего украинофильского движения, а с другой – формировались под влиянием галицких «просвит»⁸, игравших заметную роль в деле национально-украинского развития русинов Галиции. Задачи, которые активисты «просвитницкого» движения ставили перед собой, ничем не отличались от задач украинского движения в целом: воспитание населения в украинском национальном духе через «определение начальных черт и идеалов украинского народа; ознакомление с духовными и материальными потребностями Украины и способствование его национально-культурному развитию». Они также должны были готовить кадры работников, «воспитанных на родных идеалах», тех, кто помог бы сбросить «русификаторские пути»⁹ с тела и души народа.

Практическая деятельность «просвит» заключалась в создании библиотек украинской литературы, издании прессы, организации школ с украинским языком преподавания, ознакомлении народа с «украинской» жизнью в Галиции и Буковине. Помимо этого, члены «просвит» организовывали украинские художественные и музыкальные вечера, читали лекции по истории Запорожья, истории национального движения, культуре Украины и т.д. На встречи приглашались люди всех сословий. Согласно сохранившимся данным о работе киевской «просвиты», около 52% слушателей лекций были ремесленниками и рабочими, 20% – относились к мелким служащим (контторщикам) и приказчикам. Из 3714 человек, посетивших 33 лекции, 45,5% пришли впервые, на втором месте были те, кто посещал мероприятия «просвит» уже в пятый раз¹⁰. Это говорит о том, что основная масса людей попадала туда из-за любопытства. Привлечение как можно более широких слоев населения к «украинской» работе и даже простое ознакомление их с украинским вопросом, являлось важнейшей задачей «просвит». В то же время у них имелся определенный, устоявшийся контингент людей, преданных идее украинства и активно участвовавших в «украинской» жизни.

«Просвиты» появились во многих городах Малороссии, а также за ее пределами в местах проживания малорусского населения. Не везде их работа протекала так же успешно, как это было, скажем, в киевской, одесской или екатеринославской организациях. Многие из них существовали формально, причем не из-за преследований со стороны властей, отношения с которыми были «сравнительно неплохими» вплоть до 1909 г., а то и позже¹¹. Сла-

бость многих «просвит» (как характерная черта всего украинского движения) крылась в них самих. Часто случалось так, что организации не имели даже плана развития культурной работы, но при этом пытались охватить все сферы деятельности, что в условиях ограниченности «украинских» сил и равнодушия населения к национальному (украинскому) вопросу приводило многие из них к упадку. К тому же, между ними не было регулярных связей, а также общего центра, который взял бы на себя координирующую работу. Как это ни покажется парадоксальным, но у «просвит» на российской Украине связи были крепче не друг с другом, а со своими галицкими коллегами. Налаживанию контактов мешала ревность «просвитянских» лидеров друг к другу. Как об этом с горечью писал известный деятель движения Е. Чикаленко, каждый «вождь» украинского движения считал, что только он «утрет слезы неньке Украине» и не желал «поступить своей булавой»¹². Кроме того, разные люди по-разному понимали задачи «просвит». Например, идейное руководство Могилёв-Подольской организацией взял в свои руки польский помещик И. Волошиновский, после чего в ней усилилось внимание к экономической работе, в частности, к кооперации, а национально-культурные задачи были отодвинуты на второй план¹³.

Однако вскоре просвитническое движение пошло на спад. Нередко в качестве основной причины ликвидации «просвит» называют административное давление и репрессии со стороны властей¹⁴. Действительно, случаи закрытия организаций имели место. Но не менее важными были и указанные внутренние причины. К тому же, известны факты, когда «просвиты» открывались и после окончания революции и столыпинского «закручивания гаек», в 1913 г., а некоторые из них закрывали по несколько раз, но так окончательно и не закрыли¹⁵. Руководство страны и власти на местах прекрасно знали, что многие «просвиты» вместо развития народного просвещения, интересами которого они прикрывались, ставили своей целью борьбу с российским правительством, готовили агитаторов и пропагандистов, а их деятельность имела националистический и социалистический характер, антирусскую, сепаратистскую направленность¹⁶. Еще по указу Правительственного Сената от 18 июля 1908 г. деятельность «просвит» и аналогичных организаций была признана вредной и «могущей вызвать последствия, угрожающие общественному спокойствию и безопасности»¹⁷.

Кстати, некоторые «просвиты» были закрыты не из-за своей национальной специфики, а из-за связей с эсерами и социал-демократами (например, одесская в 1907 г.)¹⁸. Но даже несмотря на

определенную угрозу, которую представляло «просветническое» движение развитию общерусской идентичности и единству государства, его судьба часто зависела от расположения того или иного крупного чиновника. Например, екатеринославский губернатор относился к украинскому движению благожелательно, к тому же у него в канцелярии управляющим был «свой» в украинских кругах человек, который, например, помог «пробить» разрешение на открытие филиала «просвиты» в с. Диевке (1913 г.)¹⁹.

Хотя действовали «просвиты» относительно недолгий период, их вклад в развитие украинского движения и формирование украинской идентичности был весомым. Являясь легальными центрами, вокруг которых группировались сторонники движения, они способствовали тому, что «украинская» культура и идентичность переставали быть делом небольшой группки украинских интеллигентов и начинали выходить в широкие массы.

После недолгого перерыва «просвиты» вновь возникают в 1917 г. На этом этапе их активисты, учитывая предыдущие ошибки, занялись созданием централизованной системы. В 1917–1918 гг. состоялось два Всеукраинских съезда «просвит», а также был создан Всеукраинский союз «просвит». Благодаря большей организованности, а также укреплению украинского движения в целом, они стали реальной силой и взяли в свои руки значительную часть народного просвещения, особенно на селе. Число «просвит» неуклонно возрастало. В августе 1920 г. их насчитывалось 1541, в июне 1921 г. – 3963, к февралю 1922 г. – 4500, объединявших около 400 тыс. членов. Сознывая силу украинской интеллигенции, объединенной вокруг «просвит», и стремясь привлечь учительство к работе, большевики были вынуждены идти с «просвитами» на сотрудничество и на первых порах не предпринимать против них враждебных действий. С «просвитами», порой, обговаривались кандидатуры учителей, руководителей художественной самодеятельности, их представители участвовали в выборах заведующих отделами народного просвещения²⁰.

Но сотрудничество большевики считали временной и вынужденной мерой. Как и царские власти, они также хорошо понимали, что «просветническое» движение – «это, прежде всего, состояние души так называемого “сознательного украинца”, который поглощен любовью к песням, родному театру, родной культуре, нешке Украине, и не признает ничего в мире, что не является чисто украинским, национальным»²¹. С мест поступали сведения о том, что многие «“просвиты” находятся... в руках враждебных партии элементов», которые обладают «в большинстве кулацкой

идеологией»²². Деятельность «просвит» была украинизацией «самовольной», неподконтрольной государству. Стремясь вытеснить своего идеологического конкурента, с начала 1920-х годов большевики начинают наступление на «просвиты». Их деятельность замалчивалась или, наоборот, негативно освещалась в прессе, организации закрывались. На II Всеукраинском съезде комитетов незаможных селян (февраль 1922 г.) школа и образование были названы идеологическим фронтом. На незаможную часть села возлагалась задача следить за деятельностью «просвит», за литературой, имеющейся в ее хатах-читальнях и библиотеках, а главное, помочь советской власти взять систему начального образования в свои руки и вырвать ликбез «из рук поповско-кулацких» элементов²³.

Была организована кампания по перерегистрации статутів «просвит», направленная на придание их работе «правильной», «пролетарской» идеологической направленности. В случае, когда характер работы той или иной организации не соответствовал заданным критериям, ее статут не перерегистрировался. Случались в помещениях «просвит» и обыски²⁴, но проводились они в основном по подозрению в содружестве их членов с подпольем и бандами. А это действительно довольно часто имело место. Например, в середине 1923 г. в с. Носовка на Черниговщине был ликвидирован повстанком и подчиненный ему отряд численностью в 100 человек, занимавшиеся диверсиями преимущественно на объектах железнодорожного транспорта. Повстанком и банда возникли вокруг местной «просвиты»²⁵.

С 1922 г., по мере успешной ликвидации бандитизма и укрепления своих позиций на селе, советская власть начинает переходить к более активному оттеснению «просвит» от культурно-просветительской работы среди крестьянства. Основной акцент делался на создании советской системы народного образования (школы, сельские, волостные будинки, свои читальни, клубы, «красные просвиты») с опорой на коммунистов, комсомольцев, незаможников и сочувствующий актив. Советским учреждениям образования и культуры передавались имущество и помещения «просвит»²⁶. Работа по созданию советской системы образования и культурно-просветительских организаций при одновременном оттеснении «просвит» и продолжении аграрных преобразований на селе, приносила свои плоды. Участие кулаков (а любое просвещение на селе в значительной степени держалось на зажиточных и просто обеспеченных крестьянах) в движении падало, а сами «просвиты» оказывались парализованными деятельностью КНС, комсомола, комячейками или же переходили «под влияние

селянского пролетариата»²⁷. Работа многих из них замирала и по другим причинам, важнейшей из которых стал голод 1921–1922 гг. В связи с этим деятельность «просвит» «упала до минимума». В 1923 г. их оставалось всего 573, и вскоре они исчезли окончательно²⁸.

Таким образом, как легальная, организованная форма украинского национального движения к концу первой трети 1920-х годов «просвиты» перестали существовать. Но хотя большевики и отмечали, что «просвиты умерли и выродились», в то же время они подчеркивали, что осталось живо петлюровское по своей идеологии «просвитянство», которое при благоприятной обстановке могло действовать «как организующая, враждебная сила»²⁹. Работа по формированию у народных масс украинского национального самосознания и идентичности и развитию национальной культуры не прекратилась, а продолжалась в других формах и в других организациях, в частности в советской школе и советских учреждениях культурно-просветительского характера.

Работа с населением. Как уже говорилось, эпоха культурной борьбы была характерна стремлением использовать любые легальные возможности. В письме руководителям советского государства второй секретарь ЦК КП(б)У Д.З. Лебедь указывал, что в большинстве своем «состав культурработников на уездах Правобережья (был. – А.М.) подобран из националистов»³⁰. Впрочем, «неудовлетворительный состав учителей» (по социальному происхождению и национальной ориентированности) наблюдался не только на Правобережье, но в других местностях³¹. «На селе украинская интеллигенция на украинском языке протаскивает в крестьянские массы петлюровские лозунги»³², – отмечал он далее. Деятельность националистически настроенной интеллигенции в школах и учреждениях культуры была большевикам неприятна уже сама по себе. Но больше всего их беспокоило то, что подобная деятельность велась среди «сочувствовавшего школе» многомиллионного крестьянства, в своей массе далеко не всегда довольного экономической и социальной политикой.

Село привлекало исключительное внимание националистов. Особенно оно усилилось после окончания Гражданской войны, поскольку адепты украинского движения воочию убедились, что их поражение было во многом обусловлено как раз недостаточным вниманием к реальным нуждам крестьянства. Хотя наиболее дальновидные представители движения старались проводить активную политику на селе еще до революции. Например, некоторые «просвиты» занимались укреплением кооперации, помогали создавать сельскохозяйственные, потребительские, кредитные

общества, естественно, привнося туда национальную идеологию³³. Эту идеологию – связь национального вопроса с экономическим – ярко выразил известный украинский кооператор Н. Гехтер на Первом украинском просвитно-экономическом конгрессе в 1909 году во Львове. Он считал, что «кооперация должна быть построена на национальной почве, ибо вне национальности нет никакого прогресса, никакого развития, никакой культуры. С другой стороны, национальная идея должна иметь своей базой экономические потребности народа, ибо иначе она будет висеть в воздухе и не будет иметь никаких видов на реализацию»³⁴.

Деятели кооперации старались об этом не забывать. Например, участники Полтавского губернского съезда кооператоров в ноябре 1915 г. потребовали вести кооперативную пропаганду, издавать популярную литературу на украинском языке, призывали учителей пробуждать в крестьянстве национальное сознание³⁵. В годы Гражданской войны «просвиты» сотрудничали с кооперативными обществами, такими как «Днепросоюз», Центральный Всеукраинский кооперативный комитет и др. Члены «просвит» помогали открывать кооперативные школы, где читали лекции по украиноведческим дисциплинам. Но в целом связь украинского движения с реальным, а не придуманным интеллигентами-идеалистами селом была недостаточной, из-за чего национальная идея, как и предрекал Н. Гехтер, «повисла в воздухе». Чтобы этого не случилось в дальнейшем, активисты движения были вынуждены повернуться лицом к селу.

Работа по овладению украинскими массами и их идеологической обработке была важнейшим средством строительства нации. Но поскольку большевики сами взяли на вооружение национальные лозунги и повели борьбу за руководство процессом украинского национального и культурного строительства, вопрос перешел в несколько иную плоскость. Речь шла уже не о самом существовании украинской нации, а о путях ее развития, а вместе с этим – и о судьбе государственности УССР и СССР. Борьба за село и воплощение ее результатов на практике, тесно увязывались с внутривластной ситуацией в стране. На почве укрепления зажиточных элементов села и постоянно продолжавшегося распространения избирательных прав на лишенцев – кулаков, кустарей, зажиточных середняков – у противников большевиков сложилось мнение, что к власти на селе «приходит элемент антикоммунистический, которым партия управлять не в состоянии». В условиях несоответствия между социальной доктриной и повседневной практикой ожидалось, что власть зашатается, и тогда откроются перспективы для «освобождения» Украины от коммуни-

стов. Поэтому ставку украинские националисты делали на «бескровное» овладение селом, внедрение своих людей в кооперативные, просветительские, советские органы³⁶.

В середине 1920-х годов на Украине стало наблюдаться усиление антисоветской активности. На нее оказывали влияние борьба внутри КП(б)У, охлаждение части украинской интеллигенции к официальной украинизации. Например, отмечалось, что на Полтавщине, Одесщине, Киевщине и Подолье осевший националистический элемент «вполне оправился от прошлого разгрома и постепенно начинает группироваться»³⁷. Этот элемент, во многом состоявший из «бывших людей» – петлюровских и белых офицеров, атаманов, реэмигрантов, полицейских, жандармов, советских служащих, «вычищенных» из учреждений и потому злых на власть – активно критиковал существующие порядки. Нередко в ход шли уже известные аргументы, вроде тех, что «Украина живет на подачки Москвы», «украинизация проводится исключительно под напором» украинской общественности УССР «и деятельности украинской эмиграции за кордоном», а советская украинизация – формальная, так как во всех учреждениях сидят «кацапы» и «жицы», и поэтому, как только власть укрепитя, она ее непременно прекратит³⁸.

Показательным может служить письмо в редакцию журнала «Большевик Украины» лесника из Киевского округа, некоего М. Терещенко (1927 г.). Речь идет о национальном вопросе, который, по убеждению автора письма, «решается так, чтобы украинскую нацию выродить, чтобы слить с великодержавной российской нацией и этим стереть с лица земли те противоречия», которые мешают «московским владыкам». Он утверждал, что «Украина... просветила Москву», а та затем завоевала свою «просветительницу» и начала ее угнетать, что и продолжает делать уже при советской власти. С помощью КП(б)У, инородного пролетариата («жид, москаль, китаец, турок»), «функционеров», «торговцев», «кулацких сынов» и еврейской интеллигенции, Москва убила в Украине «все святое». В то время, как все народы Союза создавали свою культуру, «потомки рыцарей казацких» были «придушены жидками, москалями» и вынуждены бегать «то взад, то вперед», пытаясь что-то сделать и подвергаясь обвинениям со стороны КП(б)У в уклонах и национализме³⁹. Лесник указывал, что излагал мысли «не свои собственные... а массы», которая, по его словам, «бомбардировала» его «день и ночь». Возможно, что такие взгляды действительно имели место среди его знакомых. Но вероятнее, что источником их происхождения был сам Терещенко как человек образованный (он полагал, что кре-

стьян надо воспитывать на именах М. Грушевского, Д. Багалия, Н. Садовского), знакомый с работами известных националистов Д. Донцова и Н. Шаповала и внимательно следивший за политической жизнью в стране. Влияние трудов М. Грушевского на историческую «концепцию» Терещенко очевидно.

Людей, мысливших также, как он, в 1920-е годы по селам было немало. Обладая практическими знаниями и опытом, они не ограничивались устной пропагандой и помогали крестьянам защищаться от злоупотреблений местной власти, отстаивали их интересы, и благодаря этому нередко завоевывали у крестьян авторитет и выбирались ими в правления кооперативов, на беспартийные конференции, а то и в сельсоветы. Любое слово «народных защитников» оказывало большое влияние⁴⁰. Не только враждебность по отношению к большевикам толкала национальную интеллигенцию и националистов из других социальных слоев на этот путь. Тяжелые экономические условия и желание сохранить авторитет в глазах населения, да и просто грамотность, также заставляли становиться «выразителем и защитником крестьянских интересов»⁴¹. Иногда любой разговор с крестьянином, даже начатый по инициативе последнего, мог быть расценен как случай агитации. Такой способ воздействия на умы – путем непосредственного общения с населением или через школы, сельсоветы, беспартийные конференции и иные, вполне официальные советские формы – контролировался большевиками слабее и оказывался, порой, очень действенным.

Работа по формированию национального самосознания и воспитания села в национальном духе приносила свои результаты. Безусловно, националисты намеренно преувеличивали степень своего влияния, утверждая, что национальные идеи «впитались в крестьянство» и оно стало «национально сознательным». Отбрасывая эти явные преувеличения, аналитики ГПУ в то же время признавали, что «пионеры украинского национального движения» были «до известной степени правы», когда говорили о росте национальных чувств среди крестьянства и части молодежи. В. Балицкий докладывал, что хотя «украинские контрреволюционные элементы в целом не имеют еще за собой сколько-нибудь значительных крестьянских масс, однако проникновение организаторов и агитаторов контрреволюции на село и возможность работать там, представляет собой большую опасность, так как делает село реальным местом смычки антисоветских элементов города с активизирующей частью кулачества» (терминология тех лет. – А.М.). Впрочем, по его словам, процесс этот «еще не принял угрожающих размеров»⁴².

«Работа» с населением велась не только на селе, но и в городе, хотя и в более скромных размерах. Объектом внимания являлись, в основном, мещанско-мелкобуржуазные слои, бывшие благоприятной средой для националистических настроений, и вчерашние крестьяне, переселившиеся в города, хотя не забывали националисты и о рабочем классе. Воспользовавшись удобной возможностью, предоставленной украинизацией, национальная интеллигенция активизировала попытки привнести в рабочую среду свою идеологию и сделать рабочий класс Украины «украинским» по духу и облику. Ее усилия были, прежде всего, направлены на приобщение рабочих к украинской культуре – через организацию гастролей театральных трупп, концертов, литературных вечеров. Правда, в большинстве случаев результатом работы становились лишь ознакомление рабочих с украинской культурой, пение украинских песен, просмотры спектаклей и т.п., не приводившие к значительным изменениям в их сознании. Причем активность интеллигенции была настолько высокой, а желание украинизировать рабочих (не формально, как это старались делать профсоюзы⁴³, а «по-настоящему») – настолько сильным, что они не могли не встревожить партийное руководство. Особую тревогу у него вызывало то обстоятельство, что в этом вопросе, как и во многих других, имеющих выходы на проблемы суверенности украинской государственности и самостоятельности украинской нации, позиции националистов и ряда ответственных деятелей КП(б)У совпадали. В данном случае на пути националистов стояли не только культурно-исторические традиции, но и партия, имевшая собственную точку зрения на проблему украинизации рабочего класса УССР. Со временем это стало очевидным и для носителей украинских ценностей.

Еще одним способом воздействия на массы со стороны украинских националистов стало церковное движение и возникшая в 1920–1921 гг. Украинская автокефальная православная церковь (УАПЦ). На протяжении 1920-х годов она оставалась легальной (причем не советской) формой организации украинского движения, его политико-духовным институтом, объединявшим не только его церковное крыло, но и поддерживавшим связь со всеми прочими частями движения. Кроме того, эта церковь действовала преимущественно на селе. Поэтому, выяснив степень ее популярности, можно установить, насколько широко национальные идеи были распространены среди крестьянства и населения УССР в целом.

Украинская автокефальная православная церковь

Возникновение УАПЦ и ее идеология. На протяжении XIX – начала XX вв. церковь оставалась вне поля зрения деятелей украинского движения. Внутри самой Русской православной церкви (РПЦ) сколько-нибудь заметных украинофильских течений не наблюдалось. Отчасти это было вызвано тем, что украинское движение находилось на стадии формирования и не могло объять необъятное, утвердившись абсолютно во всех сферах общественной жизни. Но главные причины заключались в самой РПЦ. Дело было не столько в ее силе и могуществе и даже не столько в том, что, находясь под полным контролем государства, она стала одним из его столпов, важным организационным и идеологическим институтом. Это нельзя сбрасывать со счетов, но прежде нужно учитывать каноническую, иерархическую и прочую специфику РПЦ именно как Церкви. Конечная ориентированность «на Небо» изначально присуща Церкви и является основополагающим принципом ее существования, даже несмотря на ее «мирскую» жизнь. Именно это позволяло Церкви преодолевать многие внутренние болезни, в том числе те, которые были порождены заложённой в ней двойственностью и прочими причинами, имеющими к ее предназначению как к Телу Христову отношение весьма отдаленное.

И, наконец, если смотреть на церковь только как на общественный институт, надо отметить еще одно обстоятельство, имеющее к нашему предмету самое непосредственное отношение. В Русской православной церкви крепче, чем «в миру» сохранялся и укреплялся дух общерусскости. В ней сильнее ощущалось сознание единства корней, судьбы и будущего всего русского племени, его государства и веры. Церковь продолжала оставаться мощной структурой, через которую могла реализовываться и реализовывалась идея общерусской нации. Все это не могли не видеть носители украинской идентичности, смотревшие на РПЦ как на агента «обрусительства» и естественную противницу украинства⁴⁴, и потому считавшие работу с церковью делом малоперспективным. И действительно, вмешательство светских людей, к тому же непонимающих дух Церкви, ее дела, было обречено на неудачу. Для успешной реализации задач национального движения было необходимо участие в нем ее представителей – духовенства и епископата. А таковых не находилось.

Некоторые украинофильские тенденции в РПЦ все же имелись, хотя назвать их таковыми можно с большой натяжкой.

Например, еще в конце XIX в. некоторые приходские священники пытались использовать в проповедях народную речь, а иногда экспериментировали и при богослужениях, совершая их на церковнославянском языке, но с местным произношением. Нельзя в полной мере относить к попыткам «украинизации» и стремление сохранить некоторые местные обряды, в которых церковное руководство усматривало польско-латинское влияние и потому вело против них борьбу. Да и попытки эти носили единичный характер.

Шире «украинские» настроения были представлены в семинариях. Там «украински» ориентированные учащиеся объединялись в кружки и устанавливали связи со светскими деятелями национального движения. Например, кружок при Киевской духовной академии (КДА) курировали М. Грушевский и В. Чеховской. Темы бесед были национальный вопрос, его связь с марксизмом, положение Украины в Российской империи. Обсуждались способы пропаганды на селе, распространения украинской литературы, перевода на украинский язык школьного преподавания и т.д.⁴⁵ Именно в таких кружках многие будущие деятели движения впервые задумались над судьбами Украины.

И все же «украинские» настроения были редким явлением. Основное внимание церковной общественности обращалось к назревающим реформам церкви. Известный «украинец», церковный историк И. Власовский, в 1904–1908 гг. учившийся в КДА, писал, что тогда и «речи не было про Украинскую Церковь, тем более про ее Автокефалию»⁴⁶. Распространение украинских настроений шло вместе с либерализацией общественной жизни в России. Например, в 1905 г., в разгар революции, подольский епархиальный съезд высказался за возможность введения в школах преподавания на украинском языке⁴⁷. Но по мере того, как революция шла на спад, подобные требования становились неактуальными и исчезали.

1917 год и очередной всплеск революционно-либеральных настроений вновь выдвинул украинский вопрос на повестку дня. В КДА и семинариях возникло движение за частичное введение украинского языка в богослужение и преподавание. Оно заявило о себе на епархиальных съездах, состоявшихся в апреле–мае 1917 г., особенно на Киевском, Полтавском и Подольском. Население этих губерний в наименьшей степени было втянуто в общероссийские экономические процессы и слабее вовлечено в новую городскую цивилизацию. Именно эти губернии впоследствии стали оплотом УАПЦ. Съезды высказались за преподавание в церковных школах на украинском языке, за издание украинской, в

том числе богословской, литературы, украинизацию богослужений, преподавание в семинариях украиноведческих дисциплин и т.п. Причем мотивировалось это тем, что в автономной Украине должна быть и автокефальная церковь⁴⁸. Вообще, требования автокефалии для церкви в украинских губерниях прочно увязывались с политическими переменами и тем новым положением, в котором оказалась Украина после Февраля 1917 г.⁴⁹ На Киевском епархиальном съезде также была создана Комиссия по подготовке Украинского церковного собора, который, по мнению «украинских» сил, должен был решить все накопившиеся вопросы внутрицерковной жизни епархий на Украине, а главное, определить их отношения с московским церковным центром. Возглавил комиссию протоиерей В. Липковский, ставший впоследствии первым митрополитом автокефальной церкви. Что характерно, участвуя до революции в работе украинских кружков, В. Липковский в беседах со студентами Киевской академии вопрос о независимости «Украинской церкви» даже не поднимал⁵⁰.

«Украинская» группа в церкви, состоявшая по большей части из интеллигенции и лиц, связанных с кружками, была крайне незначительной, но чрезвычайно активной, причем радикализация ее требований нарастала на фоне явного усиления консервативных настроений в церкви. «Поправление» церковной общественности продемонстрировали уже осенние епархиальные съезды, высказавшиеся против преобразования епархий на Украине в автокефальную церковь.

Важно отметить, что сторонники автокефалии и украинизации церкви оказались в меньшинстве не только в околоцерковных кругах (не говоря уже о позиции церковных служителей, выступавших против их требований), но и среди своих единомышленников – националистов. О том, что последние относились к вопросам церковной жизни довольно равнодушно, можно судить по программам украинских партий (особенно наиболее крупных и влиятельных – эсеровской и социал-демократической), не уделявших церкви особого внимания и совсем не говоривших о необходимости ее автокефалии. Последней интересовались более мелкие партии, как правило, с ярко выраженным националистическим характером (Украинская партия социалистов-самостийников, Украинская партия социалистов-федералистов, Украинская народно-республиканская партия, Украинская демократическо-хлеборобская партия). Но по своему влиянию они заметно уступали левым⁵¹. Забегая вперед отметим, что и украинские правительства в церкви видели лишь часть старого мира, орудие российского империализма, и не уделяли ей того внимания, которое

она заслуживала с точки зрения перспектив строительства украинской национальной общности и государственности. В пору напряженной социально-политической борьбы вопрос о будущем церкви считался второстепенным. Именно это равнодушие со стороны единомышленников к идее создания «самостийной церкви» и враждебное отношение широких церковных кругов, заставили сторонников автокефалии действовать энергично, сплоченно, ориентируясь на свои силы.

В декабре 1917 г. произошла консолидация «украинских» групп, результатом чего стало создание временной Всеукраинской православной церковной рады (ВПЦР), сразу начавшей бурную деятельность по созыву Украинского собора⁵². В ВПЦР состояли и священники, но больше всего в ней было мирян и военных. Рада заявила, что получение церковной автокефалии она увязывает с тем, что украинский народ восстановил свою народную республику и только он, и никто другой, может решать судьбу «когда-то ни от кого независимой, автокефальной Украинской Церкви»⁵³.

Действия Всеукраинской рады вызвали резкое неприятие со стороны епископата и широких церковных кругов, выступавших против раскола церкви. Однако ситуацию надо было как-то разрешать. Проходивший в это время в Москве Всероссийский православный собор отметил, что хотя «стремление к украинизации церковной жизни» имеется в слоях «количественно пока небольших», оно имеет под собой весьма определенное политическое основание, прежде всего пробуждение «украинского самосознания в широких массах народа и особенно воинских частей» и стремление «к утверждению местных центров»⁵⁴ – т.е. политический сепаратизм (не говоря уже о неизбежных при этом интригах). Всероссийский собор выразил согласие на созыв Всеукраинского собора, а избранный незадолго до этого патриарх Тихон (Белавин) дал на это свое благословение.

Всеукраинский церковный собор начал свою работу в январе 1918 г. Нет нужды подробно останавливаться на всех перипетиях его работы. Важно лишь отметить, что церковным сепаратистам не удалось взять его ход в свои руки и утвердить автокефалию на Соборе, придав ей, тем самым, законные основания⁵⁵. Наоборот, епископат, подавляющая часть духовенства и мирян заняли враждебную позицию любым попыткам автокефалии, но, принимая во внимание сложность политической обстановки, высказались за желательность автономии церкви на Украине, которая и была ей предоставлена Святейшим патриархом Тихоном и Священным синодом⁵⁶.

Украинские власти, хотя и скрепя сердце, но вынуждены были признать «зависимость украинской церкви от русской»⁵⁷. Как уже говорилось, представители светского крыла национального движения уделяли вопросу создания самостоятельной церкви недостаточное внимание. Наиболее дальновидные его представители (А. Лотоцкий, В. Чеховской) были вынуждены действовать по собственной инициативе. Лишь по мере того, как разгорался пожар Гражданской войны, у светских националистов наметился переход от безразличного отношения к будущему церкви до поддержки идеи ее автокефалии. Причем обусловлено это было не только заинтересованностью в независимой церкви, но и неспособностью церковных сепаратистов самостоятельно решить стоящие перед ними задачи⁵⁸.

Общность политической платформы светских и церковных деятелей национального движения точно выразил министр исповеданий при правительстве Гетмана А. Лотоцкий. Он считал, что украинское государство не может допустить, чтобы церковный центр находился в другой стране, и настаивал, что «в самостоятельном государстве должна быть и самостоятельная церковь», поскольку «автокефалия украинской церкви – не только церковная, но и национально-государственная необходимость», так как только она может пробудить силы народа⁵⁹. Окончательно слияние позиций светских и церковных националистов было закреплено законом Директории от 1 января 1919 г., провозгласившим создание автокефальной церкви. Причем в законе, автором которого стал председатель Совета министров, министр иностранных дел УНР, а позже виднейший деятель УАПЦ В. Чеховской, особо оговаривалась роль государства в организации и деятельности церкви⁶⁰.

Но из-за быстрого поражения Директории этот закон, как и многие мероприятия по украинизации богослужения и обрядности, так и не был воплощен в жизнь. Однако от идеи создания независимой церкви никто отказываться не собирался. После окончания Гражданской войны начался новый этап развития автокефалистского движения. Попытки насадить автокефалию «сверху», через Собор, через государственные декреты, потерпели крах вместе с политическим крылом движения и украинской буржуазной государственностью. Действовать пришлось в условиях советской действительности, опираясь на собственные силы. Строить церковь пришлось «снизу».

Происхождение УАПЦ ее сторонники вели от самостоятельности активистов церковного самоопределения – от украинских церковных кружков и приходов, где богослужение велось на ук-

раинском языке. Особенностью церковной политики большевиков было то, что они не признавали права церкви как организации и строили отношения с инициативными группами мирян численностью не менее 20 человек – «двадцатками», в пользование которых передавалось национализированное церковное имущество, в том числе храмы⁶¹. «Украинцы» спешно приступили к формированию и регистрации таких инициативных групп. Вскоре им было передано пять киевских церквей. В апреле 1919 г. была образована вторая ВПЦР, провозгласившая себя высшим церковным органом по организации и управлению «украинскими» приходами. Число последних росло, и для управления ими был создан Союз православных приходов (СПП), статут которого был незамедлительно зарегистрирован большевиками⁶². СПП должен был также вести работу по переводу богослужения на украинский язык, возрождению старых обрядов, изданию богослужебных книг⁶³. Создание Союза, объединившего украинские приходы под руководством ВПЦР, стало шагом на пути образования УАПЦ.

По-прежнему напряженными оставались отношения с епископатом, который не шел ни на какие уступки по вопросу об автокефалии. 5 мая 1920 г. (накануне захвата Киева поляками) в ответ на запрещение епископа Назария (Блинова) совершать богослужения священникам, связанным с Радой, Пленум ВПЦР постановил признать Украинскую православную церковь освобожденной от московской зависимости и считать ее автокефальной и соборноправной⁶⁴. Свой шаг деятели ВПЦР оправдывали тем, что они возглавляют процесс восстановления прежних прав (попранных РПЦ и ее епископатом) национальной и некогда независимой Украинской церкви. 5 мая можно считать днем рождения УАПЦ. Но от ее провозглашения кучкой интеллигентов-националистов и их единомышленников из числа священников до создания полноценной организации было еще далеко.

Между тем движение набирало силу, и «украинские» приходы появлялись не только в Киеве, но и в других городах и селах. Однако его развитие задерживалось рядом причин, важнейшей из которых было отсутствие в рядах сторонников автокефалии епископов. Попытка привлечь на свою сторону полтавского архиепископа Парфения (Левицкого), поначалу благожелательно отнесшегося к украинизации богослужений и деятельности ВПЦР, закончилась для автокефалистов неудачно. Сам Парфений в письме к патриарху Тихону объяснял свою позицию желанием ввести «естественное» и «стихийное» движение в законное русло⁶⁵ и не оттолкнуть людей, не помышлявших о независимости и просто хотевших слышать в церкви украинскую речь. Но еписко-

пат и в Москве, и на Украине понимал, что удержать движение под контролем удалось бы лишь на короткое время. Накопив силы, оно бы вырвалось из слегка украинизированной церкви, но будучи уже вполне каноническим с церковной точки зрения. Поэтому делегация Священного синода РПЦ пригрозила Парфению отлучением от церкви, и он от поддержки ВПЦР отказался, признав все совершенные им рукоположения в священный сан назначенных Радой кандидатов недействительными.

А конфликт продолжал нарастать. Автокефалисты отказались признавать решения Всеукраинского собора 1918 г., мотивируя это тем, что он был «собранием врагов украинского движения». Оказавшись в затруднительном положении, автокефалисты заявили, что признают «недействительными и никчемными» все средства, которые используют «старорежимные руководители церкви для борьбы с украинским церковно-освободительным движением», и не считаются с канонами, которые, по их мнению, «утратили уже свое жизненное значение»⁶⁶. К чему это привело стало ясно уже в октябре 1921 г. на Первом всеукраинском православном церковном соборе (ВПЦС), созванном Всеукраинской радой из числа своих сторонников и сочувствующих.

На соборе произошло окончательное рождение УАПЦ. Когда выяснилось, что каноничным способом епископов для своей церкви получить не удастся (иерархи РПЦ отказались рукополагать выбранных Радой кандидатов), собравшиеся решили «епископов... избрать самим и посвящения производить передачей благодати от священников». Лидеры Рады (среди них особо выделялся В. Чеховской) и «сочувствующие» видные представители национального движения (например, академик А. Крымский) убедили большинство делегатов (а среди них было много представителей национальной интеллигенции) в необходимости, а главное, в законности с церковной точки зрения соборной хиротонии епископата. «Соборная хиротония» означала, что передачу рукополагаемым благодати Святого Духа должны совершать миряне и пресвитеры. А это являлась нарушением канонов Православной церкви. Согласно им, хиротонию (рукоположение) могли совершать только епископы, поскольку на них лежала благодать Святого Духа, полученная первыми епископами еще от апостолов (а теми – от Христа) и передававшаяся затем епископами на протяжении всей церковной истории. Произвести рукоположение могли два (или более) епископа, получивших при своем посвящении благодать, позволяющую не только совершать Таинства, но и посвящать других для их совершения (т.е. рукополагать священников и диаконов). Эти последние, не говоря уже о мирянах, само-

стоятельно произвести рукоположение не могли, ибо не имели для этого достаточно благодати.

Но это не смутило церковных сепаратистов. 23 октября всеми участниками Собора – мирянами, пресвитерами и диаконами – был хиротонисан В. Липковский, который за несколько дней до этого был избран ими митрополитом «всея Украины». Следом за ним аналогичным образом на архиепископа Киевского был рукоположен еще один видный деятель движения – Н. Шараевский. Затем ими, как уже «каноничными» иерархами, на епископское служение был рукоположен еще ряд кандидатов.

Итак, спустя полтора года с момента своего провозглашения, УАПЦ получила организационное оформление. Даже способ ее появления отражал саму суть украинского движения. Автокефалисты оказались не в состоянии овладеть всей церковью на украинских землях и были поставлены перед необходимостью идти на раскол, т.е. действовать на принципе отрицания и противопоставления, «выделяясь» из более крупного целого. Неканоничное происхождение церковной иерархии и рукополагаемого ею духовенства (самосвятское, как называли его противники УАПЦ) и вся последующая «безблагодатная», т.е., по сути, не имеющая никакого отношения к Телу Христову, их деятельность, стала «ахиллесовой пятой» новой церкви. Но ее сторонники – и те, кто понимал это, и те, кто считал соборную хиротонию высшей ступенью церковного строительства – полагали, что цель оправдывает средства. Важен был результат – «украинцы» получили «национальную» церковь, в которой зазвучала «родная» речь.

Необходимо кратко охарактеризовать ее идеологию и основополагающие принципы, тем более, что они отражали историю ее создания, определяли последующую деятельность, передавали ее дух. УАПЦ покоилась на «трех китах» – на автокефальности, соборноправности и украинизации. Наиболее непривычным для церковного сознания и в то же время основополагающим принципом при строительстве УАПЦ была соборноправность, которая подразумевала под собой участие всех верующих в церковной жизни через представительство в выборных органах церкви, начиная от приходских Рад (советов) до Всеукраинских соборов. УАПЦ состояла из иерархической системы Рад: приходских, волостных, уездных, вплоть до Всеукраинской. Вся полнота власти принадлежала этим Радам, а точнее – инициативным группам автокефалистов. Причем в ведении Рад находились не только хозяйственные и организационные вопросы, но и выборы членов причта, в том числе духовенства⁶⁷. Они же избирали ВПЦР. Всеукраинская рада фактически являлась «высшим управляю-

щим органом» церкви (хотя официально таковым считался Всеукраинский собор⁶⁸) и обладала всей полнотой власти в перерывах между соборами, в том числе ведала утверждением кандидатур на епископские кафедры, учетом кадров, финансами. ВПЦР состояла как бы из двух частей: постоянного костяка – иерархов и административной верхушки из отцов – основателей церкви, и лиц, избираемых на Всеукраинских соборах. Причем система выборов была построена таким образом, что давала численное преимущество представителям Киева, т.е. тем, кто стоял у истоков движения⁶⁹.

Собор властью по большому счету не обладал. Да это особо и не предусматривалось. Власть в УАПЦ принадлежала небольшой группе руководителей движения светского и духовного звания. Соборноправность обладала рядом преимуществ (приспособленностью к советским реалиям, специфике украинского движения). Ее обратной стороной стало подчиненное положение епископата и духовенства, их зависимость от воли членов Рад. Первый Всеукраинский собор автокефалистов определил, что «начальства в УАПЦ не должно быть», поэтому высшая церковная иерархия и духовенство не имели административной власти и строго контролировались Радами⁷⁰. Такое положение впоследствии стало причиной многих конфликтов внутри УАПЦ.

На столь нетрадиционное устройство церкви оказало влияние несколько причин. Во-первых, в ней в известной степени нашли отражение те же процессы либерализации церковной жизни, которые были характерны для обновленческого движения. Многие члены УАПЦ действительно считали себя церковными революционерами и верили, что возрождают идеалы раннего христианства и освобождаются от старорежимной «царско-панской» церкви⁷¹. Укреплению соборноправности, порой перераставшей в «радоправие», способствовала советская система «двадцаток». Характер строительства церкви «снизу», путем раскола, от инициативных групп общественности, привел к тому, что именно приходы и их объединения стали считаться первоосновой УАПЦ. Наконец, причиной широких полномочий Рад и «приниженности» епископата и духовенства стал сам неканонический способ появления последних, что в свою очередь было обусловлено действием перечисленных выше причин.

Соборноправность была прочно связана с двумя другими принципами – с автокефалией и украинизацией. Автокефалия украинской церкви имела под собой тот же идеологический фундамент, что и украинское движение в целом. Национальное строительство увязывалось с церковным, и наоборот. Украинскую

идентичность следовало укреплять через церковные институты, которые должны были этому всемерно способствовать. Так как РПЦ являлась церковью «Русской», проповедующей общерусские ценности, «украинство» автокефалистов становилось синонимом «антироссийскости».

Концепция церковной истории, выработанная сторонниками независимости украинской церкви, вполне укладывалась в русло национальной концепции истории Украины. Согласно ей, 1000-летней истории Русской церкви не было, зато была церковь Украинская, возникшая в конце X в. «с материнской помощью святой церкви Цареградской». Церковь «России» изображалась не органичной, неразрывной частью церкви Древней Руси, а «церковой – дочкой», созданной силами украинской церкви. Последняя, юридически зависящая, а по мнению автокефалистов, фактически независимая от Константинополя, в 1685 г. хитростью и обманом была переподчинена московскому церковному руководству. А украинский народ нашел в московском правительстве «не братьев – христиан, а жестоких поработителей»⁷². Путем некоторых логических построений и ссылок на церковную историю, идеологи независимости пришли к заключению, что автокефальной Украинская церковь была как минимум с 1686 г., так как Москва владела ею незаконно, а Царьград свою власть не восстановил. А это означало, что последующие столетия пребывания в РПЦ – незаконны и неканоничны, как неканонично и пребывание на Украине РПЦ⁷³.

Это время изображалось поистине «царством тьмы». Унификация церковной жизни (создание общего пантеона святых, приведение служб к общим церковным нормам), вызывали негодование и трактовались как насильственная русификация, уничтожение украинских обычаев и традиций⁷⁴. РПЦ автокефалисты обвиняли в корысти, царепослушании, в том, что она нарушила многие каноны и забыла свое предназначение. Провозглашение автокефалии преподносилось как законный шаг по восстановлению в прошлом независимой украинской церкви, как освобождение от «обрусительства и российского церковного империализма», делавших из «украинцев» «янычар» и «малороссов», и как восстановление утраченного духа христианской любви⁷⁵. Из постулата о необходимости возвращения к «истинным» корням вытекала необходимость украинизации – возрождения украинского языка как языка богослужений, возрождения (а по сути, создания новых, выдаваемых за древние) украинских обрядов, песнопений и т.д.

Вопрос о языке богослужения был основным не только в идеологии УАПЦ и в ее практической деятельности, но и стал от-

личительной чертой национальной самоидентификации ее прихожан. Церковнославянский язык (не русский!) оказался главным препятствием на пути утверждения «национальной» церкви. Автокефалисты были убеждены, что «родной язык – путь к Богу», а «церковь без родного языка – церковь без души». Церковнославянский же был ими объявлен «мертвым», «непонятным» для верующих и «архаизированным русским», а потому мешающим утверждению украинской церкви⁷⁶. Истинные же причины крылись в стремлении отгородиться от влияния русской культуры, разорвать культурное и духовное единство народов и, тем самым, укрепить нацию.

Эту мысль весьма ярко выразили слушатели Киевских богословских курсов – будущие священники УАПЦ. До нас дошли их сочинения на тему «Мой взгляд на современную общественно-церковную жизнь» (1921 г.). Почти все авторы к украинскому языку относились как к символической ценности (он не способ общения, а общенациональный объединяющий признак) и в его использовании видели способ «отделиться и избавиться от влияния сильнейшей нации» и укрепить государственность. Один из будущих священников так выразил его значение для строящейся нации: «Мы будем иметь родную церковь, родную школу – то есть крепкий родной язык. А где... родной язык – там и держава»⁷⁷. А бывший министр исповеданий при Директории, видный украинский церковный деятель И. Огиенко, ставший в эмиграции митрополитом Илларионом, провел связь между языком богослужения и появлением самой нации. Он писал, что русские запрещают украинский язык для того, чтобы народ украинский не «усвідомлювався» и не «націоналізувався», и, тем самым, борются не только против языка, но и против самого народа, «ибо когда нет украинского языка в Церкви, то нет украинского народа как нации»⁷⁸. Работа по превращению «народа» в «нацию» и стала альфой и омегой для УАПЦ.

Деятельность УАПЦ. Сразу же по окончании Собора УАПЦ резко активизировала свою деятельность. Украинские приходы стали появляться по всей республике. Инициативу проявляли сторонники церковной независимости на местах, им широко помогали специальные инструкторы, рассылаемые ВПЦР для организации приходов и их украинизации⁷⁹. Увеличение числа приходов усилило потребность в духовенстве, а оно, вопреки ожиданиям ВПЦР, в новую церковь не пошло. Против автокефалии (да еще неканоничной), соборноправности и украинского языка выступали даже священники, которых В. Липковский считал «щирими украинцами». Многие выжидали, оглядываясь на епи-

скопат, который занял по отношению к УАПЦ резко отрицательную позицию⁸⁰. Ее иерархи, диаконы и пресвитеры были объявлены безблагодатными (первые, как и светские деятели ВПЦР, были отлучены от церкви, последние – извержены из сана). В вопросе о применении украинского языка епископат занял более мягкую позицию, допустив его частичное употребление при проповедях и богослужениях⁸¹. Но на яростное противостояние между сторонниками Православной церкви (именовавшейся большевиками «тихоновской» по имени ее предстоятеля патриарха Тихона) и приверженцами УАПЦ это уже не могло повлиять.

И в такую непростую для украинской церкви минуту на выручку пришла интеллигенция, пополнившая ряды ее служителей и паствы. В Липковский вспоминал, что сразу же после Собора в ВПЦР стало обращаться много людей, которые «ни за что не согласились бы принять священство от старого епископата», но «с большим благоговением принимали посвящение от новой народной благодати»⁸². Духовенство УАПЦ и ее епископат пополнялись и за счет «бывших» людей – петлюровских, царских офицеров, сотрудников министерств УНР – тех, «кто не принял... советский режим, как режим не принял их»⁸³, или тех, кто разочаровался в политической борьбе, но не хотел считать, что «украинское дело» проиграно. «Это было время огромного увлечения среди украинского народа своим национальным государственным возрождением», – вспоминал впоследствии Липковский, – «и естественно, что много из равнодушных к церкви... повалило в УАПЦ, видя в ней... могучую силу, по крайней мере, для национального возрождения»⁸⁴.

Материалы ГПУ, Агитпропа ЦК КП(б)У говорят о том, что значительную, и притом активную часть сторонников УАПЦ составляли агрономы, служащие, учителя, юристы, профессора, причем «шовинистически-петлюровского» толка⁸⁵. Даже те представители украинской интеллигенции, которые напрямую с ней не были связаны, считали ее «своей» и принимали сторону УАПЦ в ее конфликтах с каноничной церковью. Например, когда «тихоновский» епископ Подольский Пимен (Пегов) объявил подольскому же архиепископу УАПЦ Ивану Теодоровичу анафему, вся местная интеллигенция перешла на сторону последнего и стала выказывать ему знаки уважения⁸⁶. Конечно, хотя нельзя полностью исключать того, что этими (как и другими) представителями интеллигенции двигала нелюбовь к старой «монархической», «казенной» церкви, главным все же оставался национальный момент.

Сотрудники ГПУ регулярно докладывали, что автокефальной церкви оказывает поддержку «исключительно шовинистически настроенное мещанство и часть украинской интеллигенции», которые в ее лице видят «базу к объединению всех шовинистических сил для создания при помощи церкви самостийной Украины»⁸⁷. Последнее обстоятельство – то, что в условиях политического поражения украинского движения националистически ориентированные группы смотрели на УАПЦ как на легальную возможность продолжения работы по национальному строительству – имело решающее значение как для нее самой, так и для движения в целом. Во главе автокефального движения стояли люди известных убеждений (по советской терминологии – «махровые петлюровцы»), многие из которых в прошлом участвовали в национальном движении и состояли в политических партиях. В первую очередь это касалось светских руководителей ВПЦР. Д.З. Лебедь докладывал в Москву, что «вокруг автокефализма группируется петлюровщина всех цветов и оттенков, вплоть до различных культработников и кооператоров»⁸⁸.

Имела УАПЦ тесные контакты и с «просвитами», с сотрудниками советских образовательных учреждений⁸⁹. Были у автокефалистов связи с бандами и даже с Украинской коммунистической партией⁹⁰. Контакты устанавливались в основном не на организационном, а на личном уровне. Скажем, автокефалисты-священники до принятия сана могли работать на ниве народного просвещения или участвовать в петлюровском подполье. Естественно, поменяв род занятий, они сохраняли прежние связи, или же прошлое само напоминало о себе, даже вопреки их воле и желанию. А укаписты, скажем, могли быть прихожанами УАПЦ. Кроме того, многие сторонники украинского движения знали друг друга лично, состояли в родственных связях. Таким образом, все «украинские» силы оказывались тесно связанными между собой. Приоритет национального примирял коммунистические убеждения или работу в сфере народного образования с церковностью. Лишь бы неизменной оставалась главная цель. УАПЦ как магнитом притягивала к себе национально-ориентированные элементы украинского общества. Д. Лебедь даже полагал, что этим обстоятельством объяснялось отсутствие в республике «петлюровских организаций»⁹¹.

Но одной интеллигенцией и мещанством социальная база церкви не ограничивалась. Церковные националисты, как и их светские коллеги, стремились утвердиться среди самых широких слоев населения. Автокефалисты пытались вести агитацию среди рабочих, особенно тех, кто переселился в город недавно⁹², однако в

силу своих социальных и национальных особенностей рабочий класс за ними не пошел и случаи участия рабочих, особенно промышленных, в жизни УАПЦ, были крайне редкими. Но пролетариат не являлся первоочередным объектом внимания деятелей УАПЦ. Их взоры были обращены на крестьянство.

Сводки спецслужб утверждали, что основной работой автокефалисты считали «перевоспитание села» и максимальное внедрение «в крестьянскую среду национального духа», которое заставило бы крестьянство поставить своей «первоочередной задачей абсолютное национальное освобождение Украины из-под ига Москвы»⁹³. В связи с этим украинизация богослужений и обрядности становилась не только целью и мерой по укреплению «этнического фундамента», но и средством «национального воспитания» крестьянства. Уже упоминавшийся А. Гулый-Гуленко на допросе показывал, что идея автокефалии церкви «базировалась на том, что наряду с другими культурно-просветительными завоеваниям» было «необходимо отвоевать... право молиться на родном языке». Это преследовало «и политические цели, так как... освобождало от московского влияния, а, главным образом, являлось способом агитации и влияния на массы в желательном украинском духе»⁹⁴.

Преобразование крестьянства в нацию осуществлялось многими способами. Большое внимание автокефалисты уделяли внешней стороне богослужений – оформлению храмов в национальном стиле (вплоть до развешивания в них портретов Т. Шевченко и желто-голубых лент), использованию народных музыкальных мотивов при литургии и т.п., – которая была призвана оказывать сильное психологическое влияние на людей, особенно на крестьян или вчерашних крестьян, и подчеркивать «свой», «родной» характер этой церкви⁹⁵.

Серьезным препятствием на пути распространения автокефального движения была неразработанность украинского языка как языка богослужений и церкви. Даже ряд видных автокефалистов (например, Н. Борецкий, впоследствии ставший митрополитом УАПЦ) считал, что заменять «родное» и «боговдохновенное» славянское письмо «своим собственным, пока еще уличным... не годится»⁹⁶. Поэтому не менее важной задачей для становления украинской церкви и формирования украинской национальной общности было «возвышение» украинского языка и приспособление его для широкого употребления в церкви. При ВПЦР была создана комиссия, занимавшаяся созданием специфической «украинской» религиозной и церковной терминологии и переводом Священного Писания и богослужебной литературы на

украинский язык. Эта литература отправлялась в приходы в машинописном виде (издать типографским способом было сложно).

Но главное происходило во время служб, бесед с верующими, во время проповедей. Например, в тайном циркуляре Лубенского окружного отдела ГПУ (октябрь 1924 г.) прямо говорилось, что Липковский и его сторонники «проповедуют различные враждебные советской власти идеи украинского национализма», а обращения митрополита к верующим «пестрят открытыми эпитетами по поводу Московской Патриархии», и что «в действительности острие этой пропаганды направлено на разжигание ненависти среди украинского населения против русского народа»⁹⁷. Например, встреча митрополита с верующими в соборе Винницы «проходила не как служба, а как митинг, имевший выраженный характер агитации, поминутным было шиканье по адресу “Москвы”, а также выражения “недолго будем под игом Москвы”»⁹⁸.

Речи и проповеди необязательно должны были прямо говорить о «Москве», «русских рабочих» или «коммунистах». Но во всех таких выступлениях, во всей работе УАПЦ как на сознательном уровне, так и подсознательно, настойчиво проводилась мысль о необходимости сплочения всех украинских сил для возрождения нации и Украины⁹⁹. И форма церкви, и то содержание, которое в нее вкладывалось, должны были способствовать формированию украинского национального самосознания. Причем ведущую роль в этом процессе играли не только руководители УАПЦ и ее идеологи из ВПЦР (В. Чеховской, В. Липковский, В. Потиеенко, А. Ярещенко и др.). Не меньшее значение имела позиция ее рядовых членов – священников, прихожан, которые нередко были даже радикальней (потому, что менее дипломатичней), и этим часто ставили УАПЦ в неудобное положение перед властями, вынуждая ее руководство отрекаться от слов и дел своих подчиненных и объяснять случаи националистических проявлений их собственной инициативой¹⁰⁰.

Надо отметить, что усилия автокефалистов не пропадали впустую. Число приходов на селе быстро росло, причем далеко не только за счет сельской интеллигенции. Крестьянство тоже довольно интенсивно вовлекалось в движение¹⁰¹. Уже в 1921–1922 гг. приходы УАПЦ имелись по всей территории УССР. Больше всего их было в наименее урбанизированных Киевской, Полтавской, Черниговской и Подольской губерниях, где дольше всего сохранялась власть украинских правительств, сильнее был развит бандитизм националистического толка, а после его ликвидации осело немало членов банд, крестьян, служивших в петлюровской армии, «бывших» людей. Почти неохваченными автоке-

фальным движением оставались Новороссия, Приазовье и Донбасс, где общины УАПЦ насчитывались единицами. Правда, там они были наиболее прочными и крепкими, поскольку вокруг них группировались преданные своим идеалам люди. Но при более пристальном взгляде на обстановку, сложившуюся в украинском селе, становится видно, что далеко не все крестьянство с радостью встретило свое национальное и церковное «возрождение».

На протяжении всех 1920-х годов наблюдателями отмечался рост религиозности населения республики, крепло церковное движение, ставшее одной из форм протеста против политики большевиков и новых порядков. Большевики не ошибались, говоря, что оно носит по преимуществу политический, «контрреволюционный» характер¹⁰². Но в те годы на Украине действовала не только УАПЦ. Гораздо большей популярностью, о которой неизменно свидетельствовали сводки спецслужб, пользовалась каноническая Русская православная церковь («тихоновцы», «патриаршая церковь»). Имелись также обновленцы и ряд других направлений – расколов, поддерживаемых и провоцируемых государством для борьбы с канонической церковью¹⁰³. А взаимоотношения между церквями были далеки от идеальных. Сообщения о религиозной обстановке больше напоминали сводки с мест боевых действий. Взаимные оскорбления были обычным делом. Автокефалисты обвиняли «тихоновцев» в продажности Москве, консерватизме, отсутствии украинского духа, контрреволюции. Те, в свою очередь, называли сторонников УАПЦ самосвятами, петлюровцами, безбожниками, униатами. Обновленцев и те, и другие считали «советской церковью». Нередко дело доходило до драк, которые приходилось разгонять с помощью конной милиции¹⁰⁴. Поводом к ним становилась борьба за храмы, на которые претендовали две, а то и три общины, причем коммунистическое государство целенаправленно разжигало страсти, поддерживая по ситуации, то одну, то другую сторону, но предпочтение отдавало противникам «тихоновцев», в том числе и автокефалистам¹⁰⁵.

Поводом для конфликтов становилось даже украинскоязычное богослужение. Многие священники, в том числе в самой УАПЦ, саботировали украинизацию¹⁰⁶. Те же приходы, которые остались верны законной церкви, занимали еще более резкую позицию. Крестьяне противились украинизации приходов, не пускали инструкторов ВПЦР, пытались защищать храмы от их передачи автокефалистам. Многие люди, особенно женщины, были готовы идти за много верст в «патриаршую» церковь, хотя в их селе была «украинская». Кто-то считал, что новый язык – непонятный, а со старым они сроднились, другие полагали, что после

перевода на украинский службы потеряют святость, так как молитва на украинском («на уличной мове») до Бога не дойдет, церковь лишится своей божественности и перестанет быть православной¹⁰⁷. Третьи не верили в благодатность совершаемых раскольниками Таинств. В церкви искали успокоения души, а не партийное собрание.

Важно подчеркнуть, что все церкви несли служение преимущественно среди этнических украинцев, из них же состояло их духовенство и часть епископата. Поэтому популярность УАПЦ и численное соотношение ее сторонников и сторонников других православных церквей, действовавших в те годы в УССР, позволяют дать общую, принципиальную оценку степени популярности среди этнических украинцев национальных идей и определить широту социальной базы украинского движения. УАПЦ являлась своеобразной лакмусовой бумажкой, отражавшей нравственные и национальные симпатии и ориентации украинского населения. Рабочий класс в УАПЦ почти не был представлен. Ее социальную базу составляла преимущественно национальная интеллигенция и такое же мещанство. Наиболее интересной в этом контексте является позиция крестьянства – основной массы населения, к тому же, наиболее широко вовлеченной в церковную жизнь.

Вообще, абсолютно точных данных о количестве приходов и общин автокефальной церкви нет, а имеющиеся – крайне противоречивы. На заседании президиума ВПЦР 5 мая 1927 г. подчеркивалось, что даже спустя шесть лет после образования церкви «нет никаких ведомостей про приходы УАПЦ, не выявлено даже их количество, неизвестны адреса приходов и вообще дело статистики совсем не затронуто»¹⁰⁸. Такая ситуация явилась следствием соборноправности, точнее, всевластия Рад, которые нередко игнорировали вышестоящие органы (например, не желая выплачивать взносы). Сказывалась и неразбериха, царившая в церковной жизни тех лет. Многие приходы то вступали в УАПЦ, то вновь возвращались к «тихоновцам», переходили в другие расколы или вообще ни к кому не примыкали¹⁰⁹. Немало было фиктивных приходов, значившихся лишь на бумаге, не украинизованных и не перестроившихся согласно догматам УАПЦ¹¹⁰. Кроме того, известно много случаев, когда церкви автокефалистов стояли полупустыми, в то время как храмы «тихоновцев» были переполнены. Бывало, что в «тихоновской» или обновленческой общине образовывалась «украинская» группа (а люди соответствующих взглядов имелись весьма часто, за исключением, разве что, юга и юго-востока республики), которая добивалась регистрации и соз-

давала свою общину, часто получая в придачу и храм¹¹¹. Иногда кружки автокефалистов не регистрировались и потому не попадали в официальную статистику¹¹². По этим же причинам довольно значительно различались данные не только ВПЦР, но и ГПУ. И все же, общую картину имеющаяся информация позволяет составить.

Согласно финансовой статистике ВПЦР (за 1924, 1926, 1927 гг.) и данным ГПУ (за 1925 г.) как наиболее правдоподобным и заслуживающим доверие, рост численности приходов УАПЦ наблюдался до середины текущего десятилетия, а затем их количество стабилизировалось. В ее лучшие годы их было около тысячи или чуть больше¹¹³. В то же время «тихоновских» и обновленческих приходов было в несколько раз больше. Например, по данным ГПУ на 1 января 1925 г. у УАПЦ было 989 приходов (680 278 прихожан) и еще 49 (45 015 прихожан) у Братского объединения приходов Украинской православной автокефальной церкви (БОПУПАЦ) – созданного спецслужбами «откола» от УАПЦ. У «тихоновцев» же насчитывалось 6453 приходов, а у обновленцев, которые боролись, в основном, за «тихоновскую» паству – 1497. Соответственно верующих было 4 819 627 и 921 880 человек¹¹⁴. Другие данные в целом подтверждают это соотношение. Таким образом, количество приходов УАПЦ составляло восьмую–десятую часть от числа всех православных общин Украины, а количество прихожан было примерно в 8–10 раз меньше, чем у РПЦ и обновленцев.

Конечно, здесь можно говорить лишь о той части населения, которая считала себя верующей, состояла в церковных общинах или по традиции, в силу обычаев, участвовала в церковной жизни¹¹⁵. Цифры отражают количество членов общин, оставляя за рамками скрытую религиозность, которая была высокой даже в городах. Но вместе с тем, люди, отходившие от церкви, в своем большинстве придерживались коммунистической идеологии, что очень часто (хотя и не всегда) означало несовместимость с идеологией украинского движения. А большинство тех, кто разделял последнюю, так или иначе участвовали в жизни УАПЦ.

Русская православная церковь испытывала на себе куда большее давление и репрессии, чем автокефалисты и прочие церковные группировки, и с большим трудом добивалась регистрации своих общин, которые могли по численности на порядок превосходить общины УАПЦ. Русское и прочее православное неукраинское население также существенно не влияло на это соотношение, поскольку действующих приходов было гораздо больше на чисто украинских этнических территориях и заметно меньше на

востоке и юге республики и в городах, где доля этнических великороссов была заметно выше. Характерно, что даже в тех регионах, где УАПЦ имела наиболее прочные позиции, количество «тихоновских» и обновленческих приходов в несколько раз превышало число «украинских». Например, в Киевской губернии это соотношение было следующим: УАПЦ – 468, РПЦ – 1047; в Подольской – 268 (вместе с БОПУПАЦ) против 933; в Полтавской – 127 против 1018! Если к «патриаршим» общинам прибавить обновленческие, то соотношение становится еще более очевидным¹¹⁶. Чем же было обусловлено такое соотношение между Украинской автокефальной и Русской православной церковью и почему украинский народ отдавал предпочтение именно последней?

Конечно, неприятие УАПЦ могло быть вызвано многими причинами: от автокефальности и безблагодатности церкви до обновленческих черт – бритых священников, одетых не в рясы, а в полувоенные френчи, и женатых епископов, посещающих рестораны и ведущих светский образ жизни¹¹⁷. Были люди, которых не смущал принцип автокефальности, но не устраивал способ ее получения. Другие ничего не имели против украинского языка, но негативно относились к «радоправию» и ВПЦР. Но всех этих людей было меньше, чем тех, кто либо принимал, либо напрочь отвергал УАПЦ в том виде, в котором она существовала.

Сторонники последней, как того времени, так и современные, причиной враждебного отношения к УАПЦ значительных масс крестьянства усматривали целенаправленную агитацию «тихоновского» духовенства, монашества (после закрытия большевиками монастырей монахи и монахини разошлись по селам Украины) и епископата. Безусловно, их направляющую и организующую роль отрицать нельзя. Но ведь и духовенство, и монашество являлись представителями украинского этноса и в повседневной жизни говорили на той же народной мове, что и их паства. И только их влиянием объяснить неприятие УАПЦ невозможно. К тому же, есть немало примеров того, когда их агитация оказывалась безуспешной и верх брали представители украинских Рад и ВПЦР, за которыми шли местные крестьяне¹¹⁸. Ведь имелись люди, и притом немало, которых не смущало ни самосвятское происхождение иерархии УАПЦ, ни ее неканоничный характер, ни соборноправное устройство, ни обновленческие черты, ни украинизация. Те, кто в участии в церковной жизни усматривал своеобразный протест против большевиков как таковых (помимо просто верующих), вполне удовлетворялся «монархической» и «консервативной» РПЦ. Те же, кто в этом протесте хотел видеть

еще и национальный подтекст, становились в ряды сторонников УАПЦ. Главным для этих людей было то, что это была «национальная украинская церковь».

Конечно, не все прихожане УАПЦ были националистами (также как и не все те, кто остался верен канонической церкви, были чужды украинским чувствам). Большую роль в принадлежности к той или другой церкви играли случайные обстоятельства, не всегда зависящие от воли конкретного человека. И все же, многие люди успели проникнуться национальным духом именно будучи ее прихожанами.

В основе межцерковного противостояния на Украине в 1920-е годы (как и теперь) лежала все та же борьба идентичностей и мировоззрений, борьба украинского национального фантома за свое утверждение. Вся деятельность автокефалистов это наглядно демонстрировала. Но и в основе неприятия УАПЦ «тихоновцами» тоже лежал национальный фактор, пусть и закамуфлированный сугубо церковными догмами и нормами, и ярче всего проявлявшийся в споре о языке богослужения. На оселке автокефалии и «национальной» УАПЦ проверялось (и проверяется до сих пор) отношение человека к вере, Церкви, к национально-украинским идеям и ценностям, к идее общерусского единства в его церковной и культурной ипостасях. Одни держались веры предков, не желали разрыва евхаристического единства Православного мира, противились превращению церкви в арену политической борьбы и национального сепаратизма. Другие больше веровали не в Бога, а в украинскую нацию, посвятили себя борьбе за украинское дело и «Заповит» Т. Шевченко почитали больше, чем «Отче наш». Но тех, кто вслед за тем же Шевченко, был готов за Украину «проклясть» «святого Бога» и «душу погубить», как видно из статистики, было, особенно среди простого народа, явное меньшинство. УАПЦ была «своей» для тех, для кого «Украина», «украинский» и «национальный» стали символическими, самодовлеющими ценностями, определяющими мировоззрение и общественное поведение.

Как же строились отношения между УАПЦ, этим оплотом национального движения, и большевиками? Здесь нет необходимости подробно останавливаться на всех перипетиях взаимоотношений УАПЦ и советского государства. Важнее передать их суть и характерные черты. Несмотря на постоянные заявления автокефалистов о том, что национальность понимается ими «не как фетиш», что через грань, отделяющую национальную церковь от националистической, а национальное чувство от национализма и шовинизма, они не перейдут, и что «церковное движение – не по-

литическое и с петлюровским никак не связано»¹¹⁹, большевики прекрасно знали, что оно собой представляет и на что нацелена его работа. Однако на протяжении всего десятилетия УАПЦ продолжала действовать более-менее свободно, насколько позволяли условия коммунистического государства. Вначале она оказалась даже в более выгодном положении, чем РПЦ – общины автокефалистов чаще регистрировались, им чаще передавались храмы, против нее в меньшей степени была направлена антирелигиозная пропаганда. Хотя уже в мае 1921 г. Политбюро ЦК КП(б)У приняло резолюцию «Об автокефальной церкви на Украине», поручавшей Наркомюсту собирать сведения об автокефалистском движении и его связях с петлюровщиной, а спецслужбам – наблюдать за «контрреволюцией, прикрывавшейся религиозными вопросами»¹²⁰. Эта резолюция открыла дорогу множеству постановлений, направленных на изобличение УАПЦ как филиала «жовто-блакитной контрреволюции».

Тем не менее УАПЦ продолжала расширять сеть своих приходов и действовать относительно свободно. Терпимое отношение к ней большевиков было продиктовано несколькими причинами. Во-первых, одним из основных идеологических конкурентов коммунистов являлась РПЦ и потому их целью было ее всемерное ослабление и дискредитация. Помимо прочих акций, они поддерживали оппозиционные группы внутри нее или же создавали их специально. Раскол, приведший к появлению на свет УАПЦ, означал ослабление Русской православной церкви. Другие причины лежали в социальной и национальной плоскостях. УАПЦ вписывалась в политику «украинского нэпа» как нельзя лучше. Ее наличие служило способом нейтрализации антисоветских настроений среди интеллигенции, буржуазных элементов города и села и той части крестьянства, которая шла за украинским движением. Будучи наиболее крепкой несоветской украинской организацией на протяжении всего десятилетия, УАПЦ служила тем «клапаном», через который выпускался антисоветский националистический «пар» ее адептов.

Всецело отдавая себе отчет в опасности проникновения националистических идей в крестьянство, большевики оставляли для них лазейку в виде украинской церкви и даже первое время стремились ее сохранить. Так, на заседании антирелигиозной комиссии при ЦК КП(б)У 24 мая 1924 г. подчеркивалось, что при поддержке обновленческих объединений, которые считались орудием по разрушению РПЦ, следовало вести себя осторожно, чтобы не дать автокефалистам повода обвинить советскую власть «в поддержке русской церкви (пусть и обновленческой. – А.М.) про-

тив украинской». Опасения не были беспочвенными: среди ответственных работников на местах имелась тенденция поддерживать русские церкви против украинских¹²¹. Не желая торопить события, большевики методично вели работу по расколу УАПЦ, установлению над ней контроля и ее разложению изнутри¹²².

По мере укрепления положения советской власти на селе, привлечения на свою сторону интеллигенции, по мере того, как теряла свое бывшее единство и мощь РПЦ, большевики начали переходить к активным действиям в отношении автокефальной церкви, используя в качестве главного обвинения ее национальную «подкладку». Национальный фактор затруднял работу спецслужб по ее расколу. Еще в 1926 г. чекисты признавали, что хотя у них имелись агенты – осведомители в ВПЦР, она проводила собственную линию, в то время как прочие раскольнические организации, возникшие на «теле» бывшей РПЦ (речь не шла о «тихоновцах»), еще и делали по их «указанию церковную политику»¹²³. Впрочем, работа по разложению УАПЦ продвигалась хотя медленно, но верно. Большевикам удалось создать две организации (упоминавшийся БОПУПАЦ и Братство членов УАПЦ «Дияльно-Христова церква»), выделившиеся из УАПЦ и находившиеся с ее руководством в крайне натянутых отношениях. При их создании было использовано недовольство некоторых епископов верхушкой Всеукраинской рады (В. Потиеенко, В. Чеховским), митрополитом и их политикой, которая, по мнению оппозиционеров, мешала нормализации отношений с властями. В частности, не был зарегистрирован статут УАПЦ, не давалось разрешение на созыв нового собора¹²⁴. Но главное, деятельностью ВПЦР недовольны были коммунисты – ее лидеры мешали установлению контроля над УАПЦ.

1926 год стал переломным в жизни автокефальной церкви. Среди автокефалистов начались аресты, в том числе лидеров церкви (В. Липковского, В. Потиеенко, А. Ярещенко), ВПЦР была объявлена нелегальным органом, а ее помещение опечатано. ГПУ потребовало «вычистить» из нее антисоветские элементы¹²⁵. Обвинения были классическими: связь с эмиграцией, политиканство антисоветского и националистического толка. Для преодоления кризиса и спасения церковной жизни с подачи властей в сентябре того же года в Киеве состоялось Совещание представителей всех епархий УАПЦ, которое должно было дать оценку деятельности ВПЦР¹²⁶. Совещание выразило полную лояльность советской власти и признало все выдвинутые против ВПЦР обвинения. Состав ее был переизбран. В результате в декабре был утвержден Статут УАПЦ, но ее деятельность попала

под контроль государства. Следующий шаг по ликвидации остатков ее независимости был предпринят осенью 1927 г. на специально созванном Втором соборе УАПЦ. Перед Собором встал вопрос об избрании нового митрополита и осуждении деятельности В. Липковского. Правда, за контрреволюционную деятельность он осужден не был, но Собор снял с него митрополичье бремя «по объективным причинам»¹²⁷, чем вызвал страшное недовольство В. Липковского. Во главе церкви встал новый митрополит (Николай Борецкий) и новая ВПЦР.

После этого на несколько лет жизнь УАПЦ вошла в относительно спокойное русло. Хотя она испытывала на себе постоянное давление (обвинения в прессе, периодические аресты ее членов), но кампаний, подобных той, что была в 1926–1927 гг., не было вплоть до «великого перелома» 1930 г. Большевики выполнили свою задачу: УАПЦ была поставлена под контроль и шла по пути внутреннего разложения. Интересно отметить, что удар по ней по времени совпал с началом «литературной дискуссии» и борьбы с украинским национальным уклоном. Эти явления стали звеньями одной цепи и свидетельствовали о начале смены приоритетов в национальной политике и отношении к украинскому движению и «низовой» украинизации. О том, что УАПЦ стала заложницей национального фактора, свидетельствовало постоянное «замаливание грехов» ее новым руководством. Оно отрещивалось от позиции своих предшественников – «зубров» церковной независимости, трактовавших автокефалию как абсолютную самостоятельность «не церкви украинской, а украинского народа» и стремившихся возродить его как «нацию». Новое руководство обещало преодолеть прежние ошибки и особенно уклон в национальном вопросе¹²⁸. Но это уже ничего не могло изменить. Дальнейшая судьба УАПЦ полностью отразила судьбу украинского национального движения.

«Борьба украинской и русской культур»

Противостояние идентичностей. Строительство нации, конечно, не сводилось только к деятельности культурно-просветительских и прочих организаций и работе с населением. Насколько можно судить, и «культурная работа», и деятельность УАПЦ, как и прочие направления, по которым велось строительство национальной общности, включали в себя противодействие любым другим идеологиям, стремящимся утвердиться среди того же на-

селения. К таковым, конечно, относилась коммунистическая идеология. Но, понимая невозможность и нежелательность борьбы со стоящим за ней государством, адепты национального движения поневоле были вынуждены мириться с ней и подстраиваться под нее. Они даже рассчитывали использовать свою лояльность к режиму для достижения поставленных целей.

К тому же, со временем стало ясно, что менялась психология масс. Особенно это касалось молодежи, которая росла в новой обстановке и воспитывалась в советской школе. У националистов не оставалось иного пути, кроме как мимикрировать под советские «цвета». Члены подпольной учительской группировки (Волынь), целями которой были «Украинская крестьянская республика» и «Украина для украинцев», а наиболее приемлемыми методами борьбы – восстание и теракты, считали необходимым изучать (помимо Шевченко) труды Маркса, Энгельса и Ленина. «Почитание Ленина, – поясняли они на допросе, – будет доказывать, что мы не придерживаемся буржуазных взглядов, и привлечет к нам массы»¹²⁹. Их объяснение весьма красноречиво говорит о настроениях крестьянства.

Но коммунистическая идеология была не единственной, которая противодействовала украинским националистам. На пути распространения украинской идентичности и украинских национальных ценностей продолжал стоять «русский конкурент». И пусть идеология общерусскости отвергалась новой властью и не рассматривалась ею как объединяющая и модернизационно-преобразующая, пусть она не имела вида теоретической концепции и существовала на уровне массового сознания, чувств, эмоций, ценностных ориентаций, пусть уже не носила наступательного характера, но именно она была главным препятствием на пути окончательного утверждения украинского проекта.

Советская власть и наличие «единственно правильной» идеологии не могли остановить начавшуюся еще в XIX в. борьбу идентичностей, поскольку «социальное» и «национальное» лежат в разных плоскостях общественного бытия и не могут полностью исключать или заменять друг друга. Выработанная большевиками формула, призванная разрешать подобные противоречия – «национальное по форме, социалистическое по содержанию» – могла работать лишь тогда, когда за социалистической составляющей была сила и историческая правда. Исчезли они – и советское, и постсоветское общество оказались один на один с другой частью формулы – «национальное по форме». А поскольку содержание не может (или не смогло) радикально изменить форму, а формы оставались разными, исключаящими друг друга, то и

события конца XX – начала XXI в. развиваются под лозунгом борьбы украинской и русской культур, национальных идентичностей и мировоззрений.

Это противоборство, получившее в партийных кругах название «борьбы двух культур», заняло все 1920-е годы, особенно громко заявив о себе после принятия на XII съезде РКП(б) нового курса национальной политики, направленного, помимо прочего, на поддержку национальных культур и всемерное содействие их развитию. Политика украинизации не только способствовала активизации культурного и национального строительства, но и подразумевала борьбу со всем, что этому препятствовало, т.е. все с тем же общерусским сознанием, общерусской системой ценностей и неразрывно связанным с ними положением русского языка и русской культуры. Любое противодействие украинизации общественной жизни, культуры, искусства, госаппарата, партии и т.д., равно как и его обратная сторона – наличие государственных взглядов, подразумевавших приоритетность интересов Союза ССР перед интересами отдельных республик, рассматривались как великорусский, великодержавный шовинизм. С ним надо было вести непримиримую борьбу, публично изобличать его носителей и выкорчевывать его малейшие проявления. А «бой не на жизнь, а на смерть» великорусскому шовинизму объявил сам создатель пролетарского государства¹³⁰.

На протяжении всего десятилетия «великодержавный (великорусский) шовинизм» считался большевиками главной опасностью, что отражалось на национальной политике. Суть ее, по замыслу В.И. Ленина, должна была заключаться «не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывалось в жизни фактически». Нацией «большой» и «угнетающей» в данном конкретном случае являлись русские, которых и следовало поставить в неравное положение во имя интересов пролетарского интернационализма и преодоления «недоверия» и «подозрительности» к ним наций «угнетаемых»¹³¹.

Ленинские установки легли в основу партийных документов. Еще резолюция X съезда РКП(б) гласила: решить национальный вопрос можно только уничтожением хозяйственной, политической и культурной отсталости некоторых наций, «чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношениях». А поскольку «великорусская нация оказалась наиболее развитой», то и «фактическое неравенство» должно было быть «изжи-

то путем оказания хозяйственной, политической и культурной помощи отсталым нациям и народностям»¹³². Естественно, все, кто не разделял такую точку зрения или не горел желанием ее воплотить на практике, превращались в великорусских или великодержавных шовинистов. Официальными установками часто пользовались националисты или те, кто свои личные интересы прикрывал национальными одеждами.

Не будем останавливаться на причинах, заставивших большевиков действовать в национальном вопросе именно так, а не иначе, и выяснять, насколько этот курс носил объективный, а насколько субъективный, доктринальный характер. Но отметим, что, искусственно создавая для русских положение неравенства, большевики ставили в такое же положение и русскую культуру, а вместе с ней и определенную систему национальных, мировоззренческих ценностей, служившую важнейшей составляющей российской цивилизации как особого, непохожего на все другие, единого суперэтнического организма. Для стоящих перед партией глобалистских задач построения новой, коммунистической цивилизации, русская культура как элемент, скрепляющий воедино шестую часть суши, утрачивала свое значение. В рамках глобального общества не имели принципиального значения и «уступки» «угнетающих» наций нациям «угнетаемым». Борьба с великодержавностью, равно как и создание для русскости неравноправного положения, в наибольшей степени способствовали становлению тех национальностей и культур, которые возникали на противопоставлении ей.

Борьбу с «великорусским шовинизмом», т.е. с общерусской системой ценностей и русской культурной традицией, прочно закрепившимися среди значительной части населения УССР (интеллигенции, служащих, промышленного пролетариата), вела не только партия, в которой, кстати, эта культурная традиция укоренилась весьма прочно. Официальный курс через резолюции съездов и конференций, постановления Политбюро и ЦК ВКП(б) и КП(б)У создал благоприятную возможность для украинских националистов устранить своего конкурента. И они развернули против общерусской системы ценностей и их выражения – русского языка и русской культуры – настоящую войну.

«Борьба культур» не сводилась только к повседневной работе по развитию украинской культуры и превращению ее в культуру национальную, к формированию национального сознания народных масс, приобщению их к украинским ценностям и украинскому мировоззрению, хотя все это целиком или частично покоилось на принципе противопоставления их русским (общерусским) ана-

логам. Оно еще предполагало и борьбу с непосредственными конкурентами – носителями русского языка и культуры, оттеснение их от культурного процесса, от общения с массами, от книжного дела и преподавания¹³³. А. Шумский, видный украинский партийный деятель, в 1924–1927 гг. бывший наркомом просвещения УССР и занимавший в «борьбе культур» украинскую сторону, приводил пример, наглядно иллюстрирующий сказанное выше. Одной русской оперной певице, вернувшейся из эмиграции на Родину, «украинские общественные круги» предложили выступить с концертом, но с условием, что петь она будет на каком угодно языке, но только не на русском¹³⁴. Многие артисты, певцы, деятели культуры начали уезжать из республики. Приостановить эту «утечку талантов» власти смогли только тем, что значительно повысили оклады и ослабили украинизационные требования¹³⁵.

Поскольку культурно-национальные процессы того периода осуществлялись в форме украинизации, то и основной упор носители украинских ценностей делали на недостаточное, по их мнению, уважение, которое питали к ней носители русской культуры. Помимо прикрытых партийной идеологией кампаний в прессе борьба против русскости нередко имела вид доноительства и травли. Таких случаев было немало. В качестве примера можно упомянуть вызвавшее заметный резонанс в партийных кругах «дело» коммуниста Гадзинского. Гадзинский выступил с обвинениями одесского партийного комитета в «неомалороссийщине», которая, по его мнению, состояла в прикрытии напора «одесского великодержавного и антиукраинского шовинизма» и в «издевательстве над так называемой украинизацией»¹³⁶. А дело заключалось в том, что в одесских вузах продолжала работать «великодержавная» профессура, не признававшая УССР и занимавшаяся «скрытой украинофобией». Гадзинский же был убежден, что русским профессорам «не место» в вузах Украины и что им следует возвращаться к себе в Россию. Особенно его бесило то насмешливо-пренебрежительное отношение, с которым русская интеллигенция относилась ко всему украинскому. Считая такое отношение симптоматичным и присущим, в том числе и широким партийным кругам, украинский коммунист усматривал в этом продолжающуюся под ширмой III Интернационала «русификацию Украины», которая, по его мнению, провоцировала рост украинского национализма¹³⁷. Правда, апелляция к партийным органам закончилась не в пользу Гадзинского: 1928 год – не 1923-й, и то, что казалось естественным раньше, к концу десятилетия все больше не соответствовало политике советского государства. Бюро одесского окружного партийного комитета осудило его за

неправильное понимание национальной политики, и Гадзинский вынужден был признать свои ошибки. Но сколько подобных обвинений достигало своих целей, особенно в начале и середине 1920-х годов.

«Борьба культур» как неперемнная составляющая деятельности национального движения, отмеченная всеми участниками культурного процесса на Украине, свидетельствовала еще об одном важном обстоятельстве, а именно об укреплении украинства и превращении его из идейного течения или «клуба по интересам» в «украинское общество». В данном случае под обществом понимается не социальный, а национальный феномен. Во многом это стало результатом самого хода развития украинского движения, ко второй половине 1920-х годов «созревшего» до нужного уровня и готового стать ядром этого общества. Но еще более важную роль в этом сыграла политика большевиков (тоже отчасти ставшая ответом на брошенный националистами «вызов»), направленная на создание и укрепление украинской государственности, культуры и строительства украинской нации. Несмотря на критический настрой, адепты украинского движения отдавали себе отчет, каким огромным подспорьем для их дела стала политика большевиков. «Мы теперь постепенно приобретаем то, что не достигли во время революции». «Вместо “Юга России” появилась Украина» и это «очень важный факт»¹³⁸, – отмечали наиболее проникательные из них. В любом случае, становление «украинского общества» повлекло за собой новую расстановку сил на Украине и вынудило участников национально-культурного процесса исходить из этого факта.

Национальные концепции прошлого. Появление «украинского общества» заполнявшего собой весь общественно-культурный «объем» республики, стало возможным благодаря постепенному, но настойчивому укреплению украинского движения в городе. Именно в кругах городской интеллигенции, особенно в ее научной и культурной элите, зарождаются и мужают национальные движения. «Завоевание» городов и придание им «украинского» облика и духа было важнейшим условием не только для функционирования движения, но и для самого существования украинской нации и «Украины». Поскольку среди городского населения была распространена преимущественно русская культура, развернулась активная борьба за овладение городом. Но она не сводилась только к противостоянию русской культуре и ее носителям.

Одновременно с развитием национальной культуры и утверждением среди масс национальной идентичности в тонком слое

городской творческой и научной интеллигенции велась мыслительная деятельность. На сознательном и подсознательном уровнях обрабатывались и формулировались настроения социальных слоев общества. Создавались произведения культуры, в которых в художественной форме, в виде образов, символов, аллегорий отражались эти настроения, обсуждались актуальные проблемы современности. Складывались научные школы, появлялись теоретические концепции и мировоззренческие системы, толкующие прошлое, настоящее и будущее украинского народа и Украины. То есть шли процессы, без которых невозможно существование никакого самостоятельного общественного организма. Известно, что любой режим, любая политическая сила, стремясь обосновать свою политику или само существование, ищут поддержку в прошлом. Когда формируется новая национальная общность, переписывание истории, «битва за прошлое» приобретает особый размах.

Как уже говорилось в главе первой, основы украинской национальной историографии были заложены еще до революции В. Антоновичем, который, собственно, и попытался сконструировать понятие «украинской истории» как особого исторического процесса украинского народа¹³⁹. Но всестороннее развитие она получила благодаря трудам его ученика М. Грушевского. Необходимое условие для строительства нации – обоснованная концепция ее прошлого, в основе которой лежала идея национальной борьбы украинского национального коллектива – оказалось выполненным. Главный труд М. Грушевского – «История Украины–Руси», в основном законченный до революции – на долгие годы стал предметом гордости украинской интеллигенции и источником легитимации ее деятельности по строительству нации. В этой работе была разработана национальная мифология, которая и составляет основное содержание всех общественных наук и истории в частности, и без которой невозможна никакая деятельность в сфере общественного сознания и борьба на идейном фронте.

Главным принципиальным положением концепции Грушевского был этноцентризм, а если быть предельно точным, взгляд на историю Украины через призму национального развития украинского народа. С этим положением была неразрывно связана теория «бесклассовости» украинского народа, ставшая господствующей в старой украинской историографии. Естественно, эта теория отрицала какие бы то ни было возможности классовых противоречий внутри украинской национальной общности, а также неизбежность и закономерность революции 1917 г. именно

как революции социальной, вызванной социально-экономическими противоречиями внутри нее. Из этой посылки автоматически следовало, что революция и классовая борьба были для Украины искусственными, привнесенными извне явлениями. Извне – это значит из России, которая при подобном подходе становилась внешней силой и в противопоставлении «свой–чужой» занимала нишу «чужой». Для единого коллектива, внутри которого отсутствовали сколько-нибудь сильные классовые противоречия, главной проблемой становилось отражение внешней угрозы и борьба за национальную самоорганизацию. Несмотря на то что события 1917 г. и Гражданской войны опровергли теорию «бесклассовости» и главенствующей роли национального фактора в развитии украинского народа, указанные принципы прочно укоренились в сознании украинской интеллигенции, для которой приоритетность этого фактора перед всеми другими всегда имела первоочередное значение.

Но развитие национальной историографии продолжилось и после революции. Особенно активно этот процесс пошел после возвращения в 1924 г. из эмиграции М. Грушевского. Его возвращение стало знаковым событием общественной жизни республики. Приезд бывшего председателя Центральной рады и живого символа украинского национального движения повысил доверие «национально мыслящих» кругов к политике большевиков и советскому строю в целом, и активизировал работу интеллигенции в национально-культурной сфере. Несмотря на то что возвращение и вся последующая деятельность М. Грушевского находились под пристальным вниманием ГПУ и в немалой степени им координировались, руководство республики не мог не обеспокоить тот факт, что «украинский батько» превращался в фигуру, в которой оппозиционно настроенные украинские круги могли усматривать альтернативу большевикам. Созданию такого образа способствовал и сам М. Грушевский. Несмотря на присущую ему осторожность и известную подобострастность перед властями, а также на постоянные выражения лояльности большевикам (искренние или фальшивые – дело другое), от дела всей своей жизни, как и от своих взглядов на механизмы становления украинской нации, он не отказывался. Напоминая о 150-летней годовщине Эмского указа, символизировавшего «антиукраинскую» политику России, М. Грушевский предостерегал, что «голоса адептов великорусской великодержавности или империализма» он явственно слышит и теперь, причем «не только в обывательских разговорах, выкриках белой эмигрантской прессы, но и во всесоюзных дебатах», с трибуны ЦИК СССР¹⁴⁰, недвусмысленно намекая

на возможный пересмотр решений XII съезда и возврат к «традиционному русификаторству».

Известный партийный функционер А.А. Хвыля, ведавший в ЦК КП(б)У вопросами культуры и пропаганды, в докладной записке о положении дел в украинской литературе (1926 г.) сетовал на «слишком незначительное» влияние партийной журналистики на беспартийную украинскую интеллигенцию, в то время как издававшийся М. Грушевским (кстати, за государственный счет) историко-культурный журнал «Украина», пользовался «гораздо большим влиянием среди верхов украинской интеллигенции, захватывая отчасти и низы ее». Указывал он и на то, что «враждебная идеология» (некоммунистическая) начала все шире распространяться через проводимые сотрудниками ВУАН семинары, собрания и т.п.¹⁴¹

Особенно активно распространение «альтернативной» идеологии осуществлялось путем подготовки молодежи через лекции, семинары, курирование «своих» людей из числа аспирантов и т.п. Например, как сообщалось в докладе Подольского губотдела ГПУ секретарю Подольского губкома, «отчаявшись в возможности массовой шовинистической пропаганды», некоторые сотрудники Каменецкого ИНО (Института народной освіти) «проводили индивидуальную обработку своих учеников»¹⁴². С. Ефремов приводит случай, когда к нему обратился 15-летний сирота. Он перечитал всю украинскую литературу и очень хотел учиться дальше. Помимо прочего, молодой человек задавался вопросом о судьбе Украины, о том, что «было бы лучше, если бы Украина была бы самостийная, или так, как теперь»¹⁴³. Ефремов дал ему несколько книжек и посоветовал после окончания школы продолжить образование. Зная политическую позицию Ефремова до революции и его отношение к советской власти и ее национальной политике, нетрудно представить, какие книжки он дал молодому человеку и в каком политическом духе он мог бы провести его «обработку». Тот же журнал «Украина» в событиях 1917 г. усматривал, прежде всего, не социальную революцию, а «вызволнение Украины», которое, ко всему прочему, явилось результатом не стечения обстоятельств мирового масштаба, а заслугой «украинства»¹⁴⁴. В том, что народы России и в первую очередь украинцы, получили национальную свободу, по мнению кругов, близких к старой исторической школе, была заслуга не революции и не советской власти, а национально мыслящей украинской общественности¹⁴⁵.

Борьба за контроль над Всеукраинской академией наук расценивалась большевиками как борьба за влияние на всю украин-

скую общественность, поскольку она обладала авторитетом и широкими научными связями с региональными учебными и научными обществами. Академический состав был настроен к власти критически. Среди него имелось немало людей, состоявших ранее в различных партиях, Центральной раде, министерствах УНР. Причем, как отмечал в упоминавшейся «Докладной записке» В. Балицкий, тон в Академии задавали антисоветски настроенные лица (не только «украинцы», но и «белые» или просто те, кто скептически относился к большевикам), каковых, впрочем, в ней было большинство, особенно в тех организациях, которые вели образовательно-воспитательную работу. Гуманитарные секции считались «идеологической верхушкой украинской контрреволюции». Ее «левую» группу, проводящую более гибкий курс по отношению к большевикам (это позволяло извлечь наибольшую пользу из официальной украинизации), возглавлял М. Грушевский, «правую» – С. Ефремов и А. Крымский. Между ними велась борьба за руководство Академией (в том числе подпитывавшаяся натянутыми личными отношениями вождей). Но, различаясь в тактике, они объективно действовали в одном направлении – строительстве Украины¹⁴⁶.

В чем же заключалась «враждебная идеология», которой придерживалась близкая к ВУАН, М. Грушевскому и С. Ефремову интеллигенция, и чем она была опасна для власти? Она заключалась в рассмотренных выше требованиях предоставления УССР особых финансовых полномочий, введения особой украинской валюты, создания собственной армии, учреждения крестьянских союзов, в отрицательном отношении к существующему экономическому положению, при котором якобы «Москва все забирает» и т.п. Короче, речь шла о необходимости пересмотра того положения, которое Украина занимала в СССР, в сторону расширения ее политических функций и полномочий и постепенной конфедерализации последнего, от которой было недалеко и до полной самостоятельности. Опасность для власти крылась в том, что в этом тонком слое научной и творческой интеллигенции формировалась идеология недовольных социальными порядками мелкобуржуазных слоев и уже «в выкристаллизованном виде» распространялась на широкие слои интеллигенции, которая, в свою очередь, передавала их в массы. Беда, по мнению упоминавшегося А. Хвыли, заключалась еще и в том, что в партии и в коммунистической интеллигенции некому было отвечать М. Грушевскому и его единомышленникам¹⁴⁷.

Но здесь для большевиков все было не так уж плохо, как могло показаться на первый взгляд. В те годы сложилась еще

одна историческая школа, расходившаяся со школой М. Грушевского по многим вопросам и прежде всего в методологии. Это была школа М.И. Яворского, историка-марксиста, профессора, академика ВУАН, коммуниста, долгое время являвшегося «официальным» украинским советским историографом. По его учебникам учились в школах, по разработанным им методикам в марксистских вузах (например, Коммунистическом институте марксизма) читались исторические дисциплины, готовились аспиранты. В то время на аспирантов-марксистов смотрели как на будущую смену. Многие из них готовились продолжать исследования по истории Украины, перед другими открывались перспективы партийной работы, в том числе связанные с вопросами идеологии¹⁴⁸. Но несмотря на различия в методологии у двух исторических школ, имелись и точки соприкосновения. При большей или меньшей степени внимания к социально-экономическому фактору, мировоззрение многих украинских историков как старой, так и марксистской школ, продолжало определяться фактором национальным.

Школа академика М. Яворского также подходила к изучению истории Украины с тех позиций, что украинский народ – народ самостоятельный, обладающий самостоятельной же историей. Но если само это положение в те годы уже никто не отрицал и не оспаривал (хотя бы из-за боязни быть обвиненным в великодержавном шовинизме), то по поводу того, какое содержание должно было вкладываться в эту самостоятельную историю, велись нешуточные дискуссии¹⁴⁹. Подробный анализ концепции М. Яворского и взглядов других историков – тема для отдельного исследования, посвященного развитию исторической и общественно-политической мысли на Украине. Здесь важно подчеркнуть, что М. Яворский, а вслед за ним и его ученики, отводили национальному вопросу центральное место. Будучи марксистом, М. Яворский уделял социально-экономическим вопросам гораздо больше внимания, нежели историки старой школы. Он не считал украинскую нацию нацией бесклассовой, но и не особо заострял внимание на проблемах классовой борьбы¹⁵⁰. Революционное движение в малороссийских губерниях до 1917 г. он теснее связывал с украинским национальным, нежели с общероссийским революционным движением. Усиленное внимание к проблемам национального развития сохранилось у него и при оценке дальнейших событий. Яворский утверждал, что после февраля 1917 г. на Украине произошла национальная революция, шедшая своим собственным путем, независимо от российской революции, поскольку основной проблемой буржуазно-демократической революции на

Украине считал создание самостоятельного государства и уничтожение колониальной зависимости. Аграрная проблема, по его мнению, не являлась главной или же рассматривалась в контексте национального вопроса. Последний был и своеобразным критерием оценки политики и мероприятий, проводимых противоборствующими сторонами во время революции¹⁵¹.

Таким образом, по восприятию национального вопроса и по тому, какое место ему отводилось в концепции истории Украины, школы Грушевского и Яворского практически не имели между собой различий и лишь дополняли друг друга. Имелось у них и некоторое сходство во взглядах на социальные проблемы, а именно на роль крестьянства в социально-политических процессах первых двух десятилетий XX в. В частности, М. Яворский считал украинскую сельскую буржуазию – кулачество, а точнее, одну из его разновидностей – фермеров-арендаторов, особой силой буржуазно-демократических революций наравне с остальным крестьянством и пролетариатом¹⁵². Помимо того, что данный постулат ставил под сомнение возможность (и безальтернативность) гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, чего не могли потерпеть большевики, он уравнивал национальный и социально-классовый вопросы, поскольку эта «третья сила» выступала за создание буржуазно-демократического государства¹⁵³.

Теоретические построения «подсказывали» и практическую линию поведения «официальной» украинской историографии в отношении национального вопроса. Например, на Всесоюзной конференции историков-марксистов, состоявшейся в декабре 1928–январе 1929 гг. представители школы Яворского подвергли резкой критике работы некоторых российских историков за их «централистский» подход, т.е. «россиецентризм», при освещении истории СССР и непризнание первенствующей роли национального фактора в истории «угнетенных» Россией народов¹⁵⁴. Забегая вперед отметим, что также взгляды М. Яворский сохранил до конца своих дней. Оказавшись не по своей воле на Соловках, он в июне 1935 г. написал заявление в центральную аттестационную комиссию ГУЛАГ НКВД, в котором говорил, что в тюрьму был брошен за то, что он – украинец, и не променял любовь к своей отчизне на «российский патриотизм», «подкрашенный» интернационализмом¹⁵⁵. Как видим, для украинского историка-коммуниста «украинский» и «советский» патриотизм были взаимоисключающими категориями.

Таким образом, в 1920-е годы в среде украинского движения продолжилось создание национальных концепций истории Укра-

дны, которые при известных отличиях в подходе к социально-экономическим проблемам сходились в оценке национального фактора как ключевого и определяющего ход истории украинских земель, особенно в XX в.

Большевики о корнях украинского национализма. Разработка национальных концепций истории Украины являлась не единственной сферой приложения сил научной и культурной украинской интеллигенции. Ее взгляды были обращены не только в прошлое, но и в настоящее и будущее. Становление украинского общества и развернувшаяся в нем интеллектуальная работа ознаменовали собой появление на свет нового направления в национальном движении. Этот момент был отмечен всеми участниками культурного процесса – и наиболее дальновидными представителями «национального» лагеря, и их оппонентами – большевиками. Те, кто в той или иной степени разделял украинские ценности, считал, что национально-культурное развитие Украины начало перерастать рамки, отводимые ему официальной украинизацией. Большевики в целом говорили о том же, но другими словами. Рассуждая о корнях национализма и национальных уклонов в партии, они пришли к выводу, что с проявлениями русского национализма дело обстояло проще. Эти проявления были легко узнаваемы, так как действительно соответствовали названию «великодержавный» и подразумевали взгляд на СССР как на новую, пусть пролетарскую и красную, но все же Россию, «единую неделимую Советскую Русь». С определением корней и проявлений украинского национализма дело обстояло сложнее. Переплетение социального, культурного, внешнеполитического, этнического и других факторов, обусловившее весьма непростой и извилистый путь становления украинской национальной общности, приводило к тому, что сами националисты «безнадежно путались» с определением своих позиций и видения будущего, но при этом всегда сами себя понимали¹⁵⁶.

Изучению корней украинского национализма большевики уделяли пристальное внимание*. Занимавшийся этим вопросом секретарь ЦК КП(б)У В.П. Затонский выделял несколько корней национализма и выросших из них идейных течений, но в качестве главных называл два (прочие были, по сути, их производными).

* Естественно, поскольку большевики приняли «украинскую» точку зрения на историю, то их анализ не мог подняться над ее схематизмом и идеологичностью. Ни о какой оценке украинского национализма как сепаратизма и изначально антирусского «проекта» не было и речи. И все же, этот анализ весьма любопытен и содержит немало интересных наблюдений и выводов.

К середине десятилетия стало очевидным, что откровенно «жовто-блакитных» националистов, представлявших более-менее реальную опасность, уже не осталось. Она исходила от тех их единомышленников, которые продолжали мыслить национальными категориями, но выступали «как советские люди» и стояли за революцию и советскую власть¹⁵⁷.

Главным «корнем» был определен кулак («кулак хозяйственных интересов, жадности и провинциализма»), т.е. мелкобуржуазные элементы села, экономическое и идеологическое влияние которых в связи с нэпом постоянно усиливалось. Из «собственно-провинциального» корня выростала и «кулацко-хуторянская» форма национализма, идеологом которой становился сельский интеллигент. Да и вообще вокруг этого направления, наиболее многочисленного, группировались националисты «традиционного» типа¹⁵⁸.

Но к середине 1920-х во всеуслышание заявило о себе и другое направление, менее многочисленное, но более активное и приспособленное к новому строю. Это направление общественной мысли и украинского национализма имело совершенно иной источник происхождения. Им был город, его буржуазные слои, мещанство¹⁵⁹. Хотя эти группы населения имелись и раньше, но своей собственной идеологии они не выдвигали и довольствовались традиционным набором «символа веры» украинского националиста и такими же «традиционными» его мотивировками. Но социально-экономические, урбанизационные процессы, набравшие силу уже в первые десятилетия XX в., все больше отрывали эти группы от сельских источников формирования, меняли их облик. Появление украинской государственности и стимулируемое ею развитие Украины как национально-государственного организма, а также принесенные революцией и Гражданской войной изменения в массовом сознании, укрепили эти слои, равно как и влияние «украинских» элементов города, которые при соответствующей поддержке со стороны коммунистического государства превращали, образно говоря, булгаковский «Киев Турбиных» в Киев «украинский».

Город вырастил новый тип украинского служащего, но украинского не только и не столько по этническому происхождению и даже не по культуре и мироощущению, сколько по принадлежности к украинскому государственному организму — УССР, предполагающему своей основой (пусть и до известной степени формально) украинскую систему ценностей. Этот служащий вживался в конъюнктуру и хотел использовать украинизацию для «выживания российского конкурента» из культуры,

прессы, образования, управления¹⁶⁰ и самоутверждения за его счет. На более высоком уровне «российский конкурент» приобрел черты уже не столько русского интеллигента, сколько чиновника из центра, представителя союзного наркомата или даже партийного функционера, но не республиканского, а союзного уровня.

Это направление произрастало далеко не только из «украинских» корней. По сути, оно было даже не столько формой национализма, сколько формой местных интересов, хотя и с легкостью могло в него перерасти, стоило лишь придать этому местничеству национальную мотивировку и снабдить его национальной фразеологией. Основным его источником стало наличие государственности и формируемых ею социальных групп (местной бюрократии, культурной элиты республиканского уровня, работников средств массовой информации, просвещения и т.д.), исходящих из республиканских интересов. Их интересы рано или поздно вступают в противоречие с интересами их коллег, представляющих центр и стремящихся сохранить и упрочить свои власть и полномочия на той же самой территории. (Такие процессы в УССР набирали силу в конце советского периода, а в настоящее время со всей очевидностью проявились в независимой Украине.) И хотя для этих групп, особенно для чиновничества, этническое происхождение не играло абсолютного значения, уступая пальму первенства служению государственной идеологии, собственному карману или теплому креслу (а они диктовали лояльность любой идеологии, если только она обещала сохранение собственного положения), их формирование стало еще одним признаком и одновременно неперемennым условием становления украинской нации.

Украинские эмигранты верно подметили это крепнущее влияние государственного бытия республики. Они признавали, что в УССР старая интеллигенция утратила свою руководящую роль. Но вместе с тем были убеждены, что из хозяйственников, профсоюзных, партийных работников сложилась новая управленческая элита (не говоря уже о творческой интеллигенции), «с активным отношением к жизни», связанная «с украинскими интересами», украинская «по своему составу, духу, устремлениям», которая вопреки воле «командной верхушки» (ВКП(б)–КП(б)У) овладевает советскими органами и вскоре приберет «к рукам государственный аппарат». Из эмигрантского далёка эти элементы не так уж бесосновательно выдвинулись «основой будущей национальной государственности»¹⁶¹.

В целом они были не так уж и неправы. Национальная хозяйственно-управленческая элита, не говоря уже о культурной, была

не прочь приобрести более широкие полномочия и потеснить своих «старших товарищей» или вообще стать полноправным хозяином в своей вотчине. В конце концов, она оказалась способна это сделать, что подтвердили события 1990–1991 гг. Но такой вариант становится возможен тогда, когда центр не имеет притягивающей силы и силы вообще, утратил контроль над местами или по тем или иным причинам *не желает* его сохранять, целенаправленно провоцируя сепаратистские тенденции¹⁶².

Этого нельзя было сказать о большевиках 1920-х годов. Конечно, за их слабость могли (или хотели) принимать борьбу с великодержавностью и политику коренизации, создание республик и прочие проявления национальной политики того периода. Но и местная этнократическая партийно-хозяйственная бюрократия, не в пример поздней советской, тогда была слабее и только формировалась. Да и коммунистическая идеология – эта по-настоящему главная скрепляющая не только партии, но и страны в целом – была вполне реальным мироощущением партийной элиты (опять же, не в пример поздней советской). В 1920-е годы украинская интеллигенция, ставшая вдруг культурной элитой республики, говорила с местной партийно-хозяйственной бюрократией на разных языках (во всех смыслах) и, будучи «чужой» по социальному происхождению и мироощущению, имела мало шансов повлиять на республиканское руководство в желательном для себя направлении и привить ей национал-сепаратистские устремления. Овладеть руководящими постами в партии и госаппарате УССР можно было лишь совершенно новым оружием – коммунистической идеологией, совместив ее с украинской системой ценностей. Именно это направление имели ввиду партийные функционеры, говоря о новой, «городской» форме украинского национализма, именно ее считали наиболее опасной.

Это направление можно даже считать новым идейным этапом украинского движения, его более высокой ступенью. Во-первых, оно стало следствием изменений социальной структуры общества УССР и соответствующих перемен в национальном, государственном, культурном строительстве времен Гражданской войны и первых мирных лет, свидетельствовавших о становлении на Украине общества современного типа, без которого невозможно появление нации. Во-вторых, оно было ориентировано на закрепление достигнутых завоеваний и дальнейшее строительство Украины как суверенного национального организма. И, в-третьих, этим направлением предлагались практические мероприятия, призванные завершить ее создание. Перемены в общественном бытии стимулировали работу общественного сознания. Начало было положе-

но еще с момента создания украинской советской государственности, а активно процесс начал набирать силу со времени перехода к новой национальной политике, по форме имевшей сходные цели с целями национального движения. Тогда начали появляться пока еще малочисленные группы «красных» националистов, националистов-модернизаторов, стоящих не просто на коммунистических, а на большевистских позициях, не видящих для Украины иного будущего, кроме советского и коммунистического.

Что же это было за направление, в чем заключалась его новизна, чем оно отличалось от традиционных националистических воззрений? Ярче всего оно отразилось в нескольких теоретических концепциях, появившихся в УССР во второй половине 1920-х годов.

«Новое направление» национальной идеологии. Теоретические концепции

«Волобуевщина». Вернемся к приведенной в начале главы формуле. Согласно ей, следующим пунктом за «нацией» шли «самостоятельная экономика» и «суверенность» как непеременимые условия существования нации. Создаваемые украинской (а в силу ряда причин и союзной) историографией концепции истории Украины служили теоретическим фундаментом для появления ряда идеологических систем, касавшихся тогдашнего положения УССР. Здесь мы немного отойдем от хронологического принципа, забежим вперед и рассмотрим те из них, которые касались вопроса о месте Украинской республики в системе народного хозяйства Советского Союза. Этот вопрос имел весьма важное значение, так как был своеобразным перекрестком, на котором сталкивались различные, порой диаметрально противоположные точки зрения общественности республики, украинских националистов, а также республиканского и центрального партийного руководства на судьбу Украины, ее государственность, на пути индустриализации и модернизации советской страны в целом. Взгляды украинских националистов на проблемы экономического развития оказались сведены в единую систему и опубликованы в виде статьи в журнале «Большевик Украины» (орган КП(б)У). Ее автором стал никоим образом до того не известный М. Волобуев.

О Михаиле Волобуеве стоит сказать подробнее, поскольку ему суждено было стать одним из символов украинского национализма, а «волобуевщиной» стали обозначать национальный

уклон в области экономики. Сам он не был этническим украинцем (настоящая фамилия Артёмов) и поэтому его путь к «украинству» весьма показателен. С 1922 г. М. Волобуев работал в органах политпросвещения, был заместителем начальника губернского отдела Политпросвета в Виннице. По воспоминаниям дочери, «своей любви к Украине он не скрывал. Любил одевать украинские вышивки, искренне увлекался красотой украинских песен, украинского языка»¹⁶³. Но это присущее многим великороссам увлечение послужило лишь почвой для развития идей, благодаря которым М. Волобуев вошел в историю. Работая на ниве политпросвещения, он сталкивался с людьми, состоявшими ранее в националистических партиях. Позднее он общался с А. Шумским, М. Яловым, Н. Хвyleвым. Вращаясь в среде украинской интеллигенции, М. Волобуев воспринял ее мировоззрение. Уже после Великой Отечественной войны, обращаясь к Генеральному прокурору СССР Р. Руденко, он объяснял это так: «Сталкиваясь и дискутируя с работниками российского Главполитпросвета в практических вопросах, болезненно воспринимая попытки трактовать украинскую культуру и украинский Наркомат просвещения как провинциальные, я постепенно пришел к выводу о невозможности украинского культурного строительства в совместной работе с русскими»¹⁶⁴. Это почти дословно совпадает с тем, что говорили по поводу «официальной» украинизации украинские националисты.

В 1928 г. редакция журнала «Большевик Украины» в двух номерах публикует большую статью «К проблеме украинской экономики». При этом оговаривалось, что статья носит дискуссионный характер. И «дискуссия», а вернее, весьма острая критика основных положений статьи, переросшая в борьбу с «волобуевщиной», незамедлительно началась. Собственно, ради того, чтобы обнародовать подобные взгляды, выставить их на всеобщее обозрение, а затем разбить в пух и прах, статью и опубликовали¹⁶⁵. Так в чем же заключалась «волобуевщина»?

К изложению своих взглядов на перспективы развития народного хозяйства Украины М. Волобуева подтолкнула бытовавшая среди советских экономистов точка зрения на экономику СССР как экономику единого государства, а на СССР как на реинкарнацию исторической России. В основу экономического районирования страны Госпланом СССР был положен экономико-географический принцип. То есть экономика Союза виделась единым целым организмом, в основе которого лежала экономическая специализация регионов. При этом совершенно выпадало из вида наличие союзных республик. Согласно «экономическому» подходу,

территория УССР подразделялась на Юго-Западный и Южногорнопромышленный экономико-географические районы.

М. Волобуев подверг этот подход резкой критике. Он исходил из того, что Украина представляет собой «народно-хозяйственное целое», которое нельзя разрывать на независимые части¹⁶⁶. Собственно, Волобуев не был первым, кто во главу угла развития экономики ставил национально-государственный принцип и публично его отстаивал. Еще Г.Ф. Гринько, бывший в свое время наркомом просвещения, на Первом съезде Госплана СССР в феврале 1926 г. выступил против деления УССР на экономические районы и призывал подходить к ней «как к народно-хозяйственному целому» и в дальнейшем идти по пути ее консолидации (в том числе экономической) как самостоятельной республики¹⁶⁷. Г. Гринько приводил свои аргументы. Выступая против разделения Украины на экономические районы, он стремился не допустить разрыва смычки между левобережным пролетариатом и правобережным крестьянством и намеревался превратить Украину в форпост Союза и плацдарм для коммунистической экспансии на Ближний Восток и в Европу. УССР надлежало стать «образцом решения Советской властью национального вопроса для всего юго-восточного угла Европы, наиболее раздираемого национальной враждой», в связи с чем «укрепление Украины как республики» имело «огромное внешнеполитическое значение»¹⁶⁸. Приведенные выше аргументы в какой-то степени могут объяснить позицию Г. Гринько, хотя уже само их наличие говорит о том, насколько далеко зашло национально-государственное развитие Украины. Но его аргументы – это партийный подход к вопросу (или прикрытый партийной риторикой). Как и в случае с «официальной» и «неофициальной» украинизацией, имелись и другие доводы, более близкие «национально мыслящим» кругам украинской общественности. Их-то и высказал Волобуев.

Одним из базовых (но притом неубедительных) положений его концепции было отрицание единства российской экономики не только после, но и до революции. Он считал, что с точки зрения угнетенных ею колоний (в данном случае – украинского национального движения, позицию которого он излагал. – А.М.), российская экономика была «комплексом национальных экономик». По мнению М. Волобуева, Украина была колонией России, но колонией не в обычном понимании этого слова, т.е. экономически отсталой, а «колонией европейского типа», обладающей развитым капиталистическим хозяйством, «страной, находившейся в колониальном положении»¹⁶⁹. Согласно этому, украинская экономика, а значит, и Украина как некое политическое и экономи-

ческое целое, существовала уже в средневековье. Здесь явно прослеживается влияние украинской национальной историографии – М. Волобуев действительно опирался на работы ряда украинских и российских историков¹⁷⁰.

Преобразование украинской экономики в колониальный придаток русской началось, якобы, со времен Переяславской рады, когда русский капитал проник на Украину и оттеснил украинский от торговли с Западом. В XIX в. конкуренция между капиталами и колониальное угнетение – вывоз сырья и полуфабрикатов, неэквивалентный обмен и т.п. – обострились¹⁷¹. По мере развития мировой экономики, наряду с явно наметившейся интернационализацией хозяйства, начали наблюдаться тенденции к его «национализации», т.е. к укреплению национальных экономик. На Украине эта центробежная тенденция выразилась в «стремлении войти в состав мировой хозяйственной системы непосредственно, а не через российскую экономику»¹⁷².

Если уж дореволюционная российская экономика была суммой национальных экономик, то экономика СССР, полагал Волобуев, экономикой страны может быть названа условно, лишь при ее противопоставлении капиталистической системе Запада, так как после развала империи экономика окончательно перестала быть единой. И «русское» хозяйство, и «украинское» в союзе равноправных народов тоже стали равноправными и должны были войти в мировое социалистическое хозяйство непосредственно. Таким образом, экономике УССР надлежало бы зависеть не от части мировой хозяйственной системы (русской экономики), а от всей этой системы в целом¹⁷³.

В теоретических построениях М. Волобуева четко проступает популярная в те годы идея создания мировой республики Советов, в которой действительно не оставалось места для национальных государств. Он, в частности, писал, что «развивать социалистическое хозяйство СССР надо с прицелом на мировое социалистическое хозяйство и не проводить чрезмерную автаркию»¹⁷⁴. Не стоит забывать, что за космополитической идеей мировой революции и создания «Земшарии» часто скрывались отнюдь не космополитические, а националистические интересы. И правда, какое значение для мировой республики Советов, в основу создания которой должен был лечь социально-экономический, а не национальный принцип, имело бы непосредственное вхождение в нее какой-либо страны (в данном случае Украины) как национально-государственного целого? Небесспорные историко-экономические построения Волобуева и основанные на них выводы не оставляли сомнений в том, что в его взглядах преобладали националь-

ные, а не левореволюционные мотивы. Сам он также утверждал, что в будущем разделение труда должно происходить «между национально-хозяйственными организациями мирового» СССР, который охватит все человечество¹⁷⁵.

Основываясь на приведенных выше положениях, Волобуев переходил к критике сложившейся системы хозяйствования в УССР. Он утверждал, что экономика республики развивается исходя из интересов Союза, а не Украины. Его не устраивало, что планы первой пятилетки наносили ущерб экономике УССР, так как электрификация, строительство новых заводов, разработка новых месторождений (например, создание восточной экономической базы) были, по его мнению, нацелены на развитие экономики РСФСР¹⁷⁶. Об этом же, правда, далеко не так откровенно и полно, говорил и Г. Гринько¹⁷⁷. Поневоле напрашиваются параллели с советами внимательней следить за экономикой, чтобы понять, кто не дает жить Украине, которые давал своему ученику упоминавшийся в предыдущей главе учитель.

Волобуев также утверждал, что союзные власти оттесняют республиканское руководство от управления украинским хозяйством, управляя последним через союзные и смешанные наркоматы и выхлещивая таким образом теоретическую самостоятельность УССР. Не мог его устроить и порядок утверждения бюджетов, который превращает «так называемые бюджетные права Украины в фикцию», как и то, что Украина выплачивает непомерно высокий процент от налоговых поступлений в союзный бюджет¹⁷⁸. Другими словами, точка зрения Волобуева сводилась к тому, что экономической самостоятельности УССР не имела и продолжала оставаться российской «колонией».

Подобная точка зрения – будто Москва разрабатывает и вывозит минеральные и сельскохозяйственные богатства Украины без соответствующей компенсации, не дает причитающуюся ей долю импорта, а ее продукцию отбирает для экспортных поставок – имела место и раньше. Здесь важно отметить другое. Согласно концепции М. Волобуева, Украина уже являлась не только политически, но и экономически сложившимся целым, которое следовало не создавать, а лишь укреплять и оберегать. «Правильное разрешение» национального вопроса, т.е. «ликвидация провинциального положения нашего языка, нашей литературы, нашей культуры в целом», полагал он, будет возможно лишь тогда, когда Украина окончательно превратится в оформленный и законченный национально-хозяйственный организм. Поэтому центральным местом национальной проблемы современности он считал экономический вопрос¹⁷⁹.

Волобуев не останавливался на утверждении этого очевидно-го для многих «национально мыслящих» представителей украинской общественности постулата и предлагал свой вариант достижения республикой «настоящей» хозяйственной самостоятельности. Он считал необходимым отказаться от районирования СССР исходя из экономико-географического принципа. За союзным Госпланом и прочими союзными экономическими организациями он предлагал оставить лишь общедирективные функции. Обще-союзные хозяйственные планы должны были рассматриваться на союзном съезде Госпланов и утверждаться двумя палатами ЦИК СССР. В том случае, если бы эти планы вступили в противоречие с интересами республик, последние имели бы право их менять. Подвергнуться изменению (в сторону уменьшения отчислений в союзный бюджет) должно было и бюджетное законодательство. Последней инстанцией, ответственной за утверждение бюджета УССР, надлежало стать ВУЦИК. Все это подразумевало передачу республиканским экономическим органам решающих прав в руководстве всем комплексом народного хозяйства, в том числе предприятиями союзного подчинения (тяжелой и добывающей промышленности). Союзным органам отводилось право «контроля за деятельностью союзных органов», что, фактически, лишало их каких бы то ни было реальных функций.

Волобуев настаивал на необходимости пересмотра планов индустриализации и отношения к союзной экономике как к главной. Строительство новых предприятий должно было вестись на Украине. Волобуев также предлагал создать всеукраинскую систему регулирования притока рабочей силы, которой надлежало «следить за пропорциональным разделением мест на украинских заводах между УССР и РСФСР». На практике это означало фактическое закрытие УССР своих границ. А это уже выглядело как явный сепаратизм, что не могло понравиться советскому руководству. Но главное, это представляло угрозу единству рабочего класса – главной социальной опоры большевиков, а значит, и их положению.

Проект М. Волобуева стал своеобразной квинтэссенцией представлений националистов о проблемах экономического развития республики. Принятие его положений означало бы конфедерализацию Союза ССР и превращение союзных республик в фактически независимые государства. Итак, бытовавшие в определенных кругах украинского общества подобные взгляды уже не ставили под сомнение факт существования Украины как национально-государственного целого. Речь шла о продолжении строительства государственности в направлении укрепления

ее самостоятельности и независимости от СССР (а фактически, от России) при одновременном продолжении строительства национальной общности и укрепления ее экономического фундамента.

«Хвылевизм». Появление статьи М. Волобуева обозначило переориентацию наиболее передовой части адептов движения на новые идейные позиции, неотделимые от социалистического и коммунистического вектора развития Украины. Время ее выхода в свет не должно было никого вводить в заблуждение: появление родственных концепций началось несколькими годами раньше, а толчком для них послужила так называемая литературная дискуссия, в центре внимания которой оказался вопрос о путях развития украинской нации в условиях советской государственности.

Литературная дискуссия 1925–1928 гг. стала одним из наиболее значительных событий в общественной жизни республики. На страницах прессы, в публицистической и художественной литературе, а позже и на партийно-государственном уровне, шло обсуждение перспектив развития украинской культуры и национальной культуры вообще в условиях строительства социализма, роли и месте интеллигенции в этом процессе, взаимоотношениях украинской и русской культур¹⁸⁰. По мере нарастания политизированности дискуссии речь зашла и о линии партии в национальном вопросе на Украине. Поскольку в те годы (да и вообще) литература являлась наиболее массовой формой культуры, активно воздействующей на народное сознание и формирующей его, то и спор о будущем украинской культуры и окормляемой ею национальной общности свелся к обсуждению путей развития украинской литературы. Будет ли «национальное искусство» Украины продолжать оставаться «вечно подсобным», «вечно резервным» для тех «мировых искусств, которые достигли высокого расцвета» (имелась в виду, прежде всего, русская культура), или же украинская общественность «посчитает необходимым поднимать его художественный уровень на уровень мировых шедевров»? Так весьма точно ухватил суть дискуссии ее главный участник, пролетарский писатель и публицист Николай Хвылевой¹⁸¹.

Несмотря на то что дискуссия продемонстрировала наличие в украинском обществе разных точек зрения на ключевые вопросы современности, она стала лучшим свидетельством того, что в результате национально-культурных процессов последних лет, направившихся «снизу» и «сверху», оно стало реальностью и, будучи облечено в государственные формы, начало вырабатывать свои варианты развития Украины. О том, к каким выводам пришлось на первый взгляд невинное обсуждение чисто литературных

вопросов и как они соприкасались с проблемами строительства украинской нации, и пойдет речь.

Активная мыслительная работа, которая велась в среде творческой украинской интеллигенции, стимулировалась не только самим ходом украинского нациобразования, но и сугубо конкретной обстановкой послереволюционной Украины, в частности, той двойственностью, которая обозначилась сначала в экономике, а затем и в общественной жизни страны после введения нэпа. Разрешение частной предпринимательской деятельности привело к усилению сельских и городских буржуазных элементов, которые оказывали сильное влияние на общественные настроения, культуру, в частности на литературу. У тех же, кто верил в мировую революцию и коммунизм, былой революционный запал стал быстро угасать, уступая место покою и тишине мещанской обывательщины. Кризис веры в свои силы, чувство отката назад привели к кризису направления, получившего название пролетарской литературы – т.е. такой литературы, которая своей идейной основой брала коммунистическую доктрину и потому считалась ее адептами авангардом художественной литературы. Например, главный оппонент Н. Хвывевого, идеолог литературного объединения «Плуг», в котором состояли писатели «крестьянского» направления, С. Пилпенко, считал, что кризис в пролетарском искусстве крылся «в загубленных» нэпом «перспективах революционного движения»¹⁸². Двойственность экономического бытия привела к появлению различных идеологических течений. Как полагал Н. Хвывево, порожденная этой двойственностью литературная дискуссия стала «спором двух социальных сил» – пролетариата и буржуазии, «вынудила каждую сторону высказаться до конца» и впервые начала выяснять те скрытые социальные процессы, которые были порождены нэпом»¹⁸³.

Собственно, споры в украинской писательской среде (имеется в виду так называемое молодое поколение пролетарских и революционных писателей) начались задолго до 1925 г.¹⁸⁴ Началу же самой дискуссии положил призыв Н. Хвывевого бороться против бесплодной графомании и невежества в литературе – за «качество». Поскольку никто не хотел считаться графоманом и имел свое представление о качестве, призыв не остался без ответа, и борьба развернулась по литературным и околотитулярным вопросам: о форме и содержании, о том, каким образом должна осуществляться организация литературных сил и т.д. В 1920-е годы в УССР насчитывалось множество литературных объединений, организаций и направлений, таких как «Гарт», «Плуг», Вольная академия пролетарской литературы (ВАПЛІТЕ), Мастерская рево-

лющонного слова (МАРС), течение, получившее название «неоклассицизма» и др. При спорах, конечно, не последнюю роль играли личные мотивы. Но в ходе дискуссии от чисто литературных тем стороны перешли к более глубоким принципиальным вопросам. Борьба приобрела уже «чисто политический характер» и, как это бывало с большинством вопросов, возникавших во время социалистического строительства на Украине, «обострилась по линии национальной проблемы». Основными противниками стали ВАПЛИТЕ (Хвылевой, стиль – «академизм») и общество «Плуг», которое представляло в литературе «массовизм»¹⁸⁵.

Ход дискуссии мы оставим в стороне и сосредоточим внимание на наиболее ярком ее проявлении, ставшем основным ее содержанием. Речь идет о взглядах Н. Хвылевого. Эти взгляды, сведенные им в своего рода «систему ценностей» и выдвигаемые в качестве программы национально-культурного развития Украины, были квалифицированы властями как национальный уклон, а сам автор был охарактеризован как «яркий представитель и выразитель идеологии украинского шовинизма»¹⁸⁶. «Хвылевизм», наряду с «волобуевщиной», стал обозначением для еще одного проявления украинского национализма, только уже в области культуры.

Система культурных ценностей, выдвинутая Н. Хвылевым, стала своеобразным итогом всей дискуссии, хотя нужно отметить, что поддержку она нашла далеко не у всех даже в высшем слое «молодой» украинской интеллигенции (сам он про своих единомышленников говорил, что они – «очень небольшая группа»¹⁸⁷). Но даже несмотря на это, появление подобных взглядов заставило большевиков вмешаться в ход литературной дискуссии и во всеуслышание заявить о той угрозе, которую представлял прогрессирующий украинский национализм. Действительно, многое во взглядах Хвылевого было новым и неожиданным, а некоторые ключевые аспекты позднее послужили отправной точкой для теоретических выкладок М. Волобуева.

При этом надо отметить два обстоятельства. Во-первых, Н. Хвылевой (как и М. Волобуев) был русским. Путь его к украинству был следующим: украинский кружок в ахтырской гимназии, затем фронт и избрание в армейскую украинскую раду. Там Хвылевой, как позднее сам вспоминал, «начал призадумываться над вольностями Украины». Затем была работа совместно с боротьбистами, борьба против белых и петлюровцев¹⁸⁸. Первые литературные шаги Хвылевой делал на русском языке, а на украинский он перешел около 1921 г.¹⁸⁹ Второе обстоятельство было для большевиков гораздо тревожнее – Хвылевой являлся комму-

нистом. Уже с 1917 г., как он сам утверждал, он начал «сомневаться в революционности украинских национальных партий» и стал ориентироваться на большевиков, а затем вступил в КП(б)У¹⁹⁰. Проникновение националистических взглядов в партию и коммунистическую интеллигенцию стало одной из причин резкой реакции большевиков. Если концепция М. Волобуева, хотя и исходила из социалистических реалий Советской Украины, но не содержала ничего принципиально нового и лишь суммировала все бытующие в «национально мыслящей» среде идеи, то взгляды Н. Хвылевого могли родиться только в коммунистической среде. Его национализм был не «буржуазным», а «социалистическим», подчас даже «ярко-красным». Так в чем же заключалась выработанная им «система ценностей»?

Свою точку зрения на перспективы развития украинской культуры Хвылевой изложил в четырех циклах памфлетов, три из которых были опубликованы в прессе. Четвертый, наиболее политизированный и острый (ибо касался вопросов взаимоотношения украинской и русской культур, Украины и России) хотя и не был издан, но широко цитировался партийными критиками (например, А. Хвылей, любившим приводить целые выдержки из произведений своих оппонентов) и людям, следившим за ходом дискуссии, был известен. Свою главную задачу, как и задачу украинских пролетарских писателей, Н. Хвылевой выразил следующим образом: надо вывести «нашу «хохландию» на большую историческую дорогу». То есть, образно говоря, превратить «Малороссию» – «классическую страну рабской психологии», подражательства и безграмотности, в «Украину» – передовую страну и нацию, самостоятельно думающую и развивающуюся без «российского дирижера»¹⁹¹.

На пути превращения «Малороссии» в «Украину» (иными словами, ее национального и ментального преобразования), стояло два препятствия. Первое – это тот самый «российский дирижер», управляющий развитием Украины и направляющий его по нужному для него пути (о нем речь пойдет ниже). И второе – тип местного человека, боящегося «дерзнуть», искать собственный путь развития¹⁹² – того, кого украинские националисты презрительно называли «малороссом». Но такие люди, писал Хвылевой, широко встречались даже среди преданных национальному делу, самых, что ни на есть, «щирых украинцев», тех, кого он называл «просвитянами» (т.е., людей, связанных с мелкобуржуазной средой города и села). В «просвитянстве», в попытках такой интеллигенции взять в свои руки молодую украинскую культуру и повести за собой повалившую после революции в искусство моло-

дежь, Хвылевой усматривал главную опасность для украинского культурного развития. Борьба за новое поколение стала самым насущным вопросом пролетарской литературы, считал он. Нэп активизировал буржуазные элементы, которые через многочисленных «попутчиков» начали выдвигать свою идеологию. Угрозу пролетарской литературе несла, как ни странно, украинизация, точнее то, что вкладывала в нее «гопаковско-шароваристая «просвита»». Эта «просвита», став «красной», вылезла «из своего традиционного кубла и тучей валит в город», принося с собой кулацкую идеологию, не давая украинской культуре расти духовно и интеллектуально¹⁹³ и отбрасывая ее назад на местечковый уровень, полагал Хвылевой.

В противоположность «просвите», под которой он понимал «абстрактную категорию в психике общества», тянущую это общество назад, Хвылевой выдвигал лозунг ориентации на «психологическую Европу». Призыв ориентироваться на Европу привлек внимание и большевиков, и их противников (в первую очередь украинскую эмиграцию, заинтересовавшуюся появлением в УССР подобных настроений), которые истолковывали его по-своему. Сам пролетарский писатель разъяснял, что под «Европой» понимал не современные ему капиталистические европейские государства, а «психологическую категорию, определенный тип культурного фактора в историческом процессе, определенный революционный метод»¹⁹⁴. Европа дала миру цивилизацию, цивилизацию духа, которую творил тип европейского интеллигента – «сознательного и вольного выразителя необходимой и внесознательной воли», тип деятельного творца.

На эту прогрессивную деятельность, на этот тип и призывал ориентироваться Хвылевой. Он был коммунистом^{2*} и не утратил веру в великую миссию мировой революции. И эта вера нашла свое выражение в идее «азиатского ренессанса» – духовного возрождения мира, которое должно было начаться с расцвета Китая, Индии и т.д.¹⁹⁵ Возглавить «ренессанс», повести за собой «нового человека», «разбудить Европу» и принести туда коммунизм^{3*},

^{2*} Хвылевой был скорее «романтическим коммунистом», чем большевиком-партийцем. Так, он свидетельствовал, что «с большей уверенностью» называл себя «коммунаром, нежели коммунистом» (РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 132. Л. 8).

^{3*} Весьма иронично прокомментировал идею «азиатского ренессанса» лидер «непримиримых» С. Ефремов. «Очередная фантазия среди коммунистов. На Запад надо махнуть рукой. Ни революции, ни переворота там не сделаешь. Прогнил слишком гнилой Запад. Ну и все надежды на Восток, вся революционная энергетика там! Только через Восток можно обновить мир, запалив

был призван большевизм. Здесь Н. Хвылевой перебрасывал мостик от «психологической Европы» и большевистского мессианства к национальному вопросу. Он считал, что «духовная культура большевизма может ярко проявиться только в молодых советских республиках», т.е. в УССР, воспитавшей «в своих буйных степях тип революционного конкистадора» и где всегда были сильны традиции гражданской борьбы. Иными словами, на украинскую культуру и ее пролетарский авангард возлагалась обязанность «нести свет из Азии, ориентируясь на грандиозные достижения Европы прошлого»¹⁹⁶. Но сделать это была способна только та культура, которая смогла бы стать подлинной культурой молодой активной нации.

Ориентация на ценности «психологической Европы» со всей остротой поставила еще один чрезвычайно важный вопрос: о взаимоотношениях украинской и русской культур. Хвылевой выразил свое отношение к нему в формуле «прочь от Москвы!» Впоследствии это также послужило поводом для его обвинения в национализме. На самом деле Хвылевой, конечно, не был сторонником отделения Украины от Советского Союза. Но это не мешало ему быть уверенным в том, что «Украина тоже чуть иначе будет идти к социализму, хоть и в одном советском политическом союзе с Россией»¹⁹⁷. Публицист имел ввиду нечто иное. Деятельной, прогрессивной «психологической Европе» и ее культурным ценностям он противопоставлял такую же «психологическую Москву», превратившуюся после введения нэпа в «центр всесоюзного мещанства», в котором «всемирным оазисом» остались «пролетарские заводы, Коминтерн и ВКП». От этого «мещанства», слившегося со свойственным, как он считал, российской литературе пессимизмом, с отсутствием «позитивного мироощущения» и активности, он призывал бежать прочь. Новая украинская литература ни в коем случае не должна была ориентироваться на «московское искусство», которое было не способно «воспитать сильного и здорового, цельного и полезного человека», поддерживающего огонь «чрезвычайной веры в

коммунизмом. Китай, Индия, Япония... Тычина загорелся желанием выучить японский язык, а Козицкий пытается создавать какие-то восточные композиции. Они – не коммунисты, а вперед коммунистов забегают. И даже не задаются вопросом, выйдет ли что-нибудь путное из того, что Тычина даже и выучится (на самом деле, конечно же, не выучится) японскому языку. Что изменится – неизвестно». В общем, не оценил «зубр» украинского движения начинаний «большевицкой братвы с Хвылевыми и Тычинами» (Ефремов С. Щоденники. 1923–1929 рр. Київ, 1997. С. 331). П.О. Тычина и П.Т. Козицкий – украинские литераторы.

правду гражданских битв, в неминуемость прихода далекой... коммуны»¹⁹⁸.

«Запереть» русскую литературу (как передовой отряд русской культуры) на территории «Московии» Н. Хвылевой хотел не только из-за ее «неподходящих» качеств. По его мнению, русская культура с присущими ей ценностями, противоречащими ценностям «психологической Европы», мешала Украине стать «Украиной» еще и потому, что ориентация на нее низводила украинскую культуру до уровня провинциальной и вбивала в головы «потребителей» восприятие ее как чего-то недоделанного, второсортного, второстепенного¹⁹⁹. Только непосредственный контакт с культурой Европы и использование ее духовных достижений без посредничества России (вспомним волобуевский тезис о непосредственном вхождении в мировое социалистическое хозяйство) дал бы возможность создать из «малоросса» «украинца» и вывел бы «Украину» на широкую дорогу истории.

Нарисовав нравственно-этические критерии, на которых должна была развиваться украинская культура, Н. Хвылевой переходит к оценке текущего момента и дает свое видение возможных способов модернизации «колониальной Малороссии». Здесь его «азиатский ренессанс» и «красный мессианизм» одеваются в национальные одежды. Он полагает, что Украина – «в действительности *независимое государство*, входящее своим *республиканским организмом* в Советский Союз» (выделено мной. – А.М.). Как и довольно значительная часть интеллигенции, в том числе коммунистической, Хвылевой считал СССР союзом равноправных государств, в котором все имеют «свою конституцию» и все «самостоятельны»²⁰⁰. В УССР воплотилась извечная «воля нации к своему государственному организму». По мнению Хвылевого, вызванное революцией украинское национальное возрождение, было ценно не только само по себе, как процесс становления украинской нации, но и потому, что являлось обязательным этапом на пути Украины к социализму. К середине 1920-х годов оно подошло к новой ступени развития. Начавшиеся шатания и споры в обществе (та же литературная дискуссия) сигнализировали, что этому возрождению стали тесны отведенные ему «рамки культурного развития». Возникла опасность, когда разбуженные революцией народные силы, могли попасть в чужие (мелкобуржуазные и кулацкие) руки и перейти на службу врагам коммунизма и советской власти²⁰¹.

Расширить «тесные рамки», которыми была ограничена украинская культура, можно было только путем создания соответствующей культурной атмосферы – т.е. обратившись к ценностям

«психологической Европы», отказавшись от оглядки на Россию и русскую культуру. Н. Хвылевой полагал (а, во многом, констатировал реальное положение вещей), что русская и украинская культуры – антиподы, поскольку оперируют на одном поле и борются за одну и ту же аудиторию. Согласно его точке зрения, культура должна развиваться (и развивается) на базе экономики. В послереволюционное время сложились все условия для развития самостоятельной, специфической по форме и характеру, украинской экономики²⁰². (Еще раз отметим, что многое из теоретических выкладок Хвылевого позднее заимствовал М. Волобуев, только у него все рассматривается с точки зрения экономики. Хвылевой даже говорил, что со временем, возможно, и сам бы сформулировал экономическую концепцию, подобную волобуевской²⁰³.) «Своя» экономика придает украинской культуре «теорию коммунистической самостоятельности», согласно которой «Союз... остается Союзом», а Украина – «самостоятельной единицей». При таких условиях «социальные процессы, вызванные нэпом, логично ведут к конфликту двух культур. Украинское общество, окрепнув, не смирится со своим фактически, если не юридически, декретированным гегемоном – российским конкурентом». Конкуренция – «эта жизненная правда... которая с каждым днем становится все яснее» – заключалась в борьбе «за книжный рынок, за гегемонию на культурном фронте». А поскольку на стороне русской культуры был качественный и количественный перевес, а также психология читателя, который в большинстве случаев выбирал продукцию русской культуры, а продукцию украинской расценивал как «товар второго, третьего или четвертого сорта, хоть бы он был и первого», в одиночку украинская культура побороть своего конкурента не была способна²⁰⁴.

Из этого следовало, что процесс национально-культурного развития необходимо было как можно скорее взять в партийные руки, а самой КП(б)У срастись с национальным движением «в единое целое». Ей надлежало поддержать возрождение молодых национальных республик ради их самих и ради победного шествия по Европе «азиатского ренессанса», и бросить все силы на то, чтобы оградить украинскую культуру от российского конкурента. Поскольку партия – это передовой отряд пролетариата, то и овладеть украинской культурой должен был пролетариат. До тех пор, пока рабочий класс будет оставаться в стороне от украинского национального развития, ход его будет контролироваться другими силами, считал Хвылевой. И он выдвинул еще один лозунг – «дерусификация рабочего класса»²⁰⁵ как первая и главнейшая предпосылка овладения культурным развитием и

ускорения процесса превращения «Малороссии» в национальную «Украину».

Концепция Николая Хвывелевого была насквозь пропитана идеей мировой революции, которая к середине 1920-х оказалась прочно связана с именем ее самого горячего и последовательного сторонника – Льва Троцкого. Кстати, сам украинский литератор не скрывал, что «симпатизировал... положениям Троцкого»²⁰⁶. Ожидание «азиатского ренессанса» родилось под влиянием затухания революционной борьбы в Европе и подъема освободительной борьбы на Востоке, в частности в Китае. Надежды на Восток в те годы возлагало и руководство СССР, особенно те его круги, которые по-прежнему мыслили категориями «мирового пожара». Но в представлении Хвывелевого и его единомышленников «ренессанс» превратился в своеобразную мессианскую идею, тесно связанную с национальным фактором – становлением «молодой украинской нации». Борьба с русской культурой точно соответствовала этой концепции нового украинского «мессианства»²⁰⁷.

«Старое» и «новое» направления и УССР: возможности и перспективы. Вот, вкратце, в чем состоял «хвывелевизм». Впоследствии критики ухватились за отдельные моменты его программы: за ориентацию на Европу^{4*}, за призыв бежать прочь от Москвы, за требование немедленной украинизации рабочего класса. Впрочем, они были не так уж и не правы. Вне зависимости от того, что хотел сказать сам Н. Хвывелевой, надо помнить, что любая теоретическая система, выйдя из-под пера автора, становится достоянием общественности и начинает жить своей жизнью, в устах толкователей и в массовом сознании порой трансформируясь до неузнаваемости и приспособляясь к тем реалиям, в которых существует данное общество. Подобная судьба была уготована и «системе ценностей», предложенной пролетарским писателем. Ее постулаты могли быть до конца не поняты или же специально использованы «национально сознательными украинцами» в качестве идеологического оружия, а также могли стать лозунгом для тех групп, которые понимали «возрождение нации... как буржуазную реставрацию», а под ориентацией на Европу – «ориентацию на Европу капиталистическую»²⁰⁸.

Еще лучше поняли и оценили сказанное Хвывелевым в украинской эмиграции, тем более, что там имелись те, кто мыслил ана-

^{4*} Большой разницы между Европой «психологической» и привычной политической и капиталистической ни большевики, ни украинские националисты не видели. Да и на самом деле она была не столь уж принципиальна.

логичным образом. «Освобождение украинской культуры из-под убийственных русских влияний и введение ее в блестящую семью западных национальных литератур будет иметь влияние на весь способ мышления нашей интеллигенции и приведет многих к убеждению, что «политический союз с Москвой» является в действительности *колониальной зависимостью*... и что в силу экономических и культурных причин Украина может быть или московской колонией, или действительно самостоятельной нацией»²⁰⁹. Так на страницах «ЛНВ» памфлеты украинского писателя-коммуниста прокомментировал Дмитрий Донцов^{5*}, ведущий идеолог украинского национализма, борец за духовную модернизацию украинской нации на активных, наступательных, «европейских» принципах, чье имя в устах большевиков стало синонимом «украинского фашизма». Кстати, и сам Хвылевой признавал, что обмен идеями был обоюдным, и Донцов «как сильный публицист» также влиял на него²¹⁰.

Не так понять Хвылевого могли еще и потому, что он давал практические советы по проведению национальной политики. Так, он подчеркивал, что на Украине действительно имеет место такое явление, как борьба культур. Причем он не маскировал этот факт, а считал борьбу желательной и во всеуслышание призывал ее усилить. Только «борьбой культур» дело не ограничивалось. Проблемы преобразования «Малороссии» в «Украину» могли облекаться и в более откровенные рассуждения о судьбах нации. В своем докладе на XIV Киевской партконференции С.В. Косиор проиллюстрировал это словами писателя Г. Косынки, которые никак иначе, как националистическими, назвать нельзя. Г. Косынка разделял нации на творческие и нетворческие. Первые делают историю, так как стремятся победить другие нации, вторые же обречены влачить жалкое существование и жить по указке наций «творческих». И далее писатель сетовал, что украинцы принадлежат не к творческой нации, подавляющей других, а к нации угнетаемой²¹¹.

Хотя идеи Н. Хвылевого и тем более Г. Косынки (который, по сути, повторял основные идейные концепции Д. Донцова²¹²) разделялись далеко не всеми представителями украинской интеллигенции, какие-то их положения или же общая направленность вполне могли найти у них отклик. В связи с этим не такими уж неправильными представляются слова одного из тогдашних теоретиков национального вопроса В. Ваганяна, критиковавшего «национал-коммунистами» из КП(б)У за великодержавность

^{5*} Кстати, великоросс: настоящая фамилия Щелкопёров.

(хотя он был вовсе не великорусским шовинистом, а троцкистом) и недооценку национального вопроса на Украине. Он полагал, что при внимательном рассмотрении окажется, что отнюдь не малая часть украинской интеллигенции (речь идет не о «буржуазной», а о «новой» интеллигенции. – А.М.) – фактический возбудитель нынешних разговоров о национальной культуре – ведет неустанную, более или менее ловко скрытую борьбу с интернациональной культурой²¹³, стремясь вложить в украинскую форму национальное же содержание.

Конечно, борьба за одну и ту же «аудиторию», за «рынок сбыта» своей продукции, за утверждение в массах своих идей с каждым днем обостряли противостояние украинской и русской культур, тем более, что первая была не в состоянии самостоятельно одолеть русскую и поэтому устами Н. Хвильевого требовала от партии поддержки (т.е. наращивания темпов украинизации). Да и русская культурная традиция была весьма сильной, что выражалось в саботировании украинизации широкими слоями населения, считавшими (чаще про себя, чем открыто) ее делом бессмысленным, шагом назад в образовательном и культурном уровне.

Помимо приверженности к русской культурной традиции в основе этих настроений лежал также фактор государственности, только уже не украинской, а советской. В сознании многих людей последняя «нейтрализовывала» наличие государственности украинской, а само существование СССР позволяло им не воспринимать всерьез УССР. Стремление видеть в Советском Союзе привычную Россию создавало позициям русской культуры и общерусской идентичности крепкий тыл не только в Советской Украине, но и за ее пределами. Тысячами нитей она связывала их с русским населением во всем Союзе, с «работниками союзных аппаратов», с теми многими коммунистами, которые не воспринимали политику партии в национальном вопросе, относились к нему равнодушно или понимали его в крайне интернационалистической трактовке – как неминуемом и скором отмирании национальных культур в едином социалистическом человечестве²¹⁴. Все это, конечно, усиливало злобу приверженцев украинства и накаляло противостояние. Но при этом надо помнить, что наступательный характер был присущ именно украинскому национализму.

Наличие борьбы украинской и русской культур, как и активную роль в этом украинского национализма, были вынуждены признать и большевики. Правда, сам факт борьбы за население Украины они по-прежнему предпочитали не афишировать, объясняя все деятельностью буржуазных элементов и выразителей

их идеологии из числа творческой интеллигенции обеих национальностей («архи мелкобуржуазный национализм», национализм мещан, «приросших... к своей куче навоза»²¹⁵). Дело представляли так, как будто те, кто призывает ее усилить – даже не националисты, и борются не столько за независимость, сколько против революции (контра, а с ней разговор короткий!) и «поэтому... идут против Москвы», хотят «закупориться у себя», ничего советской власти не давать и русскую культуру как культуру революции «не развивать»²¹⁶. Большевики вообще довольно часто давали точную оценку тому или иному явлению общественной жизни, указывая его истинную подоплеку. Ухватили они и суть украинско-русского противостояния. Скажем, нарком просвещения УССР Н.А. Скрипник отмечал, что «украинский и русский национализм на Украине... – близнецы», идущие в связке друг с другом и подпитывающиеся идеей противостояния «одной культуры другой»²¹⁷.

Верно оценивая ситуацию, большевики старались разрешить ее своими средствами. Встав на украинскую позицию, признав «законность» сохранения национальных форм и даже укрепляя их, они повели борьбу за придание им «правильного» содержания. И одновременно разъясняли, что украинизация «ничего общего не имеет с попытками украинских шовинистов разорвать связь украинского рабочего с пролетарской Москвой», поскольку она вызвана к жизни «не ради исправления вековой кривды и старых обид той или другой нации (какой ее хотели видеть украинские националисты. – А.М.), а лишь исходя из интересов пролетарской революции», освобождавшей из-под социального и национального гнета трудящихся всех наций²¹⁸. Поэтому любые проявления «борьбы культур», как и их обсуждение, расценивались как «национальные уклоны» от истинной линии партии в национальном вопросе.

Стоит отметить еще одну важную черту выработанных Н. Хвылевым и М. Волобуевым концепций. Она заключалась в точке зрения на Украину как на уже сформировавшийся самостоятельный национальный и государственный организм. Ориентация на культурный тип Европы и стремление установить с ней непосредственные контакты в культурной и экономической сфере становились главными идейными позициями нового – более современного, модернизационного направления украинского движения, ставящего перед собой не просто и не столько задачу превращения народных масс в украинскую нацию, сколько задачу дальнейшего развития таковой.

Большевики отмечали, что основная масса националистов «традиционного» типа не поднималась выше уровня «галушек с

салом» и была удовлетворена «украинизацией в районном масштабе». После неудачи борьбы за национальную Украину в бандах и подполье, их энергия перешла в область «реальной политики» – работы в советских, культурно-просветительских и образовательных организациях. Курсом национальной политики (разумеется, не без некоторой его критики) эти люди были «пока что довольны» и о большем не помышляли, потому что не имели ясной перспективы своей работы в условиях «новой» Украины и не хотели заглядывать далеко вперед. Конечно, вера в «жовто-блакитное» будущее, в самостоятельность и суверенность у них оставалась, но как и когда они наступят, эти люди представляли себе нечетко²¹⁹. «Якось то буде», – говорили они, и в их словах была своя правда, потому что четкого понимания путей реализации «реальной работы» у них не было не только из-за «галушечно-шароваристого» идейного уровня, позволявшего быть довольным уже самой украинизацией ради украинизации. К этой категории относились и те, кто знал цену культурной работе и не сомневался, что вслед за языком и культурой придут нация и суверенность. Но в условиях советской социалистической Украины, промышленного строительства, реализация их усилий была возможна лишь через ее внутреннее перерождение. Вот почему они поддерживали «красный НЭП» с его частной собственностью, уступками «сельскому производителю» и, естественно, украинизацией. Пролетариат, коммунизм, индустриализация, т.е. все, что противоречило политике «временной уступки», были для них чуждыми. Поэтому они и не могли увязать друг с другом «национальную» Украину и коммунистическую УССР. Не имея сил и желания перестроиться или не понимая неизбежность этого ради своей победы, они были обречены надолго, если не на совсем, отойти от активного участия в историческом процессе.

Совсем иначе мыслили представители «красного», «модернизационного» направления. Эти люди решительно порывали с «этнографизмом хуторянского украинофильства», с «провинциальной ограниченностью последнего». Поэтому они были непримиримыми врагами националистов «традиционного» типа, выступали за индустриализацию, социальную модернизацию общества (во всемирном масштабе) в авангарде с пролетариатом, «за выход на широкие просторы мировой культуры»²²⁰. Но в их мировоззрении, помимо коммунизма, мирового пролетариата и СССР, присутствовала «Украина» как абсолютно равная им символическая ценность, как вполне гармоничный организм, способный на самостоятельное существование и потому нуждающийся в нем. Ориентация на «красную» Россию, ее революционные и культурные

традиции, низводила бы «красную» Украину до уровня не «целого», а «части», а самих носителей «украинского красного мессианства» оставляла бы «не у дел» (ведь все решалось в Москве «московскими» большевиками – интернационалистами и «российским» пролетариатом). И тогда у носителей новой идеологии оставался единственный, но прямой путь – к старой «просвите» с ее «этнографизмом», антикоммунизмом и надеждами на буржуазное перерождение и неминуемую реставрацию УНР. Получался замкнутый круг, из которого был простой выход, хотя он чуть ли не дословно повторял главный лозунг украинских националистов – «прочь от России». Опять, как и в сотнях других случаев, когда речь шла о создании «Украины», вперед выступала борьба мировоззрений, конкуренция «украинскости» и «русскости», борьба с «московским дирижером», хотя бы он и заседал в Политбюро. Но это ставило под сомнение необходимость существования «красного», модернизационного направления, а главное, являлось бы шагом назад, вступало бы в противоречия со сложившимся социально-экономическим, национальным и культурным положением СССР того времени.

Для того чтобы разорвать порочный круг и не скатиться к банальному повторению «чубатых просвитян», нужно было внести в идеологию свежую струю, придать ей позитивность. Призыв «Геть від Москви!» не содержал в себе ничего нового и был просто кратким выражением сущности украинского движения и идейной заряженности украинского национального строительства. Если уж украинское движение было обречено «бежать» от России, то этому «бегу» надо было придать направленность и указать нравственные и иные ценностные ориентиры, т.е. «бежать» следовало не от чего-либо, а к чему-либо. В контексте извечного культурно-философского и политического противопоставления Европы и России такой альтернативой российскому влиянию должны были стать не какие-то «исконные», «древние», «народные» украинские ценности, а европейские нормы и образцы в культуре, ментальности, экономике, языке, а затем, вполне возможно, и в политике (с этой точки зрения даже Коминтерн мог стать символом «цивилизованного» мира и его воплощения – Европы, альтернативным «российской» ВКП(б)).

Итак, несмотря на различный подход к проблемам развития Украины, на взаимное неприятие между сторонниками «старого» и «красного» национализмов, различия между ними были тактическими, а стратегическая цель оставалась общая – превращение «Малороссии» в «Украину». Националисты «нового» типа создали модернизационную идеологию и придали ей (возможно, впер-

вые в истории украинского движения) какую-то позитивную направленность, заключающуюся, может быть, даже не столько в ориентации на «европейские» ценности как таковые, сколько в их использовании для достижения собственных идеалов. Украинское «мессианство», пусть «красное», ибо лишь будучи коммунистическим, оно могло попытаться что-то принести миру, явилось следствием появления в украинском движении совершенно нового направления. Националисты «нового» типа имели больше шансов на успех в коммунистическом государстве. Только они реально могли встать у руля УССР и, внедрив в партийно-хозяйственную бюрократию свою идеологию или воспитав на ней новые кадры, стимулировать местнические и сепаратистские поползновения последней.

Конечно, это направление было лишь в начале своего становления. И все же, несмотря на это большевики-интернационалисты были обеспокоены появлением концепций «украинского мессианства», пролетарско-европейской модернизации Украины, называя их носителей и приверженцев «наисерьезнейшим противником». Малочисленность последних (часть научной и художественной украинской интеллигенции, вузовской молодежи, некоторых сотрудников советских учреждений²²¹) никого не должна была вводить в заблуждение.

Как известно, обществом руководит тот, кто выработает свою систему ценностей, утвердит ее в общественном мнении и сумеет распространить в массах. То обстоятельство, что «красные» националисты в количественном отношении заметно уступали националистам «старого типа», не уменьшало их значения. Хотя возможности влияния последних на настроение общества нельзя сбрасывать со счетов, они были ограничены реалиями социалистического строительства. «Старые» националисты в качестве своей общественной опоры имели отживающие мелкобуржуазные слои, с каждым днем лишались ее и теряли перспективу. Возможности их влияния на массы, особенно на их передовую часть, на опору власти – пролетариат, партийцев, коммунистическую интеллигенцию – были ограничены. Гораздо больше их было у националистов «нового» типа, и они использовали это в полной мере, оказывая нарастающее влияние среди учащихся вузов, молодых партийцев, особенно тех, кто пришел из рядов национал-коммунистов²²².

Дело в том, что с течением времени начала складываться ситуация, когда молодая коммунистическая интеллигенция, борясь с буржуазным влиянием на народные массы «старых», все больше оттесняла своих конкурентов – «просвитян» и прочие «буржу-

азные» элементы – от просвещения масс, идейного и практического руководства строительством украинской культуры. Затем, по мере углубления этого строительства, перед «красными модернизаторами» начали вставать новые задачи и определяться несколько иные приоритеты, которые начинали все больше и больше расходиться с тем курсом, который проводила в этом вопросе партия. В. Затонский с тревогой напоминал, что эти люди, отдав ликбез и начальное образование «идеологам-хуторянам», «почти монополизировали... создание новых ценностей в украинской культуре», через литературные журналы подавали «тонкую отраву в советской обертке», а в советских вузах готовили кадры для национального движения из числа молодой украинской интеллигенции. То есть, начинали брать украинское национально-культурное строительство в свои руки²²³.

Именно этот принципиально новый этап развития украинского национального движения, выраженный в концепциях, родившихся в высшем слое украинской интеллигенции, заставил большевиков активно включиться в борьбу за овладение украинским национально-культурным процессом. К тому же, подобные настроения стали появляться и в партии, причем главным образом не среди рядовой массы, а в кругах высокопоставленных коммунистов. Украинский национализм (его разновидность, поразившая партию, получила название национального уклона) был сведен большевиками в триединую формулу: «хвылевизм» (в культуре), «волобуевщина» (в экономике) и «шумскизм» (в партии). Чтобы иметь о последнем полное представление, следует обратиться к истории КП(б)У и посмотреть, оказывало ли на нее влияние национальное движение и если оказывало, то насколько сильно.

¹ Цит. по: Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В. ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, документи. Київ, 1997. С. 256.

² Там же. С. 257.

³ Політичний терор і терорізм в Україні. XIX–XX ст.: іст. нариси. Київ, 2002. С. 264.

⁴ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2443. Л. 65.

⁵ Цит. по: Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В. Указ. соч. С. 257.

⁶ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2443. Л. 65.

⁷ Там же. Д. 1072. Л. 114.

⁸ Лисенко О.В. Виникнення й діяльність українських «просвіг» // Нариси з історії українського національного руху. Київ, 1994. С. 145.

⁹ Цит. по: Євселовський Л.І., Фарина С.Я. «Просвіта» в Наддніпрянській Україні: іст. нарис. Київ, 1993. С. 23, 44–45.

¹⁰ Лисенко О.В. Указ. соч. С. 153, 154.

- ¹¹ Там же. С. 151–153.
- ¹² Цит. по: Там же. С. 146, 147, 149.
- ¹³ Там же. С. 148.
- ¹⁴ См., наприклад: *Євселовський Е.І., Фарина С.Я.* Указ. соч. С. 74–78.
- ¹⁵ *Лисенко О.Н.* Указ. соч. С. 156.
- ¹⁶ *Євселовський Е.І., Фарина С.Я.* Указ. соч. С. 76, 77, 78.
- ¹⁷ *Щёголев С.* История «украинского» сепаратизма. М., 2004. С. 219.
- ¹⁸ *Лисенко О.Н.* Указ. соч. С. 148.
- ¹⁹ *Дорошенко Д.* Просвіти на Великій Україні. Б. м., б. г. С. 5.
- ²⁰ *Євселовський Е.І., Фарина С.Я.* Указ. соч. С. 72, 90–91, 94, 104–105, 106, 113; *Касьянов Г.* Українська інтелігенція 1920-х–1930-х рр. Соціальний портрет та історична доля. Київ, 1992. С. 74.
- ²¹ *Коряк В.* Просвітянство // Вісті ВУЦВК УСРР. 1922. 11 лютого. № 34.
- ²² ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1240. Л. 110 об.; Д. 1073. Л. 27 об.
- ²³ *Машкін М.* Освітня політика в УСРР. Київ, 1923. С. 34.
- ²⁴ *Євселовський Е.І., Фарина С.Я.* Указ. соч. С. 111, 115.
- ²⁵ Політичний терор і тероризм в Україні. С. 265.
- ²⁶ *Євселовський Е.І., Фарина С.Я.* Указ. соч. С. 115, 117–118.
- ²⁷ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1072. Л. 114.
- ²⁸ Там же. Л. 128, 135 об.; *Касьянов Г.* Українська інтелігенція 1920-х – 1930-х років. С. 74.
- ²⁹ *Коряк В.* Указ. соч.
- ³⁰ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 998. Л. 46.
- ³¹ Там же. Д. 2673. Л. 72; Д. 2256. Л. 20.
- ³² Там же. Д. 998. Л. 80.
- ³³ *Євселовський Е.І., Фарина С.Я.* Указ. соч. С. 65.
- ³⁴ *Гехтер М.* Сільсько-господарська кооперація на Україні російській // Перший український просвітньо-економічний конгрес. Львів, 1910, 1911. С. 596.
- ³⁵ *Євселовський Е.І., Фарина С.Я.* Указ. соч. С. 66.
- ³⁶ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 127. Л. 245.
- ³⁷ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2112. Л. 99.
- ³⁸ Там же. Л. 100.
- ³⁹ Там же. Д. 2338. Л. 55 – 57.
- ⁴⁰ Там же. Д. 2112. Л. 100.
- ⁴¹ Там же. Д. 2242. Л. 44.
- ⁴² РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 127. Л. 256, 295.
- ⁴³ *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ століття. Київ, 1997. С. 111–112, 115.
- ⁴⁴ См., наприклад: *Лотоцький О.* Сторінки минулого. Варшава, 1932. Т. 1. С. 206.
- ⁴⁵ Там же. С. 227–228.
- ⁴⁶ *Власовський І.* Нарис історії Української православної церкви. Нью-Йорк; Київ; Саунд-Бавнд-Брук, 1990. Т. 4, ч. 1. С. 122.
- ⁴⁷ Українське питання. Київ, 1997. С. 111.
- ⁴⁸ *Ульяновський В.* Церква в Українській державі. 1917–1920 рр. (Доба Української Центральної Ради). Київ, 1997. С. 93; *Марчуков А.В.* Дви-

- ження за автокефалію Православної церкви на Україні і українське національне рухання в 1917–1919 роках // Мир історії. 2000. № 3 (НТТР: //www.tellur/historia/archive/03-00/Marchukov. НТМ). С. 5–6).
- 49 ЦГАВО У. Ф. 3984. Оп. 3. Д. 26. Л. 13.
- 50 *Марчук А.В.* Движение за автокефалию... С. 4.
- 51 Самостійна Україна: збірник програм українських політичних партій початку ХХ століття. Тернопіль, 1991. С. 49–51, 65, 72–74, 77; Українські політичні партії кінця ХІХ – початку ХХ ст.: програмові і довідкові матеріали. Київ, 1993. С. 136, 147, 150, 191.
- 52 *Марчук А.В.* Движение за автокефалию... С. 6–7.
- 53 Собор Православної російської церкви. 1917–1918. Деяння Священного собора Православної російської церкви. М., 1994. Т. 4. С. 395–396.
- 54 Там же. С. 392, 398.
- 55 *Марчук А.В.* Движение за автокефалию... С. 8, 9–10.
- 56 ЦГАВО У. Ф. 3984. Оп. 3. Д. 26. Л. 6–7, 9–9 об., 12.
- 57 ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 167. Л. 24 (б); ЦГАВО У. Ф. 3984. Оп. 3. Д. 26. Л. 11–11 об.
- 58 *Марчук А.В.* Движение за автокефалию... С. 8–9, 11.
- 59 *Лотоцький О.* Українські джерела церковного права. Варшава, 1931. С. 133–134.
- 60 Мартирологія українських церков: у 4 т. Торонто; Балтимор, 1987. Т. 1: Українська православна церква; док., мат., христ. самвидав України. С. 50–51.
- 61 Декрети Советської влади. М., 1957. Т. 1. С. 371–374; Законодавство про релігійні культу. Київ, 1973. С. 67–68, 71–72.
- 62 *Марчук А.В.* Движение за создание Украинской автокефальной православной церкви в 1920–начале 1921 годов // Богословский сборник. М., 2001. Вып. 8. С. 402.
- 63 ЦГАВО У. Ф. 3984. Оп. 1. Д. 403. Л. 1–4.
- 64 Мартирологія Українських церков... Т. 1. С. 68–69.
- 65 ЦГАВО У. Ф. 3984. Оп. 1. Д. 30. Л. 1 об., 3, 13; Д. 6. Л. 30–31.
- 66 Там же. Оп. 3. Д. 103. Л. 1–2.
- 67 Там же. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–4; Українська автокефальна православна церква. Собор 1-й. Київ, 1921. Діяння Всеукраїнського православного собора в м. Київ 14–30 жовтня н.с., 1921. Київ, 1927. С. 33–34. (Далее: Діяння). Адміністративне устроєство УАПЦ змєнялось вместе с адміністративно-территориальным делением УССР. После введения округов в УАПЦ появились Окружные церковные рады.
- 68 Діяння... С. 13.
- 69 *Марчук А.* Украинская автокефальная православная церковь: возникновение и особенности внутреннего устройства (1921–1922 годы) // Богословский сборник. М., 2002. Вып. 10. С. 330.
- 70 Там же. С. 331–333.
- 71 ЦГАВО У. Ф. 1. Оп. 3. Д. 121. Л. 18–19, 49 и др.; *Липківський В., митрополит.* Відродження Церкви на Україні. Торонто, 1959. С. 46–48, 54, 61.

- 72 Церква й Життя. 1927. № 2/3. С. 139–143.
- 73 Там же. № 4. С. 302–304.
- 74 *Иларіон, митрополит*. Любимо свою Українську православну церкву: ідеологія Української автокефальної православної церкви. Вінніпег, 1993. С. 21.
- 75 Церква й Життя. 1927. № 2/3. С. 139–143.
- 76 *Иларіон, митрополит*. Хвалімо Бога українською мовою. Київ, 1993. С. 3, 12.
- 77 ЦГАВО У. Ф. 1. Оп. 3. Д. 121. Л. 13, 75.
- 78 *Иларіон, митрополит*. Хвалімо Бога українською мовою. С. 12.
- 79 ЦГАВО У. Ф. 3984. Оп. 1. Д. 18. Л. 24.
- 80 *Липківський В., митрополит*. Указ. соч. С. 36.
- 81 ЦГАВО У. Ф. 3984. Оп. 3. Д. 22. Л. 40 об. – 41, 44–44 об.; Оп. 1. Д. 105. Л. 4, 7.
- 82 *Липківський В., митрополит*. Указ. соч. С. 36.
- 83 *Потієнко В.* Відродження ієрархії УАПЦ. Новий Ульм; Німеччина, 1971. С. 52, 60, 62.
- 84 *Липківський В., митрополит*. Указ. соч. С. 136.
- 85 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1772. Л. 13.
- 86 ЦГАВО У. Ф. 3984. Оп. 1. Д. 294. Л. 1. По причині свого «революційного» характеру, практика указання імен єпископів УАПЦ от-личалась от существующей в Православной церкви.
- 87 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2318. Л. 20.
- 88 Там же. Л. 42–44; Д. 2112. Л. 95; Д. 998, Л. 45.
- 89 ЦГАВО У. Ф. 3984. Оп. 1. Д. 117. Л. 20–21, 31–33.
- 90 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1999. Л. 7–8; Д. 2006. Л. 89.
- 91 Там же. Д. 998. Л. 45.
- 92 Там же. Д. 2326. Л. 24 об.
- 93 Цит. по: *Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В.* Указ. соч. С. 258.
- 94 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1040. Л. 28.
- 95 Голос Православной Украины. 1925. № 12. С. 8.
- 96 ЦГАВО У. Ф. 3984. Оп. 1. Д. 38. Л. 11–11 об.
- 97 Мартирологія... С. 425.
- 98 Цит. по: *Зінченко А.Л.* Благовістя національного духу. Українська церква на Поділлі в першій третині ХХ ст. Київ, 1993. С. 118–119.
- 99 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2006. Л. 92; Д. 2318. Л. 43.
- 100 ЦГАВО У. Ф. 3984. Оп. 3. Д. 711. Л. 33.
- 101 Там же. Оп. 1. Д. 187. Л. 3; Оп. 3. Д. 102. Л. 89 об.
- 102 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2336. Л. 36 об., 68 об.; Д. 2425. Л. 26; Д. 2112. Л. 90, 98; Д. 2245. Л. 10.
- 103 Там же. Д. 2318. Л. 40–41 и др.
- 104 ЦГАВО У. Ф. 3984. Оп. 3. Д. 253. Л. 1–2.
- 105 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1772. Л. 40, 43.
- 106 ЦГАВО У. Ф. 3984. Оп. 1. Д. 117. Л. 39.
- 107 Там же. Д. 92. Л. 9; Оп. 3, Д. 22. Л. 43; Д. 38. Л. 11–11 об.
- 108 *Власовський І.* Указ. соч. С. 150.
- 109 ЦГАВО У. Ф. 3984. Оп. 1. Д. 294. Л. 21.

- 110 Зінченко А.Л. Указ. соч. С. 142.
- 111 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1772. Л. 98–99.
- 112 ЦГАВО У. Ф. 3984. Оп. 3. Д. 372. Л. 21–24.
- 113 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2006. Л. 83; *Власовський І.* Указ. соч. С. 151–152.
- 114 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2006. Л. 83.
- 115 Там же. Д. 1073. Л. 61.
- 116 Там же. Д. 2006. Л. 83.
- 117 ЦГАВО У. Ф. 3984. Оп. 1. Д. 503. Л. 4.
- 118 Там же. Оп. 3. Д. 120. Л. 5; ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1073. Л. 56 об.
- 119 ЦГАВО У. Ф. 3984. Оп. 3. Д. 120. Л. 13, 14; Церква й Життя. 1927/28. № 5. С. 411–412.
- 120 *Еленський В.І., Паталай О.І.* Партія все виправляє, призначає і буде за одним принципом: національні проблеми в радянської церковної політиці в Україні // *Людина і світ.* 1992. № 2. С. 8.
- 121 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1772. Л. 13, 24; Д. 1642. Л. 35.
- 122 Там же. Оп. 16. Д. 2. Л. 77; Оп. 20. Д. 998. Л. 45.
- 123 Там же. Оп. 20. Д. 2318. Л. 39–41.
- 124 ЦГАВО У. Ф. 3984. Оп. 3. Д. 372. Л. 21–24; Д. 235. Л. 10.
- 125 Там же. Оп. 4. Д. 156. Л. 2; Оп. 3. Д. 235. Л. 49 об.; ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2318. Л. 49.
- 126 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2318. Л. 49 об.
- 127 *Мартирологія...* С. 144.
- 128 *Церква й Життя.* 1928. № 2 (7). С. 82, 102–103.
- 129 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 127. Л. 260–262.
- 130 См. об этом: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 214.
- 131 Там же. С. 359.
- 132 *Сталин И.В.* Соч. М., 1947. Т. 5. С. 36, 39.
- 133 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 127. Л. 290.
- 134 *Шумський О.* Ідеологічна боротьба в українському культурному процесі // *Більшовик України.* 1927. № 2. С. 15.
- 135 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 130. Л. 46.
- 136 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2631. Л. 109, 110.
- 137 Там же. Л. 109, 114, 115.
- 138 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 127. Л. 12 об., 280.
- 139 См. об этом: *Хвиля А.* Викорініті, знищити націоналістичне коріння на мовному фронті // *Більшовик України.* 1933. № 7/8. С. 59.
- 140 Цит. по: *Шумський О.* Указ. соч. С. 16.
- 141 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2260. Л. 63, 64.
- 142 Цит. по: *Подкур Р.* За повідомленням радянських спецслужб. Київ, 2000. С. 177.
- 143 *Єфремов С.* Щоденники. 1923–1929. Київ, 1997. С. 272.
- 144 *Хвиля А.* Буржуазно-націоналістична трибуна (о журналі «Україна») // *Більшовик України.* 1931. № 6. С. 53.
- 145 *Річицький А.* Проти інтервенції буржуазної науки // Там же. № 9/10. С. 40.
- 146 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 127. Л. 284–285.

- ¹⁴⁷ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2260. Л. 64, 65.
- ¹⁴⁸ Там же. Д. 2920. Л. 34.
- ¹⁴⁹ Там же. Л. 2, 3.
- ¹⁵⁰ *Рубач М.* Ревізія більшовицької схеми рухомих сил і характеру революції 1905–1907 рр. // *Більшовик України.* 1929. № 17/18. С. 25.
- ¹⁵¹ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2920. Л. 9, 19–20, 21, 27.
- ¹⁵² Там же. Л. 11, 16.
- ¹⁵³ Там же. Л. 21.
- ¹⁵⁴ *Костюк Г.* Сталінізм на Україні (генеза і наслідки). Київ, 1995. С. 168–169.
- ¹⁵⁵ *Шаповал Ю.* Україна 20–50-х років: сторінки ненаписаної історії. Київ, 1993. С. 96.
- ¹⁵⁶ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2255. Л. 65, 66.
- ¹⁵⁷ Там же.
- ¹⁵⁸ *Затонський В.* Матеріали до українського національного питання // *Більшовик України.* 1927. № 6. С. 17, 18.
- ¹⁵⁹ Там же.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 19.
- ¹⁶¹ *Мотузка М.* Зовсім нового типу українці (до організаційно-ідеологічних та програмових основ українського фашизму) // *Більшовик України.* 1929. № 9. С. 75–76.
- ¹⁶² Именно поведение союзного руководства провоцировало местных «товарищей» к отделению, а порой и прямо подталкивало их к этому решительному шагу (к которому, кстати, далеко не все были готовы).
- ¹⁶³ Цит. по: *Шаповал Ю.* «Я помилявся, взявши на себе провину»: до 90-річчя М.С. Волобуєва – Артьомова // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 1994. № 1. С. 110.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 105.
- ¹⁶⁵ *Скрипник М.* З приводу економічної платформи націоналізму // *Більшовик України.* 1928. № 6. С. 47.
- ¹⁶⁶ *Волобуєв М.* До проблеми української економіки // *Більшовик України.* 1928. № 2. С. 46–48; № 3. С. 46–47, 50, 52.
- ¹⁶⁷ *Гринько Г.* Плановые проблемы украинской экономики // *Плановое хозяйство.* 1926. № 6. С. 180–181.
- ¹⁶⁸ Там же.
- ¹⁶⁹ *Волобуєв М.* Указ. соч. // *Більшовик України.* 1928. № 2. С. 49–50, 57–58, 72.
- ¹⁷⁰ Например, М. Яворского, М. Слабченко. Из российских историков стоит назвать М. Покровского, влияние теории о торговом капитале которого прослеживается весьма четко.
- ¹⁷¹ *Волобуєв М.* Указ. соч. // *Більшовик України.* 1928. № 2. С. 51, 55, 58, 70–71. При этом как-то забывалось, что собственно «украинский» капитализм, отличный от общероссийского, отыскать проблематично. А капиталисты – малороссы (украинцы) – сидели в Петербурге и Москве как у себя дома, рассматривая полем своего «бизнеса» всю Россию.

- 172 Там же. С. 58–62, 72.
- 173 Волобуев М. Указ. соч. // *Більшовик України*. 1928. № 3. С. 44–45.
- 174 Там же. С. 45.
- 175 Там же. С. 50.
- 176 Там же. С. 53–55, 57.
- 177 *Гринько Г.* Указ. соч. С. 182–192.
- 178 Волобуев М. Указ. соч. С. 52, 58–61.
- 179 Там же. С. 62.
- 180 *Даниленко В.М., Касьянов Г.В., Кульчицький С.В.* Сталінізм на Україні: 20–30-ті роки. Київ, 1991. С. 264.
- 181 *Хвильовий М.* Думки проти течії // *Хвильовий М.* Україна чи Малоросія? Київ, 1993. С. 109.
- 182 *Хвильовий М.* Апологети писаризму (до проблеми культурної революції) // Там же. С. 194–196.
- 183 Там же. С. 157.
- 184 *Єфремов С.* Указ. соч. С. 44.
- 185 *Хвильовий М.* Апологети... С. 155; *Шумський О.* Ідеологічна боротьба... С. 12.
- 186 Національне питання на Україні та опозиція // *Більшовик України*. 1927. № 10. С. 5.
- 187 *Хвильовий М.* Думки... С. 92.
- 188 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 132. Л. 3.
- 189 *Річицький А.* До проблеми ліквідації пережитків колоніальності та націоналізму (ответ Мих. Волобуеву) // *Більшовик України*. 1928. № 3. С. 84.
- 190 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 132. Л. 3, 6.
- 191 *Хвильовий М.* Думки... С. 83, 110; *Он же.* Апологети... С. 166.
- 192 *Хвильовий М.* Думки... С. 111.
- 193 *Хвильовий М.* Камо грядеши // Там же. С. 31.
- 194 *Хвильовий М.* Україна чи Малоросія? // Там же. С. 254.
- 195 *Хвильовий М.* Камо грядеши. С. 54.
- 196 *Хвильовий М.* Україна чи Малоросія? С. 259, 263.
- 197 Там же. С. 242.
- 198 Там же. С. 238, 244–245, 250.
- 199 Там же. С. 241.
- 200 Там же. С. 233–235.
- 201 Там же. С. 235–237, 239.
- 202 Там же. С. 239; *Хвильовий М.* Апологети... С. 215.
- 203 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 132. Л. 34.
- 204 *Хвильовий М.* Апологети... С. 215; *Он же.* Україна чи Малоросія? С. 234–235, 241.
- 205 *Хвильовий М.* Україна чи Малоросія? С. 239, 246; *Он же.* Апологети... С. 203–204. См. также: РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 132. Л. 26.
- 206 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 132. Л. 15, 21, 37.
- 207 Кстати, в некоторой степени все это имело те же корни, что и претензии И.Б. Тито и Мао Цзедунa на лидерство в коммунистическом движении и право считаться наиболее «правверными» коммуниста-

- ми, хотя они и украинские «модернизаторы» находились, конечно же, в разных «весовых» категориях.
- ²⁰⁸ Тези пленума ЦК и ЦКК КП(б)У про наслідки українзації (червень 1926) // Документи трагічної історії України (1917–1927 рр.). Київ, 1999. С. 583–584.
- ²⁰⁹ Цит. по: Національне питання на Україні та опозиція // Більшовик України. 1927. № 10. С. 6–7.
- ²¹⁰ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 132. Л. 41.
- ²¹¹ *Косіор С.* Українізація і завдання КП(б)У // Більшовик України. 1929. № 1. С. 43.
- ²¹² *Донцов Д.* Націоналізм. Львів, 1926.
- ²¹³ *Ваганян В.* О национальной культуре. М.; Л., 1927. С. 123.
- ²¹⁴ *Затонський В.* Матеріали до українського національного питання. С. 15, 16.
- ²¹⁵ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 130. Л. 4. Это ничуть не экстравагантное, а вполне ходовое толкование проблемы и простыми коммунистами, и их высокопоставленными товарищами. Цитата взята из письма киевского партийца о состоянии национального вопроса на Украине Н.И. Бухарину (1926 г.).
- ²¹⁶ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2573. Л. 133. Так, например, характеризовал позицию украинских сторонников борьбы двух культур Л. Каганович на Луганской окружной партийной конференции в ноябре 1927 г.
- ²¹⁷ *Скрипник М.* Хвильовизм чи шумскизм? // Більшовик України. 1927. № 2. С. 31.
- ²¹⁸ *Затонський В.* Указ. соч. С. 16, 17.
- ²¹⁹ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2255. Л. 66.
- ²²⁰ *Затонський В.* Указ. соч. С. 18.
- ²²¹ Там же. С. 19.
- ²²² ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2255. Л. 67, 68.
- ²²³ Там же; *Затонський В.* Указ. соч. С. 19.

Украинское национальное движение и Коммунистическая партия Украины

О национальных началах в КП(б)У

Украинские настроения в партийных рядах появились с возникновения КП(б)У и отмечались на протяжении всех 1920-х годов. Большевики внимательно следили за малейшими случаями их проявлений. Отношение партийного руководства к тенденциям трактовать национальный вопрос на Украине как главный и самодовлеющий и к возникавшим время от времени партийным группам, стремящимся воплотить эти тенденции на практике, в целом было негативным на протяжении всего послереволюционного времени. Но реакция на них могла быть весьма разной, в зависимости от хода внутривнутрипартийной борьбы в руководстве РКП(б)–ВКП(б) и проводимого в данный момент курса национальной политики.

Начиная с середины 1920-х годов и в местном партийном руководстве, и в ЦК ВКП(б) все чаще начинает обсуждаться проблема проникновения национальных украинских настроений в партийные ряды. Например, в докладе специальной комиссии ЦК ВКП(б) о результатах обследования практических мероприятий в области национальной политики на Украине за 1925–1927 гг. с тревогой указывалось на перегибы в проведении украинизации, которые выражались в украинизации всего и вся, украинизации, превращающейся из средства укрепления совласти в самоцель. Причинами этого члены комиссии считали то, что проведение украинизации в значительной степени попало в руки мелкобуржуазного националистического элемента, преимущественно из числа украинской интеллигенции, а также слабое противодействие этому негативному явлению со стороны некоторых коммунистов, неспособных дать отпор «националистическим выходкам»¹. Более того, отмечалось, что недооценка классового момента при строительстве украинской культуры зачастую приводила к стиранию

граней между этими коммунистами и беспартийной украинской интеллигенцией, установлению между ними «братского единства» в совместной борьбе против проявлений великодержавного шовинизма или, если брать шире, против элементов русскости в культуре, образовании, общественном сознании. Естественно, что такое единение было возможно на национальной, а не на коммунистической платформе, и означало подчинение этих коммунистов воле и идеологии сторонников украинского движения. В отчете приводились примеры того, что «борьба против украинского национализма ведется не в должной мере» и, что самое главное, не затрагивая партию².

То, что партии приходилось действовать в окружении «украинских элементов» и национальной интеллигенции, в полной мере пользовавшихся украинизацией для утверждения в народных массах своей идеологии, и под их постоянным давлением, для большевиков не было секретом и воспринималось как должное, как неизбежное условие борьбы с буржуазной средой. Но проникновение националистических настроений в партийные ряды, повторение некоторыми коммунистами почти слово в слово того, что думали и говорили их противники из национального лагеря, грозило неприятными последствиями. В центре их внимания находились проблемы национально-государственного состояния УССР, развития украинского языка, культуры, а также связанные с этим вопросы о взаимоотношениях Украины с РСФСР и СССР и о соотношении украинскости и русскости вообще. В условиях того времени это часто облекалось в неудовлетворенность тем, как проводилась украинизация.

В качестве характерного примера подобных настроений можно привести случай, произошедший на Изюмском окружном съезде (1927 г.). Депутат от Балаклеевского района, военком 13-го отдельного батальона коммунист Решетняк в своем выступлении раскритиковал проводимую украинизацию, назвал ее слабой и поверхностной (охвачено лишь делопроизводство, а все важные вопросы решаются как и раньше, по-русски), и для наглядности сослался на проходящий съезд. Основная часть делегатов, в том числе крестьян (и беспартийных), не поддержала Решетняка. Но его слова все же нашли отклик у небольшой части присутствующих, в основном представителей интеллигенции (да и то в кулуарных разговорах). Коммунистическая фракция съезда осудила выступление Решетняка, но он от своего мнения не отказался³.

Документы ЦК КП(б)У свидетельствуют, что случаи противостояния в низовых партиячках между коммунистами-украинцами и коммунистами-русскими встречались очень редко (гораз-

до реже, чем антиеврейские настроения). Скажем, в партколлективе Мерешьянского района на Харьковщине имелось «разделение на украинцев и кацапов, на “наших” и “чужих”». Чем оно было вызвано – этнокультурными стереотипами, местническими настроениями, желанием следовать букве украинизационных нормативных актов или же какими-то национальными моментами – доподлинно не известно. Известно лишь, что «украинская» часть ячейки требовала назначения «местного» секретаря⁴.

Но наличие украинских настроений в компартии Украины не исчерпывалось недовольством некоторых рядовых коммунистов. Конечно, появление решетчатых и гадзиных и даже хвелевых и волобуевых было в КП(б)У не редкостью, особенно в середине десятилетия, но и не были они сколько-нибудь значительной (в количественном отношении) группой. Важнее было то, что такие настроения чаще присутствовали не в рядовой партийной массе, а среди ее руководителей и людей, занимавшихся вопросами национально-культурного строительства и потому имевших влияние в республике. В отчете упоминавшейся выше комиссии прямо говорилось, что «для некоторых ответственных работников-партийцев» (главные фамилии указывались) развитие украинского языка, культуры и т.п. «превратилось в самоцель»⁵.

Каковы же были источники появления в КП(б)У таких настроений, как они туда проникали и в чем выражались – эти вопросы представляют немалый интерес. Вообще, изучать советское общество, в том числе историю национального движения, невозможно, не обратив взоры к партии. Во-первых, партия и государство в нашей стране оказались слиты друг с другом и представляли собой живую целостность, причем процесс слияния начался именно в 1920-е годы. А во-вторых, партия была как бы верхним «этажом», «крышей» советского общества, венчала его, испытывая сильное давление «снизу», со стороны населения.

При изучении взаимодействия украинского движения и коммунистической партии возникают определенные трудности. Прежде всего, оно не должно сводиться к описанию споров вокруг того или иного понимания украинского вопроса как борьбы чисто внутривнутрипартийной, борьбы «генеральной линии партии» против «оппозиций» и «уклонов». Дело осложняется тем, что эти споры подогревались аппаратными интригами, облекались в аппаратные формы и потому выглядели таковыми, или же действительно были проявлениями внутривнутрипартийной борьбы. Борьбу с национальным движением в партии следует также вычленивать из внутреннего развития республиканской и общесоюзной партийных организаций, хотя вне всякого сомнения, перипетии, ход и резуль-

таты этой борьбы напрямую зависели от расклада сил в верхушке ВКП(б) и, конечно, от социально-экономического и политического состояния страны в целом.

И, наконец, есть и еще одна трудность, но уже несколько иного плана. Если даже в известной степени абстрагироваться от глубоко внутрипартийной борьбы и сосредоточить внимание на ее национальной составляющей, можно скатиться к банальному освещению политики украинизации. Она интересна сама по себе и к тому же непосредственно касается нашего предмета, но отражает лишь одну сторону национальных отношений и национальной политики ВКП(б)–КП(б)У. Между тем, украинское движение было представлено и в Коммунистической партии Украины, а деятельность его адептов, коммунистов-националистов (или, в зависимости от акцентов, националистов-коммунистов) была гораздо шире и многообразнее, нежели просто поддержка или критика официального курса партии в национальном вопросе.

С каких же позиций следует подходить к изучению деятельности украинского национального движения в КП(б)У, внутрипартийной борьбы и национальной политики? Это будет возможно сделать с тех же позиций, с которых мы исследовали развитие украинского движения в предыдущих главах, а именно с точки зрения строительства украинской национальной общности и в контексте противостояния украинского проекта всему русскому. Поскольку партия являлась составной частью советского общества (все 1920–1930-е годы проходили под знаком ее утверждения в данном качестве), то противоборство украинского и общерусского начал имели место и в ней. Конечно, противостояние по этому национальному (в нашем контексте, а не в привычной трактовке этого термина, которому больше соответствует термин «межэтнический») принципу было в ней не таким явным, как вне партии. Оно было сознательно или даже неосознанно закамуфлировано коммунистическим мировоззрением или же коммунистической риторикой. Однако это противостояние в значительной степени питалось теми же корнями, что и противостояние украинскости и русскости в «миру» – вне партии.

Можно сказать больше. В беспартийной среде, в слое научной и творческой интеллигенции, «ответственной» за выработку и распространение национальных идеологий, в 1920-е годы не было противостояния национальных проектов в чистом виде, как это имело место раньше, поскольку проект большой русской нации вместе со старой Россией сошел со сцены. Но хотя украинский проект и стал осязаемой реальностью, и был близок к своему воплощению, он продолжал сталкиваться с определенными

трудностями, мешавшими его реализации. Главным препятствием (помимо относительной слабости движения и его поражения в Гражданской войне) было постоянное сопротивление (в основном, скрытое, хотя порой и сильное) тех групп и слоев общества, которые, даже не будучи великороссами, в той или иной степени сохраняли общерусское сознание, идентичность, являлись носителями русского языка, культуры, мировоззрения, или же не считали строительство особой украинской национальной общности чем-то нужным или важным. То есть, если отвлечься от конкретики и оперировать символами, на пути украинского движения стояла общерусскость, имевшая, как выяснилось, глубокие и прочные корни.

Но в 1920-е годы это противодействие носило статический характер, было инерцией от полученного ранее импульса развития. Никаких активных форм, альтернативных украинскому национальному строительству, послереволюционное общество уже не могло ни выработать, ни предложить. Эти функции, наряду с прочими вопросами идеологии, взяла в свои руки партия. Все, что хоть как-то касалось выработки курса национальной политики, становилось ее прерогативой. Любые попытки не то что отстаивать, но даже высказывать иные взгляды на перспективы национального развития страны, своей основой предполагающие русскую систему ценностей, пресекались на корню, а непослушные карались как «великорусские националисты» и «белогвардейцы»*. По целому ряду причин, русская общественность утратила способность и возможность выработать самостоятельные проекты и даже предъявлять на это право. Последние рефлексии в этом направлении нашли свое выражение в сменовеховстве, которое означало то же самое примирение с существующей действительностью, с правом большевиков решать судьбу России и стремление видеть в большевизме хотя и необычную, но в глубине своей все же русскую власть.

В отличие от российских коллег, украинская общественность (носители украинской идентичности) продолжала сохранять свое видение стоящих перед ней целей, равно как и путей их достижения. Создание национальной «Украины» оставалось альфой и омегой их деятельности, и они были не только готовы отстаивать ее право на существование и развитие, но и не собирались уступать кому-либо инициативу в работе на этом «национальном поле». Именно этим обстоятельством объясняется то соперничест-

* Например, большевиками были уничтожены многие представители малороссийской интеллигенции – сторонники идеи общерусского единства.

во, которое вели друг с другом большевики и украинская интеллигенция вплоть до начала 1930-х годов.

Партия тоже стала ареной борьбы идентичностей. Но в отличие от послереволюционного общества в ней имелись и даже получили довольно большое распространение подходы к решению национального вопроса иного, наступательного плана, нацеленные на модернизационное преобразование общества. Преобразованию должно было способствовать то или иное решение национального вопроса вообще и соотношение украинскости и русскости в частности, или же коммунистическая перестройка непременно увязывалась с отказом от всего национального. И хотя данные теории или просто укоренившиеся взгляды не являлись проектами национального строительства в полном смысле этого слова, они имели с ними несомненное сходство, особенно если постараться просчитать возможные результаты их воплощения в жизнь. Имелись в партийной среде и «украинские» проекты национального строительства (их в большей мере можно относить к таковым), обладавшие как национальной, так и социальной, коммунистической мотивацией.

Вот с этой точки зрения подспудного или открыто декларируемого противостояния двух национальных начал, двух идентичностей, пусть и прикрытого коммунистической фразеологией, и следует подходить к изучению украинских настроений в КП(б)У, и в соответствии с этим вести изложение конкретных фактов и событий. Объем информации по внутренней борьбе в компартии Украины, по сюжетам, связанным с выработкой курса национальной политики, крайне велик, поэтому следует отбирать только те факты, которые являются наиболее характерными и важными, в противном случае этим проблемам пришлось бы посвятить отдельную работу (и не одну). Какие же силы в партии выступали носителями указанных проектов и систем ценностей и кто именно представлял в ней украинское течение? Для того, чтобы разобраться в этом вопросе, надо вернуться к началу 1920-х годов и посмотреть, что же представляла собой КП(б)У.

Не будет преувеличением сказать, что она не была монолитной организацией. В ней имелись течения, группы, отдельные лица, придерживавшиеся собственных точек зрения на важнейшие вопросы текущей политики, разумеется, в рамках общей идеологической линии. Такого единства не было и в РКП(б)–ВКП(б). «Единственно правильная» линия только завоевывала себе право на «непогрешимость». Но «плюрализм» в КП(б)У подогревался в значительной степени благодаря национальному признаку. Здесь речь идет не об этническом происхождении членов партии, а о со-

отношении в ней русского и украинского начал. Третий элемент – еврейский, широко представленный в партии на этническом уровне, в национальном плане тяготел к русской культуре и языку. Те же представители политических кругов еврейского народа, в мировоззрении которых национальный вопрос занимал центральное место, объединялись вокруг буржуазных или даже левых и коммунистических партий, но с ярко выраженной национальной еврейской окраской (Бунд, Еврейская коммунистическая партия). Следует остановиться на некоторых вопросах, связанных с национальной ориентированностью партийной организации.

В 1920-е годы, особенно в начале десятилетия, была широко распространена теория «двух корней», из которых, якобы, происходила КП(б)У. Эта теория была изложена коммунистом М. Равич-Черкасским, автором книги по истории КП(б)У. Он считал историю компартии Украины «суммой двух историй: украинского пролетариата и русского пролетариата на Украине», а саму компартию – великим историческим синтезом «двух великих параллельных движений, охватывавших огромные массы рабочих двух национальностей»⁶. Это означало, что революционное движение на Украине развивалось по двум отдельным направлениям – общерусскому (пришлым) и украинскому (коренным населением). Первое направление представляли российские социал-демократы, большевики, а второе – украинские левые группы и партии (социал-демократы, эсеры). Соответственно, и революций на Украине было две – общероссийская и национальная украинская. В конце Гражданской войны оба революционных течения слились, образовав единую КП(б)У, которая стала наследницей и выразительницей обоих течений.

Мы остановились на изложении концепции «двух корней» потому, что она в том или ином виде надолго закрепилась в теоретических посылах и аргументации адептов украинского движения, действующих на «коммунистическом поле», и у коммунистов-националистов. В настоящей работе не имеет смысла подробно разбирать и анализировать эту концепцию, как и выяснять происхождение большевизма на Украине. Это, кстати, уже было сделано на рубеже 1920–1930-х годов. Концепция М. Равич-Черкасского была объявлена ложной, извращающей основные вехи развития марксизма и пролетарской революции на Украине, охарактеризована как теоретическое обоснование национального уклона, а сам он в 1932 г. был исключен из партии и вскоре репрессирован⁷. Отметим лишь, что весьма спорно говорить о пролетариате на Украине как о каких-то двух, развивавшихся порознь и шедших к социализму отдельными путями, русском и ук-

раинском отрядах. Так же спорно утверждение о слиянии «двух великих параллельных движений», так как революционное движение было одно – общероссийское, а украинские группы при этом равнозначными партнерами не были, уступая главным и единственным представителям именно пролетарской революции – РСДРП, РКП(б)–КП(б)У.

Но было бы также неправильно вслед за украинскими националистами того времени и их более поздними единомышленниками считать КП(б)У «филиалом» российской компартии на Украине, чужим и инородным, якобы не имевшим там корней. На проходившем в Москве в июле 1918 г. I съезде КП(б)У состоялось объединение большевистских организаций Украины в единую, «автономную в местных вопросах, Коммунистическую партию Украины со своим Центральным Комитетом и своими съездами, но входящую в единую Российскую Коммунистическую партию с подчинением в вопросах программы общим съездам и в вопросах общеполитических – ЦК РКП»⁸. Но несмотря на известную долю подчинения центру (а если смотреть с иных позиций, что более правильно с исторической точки зрения – известную долю самостоятельности), как и на то, что многие работники прибывали на Украину из Великороссии, корни у нее все же были в украинских землях, и многие коммунисты, особенно рядовая масса – местные жители. Однако будучи партией общероссийского масштаба, РКП(б) и КП(б)У как ее часть мыслили и действовали не с украинских, а с общероссийских позиций. В то время само существование особого украинского национально-политического организма было делом вовсе не таким уж очевидным. Да и революция 1917 г. во всей Российской империи была *российской*, а не суммой национальных революций, и оценка событий 1917–1920 гг. на Украине как «украинской революции» правомерна лишь с точки зрения одного из участников этих событий – национального движения, что уже само по себе говорит о пристрастиях и мировоззрении авторов подобных концепций.

Правильнее будет сказать, что левые украинские группы вливались в единое коммунистическое движение, возглавляемое КП(б)У, естественно, привнося в него что-то из своего идеологического багажа и заставляя партию корректировать свою линию в национальном вопросе. И это косвенное влияние было подчас весьма сильным. Выходцы из украинских партий левого спектра как раз и составили основной контингент тех коммунистов, кто продолжал разделять и развивать украинские настроения. Вообще, от левого украинского политического спектра, представляемого Украинской социал-демократической рабочей партией (УСДРП) и

Украинской партией социалистов-революционеров (УПСР), постоянно откальвались группы, переходившие в общероссийское революционное движение, в частности, в социал-демократию. Здесь уместно привести характеристику этого процесса, данную ему М. Равич-Черкасским. «История украинского марксизма, – писал он, – это история расколов в УСДРП, освобождение марксистов из шовинистического плена и выход на широкую дорогу международного социализма»⁹. Под украинским марксизмом М. Равич-Черкасский имел ввиду деятельность украинских пролетарских масс, хотя правильнее это назвать историей развития левых и социал-демократических течений среди украинской интеллигенции. Впрочем, главное было подмечено верно. Но вот насколько эти группы «освобождались» из «шовинистического плена» и порывали с идеологией украинского движения, вопрос непростой.

Процесс перехода в российскую компартию имел и обратный эффект: украинские партии после этих отколов сильно правели и все больше в их идеологии и практике становилось национально-го и все меньше – социалистического и коммунистического. Гражданская война показала, что середины между большевизмом, представленным РКП(б)–КП(б)У и украинским национальным движением, получившим пусть и не совсем точное, но емкое название «петлюровщины», нет. И это со всей наглядностью подтвердила судьба украинских левых партий – боротьбистов и укапистов.

Украинское национальное движение и коммунизм

Боротьбисты. Течение, получившее название боротьбизма, затем организовавшееся в Украинскую коммунистическую партию (боротьбистов) (УКП(б)), вело свое происхождение от возникшей в апреле 1917 г. УПСР. А она, в свою очередь, восходила еще к первой украинской партии – РУП, т.е. имела общие корни со всеми остальными украинскими партиями и являлась составной частью политического спектра украинского движения. Вскоре после распада РУП из ее осколков создаются группы эсеровского направления, которые в 1906 г. провозглашают создание УПСР. И хотя ее первый съезд, на котором была принята программа партии, состоялся лишь весной 1917 г., организации украинских социалистов-революционеров были политической реальностью еще задолго до революции¹⁰.

История борьбыбизма ведет начало с ноября 1917 г., с III съезда УПСР, на котором сложилось левое крыло партии. Его лидеры – И. Михайличенко, В. Блакитный, А. Шумский (тот самый, чьим именем будет назван национальный уклон в КП(б)У) – начинают издавать газету «Борьба», от которой это течение и получило название. Левые сохранили приверженность партийной программе, но критиковали политику мелкобуржуазной Центральной рады по ряду социальных вопросов, прежде всего по земельному¹¹. Остались они и противниками большевиков, которых обвиняли в централистско-антиукраинской политике.

Кризис Центральной рады, немецкая оккупация, гетманский переворот, вынуждали все политические силы самоопределяться. В мае–июне 1918 г., после IV съезда, УПСР самораспустилась, тогда же продолжилось организационное расхождение левых украинских эсеров с правыми. К ноябрю того же года левых насчитывалось примерно 600–700 человек, имелся у них и свой Центпрревком¹². Следующим шагом боротьбистов в направлении создания собственной партии стало образование ими в марте 1919 г. УПСР-коммунистов. Программы у новой партии не было, но в ее идеологии уже обозначился заметный сдвиг влево: УПСР-к выступала за власть Советов, диктатуру пролетариата, а в самостоятельности Украины, за которую она боролась, ее члены видели тактическое средство для достижения всемирной федерации. Наконец, 6 августа 1919 г. ЦК УПСР-к и ЦК УСДРП-независимых левых (см. ниже) подписали акт о слиянии своих партий и образовании единой УКП (боротьбистов)¹³. Итак, под воздействием перипетий Гражданской войны наиболее полевевшие группы украинских эсеров и социал-демократов создали свою, альтернативную КП(б)У, компартию. За что же она боролась? Вскоре после своего появления на свет УКП(б) во всеуслышание заявила об этом и указала то место, которое намеревалась занять.

В конце августа 1919 г. ЦК УКП(б) направил в Исполком III (Коммунистического) интернационала (ИККИ) письмо, в котором выразил желание вступить в ряды Коминтерна. Создание УКП(б) именовалось в нем «большим завершающим моментом в развитии украинского коммунистического движения» и «новым исходным пунктом... организационно-идеологической консолидации коммунистических сил города и села Украины»¹⁴ (которые, естественно, представляли украинские социал-демократы и эсеры). И далее говорилось о «глубочайшей необходимости образования единого коммунистического центра, органически вырастающего из совокупности социально-экономических условий и особенностей Украины». Таковым, по мнению боротьбистов, могла

быть только выросшая из этой «совокупности» УКП(б). КП(б)У украинским коммунистическим центром они не считали, называя ее временной, «областной организацией» РКП, исторически неизбежной (из-за особенностей промышленного пролетариата и характера революции). И поэтому они официально заявили, что берут на себя «руководство украинским коммунистическим движением и его представительство в рядах III Интернационала»¹⁵. В прилагавшемся Меморандуме были изложены основополагающие принципы новой партии. Следует остановиться на них подробнее, поскольку они дают ясное представление об идеологии УКП(б) (и других течений и организаций, относимых к так называемому «национал-коммунизму»), т.е. об идеологии коммунистического сектора украинского национального движения, в русле которой они вели практическую работу, а также о природе украинских национальных настроений в КП(б)У.

Основой идеологии «национал-коммунизма» являлось убеждение, что Украина представляет собой «своеобразный, в значительной мере самостоятельный народнохозяйственный организм со специфической структурой хозяйственной жизни»¹⁶. Другим базисным положением было отношение к ней как к особому национальному организму, подвергавшемуся «вековому давлению руссифицирующей помещичье-буржуазной государственной машины». Это давление хотя и оказалось не в состоянии ликвидировать украинский организм, сильно изменило его, зажав «лишь в социальных низах, в украинской деревне, в недрах украинского пролетариата и полупролетариата», превратив города в «культурно-изолированные острова и источники насаждения чужой, искусственно прививаемой, а потому паразитирующей культуры»¹⁷ (под «паразитирующей» имелась в виду русская культура).

Боротьбисты считали городской пролетариат слишком малочисленной группой, к тому же по укладу жизни отличающейся от остального населения Украины. Основная масса трудящихся, по их представлению, была связана с селом. К ней они относили почти все крестьянство с сельскохозяйственным пролетариатом и «крестьянским полупролетариатом» – беднейшими массами сельских производителей. Поэтому потенциальными «агентами коммунистического переворота», пролетарскими силами, они считали 90% населения Украины. По причине аграрного характера украинского народнохозяйственного организма, утверждали боротьбисты, и революция на Украине имела сильный аграрный оттенок, чего не понимали пришедшие из России большевики, в диктатуре пролетариата видевшие диктатуру промышленного пролетариата. Все это, как считали боротьбисты, приводило к отры-

ву немногочисленного русифицированного городского рабочего класса от «пролетарских» масс крестьянства и потому определяло характер советской власти как «оккупационный»¹⁸.

Линия разлома между «московской» советской властью и местными «носителями коммунистического переворота» – сельским пролетариатом и полупролетариатом – закладывалась не только социально-экономической политикой большевиков, но и их ставкой на городской пролетариат как носителя русской культуры. Согласно точке зрения боротьбистов, это ставило местных сторонников коммунистической революции «лицом к лицу либо с националистическими тенденциями украинской буржуазии и украинской интеллигенции, либо с фактическим господством великорусского языка и культуры и инерцией руссификаторства во всем аппарате власти на Украине»¹⁹.

Интересы революции, вовлечения в нее потенциально готовых поддерживать ее групп, по мнению авторов Меморандума, требовали широкого и планомерного содействия «развитию пролетарской культуры в родных и близких украинскому пролетариату и крестьянству национальных формах» и отказе от идеи диктата русской культуры на Украине. Это выбило бы оружие из рук украинских буржуазных националистов и обеспечило бы переход народных масс на сторону советской власти. Но для их полнейшего взаимопонимания эта власть не должна быть внешней, российской. Экономическое и национальное своеобразие, считали боротьбисты, ставит необходимость порвать с инерцией подчинения Украины «чужому государственному центру» и выдвигает вопрос «о необходимости конструирования Украины в особую Советскую республику как самостоятельного члена... всемирной федерации советских республик», обладающего всеми государственно-правовыми полномочиями. Понятно, что такая республика должна была управляться собственным коммунистическим центром – естественно, УКП(б) – подчиненным только Исполкому Коминтерна²⁰.

Таковой была идеологическая база УКП(б) и коммунистического сектора украинского движения в целом. Еще раз следует отметить, что в основании ее лежало представление об Украине как об особом национальном и хозяйственном организме. Как видим, коммунистическое переплеталось с национальным весьма тесно, и национальный фактор превалировал над социально-экономическим (иначе УКП(б) просто не существовала бы).

В соответствии со своими идейными соображениями боротьбисты проводили повседневную работу, добиваясь создания самостоятельной советской Украинской республики. Они обладали опре-

деленным влиянием среди крестьянства и интеллигенции и заставляли считаться с собой противоборствующие стороны. В конце 1918 г. боротьбисты принимали участие в борьбе против режима гетмана, входили они и в состав Рабоче-Крестьянского правительства Украины. Вообще, несмотря на довольно критическое отношение друг к другу, ради борьбы с общим врагом – белыми, боротьбисты и большевики часто шли на сотрудничество. Но периоды совместной работы быстро сменялись открытым противостоянием. Например, весной–летом 1919 г. боротьбисты организовывали против Красной армии и большевиков повстанческое движение. Среди известных впоследствии атаманов были и те, кто относил себя к боротьбистам.

Борьба против «оккупационной большевистско-московской» армии закончилась занятием Украины добровольцами А. Деникина. Осенью 1919 г. боротьбисты вновь перешли к совместным действиям с большевиками. Они формировали собственные отряды, именуемые Украинской красной армией (УКА)²¹, создавали повстанческие комитеты (часто вместе с большевиками) и вели против белых партизанскую войну²². УКП(б) даже получала от большевиков материальную помощь. Представители боротьбистов входили во Всеукраинский ревком и в руководство ряда наркоматов республики (Наркомпрос, Наркомюст, Наркомфин)²³.

Победа над деникинцами вновь поставила вопрос о будущих взаимоотношениях большевиков и боротьбистов. Последние не собирались отказываться от своих претензий на представительство коммунистических сил Украины. Их не устраивало единое командование, они добивались создания самостоятельной УКА. Например, в феврале 1920 г. П. Любченко, будущий секретарь ЦК КП(б)У, председатель СНК УССР, а в то время председатель киевского губкома УКП(б), на митинге среди рабочих киевского завода «Арсенал» доказывал необходимость «своей сознательной армии... от уездного военкома до Укрвоенкома»²⁴.

Недовольны боротьбисты были и сохранением ревкомов, связанных, как они считали, «морально и идейно по своему составу с системой Советской власти в Великороссии» (об этом в интервью «Боротьбе» в январе того же года говорил другой видный боротьбист Г. Гринько)²⁵. Они предлагали ревкомы заменить советами всех трудящихся, стремились овладеть «культурным фронтом» и вытеснить большевиков из Наркомата просвещения, для чего старались опираться на украинскую интеллигенцию²⁶. При этом боротьбисты продолжали ссылаться на специфику украинских условий и советовали не путать «самостийную Украину Петлюры и Грушевского» с самостийностью Советской рабоче-крестьян-

ской Украины, входящей в «братский союз с Российской республикой», о чем, например, говорил на беспартийной рабочей конференции (6 февраля 1920 г.) боротьбист Г. Клуный²⁷.

С начала 1920 г. было отмечено усиление агитации боротьбистов в РККА и в рабочей среде, вновь стали наблюдаться тенденции к партизанщине, а в ряде местностей даже имели место антисоветские мятежи. Как указывалось в письме ЦК КП(б)У в Исполком Коминтерна от 17 января 1920 г., УКП(б) все больше начинала отражать интересы среднего и крупного крестьянства и являлась коммунистической только по названию. ЦК боротьбистов обвинялся в поощрении антисоветской агитации, организации вокруг себя петлюровских и повстанческих контрреволюционных элементов и прикрытии их «именем коммунизма», «резкой травле» КП(б)У и проведении линии «примирения с... шовинистической петлюровской интеллигенцией» при одновременном нетерпимом отношении к интеллигенции российской²⁸. Тем самым, по мнению руководства компартии Украины, боротьбисты нарушали подписанное в декабре 1919 г. совместное соглашение с ЦК КП(б)У о сохранении единого фронта коммунистических сил и пресечении любых попыток его разложения.

Данное соглашение было важным успехом большевиков в деле устранения боротьбистов с политической арены. В основе соглашения лежала платформа КП(б)У, резолюция VIII конференции РКП(б) «О Советской власти на Украине», в которой подтверждалось признание независимости УССР со стороны РСФСР²⁹, и договор о военно-политическом союзе советских республик, по отношению к которому боротьбисты были настроены весьма критически. Данное соглашение означало идеологическую капитуляцию боротьбистов перед большевиками, перехватившими у них лозунг борьбы за независимость Украины, и свидетельствовало о скором конце боротьбизма как самостоятельного течения. В конце письма ЦК КП(б)У констатировал неизбежность перерождения УКП(б) и уведомлял ИККИ о начале против этой партии «энергичной контрагитации»³⁰.

Вообще, вопрос о взаимоотношениях с УКП(б), а значит, о прочности позиций большевиков как единственных носителей коммунистической идеи, стоял очень остро. В.И. Ленин считал выработку тактики по отношению к боротьбистам «сложнейшим и крупнейшим вопросом»³¹. По мере укрепления позиций большевиков, после побед на фронтах Гражданской войны и победы над боротьбистами в декабре 1919 г., стал возможен курс на окончательную ликвидацию УКП(б). В. Ленин приказывал всю политику по отношению к ней направить на достижение этой цели,

призывая «не пропускать ни одного прегрешения боротьбистов без немедленного и строгого наказания», делая в обвинениях упор не на их национализм, а на контрреволюционный, мелкобуржуазный и непролетарский характер партии³².

Политика большевиков, изложенная в тезисах ЦК КП(б)У «Об отношении к партии боротьбистов», была направлена на отрыв наиболее коммунистически настроенных боротьбистов от УКП(б) и привлечение их в ряды КП(б)У с одновременной «самой серьезной, внимательной и энергичной кампанией» против самой партии³³. Прекращение финансовой помощи, сбор компромата, давление в прессе («демагогическая травля», как ее называли боротьбисты), направленные на дискредитацию УКП(б), обвинения ее в петлюровщине³⁴, вскоре дали свои результаты. С середины февраля 1920 г. ряд местных организаций (харьковская, переславская) заявил о самороспуске и желании вступить в КП(б)У. Участились случаи индивидуальных выходов. Тогда же ЦК КП(б)У вынес постановление о разрыве соглашения с боротьбистами и о персональном приеме в партию тех из них, кто желал вступить в КП(б)У³⁵.

Окончательный удар по «украинскому коммунистическому центру» нанес главный орган коммунистического движения. Именно его руководитель Г.Е. Зиновьев был одним из наиболее последовательных противников членства УКП(б) в Коммунистическом интернационале. К примеру, на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 21 ноября 1919 г., т.е. еще до подписания упомянутого соглашения о сотрудничестве, обсуждался вопрос о возможности включения партии боротьбистов в III Интернационал. Тогда мнения разделились: В.И. Ленин, Л.Б. Каменев и И.В. Сталин считали возможным пойти на этот шаг, но Л.Д. Троцкий и Н.Н. Крестинский были против. Решено было запросить мнение Г.Е. Зиновьева, не присутствовавшего на заседании, и в случае его согласия «провести решение в жизнь». Но вскоре Политбюро единодушно высказалось против принятия боротьбистов в Коминтерн и постановило провести соответствующее заявление («решительное» и «в резкой форме») через коминтерновские структуры. Позиция Зиновьева сыграла при этом далеко не последнюю роль³⁶.

Изучив требования боротьбистов, их идеологию и деятельность, Исполком Коминтерна в резолюции от 26 февраля 1920 г. единогласно постановил, что УКП(б) «на деле отступает от принципов коммунизма в ряде важнейших вопросов», таких как отказ от борьбы с шовинистическими мелкобуржуазными элементами и опора на них в требовании создания УКА и агитации против ком-

мунистов – неукраинцев. Учитывая, что РСФСР «безоговорочно признала независимость советской Украины», а последняя может устоять только «в самом теснейшем экономическом и военном союзе» с РСФСР, ИККИ признал неправомерными все требования У КП(б) и отказал ей в приеме в Коминтерн. Ее попытки создать «вторую параллельную партию» были охарактеризованы как стремление «расколоть ряды трудящихся». КП(б)У была признана единственной настоящей украинской компартией³⁷.

Резолюция ИККИ оставляла для У КП(б) два пути: либо самороспуск, либо переход на правые антикоммунистические позиции. Она выбрала первый путь, хотя нашлись и те (в Волынском, Екатеринославском, Черниговском губкомах), кто охарактеризовал решение Исполкома Коминтерна как «смерть для украинской революции». 20 марта 1920 г. Всеукраинская конференция У КП(б) одобрила курс на самороспуск, а 24 марта ЦК У КП(б) принял постановление о самоликвидации партии. В апреле–мае шло ее расформирование. Из 15 тыс. членов У КП(б) в КП(б)У было принято 4 тыс.³⁸ – «все лучшее, что было в среде боротьбистов»³⁹, – как сказал В. Ленин. Остальные либо примкнули к У КП (см. ниже), либо пополнили ряды антикоммунистического подполья, либо сменили род занятий. Впрочем, из этих 4 тыс. в компартии удержались немногие. Уже летом–осенью 1920 г. при перерегистрации партбилетов многие из них были исключены из партии. Выступая на XII съезде РКП(б), Н. Скрыпник говорил, что исключили их за «националистические пережитки». К 1923 г. в рядах КП(б)У их оставалось только 118 человек. Партия не сумела их «переработать», сожалел он⁴⁰. Но несмотря на относительно небольшое число боротьбистов, принятых в партию, их влияние было немалым: многие из них были направлены на работу в высшие эшелоны КП(б)У и республиканского руководства⁴¹. Во главе У СССР в 1920–1930-е годы стояли Г. Гринько, А. Шумский, П. Любченко, А. Хвыля, И. Мусульбас и ряд других бывших боротьбистов.

Большевики оценивали самоликвидацию боротьбистов как свой крупнейший успех, предотвративший вполне вероятный мятеж и устранивший неудобного конкурента. Но с самоликвидацией У КП(б) коммунистический сектор украинского движения не исчез. На политической сцене оставалась еще Украинская коммунистическая партия.

Укаписты. У КП вела свое происхождение от образованной в 1905 г. УСДРП, которая, в свою очередь, тоже вышла из РУП. Эту преемственность укаписты не скрывали и даже, наоборот, подчеркивали. Например, на IV съезде У КП в апреле 1925 г. был

сделан «исторический обзор жизни и работы УКП с РУП и до этого времени»⁴². В этой преемственности укаписты видели тот путь, который прошел украинский марксизм. И действительно, отсчет истории УКП с РУП имеет под собой все основания, только не с марксистской, а с национальной точки зрения. Национальный вопрос, бывший причиной появления на свет Революционно-украинской партии, занимал центральное место и в жизни УКП, а борьба против «национального порабощения» украинского рабочего оставалась ее путеводной звездой.

Рождение УКП – это история расколов УСДРП и выделения из нее левых групп. В конце 1918 – начале 1919 г. в УСДРП складывается левая фракция, которая разрывает с правыми (лидерами которых были В. Винниченко, С. Петлюра, Н. Садовский) и создает собственную УСДРП (независимых). Лидерами нового образования стали А. Речицкий, А. Драгомирецкий, М. Ткаченко, Ю. Авдиенко. Новая партия выступила за превращение УНР в «суверенную, самостоятельную и независимую Украинскую Социалистическую Республику», управляемую блоком украинских революционных партий⁴³. Большевиков и советскую власть они считали оккупантами. От лица созданного ими Всеукраинского ревкома (во главе с Ю. Мазуренко) большевикам (СНК УССР) был направлен ультиматум. «Независимые» вместе с эсерами и социал-демократами выступили организаторами повстанческого движения против них. В ответ большевики закрывали организации «независимых», арестовывали их членов, исключали их из советских органов, в то же время не препятствуя свободной работе тех, кто порывал с УСДРП(н)⁴⁴.

А такие люди имелись. В мае 1919 г. те из «независимых», кто признавал коммунистическую программу, создали свою УСДРП независимых – левых. Но ее идейное единство с КП(б)У не выходило за рамки социально-политических вопросов. В национальном же вопросе они выступали против политики «русификации» и за развитие «родной» для украинского рабочего (городского и сельского) украинской культуры⁴⁵. Вскоре УСДРП(н-л) слилась с УПРС-к (см. выше) в единую партию боротьбистов. После победы большевиков в войне правые круги независимых оказались перед необходимостью выбора приоритетов своей дальнейшей политики. Понимая, что борьба за «освобождение украинского рабочего класса» не завершена и может быть продолжена только легально, в условиях советской власти, они совместно с частью боротьбистов идут на создание новой партии. В январе 1920 г. состоялся ее учредительный съезд. На съезде была подтверждена приверженность програм-

ме РКП(б) и всемирному единству трудящихся⁴⁶ (именно «трудящихся», а не «пролетариата»).

Идеология укапистов почти ничем не отличалась от идеологии боротьбистов. Но хотя УКП и приняла коммунистическую программу, она стремилась применить ее к «конкретным национальным условиям Украины»⁴⁷. Сам же факт перехода на коммунистическую платформу был вызван не только или не столько «углублением классового сознания» ее членов, сколько пониманием того, что в условиях поляризации общества и одержавшей верх марксистской идеологии дальнейшая работа с социал-демократических, «промежуточных», позиций невозможна.

Но, перейдя по ряду основных моментов на коммунистические позиции, новая партия, получившая название Украинской коммунистической (УКП), сохранила все прежние установки в отношении национального вопроса и его преломления в украинских условиях. Так, в принятой на съезде программе революция на Украине трактовалась как «революция национальная», ставящая своей задачей национальное освобождение украинского народа и выросшая из потребностей развития производительных сил украинского экономического организма. Исходя из этого, УКП заявила, что отстаивает «независимость и самостоятельность экономического и политического хозяйствования Украинской Социалистической Советской Республики» и борется против всего, что ведет к денационализации украинского народа. Себя же УКП объявила «выразителем воли всего пролетариата Украины, всего трудящегося населения»⁴⁸.

Краеугольным камнем мировоззрения укапистов оставались проблемы формирования нации. Наиболее выпукло это нашло отражение в Меморандуме ЦК УКП II Конгрессу Коминтерна. В нем повторялись уже известные сюжеты о пробуждении «неисторических наций», «национальной революции», «руссифицированном городе», не связанном с «массой украинского народа», об Украине, покоренной «российским абсолютизмом» и добивающейся национального освобождения путем создания «национального государства». КП(б)У именовалась «областной организацией» РКП, неизжившей «империалистическое наследие старой России», не понимающей национального контекста революции и Гражданской войны на Украине и потому остающейся по отношению к ней «внешней силой», неспособной противостоять контрреволюционным украинским элементам⁴⁹.

УКП заявляла, что в силу «органической несвязанности» КП(б)У с «украинской революцией» и ее неспособности вовлечь в коммунистическое строительство «украинский пролетариат и

трудящееся крестьянство», она берет на себя задачу «заставить русских коммунистов изменить свое отношение к украинскому вопросу», повести за собой украинский пролетариат и возглавить борьбу за его «социальное и национальное освобождение»⁵⁰. Вписывая «украинскую революцию» в общеевропейский контекст освободительной борьбы колониальных народов, укаписты считали немислимыми и реакционными попытки «проводить пролетарскую революцию обязательно в рамках старых империалистических государств». Это означало, что Украина, успевшая оформиться как специфическая «национально-экономическая общность», должна идти к коммунизму самостоятельно, как независимая УССР. Пролетариат Украины должен быть самостоятелен в своей борьбе и подчиняться «лишь интересам общей борьбы мирового пролетариата», а не его «другому отряду» (т.е. российскому пролетариату). Из этого следовала и необходимость создания собственного, единственного национального партийного центра, равноправного участника III Интернационала. Таковым, по глубокому убеждению укапистов, могла быть и была их собственная УКП⁵¹.

Вот таких идейных принципов и придерживалась УКП в своей повседневной работе. Существование КП(б)У укаписты считали явлением временным, существующим до тех пор, пока все коммунистические силы не будут объединены в УКП на основе ее программных принципов. В том, что компартия Украины начинает эволюционировать в национальном вопросе в их сторону, укаписты не сомневались. При этом они были убеждены, что «органическим путем» переход КП(б)У на рельсы УКП не произойдет, так как «империалистически мыслящие» силы в ней сделают все, чтобы этого не допустить⁵². Единственным способом добиться своих целей деятели УКП считали победу над этими силами. Но для этого необходимо было перехватить у КП(б)У влияние на массы и начать «раскалывать и разлагать большевиков»⁵³.

Впрочем, здесь уже возникали некоторые затруднения по причине крайней слабости укапистов. Численность УКП была несопоставима не только с численностью КП(б)У, но даже с партией боротьбистов. Если последних на момент самоликвидации УКП(б) насчитывалось 15 тыс. человек, то укапистов в начале 1921 г. было примерно 500 человек, в конце – уже 300, далее численность УКП неуклонно сокращалась. В начале 1924 г. в ней насчитывалось всего 150 человек⁵⁴. Для сравнения, в январе 1923 г. в КП(б)У состояло 59 738 человек (в 1925 – уже 101 852)⁵⁵.

УКП пополнялась за счет бывших боротьбистов, покинувших ряды КП(б)У коммунистов (особенно тех, кого исключили за на-

ционализм, как, например, группу «федералистов» во главе с Г. Лапчинским, последний даже стал секретарем ЦК УКП). Несмотря на многочисленные заверения руководства УКП в пролетарском характере партии, ее социальный состав больше соответствовал прочим «национальным» украинским партиям. Например, на I Всеукраинской конференции УКП (август 1920 г.) служащие (а в их число вошли учителя, литераторы, агрономы) составляли 57% от общего количества делегатов⁵⁶. В отчете о деятельности ЦК КП(б)У за апрель–июнь 1920 г. говорилось, что УКП не представляет никакой силы и только местами объединяет интеллигентские группы преимущественно левой украинской ориентации⁵⁷. Эта тенденция сохранилась и в дальнейшем. Сотрудники ГПУ отмечали, что приток в УКП был слабым и притом «исключительно из интеллигентской среды»⁵⁸. Но малочисленность не пугала укапистов.

УКП старалась в полной мере использовать имевшиеся у нее возможности (партийные клубы, собственные фракции в комитетах незаможных селян и советах) для расширения сети своих ячеек и ведения активной работы. Ее работе помогало то, что действовала она вполне легально, будучи признанной советским руководством. Более того, заявляя о лояльности и поддержке правительства Советской Украины, укаписты смогли получать от РКП(б) и КП(б)У материальную помощь, иметь свой печатный орган, участвовать в работе Советов, а двое представителей УКП – А. Речицкий и Ю. Авдиенко – даже являлись членами ВУЦИК⁵⁹. Укаписты уделяли внимание и развитию молодежного движения. При партии имелся Украинский коммунистический рабочий юношеский союз (УКРЮС), весьма немногочисленный, хотя его ячейки имелись по всей УССР. В УКРЮС влились остатки самораспустившегося вместе со всей УКП(б) боротьбистского молодежного союза⁶⁰. УКРЮС состоял в основном из представителей интеллигенции и учащихся, были в нем мещанские элементы, бывшие члены компартии, петлюровцы, синдикалисты⁶¹. Если на селе «укапистский комсомол» еще имел в ряде случаев некоторую поддержку, то в городах (а именно на них в первую очередь ориентировалась УКП) ее почти не было. В идеологическом плане УКРЮС ничем не отличался от своего «старшего товарища» – УКП, и к комсомолу Украины относился как к организации русифицированных сил⁶².

Борьбу за «организацию Украины в самостоятельное государство» укаписты вели по нескольким направлениям. Первым была агитация среди пролетариата. В связи с малочисленностью УКП и ее оторванностью от рабочих масс, агитация успеха не

имела, хотя укаписты старались использовать малейшие возможности для влияния на рабочих. Как отмечал в 1922 г. Д. Лебедь, при проведении своей пропаганды укаписты старались использовать «еще далеко не устойчивые» материальные условия жизни рабочих⁶³. Агитация усиливалась и в связи с возникавшими экономическими затруднениями. Так, укаписты активизировали свою работу среди металлистов и железнодорожников как только в этих отраслях начались перебои с выплатами зарплат⁶⁴.

Не оставались вне поля зрения укапистов и вопросы текущей политики. Их тревожило, что «колониальное положение», в котором, по их мнению, находилась Украина, оставалось неликвидированным, т.е. не были созданы Украинская Красная армия, Всеукраинский совет народного хозяйства, Всеукраинский профсоюзный центр как часть Профинтерна, что наркоматы подчинялись Москве и т.д.⁶⁵ Не приняли укаписты и нэп, так как считали, что он ведет к реставрации капитализма. Но не боязнь возвращения помещиков и капиталистов имела тут решающее значение. Опасность реставрации скрывалась опять-таки в национальной сфере. Как указывали в открытом письме в ЦК КП(б)У лидеры У КП А. Речицкий и А. Драгомирецкий, новая экономическая политика подводила экономическую базу под «колониационно-руссификаторские тенденции», замечавшиеся в городской русской среде, пролетариате и даже компартии, и под «перерождение и бюрократизацию» такого же централистского по своим убеждениям госаппарата⁶⁶. Влияние нэпа, полагали они, несло разложение пролетарскому государству, отодвигало мировую революцию на неопределенный срок и автоматически усиливало российские государственнические позиции. А в этом случае не оставалось места ни для украинских экономических и политических центров, ни для У КП как партийного центра Украины.

Теми же самыми причинами, что и неприятие нэпа, объяснялась борьба укапистов против усиления государственного единства советских республик. Несмотря на то что формально они выступали за необходимость тесного союза и сотрудничества УССР с другими советскими республиками, а образование СССР называли шагом вперед в осуществлении марксистского решения национального вопроса⁶⁷, их видение такого союза в корне отличалось от большевистского. Вообще, образование СССР на федеративных началах, как свидетельствовал Д. Лебедь, было моментом, отталкивающим националистов всех оттенков от политики большевиков⁶⁸. Решения IV Всеукраинского съезда Советов (май 1920 г.) об усилении федеративных связей с Россией укаписты называли «глубоко ошибочными и вредными». На V Всеу-

краинском съезде Советов (февраль–март 1921 г.) они выдвинули проект «полного отмежевания» от РСФСР. Попытка пересмотреть союзные отношения и упрочить «экономическую независимость УССР», которую укаписты намеревались провести и на следующем, VI съезде (декабрь того же года), окончилась для них неудачно⁶⁹.

По точному выражению Н. Скрыпника, тогда еще наркома юстиции УССР, укаписты видели Советский Союз «не единым монолитным целым, а некоторой совокупностью республик, спорящих между собой, исполненных взаимного недоверия»⁷⁰. Стоит отметить, что если уж подход УКП был явно неподходящим с точки зрения такого оборонца республиканских прав, каким являлся Н. Скрыпник, то, значит, он действительно низводил полномочия Союза до чисто формальных. По мнению «украинских коммунистов», права непосредственного управления во всех областях должны были принадлежать республикам. Безрезультатно для УКП заканчивались и попытки апеллировать к РКП(б) и ИККИ. Их претензии на руководство коммунистической Украиной оставались без внимания⁷¹.

Поскольку укаписты делали упор в агитации на национальном вопросе, то на успех они могли скорее надеяться не в рабочем городе, а на селе, где находилось больше тех, кто мог отнестись к идеям УКП с сочувствием. Из них укаписты формировали так называемые комитеты голоты (голытьбы), на которые возлагались задачи по противодействию и дискредитации руководимых большевиками комнезамов и Советов⁷². Игра на национальных чувствах и вечные обвинения центра в том, что он грабит Украину и вывозит хлеб, иногда оказывали влияние на крестьян. В сводках ГПУ отмечалось, что в ряде случаев кулаки и антисоветские элементы выдвигали в Советы списки, в которых значились местные укаписты⁷³.

Вся деятельность УКП – агитация, распространение листовок, призывы к забастовкам, срыву воинского призыва, требования украинизации рабочего класса – в условиях постепенного укоренения советской власти в народе толкали ее в лагерь противников большевиков. По имевшимся у Политбюро ЦК КП(б)У данным, вокруг УКП как легальной организации спланивались все оппозиционные большевикам группы⁷⁴, чему способствовала не только общность их идеологии, но и то, что сама УКП эволюционировала вправо. В Меморандуме ЦК КП(б)У Исполкому Коминтерна (ноябрь 1924 г.) говорилось, что в УКП влилось много бывших петлюровцев, ушедших к укапистам после разгрома подполья и бандитизма⁷⁵, и это резко качнуло партию в сторону на-

ционализма. Случалось, что и сами укаписты выступали организаторами подполья. К примеру, весной 1922 г. в Богодуховском и Купянском уездах Харьковской губернии были ликвидированы повстанческие организации, тесно связанные с укапистами (учителями и работниками детских домов)⁷⁶. УКП поддерживала связи (в основном на личном уровне) не только с петлюровским подпольем, но и с УАПЦ, с которой укапистов роднило единство мировоззрения в национальном вопросе⁷⁷.

По мере укрепления большевиков, по мере того, как они перехватывали инициативу в национально-государственном строительстве Украины и по мере естественного в этих условиях скатывания УКП на антисоветские позиции, весьма злободневным становился вопрос о дальнейшем существовании этой партии. В КП(б)У отдавали себе отчет в том, что хотя внешне УКП сохраняла лояльность, на деле по отношению к компартии она занимала негативную позицию. Уже в постановлении ЦК КП(б)У от 22 июня 1920 г. говорилось о необходимости начать кампанию против УКП. Она обвинялась в петлюровщине и защите интересов кулака⁷⁸. Против партии укапистов развернулась кампания в прессе, началось усиленное давление, исключение ее членов из советов, КНС и даже аресты некоторых из них⁷⁹.

Давление немного уменьшилось после XII съезда РКП(б), решения которого имели для «украинского коммунизма» как течения, стоящего на стыке национального и коммунистического движений, решающее значение. По свидетельству секретаря Киевского губкома КП(б)У И. Варейкиса, новая национальная политика «вышибла их (укапистов. — А.М.) из седла окончательно»⁸⁰. Сами укаписты встретили решения съезда по-разному. Часть считала их своей заслугой, уступкой со стороны КП(б)У, долгожданным и закономерным переходом последней на укапистские позиции. Другие встретили их «в штыки», называя постановления «бумажными» и оставляя право на «искреннюю» украинизацию за собой⁸¹. Объясняя Исполкому Коминтерна свою неудовлетворенность официальной политикой в национальном вопросе, лидеры УКП доказывали, что украинизация не может сводиться только к удовлетворению «национальной интеллигенции в вопросах языка и культуры». Истинная украинизация должна заключаться в решении экономического, политического и организационного вопросов — т.е. в создании независимой Украины, лишь на основе которых возможно правильное решение вопросов языка и культуры⁸².

После XII съезда РКП(б) началось быстрое эволюционирование УКП вправо и одновременное ее разложение изнутри, что предусматривалось общей линией КП(б)У в отношении этой пар-

тии. Органы госбезопасности отмечали наличие ликвидаторских настроений почти во всех первичных организациях УКП⁸³. Отколы от УКП и переход отошедших групп в компартию Украины начались уже с ноября 1920 г. К началу осени 1922 г. в КП(б)У состояло уже 34 бывших укаписта⁸⁴. После XII съезда, в октябре 1923 г., группы укапистов в Харькове, Киеве и Донбассе организовали левую фракцию УКП и заявили о полной поддержке позиции РКП(б) и КП(б)У в национальном вопросе. О своем стремлении слить все коммунистические силы УССР в единую партию, стоящую на позициях КП(б)У, и ликвидировать УКП, они уведомили Исполком Коминтерна⁸⁵.

Большевики занимали выжидательную позицию, собирая на деятелей УКП компрометирующий материал, не вступая с ней ни в какие отношения, как бы игнорируя ее существование до выяснения дальнейших шагов укапистов⁸⁶. Курс на скорейшую и неминуемую ликвидацию УКП 20 июля 1924 г. озвучил первый секретарь КП(б)У Э.И. Квиринг. Он сказал, что о каком-то едином фронте между многотысячной КП(б)У и насчитывающей 150 человек УКП, на создании которого настаивали укаписты, не может быть и речи, и выход он видит только в самоликвидации УКП, ее полном разрыве с прошлым и переходе ее членов в КП(б)У⁸⁷. После этого кампания по дискредитации УКП набрала новую силу. Органами ГПУ и местными организациями компартии отмечалось разложение УКП, отсутствие активной работы и растерянность укапистов.

При ликвидации УКП был задействован Коминтерн. К нему апеллировали и УКП, и КП(б)У, и левая фракция УКП. Укаписты выражали готовность подчиниться любому решению Коминтерна. КП(б)У требовала ликвидации партии укапистов как «второй», «националистической» партии, лишившейся опоры в народных массах. Того же требовали и «левые» укаписты. Характерно, что в числе авторов поданного в Исполком Коминтерна Меморандума ЦК КП(б)У был бывший боротьбист А. Шумский. Рассмотрев все поступившие материалы, ИККИ подтвердил правоту партии большевиков, признал ее единственной коммунистической партией в УССР и высоко оценил ее роль в хозяйственном, национальном и государственном строительстве Украины. Он также указал, что извращение укапистами трактовки национального и колониального вопросов привело к тому, что УКП объективно стала работать на подрыв диктатуры пролетариата, и постановил распушить УКП и ее левую фракцию⁸⁸.

Постановление ИККИ вызвало неоднозначную реакцию укапистов: у одних отмечались «подавленные настроения», другие

выжидали. Немало оказалось и тех, кто с удовлетворением признал решение ИККИ правильным, отнес его к своей победе (в постановлении ИККИ содержалось немало моментов, которые отстаивала УКП, только ставились они в заслугу национальной политики большевиков) и посчитал переходом КП(б)У на укапистские позиции. Высказывались и планы на будущее: вступая в компартию, укаписты «должны влить (в нее. – А.М.) новую силу, которая бы усилила партию», и которая не должна повторить судьбу боротьбистов, превратившихся, по словам одного из лидеров УКП Ю. Авдиенко, в «чиновников»⁸⁹. В целом, немало укапистов и после вхождения в КП(б)У надеялось идти «своим путем» и даже изменить ее курс.

Но имелись и те, кто был недоволен, что «национально-колонизальный вопрос» на Украине так и не разрешился полностью⁹⁰. А некоторые даже (на IV съезде УКП в марте 1925 г.) попытались подвергнуть решение ИККИ критике и сомнению, что вызвало неудовольствие присутствовавших на съезде функционеров КП(б)У. После споров съезд все же признал УКП и ее местные организации распущенными. Тогда же самоликвидировался и УКРЮС⁹¹. Согласно постановлению Политбюро ЦК КП(б)У от 13 марта (спустя месяц подтвержденному ПБ ЦК ВКП(б)), часть укапистов была принята в ряды компартии Украины⁹², а некоторые (например, А. Речицкий) – заняли ответственные посты. В 1926 г. в компартии Украины насчитывалось 126 бывших укапистов⁹³.

КП(б)У и украинские течения. После ликвидации УКП «украинский коммунизм» формально отошел в прошлое, но это еще не означало, что само явление исчезло фактически. Большевикам удалось устранить его как организованное течение, что было их несомненным успехом. Партии боротьбистов и укапистов организовывали вокруг себя определенную часть политического спектра. Главное место в их мировоззрении занимал взгляд на Украину как на особый, вполне сложившийся национальный и хозяйственный организм, который следует укреплять, развивать и превращать в действительно суверенное государство, пусть даже в коммунистическое. Этот момент делал реальным сотрудничество боротьбистов и укапистов с прочими адептами украинского движения. Балансирующие на грани двух идеологий партии не могли быть прочными. Поэтому хотя давление на них со стороны КП(б)У и не стоит сбрасывать со счетов, их разложение и исчезновение с политической сцены были явлениями закономерными и внутренне предопределенными.

Тем не менее все их наиболее коммунистические элементы смогли войти в компартию Украины. То, что в многотысячной партии бывших боротьбистов и укапистов было немного, вовсе не означало, что их влияние было незначительным. Немало выходцев из этих партий встало во главе УССР, а главное, они, как носители украинского языка и люди, как они сами про себя говорили, знакомые с «местной спецификой», оказались очень востребованы в учреждениях культуры и просвещения, так как в УССР как раз набирала обороты политика украинизации. Например, многие укаписты, принятые в партию в 1925 г., были направлены на работу в русскоязычные Донбасс и Харьков для ускорения украинизации последних и придания им украинского облика⁹⁴. Нет причин сомневаться, что за работу эти люди, как и многие их коллеги, занятые в системе Наркомпроса, школах и вузах, принялись с полной отдачей. А ввиду того, что собственных большевистских «украинских» кадров (по мировоззрению и идентичности) у КП(б)У было мало, вес в партии и в общественной жизни выходцы из украинских партий приобрели немалый.

Конечно, постепенно они «перерабатывались» партией, частично отходя от своих представлений, но именно выходцы из украинских партий составили тот элемент в КП(б)У, среди которого продолжали оставаться сильными украинские настроения и отношение к национальному вопросу не как к тактическому, а как к основному вообще и в условиях Украины, в частности. Но главный эффект от деятельности У КП(б) и У КП был в другом. Уже самим фактом своего существования и работой они вынуждали большевиков корректировать свой курс в национальном вопросе. Сохранение украинской советской государственности, парторганизации, переход к политике коренизации был обусловлен помимо прочего и деятельностью украинских левых партий как одного из секторов национального движения.

В этом контексте надо сказать несколько слов об отношении коммунистической партии к национальному вопросу. Он считался чем-то второстепенным. Главным для коммунистов был классовый подход. Революция задумывалась и виделась ими как начало мировой революции, призванной стереть все политические границы, а в перспективе (правда, не сиюминутной, а отдаленной; В. Ленин говорил, что национальные культуры отомрут не скоро) и национальные различия между народами единой Мировой социалистической республики. Рассматривая человеческое общество через социально-классовую призму, большевики относились к его национальной окрашенности как к чему-то преходящему, несерьезному, вредному, а то и просто как к досадной помехе, пере-

житку капиталистического общества. Такими же пережитками считалось и все, что было связано с национальным фактором, вплоть до национальной и даже этнической самоидентификации человека.

Известно, что большевики считали себя прежде всего революционерами и марксистами, а уж потом (и то далеко не всегда) представителями какой-либо национальности. Например, Л.Д. Троцкий, фигура в мировом коммунистическом движении знаковая, писал, что национальный момент не играл в его жизни почти никакой роли, а сам он считал себя ни евреем, ни русским, а социал-демократом и интернационалистом⁹⁵. Конечно, многие исследователи личности Троцкого отмечали, что он сознательно приуменьшал степень своего знакомства с еврейской культурой, как и вообще свое еврейство, лежавшее на нем «неизгладимой печатью»⁹⁶. Соратник И.В. Сталина Л.М. Каганович, фигура хотя и не равная Л. Троцкому, но уже из «новой», «бюрократически-аппаратной» волны партийцев, что тоже характерно, указывал, что евреем считал себя только по рождению, а по убеждению – интернационалистом, и «никогда не руководствовался в своей работе национальными мотивами»⁹⁷. И так мыслили не они одни, а очень и очень многие партийцы. Надо к тому же отметить, что влияние Троцкого, самого горячего адепта мировой революции и наиболее последовательного нигилиста в национальном вопросе, на партийную массу, особенно молодежь, было не меньшим, а порой и большим, чем у Ленина, менее радикального в отрицании всего национального.

Правда, российские условия, необходимость действовать в полиэтнической стране среди народов, стоящих на разных ступенях развития, преодолевая сопротивление враждебных, а порой и просто сепаратистских движений, заметно корректировали взгляд большевиков на национальный вопрос. Они стали подходить к нему выясняя *«каковы конкретные особенности национального вопроса и национальных движений данной страны в данную эпоху»*⁹⁸, хотя сами национальные движения (прежде всего те, что продолжали действовать после победы социалистической революции) продолжали считать реакционными, отвлекающими массы от классовой борьбы. Национальный вопрос становился вопросом тактики, нейтрализации и привлечения на свою сторону национальной интеллигенции, а иногда и народных масс. Он был не самоцелью, а лишь необходимой ступенью к построению коммунистического общества.

Впрочем, тактические хитрости и лавирование В. Ленина, первым оценившего всю важность этого вопроса и для России, и

для победы коммунизма в мировом масштабе, часто были непонятны для партийной массы. Причем это относилось не только к тем, кто мыслил как Л. Троцкий и был национальным нигилистом. Даже те партийцы, которые не забывали своих корней и ощущали принадлежность не только к мировому пролетариату, но и к своему народу, стояли на позициях так называемого люксембургизма, суть которого можно свести к положению, что при капитализме национальное самоопределение невозможно, а при социализме – излишне, поскольку угнетения уже нет. На таких позициях стояли многие большевики, прежде всего русские (не только великороссы) и обрусевшие выходцы из других народов, не понимавшие, что национальный вопрос не может исчезнуть в одно мгновение даже после социалистической революции.

Кстати, известная деятельница международного коммунистического движения Р. Люксембург высказывалась и по украинскому вопросу. Она считала украинский национализм чем-то случайным, не имеющим сколько-нибудь значительных корней в хозяйственной, политической и духовной жизни, и поэтому непохожим ни на польский, ни на чешский, ни на финский национализм. «Украина никогда не была нацией или государством», у нее нет исторических традиций и какой бы то ни было национальной культуры «кроме реакционно-романтических виршей», а посему «украинский национализм никогда не был способен играть хоть какую-нибудь политическую роль без... подарка “права наций на самоопределение”»⁹⁹, считала она, невольно, но паразитично точно ухватив «нерв» украинской проблемы и специфику украинского движения.

Мнение Р. Люксембург о происхождении украинской нации (кстати, весьма близкое к модернистскому пониманию нациобразования) совпадало с точкой зрения на проблему огромной части партийцев, да и широких кругов российской общественности в целом. Отношение к национальному вопросу как к несуществующему, подсознательное восприятие общерусского единства, неспособность или нежелание увидеть становление национальной «Украины», а также примешавшаяся ко всему этому память о Гражданской войне (Украину строили петлюровцы – агенты украинской и мировой буржуазии и враги советской власти), приводили к тому, что партия, с пониманием относившаяся к необходимости приспособляться к местным условиям на Кавказе, в Средней Азии и национальных районах России и, главное, сознававшая специфику этих регионов, не считала специфику Украины чем-то существенным. Конечно, эта специфика намеренно заострялась и сильно раздувалась украинскими партиями, поскольку националь-

но-политический и экономический организм под названием «Украина» в то время еще только создавался. Вне всякого сомнения, скажем, антибольшевистские настроения и повстанчество весны–лета 1919 г. были вызваны отнюдь не борьбой крестьян за строительство украинской государственности или украинизацию школы, а были спровоцированы земельной политикой большевиков. Национальная же окрашенность была явлением внешним, насаждаемым теми же боротьбистами, укапистами, не говоря уже о более откровенных националистах.

Но при всем этом известная специфика украинских условий, несомненно, была и заключалась, хотя бы, в самом факте деятельности националистических партий и групп, от жовто-блакитных до красных, отражающих настроения определенных групп населения. Эта специфика не могла не оказывать влияния на большевиков, вынуждая их лавировать в национальном вопросе. Одним из примеров этой местной специфики было появление украинских настроений внутри самой партии.

Люди, мыслящие в рамках украинского националистического дискурса, имелись в большевистской организации Украины с начала ее существования. Во-первых, в большевистские организации постоянно вливались те, кто стоял на коммунистических позициях, на почве классово-борьбы, а не «сотрудничества классов в общенациональных стремлениях»¹⁰⁰. Во-вторых, на настроения оказывали влияние перипетии Гражданской войны, когда от конкретных вопросов – способа организации большевистских сил, их связи с РКП(б), отношения к украинской буржуазной государственности и украинской государственности вообще – зависело положение большевиков и перспективы пролетарской революции на Украине. Очень часто в основе подхода к разрешению этих вопросов, который демонстрировали разные группы украинских большевиков, лежали не национальные мотивы, а интересы пролетарской борьбы и лучшей организации революционных сил. Но порой под требованиями создания украинского партийного центра, равноправного с РКП(б), или его большей независимости от последнего, скрывалась вполне узнаваемая мотивация. Споры о необходимости создания украинской партийной организации, как и необходимости создания украинской республики, продолжались на протяжении всей Гражданской войны. Не вдаваясь в детали становления КП(б)У, укажем лишь некоторые примеры проявления в ней украинских настроений.

Впервые о том, что на Украине должна быть независимая партийная организация, было заявлено еще весной 1918 г. на Таганрогском совещании представителей большевистских органи-

заций Украины. Там впервые был поставлен вопрос о координации действий этих организаций в условиях немецкой оккупации и признания (по условиям Брестского мира) Советской Россией независимости Украинской Народной Республики. После долгих прений совещание приняло решение о создании независимой от РКП(б) партии (связь с ней предусматривалась через Международное бюро, занимавшееся организацией III Интернационала). Споры возникли по вопросу о названии будущей партии, которые со всей наглядностью продемонстрировали наличие разных точек зрения на характер пролетарской революции на Украине. Из трех вариантов – УКП, РКП на Украине и КПУ (последнее название предложено Н. Скрыпником) – наибольшее число голосов получил компромиссный между «централизмом» и «местной спецификой» третий вариант¹⁰¹.

Но полная независимость одной части партии, пусть даже находящейся формально в другом государстве, грозила развалом единой организации по государственному и национальному признакам. А ведь именно против «развода» партии по национальным «квартирам» так долго и решительно выступал В. Ленин. Стоит вспомнить, хотя бы, его борьбу против Бунда и бундовского подхода к строительству Российской коммунистической партии как федерации национальных партий. К тому же большевики никогда не считали брестские соглашения долговечными. Решения Таганрогской конференции были негативно встречены в ЦК РКП(б), которое, используя недовольство этими решениями многих местных работников, смогло добиться их отмены на состоявшемся в Москве в июле 1918 г. I съезде КП(б)У. И все же, как видно хотя бы из названия съезда, украинская партийная организация была сохранена как обусловленная самим ходом исторических событий.

Между тем и в Москве и на Украине оставалось немало людей не воспринимавших КП(б)У всерьез и считавших ее временным явлением. Прежде всего это относилось к работникам пролетарского Донбасса и Причерноморских регионов, которые всегда сильнее чувствовали свою связь со всей Россией, чем с появившейся на свет Украиной, и не горели желанием признавать украинские власти. С конца января до середины марта 1918 г. в составе РСФСР даже находилась Донецко-Криворожская советская республика, вошедшая в состав Украинской советской республики только 19 марта¹⁰². Донецко-криворожский сепаратизм (с точки зрения украинских государственных образований, советских или несобетских) или приверженность российской государственности и русской культуре (с точки зрения населения этих земель)

ощущались и в дальнейшем. Это, в частности, находило свое выражение в игнорировании партийными организациями Донбасса распоряжений ЦК КП(б)У, в противоречиях с руководством Украинской республики и т.п. Например, когда в 1919 г. Центральный комитет КП(б)У объявил о роспуске областных партийных организаций, Донецко-Криворожский комитет отказался самораспускаться и опротестовал постановление перед единственным, по мнению большевиков Донбасса, настоящим партийным центром – ЦК РКП(б)¹⁰³. Конечно, в основе склок лежало множество разных причин. Но главная крылась в неприятии «Украины», несогласии с курсом на укрепление украинского «промежуточного» политического и партийного центра и нежелании подчиняться ему. И все это также было обусловлено объективными причинами – особенностями национального развития региона и его органическим единством с российским государственным и экономическим организмом.

Имелись в КП(б)У и противоположные точки зрения. Как правило, они присутствовали в организациях, удаленных от промышленных центров. Украинские, местнические настроения чаще отмечались у коммунистов Правобережья, Центральной Украины и Киева (как центра наиболее высокой концентрации мелкобуржуазного мещанства и украинской интеллигенции). Например, в Волинской организации было немало коммунистов «с сильным националистическим уклоном в сторону “самостийности”»¹⁰⁴. Подобные настроения усиливались в ответ на укрепление связей между компартией Украины и РКП(б), Украинской республики с РСФСР.

На VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г. была принята новая программа партии, в которой была утверждена структура взаимоотношений между ЦК РКП(б) и местными организациями. Попытки превратить партию в федерацию национальных партий были отвергнуты. Наличие разных советских республик не означало, что РКП(б) должна строиться на основе федерации самостоятельных коммунистических партий. Съезд высказался за существование «единой централизованной коммунистической партии с единым ЦК, руководящим всей работой партии во всех частях РСФСР». Особо подчеркивалось, что «все решения РКП и ее руководящих учреждений, безусловно, обязательны для всех частей партии, независимо от национального состава». Компартии республик и их центральные комитеты сохранялись. ЦК КП(б)У, указывалось далее, пользуется «правами областных комитетов партии» и целиком подчинен ЦК РКП¹⁰⁵. Права украинской парт-организации были весьма широкими. Она могла иметь собствен-

ные Политбюро, Оргбюро и Секретариат, а также созывать свои съезды (одно время их статус был понижен до Всеукраинских конференций, но вскоре прежний статус был восстановлен)¹⁰⁶.

Но такой статус КП(б)У не удовлетворял те круги в партии, которые стояли на платформе ее полной независимости. Весной 1919 г. два известных украинского коммуниста С. Мазлах и В. Шахрай написали В. Ленину письмо, опубликованное затем в виде брошюры, в котором, по сути, излагали требования строительства нации и национальной государственности. В довольно резкой и язвительной форме, основываясь на провозглашенном праве наций на самоопределение (вспомним слова Р. Люксембург о «подарке» украинским националистами!), они призывали Ленина создать на месте КП(б)У УКП. Их тревожило, что под видом укрепления советской власти идет восстановление России, в которой права наций будут поставлены под сомнение. И далее они ставили вопрос ребром: «либо самостоятельная Украина – тогда должно быть и “свое” правительство и “своя” партия; либо Украина – это “Южная Россия”»¹⁰⁷. И С. Мазлах и В. Шахрай с национальными требованиями выступали не в первый раз. Еще в 1918 г. с некоторыми другими украинскими коммунистами (например, уже упоминавшимся Г. Лапчинским) они вели разговоры о необходимости независимости украинского партийного центра от российской партии¹⁰⁸.

Попытка заставить вождя пролетариата ответить на поставленный вопрос (а по сути, определиться в отношении «Украины») окончилась для В. Шахрая и С. Мазлаха плачевно: они были исключены из партии. Но идея создания независимого партийного центра на этом не исчезла. Уже летом 1919 г. в украинской секции при московской организации РКП(б) (Украина была занята белыми и украинские большевики находились в своеобразной «эмиграции») появилась группа федералистов во главе с уже упоминавшимся Г. Лапчинским. На совещании руководящего состава КП(б)У в Гомеле среди других был затронут вопрос о национальной политике. Группой «федералистов» тогда была подготовлена докладная записка о национальной политике на Украине, поданная осенью в ЦК РКП(б). В ней содержались знакомые утверждения о специфике Украины. Поражение советской власти и занятие Украины добровольцами А. Деникина и петлюровцами «федералисты» объясняли невниманием к национальному вопросу со стороны КП(б)У, проводившей политику «русского центра». Среди практических мер значилось предложение слить компартию Украины с левыми украинскими партиями в единую организацию, которая и должна была взять в свои руки борьбу за восстановление советской власти и руковод-

ство «самостоятельным революционным творчеством» масс. Любая попытка снова распорядиться судьбой украинского народа, указывалось в документе, «неминуемо будет вызывать, как ответ, рост национализма»¹⁰⁹.

Г. Лапчинский и ряд его товарищей также были исключены из партии, но это не помешало Волынской организации избрать его своим делегатом на IV конференцию КП(б)У (март 1920 г.)¹¹⁰. Позже, в мае того же года, со своими сторонниками он перешел в УКП и стал секретарем ее ЦК. IV конференция также подняла вопрос об отношениях между КП(б)У и РКП(б), о роли в партийной жизни местных и приехавших «с Севера» работников и мере их ответственности за допущенные партией ошибки и просчеты. И опять были разные точки зрения, и опять известную роль в становлении местнических настроений играли национальные мотивы. Секретарь ЦК КП(б)У С.В. Косиор указывал, что в ряде организаций складывалось недопустимое положение и приводил в пример упоминавшуюся Волынскую организацию, некоторые ответственные работники которой были замечены в разговорах о том, что «Советская Россия жирует за счет голодных рабочих Украины» и что это ставит последнюю в положение «оккупированной страны»¹¹¹.

Вообще, давление крестьянской стихии и осевшего на селе националистического элемента на местных коммунистов сильно ощущалось в приграничных сельских районах. Секретарь ЦК КП(б)У Д.З. Мануильский, выступая на секретном IV совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей (июнь 1923 г.), упоминал имевшую место в 1921 г. в одном из приграничных с Польшей районов попытку ряда членов партии при помощи зашифрованной переписки вступить в сношения с «враждебными повстанческими элементами». Контакты с подпольем и бандами (вплоть до переговоров), если в этом возникала оперативная необходимость, могли быть установлены, но не в виде самостоятельной инициативы, а в тесном сотрудничестве с ЧК–ГПУ^{2*}. Любые попытки волисполкомов войти в сношения «с главарями» «наших украинских басмачей», как назвал их Д. Мануильский, были недопустимы и жестоко пресека-

^{2*} Например, известный советский разведчик П.А. Судоплатов, успешно работавший против украинской националистической эмиграции и в 1938 г. ликвидировавший главу Организации украинских националистов и Украинской войсковой организации Е. Коновальца, начинал свою деятельность с обеспечения таких неофициальных переговоров между чекистами и руководителями националистического подполья на Волыни. См.: Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 13.

лись. К замеченным в связях с бандами коммунистам была применена высшая мера наказания¹¹².

Пока шла Гражданская война, пока существовала УКП(б), люди, стоявшие на позициях, близких к коммунистическим, но разделявшие подобное отношение к РКП(б), могли переходить и переходили к боротьбистам¹¹³. После окончания войны и самоликвидации УКП(б) такой выход из положения оказался затруднительным, хотя альтернативная партия – УКП – еще имелась. Приток боротьбистов в ряды КП(б)У усилил в ней украинские настроения. «Выходцы» и те большевики, которые имели сходные взгляды на способы разрешения национального вопроса на Украине, своей позицией по ключевым моментам текущей политики и создаваемой атмосферой постоянно оказывали на партию давление. А то, что эти люди часто были заняты на культурном фронте, занимались развитием украинской культуры или были сосредоточены в отдаленных сельских районах, создавало для большевиков дополнительные проблемы.

Подобные настроения могли не облекаться в форму открытых писем или записок с изложением конкретных требований и не приводить к появлению фрондирующих против ЦК групп. На X съезде РКП(б) в 1921 г. создание фракций было запрещено¹¹⁴ и это значительно укрепило единство партийных рядов, воспрепятствовав возможным попыткам появления внутри нее особых «украинских» групп. Но требования создания независимого партийного центра, расширения прав УССР за счет ослабления межреспубликанских связей вполне могли оставаться на уровне некоего идейного течения, при изменении внешне- и внутривнутриполитической ситуации способного расколоть партию и привести к созданию нового партийного центра.

А выходцы из украинских партий как и их единомышленники – большевики чутко реагировали на все, что, по их мнению, угрожало развитию Украины как национального организма. Например, после приема в партию боротьбистов Наркомпрос (кстати, возглавлявшийся бывшим членом этой партии Г. Гринько) усилил свою деятельность и активизировал борьбу с тем, что другой бывший видный боротьбист В. Блакитный называл «неизжитыми традициями упорного общеруссизма»¹¹⁵. По мнению многих влиятельных коммунистов в Политбюро ЦК КП(б)У, этот «уклон в сторону украинизации» «по инерции» завел немного дальше, чем следовало¹¹⁶. Губкомам были отданы распоряжения пересмотреть состав работников просвещения на местах, а сам нарком был снят с этой должности и переведен с повышением на пост председателя Госплана УССР и заместителя председателя СНК УССР.

Забегая вперед заметим, что Гринько сделал самую высокую карьеру из всех национал-коммунистов. Присутствие бывшего боротьбиста на столь высоком в УССР посту расценивалось украинской общественностью как важное достижение украинства. М. Грушевский считал его «представителем украинцев» в Совнарком УССР. В 1926 г. Гринько был переведен в Москву на пост заместителя председателя Госплана СССР, а с 1930 г. стал наркомом финансов СССР. Его переход на союзный уровень также не остался незамеченным. «Гринько убрали в Москву, возвысив его как личность, но уничтожив как украинца»¹¹⁷, – так прокомментировал это событие «гуру» украинского движения.

Новым наркомом просвещения стал В.П. Затонский. После замены наркома, как докладывали И. Сталину члены ЦК КП(б)У, линия была «выправлена». Но в партии имелись люди, расценившие замену Г. Гринько и некоторые другие мероприятия «как результат политики «Москвы», меняющей курс в национальном вопросе. Забеспокоились в основном бывшие боротьбисты, увидевшие в этом, «поход против них» самих¹¹⁸.

Не могло остаться без внимания и такое эпохальное событие, как образование СССР. Несмотря на «явно выраженный общий энтузиазм» партии, не все ее члены (опять же, в основном из бывших «национал-коммунистов») встретили его радостно. Дальше разговоров дело не заходило, но руководство КП(б)У посчитало нужным поставить ЦК РКП(б) о них в известность. Лейтмотивом этих пересудов стало убеждение, что с созданием СССР был взят курс «на ликвидацию Украинской республики»¹¹⁹. Зампред СНК УССР М.В. Фрунзе, выступая на XI Екатеринославской губернской партийной конференции (март 1923 г.) подчеркнул, что идея объединения советских республик в единое федеративное государство не всеми была встречена с «полным сочувствием», и партия не стала исключением. По его мнению, создание СССР не породило «националистические уклоны», а лишь стало поводом к тому, чтобы «такие настроения обнаружили себя»¹²⁰. Причины отсутствия «полного сочувствия» не были новыми: к ним относились не только опасения ущемления прав республик и лишения их инициативы, но и боязнь того, что создание СССР усилит имеющийся в аппарате «централистский уклон», который «может вредно отразиться на обслуживании национальных потребностей и нужд» ранее «угнетенных» народов¹²¹. Впрочем, подобная информация не была откровением для И. Сталина и верхушки ВКП(б). Позиция некоторых членов украинской партийной организации по вопросу о союзном строительстве была хорошо известна.

Наряду с настроениями можно привести случаи публичных выступлений, имевших, что называется, программный характер. Одним из последних стала попытка В. Блакитного и еще нескольких делегатов (например, Вроны) провести на V конференции КП(б)У (ноябрь 1920 г.) свой вариант резолюции. В ней не только «констатировался» возврат к «колониальному управлению» Украиной, оторванность КП(б)У от крестьянства и неспособность ее вовлечь массы в коммунистическое строительство, но и содержался свой вариант преодоления такого положения. Для этого было необходимо, во-первых, отказаться от «российских особенностей психологии» (т.е. великодержавных и общерусских настроений), и во-вторых, что самое главное, устранить среду для их возникновения (как и вообще для русскости) на Украине. Наличие таких настроений в мелкобуржуазной мещанской среде как части старого мира не особенно волновало В. Блакитного и его единомышленников. Их взоры приковывал к себе рабочий класс Украины – класс гегемон, хозяин новой жизни. Если говорить кратко, его следовало украинизировать, «приблизить» национальный облик к украинскому селу, и, тем самым, овладеть украинским процессом¹²². Другими словами, В. Блакитный предлагал перейти к активной украинизаторской политике, имеющей своей целью изменение национального облика населения. Собственно, эти цели ставили перед собой все украинские националисты, просто у В. Блакитного это прозвучало слишком откровенно, без прикрытия коммунистической фразеологией. Требования украинизации рабочих вскоре стали звучать чаще, причем из уст не последних людей в партии, а проблема национального облика рабочего класса Украины в середине 1920-х годов стала настолько острой, что акценты в ней вынужден был расставить лично И. Сталин. Предложенная В. Блакитным резолюция была отвергнута и он снял ее с голосования.

В последующем подобные выступления отдельных членов партии с требованиями внесения корректив в национальную политику или вообще ее полного изменения исчезают до середины десятилетия. Это объясняется не только запретом на фракционную деятельность и начавшимися кампаниями против оппозиций, но и действительной сменой большевиками курса национальной политики. Украинизация, борьба с «великорусским шовинизмом», дальнейшее строительство украинской государственности делали свое дело и устраняли почву для появления подобных настроений.

Украинское национальное движение и республиканская самостоятельность: проблемы взаимовлияния

«Борьба двух культур» и проблемы модернизации. Наличие украински настроенных групп свидетельствовало о том, что большая часть партии придерживалась иных взглядов на проблему. Многие рядовые коммунисты полагали, что не следует «искусственно создавать национальный вопрос» и играть в создание украинской государственности¹²³. Национальный вопрос – вопрос политический и тактический, считали они. Надо развивать экономику, дать крестьянам необходимые товары, заинтересовать их, а не подменять все национальным вопросом. Не украинские вывески и школа, а наличие на селе в достаточном количестве промтоваров должны были, по убеждению этих людей, разрешить национальные проблемы¹²⁴. Конечно, они были безусловно правы, к тому же и крестьянство в основном интересовалось экономической, а не национальной политикой. Налаживание хозяйства было могучим средством укрепления единства страны, наилучшим лекарством против недовольства и сепаратизма. Вот только экономика в первое мирное десятилетие была слишком слаба для того, чтобы только своими силами обеспечить стабильность государства и решение национальных проблем.

Немало противников «искусственного создания» национального вопроса было и в высших эшелонах партии. Например, секретарь ЦК КП(б)У Д. Мануильский в разгар подготовки проекта союзного устройства (сентябрь 1922 г.) в письме И. Сталину указывал, что отсутствие государственного единства республик тормозит развитие страны, и поэтому необходимо отбросить изжившую себя форму взаимоотношений путем «ликвидации самостоятельных республик и замены их широкой реальной автономией»¹²⁵. Понятно, что письмо это было написано «под Сталина» и его план автономизации. Но также несомненно и наличие подобных настроений у значительной части членов КП(б)У. Например, Н. Скрыпник, последовательный оборонец республиканского суверенитета, выступая на IV совещании национальных работников, подчеркивал, что на Украине «имеется еще много таких товарищей, которые и сейчас (в 1923 г. – А.М.) признают ненужность и вредность существования национальных республик»¹²⁶. Д. Мануильский объяснял свои сомнения в целесообразности существования независимых республик тем, что нэп выбил почву «из-под ног политических сепаратистов», украинская интеллиген-

ция политически слаба, и поскольку «украинский мужик «национальным» вопросом не интересуется», то они никакой серьезной оппозиции курсу на интеграцию не смогут предложить¹²⁷. Но такие открыто ликвидаторские (с точки зрения украинской государственности) выступления звучали нечасто. Чаще признавалось, что «национальный вопрос на Украине есть» и «с этим нужно серьезно считаться нашей партией» (из выступления Д. Лебеда на VIII Киевской губернской партийной конференции в марте 1923 г.)¹²⁸ Централистские настроения ограничивались иронией или саботажем украинских республиканских центров (часто даже неосознанным) и стремлением ориентироваться на союзные организации и учреждения.

Еще прозрачнее на XI Екатеринославской губернской партийной конференции (март 1923 г.) выразился М. Фрунзе, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к «единой неделимой России». Отвечая на вопрос об оправданности федеративного устройства Советского Союза как союза равноправных республик, он заметил, что не будь мелкобуржуазной стихии, то и единство СССР было бы прочнее. Необходимость сохранения за республиками партийных центров (не как национальных, а как территориальных комитетов РКП(б)) он объяснял тем, что придется «считаться с необходимостью существования Украинского государства»¹²⁹.

Вынужденность этой меры сознавали многие, но это не означало, что все они принимали украинскую государственность как синоним всеобщей украинизации. Многие деятели партии считали УССР способом организации пролетариата Украины и вовсе не были согласны с тем, что развитие пролетарской революции должно вестись в украинских национальных формах. На этой почве появлялись концепции вполне конкретного характера. Речь идет о так называемой *теории борьбы двух культур*. В предыдущей главе мы познакомились с «украинским» вариантом ее трактовки, озвученной Н. Хвылевым. Хвылевой не был первым, кто заговорил о борьбе украинской и русской культур. Так, в ходе критики его взглядов указывалось, что толчок к их развитию дала «российская» интерпретация этой теории¹³⁰.

Собственно, никакой «теории» на самом деле не было, а была статья секретаря ЦК КП(б)У Д.З. Лебеда, напечатанная перед VII конференцией КП(б)У (начало апреля 1923 г.). В этой статье и в целом ряде его выступлений речь шла о проблемах развития украинского языка и культуры в условиях социалистического строительства, поскольку, как считал ее автор, «огромная часть национального вопроса... сводится к культурно-просветитель-

ской политике и линии партии в этой работе». По этой причине, полагал Д. Лебедь, партия «обязана в украинских условиях проверить, дает ли украинский язык возможность ускорить культурный процесс в украинском народе, особенно в крестьянстве... или он тормозит этот процесс, не помогая овладевать культурой, а затрудняя». И далее он делал вывод, что активная украинизация, особенно украинизация рабочего класса и партии, была бы не только не нужна, но и реакционна, поскольку «национализация, т.е. искусственное насаждение украинского языка... при нынешнем политическом, экономическом и культурном соотношении между городом и деревней», означала бы переход «на точку зрения низшей культуры деревни по сравнению с высокой культурой города»¹³¹.

За этот вывод ухватились критики Д. Лебеда, прежде всего те, кто стояли на украинской национальной платформе. Секретарь ЦК КП(б)У был обвинен в теоретическом обосновании великодержавного уклона, в искажении ленинской национальной политики. Уже на VII партийной конференции М. Фрунзе раскритиковал его «теорию» и сказал, что она «абсолютно неверна и чрезвычайно опасна для судьбы коммунистического движения и судеб революции». «С ней нужно во что бы то ни стало покончить»¹³², — так закончил свое выступление зампред СНК УССР. Еще большие протесты сторонников украинизационной линии вызвало другое положение, а именно констатация Д. Лебедем неизбежности борьбы культур и, естественно, победы одной из них. Как позднее в случае с Н. Хвылевым, это извлеченное из контекста положение, как и вся «теория» в целом, трактовались излишне прямолинейно.

Сам же Дмитрий Захарович хотел сказать о другом. Он исходил из типично коммунистических позиций, считая «вопрос о нации... не целью, а средством «изменения быстроты социалистического строительства»¹³³. Поэтому под «культурой», по его собственным словам, Д. Лебедь подразумевал не только язык и этнографическую специфику, а «культуру — экономику города и культуру — экономику села». В этом контексте и надо было рассматривать борьбу культур как борьбу экономик, столкновение способов производства: передового — промышленного, социалистического, отождествляемого с рабочим городом, и отсталого — вчерашнего, мелкотоварного и мелкобуржуазного, олицетворяемого собственнической деревней¹³⁴.

Естественно, симпатии настоящего коммуниста должны быть на стороне города. А в силу исторических обстоятельств культура города на Украине была русской, а села — украинской, пра-

вильнее сказать, народно-этнографической. Борьба передового и отживающего – явление закономерное и всегда бывшее двигателем истории. Победить должна была культура передовая. Собственно, в условиях модернизационного перехода это волей-неволей диктовали железные законы экономического развития. Но борьба должна была вестись не на «кулаках», не в виде какой-то «русификации» ради самой русификации, а быть экономическим противостоянием старого и нового и заключаться в установлении тесного экономического союза между рабочим классом и крестьянством. Тут то и было необходимо правильно учитывать соотношение сил промышленного города и мелкотоварной деревни и правильно строить национальную политику. В понимании Д. Лебеда таковая должна была оказывать локализирующее и нейтрализующее действие на «политические вредные тенденции мелкобуржуазного засилья»¹³⁵. Вот для этого противодействия национализму, для подчинения крестьянства влиянию рабочего класса и нужно было использовать народный язык и культуру. Но украинский язык должен был служить только средством «проведения советского, пролетарского, коммунистического влияния». Тогда же, когда язык превращался в самоцель, в «средство национализации», а украинизация проводилась «не из сознания, а из чувства», это должно было квалифицироваться как проявление украинского шовинизма и немедленно пресекаться. И вообще, считал Лебедь, следовало не поощрять «шовинистические тенденции» (а «это бывает сплошь и рядом»), а давать отпор выходцам из украинских партий и тем, кто «ударился в украинский шовинизм», когда они говорили, будто «украинская культура лучше русской»¹³⁶.

Предчувствуя возможные обвинения в симпатиях к русификаторству и «единой неделимой», Д. Лебедь называл шовинизмом и другую крайность. Приведем его слова целиком: «Утверждать *сейчас*, что на Украине *уже* можно и должно делать ставку на ассимиляторство, на преобладание русской культуры, как культуры экономики, как культуры техники, а не украинской культуры, как культуры деревни, было бы, несомненно, самым настоящим шовинизмом, а не марксистским разрешением вопроса, независимо от того, какая культура победит в дальнейшем развитии социализма»¹³⁷. (Наиболее важный момент выделен мной. – А.М.).

Если охарактеризовать «теорию» в целом, то можно сказать, что она имела все черты модернизационного проекта в национальной сфере, хотя Д. Лебедь и не считал, что партия должна рассматривать вопросы экономики и национальной политики в смысле их активного синтеза и использования в интересах друг друга ради достижения именно национальных целей. Партия не

должна была помогать русской пролетарской культуре, но это даже не было нужно. Оставить «все как есть» и признать прогрессивность победы города над деревней означало оказать молчаливую поддержку русскости (естественно, в ее интернациональном, пролетарском виде) – ведь социалистическая экономика сделает все сама, и даже подразумевало сочувствие неизбежной победе «русского конкурента». Недаром Д. Лебедь говорил, что такая возможность *пока* не сложилась.

Как покажет недалекое будущее, ряд положений «теории» будет подтвержден практикой. Социалистическая модернизация экономики и общества оказалась связана с русской культурой. В то же время было бы явной натяжкой называть Д. Лебеда каким-то русским националистом и русофилом, каким его пытаются изобразить украинские националисты. Он не мыслил национальными категориями и не утверждение общерусской идентичности или общерусского сознания было его заботой. Эти понятия были после революции непопулярны. Д. Лебедь рассуждал так же, как и большинство российских большевиков, полагавших, что партия не должна искусственно «возрождать» или создавать на пустом месте национальные культуры, пусть «даже пролетарского толка»¹³⁸. Кстати, он не был первым, кто публично высказывал сомнения в целесообразности широкой украинизации. Еще в ноябре 1920 г. Г. Зиновьев, занимавший пост председателя Исполкома Коминтерна, выступая на V конференции КП(б)У, предлагал ограничить употребление украинского языка только селом. «В конце концов, – говорил он, – через ряд лет победит тот язык, который имеет больше корней, более жизненный, более культурный». Но поскольку большевики не могут стоять в стороне от культурных вопросов, они должны «показать украинской деревне, что советская власть ей не помеха говорить и учить своих детей на каком угодно языке»¹³⁹.

Разумеется, воплощение «теории» на практике не прекратило бы процесс строительства украинской нации. Для этого понадобилась бы осознанная, наступательная, рассчитанная на длительную перспективу программа в национальном вопросе, напрямую связанная с программой широкого экономического строительства, и подключение к ее осуществлению всей мощи государственной машины, что в условиях коммунистической России было нереально. Но оно могло значительно затормозить украинское национальное строительство. Этому способствовали бы само экономическое развитие, улучшение хозяйственной ситуации, втягивание села в тесные связи с городом, социальное переустройство общества. И тогда просто бы не возникло вопроса об иной, альтернативной

русской, культуре экономического развития. Но налаживание таких связей было делом непростым и требовало много времени, которого большевики не имели или же считали, что не имели. Союз с крестьянством им требовался немедленно.

К тому же, при осуществлении «политики невмешательства» в действительно имевшее место противостояние культур и национальных мировоззрений все, связанное с украинской культурой, языком и т.п., автоматически было бы отброшено в сторону и отдано на откуп национальному движению. Возможные антибольшевистские выступления, возникнув на почве социально-экономического недовольства, могли приобрести национальную окраску. Допустить этого большевики не могли. Поэтому достаточно реальные и прогрессивные с модернизационной точки зрения, а главное, объективно отражающие истинное положение вещей «теории» «борьбы культур» в российском варианте оказались не нужны и «преданы анафеме». В партии возобладала другая точка зрения на проблему взаимоотношения украинского и русского национальных начал, и решение национального вопроса в 1920-е годы осуществлялось путем повсеместного утверждения украинскости в виде политики украинизации.

Не будем останавливаться на ней подробно и рассматривать ее ход и результаты. Политика украинизации была шире обычной коренизации госаппарата управления и даже создания местных пролетарских кадров, как это было в подлинно национальных республиках. Украинизация означала окончательную победу украинского национального проекта и его утверждение в массах. Под ее крылом окрепло, развернулось и заговорило во весь голос так называемое украинское «культурное возрождение», т.е. разнообразная деятельность национального движения. Оно было бы невозможно или весьма затруднительно без прикрытия официальной политикой поддержки украинского языка и культуры. Но значение политики украинизации для судеб украинского национального строительства состояло еще и в том, что работу на этом фронте повела партия, используя при этом всю мощь государства. И вклад партии в дело строительства украинской нации не меньший (и даже больший), нежели непосредственный вклад в него украинского движения.

Но то, что большевики ограничили себя лишь украинским вариантом национального развития населения УССР, сужало им поле для маневра. Активность беспартийных адептов национального движения, украинские настроения в партии, в которых были замечены не только выходцы из УКП(б) и УКП, сигнализировали о том, что партии не остается ничего иного, как обра-

тить на украинский вопрос более пристальное внимание, использовать его в своих интересах и разбить националистов на их же «поле» их же «оружием». Или в противном случае оказаться перед перспективой длительного противостояния украинскому национализму – до тех пор, пока большевикам не удалось бы установить прочные экономические связи между городом и селом. А учитывая «особенности» экономической политики большевиков и их отношение к селу как к неиссякаемому источнику средств, достичь этого в ближайшей перспективе было бы проблематично.

Фактор государственности и национальный вопрос. Интерпретация большевиками украинского вопроса, равно как и их вклад в строительство украинской нации – предмет для особого исследования. Отметим лишь, что использовать украинский язык и вообще выступать за национальное развитие населения бывшего Юга России в украинском варианте (в известной мере вынуждено) большевики начали еще в ходе Гражданской войны. Уже резолюция ЦК РКП(б) «О Советской власти на Украине», принятая ноябрьским (1919 г.) Пленумом ЦК РКП(б) и утвержденная на VIII Всероссийской партконференции, обязывала членов партии «всеми средствами содействовать устранению препятствий к свободному развитию украинского языка и культуры» и «превратить украинский язык в орудие коммунистического просвещения трудовых масс»¹⁴⁰.

Укрепить советскую власть в пораженной разрухой стране, с неработающими заводами и экстраординарными способами экономической связи города и села (при помощи разверсток и реквизиций) только экономическими средствами было затруднительно. Надо было устранить любые поводы для возбуждения недовольства. Приближение власти и партии к населению, придание им украинского облика, поощрение развития украинской культуры, полагали большевики, стало бы внеэкономическим рычагом установления смычки города и деревни, нейтрализации антисоветской активности интеллигенции. Этот курс выработывался на X, а затем на XII съездах РКП(б).

Укрепление государственных институтов Украинской республики, появление связанных с нею новых социальных групп (см. главу четвертую), а также курс на коренизацию партийного, советского аппарата, профсоюзов, комсомола (бывший и ответом на националистический вызов, и решением национального вопроса в международном масштабе) пробуждал к жизни феномен, который следует назвать *фактором государственности*.

Наличие украинской советской государственности заставляло многих коммунистов, даже не являвшихся националистами, действовать исходя из ее интересов и отстаивать ее права, а тем самым (что, кстати, крайне немаловажно) и свои личные полномочия. А интересы республик не всегда полностью совпадали с интересами центра. Более того, они уже по определению во многом были противоположны, так как и центр, и республики оспаривали одни и те же полномочия. Поскольку республики были построены по национальному принципу, то все конфликты и противоречия между ними и центром могли прикрываться национальным вопросом и трактоваться как противостояние между «ленинским решением национального вопроса» и проявлениями «великодержавных настроений и тенденций».

Украинские настроения в партийной организации питались соками из двух главных корней. Первый «корень» – национальный, в основе которого лежали требования создать такие условия, при которых национальное развитие украинского народа осуществлялось бы наилучшим образом. Национальный момент во главу угла ставили те коммунисты, которые были связаны с украинским движением организационно (как боротьбисты и укаписты) или духовно (как возникавшие в КП(б)У группы). Другим «корнем», дававшим «питательные соки» украинским настроениям, стала государственность Украины, превратившаяся в мощный фактор генерирования местнических тенденций украинского партийно-советского руководства.

Несмотря на внешние различия в проявлениях и мотивации, оба эти фактора были генетически связаны друг с другом и являлись выражениями общего процесса становления украинской нации. Национальный фактор мог выступать основным, например, когда требования укрепления украинской государственности, в том числе республиканского партийного центра, мотивировались необходимостью нормального развития национально-коллектива (это общее для всего движения положение отстаивали украинские левые партии и группы). Национальный фактор мог не примешиваться к фактору государственности, точнее, не служить ему мотивацией. А иногда они могли теснейшим образом переплетаться, взаимно обуславливая друг друга, что, например, ярче всего проявилось в деятельности наркомов просвещения А. Шумского и Н. Скрыпника. Но даже если эта связь не подразумевалась или даже отвергалась на сознательном уровне, борьба за укрепление государственности объективно способствовала скорейшему формированию украинской национальной общности.

Именно наличие государственной структуры, собственных, украинских наркоматов и органов власти, имеющих свои права и интересы, становилось той основой, которая объединяла и националистов, и тех, кто таковыми не являлся. Стремление расширить республиканские полномочия подпитывалось различными теоретическими обоснованиями как идеологического характера (перспективами мировой революции и разрешения национального вопроса в Восточной Европе), так и сугубо практического – удобством и оперативностью решения всех насущных вопросов из местного центра.

Не меньшую роль играло и стремление республиканских руководителей сохранить собственные полномочия. Интересы зарождающейся местной партийно-советской бюрократии начинали связываться с местными же центрами и украинской государственностью. Например (именно например, ибо подобных выступлений на различных партийных форумах можно насчитать десятки) в своем выступлении на V конференции КП(б)У член Политбюро ЦК КП(б)У и председатель Президиума СНХ УССР В.Я. Чубарь указывал, что в основу работы советской федерации должно быть положено «существование Украины как хозяйственной единицы», а за СНК УССР «должна быть обеспечена активная роль в выработке хозяйственного плана»¹⁴¹. Аналогичные требования, теперь уже к работе партийных центров, звучали, скажем, на VIII Киевской губернской партконференции, на которой национальному вопросу уделялось большое внимание. Среди присутствующих оказались недовольные тем, что ЦК РКП(б) в обход ЦК КП(б)У рассылал на места директивы и материалы, касающиеся повседневной работы, требовал от украинских организаций отчетности, вел активную кадровую политику в ущерб, как они полагали, интересам УССР. При этом недовольные указывали, что раз местные центры существуют, им и должны принадлежать реальные права. «КП(б)У – не только простое формальное учреждение, которое существует как какая-то уступка, – говорил один из выступающих, – а это есть орган, практически руководящий нашими местными парторганизациями»¹⁴².

При внимательном изучении конкретных материалов хорошо видно, чем руководствовались сторонники укрепления прав республик: национальными ли мотивами или же они были просто защитниками местных интересов. Вообще, проблема взаимоотношений центра и республик в те годы являлась одной из наиболее сложных и важных проблем, стоящих перед советским руководством. Соотношение республиканского и общесоюзного, борьба за расширение прав республик, конечно, имели непосредственное

отношение к национальному вопросу (ведь республики были национальными и уже само их создание явилось практическим воплощением ленинского способа его разрешения). Подробное освещение борьбы внутри партийно-государственной верхушки УССР за тот или иной вариант взаимоотношений с центром и ее позиция по вопросам государственного строительства СССР может заслонить интересующие нас проблемы идущих снизу процессов национального строительства. Поэтому перипетии взаимоотношений центра с УССР следует оставить в стороне. Но в общих словах сказать о них придется, поскольку позиция, занимаемая определенными кругами в украинском руководстве, даже не будучи продиктованной национальными интересами именно как интересами национального коллектива, создавала благоприятные условия для деятельности украинского движения, использовала его идейные постулаты и давала ему свои. Посему вкратце укажем, по каким вопросам и как позиции лидеров УССР и украинских националистов могли совпадать.

Борьба против централизации ярче всего проявилась во время разработки основ союзного государства и вскоре после его создания, когда встал вопрос о соотношении принципов, на которых оно было построено, с заложенными ранее принципами решения национального вопроса и самостоятельности республик. Опять же подчеркнем, что оценки правильности решения национального вопроса могли не совпадать с оценками и подходами националистов, хотя результат в обоих случаях был один и тот же. Наиболее ярко отстаивание местных интересов не с национальных позиций демонстрировал председатель СНК УССР Христиан Георгиевич Раковский (Станчев), этнический болгарин, который никогда к числу украинских националистов не принадлежал и вообще, по словам Л. Троцкого, был одной из наиболее интернациональных фигур в коммунистическом движении¹⁴³. С его именем обычно связывают особую позицию украинской стороны (вернее, одной из группировок в украинской парторганизации) по вопросу о будущем союзного государства. Выступая на IV совещании (состоявшемся вскоре после XII съезда), в центре внимания которого был национальный вопрос, генеральный секретарь ЦК РКП(б) И. Сталин открыто назвал эту позицию чем-то средним «между конфедерацией и федерацией с перевесом в сторону конфедерации»¹⁴⁴. Действительно, некоторые «товарищи украинцы» (выражение Сталина; помимо Х. Раковского к ним относились Н. Скрыпник, Г. Гринько и ряд других партийных функционеров) пытались перераспределить многие полномочия Союза в пользу республик, при этом отвергая обвинения в стремлении к конфедерализации СССР.

Сам председатель СНК УССР (а в начале 1920-х годов именно глава правительства был центральной фигурой в руководстве и УССР, и СССР; позже реальная власть сосредоточилась в руках главы партии – генерального (или первого) секретаря ЦК¹⁴⁵) в годы Гражданской войны хотя и не поддерживал идею полного слияния Украины с Россией, но выступал за их теснейшее объединение в военной и хозяйственной сфере¹⁴⁶. Но в дальнейшем он изменил свою позицию, выступая против усиления централистской политики Москвы, девизом которой могло служить изречение И. Сталина: «окраины во всем должны, безусловно, подчиняться центру»¹⁴⁷.

Беспокойство за реальное «обеспечение интересов Украины в различных союзных органах», необходимость которого Х. Раковский отстаивал на октябрьском Пленуме ЦК КП(б)У 1922 г. (что нашло отражение в принятой резолюции), было продиктовано у него социальными и внешнеполитическими причинами. Тенденции к подавлению воли республик он считал пережитком психологии «русского буржуазного шовинизма», способного принести «только большие внутренние и международные осложнения»¹⁴⁸. Действительно, внешнеполитическое значение национального вопроса постоянно подчеркивалось большевиками. «Перед нами украинская Галиция с ее украинской литературой, украинской школой, украинскими университетами», – писал М. Равич-Черкасский, выражая мнение значительных кругов партии. Не за горами было время, полагали большевики, когда Галиция соединится с УССР и ее надо будет «переварить» и коммунизировать. Впрочем, настоящим камнем преткновения была вовсе не маленькая Галиция. Красный глобализм мыслил более масштабно. Решение национального вопроса в УССР не только лишало врагов всех мастей возможности играть на украинском национализме, но и создавало «прецедент национального освобождения»¹⁴⁹, который должен был стать примером для других. Объединенная УССР должна была послужить сильнейшим фактором революционного движения среди государств Европы, прежде всего славянских. На том же IV совещании И. Сталин подчеркнул, что от решения национального вопроса на Украине зависят дальнейшие судьбы коммунистической революции, а для этого надо превратить УССР «в образцовую, ввиду ее громадного значения для народов Запада», республику¹⁵⁰.

Внутренние причины – это создание предпосылок для ее превращения в образцовую республику, что невозможно было сделать, не ликвидировав националистическое подполье и бандитизм. Но еще больше тревожила Х. Раковского растущая бюро-

кратизация партии, «бюрократический» подход к управлению государством, когда политические соображения, интересы революции подменялись «канцелярским удобством» управления государством¹⁵¹. Вообще, влияние внутривнутрипартийной борьбы в РКП–ВКП на политическое развитие УССР и на ее становление как национальной республики изучено пока недостаточно. На самом деле, политическая позиция Раковского определялась не столько интересами Украины, сколько противостоянием в руководстве СССР и его личными политическими убеждениями.

До революции Христиан Раковский был типичным профессиональным революционером и «гражданином мира», для которого не существовало ни политических, ни национальных границ. Он активно работал в болгарской, румынской, французской, швейцарской и российской социал-демократических партиях. Имел Раковский и тесные контакты с небезызвестным Парвусом и наиболее последовательным сторонником мировой революции и европейской интеграции Л. Троцким. В дальнейшем Раковский стал одним из главных единомышленников и соратников последнего. Ходом схватки Л.Д. Троцкого с правящей тройкой – Г.Е. Зиновьевым, Л.Б. Каменевым, И.В. Сталиным – и объясняется антибюрократизм Раковского. Дело в том, что лозунг «борьбы за демократию» и «очищение» коммунистической идеи от власти аппарата стал знаменем, под которым Троцкий попытался отстранить от власти триумvirат и единолично встать во главе партии и страны^{3*}.

Всей предыдущей деятельностью и мировоззрением Раковского, его нацеленностью на мировую революцию и было обусловлено его видение будущего СССР и того места, которое должна была в нем занимать Украинская республика. Из этих позиций исходил он, участвуя в выработке принципов союзных отношений.

На XII съезде РКП(б) именно Х. Раковский выступал наиболее резко против распространенной среди партийцев точки зрения на образование СССР как на начало ликвидации республик и отношения к национальным республикам как к «стратегиче-

^{3*} Крайне авторитарный человек, сторонник сверхцентрализации и приказного регулирования не только экономики, но и жизни общества («патриарх бюрократов», по словам Сталина), Троцкий вдруг резко изменил свою прежнюю позицию. Требования «демократии» служили для него стратегическим маневром, нацеленным не на преобразование страны или положения трудящихся, а на смену руководства партии, благовидным прикрытием государственного (троцкистского) переворота, вероятность которого в октябре–декабре 1923 г. была весьма высокой.

ской», «дипломатической игре». Не болея специально, как он сам про себя говорил, судьбами Украины, председатель СНК УССР тревожился, что в повседневной жизни все больше начинает ощущаться расхождение между программой партии и интересами государственного аппарата, являющегося носителем «ведомственной, аппаратной, бюрократической» психологии, все сильнее проникающей и в партию¹⁵². Поскольку бюрократия была союзной, то и господствовали в ней централистские и великодержавные настроения. Усиление централистских тенденций в союзном аппарате (да и у многих товарищей на местах), по убеждению Х. Раковского и его единомышленников, приводило к столкновению союзных и республиканских интересов и затиранию последних, а значит, и к искажению линии в национальном вопросе. Таковой не был для Раковского самоцелью (и в этом было главное отличие его позиции от позиции националистов), но, как он утверждал, значение имел огромное, так как от его разрешения зависели перспективы развития революции и судьбы партии¹⁵³.

Коммунисты становятся «ведомственными людьми» – обронил в своем выступлении на XII съезде Х. Раковский. В этой фразе – точная характеристика процесса укрепления фактора государственности и его влияния на формирование психологии и поведения союзной (а если смотреть шире, то, конечно же, и республиканской) бюрократии. В ней и признание того, что наметилась тенденция ставить «объективные» интересы Союза и республик (как государственных единиц) выше «субъективных» (в данном случае доктринально-идеологических)¹⁵⁴. Отметим, что в дальнейшем подспудное или явное противостояние факторов государственности (союзной–«российской» с одной стороны и республиканской–«украинской», с другой) стало неизменным, если не решающим, моментом в развитии украинско-российских отношений. Дело заключалось еще и в том, какой идеологией прикрывалось это противостояние, тормозилось ли оно ею или наоборот, поддерживалось, и какая государственность оказывалась сильнее и притягательнее...

Раковский полагал, что перспективы революции требуют проведения «правильной» национальной политики, т.е. «перекачивания» суверенитета из центра в республики. «Союзное строительство пошло по неправильному пути», считал он, поэтому для устранения бюрократизации «нужно отнять от союзных комиссаров девять десятых их прав и передать их национальным республикам»¹⁵⁵. Он предлагал оставить в ведении Союза «общие планы и директивы», а оперативное управление передать наркоматам республик, сделав их подотчетными республиканским ЦК

и СНК¹⁵⁶. Самостоятельности республик должно было способствовать сохранение за ними наркоматов иностранных дел и внешней торговли, для чего те надлежало перевести из слитных в объединенные (директивные)¹⁵⁷.

Споры велись также во вопросу о структуре Президиума ЦИК СССР, являвшегося носителем высшей власти в стране в перерывах между съездами. Единомышленники Х. Раковского (активно этого добивался, скажем, Н. Скрыпник) настаивали на разделении ЦИК на две палаты со своими президиумами, хотя и составляющими единый ЦИК, но действующими самостоятельно¹⁵⁸. Интересы республик должен был отстаивать Совет национальностей. Но эти предложения, особенно в условиях набиравшей силу борьбы триумvirата с Троцким, были обречены на провал. На XII съезде и IV совещании позиция Раковского была подвергнута уничижительной критике. Сталин прямо заявил: «Мы создаем не конфедерацию, а федерацию республик, одно союзное государство», тогда, как скажем, отсутствие единого президиума – «носителя верховной власти в промежутках между сессиями» – фактически сводило союзную власть «к фикции»¹⁵⁹.

В сфере внимания сторонников широких республиканских полномочий находились не только политические институты, но и экономика. На том же Совещании, секретный статус которого позволял открыто говорить о том, что широким массам знать было не нужно, председатель Госплана УССР Г. Гринько выступил против сложившейся явочным порядком формулы: «распространяется на весь Союз». Речь шла о вмешательстве ЦИК СССР в компетенцию ВУЦИК и прочих «выступлениях и прегрешениях центральной власти»¹⁶⁰. Игнорирование Украины как цельного хозяйственного организма, необходимость которого для «товарищей украинцев» была очевидна и самоценна, требовала, как полагал Г. Гринько, юридического закрепления ее «хозяйственных и конституционных прав». Украинская республика должна была «полностью и реально» обладать правами «хозяйственной инициативы»¹⁶¹. Не один Гринько выступал с позиций независимости украинского хозяйственного организма. Тот же Х. Раковский настаивал на необходимости дать «республикам гораздо больше прав в финансовом хозяйстве и большую инициативу в распределении... кредитов», например, сельскохозяйственного¹⁶².

Реакция на любой шаг центра носила, порой, болезненный характер. Во всем виделось покушение на республиканский суверенитет. Нередко доходило до крайности, и слова Ленина о создании действительного равенства республик (и языков, культур) путем сознательного помещения бывшей «угнетающей» нации в за-

ведомо неравное положение, понимались буквально, а любые попытки если и не пересмотреть подход в целом, то во всяком случае устранить некоторые возникающие при этом перегибы, расценивались как наступление великодержавного шовинизма. Даже сам председатель СНК СССР А.И. Рыков на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) (июль–август 1927 г.) был вынужден заявить, что из всех союзных республик самой отсталой по оплате культработников является РСФСР. Наиболее передовыми в этом отношении были УССР и Закавказье. Но попытка выровнять положение, т.е. поднять зарплату учителям в России, была расценена украинскими товарищами как великодержавный шовинизм. «Было правильно, – иронично замечал А. Рыков, – когда в Тамбовской губернии получали на 40–50 рублей меньше, это было в интересах национального самоопределения, а когда получают на 2–3 рубля больше, то это великорусский шовинизм»¹⁶³.

В основе борьбы за права республик в экономической сфере, как и за их права вообще, лежало известное положение о «специфике» и «особенностях» украинских условий. Чем бы ни была продиктована борьба украинского руководства за расширение республиканских полномочий, она полностью отвечала интересам украинских националистов, так как объективно была направлена на строительство национальной государственности и, косвенно, на развитие национального коллектива. К тому же, противостояние центру выглядело как традиционное для националистов противостояние России и русскости. Речи «оборонцев» республиканских прав чуть ли не слово в слово совпадали с тем, что говорили по тому же самому поводу настоящие националисты. На заложенном выступлениями партийных руководителей УССР «фундаменте» чуть позже появились теории М. Волобуева, Н. Хвылевого, повторявшие (может, чуть резче) их основные моменты.

Постепенный переход власти от советских органов к партийным позволил Сталину, используя партийную дисциплину и опираясь на противников Троцкого и Раковского в парторганизации Украины, изолировать последнего. Если перед XII съездом РКП(б) председатель СНК УССР мог выступать от имени партийной организации Украины (позиция Раковского обсуждалась на VII Всеукраинской конференции), то после съезда Сталин уже имел прочную опору в лице большинства Политбюро ЦК КП(б)У. Х. Раковского без его ведома назначили полпредом в Великобританию и убрали из страны.

С устранением Х. Раковского от украинских дел местнические настроения и борьба за расширение республиканских полно-

мочий не прекратились и даже приобрели более выраженную национальную подкладку. Роль выразителя этих тенденций постепенно переходила к фигуре наркома просвещения, имевшего широкие полномочия в области образования и культуры, а главное, отвечавшего за проведение политики украинизации – т.е. за решение национального вопроса и превращение Украины в «образцовую республику» в целом. Борьба за тот или иной юридически оговоренный вариант союзного устройства завершилась поражением сторонников большей республиканской самостоятельности. Но состязание союзного и республиканского вовсе необязательно должно было вестись за те или иные юридические позиции. Перераспределять полномочия можно было и внутри существующей системы, тем более, что права республик не были такими уж маленькими.

И кроме того, важно было грамотно обосновать неудовольствие «затирианием» прав республик. Х. Раковский, вслед за Л. Троцким, обосновывал это необходимостью бороться с растущим бюрократизмом центрального аппарата (и как подразумевалось, с самим Сталиным). В условиях жесткой внутривнутрипартийной борьбы этого простить ему не могли. Если же неудовольствие было прикрыто иными мотивами, например, национальными или хозяйственными, оно имело больше шансов на успех, так как полностью соответствовало духу и букве XII съезда, предусматривавших всестороннюю помощь республикам и их национальному развитию. Под этим флагом и проходило в дальнейшем противостояние центру, причем национальное часто приобретало довлеющее значение, а нередко и являлось побудительным мотивом этого противостояния.

«Шумскизм» и борьба с ним. Присутствие в КП(б)У выходцев из украинских партий и курс на украинизацию усиливал в ней украинские настроения и сближал украински настроенных партийцев с беспартийной национальной интеллигенцией. Затруднения, которые украинизация встречала на своем пути, становились лишь новым поводом к их совместным действиям против подлинных и мнимых проявлений великодержавных настроений. Сближение позиций и единство целей и средств (пусть и тактическое) начало отчетливо проявляться в середине десятилетия в ходе литературной дискуссии. Но сами по себе «хвелевизм» и «волобуевщина» не могли бы стать серьезным фактором общественной жизни и остались бы просто «контрреволюционными вылазками», если бы не находили поддержку и источник легитимации в партии, в деятельности наркомов просвещения. Именно в работе Наркомпроса УССР, сосредоточившего большое идейное и фак-

тическое влияние на жизнь республики, проявилась тенденция совмещения национального фактора с фактором государственности. Наркомпрос УССР стал точкой пересечения действия официальной украинизации и украинизации «низовой», идущей от национального движения.

К середине десятилетия политика украинизации столкнулась с двумя, на первый взгляд, взаимоисключающими трудностями. Если коренизация партийного, советского аппарата, комсомола (т.е. увеличение в нем доли украинцев) протекала успешно, то их украинизация (т.е. перевод их деятельности на украинский язык) шла довольно вяло, встречая сопротивление работников аппарата. В то же время украинизация в народном образовании, сфере культуры шла высокими темпами и проводилась преимущественно руками национальной интеллигенции. Переход инициативы в культурно-национальном строительстве в руки элементов, именуемых большевиками «шовинистическими», «петлюровскими», «антисоветскими», создавал реальную угрозу отрыва партии и советской власти от масс и воспитания последних в националистическом духе. Отказ большевиков от иных, альтернативных вариантов национального развития для населения Украины, и следование в русле ленинской доктрины разрешения национального вопроса, не оставляли им иного выхода, кроме как усилить украинизацию партии и госаппарата с тем, чтобы перехватить инициативу из рук украинской интеллигенции. Это можно было сделать только наполнив строящуюся национальную по форме украинскую культуру социалистическим содержанием, т.е. повести украинизацию ради совершенно иных целей – не ради ее самой, а ради укрепления пролетарской составляющей украинской культуры.

Увеличение темпов украинизации, а также борьба против «буржуазного национализма» были связаны с именем секретаря ЦК РКП(б) Лазаря Моисеевича Кагановича, в апреле 1925 г. направленного на работу на Украину. Назначение Л. Кагановича на пост генерального секретаря КП(б)У (этот пост был введен специально «под него») преследовало ряд задач. Основной задачей нового руководителя парторганизации Украины стало очищение ее рядов от троцкистско-зиновьевских оппозиционеров, укрепление и превращение в надежную опору Сталина. Предыдущий глава – первый секретарь ЦК КП(б)У Э.И. Квиринг – был надежным союзником Сталина во время борьбы с Троцким и немало сделал для отстранения от управления республикой вождя украинских троцкистов Раковского. Однако затем он был уличен в переговорах с вождем новой левой оппозиции – Г.Е. Зиновьевым, утратил

доверие и был заменен проверенным Кагановичем¹⁶⁴. И новый руководитель украинской парторганизации полностью оправдал доверие своего «шефа». Л. Каганович был человеком «со стороны», от КП(б)У не зависел и подчинялся лично генеральному секретарю ЦК РКП(б). Усиление веса и значения КП(б)У выразилось не только в учреждении поста генерального секретаря ее ЦК, но и в повышении ее статуса в целом – всеукраинские конференции вновь стали называться съездами¹⁶⁵. Превращение украинской парторганизации в опору ЦК требовало укрепления в ней дисциплины и беспрекословного подчинения. Поскольку Украина являлась национальной республикой, а национальный вопрос очень живо в ней дискутировался, то одним из неперемennых условий этого стала борьба с любыми подходами, расходящимися с проводимым курсом: как с сопротивлением украинизации^{4*}, так и с украинскими настроениями, со стремлением трактовать украинизацию как самоценную вещь. Борьба за овладение украинским культурным процессом стала другой важной задачей генсека КП(б)У.

Л. Каганович взялся за дело со свойственной ему энергичностью. Созданная под его руководством комиссия Политбюро ЦК КП(б)У по украинизации повела работу ускоренными темпами. И действительно, административные методы принесли свои результаты. Например, в 1926 г. делопроизводство в УССР было украинизировано на 65%, тогда как в начале 1925 г. – только на 20%, столь же активно велась украинизация образования¹⁶⁶. Вместе с тем методы, а главное, заданная идеологическая направленность новой украинизации «по-сталински» вызвала недовольство у наркома просвещения УССР А.Я. Шумского, которое вскоре переросло в открытое противостояние Кагановичу. В ходе этого противостояния выявились истинное отношение сторон к украинскому вопросу.

Бывший боротьбист Александр Яковлевич Шумский в 1924 г. был назначен на пост наркома просвещения для того, чтобы способствовать усилению украинизации. «Пора положить конец топтанию на месте в вопросе об украинизации», – заявил он на апрельском (1925 г.) Пленуме ЦК КП(б)У. Он говорил, что украини-

^{4*} Никто иной, как «российский шовинист» Д. Лебедь советовал Кагановичу взяться за дело по-большевистски и преодолеть это сопротивление следующим образом: «Нам, очевидно, придется... выделить несколько наиболее злобных случаев бюрократизма, волокиты, сопротивления и использовать для специального какого-нибудь судебного или иного процесса (! – А.М.), чтобы тем самым, взять тон в деле украинизации» (РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 120. Л. 4–5).

зация – это не превращение кого-либо в украинскую национальность¹⁶⁷. На практике же его политика сводилась именно к этому.

Каганович же свою задачу видел в том, чтобы «учитывать политические перспективы» и бдительно следить за тем, «куда идет украинизация, гарантируя ее направление в сторону укрепления диктатуры пролетариата»¹⁶⁸. Как и его «шеф», он понимал, что развитие украинской культуры и нациостроительство зашли далеко и под прикрытием официальной политики все больше начинают развиваться в националистическом духе, естественно, с перманентно присущим этому процессу идейным и организационным противостоянием России и всему русскому, которые вольно или невольно ассоциировались с СССР и большевизмом. (Именно для того, чтобы разрушить это далеко не верное представление о тождественности русского и большевистского, и проводилась политика коренизации.) Между тем та же литературная дискуссия показала, что национально-культурные процессы, как и сама украинизация, из чисто культурной сферы перемещались в идеологическую. Поэтому придание украинизации «направления в сторону укрепления диктатуры пролетариата» было немыслимо без победы над ее националистической трактовкой на идеологическом фронте. Носителями таковой являлись национальная интеллигенция и те круги в партии, которые считали украинизацию явлением более широким, нежели средством по укреплению диктатуры пролетариата, и во главу угла ставили интересы «национального возрождения» «ранее угнетенного народа».

Шумский тоже был сторонником форсирования украинизации, но именно с позиций восстановления «исторической справедливости». В своем противостоянии Кагановичу он начал апеллировать к Сталину. В октябре 1925 и в апреле 1926 г. он поднимал вопрос о замене Л. Кагановича на посту генерального секретаря КП(б)У В. Чубарем, обвиняя его в формально-аппаратной украинизации, из-за которой создавалось положение, при котором «рост украинской культуры и украинской интеллигенции идет быстрым темпом», а партия Украины от него отстает и может упустить это движение, если не возьмет его в свои руки¹⁶⁹.

Вину за отставание партии А. Шумский возлагал на Л. Кагановича, чьи личные качества и методы работы (авантюры, карьеризм, «метод организационного нажима», «оттирания высших советских учреждений и руководителей этих учреждений» от реального управления (вот они – личные полномочия! – А.М.) не соответствовали, как он считал, потребностям КП(б)У¹⁷⁰. Но не только Л. Каганович виделся «злым гением» украинизации. Он был лишь верхушкой айсберга, название которому, как можно

понять из слов наркома просвещения, предательство национальных интересов украинского народа компартией Украины и особенно коммунистами – украинцами. Собственно, по глубокому убеждению А. Шумского, этнические украинцы–коммунисты – делились на две неравные группы. Одна – это настоящие украинцы, с болью отзывающиеся на то угнетенное «колониальное» положение, в котором находился (а если продолжить его мысль, и остается до сих пор, потому что СССР не стала подлинно самостоятельным государством) украинский народ. Но «они в партии забиты, загнаны и составляют меньшинство даже арифметическое, не говоря уже о влиянии». И происходит это «потому, что в партии господствует русский коммунист, с подозрительностью и недружелюбием, чтобы не сказать крепче, относящийся к коммунисту – украинцу». Русский коммунист–господин (а в эту категорию попадали не только великороссы, но также обрусевшие инородцы и евреи, как Каганович) правил не сам, а «опираясь на презренный, шкурнический тип малоросса, который во все исторические эпохи был одинаково беспринципно-лицемерен, рабски-двоедушен и предательски подхалимен. Он сейчас щеголяет своим лжеинтернационализмом, бравивирует своим безразличным отношением ко всему украинскому и готов всегда оплевать его (может, иногда и по-украински), если это дает возможность выслужиться и получить теплое местечко»¹⁷¹.

Именно в этой неукраинской, малороссийской психологии усматривал Шумский причины трудностей, с которыми пришлось сталкиваться украинизации («идет туго»¹⁷²), а СССР из-за них же не могла превратиться в подлинно самостоятельную советскую республику. Как можно убедиться, коммунист, нарком просвещения СССР слово в слово повторял то, что думали и говорили в своем кругу о большевистском режиме, о характере партии украинские националисты в эмиграции и внутри страны. На существующую действительность Шумский смотрел с позиции украинского националиста, сторонника и участника реализации украинского национального проекта. Главное препятствие – это русскость (и свои «шкуры» – «малороссы») и партия как ее современный носитель (пусть и формальный, внациональный). Таким образом, бывший боротьбист Шумский, еще в 1920 г. называвший Красную армию оккупационной силой¹⁷³, не только не отказался от своих прежних эсеровско-боротьбистских взглядов, но и считал ту позицию, которую он занимал до момента вступления в КП(б)У, правильной. «Партия должна стать украинской и по языку, и по культуре»¹⁷⁴, – считал он. Строительство Украины надо вырвать из рук малороссов и тех, кто «не привлекает к руковод-

ству партийной и профсоюзной работой коммунистов, непосредственно связанных с украинской культурой», и передать его тем людям, которые «верят в дело украинской культуры... знают и хотят знать эту культуру, которые поддерживают и могут поддерживать нарастающее движение за украинскую культуру». А для этого, считал нарком просвещения, надо было самыми решительными темпами проводить украинизацию «в партии и среди пролетариата»¹⁷⁵.

Конфликт внутри КП(б)У сразу же привлек внимание противников Страны Советов. За ситуацией внимательно следила украинская общественность, а эмиграция восприняла конфликт с воодушевлением, посчитав его началом долгожданного перерождения партии в защитницу украинских интересов. Например, один из столпов эмиграции Н. Шаповал в газете «Нова Україна» (ноябрь 1927 г.) советовал украинским коммунистам «увеличить влияние украинской националистической оппозиции... вести себя так, чтобы оппозицию считали выразителем интересов украинских рабочих и крестьян». «Тех коммунистов-украинцев, которые подлизываются к Москве», увещевал Шаповал, «нужно взять под бойкот, как изменников... и презренных малоросов»¹⁷⁶ (бросается в глаза прямое заимствование из слов А. Шумского). Эмигрантская и западноукраинская пресса продолжала симпатизировать А. Шумскому, а затем Н. Хвылеву и М. Волобуеву, одобряя их борьбу против «москвофильских коммунистических коммивояжеров» и «империалистов»¹⁷⁷. Естественно, настроения эмиграции не могли остаться незамеченными и оказывали влияние на реакцию большевиков, как и на всю идеологическую борьбу на «украинском фронте».

Ситуация, между тем, требовала разрешения. Сталин ответил на претензии Шумского в свойственном ему духе, формально признав их правильными, фактически же указав на недопустимость проводимой наркомом линии. В своем письме «Тов. Кагановичу и другим членам ПБ ЦК КП(б)У» генсек согласился с необходимостью перелома психологии советских и партийных работников, недооценивающих серьезность украинизации и скептически к ней относящихся, высказался за правильный подбор и создание кадров, «способных овладеть новым движением на Украине» Но тут же указал на недопустимость передачи руководства национально-культурным строительством «в руки чужих нам элементов»¹⁷⁸.

Он охладил пыл украинизаторов вроде Шумского, сказав, что украинизация – «процесс долгий, стихийный, естественный» и искусственно форсировать ее темпы нельзя. Ошибка Шумского, неторопливо пояснял Сталин, заключалась в том, что он неправиль-

но понимал украинизацию и не учитывал опасность, исходящую от чрезмерного потворствования национальному движению. Кадры коммунистов были слабыми, а украинизация «сплошь и рядом» возглавлялась «некоммунистической интеллигенцией». Все это могло «принять местами характер борьбы за отчужденность украинской культуры и украинской общественности от культуры и общественности общесоюзной, характер борьбы против «Москвы» вообще, против русских вообще, против русской культуры и ее высшего достижения – ленинизма»¹⁷⁹. А такая опасность на Украине, по мнению вождя, становилась «все более и более реальной». Сталин ссылаясь на «некоторых украинских коммунистов», например, Н. Хвылевого. «Только в борьбе с такими крайностями можно превратить поднимающуюся украинскую культуру и украинскую общественность в культуру и общественность советскую»¹⁸⁰. Сталин ненавязчиво, но твердо отверг и требования Шумского форсировать темп «украинизации» партийной верхушки КП(б)У и очистить ее от «малороссов».

После такого ответа позиции наркома просвещения резко пошатнулись. Вопрос о А. Шумском (а затем и об олицетворяемом им уклоне в национальном вопросе от линии партии) начал широко обсуждаться на различных партийных форумах, например, на июньском (1926 г.) Пленуме и на заседаниях Политбюро ЦК КП(б)У. А. Шумский был вынужден признать ошибочность постановки вопроса об устранении Л. Кагановича с поста генсека, полномочия которого, кстати, были подтверждены пленумом. В феврале 1927 г. украинское ПБ, разбирая вопрос о состоянии народного образования, подвергло работу Наркомпроса резкой критике, отметив «неправильность линии» при проведении национальной политики, бессистемное руководство украинизацией и ослабление в Наркомате партийного руководства. Успехи в деле украинизации Каганович объявил заслугой партии (и, тем самым, самого себя), а не соратников Шумского. «Меньше всего в этом заслуга Наркомпроса, который не сумел охватить и руководить этим процессом, шедшим мимо Наркомпроса». Шумский, которому все чаще приходилось объясняться и оправдываться, вынужден был согласиться, что «динамикой происходящего общественного процесса строительства украинской культуры» он не овладел¹⁸¹. В конечном счете, Шумский был освобожден с поста наркома и отозван из Украины. В феврале–марте 1927 г. на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК КП(б)У его поведение было уже охарактеризовано как «национальный уклон» от линии партии¹⁸². И борьба против уклона Шумского, получившего название «шумскизма», пошла по нарастающей. Уже мартовский (1928 г.) Пленум

назвал «шумскизм» одной из разновидностей украинского фашизма¹⁸³.

Отношение «украинских» кругов к оппозиции Шумского и Хвылевого было неоднозначным и диапазон оценок, как указывалось в составленной аналитиками ГПУ «Записке об оживлении украинской контрреволюции», был чрезвычайно широким. «Правые» круги отнеслись к ней недоверчиво, подозревая, что это «ничто иное, как блеф, как грандиозная провокация, направленная к выявлению тех групп и лиц, которые пойдут за Шумским и Хвылевым». Но, не разделяя их взглядов, они в то же время усматривали в ней «защиту интересов украинцев». «Левые» круги, в целом разделявшие платформу Шумского и Хвылевого, были довольны появлением этого «знаменательного проявления» украинского национализма «внутри самой партии» как фактора, способствующего «развитию украинской самостийнической идеологии и деятельности». Но и те, и другие были неприятно встревожены тем, что в партии проводится «борьба с украинцами», а «проявление инициативы в украинском направлении кончается ссылкой»¹⁸⁴.

Развенчание национального уклона в КП(б)У велось параллельно с развенчанием «хвылевизма», а потом и «волобуевщины», которые имели общие с «шумскизмом» корни. Утверждалось, что проявления «шумскизма» в культуре и экономике стали возможными благодаря позиции А. Шумского, прикрывавшего и даже защищавшего их (позже аналогичные обвинения падают на нового наркома просвещения Н. Скрыпника, в то время активного борца с «шумскизмом»). Скрыпник, в частности, обрушился на Шумского за его отношение к ВАПЛИТЕ, к творчеству Н. Хвылевого, и ту позицию, которую он занимал в ходе литературной дискуссии. На майском (1926 г.) Пленуме Шумский прямо заявил, что «согласен с основной мыслью т. Хвылевого о том, какими путями должна развиваться украинская литература и какими материалами она должна питаться». Не согласен он был лишь «с той формой, в которую облакает Хвылевой свою правильную мысль». А ведь именно нарком просвещения во многом определял линию, по которой шло развитие литературы (в частности, он редактировал известный журнал «Червоний шлях», где печатались Хвылевой и его единомышленники). Шумский обвинялся в потворстве и покровительстве Н. Хвылевому¹⁸⁵, т.е. в оправдании теории борьбы культур в ее украинском варианте и приоритетности ориентации молодой украинской культуры на западные образцы. Действительно, бывший нарком полагал (и не без основания), что в УССР продолжается борьба двух культур «за аудито-

рию... за рынок сбыта продукции своего труда»¹⁸⁶, но, формально порицая и русскую, и украинскую интеллигенцию, он всецело был на стороне последней, называя ее борьбу «борьбой за права», да «и сам являлся... сторонником и представителем» теории «борьбы культур»¹⁸⁷.

Между тем июньский (1926 г.) Пленум решительно осудил Н. Хвылевого и вместе с ним «шумскизм» и «хвылевизм». «Такие лозунги, – говорилось в резолюции Пленума, – могут только служить знаменем для растущей на почве НЭПА украинской мелкой буржуазии, которая возрождение нации понимает как буржуазную реставрацию, а под ориентацией на Европу... подразумевает ориентацию на Европу капиталистическую – отмежевание от цитадели международной революции, столицы СССР – Москвы»¹⁸⁸. Каяться в ошибках пришлось и Хвылевому.

Особое место в критике национального уклона занимали проблемы украинизации рабочего класса, прежде всего его русской и русскоязычной части. О недопустимости форсирования темпов в этом вопросе весьма резко высказался И. Сталин. Признав, что состав пролетариата будет постепенно меняться, украинизироваться, он отверг попытки украинизировать его «сверху». «Нельзя заставить русские рабочие массы отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком – украинский, поскольку это противоречит принципу свободного развития национальностей», – предостерегал Сталин, напоминая, что это может лишь спровоцировать рост антиукраинского шовинизма¹⁸⁹. Пролетариат считался и являлся опорой советской власти и активностью, с которой украинская интеллигенция старалась украинизировать его ради завоевания украинского культурного процесса или ради превращения его в украинский по виду и по духу (конечный результат был бы одним), вызывала обеспокоенность у советского руководства. В заявлении ЦК КП(б)У о сути шовинизма на Украине, направленном в адрес Исполкома Коминтерна (1927 г.), в разделе об украинском уклоне вопрос об украинизации рабочего класса стоял на первом месте. Там же говорилось, что национальный уклон в КП(б)У проявлялся в недооценке и непонимании роли рабочего класса и компартии (якобы не желающих строить Украину и не делающих этого) в разрешении национального вопроса на Украине, в бюрократическом и националистическом подходе к темпам (форсированным) и форме приобщения неукраинской части рабочего класса к украинской культуре и в стремлении насильственно украинизировать русских и прочих рабочих – неукраинцев.

Далее следовали пункты, в которые были сведены взгляды на партию всех ее критиков в национальном вопросе, начиная с украинских эсеров и эсдеков и заканчивая позицией А. Шумского. Уклон проявлялся в неверии в силы и способность партии проводить национальную политику; в стремлении подорвать доверие к партийным кадрам (к русским и назначенным из других республик – намек на Л. Кагановича); в представлении о партии как об организации – носительнице русского шовинизма, в которой угнетаются коммунисты–украинцы; в травле украинских товарищей, проводящих правильную линию, и потому квалифицируемых как изменники, ренегаты, «презренные малороссы». И, наконец, перебрасывался мостик между критикой партии и шовинизмом в вопросах строительства украинской культуры, заключавшемся в поддержке проповеди ориентации украинской культуры на капиталистическую Европу в противовес Москве¹⁹⁰.

Но не стоит усматривать в борьбе с «шумскизмом–хвылевизмом» исключительно гонения на «национально-сознательных ведьм». Начавшаяся кампания подогревалась и корректировалась расстановкой сил в руководстве страны. Вполне правомерно утверждение российской исследовательницы Е.Ю. Борисёнок о том, что «украинизационную политику большевиков следует рассматривать в контексте партийно-политической борьбы в РКП(б)–ВКП(б)»¹⁹¹. События 1926 г. не были исключением. Левая оппозиция во главе с Г. Зиновьевым и Л. Каменевым активно эксплуатировала национальный вопрос, стремясь заручиться поддержкой мощной украинской партийной организации. В апреле 1926 г. на сессии ЦИК СССР, на котором правительство УССР отчитывалось о проделанной работе, с критикой в его адрес «за крайности украинизации», проявления «зоологического русофобства», притеснения русского и русскоязычного населения и русского языка, выступил известный коммунист Ю. Ларин (Лурье)¹⁹². В двух номерах журнала «Большевик» была также помещена его статья, в которой говорилось, что «местные партийные и государственные органы перегнули палку» в проведении украинизации¹⁹³. Выступление Ю. Ларина не нашло поддержки у большинства участников сессии, но сигнализировало об отношении определенных кругов партии к состоянию дел на Украине. Недовольство украинизацией звучало и из уст вождей партийной оппозиции. Например, Г. Зиновьев, выступая на заседании Президиума ЦКК (июнь 1927 г.), назвал национальную политику И. Сталина «архибеспринципной», приведя в качестве примера Украину, где «такая» украинизация «помогает петлюровщине, а настоящему шовинизму отпора нет»¹⁹⁴.

Использование в своих интересах распространенного недовольства украинизацией могло сослужить оппозиции добрую службу. Внутривнутрипартийная борьба заставляла Сталина и его верного соратника Кагановича лавировать в национальном вопросе. Украинизация была колоссальной уступкой украинским кругам уже сама по себе. Но надо было поддерживать баланс. Обвиняя оппозицию в великодержавных настроениях, они в то же время должны были сохранить поддержку тех украинских коммунистов, кто не выступал против линии партии, но был недоволен украинизацией. Кампания против национального уклона и его «покровителя» Шумского лишала оппозицию сильных аргументов и «отсекала» от нее тех, кто был готов ее поддержать исключительно из-за национального вопроса.

Развернувшаяся кампания по развенчанию «триединого уклона», снятие А. Шумского и критика «украинизации ради украинизации», стали явным симптомом того, что в руководстве ВКП(б) местный национализм все больше и больше начинал восприниматься (и объявляться) главной опасностью. Голоса, критикующие украинизацию не в чем-либо толковании, а как политику вообще, стали раздаваться все чаще. Но это, безусловно, не означало прекращения борьбы против великорусского и великодержавного шовинизма. Он по-прежнему расценивался как главная опасность (об этом, например, говорилось в резолюции июньского (1926 г.) Пленума ЦК КП(б)У). Любые попытки критиковать украинизацию, если критика исходила не из уст Сталина и его окружения, расценивались в лучшем случае как ошибка, если не враждебный выпад, и не находили поддержки наверху. В уже упомянутом заявлении ЦК КП(б)У в Исполком Коминтерна говорилось о необходимости борьбы с великодержавным уклоном в партии и перечислялись его черты.

Курс Н. Скрытника. Несмотря на кампанию против «триединого уклона», курс на украинизацию свернут не был. Напротив, невзирая на явное одергивание тех, кто видел в ней самоцель, в конце 1920-х годов темпы украинизации выросли, а сама она продолжала представлять собой нечто большее, нежели средство по укреплению диктатуры пролетариата и приближения партии и власти к народу. И оставалась она таковой благодаря новому наркомму просвещения Николаю Алексеевичу Скрытнику. Его личный вклад, а также руководимого им Наркомата в дело строительства украинской национальной общности был действительно значительным. Начиная с 1930 г., нарком не только отвечал за народное просвещение, но и контролировал проведение украинизации во всех областях народного хозяйства, в средствах массовой

информации, партийном и советском аппарате¹⁹⁵, т.е. имел возможность влиять на все стороны жизни республики и в том числе на кадровую политику. Несмотря на то что Н. Скрыпник выступал как один из обличителей «шумскизма», со своим предшественником на посту наркома у него было больше общего, чем различного.

Н. Скрыпник был настоящим большевиком, членом РСДРП с 1897 г., в левых украинских партиях не состоял. Однако в его работе наиболее полно проявились оба фактора, отвечающие за выработку своего рода «украиноцентризма» (фактор государственности и национальный фактор), причем находились они друг с другом в органическом единстве. Но фактор национальный, т.е. интересы украинского народа и его национального развития, которое Скрыпник считал одним из условий победы пролетарской революции на Украине, занимал, все же, центральное место. Нарком чрезвычайно интересовался национальным вопросом, но как сам говорил, подходил к нему «не только академично и во всяком случае не абстрактно», а рассматривал «его применительно для освободительной борьбы пролетариата»¹⁹⁶. Путь Украины к социализму он не мыслил без неограниченного национального строительства и развития национального самосознания¹⁹⁷. Главную задачу культурработников он видел в том, чтобы «массы каждой национальности как можно шире развили свое национальное сознание»¹⁹⁸. Понятно, что речь шла, прежде всего, об украинской национальности.

Для всесторонней разработки национального вопроса и методов его практического разрешения при Украинском институте марксизма им была создана кафедра национального вопроса. Благодаря стараниям наркома она приобрела положение центральной инстанции подобного рода, в которой готовились специалисты по национальному вопросу для всех национальных республик СССР¹⁹⁹. В вузах, техникумах, партшколах был введен предмет «Национальный вопрос и ленинизм». Изучение национальной проблемы и ее интерпретации Скрыпником было обязательно и для старших школьников²⁰⁰.

Решение национального вопроса на Украине, по Н. Скрыпнику, заключалось в ликвидации явления, которое он называл «укапизмом». «Укапизм» он считал боязнью потери Украиной своей национальной и государственной самостоятельности, которая и двигала всеми украински ориентированными группами, в том числе в КП(б)У²⁰¹. Скрыпник старался ликвидировать почву, питающую «укапизм» – т.е. создавать «Украину». Это строительство велось по трем направлениям: по пути превращения «этнографи-

ческого элемента» в национальный коллектив через его украинизацию и развитие украинского самосознания; по пути создания, развития и закрепления украинских символических ценностей – языка, культуры (пусть даже «пролетарской» и «социалистической»); по пути строительства и укрепления украинской государственности.

Как видим, работа наркома ничем не отличалась от той, которая стояла перед украинским движением. И действительно, у проводимого Н. Скрыпником курса было немало точек соприкосновения с тем, о чем думали и что делали украинские националисты. Расхождение было идеологическим: Скрыпник считал себя большевиком и все свои поступки соизмерял с партийными решениями и интересами коммунистической революции. Самоопределение украинской нации он видел только в рамках советской государственности и в границах СССР.

Советский Союз он считал не «единой неделимой» Россией и не «конгломератом» национальных государств. «Мы не исходим из точки зрения ни единого государства, поглощающего объединяющиеся единицы, – говорил он от лица «товарищей украинцев», отстаивающих свое видение будущего Союза, – ни конфедерации, где союз не имеет своей воли»^{5*}. Каким же представлялся ему этот союз? СССР – «единое суверенное государство, выступающее как единое целое», но такое, где «объединяющиеся республики остаются внутренне независимыми... передавая определенную долю своей суверенности Союзу Соц. Республик для экономической и политической борьбы вовне»²⁰². Отстаивая эту точку зрения, Скрыпник старался сохранить за республикой как можно больше суверенных прав. Этим была продиктована его борьба за создание двухпалатного ЦИК СССР, который бы гарантировал права республиканских органов власти в случае несогласия союзных органов с их решениями, его стремление закрепить за УССР широкие бюджетные права²⁰³. Еще в бытность наркомом юстиции УССР Скрыпник отстаивал права Украины и других республик на собственное гражданство и юрисдикцию над своей территорией. В частности, на Всесоюзном совещании наркомов юстиции, проходившем в Харькове в декабре 1923 г., ему удалось отстоять право республик на собственные кодексы, тогда как Союзу отходила выработка общих положений советского строительства²⁰⁴. Видное место в отстаивании полномочий республик занимала борьба за право распоряжаться экономикой. Например,

^{5*} Стиль оригинала.

в 1931 г. на заседании Комиссии национального вопроса при ВУАН нарком говорил, что в условиях социалистической реконструкции необходимо соединить экономику и национальную проблему, вывести последнюю из узкого круга этнографии и кооперации, придать развитию промышленности и сельского хозяйства украинское содержание, т.е. развивать хозяйство УССР как специфическое украинское хозяйство²⁰⁵.

В отличие от Х. Раковского, для которого отстаивание прав республик было борьбой за революционные принципы и приближение мировой революции, борьбой против растущей бюрократизации безотносительно к национальным проблемам, для Н. Скрыпника упрочение республиканского организма было средством, одним из способов решения национального вопроса и «освобождения» украинцев от «колониальных» пережитков. Для их быстрейшего преодоления он считал желательным объединение всех украинских земель в одной республике. Поскольку значительная часть таковых находилась за рубежами Советского Союза – в составе Польши, Румынии и Чехословакии, и была недоступна, то свою энергию Н. Скрыпник и украинское руководство направили на сопредельные с УССР районы РСФСР.

О национально-территориальном размежевании 1925 г. уже шла речь. Вот тут ярко и проявился подход Н. Скрыпника к национальному вопросу с позиций активного участника и руководителя процесса нациостроительства. Вопрос о восточнославянском пограничье, о национальной (и даже этнической) принадлежности его населения не так очевиден даже сейчас, тем более он не был таковым в середине 1920-х годов. Тем не менее основываясь на бытовой речи, каких-то этнографических особенностях (вслед за поколениями националистов, рисовавших Соборную Украину), Н. Скрыпник посчитал украинскими ряд территорий Воронежской, Курской, Ростовской губерний, Кубань. В частности, в 1928 г., перед реорганизацией Центрально-Черноземного района, Н. Скрыпник написал статью «О границах УССР», в которой добивался пересмотра существовавших границ как мешающих свободному развитию украинской национальности²⁰⁶. С цифрами в руках руководство УССР готовилось к территориальному размежеванию. Мотивировки были следующими: Украина не может сохранять «пережитки дореволюционных национальных отношений и не может быть заключена в границах Малороссийских губерний плюс Новороссия»²⁰⁷. Второй причиной была «забота» о местном украинском населении, подвергающемся «русификации». Печать УССР чутко реагировала на любые случаи «дискриминации»²⁰⁸, подсчитывая число

украинских школ в России и сравнивая их с количеством русских школ на Украине.

Этот вопрос Скрыпник поднимал и позже. Например, в ноябре 1932 г., несмотря на сопротивление ряда его коллег в руководстве республики, он вновь выступил со статьей о положении украинцев «за границей» – в Центрально-Черноземной области РСФСР и Казахстане, назвав украинский вопрос приоритетным заданием для руководства этих регионов. «Если в ЦЧО не обращают преимущественного внимания на разрешение украинского национального вопроса, на культурное и экономическое поднятие украинцев в ЦЧО (заметим, не всего вверенного населения этой области, а именно представителей одной этнической группы. – А.М.), то это свидетельствует о наличии там российско-великодержавного шовинизма»²⁰⁹, – бросал обвинения Скрыпник. Вообще, подобный шантаж, равно как и уместное или неуместное политизирование любых вопросов ради победы над оппонентами, были свойственны наркомку. «Все, что отстаивали противники его фантазий и самодурства», – писал С. Ефремов, не раз имевший возможность сталкиваться со Скрыпником по работе (например, на совещаниях по вопросам правописания), – «он сразу переводил на «политическую почву»(!) и этим... затыкал противникам рот»²¹⁰. Действительно, кому хотелось прослыть, скажем, великодержавным шовинистом?

Свою точку зрения на присоединение территорий РСФСР Скрыпник не изменил и после того, как в декабре 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) высказалось о нецелесообразности нового территориального передела. Делая доклад в Институте Маркса–Ленина он подтвердил, что никогда не отказывался от требований присоединить к УССР часть ЦЧО, Таганрог, Кубань, поскольку считал выполнение этих задач обязанностью советской власти перед международным коммунистическим движением²¹¹.

Скрыпник вообще уделял большое внимание положению украинского населения за пределами УССР и развитию его в украинском духе. С не меньшей энергией он работал на ниве национал-строительства в республике. По его словам, для этого необходимо было полностью отойти от представления, что русский язык в республике – основной, исходный «пункт», от которого ведется изображение картины украинизации. Такой точкой отсчета он предлагал сделать украинский язык (поскольку русский, по его мнению, был языком нацменьшинства)²¹². Этому должны были способствовать и методики преподавания украинского и русского языков, основанные на так называемой теории *родственных языков*. То есть, изучение, скажем, украинского языка надлежа-

ло вести при помощи постоянных сравнений с русским, а внимание учащихся заострять на малейших различиях между ними. Данный способ преподавания являлся удобным средством формирования национальной идентичности, укрепления подсознательного восприятия украинского языка (и общности) как особых, отличных от русских (зачастую в ущерб реальному положению вещей), а также дальнейшего культивирования этих отличий.

Борьба с «руссификацией» – этой, как ее называли красные застрельщики «деруссификации», «позорной изменой высоким и великим заветам Октябрьской революции», «изменой коммунизму» и «заветам Ленина»²¹³ – находилась в зависимости не только от укоренившейся психологии, которую изживали при помощи борьбы с великодержавным шовинизмом. Она напрямую зависела и от состояния самого украинского языка, еще не готового стать «исходным пунктом» и занять то место, которое занимал русский язык.

Вопрос о новом украинском правописании стал еще одним моментом, по которому совпали интересы националистов и интересы «строителей» нации из КП(б)У. Создание украинского литературного языка продолжало оставаться одной из первоочередных задач национального движения. Начатое еще задолго до революции дело было далеко от своего завершения. Практически не была разработана научная, техническая, медицинская терминология. Например, для того, чтобы украинизировать одну только сферу железнодорожного транспорта требовалось перевести или создать заново около 5 тыс.(!) специальных терминов²¹⁴. Несмотря на осуществлявшуюся во время Гражданской войны украинскими буржуазными правительствами и ВУАН работу по кодификации правописания²¹⁵, по-прежнему не были четко прописаны единые для всех украинских земель (т.е. для единой нации!) языковые нормы. В то время на Советской и на Западной Украине сохранялись несколько отличные друг от друга варианты правописания, не говоря уже о различиях в лексике. Поэтому создание единого и обязательного для всей территории Украины языка продолжало оставаться задачей номер один и для украинского движения (и на Советской, и на Западной Украине²¹⁶), и для большевиков, стремившихся взять инициативу по строительству украинской государственности и культуры в свои руки.

Совершенствованием литературного языка в УССР занимались ВУАН (Институт украинского научного языка) и Наркомпрос (кафедры украиноведения при институтах народного просвещения) при общей координации со стороны последнего. Заклучалось оно в разработке лексических, грамматических и про-

чих языковых норм, в подготовке и издании словарей – справочников как общего характера, так и специализированных отраслевых. По уже сложившейся традиции в основу работы был положен принцип противопоставления русскому языку. Например, создание украинской терминологии в данном случае велось как борьба с «русизмами». Именно так обозначались слова либо пришедшие из русского языка, либо похожие на них по звучанию, либо общие для обоих языков. При этом забывалось, а чаще сознательно упускалось из вида, что эти слова, особенно из технической и научной областей, не были инородными для украинцев. Они были терминами «высокой», развитой культуры, едиными для всей страны хотя бы уже потому, что в тот период, когда они входили в употребление населением Украины, украинский литературный язык еще не существовал. Население «подтягивалось» до уровня общей литературной нормы.

Но в среде «национально мыслящих» украинцев произошла сознательная подмена понятий. Присвоив многим терминам наименование «русизмов», националисты представляли дело таким образом, будто украинский литературный язык существовал задолго до появления этих терминов, а «русизмы» были иноземным влиянием, от которого следует избавляться. На их изъятие из употребления и была ориентирована работа по созданию новой терминологии. Например, понятное и родное для многих слово «завод» специальным постановлением Института украинского научного языка было заменено словом «выробня», якобы чисто украинского, а на самом деле западнославянского происхождения²¹⁷. Издававшиеся в те годы словари и справочники оказались сплошь заполненными подобными новоделами. Так, «курсив» стал «письмивкой», «фотометр» – «світломіром», «экскаватор» – «копалкой», «кабельный завод» – «жильнярней», «автозавод» – «автомобілярней», а фабрика игрушек – «цяцькярней»²¹⁸. И подобных слов было великое множество.

Институт украинского научного языка не стал «изобретать велосипед», а пошел по проторенному пути, т.е. по пути выдумывания и конструирования новых слов и оборотов. Как говорилось в предисловии «Вестника» института, целью работы было создание украинской терминологии «на истинной народной основе» и сплочение на его базе «монолитной сплошной нации трудящихся»²¹⁹. Выпускаемые инструкции обязывали сотрудников института «придумывать» терминологию, конечно, не самим, а при помощи своих респондентов. Опрашиваемых просили дать определение каким-либо явлениям или терминам. Например, новое название антенны предлагалось выбрать из следующих вариантов

(их-то и придумывали сами сотрудники): «ловичка», «перехоплювач», «приймач», «підслухувач» или немного длинное, но не менее красивое «той дріт, що хапає, ловит хвилі». Для рупора вполне «подошли» бы «голосник», «говорило», «голосномовник». Указывая на сифон, человека спрашивали, «как называют или как бы назвали ту дудочку, с помощью которой переливают воду или наливку из бутылки» и т.д. Наиболее подходящие выражения имели шанс официально быть закрепленными²²⁰.

Но придумывание новых слов было лишь одним из способов создания современного языка, притом не самым распространенным. Гораздо шире использовалась его полонизация, т.е. замена общеупотребительных слов и оборотов, общих для украинской и русской речи, польскими или латинскими, выдаваемыми за «исконно украинские». Собственно, этот путь уже давно стал надежным подспорьем разработчиков особого украинского языка. Народная малорусская (украинская) речь явилась результатом полонизации древнерусского языка на тех русских территориях, которые оказались под властью Речи Посполитой. Полонизация послужила причиной появления отличий разговорной речи населения малорусских земель от великорусских, где развитие древнерусского языка продолжало осуществляться по внутренним законам и не испытывало польской культурной экспансии. Позже, в XIX в. строителями украинской нации русская литературная традиция, которая вырабатывалась обеими частями Руси (причем в Малороссии и Галичине ничуть не меньше, чем в Великороссии) была отброшена. За основу была взята крестьянская речевая традиция, в которой чувствовался польский след; и он усиливался к западу и ослабевал к востоку, где польских слов и оборотов было значительно меньше, чем на Правобережье и, тем более, в Галичине. Дело заключалось не в «русификации» Восточной Украины, ибо первичной была именно древнерусская языковая основа, а в степени ополячивания, которая влияла не только на язык, но и на ментальность и судьбу региона.

В ходе конструирования языка, осуществлявшегося на принципе «отрицательной доминанты», его целенаправленная полонизация, как уже говорилось в первой главе, резко усилилась. Такой путь развития языка вызывал озабоченность даже у многих украинофилов. Например, в 1912 г. известный писатель, знаток украинского слова И. Нечуй-Левицкий написал брошюру с говорящим названием «Кривое зеркало украинского языка». В ней он резко высказался против создания нового языка «по латинскому или польскому синтаксису» и заимствования множества польских

слов. Вместо певучей и музыкальной малорусской речи нарождался «тяжелый и нечистый» новояз. «С таким оснащением украинская литература далеко вперед не уйдет, ибо весь этот галицийский и польский груз обломит нашу телегу», – предупреждал Нечуй-Левицкий своих ретивых коллег и прежде всего М. Грушевского, и прямо заявлял, что «этот груз – просто мусор, засоряющий наш язык»²²¹. Но и писатель-укаинофил не в состоянии был переломить господствующую тенденцию борьбы с «русизмами» путем широкого заимствования полонизмов. Эта тенденция вновь стала доминирующей в 1920-е годы.

Конструирование нового языка коснулось не только его словарного запаса. Изменениям должны были подвергнуться синтаксис и грамматика. Здесь также основополагающим был принцип противопоставления русскому языку. Работа над новым правописанием, призванным подкорректировать старое и сделать его, наконец, единым, велась с начала 1920-х годов. После того, как проект был готов, началось его публичное обсуждение. Новый нарком ускорил дело. В мае–июне 1927 г. Наркомпросом и куратором проекта Н. Скрыпником была организована научная конференция, посвященная новому правописанию. На нее были приглашены также специалисты из Западной Украины²²². Решения конференции вызвали неоднозначную реакцию в партии и обществе, в том числе среди украинской общественности. Что же нового хотели ввести авторы проекта?

Часть участников конференции выступала за перевод украинского языка на латиницу. Это был самый радикальный вариант «искусственного отрыва» (как его стали оценивать впоследствии большевики) украинского языка от языка русского²²³. Несмотря на кажущуюся абсурдность, ситуация не была чем-то необычным для того времени. Известно, что в 1920-е годы в СССР интенсивно разрабатывалась письменность для ряда ранее неписьменных народов, причем для многих из них она создавалась на базе латинского алфавита. Имелись в тот период в партийных верхах и планы перевода на латиницу русского языка. Для этого в 1925 г. был создан Всесоюзный центральный комитет нового алфавита, осуществлявший всю подготовительную работу²²⁴. Дело в том, что латиницей пользовались ведущие народы Европы и Америки, а в распространении коммунистической пропаганды на Запад многие видные партийцы и работники Коминтерна долгое время видели решающее условие победы мировой революции, в то время как Россия считалась ими лишь запалом для нее, одним из штатов в будущей мировой республике. Перевод на латиницу русского языка и языков народов СССР расценивался как шаг на пути при-

общения российских трудящихся к передовой культуре европейского пролетариата и одновременной коммунизации последнего, и, тем самым, как шаг к победе мировой революции. И хотя последняя все чаще откладывалась на более далекую перспективу и ставилась под сомнение как первоочередная задача партии и СССР, сила инерции сознания среди коммунистов, особенно «старой гвардии» и соратников Л. Троцкого, была велика. Правда, надо учесть один момент. Под ширмой космополитизма, под вывеской борьбы за идеалы мировой революции могло скрываться (что часто и происходило в действительности) стремление как можно дальше разойтись с Россией и отгородиться от русской культуры²²⁵.

Имелись и более умеренные варианты латинизации. Сам нарком просвещения, несмотря на возражения многих филологов, предлагал ввести несколько латинских букв: «s» для обозначения звука «дз» и «z» – для звука «дж». Но в 1927 г. латинизация, даже в ее частичном варианте, не прошла. Повлияла позиция Политбюро ЦК КП(б)У и лично генерального секретаря Л. Кагановича, в целом одобривших линию комиссии, но признавших латинизацию украинского языка, даже частичную, нецелесообразной²²⁶.

Одним из главных нововведений оказались положения о правописании слов, пришедших из иностранных языков (мягкая и твердая буквы «л» и «г»). Твердая «л» и сочетания «ло», «ла» («флот», «лампа», «класс» и др.) были охарактеризованы как русское влияние. Мягкая «л» и сочетания «льо», «ля» («фльо́та», «ля́мпа», «кля́с» и др.) авторами проекта объявлялись гарантией независимости украинского языка от русского, хотя на самом деле означали его серьезную полонизацию²²⁷. Предполагалось и обязательное изменение рода для слов, пришедших из русского языка.

Нововведения усложняли устную и особенно письменную речь и все больше отдаляли украинский язык от русского. Введение новых букв (буквы «г» с рогом вроде носорожьего – читается как «ге»), нового правописания и произношения большого количества общеупотребительных слов по новым правилам, означало необходимость переучивания тысяч учителей школ и ликбезов, преподавателей, перевода на новую азбуку прессы, литературы и делопроизводства, что подразумевало дополнительную нагрузку на республиканский бюджет. «Не знаю, найдется тогда хоть одна грамотная душенька на всю Украину, кроме разве Скрыпника, неожиданно нашедшего у себя филологическое дарование»²²⁸, – сокрушался С. Ефремов, трезво оценивая экспери-

менты в области языкознания^{6*}. Да и голосование показало, что позиции у сторонников нового правописания были весьма шаткими. Из 43 членов комиссии за новое правописание высказалось 22 человека, против – 20 при одном воздержавшемся²²⁹.

Но несмотря на это, как и на то, что определение в каждом случае твердости и мягкости букв вносило путаницу и затрудняло обучение, 4 сентября 1928 г. новое правописание было утверждено СНК УССР²³⁰. Н. Скрыпник считал введение нового правописания настолько важной задачей, что спустя два дня «переутвердил» его уже своим личным распоряжением²³¹.

Нововведения в грамматике и лексике вызвали недовольство у многих групп населения, особенно у квалифицированного инженерно-технического, профессорско-преподавательского состава, медицинских работников, сотрудников государственного и партийного аппарата, прочих групп русскоязычного населения республики и даже у части украинской интеллигенции. А ведь политика украинизации подстегивала внедрение языковых нововведений в жизнь. Националисты, как те, что работали в ВУАН, так и служившие в государственных органах, объясняли все необходимостью создания современного, разностороннего, полнокровного литературного языка – одного из главных атрибутов и признаков нации, сплочения на его основе всего украинского народа и превращения его в национальный организм. По причине близости украинцев и русских, украинской и русской разговорной речи, сделать это было возможно только путем максимального отдаления от последней и возможного приближения к западным образцам.

Одним словом, процесс создания современного украинского языка проходил сообразуясь с двумя принципами: «возвращения»

^{6*} Что бы он сказал, если бы узнал, что «филологическое дарование» Скрыпника проявится еще раз в 1930 г., только на этот раз подопытным окажется... болгарский язык, для которого нарком просвещения придумает новое правописание (отменено в 1933 г.). Возможно, он бы утвердился в правоте своей характеристики, которую дал наркому – «национал-коммунисту»: «Неглубокий, ограниченный и претенциозный субъект. К тому же, говорят... амбициозный и упертый» (Ефремов С. Указ. соч. С. 482). Конечно, Ефремов имел причины для личной (и взаимной) неприязни. Борьба наркома за коммунизацию Академии наук и против него лично, несомненно, наложила свой отпечаток. Но, может, была и его характеристике и доля правды? Во всяком случае, она позволяет взглянуть на личность Н. Скрыпника по-новому, отойти от довольно распространенной тенденции изображать его хотя и коммунистом, но «своим», «национальным», эдаким глубоко интеллигентным Дон Кихотом, борющимся за украинскую нацию и воевавшим с «ветряными мельницами» великодержавного шовинизма.

к некоему эталону – «древнеукраинскому» языку, подразумевавшему избавление от «русизмов» в лексике и грамматике и создание новых слов, при одновременной ориентации на европейские образцы, выражавшейся в широком заимствовании иностранных слов и выражений²³². Таким образом, языковой барьер между украинским и русским народами создавался вполне осознанно²³³, хотя это могло и не быть главным побуждающим мотивом у авторов проекта.

Надо отметить, что при создании литературного языка приходилось учитывать и то, что немало украинцев (или тех, кто мог быть к ним отнесен) проживало на территориях, входивших в состав Польши, Румынии и Чехословакии. Этим отчасти (но только отчасти) объясняется стремление по возможности отдалить литературный язык от норм русского языка и приблизить его к разговорной речи зарубежных украинцев, которая испытывала на себе сильное влияние польского и ряда других языков. Хотя даже численное соотношение восточных и западных украинцев, не говоря уже об их удельном весе в создающейся нации и государственности, было несоразмерно. Этот фактор – наличие достаточно больших групп украинского населения, компактно проживающих в других странах и, к тому же, обладающих сильной спецификой, приходилось постоянно учитывать советскому руководству при проведении внутренней, внешней и национальной политики.

В вопросах о границах Советской Украины, украинском языке, позиции национальной интеллигенции и руководимого Н. Скрыпником Наркомпроса, совпадали. Нашли они точки соприкосновения и по вопросу об отношении к русскоязычному населению Украины. Скрыпник, считавший себя знатоком национального вопроса (это, кстати, стало причиной их частого несогласия со Сталиным, тоже по праву относившим себя не к последним специалистами в данной области), даже разработал специальную теорию «смешанного говора», позволявшую действовать по отношению к этому населению с позиций его активной украинизации.

Стоит пояснить, в чем состояла эта теория, тем более что ей отводилась роль идеологического обоснования темпов и масштабов проводимой Наркомпросом украинизации. На 1930-й год как минимум 1 300 000 человек, значившихся украинцами, своим родным языком считали русский. Нарком же полагал, что тот язык, на котором они разговаривали – не чисто русский и не чисто украинский, а результат их смешения в ходе специфических колониционных и урбанизационных процессов, проходивших на юге и юго-востоке Украины. Но основа этого смешанного говора была

все равно «украинской», а «русизмы» – делом новым, привнесённым и поверхностным. Не вдаваясь в ряд напрашивающихся выводов (например, о древности украинского языка, культуры и идентичности), отметим, что из этой посылки следовало, что русскоязычие этих 1300 тыс. человек – явление искусственное, а сами они подлежат украинизации как люди, забывшие свой родной язык и отошедшие от родной культуры²³⁴. Это положение «исправлялось» путем превышения числа украинских школ над украинскоязычным населением, закрытия и перевода на украинский язык преподавания русских школ, т.е. насильственной ассимиляцией. Иными словами, в основу критерия был положен не разговорный язык населения, а этническое происхождение и его некий национальный «идеал».

Являясь активным проводником украинизационного курса, Н. Скрыпник ревниво следил за недопущением становления национального самосознания украинского «этнографического материала» в противоположном, русском направлении. Естественно, им напрочь отвергалась теория борьбы культур, но не из-за отсутствия таковой, а из-за вреда, который, по мнению Н. Скрыпника, она несла развитию пролетарской революции, отрывая рабочий класс от крестьянства, толкая его на «высокомерное, гордое отношение к украинскому языку и украинской культуре»²³⁵. Кстати, Н. Скрыпник, фактически, сам мыслил категориями борьбы культур и был убежден в конечной победе культуры украинской. Но под ней он понимал не абстрактную украинскую культуру, а именно украинскую пролетарскую культуру. За ней он видел будущее, динамику экономического развития²³⁶.

Подвергая критике то покровительство, которое А. Шумский оказывал Н. Хвылевому, Н. Скрыпник, тем не менее, также считал, что украинская культура имела отличные от русской корни, была теснее связана с культурой Европы, и выступал за «свой разум», за развитие культуры без оглядки на русскую и на ее прошлое наследие. Вполне в духе представителей украинского движения он делил древнерусскую литературу на русскую и украинскую в зависимости от территориального принципа происхождения произведения²³⁷. Не был также согласен он с другим видным партийцем, ведавшим в ЦК вопросами культуры и идеологии, А. Хвылей (кстати, бывшим боротьбистом), считавшим, что украинской культуре незачем отказываться от прошлого наследия, а украинской литературе «есть чему учиться в старой литературе русских, есть чему учиться и в новой»²³⁸.

Повышенное внимание к национальному развитию украинцев проявлялось и в отношении Н. Скрыпника к единой Красной ар-

мии. В ней он не без основания видел мощное средство ассимиляции и русификации, где «русофилы обрабатывали головы и мозги трудящихся всех угнетенных народов»²³⁹. «Армия до сих пор остается орудием русификации украинского... и всего инородного населения»²⁴⁰, – с тревогой заявлял он на XII съезде РКП(б). Интересно отметить, что Н. Скрыпник, вслед за своими «буржуазными коллегами» по национальному движению, относил украинцев к «инородцам», желая тем самым отделить их от русских, подчеркнуть их самостоятельность и угнетенность и выступать от имени всех «униженных и оскорбленных» великорусским шовинизмом. Армию же, как и власть, партию, город, следовало приближать к крестьянству, переводить на украинский язык, а главное, покончить с распространенным отношением к ней как к носительнице «русской национальной идеи».

И конечно, во главу угла всей работы в национальном вопросе он ставил ликвидацию великорусских и великодержавных настроений и последовательно вел борьбу с ними. Считая причиной всех национальных уклонов великодержавный уклон, Скрыпник настаивал на последовательной борьбе с ним, причем на этот раз на общесоюзном уровне²⁴¹. Борьбу с местным национализмом он считал делом не главным и решительно выступал против Д. Мануильского, предлагавшего коммунистам-националам бороться со своим местным национализмом, предоставив изживание великодержавности русским товарищам из центра²⁴². Иногда его внимание к национальному вопросу принимало гротескные формы. Например, на упоминавшемся выше IV совещании ЦК РКП(б), призывая бороться против великодержавности, Н. Скрыпник поднял вопрос о национальном составе сотрудников Наркомфина СССР, на что Г. Зиновьев логично заметил, что даже если бы «Наркомфин... состоял из одних украинцев, то денег от этого не прибавилось бы»²⁴³.

И все это Н.А. Скрыпник неуклонно воплощал на практике. Если вопрос о границах, о национальном развитии «диаспоры» в России встречал объективные трудности, то аналогичную работу на Украине он проводил беспрепятственно. Этому способствовали огромные полномочия Наркомпроса, бывшего независимым от союзных органов (созданию союзного Наркомата просвещения Н. Скрыпник всячески противился). Сам нарком был членом Политбюро и имел возможность собственноручно вырабатывать нужный ему курс. Он был и директором Всеукраинской ассоциации марксо-ленинских институтов (ВУАМЛИН – коммунистический аналог Академии наук), руководителем Ассоциации историков, главным редактором Украинской советской энциклопедии

(УРЕ), секретарем коммунистической фракции и академиком ВУАН. Занимая пост наркома просвещения, он был, пожалуй, одной из самых влиятельных фигур в КП(б)У (С.В. Косиор, сменивший в 1928 г. Л. Кагановича на посту генерального секретаря, уступал ему по известности).

И работа, проводимая при взаимодействии (и что самое важное, при взаимопонимании) с украинской интеллигенцией, была поистине неоценимой для нациостроительства. Наркомпрос стоял на незримой точке пересечения партии, советского государства, народа и той «украинской стихии», которую правильно назвать украинским движением, и в своей повседневной работе отражал интересы всех участников национально-культурного процесса. Но в силу мировоззрения наркома и лиц, окружающих и «делающих» его (многие из них являлись выходцами из Галиции²⁴⁴), а также политики партии (скажем, постановлений партийных съездов, трактуемых либо буквально, либо целенаправленно в «нужном» духе) и активной деятельности национального движения – словом, по причине всего этого работа Наркомпроса выходила за отводимые идеологические рамки. Она была направлена на строительство украинской нации, причем целью была не победа пролетарской революции и построение социализма, а сама нация.

Все это, конечно, не являлось секретом и держалось И. Сталиным в поле зрения. Кампания 1926–1928 гг. показала обеспокоенность партии выходом национального строительства из-под контроля. Но положение большевиков (в основном экономическое) еще не позволяло им приступить к коммунистическому штурму и свернуть энп. Не позволяла это сделать и проходившая внутрипартийная борьба в руководстве ВКП(б). Позиции Н. Скрыпника и руководимого им Наркомпроса были крепкими как никогда. Но предвестники возможной смены курса в национальной политике уже наблюдались. Вступление СССР в новое десятилетие, коренным образом изменившее ход его истории, стало переломной вехой в судьбе многих адептов украинского национального движения – и партийцев, и их беспартийных единомышленников.

¹ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2631. Л. 11, 12.

² Там же. Л. 12, 13, 22.

³ Там же. Д. 2442. Л. 93.

⁴ Там же. Д. 2336. Л. 53 об.

⁵ Там же. Д. 2631. Л. 31.

⁶ *Равич-Черкасский М.* История Коммунистической партии (большевиков) Украины. Харьков, 1923. С. 5.

- ⁷ См. об этом: *Костюк Г.* Сталінізм в Україні (генеза і наслідки). Київ, 1995. С. 17.
- ⁸ Коммунистическая партия Украины в резолюциях. Киев, 1976. Т. 1. С. 24.
- ⁹ *Равич-Черкасский М.* Указ. соч. С. 40.
- ¹⁰ *Курас И.Ф.* Торжество ленинских идей пролетарского интернационализма и крах мелкобуржуазных партий на Украине: дис. д-ра ист. наук. Киев, 1980. С. 117.
- ¹¹ *Курас И.Ф., Полушкіна В.О.* До питання про політичний і організаційний крах українських буржуазно-націоналістичних партій (1917–1920 рр.) // Наукові праці з історії КПРС. 1968. Вип. 22. С. 82.
- ¹² *Борьба.* 1918. № 57; *Курас И.Ф.* Указ. соч. С. 297.
- ¹³ Документи трагічної історії України (1917–1927 рр.). Київ, 1999. С. 182–183.
- ¹⁴ Там же. С. 192–193.
- ¹⁵ Там же. С. 194, 203, 207.
- ¹⁶ Там же. С. 196.
- ¹⁷ Там же. С. 198–199.
- ¹⁸ Там же. С. 196–198, 202.
- ¹⁹ Там же. С. 199.
- ²⁰ Там же. С. 200–201, 203–207.
- ²¹ *Курас И.Ф.* Указ. соч. С. 327.
- ²² Документи... С. 231–232.
- ²³ *Курас И.Ф.* Указ. соч. С. 316, 348, 350.
- ²⁴ Там же. С. 327.
- ²⁵ Там же. С. 316.
- ²⁶ Там же. С. 330–331.
- ²⁷ Документи... С. 263–264.
- ²⁸ Там же. С. 258–259.
- ²⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. С. 199. В резолюции говорилось, что «РКП стоит на точке зрения признания самостоятельности УССР», а «определение форм» союзных отношений советских республик «будет окончательно решено самими украинскими рабочими и трудящимися крестьянами».
- ³⁰ Документи... С. 259.
- ³¹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 266.
- ³² Там же. С. 122, 159.
- ³³ Документи... С. 269–270.
- ³⁴ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 145. Л. 25–26.
- ³⁵ *Курас И.Ф.* Указ. соч. С. 361–362.
- ³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 42. Л. 3; Д. 55. Л. 4.
- ³⁷ Документи... С. 278–280.
- ³⁸ *Курас И.Ф.* Указ. соч. С. 365–366.
- ³⁹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 266.
- ⁴⁰ Двенадцатый съезд РКП(б): стеногр. отчет. М., 1968. С. 572.
- ⁴¹ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 113. Л. 20.

- 42 *Курас И.Ф.* Указ. соч. С. 71.
- 43 Там же. С. 298–300.
- 44 *Чирко В.А.* Крах ідеології та політики націоналістичної партії укапістів // *Український історичний журнал.* 1968. № 12. С. 26.
- 45 *Курас И.Ф.* Указ. соч. С. 301–302.
- 46 *Чирко В.А.* Указ. соч. С. 26–27.
- 47 *Курас И.Ф.* Указ. соч. С. 303.
- 48 *Національні процеси в Україні: історія і сучасність.* Київ, 1997. Т. 1. С. 540–542.
- 49 *Документи...* С. 530–533, 536.
- 50 Там же. С. 536–537.
- 51 Там же. С. 537–540, 542, 545.
- 52 Там же. С. 543–545, 547.
- 53 См., наприклад, *письмо А. Речицкого А. Драгомирецькому* // *Курас И.Ф.* Указ. соч. С. 303.
- 54 *Чирко В.А.* Указ. соч. С. 28, 33; *Курас И.Ф.* Указ. соч. С. 374.
- 55 *Большая советская энциклопедия.* 3-е изд. М., 1977. Т. 26. Стб. 1639.
- 56 *Курас И.Ф.* Указ. соч. С. 306–307.
- 57 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 135. Л. 1–16.
- 58 Там же. Д. 1999. Л. 23.
- 59 *Чирко В.А.* Указ. соч. С. 28.
- 60 *Прилуцький В.І.* Небільшовіцькі молодіжні об'єднання в УСРР в 20-ті роки. Київ, 1993. С. 17–18.
- 61 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1642. Л. 32.
- 62 *Прилуцький В.І.* Указ. соч. С. 20–21.
- 63 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 998. Л. 74.
- 64 Там же. Оп. 16. Д. 1. Л. 36.
- 65 *Курас И.Ф.* Указ. соч. С. 374–375.
- 66 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1642. Л. 41.
- 67 *Національні процеси в Україні...* Т. 1. С. 541; *Курас И.Ф.* Указ. соч. С. 375.
- 68 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 998. Л. 77.
- 69 *Чирко В.А.* Указ. соч. С. 29.
- 70 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2673. Л. 61.
- 71 *Документи...* С. 522.
- 72 *Курас И.Ф.* Указ. соч. С. 321, 325.
- 73 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1999. Л. 1.
- 74 Там же. Оп. 16. Д. 1. Л. 36.
- 75 *Документи...* С. 554, 556.
- 76 *Політичний терор і тероризм в Україні. ХІХ–ХХ ст.: іст. нариси.* Київ, 2002. С. 263.
- 77 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1999. Л. 7–8, 21, 22.
- 78 *Чирко В.А.* Указ. соч. С. 29.
- 79 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 998. Л. 73.
- 80 *Курас И.Ф.* Указ. соч. С. 376.
- 81 Там же. С. 375–376; *Чирко Б.В.* Борьба Коммунистической партии Украины за осуществление решений XII съезда РКП(б) по националь-

- ному вопросу (1923–1927 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1983. С. 146–147.
- ⁸² Документи... С. 524–525.
- ⁸³ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 998. Л. 73; Документи... С. 469.
- ⁸⁴ Там же. Л. 64; *Чирко В.А.* Указ. соч. С. 33.
- ⁸⁵ Документи... С. 525–528.
- ⁸⁶ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1642. Л. 50.
- ⁸⁷ *Чирко В.А.* Указ. соч. С. 34.
- ⁸⁸ Документи... С. 558–561.
- ⁸⁹ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1999. Л. 2–4, 6–7, 15, 16.
- ⁹⁰ Там же. Л. 4, 6–7, 18, 26 об.
- ⁹¹ *Чирко В.А.* Указ. соч. С. 35; *Прилуцький В.І.* Указ. соч. С. 22.
- ⁹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 497. Л. 9.
- ⁹³ *Чирко Б.В.* Указ. соч. С. 153–154.
- ⁹⁴ *Чирко В.А.* Указ. соч. С. 35.
- ⁹⁵ *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. М., 1990. Т. 2. С. 63.
- ⁹⁶ Так, например, в своей книге «Вечный комиссар (Троцкий и еврей)» (Иерусалим, 1989) писал И. Недава. Цит. по: *Емельянов Ю.В.* Троцкий. Мифы и личность. М., 2003. С. 11–12.
- ⁹⁷ Цит. по: *Вдовин А.И.* Российская нация. Национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея. М., 1995. С. 52.
- ⁹⁸ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 25. С. 265.
- ⁹⁹ Цит. по: *Хвиля А.* Про одну спробу ревізії ленінізму // *Більшовик України.* 1929. № 19. С. 25.
- ¹⁰⁰ *Равич-Черкасский М.* Указ. соч. С. 69.
- ¹⁰¹ Там же. С. 54–57.
- ¹⁰² Гражданская война на Украине (1918–1920): сб. док. Киев, 1967. Т. 1, кн. 1. С. 46, 48.
- ¹⁰³ *Равич-Черкасский М.* Указ. соч. С. 52–54, 126.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 137.
- ¹⁰⁵ КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 108.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 104.
- ¹⁰⁷ Національні процеси в Україні... Т. 1. С. 519–525.
- ¹⁰⁸ *Майстренко І.* Історія Комуністичної партії України. Сучасність, 1979. С. 69.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 78–79; *Равич-Черкасский М.* Указ. соч. С. 137–138.
- ¹¹⁰ *Равич-Черкасский М.* Указ. соч. С. 149.
- ¹¹¹ Там же. С. 152. Впрочем, рабочих на Волыни было крайне мало.
- ¹¹² Тайны национальной политики ЦК РКП: стеногр. отчет секретного IV совещания ЦК РКП. 1923 г. М., 1992. С. 57–58.
- ¹¹³ Документи... С. 231.
- ¹¹⁴ КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 336.
- ¹¹⁵ Письмо Блакитного в ЦК КП(б)У «С чего начать «украинизацию» Украины» (ноябрь 1920 г.) // Документи... С. 320.
- ¹¹⁶ ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 998. Л. 46.
- ¹¹⁷ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 127. Л. 276–277.

- 118 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 998. Л. 46, 47, 86.
- 119 Там же. Л. 86.
- 120 XI Екатеринославская губернская партийная конференция: стеногр. отчет. Екатеринослав, 1923. С. 120.
- 121 Там же.
- 122 *Попов Н.Н.* Очерк истории Коммунистической партии (большевиков) Украины. 5-е изд. Харьков, 1933. С. 235–238.
- 123 XI Екатеринославская губернская партийная конференция. С. 136.
- 124 См., например: Там же. С. 130; Стенографический отчет Восьмой киевской губернской конференции КП(б)У. Киев, 1923. Бюл. 3. С. 21.
- 125 Документи... С. 461–462.
- 126 Тайны национальной политики ЦК РКП(б). С. 63.
- 127 Документи... С. 462.
- 128 Стенографический отчет Восьмой киевской губернской конференции КП(б)У. Бюл. 3. С. 10.
- 129 XI Екатеринославская губернская партийная конференция... С. 140, 143.
- 130 См. например: *Шумський О.* Ідеологічна боротьба в українському культурному процесі // *Більшовик України.* 1927. № 2. С. 12.
- 131 Коммунист. 1925. 17 марта; *Попов Н.Н.* Указ. соч. С. 267, 268.
- 132 Цит. по: *Попов Н.Н.* Указ. соч. С. 268
- 133 Стенографический отчет Восьмой киевской губернской конференции. Бюл. 3. С. 8.
- 134 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2255. Л. 11, 20, 21.
- 135 Там же. Л. 21–23.
- 136 Там же. Л. 11; Стенографический отчет Восьмой киевской губернской конференции. Бюл. 1. С. 9–11.
- 137 Там же. С. 8.
- 138 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 130. Л. 4–5.
- 139 Цит. по: *Попов Н.Н.* Указ. соч. С. 234.
- 140 КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 199.
- 141 *Равич-Черкасский М.* Указ. соч. С. 176.
- 142 Стенографический отчет Восьмой киевской губернской конференции. Бюл. 1. С. 18.
- 143 См. об этом: *Емельянов Ю.В.* Указ. соч. С. 229.
- 144 Тайны национальной политики... С. 264.
- 145 *Кульчицький С.В.* Україна між двома війнами (1921–1939 рр.). Київ, 1999. С. 76.
- 146 *Мельниченко В.Е.* Был ли Раковский конфедералистом? // Вопросы истории КПСС. 1989. № 7. С. 113.
- 147 Цит. по: *Котов В.И.* Народы союзных республик СССР. 60–80-е годы: этнодемогр. процессы. М., 2001. С. 35.
- 148 *Мельниченко В.Е.* Указ. соч. С. 114, 117.
- 149 *Приходько А.* Культурно-освітні питання на X з'їзді КП(б)У // *Більшовик України.* 1927. № 14. С. 18–19; *Равич-Черкасский М.* Указ. соч. С. 6.
- 150 Тайны национальной политики... С. 261.

- 151 Мельниченко В.Е. Указ. соч. С. 119.
- 152 Двенадцатый съезд РКП(б): стеногр. отчет. С. 580.
- 153 Там же. С. 579–580.
- 154 Там же. С. 580.
- 155 Там же. С. 582.
- 156 Раковский Х. Союз Советских Социалистических Республик. Новый этап в советском союзном строительстве. Харьков, 1923. С. 28.
- 157 Тайны национальной политики... С. 270–271.
- 158 Там же. С. 108, 109.
- 159 Там же. С. 264, 271.
- 160 Там же. С. 259.
- 161 Там же.
- 162 Там же. С. 109.
- 163 Цит. по: Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 302.
- 164 Борисёнок Е.Ю. Проблема украинизации во второй половине 1920-х годов и Л.М. Каганович // Славяноведение. 2001. № 5. С. 4.
- 165 Кульчицкий С.В. Указ. соч. С. 85.
- 166 Даниленко В.М., Касьянов Г.В., Кульчицкий С.В. Сталінізм на Україні. 20–30-ті роки. Київ, 1991. С. 255.
- 167 Там же. С. 255–256.
- 168 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 113. Л. 10.
- 169 См. об этом: Сталин И.В. Соч. Т. 8. С. 149.
- 170 Там же. С. 150.
- 171 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 135. Л. 22–23.
- 172 Цит. по: Сталин И.В. Соч. Т. 8. С. 149.
- 173 См. об этом: Попов Н.Н. Указ. соч. С. 287.
- 174 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 135. Л. 23.
- 175 Цит. по: Сталин И.В. Соч. Т. 8. С. 149–150.
- 176 Шаповал М. Через десять років // Нова Україна. 1927. Ноябрь. Цит. по: Попов Н.Н. Указ. соч. С. 288.
- 177 Цит. по: Проти зрадників. Проти розбівачів // Більшовик України. 1928. № 5. С. 5–6.
- 178 Сталин И.В. Соч. Т. 8. С. 150–151.
- 179 Там же. С. 152.
- 180 Там же. С. 152–153.
- 181 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 113. Л. 16, 30.
- 182 Даниленко В.М., Касьянов Г.В., Кульчицкий С.В. Указ. соч. С. 208, 262.
- 183 Попов Н.Н. Указ. соч. С. 289.
- 184 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 127. Л. 276–278.
- 185 См.: Скрипник М. Хвильовизм чи шумськизм? // Більшовик України. 1927. № 2. С. 26, 30, 31, 33.
- 186 Шумський О. Указ. соч. С. 14.
- 187 Скрипник М. Хвильовизм чи шумськизм? С. 32, 34.
- 188 Документи... С. 583–584.
- 189 Сталин И.В. Соч. Т. 8. С. 151–152.
- 190 Попов Н.Н. Указ. соч. С. 286–287.

- 191 Борисенко Е.Ю. Указ. соч. С. 11.
- 192 См.: Даниленко В.М., Касьянов Г.В., Кульчицький С.В. Указ. соч. С. 259.
- 193 Ларин Ю. Об извращениях при проведении национальной политики // Большевик. 1926. № 23/24. С. 58 (продолж. в № 1 за 1927 г.).
- 194 Національне питання на Україні та опозиція // Большевик України. 1927. № 10. С. 4.
- 195 Єфименко Г. Національно-культурна політика ВКП(б) щодо Радянської України (1932–1938). Київ, 2001. С. 181.
- 196 Скрипник М.О. Статті і промови. Київ, 1930. Т. 2, ч. 1. С. 12.
- 197 Скрипник М.О. Перебудовними шляхами. (Проблеми культурного будівництва національностей України) // Большевик України. 1931. № 12. С. 14.
- 198 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 130. Л. 106.
- 199 Кошелівець І. Микола Скрипник. Київ, 1993. С. 86.
- 200 Єфименко Г. Указ. соч. С. 60.
- 201 Скрипник М.О. Статті і промови. Т. 2, ч. 1. С. 61.
- 202 Тайны национальной политики... С. 240–241.
- 203 Там же. С. 241.
- 204 См. об этом: Кошелівець І. Указ. соч. С. 67, 69.
- 205 Там же. С. 99–100.
- 206 Там же. С. 122.
- 207 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2673. Л. 82.
- 208 Там же. Л. 91.
- 209 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 130. Л. 80, 83, 107–108.
- 210 Єфремов С. Щоденники (1923–1929). Київ, 1997. С. 591.
- 211 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 130. Л. 107–108, 109.
- 212 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2456. Л. 7–8. Сравните с современным: «мова соседней державы», «имперская мова», «чужая мова» и т.д.
- 213 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 130. Л. 28.
- 214 Кравченко Б. Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ століття. Київ, 1997. С. 145.
- 215 Національні процеси в Україні. Т. 1. С. 573.
- 216 Так, в 1922 г. Научное общество им. Шевченко выпустило во Львове новые «Правописные правила», в которых были предприняты определенные шаги для объединения восточнoукраинского и западноукраинского правописаний. См.: Національні процеси... Т. 1. С. 574; Костюк Г. Указ. соч. С. 179.
- 217 Вісник інституту Української наукової мови. 1930. Вип. 2. С. 56.
- 218 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 132. Л. 44, 47, 48.
- 219 Там же. Л. 46–47.
- 220 Хвиля А. Викорініти, знищити націоналістичне коріння на мовному фронті // Большевик України. 1933. № 7/8. С. 45.
- 221 Нечуй-Левицький І. Криве дзеркало української мови. Київ, 1912. С. 6, 44, 66, 68.
- 222 Шаповал Ю. Україна 20–50-х років. сторінки ненаписаної історії. Київ, 1993. С. 123.

- 223 *Хвиля А.* Викорініти, знищити націоналістичне коріння на мовному фронті. С. 44.
- 224 На латинский язык к середине 1930-х годов перевели 25 млн человек (60 национальностей). См.: *Вдовин А.И.* Эволюция национальной политики СССР 1917–1941гг. // Вестн. МГУ. 2002. Сер. 8. История. № 3. С. 22.
- 225 Созданием новой терминологии, нового правописания, введением новых букв и новых грамматических норм активно занимаются на Украине и сейчас. Раздаются предложения даже перевести украинский язык на латиницу, появляются пробные алфавиты. Только теперь это подается как приближение к передовым ценностям западной цивилизации. Тогда же курс на латинизацию был окончательно отброшен во второй половине 1930-х годов, когда он был осужден лично Сталиным, назвавшим его «левацким загибом», который использовался врагами для «ориентации на буржуазную культуру Европы». ВЦКНА был закрыт в 1937 г.
- 226 *Шаповал Ю.* Україна 20–50-х років. С. 123.
- 227 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 132. Л. 59, 60.
- 228 *Єфремов С.* Указ. соч. С. 587.
- 229 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 132. Л. 60.
- 230 *Хвиля А.* Викорініти, знищити... С. 49.
- 231 *Кошелівець І.* Указ. соч. С. 147
- 232 *Хвиля А.* Викорініти, знищити... С. 46, 47.
- 233 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 130. Л. 122.
- 234 *Скрипник М.О.* Перебудовними шляхами. (Проблеми культурного будівництва національностей України) // *Більшовик України.* 1931. № 13/14. С. 32–34.
- 235 *Скрипник М.О.* Статті і промови. Т. 2, ч. 1. С. 24.
- 236 Там же. С. 106–107.
- 237 *Кошелівець І.* Указ. соч. С. 135–137, 156–157.
- 238 *Хвиля А.* Про наші літературні справи. Харків, 1926. С. 34–35.
- 239 *Скрипник М.О.* Статті і промови. Т. 2, ч. 2. С. 40–47.
- 240 Двенадцатый съезд РКП(б). С. 571.
- 241 Тайны национальной политики... С. 63–64.
- 242 Там же. С. 57–58.
- 243 Там же. С. 222.
- 244 *Кошелівець І.* Указ. соч. С. 143.

Украинское национальное движение в 1930-е годы

1930-е годы стали прямой противоположностью предшествующему десятилетию. Развитие Советского Союза стало осуществляться по совершенно иным законам – законам «великого перелома», ставшего началом громадного цивилизационного скачка нашей страны из века «лапотного» в век «космический». Модернизационный рывок спрессовал время: за два десятка лет СССР прошел путь, на который иные народы затрачивали несколько столетий. Конечно, далось это дорогой ценой. Лишь подчинив всю мощь государственной машины, все силы общества, жизнь каждого человека единой воле, можно было рассчитывать на решение стоящих перед страной задач. А они диктовали необходимость пересмотра прежних принципов экономического, социального, политического устройства СССР. Новые реалии самым непосредственным образом отразились и на сфере национальной политики и национальных отношений. А те, в свою очередь, предопределили судьбу многих национальных движений и в первую очередь украинского.

«Великий перелом» и национальная политика

Перемены в национальной политике и судьбе украинского национального движения стали следствием изменения экономического курса страны. В связи с этим возникает вопрос: а когда, собственно, эти перемены начались? Иногда в качестве их нижней границы называют голод 1932–1933 гг., изменивший расстановку сил в украинской парторганизации. За рубежную дату порой принимают назначение на пост второго секретаря ЦК КП(б)У П.П. Постышева, ставшего фактическим главой республики и круто взявшегося за выкорчевывание украинского национализма. Или таковой считают кампанию весны 1933 г., направленную

против наркома просвещения УССР Н. Скрыпника, завершившуюся официальным осуждением проводимой им линии в национальном вопросе. Определенные основания для этого есть. Например, никто иной, как сам П. Постышев, на XII съезде КП(б)У (январь 1934 г.) недвусмысленно намекнул, что именно с его приездом на Украине начался новый этап в реализации ленинской национальной политики¹. И все же, эти изменения стали следствием более глобальных перемен в жизни страны. К тому же, национальное движение и национальная политика – вещи хотя и близкие, но разные, а посему переломный момент в судьбе украинского движения, да и в курсе национальной политики, надо искать не здесь.

Эпоха «1930-х» наступила несколько раньше указанных событий: они стали лишь ее зримым воплощением. Но также не стоит искать нижнюю границу нового периода в борьбе с «триединым» национальным уклоном 1926–1928 гг. и уж, тем более, не в XII съезде РКП(б), на котором, по мнению некоторых исследователей, были предприняты «первые попытки “сталинизации” межнациональных отношений». Именно тогда, как полагают приверженцы этой точки зрения, проступили «некоторые признаки смены курса» в национальной политике, т.е. главной угрозой советскому строю постепенно стал видеться не великодержавный шовинизм, а местный национализм². Однако не стоит усматривать начало «эпохи 1930-х» в XII съезде РКП(б). Уж слишком далеки эти события друг от друга и слишком разными были условия, в которых они осуществлялись. На съезде лишь было обозначено, к тому же, весьма завуалировано, что опасность для пролетарского интернационализма может представлять не только великодержавный шовинизм, хотя во всеуслышание таковым был объявлен именно он, но и местный национализм. Ко всему прочему, зная отношение значительных кругов партии к вопросу о государственном устройстве страны и к украинскому национализму, ничего принципиально нового и необычного в этом не было. Настоящей сменой курса в национальной политике стала как раз утвержденная на съезде политика абсолютизации и политизации этничности, политика спускаемой сверху «весны народов».

Конечно, смена эпох не наступила в одночасье. Ее предпосылки крылись в предыдущем десятилетии, вызревая в политико-экономической утробе нэпа, набирая силу по мере восстановления народного хозяйства и укрепления советской власти. Параллельно эволюционировало отношение правящих кругов к проблеме местных национализмов. 1926–1928 годы наглядно продемонстрировали эту эволюцию. Нет оснований сомневаться и в том, что на переход к «рывку» сильное влияние оказала коммунистическая док-

трина, положенная в основу основ партии и руководимого ею государства – в программу ВКП(б). Мечта о создании коммунистического общества (именно коммунистического, а не просто справедливого) оставалась путеводной звездой для многочисленных и влиятельных «пламенных революционеров», особенно из числа «старой гвардии», и партократии. Это обстоятельство послужило причиной появления точки зрения на «рывок» как на новый этап «коммунистического штурма» – продолжение неудавшегося ленинского эксперимента 1917–1921 гг. Заложенной в коммунистической доктрине неприязню к частной собственности и ее носителям, например, к крестьянству, порой объясняют жесткость и даже жестокость, с которой осуществлялись социально-экономические преобразования³.

Несомненно, большая доля правды в этом есть. Идеология наложила свой отпечаток на все общественные и экономические процессы. Но проводить прямые параллели между политикой «военного коммунизма» и «великим переломом» 1929–1930 гг. все же некорректно. Другими были внешние условия, а также и внутренняя мотивация. К 1930 г. идея коммунистической глобализации – мировой революции и абсолютного подчинения ей интересов России, также как и строительства коммунизма как самоцели, все больше становилась анахронизмом. Для сталинской группы в руководстве ВКП(б) на первый план выступали интересы *страны*, ее социально-экономической и общественной модернизации, превращения в современное индустриальное государство. «Мы должны приложить все силы к тому, чтобы сделать нашу страну страной экономически самостоятельной, независимой, базирующейся на внутреннем рынке», – так на XIV съезде ВКП(б) (декабрь 1925 г.) сформулировал стоящую перед партией и государством сверхзадачу сам И.В. Сталин. Выступая с политическим отчетом ЦК, он нарисовал две возможные для СССР перспективы: либо существование в виде аграрно-сырьевого придатка капиталистической системы Запада, либо превращение в «самостоятельную единицу»⁴. Показательно, что он даже не упомянул о «третьем» (а с точки зрения адептов коммунистического универсализма, магистральном) пути – распространении мировой революции.

Процесс превращения Советского Союза в современную державу был объективным и закономерным. Он явился продолжением (только теперь уже социалистическим по форме) модернизации России, начавшейся в последней трети XIX в. и прерванной революцией и войнами. Поступательное развитие страны было не просто приостановлено. Страна была отброшена, пользуясь

терминологией У. Черчилля, к «сохе». На повестке дня стоял непростой вопрос: будет ли она идти вровень с ведущими мировыми державами или упустит время и навсегда превратится в некое подобие Османской империи второй половины XIX в. Поэтому рынок, и притом болезненный для народа, был неизбежен. Вариативно было его содержание и методы осуществления. А последнее, к сожалению, во многом оказались обусловлены коммунистической доктриной и большевистской практикой (а может, еще и «особенностями» отношения «Власти» к «Земле?»), которой были присущи волюнтаризм и отношение к народу как к подвластной массе, из которой как из пластилина, можно лепить все что угодно. Иными словами, переход к «великому перелому» готовился исподволь, и решающая роль в этом принадлежала не партии, а логике развития страны.

Началом 1930-х годов в истории нашей страны стало свертывание нэпа. Собственно, курс на индустриализацию был провозглашен еще на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г.⁵, хотя тогда не было точно определено, как и в каком виде она должна осуществляться. Вновь разгоревшаяся внутрипартийная борьба велась вокруг вопроса о темпах индустриализации и средствах, за счет которых она должна была проводиться⁶. Хлебозаготовительный кризис 1927–1928 гг. (т.е. ситуация, когда цены на хлеб оставались низкими, так как все свободные средства направлялись в промышленность, на товары которой цены продолжали оставаться высокими) подтолкнул И. Сталина и его окружение к активным действиям и утвердил в мысли о необходимости перехода к решительной индустриализации. Среднегодовой темп роста валовой продукции крупной промышленности должен был быть весьма высоким: XV съезд ВКП(б) (декабрь 1927 г.) утвердил план с 16%-ным годовым уровнем роста. XVI партконференция (апрель 1929 г.) одобрила более радикальный, 23%-ный вариант плана. Это предусматривало резкую интенсификацию производства на существующих мощностях и широкое введение в строй новых объектов промышленности⁷. Ко всему прочему, специфика внешне- и внутриполитического положения СССР и разразившийся мировой экономический кризис позволяли рассчитывать только на свои внутренние резервы. Тогда же было принято решение о переходе к коллективизации крестьянских хозяйств, призванной стать экономическим базисом индустриализации.

Таким образом, начало «великого перелома» пришлось на 1929 год. Практически одновременно с ним произошел поворот и в отношении к национальному вопросу. На Украине он был отмечен открытым политическим процессом над Союзом (Спилкой)

вызволения Украины (СВУ). Этот процесс и стал тем зримым рубежом, на котором заканчивалась эпоха нэпа в национальной политике и начиналась эпоха «великого перелома». Тенденция рассматривать украинское движение и идущие «снизу» национально-культурные процессы, местный национализм как вполне определенную опасность для советской государственности, к концу 1920-х годов проступала весьма ясно. Но несмотря на это к активным мерам по борьбе с ними партия еще не приступала. Политика украинизации продолжалась, и одновременно, порой переплетаясь с ней, порой ориентируясь на нее, а порой и опережая ее, развивалась украинизация «неофициальная». Большевики лишь «одергивали» приверженцев последней, когда те, по их мнению, начинали выходить из-под контроля и претендовать на руководство украинским культурным процессом и национально-государственным развитием республики. Сворачивание нэпа положило конец и относительно терпимому отношению к «низовой» украинизации. Имеет смысл коснуться причин, повлиявших на переход к решительной борьбе с украинским национальным движением.

1930-е годы ознаменовались не только активным строительством нового, социалистического общества, не только установлением партийно-государственного контроля над сферой культуры и общественного сознания, но и устранением тех сил, структур и отдельных лиц, которые составляли или могли в перспективе составить в этом конкуренцию партии и руководимому ею государству. Все это в полной мере относилось к украинскому движению. То, что ужесточение внутренней политики, в том числе в национальной сфере, произошло одновременно с «великим переломом» в экономической и социальной сферах, не было случайностью или простым совпадением. По мнению советского руководства решительное наступление на частный сектор должно было встретить отчаянный отпор со стороны буржуазных элементов общества. Со всей ясностью картину предстоящих битв нарисовал лично И. Сталин. По его мнению, рост мощи советского государства и укрепление социалистического сектора экономики неизбежно привели бы к тому, что вес капиталистических элементов стал бы стремительно падать. В ответ на это, чувствуя смертельную опасность, остатки умирающих классов непременно должны были усилить свое сопротивление⁸.

Поскольку именно мелкая буржуазия (крупной к тому времени, естественно, уже не было) являлась питательной средой для развития националистических настроений, то, по логике большевиков, при начале индустриально-колхозного рывка неминуемо усилилась бы активность националистических элементов, а зна-

чит, должна была активизироваться и борьба с ними. Таким образом, строительство социализма подразумевало борьбу с национализмом. При этом не делалось различий между его разновидностями. Борьба должна была обостриться и с великорусским шовинизмом и с местным национализмом. Мелкая буржуазия города и села, кулачество в великорусских областях, по логике большевиков, были русскими, великодержавными. Таковые имелись и на Украине, но значительная масса мелкой буржуазии была украинской. Таким образом, сопротивление мелкобуржуазных слоев вполне могло развиваться под национальным флагом. Возможность использовать пугало национализма расширяла большевикам поле для маневра.

Идея Сталина про обострение классовой борьбы по мере наступления социалистического сектора экономики на капиталистический была универсальна и могла использоваться для объяснения любых затруднений переходного периода, указывая их причину. Сопротивление проводимой политике (коллективизации, раскулачиванию, завышенным планам промышленного строительства, установлению контроля над культурой и т.д.) теперь можно было объяснить враждебной деятельностью националистически настроенных мелкобуржуазных сил. Собственную вину за просчеты также оказалось возможно списать на сопротивление националистов и «последних остатков умирающих классов». Точно также она позволяла объяснить наступление на «национальном фронте» борьбой с буржуазными элементами и выразителями их настроений. По-видимому, советское руководство не преминуло воспользоваться удачно подвернувшейся возможностью (впрочем, им самим же и созданной) и нанести удар по национализму.

У изменения приоритетов в национальной политике были не только сугубо классовые, но также идеологические предпосылки. Как уже подчеркивалось, украинский национализм беспокоил большевиков все больше и больше. Когда же он получил свое выражение в триединой формуле («шумскизм», «хвылевизм», «волобуевщина»), означавшей, что партия не является непреодолимым бастионом для национализма, а коммунистическая идеология вполне может стать его социальной оберткой, и центральное и местное руководство встревожилось всерьез. «Петлюровские» идеи могли слиться с коммунистическими, оформиться в альтернативную идеологию и стать оружием в руках политических противников советского руководства. С их помощью можно было объяснить народу, что у руководства находятся «московские», «неправильные коммунисты», а вот если

бы они были «украинскими», то все было бы по-другому, а жизнь стала бы легкой и веселой.

Наступление на национализм, особенно местный, стало частью изменения приоритетов во внутренней политике, изменения взгляда на модель построения советского общества и государства в контексте стоящих перед страной модернизационных задач. Рывок был невозможен без мобилизации всех сил общества, без придания им единонаправленного вектора развития. Единство было нужно и обществу, и тем, кто стоял у руля государства. В условиях подготовки страны к гигантскому рывку в будущее, разброд и шатание в верхах могли попросту «спустить пар» народного энтузиазма, убить веру в завтрашний день, разбазарить запасы накопленной в партии и обществе энергии и похоронить стоящую перед страной сверхзадачу. Государственная идеология – идеология интересов страны – должна была стать единственной и притом единственно правильной. Все прочие взгляды на пути развития СССР должны были освободить дорогу. Такова была логика «великого рывка».

И было неважно, где родились и держались те или иные взгляды: в беспартийной среде или в партии. В партии альтернативными сталинской идеологии могли стать концепции, также следующие в духе коммунистического учения, но по-иному толкующие некоторые практические вопросы, которые в тех условиях превращались в ключевые. Например, об отношении к мировой революции и проблеме построения социализма в одной отдельно взятой стране, о непрерывности истории России, о способах решения национального вопроса, о взаимоотношениях центра и регионов, о темпах индустриализации. В начале 1930-х годов позиции Сталина и его сторонников, несмотря на кажущуюся непоколебимость, далеко не являлись таковыми. Еще авторитетны были другие вожди, многочисленны их сторонники, влиятельны иные ценности, популярны иные интерпретации будущего СССР. Вся борьба была впереди.

Стержнем социалистической модернизации стала сталинская концепция возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране, да еще такой потенциально могучей, как СССР. Ее торжеству способствовал не только разгром в середине 1920-х годов левой оппозиции. Окончательная победа концепции была обусловлена международной обстановкой: подчас явно недружественным отношением к Советской стране далеких и близких соседей и затуханием международного коммунистического движения. Мировая революция откладывалась на неопределенный срок. Сама жизнь заставляла действовать в одиночку. Несомнен-

ное влияние оказали настроения партийной бюрократии, привыкшей к «теплым местам» и не желавшей поступаться своими полномочиями. Не меньше влияли и настроения народных масс, уставших от революций и традиционно склонных видеть в СССР обычное государственное образование. Миллионы советских людей не отделяли свою судьбу от судьбы страны, и все свои силы отдавали укреплению ее могущества и процветания. Воистину, те поколения жили неодолимой жаждой Созидания. Построение в Советском Союзе первого в мире социалистического общества – общества справедливого, передового, без угнетения человека человеком и капиталом, о чем постоянно напоминала советская пропаганда, многими людьми, особенно молодежью, воспринималось с чувством гордости за свою принадлежность к стране и к этому строительству. Гордость порождала патриотизм и, в некотором смысле, сознание своей мессианской роли: задача принести свет миру возлагалась на них – простых тружеников Советской страны. Причем чем дальше, тем больше роль «страны» выступала на первый план, оттесняя «мессианство» классовое. Важно учесть, что патриотизм, о котором в первой половине 1930-х годов вслух еще предпочитали не говорить, и чувство гордости развивались не в узкореспубликанских, а в общегосударственных рамках, как чувство сопричастности к целому организму, а не к его части.

Необходимость сплочения всех сил страны и общества снова вытолкнула на поверхность вопрос о соотношении союзного и республиканского начал в СССР. В республиках имелись силы, в том числе разделявшие идейную платформу национальных движений, которые отстаивали приоритет интересов республик над интересами союзного государства и необходимость предоставления им больших прав. В то же время логика индустриального развития диктовала подход к экономике СССР как к экономике единого государства, а не как к сумме более или менее связанных между собой республиканских экономик. Этот подход присутствовал и в предыдущем десятилетии, но тогда, хотя бы в силу решений X и XII съездов РКП(б), приоритет отдавался развитию республик, что и позволило существенно поднять их экономически и политически, а некоторые и попросту создать на голом месте. 1930-е годы стали временем дальнейшего укрепления взгляда на Советский Союз именно как на государство, а не на союз республик или зародыш для всемирной республики советов.

Итак, основной причиной изменения приоритетов в национальной сфере стал переход в 1929–1930 гг. к индустриальному рывку – социалистической модернизации. Она была вызвана объ-

ективным ходом развития России–СССР и требовала политического, идеологического и экономического единства общества, устранения идейных и прочих противников нового курса. Утверждение социалистической экономики означало ликвидацию тех социальных групп, которые официально считались носителями не только буржуазных отношений, но и национализма. О некоторых других причинах перехода к новой «эпохе» в национальной политике, ставших роковыми для украинского национального движения, речь пойдет ниже. А сейчас следует проследить, как переход к индустриально-колхозному рывку отразился на населении УССР и этом самом движении.

«Великий перелом», население УССР и украинское национальное движение

Крестьянство. В конце 1920-х годов на селе вновь стал отмечаться рост недовольства. Начало ему было положено хлебным кризисом 1927–1928 гг. Село продолжало находиться в непростых экономических условиях «ножниц цен», которые весьма точно охарактеризовал сам И. Сталин. Крестьянство, говорил он, «платит государству не только обычные налоги, прямые и косвенные, но оно еще **переплачивает** на сравнительно высоких ценах на товары промышленности – это, во-первых, и более или менее **недополучает** на ценах на сельскохозяйственные продукты – это, во-вторых» (выделено Сталиным)⁹. Крестьянство вновь стало придерживать хлеб, дожидаясь повышения цен на него, а то и просто губить урожай. Все это повлекло за собой удорожание промтоваров и ухудшение жизни всех слоев населения страны, в том числе самих крестьян. Неспособность сельского хозяйства обеспечить нужды ускоренного промышленного строительства подталкивала руководство ВКП(б) к мерам внеэкономического характера. Уже после XV съезда (1927 г.) в ход пошли силовые методы изъятия хлеба¹⁰.

Недовольство выражалось в форме саботажа и срыва заготовительных и налоговых кампаний, порче продуктов, росте антисоветских настроений, терактах против представителей власти и т.п. Естественно, чаще всего в этом были замечены зажиточные крестьяне, а также политически неблагонадежные лица («бывшие», участники бандформирований)¹¹. Это не было бандитизмом сродни тому, что имел место в начале десятилетия. Теперь в силу разных причин он не мог получить такого размаха. Что не-

маловажно, у огромной массы населения (хотя, конечно, были и исключения) укрепилось сознание безальтернативности УССР и СССР как страны в целом. Но при всем том статистика ГПУ отмечала, что в 1928 г. произошел резкий рост выступлений, охарактеризованных как террористические. Так, если в 1927 г. по республике было зафиксировано 173 таких случая, то с января по ноябрь 1928 – уже 351, из них в два последних месяца – 74¹². Далекое не все из них являлись проявлениями настоящего терроризма. Однако угрозы, избиения крестьян-активистов, советских работников и коммунистов, покушения на них часто действительно были сопротивлением осуществлявшимся мероприятиям или произволу их конкретных исполнителей, и потому могут считаться проявлением классовой борьбы.

Но в целом, в конце 1920-х годов ситуация на селе оставалась более-менее спокойной. Резкий всплеск протестных настроений пришелся на 1930 г. и был вызван началом проведения коллективизации и ликвидации на ее основе кулачества как класса. Согласно постановлению ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 г., коллективизацию на Украине намечалось закончить к весне 1932 г.¹³ На практике «сплошная коллективизация» осуществлялась поистине головокружительными темпами: уже к 10 марта было коллективизировано 70,9% крестьян. Столь высокие показатели при нежелании значительных крестьянских масс идти в колхозы достигались путем приписок, при помощи давления, угроз (например, угрозы раскулачивания¹⁴), а то и просто физического воздействия. Создание колхозов сопровождалось обобществлением имущества и раскулачиванием, под которое попадали не только кулаки, но и середняки и даже бедняки. Четкие критерии, которые позволяли бы классифицировать то или иное хозяйство, отсутствовали, что открывало широкие возможности для произвола, сведения личных счетов или просто ошибок. К тому же, над местными властями довлел спускаемый «сверху» план, в котором давались разнарядки, сколько хозяйств надо коллективизировать, сколько раскулачить и т.д.¹⁵

Любое действие рождает противодействие. Ответом на коллективизацию стал резкий всплеск протестных настроений зимой–весной 1930 г. по всему СССР. Отпор выражался в отказе от вступления в колхозы, выходе из них, «волынках» – саботаже работы в новых хозяйствах, забое скота и порче имущества, в «бабьих бунтах», терроре против партийного и советского состава и даже вооруженном сопротивлении¹⁶. Многие выступления, если не большинство, были спровоцированы форсированием тем-

пов, злоупотреблением местных властей, произволом и издевательством при проведении коллективизации и раскулачивания¹⁷. Крестьянские настроения проникали и в Красную армию. Например, за три недели марта 1930 г. по 74 гарнизонам Украинского военного округа было зафиксировано 1724 случая негативной реакции на коллективизацию, а из 5500 писем красноармейцев политика советской власти на селе оценивалась положительно только в 1005¹⁸.

Не стала исключением и УССР. Весной 1930 г. по многим районам республики, особенно на Правобережье, прокатилась волна крестьянских выступлений. Особенно резкими они были в ряде местностей Черниговщины и Днепропетровского округа. В Одесском округе восстало три села Червоноповстанского района¹⁹. Волнения происходили также на Херсонщине, Хмельниччине и ряде других местностей. В некоторых селах Антонинского района Шепетовского округа местные крестьяне даже провозгласили «советскую власть без коммунистов»²⁰. Последнее весьма показательно, поскольку свидетельствует о том, что в политике коллективизации крестьяне подсознательно винили не систему и не советскую власть как таковую, а коммунистов, в названии которых проступала ненавистная многим еще со времен Гражданской войны коммуна.

Непростая ситуация сложилась на польской границе. Ввиду того, что она грозила перерасти в международный конфликт, контроль над ней был вынужден взять лично председатель ГПУ УССР В. Балицкий. С февраля 1930 г. по 11 приграничным округам прокатилась волна массовых вооруженных выступлений. В них ярко проявился синтез экономической неустроенности и национальной специфики местного населения. Одним из наиболее тревожных эпизодов стал несостоявшийся переход государственной границы большой группой крестьян. Толпа численностью в несколько тысяч человек, состоящая преимущественно из поляков и униатов (так в документе), двинулась походом на Шаргород, захватила его, выгнав представителей власти, которым пришлось укрыться в местном монастыре. Затем возбужденные люди с кличем «Нам поможет Польша!» двинулись в сторону границы (благо она была недалеко). Только благодаря умелым и своевременным действиям пограничников толпу удалось удержать от перехода границы, уговорить ее разойтись и, тем самым, избежать международных осложнений²¹.

Как свидетельствуют материалы ГПУ, преобладающая часть выступлений имела чисто экономическую основу, а если недовольство и приобретало политическое звучание, то в боль-

шинстве случаев имело «традиционную» антибольшевистско-антикоммунистическую и антиеврейскую риторику, редко приобретая украинско-национальную окраску²². Известны примеры, когда наряду с антисоветскими лозунгами, например, о замене сельсоветов старостами, или обличением коммунистов, «ведущих страну к гибели», звучали требования «ввести в школы изучение славянского языка» для того, чтобы «лучше понимать церковную службу»²³. Понятно, что это волновало не автокефалистов, а тех, кто сохранял верность канонической («московской», по выражению националистов) церкви и не спешил переходить на «понятную» и «родную» украинскую мову. А иногда антисоветские выступления и вовсе проходили под монархический гимн «Боже, царя храни»²⁴.

В то же время отмечался и рост активности украинских националистических элементов, которые стремились воспользоваться крестьянским недовольством. Вновь на селе появились листовки, хотя национальный вопрос муссировался далеко не во всех из них. В тех же, где он присутствовал, повторялись известные утверждения, что якобы «весь украинский хлеб вывозится в Россию»²⁵. Некоторые листовки не ограничивались простой «констатацией фактов» и призывали мстить за 12 лет, проведенных «под гнетом Москвы», и восстановить УНР²⁶ (как видно, для некоторых УНР еще продолжала оставаться путеводной звездой). Как правило, происходило это там, где имелась «значительная засоренность» данной местности этим самым элементом, или же там, где «крепко сидел петлюровский кулак», помыкавший «забитым селянством»²⁷. Еще одним очагом распространения националистических настроений стали местности, где раньше имелась густая сеть «просвит», приходивших УАПЦ, действовали петлюровские банды и проживали их бывшие участники. Там отмечались разговоры о самостийности Украины, пелись песни со словами «Ще не вмерла...», а вокруг сел рылись окопы и дежурили дозорные²⁸. Как всегда, вместе с крестьянскими выступлениями поднял голову и уголовный бандитизм: начались грабежи, поджоги, убийства.

На волне экономических затруднений и недовольства коллективизацией и раскулачиванием оживилась деятельность подпольных групп и кружков. Но как и в начале 1920-х годов, подпольная деятельность украинских националистов и крестьянские волнения оставались самостоятельными явлениями, имевшими свои корни, побуждающие мотивы и цели. Как и раньше, «коноводами» и основным контингентом этих групп становились представители интеллигенции и «бывшие». По мере развития кризиса подполье пополнялось и за счет крестьян, особенно тех, кто уже

имел в прошлом опыт подобной деятельности. Националисты стремились подчинить недовольных своему влиянию, объединить их в группы с тем, чтобы крестьянский протест против мероприятий советской власти проходил организованно и имел характер борьбы против «московской оккупации»²⁹. Противодействие коллективизации, борьбу за возвращение частной собственности они увязывали с «освобождением» Украины от большевиков и решением национального вопроса.

Органами безопасности был раскрыт ряд подпольных организаций националистического толка (подробнее см. в следующем разделе). Все они, помимо требований передачи земли крестьянам, отмены «нового крепостного права», введения свободной торговли, выступали за свержение коммунистического строя, за восстановление УНР и выход Украины из состава СССР. Хотя и социальные, и национальные требования присутствовали одновременно почти всегда, характер подобных организаций зависел от социального состава участников, а главное, от того, что было основой основ их существования – национальный вопрос или сугубо крестьянские интересы. Некоторые из них в УНР видели возможность для удовлетворения своих требований³⁰. Другие же, и их было большинство, считали национальный вопрос главным, а его разрешение – своим приоритетным заданием.

Причиной появления на свет организаций первого типа ГПУ считало «озлобленность кулачества» (хотя в данном случае все же точнее говорить о крестьянском недовольстве), «выросшую на почве последних мероприятий на селе» (имелся в виду хлебозаготовительный кризис 1927–1928 гг. и последующая коллективизация). По своему составу и выдвигаемым требованиям такие организации были крестьянскими. Например, раскрытая в январе 1930 г. в Кременчугском округе «кулацко-петлюровская» организация «Штаб Войска Украинского», созданная в августе 1929 г. как ответ на политику большевиков на селе, в своей программе приоритет отдавала экономическим вопросам – введению частной собственности на землю, созданию крестьянских союзов, уравниванию крестьян в правах с рабочими. «Крышей» для преобразований должна была стать УНР, которую следовало создать путем восстания и интервенции. Национальный вопрос должен был быть разрешен таким образом, «чтобы интересы украинского народа не были ущемлены», а все должности занимались исходя из процентного состава населения³¹. Другие организации выражали крестьянские интересы лишь частично, будучи зеркалом политических настроений националистической интеллигенции.

Иногда бандитизм приобретал комичные формы. Так, в с. Кустовцы Шепетовского округа некий местный бандитский атаман Семён, очевидно, после обильных возлияний, решил идти походом, да не куда-нибудь, а прямо на Москву. Поскольку он был неграмотным, но отнесся к операции со всей серьезностью, то первым делом направился в сельскую школу, где по карте земных полушарий пальцами отмерил расстояние от его родных Кустовцев до Москвы. Вышло немного – всего два вершка. Решив, что через четыре дня он будет у стен столицы, Семён кликнул свое войско. По зову «батьки» явилось около 350 вооруженных человек. На Москву Семён решил двигаться непременно через с. Онацковцы, где старостой была некая Дунька. «От нее там нам помощь будет», – обосновал свое решение «вождь» шепетовских повстанцев и двинулся в поход³².

Настоящий эпизод, при всей его кажущейся несерьезности, между тем служит интересным свидетельством ценностных ориентаций и мышления крестьян (в данном случае шепетовских). Весьма показательное политическое мироощущение того же Семёна и его людей, даже во время антигосударственного выступления подсознательно признававших Москву «своей» столицей и действовавших именно в советской, а не в «национальной украинской» системе координат. Дойти до Москвы «народным мстителям» было не суждено. О дальнейшей судьбе Семёна, Дуньки и их «армии» сводки ГПУ умалчивают, но судя по тому, что «летописание» этого похода составили именно чекисты, можно с уверенностью утверждать, что «спасли» столицу СССР от «веселого» налета именно они.

Но смешными эти пьяные выходки нам кажутся сейчас. Тогда все выглядело по-другому. Социальное напряжение в 1930 г. достигло наивысшего накала. Оно отличалось обоюдной жестокостью сторон и обоюдной убежденностью в правоте своего дела. Сводки ГПУ пестрят сообщениями о той атмосфере, в которой осуществлялись преобразования в деревне. Например, в том же с. Онацковцы, где атаманшей была Дунька, озверевшая толпа избивала уполномоченного РИК, беспартийного крестьянина Волошина и всячески издевалась над ним. Его бросали в воду, ставили на колени, заставляли целовать землю и креститься, а «одна беднячка подняла подол и принудила» его в присутствии гогочущей толпы (не иначе, как в затылок уполномоченному смотрел обрез или в бок упирались вилы. – А.М.) целовать себе половые органы. В соседнем районе такие же «люди» повесили молодую девушку – комсомолку, а затем отняли у одной матери и утопили трехнедельного малыша – ребенка их односельчанина-активиста³³. Это всего лишь несколько примеров «борьбы против кол-

лективизации», хотя таких изуверских убийств, избиений коммунистов, комсомольцев, активистов, членов их семей (в том числе малолетних детей), издевательств над ними³⁴, можно привести бесчисленное количество, потому что такие случаи в начале 1930 г. стали массовым явлением. И точно так же можно приводить сотни примеров произвола, издевательств, несправедливого раскулачивания, высылки, арестов, расправ над крестьянами – кулаками, середняками и просто теми, кто чем-то не угодил какому-нибудь официальному или полуофициальному лицу.

Однако десять лет советской власти не прошли даром: село не просто противостояло городу, но и раскололось изнутри. Стала другой экономическая и политическая обстановка, изменилось и сознание крестьянства, причем всех его имущественных групп. Село 1930 г. не было похоже на село десятилетней давности и, конечно, не способно на мощное восстание или хотя бы на более-менее широко распространенный политический бандитизм. Вот почему после появления знаменитой статьи И. Сталина о головокружении от успехов, введения нового устава сельскохозяйственной артели и своевременных действий по пресечению волнений, антисоветская активность пошла на спад и к концу года практически не давала о себе знать³⁵. Всплеск эмоций зимы–начала весны 1930 г. стал последним, и в дальнейшем коллективизация не встречала организованного отпора (хотя недовольство, отказы работать в колхозах и пассивное сопротивление еще имели место³⁶).

Итак, основой крестьянского недовольства опять, как и во время революции 1905 г. и в годы Гражданской войны, стали социально-экономические причины. Нелишне напомнить, что аналогичная ситуация наблюдались по всему СССР, и Украина здесь не была чем-то особенным. Например, более активное сопротивление коллективизации встретила на юге Европейской части СССР, особенно в ряде казачьих районов Дона и Кубани³⁷. Спецификой коллективизации на Украине может считаться то, что там недовольство и протесты в отдельных случаях облачались в националистические одежды. В то же время связь между экономическими проблемами и национальным вопросом в 1930 г. прослеживалась гораздо слабее, чем десять лет тому назад. Националисты оказались не в состоянии увлечь своими идеями широкие слои населения. Крепче стало государство, национальные и сепаратистские лозунги находили у крестьян гораздо меньший отклик. Большевики прочно удерживали влияние в массах. И это партия могла поставить себе в заслугу.

И все же колхозный строй утвердился пока поверхностно. Причиной было не только крестьянское недовольство, хотя его тоже

не нужно сбрасывать со счетов. Главное заключалось в другом. Резкий переход (к тому же, насильственный) к новому типу хозяйствования и управления, в какой бы отрасли или стране он ни осуществлялся, обязательно в течение некоторого периода сопровождался бы падением производства, хозяйственными затруднениями и т.п. Спустя некоторое время этот переход завершается сам собой. Но набравшая обороты индустриализация требовала все новых и новых средств. Пока их могла дать только деревня. Учитывать эту неизбежную закономерность, отказываться от утвержденных планов, как и от методов их достижения, никто не собирался. И выкачивание ресурсов из деревни продолжилось, что обернулось крайне тяжелыми последствиями. В связи с этим необходимо коснуться такого непростого вопроса, как голод 1932–1933 гг.

*Голодомор или голод?*³⁸ В современной украинской историографии возобладала точка зрения на голод как на «голодомор». Сразу подчеркнем, что «голод» и «голодомор» слова хотя и однокоренные, но имеющие принципиально разный смысл. И дело не просто в масштабах катастрофы. «Голодомор» – это не просто «сильный голод». «Голодомор» – это идеологическая концепция, инструмент воздействия на массовое сознание. Под ним понимается целенаправленное, сознательное уничтожение голодом украинского народа *как народа*, и что еще важнее, как народа *украинского*. Иными словами, «голодомор» хотят представить как *геноцид–этноцид*, который осуществлялся московским руководством при помощи или самоустранении от активного сопротивления этому украинской партийной верхушки³⁹. При этом либо прямо утверждается, либо подразумевается, что геноцид стал частью новой национальной политики большевиков на Украине и являлся ни чем иным, как истреблением «соли» и «кости» украинского народа – украинского крестьянства.

Эта точка зрения не нова и «путевку в жизнь» получила еще в украинской эмиграции. Впрочем, эмиграция была лишь средой, в которой варилась концепция. Не меньшую роль в создании теории «голодомора» сыграли ее солидные заокеанские покровители*. «Голодомор» стал оружием в идеологической войне про-

* Украинская эмиграция подъедалась вокруг американских университетских центров, научные программы которых финансировались государственными структурами США и крупными корпорациями. Повышенный интерес к вопросу проявил и Конгресс США, создавший в 1986 г. специальную комиссию по расследованию этого «коммунистического холокоста», как любят его называть украинские националисты. В настоящий момент это оружие направлено против тех, кто не считает последние 300 лет и советский период в особенности «черной дырой» и «потерянным временем» в истории Украины.

тив СССР, «работавшим» и на социальном («тоталитарное» государство, «неэффективная командная экономика»), и на национальном поле («русский империализм угнетает свободолюбивые народы»). Представления о «геноциде–голодоморе» стало краеугольным камнем «символа веры» «национально сознательных украинцев» и государственной идеологии современной Украины. При этом ему отводится двоякая роль. Во-первых, «голодомор» должен обозначить врага (как реально-материального, так и метафизического, некое «абсолютное зло»), сыгравшего роковую роль в жизни Украины и украинской нации. И, во-вторых, внедрить в коллективное сознание украинцев чувство невинной жертвы, а врагу в его собственных глазах и глазах мирового сообщества привить комплекс вины, наложить на него моральные и материальные обязательства. «Голодомор» призван стать мощным консолидирующим фактором, призванным духовно и идейно объединить украинскую нацию. Но что же было на самом деле?

В 1930 г. была отменена частная торговля. Ведение хлебозаготовок было полностью сосредоточено в руках государства. Успешному проведению заготовительных кампаний должно было способствовать то, что нормы накладывались не на двор, а на колхоз. В 1930–1931 гг. заготовительная кампания прошла успешно. Трудности начались в следующем, 1932 г. Нормы продолжали оставаться высокими, в то же время производительность труда заметно упала. Причиной тому были объективные трудности, связанные с переустройством сельского хозяйства, организацией производственного процесса в колхозах, разрушением, как правило, крепких хозяйств раскулаченных крестьян.

Не менее горькие последствия имели отказы крестьян работать в коллективных хозяйствах, забой скота, в том числе быков (в то время основной тягловой силы), а если говорить языком спецслужб – саботаж (опять-таки, это явление было характерно отнюдь не только для Украины). В этом отношении весьма красноречивы воспоминания украинского диссидента, генерал-майора П. Григоренко. Диссидентом он стал гораздо позже, а в пору мятежной юности и в зрелые годы был правоверным коммунистом. В 1930 г. Григоренко как уполномоченный ЦК был направлен на село для организации заготовок. «Но то, что я увидел, – писал он, – превзошло все мои худшие ожидания. Огромное, более 2000 дворов, степное село на Херсонщине – Архангелка – в горячую уборочную пору было мертво. Работала одна молотарка в одну смену (8 человек). Остальная рать трудовая – мужчины, женщины, подростки – сидели, лежали, полулежали в “холодку”. Я прошелся по селу – из конца в конец – мне стало жутко. Я пытался затеять раз-

говоры. Отвечали медленно, неохотно. И с полным безразличием. Я говорил: “Хлеб же в валках лежит, а кое-где и стоит. Этот уже осыпался и пропал, а тот, который в валках, сгинет”. “Ну, известно, сгинет, – с абсолютным равнодушием отвечали мне”»⁴⁰.

И хлеб гнил. Естественно, все это было прекрасно известно не только Григоренко. Конечно, саботировали работу и губили урожай далеко не все крестьяне. Долг перед землей и трудовая совесть были выше личных обид и имущественных споров. Однако такие факты имели место и, говоря о причинах голода 1932–1933 гг., о них тоже забывать не стоит.

В результате целого комплекса обстоятельств весной 1932 г. в 44 районах Украины начался голод, но уже к лету он прекратился. Однако к этому «звоночку» ни центральное, ни местное руководство не прислушалось. Первоначальный план на 1932 г. предусматривал сдачу 400 млн пудов хлеба. За снижение норм поставок началась борьба. Руководство КП(б)У настаивало на необходимости снижения плана, центр шел на это неохотно. Хотя нормы несколько раз снижали, они продолжали оставаться высокими. В 1932 г. удалось заготовить лишь 136 млн пудов, а из 23 270 колхозов план смогли выполнить только 1403⁴¹. К февралю 1933 г. был заготовлен уже 261 млн пудов. Но делалось это в условиях введения карточной системы и падения экспорта сельскохозяйственных товаров. План «дожимали» самыми крутыми мерами – обысками спрятанного хлеба, штрафами за его несдачу (другими продуктами), репрессиями председателей колхозов и вышестоящих начальников, в том случае, если они не «выдавали» норму и пытались оставить часть хлеба для облегчения положения крестьян. Например, в декабре 1932 г. по этой причине было арестовано и осуждено руководство Ореховского района Днепропетровской области⁴². Но ситуация продолжала оставаться тяжелой: в октябре в республике вновь начался голод, свирепствовавший до конца 1933 г. и унесший тысячи людей.

Существует много различных оценок потерь населения СССР от голода 1932–1933 гг. Большая их часть является результатом не серьезного исторического подхода, а плодом идеологической борьбы, грязной политической спекуляцией на памяти умерших от голода. Потери в 10, а то и 15 млн человек, о чем нередко пишут и говорят на Украине^{2*}, конечно же, являют-

^{2*} Цифры в 10 млн человек и более порой встречаются в научных работах, но чаще присутствуют на страницах более массовой литературы, на волнах радио- и телеэфира, которые имеют гораздо больше возможностей для воздействия на массы и формирования соответствующего общественного мнения.

ся надуманными⁴³. Вообще, подсчет потерь населения УССР (а именно так и надо ставить вопрос, а не украинского населения, как пытаются внушить «историки голодомора») вызывает определенные трудности. Они заключаются, с одной стороны, в установлении того, что будет считаться потерями (только ли прямые или с учетом последующих демографических волн), как отличить умерших от голода от умерших по другим причинам, а с другой – в наличии исходного статистического материала. Несмотря на свою высокую точность, статистика никогда не может дать идеально выверенную картину действительности. С большой долей уверенности можно сказать, что немало крестьян, которых относили к умершим, продолжали жить и трудиться в городах.

В настоящее время наиболее взвешенными и обоснованными можно считать данные, полученные украинским историком С.В. Кульчицким, уделявшим этой проблеме значительное внимание. Он полагает, что в 1932 г. потери населения УССР от голода составили примерно 150 тыс. человек, а в 1933 г. – от 3 млн до 3,5 млн. Это прямые потери. С учетом снижения рождаемости исследователь получил цифру около 5 млн⁴⁴. Но поскольку вторая цифра – величина все же условная, следует исходить из числа прямых потерь – 3–3,5 млн человек.

Нелишне будет отметить, что голодом были поражены не только УССР, но и Россия, ее наиболее хлебные районы – Среднее и Нижнее Поволжье, Северный Кавказ, а также юг Центрально-Черноземной области, Южный Урал, часть Сибири, ряд территорий современного Казахстана (а тогда автономии в составе РСФСР). Всего в СССР в областях, охваченных голодом, проживало около 50 млн человек⁴⁵, голодало не менее 30 млн крестьян. То есть, голодало и умирало от голода не только украинское крестьянство⁴⁶. Да и в УССР этому страшному испытанию подверглись представители всех народов проживавших в ней. Но самое главное заключается в другом. Даже С.В. Кульчицкий – известный специалист в данном вопросе – своими исследованиями, желая или не желая того, наносит удар по родившейся за океаном теории «голодомора». Анализируя статистику ЗАГСов за 1933 г., он приходит к выводу, что смертность в городах имела приблизительно естественный характер, а на селе была повышенной.

Утвердились они и в учебной литературе, причем в ловкой форме. В ней дается широкий «коридор» потерь – от 3 млн до 15 млн человек – якобы для иллюстрации разброса мнений. Не нужно объяснять, что в глаза бросается именно бóльшая цифра.

Иными словами, *люди умирали не по национальному признаку, а по месту проживания*⁴⁷.

В 1920-е годы социальная структура украинского общества претерпела коренные изменения, превращавшие его из общества сельского типа в общество индустриальное. Уровень урбанизации украинцев за 1920–1930-е годы вырос до 29%. В абсолютных цифрах число украинцев-горожан увеличилось с 2,5 млн (в 1926 г.) до 6,8 млн человек (в 1939 г.) и этот процесс продолжал развиваться. Стремительно пополнялся украинскими кадрами и рабочий класс. Например, в 1930 г. 80% шахтеров Донбасса были выходцами из украинских сел⁴⁸. Но никто эти миллионы не морил «голодомором», хотя сделать это было проще: ведь в отличие от сельского жителя горожанин всецело зависит от того, что сможет купить в магазине. Наоборот, ради того, чтобы обеспечить их продуктами, хлеб и другое продовольствие выколачивались из русских⁴⁹, польских, молдавских, греческих, болгарских и прочих сел, где также от голода гибли люди.

Но вернемся к «этноциду». Придя к заключению, что люди умирали по месту проживания, С.В. Кульчицкий делает вывод: «В границах Украины геноцид целил своим острием не в украинцев как таковых, а в сельское население»⁵⁰. Оставим в стороне утверждение о «геноциде». Не будем останавливаться и на вопросе о том, был ли голод сознательно спровоцирован большевистским руководством, задумавшим (а не просто использовавшим) «террор голодом» в качестве метода создания колхозного строя, или же он явился результатом форсированной, если угодно, бесчеловечной, политики, преследовавшей цель максимального обеспечения нужд индустриализации любыми средствами. Даже если гипотетически предположить, что высшее партийное руководство страны сознательно доводило и довело дело до голода в южных, юго-восточных и юго-западных регионах СССР, то логичнее это было бы назвать не гено-, а «классоцидом» – мезью крестьянству, оказавшему весьма упорное сопротивление коллективизации, жестокому^{3*}, но действительному средству принуждения к работе в

^{3*} Впрочем, по результатам своих разрушительных действий для крестьянства эта жестокость вполне сопоставима, скажем, с огораживаниями в Англии. Разница лишь в том, что коллективизация, раскулачивание, голод, приведшие к гибели нескольких миллионов человек и тысячам сломанных судеб, оказались чрезвычайно сжатыми во времени, в то время как огораживания, стоившие английским крестьянам не меньше жертв, горя и страданий, растянулись на десятки лет. Если же говорить о подрыве советского села, то еще вопрос, что нанесло его самочувствию больший ущерб – сама ли коллективизация или дальнейшая политика по отношению к деревне. И действительно ли были

колхозах. Хотя до сих пор не представлено убедительных, прямых доказательств того, что власти намеревались целенаправленно уничтожить часть населения СССР и ставили перед собой эту задачу.

Правда, «реверанс» правящей идеологии С.В. Кульчицкий все-таки был вынужден сделать, заявив, что у «геноцида» все же была «национальная подкладка». Эта «подкладка», якобы, присутствовала в тексте постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1932 г. «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области»⁵¹. В этом постановлении, подписанном И.В. Сталиным и В.М. Молотовым, помимо прочего, говорилось, что на Северном Кавказе (имелась ввиду Кубань) и Украине были допущены ошибки в проведении украинизации, а контроль за теми, кто эту украинизацию осуществлял на практике, был пущен на самотек. Благодаря этому «националистические элементы», петлюровцы и прочие получили легальное прикрытие для антисоветской работы. Особенно плотно они облепили прессу и школу. От северокавказских властей требовали в ближайшее время перевести делопроизводство в советских и кооперативных органах, прессу, а с осени 1933 г. – и преподавание в школах, на русский язык. Далее союзное руководство предлагало ЦК КП(б)У «обратить серьезное внимание на правильное проведение украинизации» и вычистить контрреволюционные элементы из партии и советских органов⁵².

Это постановление вроде бы и стало свидетельством наличия «национальной подкладки». Но, как можно убедиться, оно не содержит ничего, что могло бы служить не только прямым, но даже косвенным доказательством «этноцида» украинского народа. Максимум, что можно предположить, основываясь на нем, это то, что власти постарались воспользоваться удобной ситуацией для внесения корректив в проведение национальной политики. Заметим, не пересмотреть курс на создание украинской нации в целом, а именно внести в него коррективы. Скорее, в этом постановлении сквозит желание найти виновного в сопротивлении коллективизации, голоде и трудностях пятилетки и сделать его ответственным за просчеты и неудачи. На роль «козлов отпущения», поми-

вызваны настоятельной необходимостью последующие хрущёвские «реформы» сельского хозяйства, а затем и ликвидация так называемых «неперспективных деревень» (от которой, кстати, пострадала именно Нечерноземная Россия – «имперская митрополия», по выражению разномастных украинских националистов). Одно надо отметить, с сожалением: к крестьянству коммунисты относились с недоверием и неприязнью, а в лучшем случае как к «дойной корове».

мо властей на местах, вполне подходили украинские националисты всех политических расцветок, от жовто-блакитных до ярко-красных, которые уже давно стали порядком поднадоедать советскому руководству. Нелишне отметить и то, что в целом ряде случаев действительно прослеживалась прямая связь между состоянием сельского хозяйства и проводимой национальной политикой. Причем нагляднее всего это было заметно на примере территорий РСФСР, где проводилась украинизация. Именно в тех районах Кубани, где работали сотрудники Наркомпроса УССР и активисты «национального возрождения», воспитывавшие население в национально-украинском духе, антисоветская деятельность в начале 1930 г. была наиболее упорной⁵³.

Что касается Северного Кавказа, то возвращение русского языка в школьное образование, прессу и прекращение украинизационных экспериментов было встречено населением с удовлетворением как правильная и давно ожидаемая мера. Отношение населения Кубани (причем и иногороднего, и казацкого) к проводившейся украинизации в подавляющем большинстве было негативным. Например, русские школы были переполнены, а украинские стояли пустыми. Родители объясняли это тем, что в украинской школе детей «портят», готовят из них «украинских китайцев» (очевидно, из-за мудрености и искусственности украинского языка – «китайской грамоты»). «Такой украинизации не треба, нащо ломать дитину, хай им бис, хай вучат по-русски», – говорили они и объясняли свое неприятие «ридной мовы» тем, что «украинский язык не наш» и «на нем никто нигде не говорит»⁵⁴.

Прекращению экспериментов на Кубани и в Черноземье способствовало то, что они являлись частью РСФСР. Но на такое же недовольство жителей Донбасса, Криворожья, Харьковщины, бывших новороссийских губерний внимания не обращали. Эти регионы входили в состав УССР и потому считались «украинскими», хотя самих жителей никто не спрашивал об их самоидентификации и отношении к спускаемой сверху украинской идентичности.

Так что же было в СССР и на Украине в 1932–1933 гг.? А был страшный голод, унесший жизни нескольких миллионов человек. Он стал побочным эффектом от реализации плана по переводу страны на новую систему хозяйствования. Высокие требования наложились на неизбежный переходный период, а с потерями и затратами, и в том числе с человеческими жизнями, при этом не считались. Причем чем больше было развито в регионе сельское хозяйство, тем меры были круче. Поэтому и голод был в наибо-

лее хлебных регионах. Собственно, УССР пострадала не потому, что там жили украинцы, а только потому, что она была одной из главных житниц Советского Союза. Для нас важен тот факт, что *никаких доказательств «этноцида»*, т.е. целенаправленного уничтожения голодом крестьянства УССР как крестьянства *украинского*, нет. Украинцев никто специально голодом не морил. О том, что объектом столь крутых мер стало крестьянство как таковое, вне зависимости от этнической принадлежности, свидетельствуют географические масштабы «продовольственных затруднений» и количество голодающих. Подтверждением этого является и то, что смертность на селе была выше, чем в городе, по всему Советскому Союзу⁵⁵.

Кстати, сопротивление крестьянства было ненапрасным. Своей позицией оно сумело добиться для себя многих уступок. В течение всего десятилетия государство было вынуждено повышать оплату за трудодни, разрешить ведение приусадебного хозяйства и содержание скота и сделать еще ряд послаблений, например, предоставив колхозам право частичного распоряжения произведенной продукцией. Все это заметно изменило облик коллективных хозяйств. Несмотря на то что колхозный строй был многим не в радость, он все же оказался далек от коммуны, которой так боялись крестьяне. А длительная идейно-силовая политика партии и государства возымела свое действие. Крестьяне смирились с необходимостью работать в общественном хозяйстве и перестали его бойкотировать.

К концу 1934 г. переход на новый способ хозяйствования в основном завершился. Кризис колхозного строя был преодолен⁵⁶, и в последующие годы развитие сельского хозяйства на Украине осуществлялось довольно успешно. Причем рост хлебозаготовок (1933 г. – 317 млн пудов, сданных государству, 1935 г. – 462 млн, 1938 г. – 545 млн) происходил параллельно с определенным подъемом жизненного уровня колхозного крестьянства. Можно сказать, что колхозный строй стал неким компромиссом между государством и крестьянством. В контексте нашего исследования важно подчеркнуть следующее. Колхозный строй стал важной составляющей социально-экономического базиса, на котором формировалось советское общество. Новая социально-экономическая реальность определяла структуру последнего, формировала общественное сознание, мораль, систему ценностей нового социума, в том числе ее национальной составляющей. Поэтому колхозный строй и общественная форма собственности стали важным фактором при формировании украинской нации и национального самосознания.

Интеллигенция. Установление «единственно правильной» идеологии на практике означало борьбу с носителями альтернативных идеологических концепций. Первым объектом для удара стала интеллигенция и, прежде всего, «старая».

Наступление на интеллигенцию осуществлялось в масштабах всей страны и было обусловлено критическим отношением многих ее представителей к большевикам вообще и к темпам и методам социалистического рывка, в частности. Особенно это касалось «буржуазных специалистов», которых обвиняли в затруднениях на хозяйственном фронте, начиная еще с «шахтинского дела». В 1930 г. со всей остротой встала кадровая проблема, ко всему прочему усугубленная репрессиями по отношению к специалистам старой школы. Например, для растущей промышленности Украины уже тогда не хватало 9 тыс. инженеров, ощущалась нехватка и 16 тыс. учителей. В качестве выхода из создавшегося положения была сделана ставка на скорейшую подготовку кадров новой социалистической интеллигенции. В 1930–1933 гг. из вузов и техникумов в промышленность влилось 43 тыс. новых специалистов, хотя общая потребность в квалифицированных работниках по УССР продолжала оставаться высокой⁵⁷.

К началу 1930-х годов украинская интеллигенция продолжала оставаться по преимуществу гуманитарной. Поэтому мы не погрешим против истины, если оставим за скобками погромные процессы против «вредителей» на производстве (вроде того же «шахтинского дела» или дела мифической «Промпартии»), поскольку в центре их внимания оказывалась главным образом русская (в национальном плане) техническая интеллигенция. Кампании против украинской интеллигенции развивались в иной плоскости и проходили под знаменем борьбы с украинским национализмом.

У многих ее представителей продолжали бытовать антисоветские и националистические настроения. «Борьбу за Украину» они вели не только в области культуры, идеологии и национального строительства. На протяжении всех 1920-х годов существовало и националистическое подполье, намеревавшееся силой свергнуть большевиков и добиться самостоятельности «через налеты», террор и вредительство, хотя масштабы его не шли ни в какое сравнение с тем, что имело место в первой трети 1920-х годов. «Террористические тенденции крупного места не занимают», — отмечал председатель ГПУ УССР В. Балицкий⁵⁸. И руководство республики, и особенно ГПУ внимательно следили за деятельностью «украинских контрреволюционных элементов». Отмечалось, что к концу десятилетия на почве экономических затрудне-

ний, обострения внутри- и внешнеполитического положения активизировались сторонники радикальных методов борьбы за национальное дело. Соответственно, выросло и число подпольных организаций⁵⁹. Но спецслужбы работали четко, и такие организации своевременно обезвреживались.

Так, нелегальные петлюровские организации были раскрыты в Волынском, Черниговском округах. В Уманском округе была пресечена деятельность «Селянской спилки». Запорожским отделом ГПУ оказался разоблачен повстанком (27 человек), поддерживавший связи с заграничным центром и т.д. Не все подпольные группы имели «буржуазно-петлюровский» характер. Например, в октябре 1927 г. в Днепропетровском округе была обезврежена подпольная организация, объединявшая бывших укапистов и коммунистов и стоявшая на укапистской идейной платформе. Впрочем, это не помешало ей установить связь с руководством УНР в эмиграции. В конце 1928 г. в Подольском округе была ликвидирована еще одна организация, готовившая вооруженное восстание «под флагом УКП». У нее уже был выработан план захвата местных органов власти, исполкома, милиции⁶⁰.

Не прошло незамеченным и некоторое увеличение в рядах националистического подполья молодых людей, что во многом объясняется обычной сменой поколений. Скажем, в с. Кухари на Киевщине в поле зрения чекистов попал «Сосновый батальон», (август 1929 г.), занимавшийся антисоветской агитацией и готовивший восстание. «Батальон» был организован заведующим местной школой Моргуном. Кроме него в организации состояло 16 его воспитанников. Подобные организации имелись не только на селе. В апреле того же года киевским отделом ГПУ была обезврежена организация, называвшаяся «Комитет вызволения Украины». В ней состояли в основном представители «интеллектуальной молодежи», стремившиеся реализовать националистическую идеологию старшего поколения в «формах активной борьбы с советской властью». Организация распространяла антисоветские листовки, устанавливала связи с польским консульством и эмиграцией⁶¹.

Как и прежде многие организации обращали свои взоры к крестьянству, которое к концу десятилетия стало особенно «популярно». Скажем, в деле еще одной организации – «Украинской демократической народной партии» (август 1929 г.) – помимо прочих обвинений (подготовка восстания, планы создания самостоятельной Украинской державы) говорилось, что ее участники стремились сорвать мероприятия власти, агитировали на сходах и подстрекали крестьян к борьбе против советской власти⁶². Нес-

смотря на то что крестьянские проблемы живо интересовали многих представителей украинской оппозиции, они зачастую были лишь фоном, удобным поводом для выражения требований национального характера. К примеру, в программе «Полуботковской громады» (22 учащихся Белоцерковского округа) указывалось, что общественный строй должен удовлетворять все население, но прежде всего крестьян, а промышленность должна стать лишь «дополнительным фактором развития земледелия и крестьянского хозяйства». Забота о крестьянстве была лишь средством по превращению Украины в независимое государство, в котором «все должно быть приспособлено исходя из национальных интересов», поскольку именно национальный вопрос «полуботковцы» считали самым извечным и главным⁶³.

Сейчас трудно сказать с достоверностью, существовали ли эти организации на самом деле или являлись фальсификациями ГПУ. Конечно, нет оснований отрицать, что в каких-то конкретных случаях, особенно по мере перехода к социалистическому рывку, фальсификации и подтасовки имели место. Раз обострялась классовая борьба, должно было обостриться и сопротивление националистов. Но вместе с тем нет никаких оснований отвергать тот факт, что в конце 1920-х годов определенная почва и кадры участников для таких организаций имелись.

Наличие благоприятной почвы для существования подполья объяснялось не только самим фактом пребывания Украины в составе СССР или, по терминологии националистов, в «московской неволе». На это влияла и текущая политика, прежде всего индустриализация, наступление «передового» города на патриархальную и «национальную» деревню. Другой причиной было разочарование в «неискренней» украинизации, особенно усилившееся по ходу борьбы с триединым уклоном 1926–1928 гг. Третьей становилась политика «неограниченного национального строительства» и противостояния русскости (понимаемой также как противостояние центру), которую проводил Наркомпрос УССР и которая вдохновляла наиболее радикальные элементы на борьбу за Украину. Да и в республике оставалось еще немало людей, вполне подходящих для этого⁶⁴. Кроме того, любые неформальные собрания, встречи, серьезные разговоры о «родине и о себе» тех, кого ГПУ рассматривало как националистов, могли послужить основой для обвинений в создании заговорщицких организаций.

Иными словами, почва для таких организаций была, а национальная оппозиция существовала не только на уровне личного мироощущения. Дыма без огня не бывает, и пусть даже какие-то

из них и не были подпольными политическими организациями в полном смысле этого слова, сомневаться в реальности многих из них нет оснований. Впоследствии программные положения этих организаций, как и сам факт их существования, послужили обвинительным материалом при организации политических процессов 1930-х годов. В то же время было бы неверно утверждать о каком-то росте влияния подпольных организаций и их идеологии на народ, что убедительно продемонстрировали события начала 1930 г. К тому же, подполье охватывало лишь часть, и притом не самую значительную, украински настроенных людей. Оно было лишь отдельным сегментом в широкой деятельности национального движения

В конце 1920-х годов борьба с этими организациями носила «локальный» характер и не перерастала в борьбу с украинским национализмом как таковым. Постепенно она набирала обороты. Так, в 1927 г. число привлеченных по линии «украинской общест-венности» составляло 107 человек. В 1928 г. их было уже 285, в первой половине 1929 г. – 332 (по другим данным 583 человека)⁶⁵. Но хотя эти операции «по снятию украинского антисоветского актива» и задерживали деятельность националистов, полностью ликвидировать ее они не могли. «Не все активные группы» были разгромлены, впереди предстояла «упорная, неослабная борьба» с «украинской контрреволюцией», – докладывал Балицкий руководителям республики⁶⁶. Назревал качественный скачок, при котором простое количество разоблачаемых организаций и арестованных «националистических элементов» должно было перейти на качественно новый уровень отношения к «украинской контр-революции». И такой скачок произошел.

Новые времена: дело «Союза вызволения Украины»

Процесс над СВУ. Этим «скачком», разделившим два периода в жизни украинского движения – до «великого перелома» и после него – стал открытый политический процесс над участниками «Союза вызволения Украины» (СВУ), проходивший 19 марта – 9 апреля 1930 г. в Харькове. Последний открытый судебный процесс в УССР, как и последний процесс, имевший не экономическую, а национально-политическую подоплеку, состоялся еще в 1921 г. Тогда обвинялись украинские эсеры во главе с В. Голубовичем. Приговор был мягким, все подсудимые остались на свободе и продолжали работать в научных, культурных и хозяйствен-

ных учреждениях республики. Конечно, тогда позиции большевиков в охваченной бандитизмом Украине, когда с минуты на минуту ожидалось новое вторжение, были еще непрочными. Но своих целей они смогли достичь: общественность воочию убедилась в том, кто же победил в Гражданской войне, и в то же время большевики показали, что не собираются расправляться со своим поверженным противником. После этого национальных уклонистов только «одергивали» или дело заканчивалось кадровыми перестановками. Социалистическое наступление на «экономическом фронте» позволило большевикам перейти к более крутым мерам.

Подготовка процесса над СВУ началась еще с мая 1929 г., когда ГПУ УССР провело аресты группы киевских студентов. Чекисты информировали ЦК КП(б)У о раскрытии контрреволюционной организации, состоящей из антисоветски настроенной интеллигенции, видных участников петлюровского движения, деятелей автокефальной церкви, представителей кулачества, не прекративших антисоветскую деятельность⁶⁷. По подозрению в принадлежности к антисоветской организации, было арестовано немало представителей интеллигенции – учителей, научных работников, служащих. Выбор объекта очевиден: в ГПУ были уверены, что руководящий центр СВУ находился в Академии наук. Аресты продолжались до января 1930 г. Всего под следствие попало 474 человека⁶⁸.

На скамье подсудимых оказалось 45 человек – все представители национальной интеллигенции. Например, 15 из них работали в системе ВУАН, а двое были академиками. Многие из подсудимых (31 человек) были деятелями УНР и украинского движения времен революции, членами Центральной рады, министрами с социал-демократическим, эсеровским и подобным политическим прошлым⁶⁹. Среди обвиняемых значились член Генерального секретариата УНР, академик ВУАН и виднейший представитель украинского движения С. Ефремов, бывший премьер-министр правительства УНР, а впоследствии активный организатор УАПЦ В. Чеховской, академик М. Слабченко, историк И. Гермайзе, литературный критик и писатель А. Никовский, писательница Л. Старицкая-Черняховская и др. Обвинительный приговор гласил, что созданная ими подпольная организация была раскрыта и ликвидирована во второй половине 1929 г. (тогда же состоялись аресты ее членов). Далее говорилось, что СВУ намеревался «свергнуть советскую власть на Украине путем вооруженного восстания при помощи иностранных буржуазных государств и реставрировать капиталистический строй в форме Украинской Народной Республики»⁷⁰.

Согласно официальным обвинениям, предтечей СВУ было «Братство Украинской державности» (БУД), созданное подсудимыми еще в 1919 г. Судьба БУД – судьба националистического повстанчества: оно самоликвидировалось в 1924 г., под влиянием политики украинизации. Новые условия побуждали к перемене тактики. В результате в 1926 г., после гибели Петлюры, на свет появилась новая организация – СВУ, имевшая сеть соратников по Украине и связи с эмиграцией⁷¹. Во главе организации стоял С. Ефремов, который давно находился в поле зрения ГПУ.

Каким же образом СВУ пытался достичь своих целей? Следствие и судебный процесс ответили и на этот вопрос. Члены Спилки внедряли своих людей в государственные структуры и общественные организации УССР, создавали почву для их будущего превращения в органы УНР. Например, на Луганщине действовал «кружок украинизаторов», состоящий из учителей украинского языка. Согласно обвинению, своей целью кружок ставил объединение украинской националистической общественности и влияние на учительство и студенчество. Академик М. Слабченко обвинялся в том, что формировал и воспитывал группу будущих молодых профессоров, националистов по убеждению⁷².

Имелась при СВУ и боевая террористическая организация. Для удобства СВУ был разделен на медицинскую, академическую, школьную, педагогическую, институтскую, издательскую, редакторскую, кооперативную, автокефальную секции. При нем имелся Союз украинской молодежи (СУМ). По версии госбезопасности, СУМ был создан в 1925 г. и связь с СВУ установил в 1928 г. Заметим, что указанные направления оставляли для советских спецслужб широкий простор для поиска контрреволюционных элементов в тех организациях и областях, которые были охвачены этими секциями, например, в Академии наук, книгоиздательстве, системе образования и т.д. СВУ также имел филиалы в Полтаве, Днепропетровске, Чернигове, Виннице, Одессе, Николаеве и 31 округе республики⁷³.

В настоящее время многими историками принято считать, что «Союз вызволения Украины» как таковой не существовал и был плодом работы органов безопасности. Об этом, например, пишут В. Пристайко и Ю. Шаповал в своей работе, основанной на солидной источниковой базе⁷⁴. Действительно, обвинение было построено на показаниях участников процесса, их личных материалах, переписке, дневниках, оперативных материалах ГПУ, самодоговорах и показаниях других подсудимых. Уже после первых арестов, к осени 1929 г., стало ясно, что найденный при обыске материал хотя и давал представление о русле, в котором мысли-

ли арестованные, но не содержал информации об их участии в СВУ, равно как и о наличии таковой. Поэтому было решено, что в ряде округов дальнейшая разработка дела будет осуществляться следственным способом, т.е. так, как только что было сказано.

Обвинения и основные эпизоды дела были сформулированы в декабре 1929 г., задолго до начала судебного заседания. Вся информация о подготовке процесса, а затем о его ходе, отсылалась в ЦК ВКП(б) и лично Сталину. Это, кстати, свидетельствует о том, что процессу придавалось исключительное значение. Скажем, положение о времени создания СВУ, перечисление направлений, по которым действовали члены Спилки, списки участников центральной организации и филиалов содержались в составленном С. Косиором, В. Балицким и П. Любченко документе, информировавшем ЦК ВКП(б) о ходе работы по указанному делу⁷⁵.

Не секрет, что при подготовке подобных процессов ради того, чтобы найти доказательства вины подсудимых, в ход шли подтасовки, подлоги, фальсификации. Но, как правило, в основе их были реальные факты и события. Например, в деле разоблаченной в 1930-е годы контрреволюционной повстанческой организации «Красных партизан» в качестве вещественных доказательств фигурировали некие спрятанные в пограничной полосе арсеналы вооружения. К мифической организации они отношения не имели, хотя и не были выдумкой чекистов, как могли бы подумать «развенчатели культов» перестроечного и постперестроечного времени. Эти склады действительно существовали. Дело в том, что в 1927 г. с санкции высшего руководства СССР и лично по указанию наркома обороны К.Е. Ворошилова на случай вероятной войны в приграничных районах делались схроны с оружием и взрывчаткой, а также назначались лица из участников войны, тех же красных партизан, которые должны были оставаться на оккупированной врагом территории и вести подпольно-диверсионную работу⁷⁶.

Подобные «зацепки» имелись и в деле СВУ. К ним можно отнести, скажем, наличие ряда раскрытых организаций с одноименным названием (например, «Спилки вызволения Украины» из Винницкого округа, ликвидированной в 1928 г., не говоря уже об СВУ времен Первой мировой войны), а также факты антисоветских и националистических настроений, подтвержденных оперативной информацией и изъятыми личными материалами и т.д.

Но ее реальность, как ни парадоксально, ни работников госбезопасности, ни партийное руководство особо не волновала. Даже если СВУ как организация не существовал, нельзя забывать

принцип, сообразуясь с которым строились все политические процессы 1930-х годов. Его можно назвать принципом «упреждающего удара» против потенциальных или вполне реальных противников советской власти. Люди, становившиеся главными участниками того или иного процесса, могли быть невиновны в конкретных обвинениях и даже до поры до времени не иметь представления о созданных в кабинетах ГПУ–НКВД организациях, но истинность формальных обвинений не была главной. Судили за мысли, за взгляды, за жизненную позицию. Если понять эту логику, многие явления общественно-политической жизни 1930-х годов предстают в ином свете и становятся понятными.

В данном случае судили украинский национализм. На скамье подсудимых оказались видные представители национального движения, участники революции, деятели УНР. Ни для кого не было секретом их резко негативное отношение и к советской власти, и к «зависимости» Украины от России. Даже если охарактеризовать деятельность этих людей как «духовную» или «интеллектуальную» оппозицию, это не только не умалит их роль в деле утверждения украинства, но, напротив, лишь подчеркнет ее. Борьба вовсе не обязательно должна сводиться к кавалерийским атакам, терактам против представителей власти или разбрасыванию листовок. Мозговой центр национального движения, генератор идеологий, ценностных систем имел для строительства украинской нации значение несравнимо большее, чем десятки самых мощных подпольных организаций. Идеи, однажды появившиеся, не исчезают в никуда. Они имеют особенность материализовываться через помыслы и дела людей, пусть даже спустя несколько поколений, и изменять мир. История последнего столетия убедительно продемонстрировала, что наиболее прочная победа — победа на поле общественного сознания.

Пока же «зачищалась» «старая гвардия» украинского движения. 9 апреля 1930 г. Верховный суд УССР за контрреволюционную деятельность и участие в СВУ приговорил обвиняемых к разным срокам лишения свободы (от двух до десяти лет). Из 45 человек десять получили срок условно и были освобождены, еще пятеро через несколько месяцев были помилованы. Другие же, как, например, С. Ефремов, на волю больше не вышли: позднее они были осуждены по новым статьям и получили новые сроки⁷⁷.

Процесс над СВУ был открытым и вызвал большой общественный резонанс. Реакция широких слоев населения на суд и приговор продемонстрировала, что государственная идеология начала проникать в массовое сознание. Речь идет не только о ежедневной и настойчивой кампании советских СМИ по созданию не-

гативного образа «контрреволюционеров» и таких же официальных осуждениях участников СВУ, которые принимались трудовыми коллективами различных организаций и учреждений. Гораздо интереснее посмотреть, какой была реакция «не на показ», не для выражения верноподданнического усердия. Особый интерес при этом представляет реакция интеллигенции как наиболее образованной группы населения, внимательно следившей за политикой и настроенной более критически по отношению к власти. К тому же, всем было ясно, что своим острием процесс над СВУ был направлен против нее. Например, под влиянием процесса над Союзом вызволения среди рабочих вновь стала отмечаться подозрительность к спецам и к интеллигенции вообще⁷⁸, притихшая было после окончания «шахтинского процесса», а также усилилось враждебное отношение к украинским националистам и украинизации.

Итак, какую же реакцию вызвали сообщения о суде над СВУ среди интеллигенции? Этому вопросу посвящена специальная сводка, составленная заместителем председателя ГПУ УССР К.М. Карлсоном. Как указывалось в сводке, основная масса интеллигенции смотрела на процесс со своей корпоративной точки зрения. В процессе усматривали уже привычное «спецеество» и третирование интеллигенции. Но помимо тех, кто полагал, что дело было раздутым, а приговор – чрезвычайно суровым (подсудимые, конечно, неправы, но они раскаялись и могут продолжать работать⁷⁹), имелись и такие, которые были довольны принятыми мерами, а если и критиковали их, то только за чересчур мягкий, по их мнению, приговор. Например, профессор Харьковского педагогического института В. Брожечка в этой «мягкости» усматривал национальный подтекст: подсудимые были украинцами. Если бы такое произошло в РСФСР, «оно бы так просто не кончилось», – полагал профессор и возмущался тем, что «люди пользуются некоторыми привилегиями только от того, что они украинцы»⁸⁰.

Подобные высказывания были присущи представителям русской интеллигенции. Она долго испытывала на себе давление украинизации, а также возведенных в ранг государственной политики кампаний против «великодержавного шовинизма» и осуществлявшейся под этой маркой травли и третирования русскости. Партийная пресса, особенно благодаря стараниям Н. Скрыпника и его команды, изображала русскую интеллигенцию одним из главных носителей этого шовинизма. Доставалось ей и от «украинцев». Поэтому становится понятным, отчего немало представителей русской интеллигенции жалело, что «не все подобные орга-

низации выявлены» или, как преподаватель физики Киевского педагогического института С. Борисоглебский, надеялось, что «люди, сочувствующие деятелям СВУ», «в конце концов... будут обнаружены». А такие люди, по его словам, были везде, даже у них в институте⁸¹ (как видим, так считало не только ГПУ–НКВД).

Вообще несмотря на то что в кругах русской интеллигенции отношение к процессу над СВУ было разным⁸², его национальную подоплеку она почувствовала хорошо. Кто-то верил в существование СВУ, кто-то нет. Но даже те из них, кто не спешил принимать официальную информацию на веру или считал, что «в сообщении об Ефреме 90% лжи», потому что «большевикам надо отвлечь внимание от событий на Китайской границе, от безработицы, отсутствия продуктов, топлива и т.д.», полностью поддерживали коммунистов, когда принимались рассуждать об «украинском вопросе». Скажем, некий профессор Егунов, сомневавшийся в том, что дело «было серьезно», потому что коммунисты «теперь очень сильны», ни минуты не сомневался, что в случае, если бы СВУ вел дело к отделению Украины, надо было принять «серьезные меры». Ему вторил профессор Боровиков (в деле он усматривал «польскую интригу»): «Той автономии, которую Украина сейчас имеет – достаточно. Коммунисты набьют морду сепаратистам и расстреляют Ефремова. Не лазь. Я всецело на стороне коммунистов»⁸³.

Польский мотив, как и выход на международные темы вообще, постоянно присутствовал при обсуждении дела СВУ. Относительную мягкость приговора чаще всего пытались объяснить боязнью международных осложнений. В среде интеллигенции ходили разговоры, что большевики опасаются ответных мер со стороны иностранных государств, особенно Польши. Причем такие взгляды высказывали представители и русской, и украинской интеллигенции⁸⁴. Степень опасности, которую представлял СВУ, также оценивали по-разному. Кто-то полагал, что организация «имеет корни в зажиточной части крестьянства и украинской интеллигенции». Другие считали, что «украинцев» очень мало и «они подняли голову потому, что власть слишком с ними заигрывала»⁸⁵. В целом же можно отметить, что процесс над СВУ всколыхнул подспудно тлеющее противостояние русского и украинского мировоззрений, общерусской и украинской идентичностей.

Украинская интеллигенция реагировала более единодушно. Многие ее представители тоже сомневались в реальности СВУ и во всем видели руку ГПУ, которое «соскучилось» по работе, так как «уже давно не имело хорошего дела»⁸⁶. Но в их официальных выступлениях звучала резкая критика в адрес СВУ и ее главных

участников, принимались резолюции соответствующего содержания. В то же самое время некоторые из выступавших (например, профессора Гордиевский и Музычка из Одессы) при встречах со студентами и на других мероприятиях старались, как отмечали чекисты, «смазать значение и характер СВУ и подорвать доверие к правдоподобности этого дела». Наиболее проницательные люди почувствовали, что «теперь, наверное, будут бить украинцев и дальше. Москва возьмет теперь твердый курс». Упомянутый выше Музычка как в воду глядел, говоря, что «может получиться так, что сегодня мы будем протестовать (т.е., клеймить СВУ и заявлять о поддержке политики властей. – А.М.), а завтра просить, чтобы нас простили»⁸⁷.

Примерно так же, как старшие товарищи, реагировало студенчество. Поначалу многие студенты относились к делу «частично безразлично, а частично недоверчиво», хотя на протесты и демонстрации выходили исправно, опасаясь «нажима» коммунистов и возможных неприятностей в учебе⁸⁸. По мере усиления пропаганды, да еще после признания подсудимыми всех предъявленных им обвинений, число тех, кто осуждал СВУ не только для вида и встретил приговор с удовлетворением, росло. По сравнению со старшим поколением студенческая молодежь в отношении «контрреволюционеров» была настроена более «кровожадно» и требовала для них более суровой кары⁸⁹.

Так подробно мы остановились на том, какое впечатление дело «СВУ» произвело на интеллигенцию для того, чтобы ясно представить, какие позиции имели большевики в своем наступлении на украинский национализм. Десять лет советской власти, сочетавшей кнут и пряник, принесли свои плоды. Власть чувствовала себя прочно и в глазах населения представлялась сильной как никогда. Интеллигенция была психологически сломлена, отчасти разбавлена новыми кадрами, стоящими на советских позициях. Украинская интеллигенция была уже не та, что в начале 1920-х годов, открытую оппозицию составить не могла и вслух выражала полную поддержку действий большевиков. Истинные взгляды можно было держать при себе или делиться ими с близкими друзьями, но в этом случае о них нередко узнавало еще одно заинтересованное лицо – ГПУ. Как политическая сила интеллигенция уже не представляла угрозы, но все еще продолжала оставаться идейным конкурентом. Впрочем, ее ликвидация и в этом качестве была предпринята настойчивым и постоянным оттеснением ее от руководства украинским культурным строительством. Действительно прав был Музычка, когда почувствовал, что скоро за «первыми ласточками» – участниками СВУ – последуют другие.

Небезынтересно привести слова еще одного русского ученого, профессора Кинена. Он полагал, что «на Украине несомненно есть группа шовинистов – украинцев, узких националистов, которые хотят полного отделения Украины. Эта группа сама не знает, чего она хочет... Но только эта группа бессильна, состоит она из дряблой мечтательной интеллигенции и не им бороться против мужественных и сильных большевиков».

Прервемся на время. Как это верно замечено! При всех идеологических и даже геополитических теориях и того времени и наших дней, *украинский национализм не выработал своей положительной мотивации*. Вся идейная мощь и даже прогрессивные на первый взгляд теории на самом деле либо обращены назад, в прошлое (зачастую придуманное) и построены на принципе отрицания, либо предусматривают обычную геостратегическую, культурную и прочую переориентацию на иные центры силы, по логике истории выступающие противниками России (СССР). Все это превращает украинский национализм в перманентно вторичное, провинциальное явление и делает его неспособным на серьезные самостоятельные шаги. Более того, это ставит под вопрос и подлинно независимое существование конечного продукта украинского нациостроительства, делая его скорее объектом, а не субъектом исторического процесса. Свою «дряблость» и «мечтательность» украинское движение воочию продемонстрировало еще в Гражданскую войну, а большевики, благодаря своей «силе» и «мужественности», вышли из нее победителями. Это своеобразное преломление закона сохранения энергии лишь подтвердилось в дальнейшем: чем «сильнее» и «мужественнее» становились большевики, тем «безвольнее» – украинские шовинисты, и наоборот.

Но вернемся к тому, что сказал профессор о ситуации, сложившейся ко времени процесса над СВУ. «Большевики, безусловно, не допустят дробления России и решительными мерами прекратят все эти вылазки», – говорил он. «Огромное большинство беспартийных на Украине будет в этом вопросе вместе с большевиками. “Украинцев” очень... мало. Они подняли голову потому, что власть слишком с ними заигрывала. Удар по заговорам и твердая рука скоро превратят этих “украинцев” снова в граждан СССР или России»⁹⁰.

Несомненно, большевики прекрасно знали, что общественное мнение и симпатии масс будут на их стороне и выручать украинскую национальную интеллигенцию окажется некому. Крестьянство – эта, по мнению националистов – опора украинской нации, по крайней мере, его подавляющая часть, к вопросам «высокой национальной политики» было равнодушно.

К тому же, все мысли и чувства поглощало изъятие хлеба, коллективизация, раскулачивание. Социалистическое наступление на экономическом фронте не позволило «националистическим элементам» обратить внимание крестьянства на национальный вопрос.

Впрочем, организаторы процесса над СВУ предусмотрели связь между коллективизацией и ударом по украинской интеллигенции. Вот тут и пригодились раскрытые ранее подпольные организации с тризубами на печатях, с громкими названиями со словами *украинская, вызволение, армия*, провозглашавшие борьбу за восстановление УНР при помощи восстания и интервенции (вспомним, хотя бы организацию «Штаб войска украинского»). Как следовало из обвинительного приговора над СВУ, свержение советской власти, которое готовили члены Спилки, должно было осуществляться путем крестьянского восстания и неизбежной при этом интервенции. Подготовка и руководство восстанием возлагались на участников СВУ, причем эта «честь» предоставлялась прежде всего автокефальной церкви.

Процесс над СВУ стал ударом не только по украинской интеллигенции. Своим острием он одновременно был направлен против УАПЦ – пожалуй, единственной в то время организации, имевшей политическую окраску, через которую продолжало действовать украинское национальное движение. Даже несмотря на то что в конце 1920-х годов над ней был установлен контроль советских спецслужб, УАПЦ продолжала оставаться важным элементом нациостроительства не только по форме, но и по содержанию. Процесс над СВУ положил конец существованию и этого структурного подразделения движения. О месте УАПЦ в деле СВУ и о судьбе автокефальной церкви, следует сказать особо.

Ликвидация УАПЦ. В качестве одного из главных обвиняемых по делу СВУ проходил виднейший идеолог и организатор церкви, «всеукраинский благовестник» В. Чеховской. На скамье подсудимых оказался и его брат, священник УАПЦ. Автокефальной церкви отводилась настолько важная роль, что организаторами процесса в Спилке даже была предусмотрена специальная автокефальная секция. Как говорилось выше, особых иллюзий по отношению к этой церкви власти не питали и прекрасно знали, что работу она проводила не только и не столько религиозную, сколько национально-воспитательную. Коммунисты сделали ловкий ход и использовали «политическую подкладку» этой церкви для одновременного удара и по ней, и по национальной интеллигенции. В. Чеховской обвинялся в том, что с 1920 г. состоял в БУД и по приказу последнего вступил в автокефальную церковь,

фактически став ее руководителем. По словам самого подсудимого, в СВУ украинской церкви отводилась роль организатора недовольных советским режимом и националистически настроенных прихожан, тех, кто «познал поражение на националистическом поле» и потому обратился к церкви⁹¹. Интересно отметить, что поначалу В. Чеховской отрицал принадлежность УАПЦ к СВУ, но в ходе следствия изменил свои показания⁹². Впрочем, это не было чем-то из ряда вон выходящим: спецслужбы умели настоять на своем. Другой подсудимый, С. Ефремов, в своих показаниях указывал, что вся деятельность УАПЦ – организация братств, хоров, курсов, а также повседневная работа – в основном преследовала цели пропаганды, направленной не только на дискредитацию советской власти в глазах крестьянства, но и на принятие практических мер по подготовке намечавшегося на весну–лето 1930 г. восстания⁹³.

Обвиняя подсудимых в подготовке восстания, большевики «убивали двух зайцев». Во-первых, это являлось серьезным обвинением, придавало организации реальные черты и обосновывало борьбу с ней. Во-вторых, любое возможное антиколхозное выступление или затруднения с сельскохозяйственными поставками, вероятность которых никто не мог отвергать, вполне можно было объяснить подрывной деятельностью светских и церковных националистов. А сами выступления охарактеризовать не как бунт (пусть даже и кулацкого элемента), произошедший под влиянием экономических причин, а как политические акции, направленные на свержение советской власти. Но ко времени окончания процесса волна антиколхозных выступлений уже схлынула, вероятность более крупных была уже устранена. Поэтому использовать «связи» участников СВУ и УАПЦ с сельскими восстаниями в полной мере не пришлось. Хотя В. Балицкий указывал на существовавшую, по его мнению (или считавшуюся таковой), связь между «осколками» СВУ и беспорядками в приграничных округах УССР зимой – в начале весны 1930 г. В ряде сел прошли аресты членов Спилки – активных участников и организаторов волнений. Например, в Калиновском районе Винницкого округа по обвинению в организации местных антисоветских элементов был арестован автокефальный поп Голоскевич⁹⁴. В том, что данный служитель культа, как и многие другие арестованные, мог быть замешан в антиколхозных выступлениях или националистической агитации, особых причин сомневаться нет. За десять лет материалов о национальной «подкладке» автокефальной церкви накопилось предостаточно. Но то, что по селам были разбросаны «осколки» СВУ, вызывает определенные сомнения. По-видимо-

му, в данном случае как раз были использованы те возможности для маневра, которые были заложены в ходе следствия (создание в СВУ автокефальной секции и обвинения ее членов в подготовке крестьянского восстания).

Возглавить восстание должно было духовенство УАПЦ, значительная часть которого состояла из «бывших», в том числе из офицеров. Все выступления обвиняемых, касающиеся роли УАПЦ, можно суммировать следующими словами В. Чеховского. Он утверждал, что работа автокефальной группы СВУ состояла «в сеянии национально-политического зерна, сплочении националистических элементов, враждебных соввласти, объединении их на почве веры и национально-политических идей, подстрекательстве этих элементов против соввласти и ее органов, в стремлении к так называемой самостийности Украины»⁹⁵. Украинизация церкви этому только способствовала. Наконец-то точка зрения большевиков на автокефальную церковь прозвучала во всеуслышание, да еще из уст одного из столпов национального движения. Это означало их окончательную победу над УАПЦ и ликвидацию церковного крыла украинского движения.

Надо сказать, что в 1929–1930 гг. по Православной церкви был нанесен тяжелейший удар. Она фактически приравнивалась к контрреволюционным организациям. Было ужесточено религиозное законодательство, активизировалась антирелигиозная пропаганда, в массовом порядке стали закрываться храмы, гонения на священнослужителей приобрели поистине огромный размах. Ко всему прочему, как часто случалось, официальная линия была усугублена и доведена до крайности не в меру рьяными исполнителями на местах. Скажем, сооружение из икон уборных, имевшее место в с. Кондровка Старо-Оскольского округа⁹⁶, объяснялось не директивами ЦК ВКП(б), а исключительно инициативой местных воинствующих безбожников. Глумление над верой чрезмерно накалило и без того непростую обстановку в стране и особенно на селе. Кстати сказать, многие волнения 1929 и 1930 гг. происходили не только на почве коллективизации или хлебозаготовок, но также по причине закрытия храмов и репрессий против духовенства. Например, за ноябрь–декабрь 1929 г. по УССР^{4*} было зарегистрировано 10 случаев массовых выступле-

^{4*} Кстати, УССР тогда была еще «спокойным» регионом. Для сравнения, за тот же период в Центрально-Черноземной области было зарегистрировано 29 выступлений (7280 человек), на религиозной почве – 18; в Средневолжском Крае – 21 (3300 человек), на религиозной почве – 15; в Нижневолжском – 19 (4400 человек), на религиозной почве – 12.

ний, в которых приняло участие 2070 человек, из них половина – на религиозной почве⁹⁷. Гонения против духовенства и верующих Русской православной церкви на территории Украинской ССР достигли огромных масштабов.

В этом контексте важно отметить следующее. Несмотря на то что репрессии против УАПЦ по времени совпали с антирелигиозной кампанией, они имели совершенно иные причины. УАПЦ была осуждена не как церковь, а как крыло политической организации, и не за религиозную деятельность, а за политическую. Хотя в той обстановке ничто не мешало разобраться с ней именно в контексте борьбы с религией. Неслучайно, что в качестве обвиняемого выступал В. Чеховской – светский человек, да еще с неподходящим политическим прошлым. Характерно и то, что по делу не проходил ни один из действующих автокефальных епископов.

Судьба УАПЦ во время процесса складывалась непросто. Незадолго до него, 28–29 января 1930 г., состоялся Чрезвычайный собор УАПЦ. Собору предшествовали массовые аресты: с июля 1929 г. было арестовано 5 епископов, много священников. Непосредственно по делу СВУ было привлечено 118 служителей культа⁹⁸, но многие были арестованы по другим статьям. На Чрезвычайном соборе миряне не были представлены совсем. Присутствовало около 40 священников и епископов. На Соборе было принято решение о самороспуске УАПЦ. 12 марта митрополит Н. Борецкий в обращении к прихожанам констатировал, что УАПЦ являлась организацией контрреволюционной и антисоветской и по этой причине подлежит ликвидации (как организация). Ее приходы сохранялись и им разрешалось отправлять службы по своему усмотрению. Епископы должны были переходить в приходские священники. Но решение о самороспуске не спасло автокефалистов. В мае митрополит Н. Борецкий и ряд других архиереев церкви были арестованы.

Многими современниками, а затем и эмигрантами, действия Собора трактовались как вынужденная акция, совершенная под давлением государства. Например, В. Липковский утверждал, что «голосом этого собора говорил не Христос, не церковь, а ГПУ»⁹⁹. Имелись и другие мнения. Например, некоторые автокефалисты предполагали, что решение Собора о самоликвидации стало попыткой, пожертвовав верхушкой церкви, вывести из-под удара саму идею украинской автокефалии, продемонстрировать, что УАПЦ не была политической организацией.

Аресты среди автокефалистов тогда продолжались до конца 1930 г. К этому времени на Украине числилось всего лишь около

300 приходов УАПЦ, многие из которых значились только на бумаге. В декабре в СССР наметилось некоторое смягчение антирелигиозной кампании. Поэтому, а главным образом по причине нежелания форсировать события в наступлении на украинское движение, властями был организован Второй Чрезвычайный собор УАПЦ, на который съехалось 7 епископов и архиепископов, 26 священников и 26 мирян. На этом Соборе церковная организация была восстановлена, но в названии новой церкви уже не было слова *автокефальная*. Оставшиеся приходы распределялись по семи епархиям. Митрополитом, уже не Киевским, а Харьковским (поближе к столице), был избран архиепископ Иван Павловский. Всего к этому времени в церкви числилось около 200 священников и 7 архиереев¹⁰⁰.

Агония УАПЦ продолжалась еще несколько лет. Теряя переходившие к «тихоновцам» и просто закрывавшиеся приходы, испытывая непрекращающиеся аресты, она была окончательно ликвидирована в 1936 г. Тогда был арестован митрополит и все оставшиеся к этому времени на свободе иерархи. Многие деятели УАПЦ еще раньше публично порвали с церковью и верой, отреклись от сана и поступили на государственную службу – с тем, чтобы пополнить списки репрессированных уже в новом качестве. Фактически, автокефальная церковь перестала существовать, хотя никакими формальными актами это не оговаривалось. Да это было и не нужно. Оставшиеся приходы вернулись в лоно Русской православной церкви¹⁰¹.

Одним из заключительных аккордов в ликвидации УАПЦ стал арест 22 октября 1937 г. ее первого митрополита и харизматического лидера В. Липковского. Он был обвинен в руководстве фашистской организации церковников, ставившей своей целью «отторжение Украины от СССР» и «создание самостоятельного государства фашистского типа». На следствии Липковский участие УАПЦ в СВУ и связях с прочими антисоветскими организациями отрицал, говоря, что она «не была филиалом СВУ» и «в политические дела не вмешивалась». 27 ноября того же года бывший православный протоиерей, отлученный от церкви, а позднее самосвятский митрополит, был расстрелян¹⁰². Так закончила свой путь Украинская автокефальная православная церковь.

Наступление продолжается. Итак, какое же влияние на дальнейший ход событий оказал процесс над Союзом вызволения Украины, какое место он занял в контексте тех лет? Для современников он стал, конечно, весьма значительным и даже знаковым, для кого неприятным, для кого закономерным, событием. Но тогда дале-

ко не все могли оценить масштаб его последствий. С высоты прошедших десятилетий хорошо видно, что процесс над СВУ явился переломным моментом в отношениях советского государства и украинского движения и означал решительное наступление на «низовую» украинизацию, которая в новых условиях стала уже не нужна и даже нежелательна. Удар наносился по разным секторам национального движения: по старой интеллигенции и по автокефальной церкви как одной из его важнейших организационных структур, занимавшей, к тому же, место посредника, «передаточного паса» между интеллигенцией и крестьянством.

В ходе разработки СВУ были намечены те направления, по которым в дальнейшем началось выявление «шовинистических элементов». Относительно мягкие приговоры не должны были никого вводить в заблуждение: процесс был первый, действовать следовало постепенно, да и аппетит, как известно, приходит во время еды. Первый шаг был сделан. Эпоха «великого перелома» наступила и в жизни украинского движения.

Внимательному наблюдателю было понятно, что процесс над СВУ – не последний. Ожидание новых громких дел, которым жила украинская интеллигенция, только укрепляло уверенность и решительность большевиков. И удары не заставили себя долго ждать. Следующей организацией, «раскрытой» ГПУ, стал Украинский национальный центр (УНЦ). Удар снова пришелся по старой интеллигенции, участвовавшей в революции 1917 г. и связанной с УНР. Но среди подсудимых появились и новые персонажи: помимо представителей интеллигенции из собственно Украины (или, как еще говорили, надднепрянцев) по делу УНЦ были привлечены галицийцы.

Надо сказать, что выходцы из Галиции были частыми гостями в дореволюционной России. Немало образованных галичан, или, как они сами себя называли, русинов или карпатороссов, переезжало в Россию и работало в научных, учебных заведениях и т.п. Но это были русофилы, считавшие карпатороссов ветвью единого русского народа. Поэтому они легко вливались в русскую интеллигенцию и включались в общероссийские культурные и национальные процессы. Немало галичан осело в России в ходе Первой мировой войны. После отступления русской армии в 1915 г., по неполным данным в стране насчитывалось свыше 100 тыс. беженцев – галичан (сюда включены только русины). Разные причины вынуждали людей бросать свои дома и уходить в неведомое. Среди беженцев были убежденные русофилы и люди, опасавшиеся расправы австрийцев и украинских националистов за сотрудничество с русскими. Эвакуировались и галицийские

православные, особенно те, кто вернулся в веру предков недавно. Другие шли, подчиняясь решениям военных властей или агитации местных пророссийских общественных деятелей. Немало крестьян переселялось в Россию в надежде спастись от малоземелья и бедности и получить землю¹⁰³. Совершенно особую категорию составляли галицийские «украинцы», высланные в глубь страны за неблагонадежность (среди таковых оказались униатский митрополит А. Шептицкий, а также М. Грушевский, чувствовавший себя как дома и там, и здесь). Немало беженцев оказалось на территории малороссийских губерний.

В 1920-е годы характер иммиграции из Галичины, которая и украинскими националистами, и большевиками стала называться Западной Украиной, коренным образом изменился: основную массу приезжавших составляли идейные украинцы: интеллигенты, а также местные коммунисты, но также мыслившие в украинской системе ценностей (хотя среди переселенцев были также рабочие и крестьяне)¹⁰⁴. Есть данные, что немало солдат и командного состава Украинской галицкой армии также оказалось в УССР. Присутствие в республике этих кадров являлось серьезным фактором внутреннего положения республики.

Большинство галицийцев-«украинцев» направлялось на работу в учреждения культуры и образования. Для украинизации этих и других сфер общественной жизни требовалось много квалифицированных кадров, владеющих украинским языком. Испытывая их нехватку на Советской Украине, руководство УССР приглашало их из Западной Украины^{5*}. Так, Н. Скрыпник обращался в Политбюро за разрешением на въезд 1500 учителей¹⁰⁵. К началу 1930-х годов во многих учреждениях и организациях, в том числе на ответственных постах, работало немало выходцев из Галиции. Они стали весьма активным элементом нациостроительства и «низовой» украинизации и опорой при проведении украинизации официальной. Теперь же большевики посчитали, что настал удобный момент для того, чтобы заняться галицийской иммиграцией: после процесса над Украинским национальным центром началось ее «вычищение».

«Дело» УНЦ разрабатывалось в 1930–1931 гг. как следующее звено в цепи украинской контрреволюции, впервые извлеченной на свет во время процесса над СВУ. На заседании Политбюро ЦК КП(б)У 22 марта 1931 г. рассматривался вопрос об

^{5*} Закупались в Галиции и учебники. Например, в сентябре 1921 г. на закупку украинских учебников за границей Политбюро ЦК РКП(б) выделило 500 тыс. золотых рублей. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 206. Л. 4.

УНЦ. Политбюро указало, что Национальный центр проводил линию СВУ¹⁰⁶. По делу было арестовано 50 человек. 22 из них ранее состояли в УПСР и УСДРП. После разгрома «группы Ефремова» ГПУ смогло вплотную приступить к другой части старой интеллигенции, лидером которой был М. Грушевский. Он и был объявлен руководителем организации. Помимо него из наиболее видных фигур членами УНЦ были¹⁰⁷ бывший член ЦК УПСР В. Голубович, видный деятель Центральной рады, историк П. Христюк, упоминавшийся М. Яворский, министр продовольствия, а затем председатель объединения потребкооперации «Днепросоюз» Д. Колиух (вот и кооперация попала в поле зрения ГПУ), директор кооперативного издательства «Рух», эсер И. Лизановский, военный специалист Г. Коссака (военачальник Украинской галицкой армии), профессор Н. Чечель и ряд других видных деятелей украинского движения. Впервые в качестве обвиняемого оказался связанный с УНЦ «двурушник» – коммунист Н.Г. Левитский¹⁰⁸. Присутствие на скамье подсудимых коммуниста – знаковый момент: был переброшен «мостик» от беспартийной интеллигенции к компартии. На сей раз процесса как такового не было. Суд, состоявшийся в феврале 1932 г., был закрытым – заседала «тройка». Как и в предыдущем случае обвинение было построено на показаниях самих обвиняемых. Несмотря на то что процесс носил закрытый характер, приговоры оказались мягче, чем по делу СВУ: подсудимые получили от 3 до 6 лет. Правда, после 1934 г. 33 человека по обвинениям в антисоветской деятельности были арестованы вновь и получили новые сроки заключения, а 21 – расстрелян¹⁰⁹.

В 1932 г. была раскрыта еще одна подпольная организация – Союз Кубани и Украины. Ее участники обвинялись в подготовке присоединения ряда территорий РСФСР (Кубани) к УССР. Необходимо напомнить, что еще в 1927 г. в ГПУ УССР рассматривалось дело некоего П. Бурбы, студента Харьковского института народной освиты. Ему и его товарищам вменялась в вину деятельность, направленная на присоединение «украинской Кубани» (т.е. местностей с большой численностью населения, записанного в переписи 1926 года как украинское) к Советской Украине. Сам П. Бурба в ходе следствия утверждал, что хотел этого из «чисто культурно-национальных и экономических причин», не желая изменения общественно-политического строя ни в УССР, ни на Кубани. Стоит обратить внимание, что его аргументация полностью повторяла то, что с высокой трибуны говорил Н. Скрышник. Тогда П. Бурба получил три года заключения, а девять его друзей отделались менее строгими наказаниями¹¹⁰.

Теперь же ГПУ воспользовалось этим и рядом других обстоятельств (например, наличием «кубанских землячеств» в ряде вузов УССР и их «вниманием» к положению крестьянства¹¹¹) для нанесения удара. Противником продолжала оставаться интеллигенция УССР и «выращенная» стараниями Наркомата просвещения Украины украинская интеллигенция РСФСР, например, некоторые преподаватели Краснодарского педагогического института и ряд музейных работников. Другим и более важным объектом, против которого был направлен процесс, становился сам Наркомпрос, проводивший украинизацию на сопредельных с УССР территориях, и в целом те силы в республиканском руководстве, которые считали национальный вопрос ключевым и являлись приверженцами «республиканского начала» в организации СССР. Стоит, хотя бы, вспомнить их реакцию на ход территориального размежевания между Украинской и Российской республиками несколькими годами ранее и позицию по вопросу о национальном развитии украинцев диаспоры (т.е., РСФСР!). В качестве обвиняемого по делу Союза Кубани и Украины предстал Ю. Самбурский, коммунист, уполномоченный СНК УССР при СНК СССР, в чьи полномочия входило осуществление контроля над положением украинского национального меньшинства в РСФСР¹¹².

«Разоблаченные» организации были верхушкой айсберга, наиболее заметными эпизодами широкомасштабного наступления на «низовую» украинизацию, иначе называемую «национальным возрождением», на ее институты и деятелей. Обычно круг арестованных по делу какой-либо раскрытой организации был шире круга ее членов. Поэтому ликвидация таковой означала «чистку» тех организаций и учреждений, в которых работали ее участники. И количество привлеченных по делу могло во много раз превышать число непосредственных обвиняемых.

Наступление на «низовую» украинизацию и национальное движение в 1930–1933 гг. в первую очередь было направлено против старой гуманитарной интеллигенции с эсеровским и социал-демократическим прошлым, занимавшей видные места в учреждениях науки и культуры УССР и силами которой во многом велось украинское «национальное возрождение». В первую очередь удар пришелся по той тонкой прослойке, в которой велось создание научных, политических, национальных теорий и идеологий, формировались отличительные особенности и образ украинской нации и которая в предыдущее десятилетие активно руководила ее строительством. В деле УНЦ прозвучали фамилии М. Грушевского и М. Яворского. Первый поначалу был арестован и дал по-

казания, но затем от них отказался и по указанию Сталина был выпущен¹¹³. Слишком заметной фигурой он был, да и время для столь решительного шага еще не пришло: репрессии только начинались. До своей смерти (1934 г.) М. Грушевский не подвергался мерам воздействия, хотя имя его все чаще упоминалось в связи с развенчанием идейных основ украинского национализма.

М. Яворскому повезло меньше. Еще в мае 1929 г. во время публичной дискуссии его «История Украины в кратком обзоре» и другие работы были подвергнуты острой критике. В 1930 г. он был исключен из партии, на следующий год арестован, а в 1932 г. сослан на Соловки¹¹⁴. Одновременно с этим началась кампания по развенчанию его теории и разгрому созданной им исторической школы. Кампания строилась на основе ее научной критики (националистическая идеология, попытка свести историю Украины к борьбе «народа» за украинскую государственность, теория «двукулачества», изображение украинской буржуазии и кулачества как революционной силы, идеализация мелкобуржуазных украинских партий, отрицание гегемонии пролетариата и закономерности пролетарской революции на Украине¹¹⁵). К этому добавились обвинения в сокрытии прошлого (якобы М. Яворский был офицером австрийской армии).

По мере того как разворачивалась кампания по борьбе с украинским национализмом, репрессии стали выходить за рамки связанной с УНР старой интеллигенции и взяли в оборот интеллигенцию новую, коммунистическую – тех, кто так или иначе был связан с национально-культурными процессами 1920-х годов. Это были коммунисты, которых ранее обвиняли в национальном уклоне, и работники Наркомпроса, занимавшиеся украинизацией. В 1930–1933 гг. удары наносились по тем, кто в решении национального вопроса составлял большевикам оппозицию, причем как некоммунистическую, так и «красную», стоящую на коммунистической платформе. Логика подсказывала, что должен был появиться кто-то, на кого будет возложена ответственность за существование национальных уклонов, заигрывание с украинским движением и покровительство «контрреволюционным» процессам в науке, культуре и искусстве. Организацией, отвечающей за проведение национально-культурной политики, был Наркомпрос УССР.

Условия, созданные XII съездом РКП(б), привели к тому, что это, казалось бы, не первой важности учреждение, приобрело сильное влияние на все стороны жизни УССР. А его глава Н. Скрыпник стал одной из главных, знаковых фигур в руководстве республики. «Разоблачение» националистических организа-

ций и извращений в науке, культуре и искусстве со всей ясностью намечало следующую цель. Осуждение бывшего наркома просвещения А. Шумского и ряда сотрудников Наркомата, закрытие Всеукраинского института Маркса–Ленина (ВИМЛ) завершало подготовку к удару по виднейшей фигуре в КП(б)У и УССР – Н. Скрыпнику. И удар по наркому был нанесен весной–летом 1933 г.

Украинское национальное движение и КП(б)У в 1930-е годы

Компартия Украины и «великий перелом». Собственно, подготовка к этому удару началась еще раньше и заключалась не только в начавшихся репрессиях украинской интеллигенции, но и в постепенном усилении давления на украинскую парторганизацию. Если началом кампании против интеллигенции стало «сворачивание» нэпа, то борьбу с «врагами» и «перерожденцами» в КП(б)У активизировала ситуация, сложившаяся в 1932–1933 гг. в сельском хозяйстве. На III конференции КП(б)У 6 июля 1932 г. председатель СНК СССР В.М. Молотов и член Политбюро ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович отметили плохую работу партийного и республиканского руководства УССР. Их доклады носили характер директив о темпах и ходе проведения коллективизации и хлебозаготовок. Пока вину руководства УССР усматривали лишь в попытках добиться пересмотра и снижения плана поставок. Вопросы культуры и политики в резолюции конференции не затрагивались¹¹⁶. Но попытки скорректировать политику (именно скорректировать, ибо в правильности и необходимости ее никто из украинских руководителей не сомневался) мало к чему приводили. «Никаких уступок и колебаний в вопросе о выполнении принятых партией и советской властью заданий!» – подчеркивал в своем выступлении В. Молотов¹¹⁷.

Ответственность за сложившееся положение на партийное руководство возложил сам генеральный секретарь ЦК ВКП(б). «Не в крестьянах надо искать причину затруднений в хлебозаготовках, а в нас самих, в наших собственных рядах. Ибо мы стоим у власти, мы располагаем средствами государства, мы призваны руководить колхозами и мы должны нести всю полноту ответственности за работу в деревне»¹¹⁸. Это нашло отражение и в нормативных документах. В уже цитированном постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О хлебозаготовках на Украине, Северном

Кавказе и Западной области» от 14 декабря 1932 г. отмечалось, что «в результате крайне слабой работы и отсутствия революционной бдительности ряда местных парторганизаций Украины и Северного Кавказа» в значительной части районов «контрреволюционные элементы» – кулаки, бывшие офицеры, петлюровцы, сторонники Кубанской рады – проникли в колхозы, сельсоветы, заготорганы, кооперацию, организуя саботаж сева, хлебозаготовок, пытаясь «организовать контрреволюционное движение». Самыми «злейшими» из них были «саботажники... с партбилетом в кармане». Наказания предлагались самые решительные – вплоть до смертной казни¹¹⁹. 10 декабря ЦК ВКП(б) принял постановление о проведении в следующем году чистки партии и приостановлении приема в нее¹²⁰. Через некоторое время в статье «Правды» от 7 января 1933 г. был перекинут «мостик» от положения в сельском хозяйстве Украины («саботаж хлебозаготовок и отставание УССР от других районов СССР») к «политической близорукости» высшего партийного руководства республики, из-за которой стала возможна активизация «классового врага».

Меры по улучшению тревожной ситуации, сложившейся в компартии Украины, были изложены в постановлении ЦК ВКП(б) «О положении в украинской парторганизации и задачах большевиков на Украине» от 24 января 1933 г. В нем острой критике подвергалась КП(б)У, не выполнившая планы по организации заготовок и хлебосдачи, несмотря на их трехкратное снижение, и намечался ряд кадровых перестановок. В постановлении говорилось о необходимости правильного подбора и расстановки кадров и коренного изменения руководства сельским хозяйством. Были заменены первые секретари Днепропетровского и Одесского обкомов. Но главное, на пост второго секретаря ЦК КП(б)У и первого секретаря столичного Харьковского обкома назначался Павел Петрович Постышев¹²¹. Постышев не был новым человеком в парторганизации Украины. Теперь же, получив от Сталина широкие полномочия, он стал фактически главой республики. Его прежний пост секретаря ЦК ВКП(б) был за ним сохранен. Он мог обращаться к вождю напрямую, минуя своего формального начальника – генсека ЦК КП(б)У С.В. Косиора.

Произошли и другие перестановки, имевшие решающее значение для дальнейшей судьбы украинского национального движения. 23 февраля Н. Скрыпник был освобожден с занимаемой должности и назначен на пост председателя Госплана и заместителя председателя СНК УССР. Новым наркомом просвещения стал В. Затонский. Его первым заместителем назначался А. Хвля, в свое время энергично боровшийся с «триединым уклоном».

Заместителем председателя правительства стал П. Любченко¹²². Отстранение Скрыпника с поста наркома просвещения предвещало его скорое падение и перемены в Наркомпросе. Всего же в течение февраля–апреля сторонники Скрыпника оказались отодвинуты от важнейших постов.

Особое внимание было уделено и укреплению соответствующих органов. Заместитель председателя Объединенного государственного политического управления СССР В. Балицкий (тоже ранее трудившийся на Украине) был назначен председателем ГПУ УССР и полномочным представителем ОГПУ по Украине. Вошел он и в состав Политбюро ЦК КП(б)У, что свидетельствовало о растущей роли спецслужб в жизни советского государства, а также воочию демонстрировало, с какой серьезностью руководство страны относилось к ситуации на Украине¹²³. После его приезда в высшем и среднем звене аппарата ГПУ произошли большие кадровые перестановки.

Постышев взялся за дело круто. Уже 4 февраля на Объединенном пленуме Харьковского обкома и горкома КП(б)У новый лидер выявил круг виновных в катастрофе в сельском хозяйстве. Ими оказались кулаки, подкулачники, петлюровский, вредительский и прочий антисоветский элемент, против которого и намечалось усилить репрессивные меры¹²⁴. Кадровые изменения и чистки приобрели широкий размах. Со своих постов было снято 237 секретарей райкомов, 249 председателей райисполкомов, 158 председателей районных контрольных комиссий. В создаваемые при совхозах и машинно-тракторных станциях политотделы было направлено 3 тыс. работников, еще 10 тыс. – в колхозы, причем 3 тыс. – на должность председателей и секретарей партячеек, 1340 человек были направлены на укрепление рядов ГПУ¹²⁵.

Одновременно с кадровыми изменениями была продолжена и даже усилена кампания в прессе по развенчанию и осуждению националистических уклонов и извращений ленинской национальной политики. О том, что на Украине не все в порядке с ее «чистотой», прямо говорилось в уже упоминавшемся постановлении «О хлебозаготовках» от 14 декабря 1932 г. В частности, речь в нем шла о том, что в ряде районов Украинской ССР «украинизация проводилась механически, без учета конкретных особенностей каждого района, без тщательного подбора большевистских украинских кадров». Это «облегчило буржуазно-националистическим элементам, петлюровцам и пр. создание своих легальных прикрытий, своих контрреволюционных ячеек и организаций». Для недопущения этого КП(б)У предлагалось «обра-

тить серьезное внимание на правильное проведение украинизации, устранить механическое проведение ее, изгнать петлюровские и другие буржуазно-националистические элементы из партийных и советских организаций, тщательно подбирать и воспитывать украинские большевистские кадры, обеспечить систематическое партийное руководство и контроль за проведением украинизации»¹²⁶. Позднее Постышев объяснял особенности классовой борьбы на Украине тем, что классовый враг часто вел борьбу против социалистического строительства, прикрываясь «националистическим флагом»¹²⁷.

Здесь надо сделать небольшое отступление. Перемены в руководстве КП(б)У, произошедшие после приезда П. Постышева, стали не только реакцией на хлебный кризис, проявлением «не милости» к «нерадивым» руководителям республики, но явились новым этапом наступления на украинский национализм. Решительность и масштабы начавшейся кампании могут даже произвести впечатление резкой смены национальной политики. При этом под изменением национальной политики понимают перемену отношения к украинскому «национальному возрождению», а иными словами, к украинскому движению. Но действительно ли 1933 г. стал поворотным моментом в судьбе последнего?

Без сомнения, кампания против того курса, который проводил Наркомпрос УССР, оказала на его судьбу заметное влияние. Но ничего принципиально нового 1933 год не принес. Украинскому национализму большевики уделяли пристальное внимание постоянно. Качественно новый этап в отношениях государства и национального движения тоже был открыт раньше, во время процесса над СВУ. Тогда же было публично объявлено, что это – не просто кампания против того или иного уклона, а борьба с украинским национализмом как таковым. Центральный орган КП(б)У, журнал «Большовик України» в передовице, посвященной суду над СВУ, подчеркивал, что суть процесса – не в осуждении рядовой контрреволюционной организации. Дело обстояло серьезней. «Украинский пролетарский суд... судит в исторической ретроспективе весь украинский национализм, националистические партии, их предательскую политику, их подлые идеи буржуазной самостоятельности, незалежности Украины»¹²⁸. Теперь же лишь расширялся круг противников. В 1933 г. удар был направлен не только по старой буржуазной интеллигенции (хотя продолжали «подчищать» и ее), а и по «красным» националистам, по «национал-коммунистам», по тем силам в руководстве компартии Украины, которые создавали благоприятную атмосферу для деятельности национального движения. Конечно, масштабы новой

кампании превышали те, что были раньше. Но этот удар был подготовлен предыдущими кампаниями и стал всего лишь их новым витком.

В марте 1933 г. усилиями сотрудников ГПУ УССР было извлечено на свет еще одно звено в цепи украинской контрреволюции – подпольная Украинская войсковая организация (УВО). В принадлежности к УВО обвинялись не только деятели культуры и искусства (148 человек), но и коммунисты, причем весьма известные. «Диверсантами» и «террористами», «организаторами саботажа» в сельском хозяйстве оказались бывший нарком просвещения УССР А. Шумский – одна из ключевых фигур украинизации и национального строительства, члены ЦК Коммунистической партии Западной Украины (КПЗУ) К. Максимович, Р. Турянский, П. Солодуб, работавший одно время управляющим делами СНК УССР, член КПЗУ О. Букшованный и др. Последний обвинялся в связях с Украинской войсковой организацией и Организацией украинских националистов, действовавших в Западной Украине и возглавляемых Е. Коновальцем¹²⁹. Но главное, что среди тех, кто проходил по делу, оказалось немало сотрудников Наркомпроса. Вновь на слуху в связи с этим делом оказалось и имя М. Яворского.

Причину того, что националистический «прорыв» оказался возможен, большевики усматривали в «ошибках на теоретическом фронте». Например, П.П. Любченко в своей докладной записке на имя И.В. Сталина объяснял сложившееся положение тем, что национальный вопрос на Украине «раздули в самодовлеющий», превратили «в отдельную область социального бытия», что не могло не отразиться на практической работе низовых органов и идеологии молодых коммунистических кадров¹³⁰. По сути дела, большевики были абсолютно правы, увязывая практику с теорией. Надо лишь отвлечься от партийной фразеологии, а под так называемыми *ошибками* понимать другое мировоззрение, другие принципиальные подходы к тому, что такое «Украина» и каким путем ей надлежит идти. А в основе всего лежала та или иная трактовка национального вопроса. Поэтому борьба началась с теоретического фронта.

Одним из первых мероприятий в этом направлении стала ликвидация одного из главных завоеваний Н. Скрыпника. В вузах, техникумах и на рабфаках было отменено преподавание теории национального вопроса и национальной политики партии. Изучение этих проблем было включено в общий курс марксизма-ленинизма. Таким образом, возможность Скрыпника и его людей распространять собственную точку зрения на сущность националь-

ного вопроса (в основном, применительно к проблемам украинского национального строительства и способам их разрешения), а также воспитывать на ней новые поколения специалистов, служащих и «красной» интеллигенции, была устранена.

Большое внимание было уделено вопросам языкознания, а точнее тому положению, которое сложилось в области украинского литературного языка. С резкой критикой принципов, на которых велось его создание, на страницах «Большевика Украины» выступил новый заместитель наркома Андрей Хвыля. Статье предшествовала его докладная записка «О положении на украинском языковедческом фронте», направленная в Политбюро ЦК КП(б)У. Заместитель наркома в красках обрисовывал «угрожающее положение», ставшее, по его убеждению, результатом сознательного «вредительства украинских националистических элементов на фронте создания украинской советской культуры»¹³¹. Вредительство состояло в искусственном и целенаправленном отгораживании украинского языка, культуры и народа от всего русского, воспитании народных масс в националистическом духе и ненависти к социалистическому отечеству. А. Хвыля подчеркивал, что Наркомпрос не только не вел против этой борьбы, но прикрывал вредительство и содействовал ему. Всю ответственность за сложившееся положение он возлагал лично на Н. Скрыпника, способствовавшего «этому искривлению партийной линии»¹³².

Для скорейшего исправления ситуации заместитель наркома предлагал приостановить издание словарей, пересмотреть всю новейшую терминологию, привести ее в соответствие с той, что имела широкое употребление на Украине и отменить все нововведения 1927 г. в правописании, грамматике, синтаксисе и т.п. Он также настаивал на необходимости обратить пристальное внимание на кадры языковедов, сотрудников профильных институтов и очистить это направление от «буржуазно-националистических элементов». А кроме того, рекомендовал разработать соответствующие нормативные акты, охватывающие все перечисленные вопросы¹³³.

Предложения А. Хвыли предопределили дальнейшие практические шаги партийного руководства в этом вопросе. 27 апреля 1933 г. газета «Правда» назвала Институт языковедения при ВУАН (бывший Институт украинского научного языка) гнездом врагов, националистов, учеников Ефремова, очернителей рабочего класса Донбасса¹³⁴. Деятельность Института в целом и особенно нововведения в правописании, лексике и грамматике, характеризовались как враждебные, направленные на реставрацию

капитализма, отчуждение украинского языка от русского и его реформирование в сторону приближения к польскому и немецкому языкам. Одновременно с этими обвинениями в прессе и журнале «Мовознавство» развернулась кампания по развенчанию языковых нововведений. В конце июня постановлением ЦК КП(б)У были отменены все утвержденные Н. Скрыпником реформы украинского правописания¹³⁵. Впоследствии многие сотрудники Института были арестованы¹³⁶.

Другим важнейшим фронтом борьбы с национализмом стала историческая наука. Критика «национальных» школ и их интерпретаций истории Украины началась еще до 1933 г., о чем уже упоминалось. Наряду с критикой, переходящей в полное развенчание и клеймение «национальных» концепций истории Украины, принимались и организационные меры по устранению их носителей. Начало этому было положено ликвидацией Всеукраинского института Маркса–Ленина (ВИМЛ), который ЦК обвинил в националистических уклонах. Кафедрой истории в ВИМЛ заведовал М. Яворский, кафедрой философии – В. Юринец (оба – галицийцы). А сам Институт возглавлял не кто-нибудь, а лично Скрыпник, использовавший его в качестве трибуны и важнейшего инструмента для проведения своей политики в жизнь. В июне 1931 г. на месте ВИМЛ была создана Всеукраинская ассоциация научно-исследовательских марксистско-ленинских институтов (ВУАМЛИН)¹³⁷. Началось изгнание враждебных идеологий и на «философском фронте». Таковой теперь становилась школа философа В. Юринца. Его школу власти поддерживали вплоть до 1933 г. Но в постановлении ЦК КП(б)У (март 1933 г.) «О сборнике “За ленинскую философию”» (главный редактор Нирчук) за извращение марксизма и грубые ошибки подверглись резкой критике сам сборник и входивший в систему ВУАМЛИН Институт философии. Кампания набирала обороты. В. Юринец был объявлен сторонником «буржуазно-идеалистической философии» и плагиатором. Ему вменялось в вину «философское обоснование схемы истории Яворского», утверждение о безбуржуазности украинской нации и необходимости «переориентации на западную культуру»¹³⁸. Арестован он был в 1936 г. как член троцкистско-террористической организации, отправлен на Соловки, где вскоре и был расстрелян¹³⁹.

Кампания набирала обороты. В апреле 1933 г. состоялось совещание ЦК КП(б)У, специально посвященное национальному вопросу. На нем отмечалось, что «на руководящие посты в отдельных районах и на ответственные участки национально-культурного строительства» пролезли «враждебные, чужие, петлю-

ровские элементы». В. Затонский указал и ответственного – Наркомат просвещения УССР. Но о том, кто стоял во главе его, не было сказано ни слова¹⁴⁰. Хотя уже давно было ясно, что вокруг Наркомпроса сжимается кольцо, имя Скрыпника в негативном контексте большевики старались публично не упоминать. Но между собой называли вещи своими именами. Например, П. Любченко указывал, что искривления в национальной политике объясняются тем «исключительным положением, которым пользовался в последние годы тов. Скрыпник». Как известно, всякая исключительность и завышенное самомнение ни к чему хорошему не приводят. Вот и сейчас они привели бывшего неформального лидера Украины «к излишней развязанности», свели «до минимума критическое к себе отношение»¹⁴¹. Позднее, с конца мая, имя Скрыпника, как одного из главных виновных в националистическом «шабаше», стало звучать во всеулышание.

Согласно официальной точке зрения руководства ВКП(б)–КП(б)У, вокруг него группировалась вся националистическая контрреволюция. Об этом недвусмысленно заявил приехавший на Украину секретарь Исполкома Коминтерна Д.З. Мануильский. Сам пост этого человека говорил о многом: украинский национализм попадал на суд мирового коммунистического движения. Д. Мануильский отметил, что среди тех, кто занимался национально-культурным строительством, оказалось немало выходцев из национальных партий, которые «так и не смогли срастись» с компартией. В то же время, именно им был «отдан на откуп национальный вопрос». Отметив опасность, исходящую от этих выходцев, Мануильский продолжил свою мысль: «Тут в Украине есть целый ряд учреждений, которые имеют высокое звание академий, институтов, ученых обществ, где часто находят убежище не столько социалистическая наука, сколько классово-враждебная идеология». Результатом этого явилось то, что национальный вопрос некоторыми теоретиками стал рассматриваться не как вспомогательный и служебный в борьбе за идею пролетарской диктатуры, а стал выдвигаться «на первое место вопреки целостному ленинскому учению»¹⁴².

Выступление Д. Мануильского, которое можно считать позицией высшего руководства ВКП(б) по данному вопросу, очерчивало круг врагов, подлежащих устранению. В него попадали эмигранты-галицийцы, местная националистически мыслящая интеллигенция, выходцы из национал-социалистических партий. Ответственность за то, что «дело строительства национальной культуры часто доверяют двурушникам, людям классово-враждебным», возлагалось лично на Скрыпника и на тот курс, кото-

рый Наркомпрос проводил с 1920-х годов. Но широкомасштабные чистки учреждений, ведомств, институтов, в которых «окопались» националисты, стали возможны лишь после окончательного свержения их «шефа». Таким образом, почва для решительного удара была давно подготовлена, классовый враг – указан и уже успешно устранялся, главный виновный – определен. Дело оставалось за непосредственным осуждением самого Николая Скрыпника.

На пленуме ЦК КП(б)У 8–11 июня 1933 г. П. Постышев выступил с докладом, который был полностью посвящен обстановке, сложившейся на «культурном фронте». По словам второго секретаря ЦК КП(б)У, там «засело» и «пустило глубокие корни» «немало петлюровцев, махновцев, агентов иностранных разведок». А на отдельных участках культурного строительства они даже стали играть руководящую роль¹⁴³. Далее перечислялись имена тех, кто эту роль играл: А. Шумского, М. Яворского, К. Максимовича, П. Солодуба. Среди наиболее коварных врагов были упомянуты фигуры из ближайшего окружения Н. Скрыпника, незадолго перед этим арестованные А. Бадан-Яворенко и М. Ерстенюк. Первый был ученым секретарем Наркомпроса и профессором Харьковского института профобразования, второй – помощником ученого секретаря и стенографистом наркома. П. Постышев обратил внимание собравшихся на то, что эти люди по заданию иностранных разведок насаждали «националистическую, шовинистическую буржуазную культуру Донцовых, Ефремовых, Грушевских, культуру, враждебную идеологии и интересам пролетариата и трудового крестьянства». Целью многочисленных врагов являлся подрыв ленинской национальной политики, ослабление пролетарской диктатуры и, в конечном счете, «отрыв Украины от Советского Союза». «Отрыв» и создание «Соборной Украины» означали бы «реставрацию капитализма», а значит, угнетение и закабаление рабочих и крестьян. Больше всего «вредителей» оказалось в Наркомпросе и в системе органов образования, а украинизация оказывалась иногда «в руках разной петлюровской сволочи»¹⁴⁴. Самым тревожным в этой связи, по словам вождя украинской парторганизации, было то, что все «контрреволюционные элементы» находили укрытие за широкой спиной большевиков и лично Н. Скрыпника, фактически превратившегося в их марионетку. Под его крылом создавались теории, представлявшие собой программу отрыва УССР от Советского Союза, разрыва между украинским и русским народами.

П. Постышев прямо обвинил Н. Скрыпника в ответственности за контрреволюционно-националистическую вакханалию, ко-

торая творилась в культурном строительстве. «Есть ошибки большие, ошибки серьезные и в литературных трудах товарища Скрыпника, и в национальном вопросе, и в культурном строительстве, и в его руководстве Наркомпросом»¹⁴⁵, – указывал он. Скрыпнику было предложено «по-товарищески» признать свои ошибки и рассказать о том, как и почему Наркомпрос превратился в гнездо врагов. Тяжелые обвинения не могли остаться без ответа. На пленуме бывший «ангел-хранитель» украинизации выступил с критикой некоторых своих ошибок. Но это уже ничего изменить не могло. Постышев напомнил, что дело заключается не в мелочах (скажем, новом правописании или грамматике), а в том, «как насаждалась враждебная идеология».

Интересно отметить, что Н. Скрыпник ссылаясь на то, что политика в национальном вопросе, вернее, ее практическое истолкование, в годы нэпа полностью отличалась от той, которая стала проводиться после «великого перелома». Для того времени и тех задач, говорил он, люди, обвиняемые теперь в уклонах и национализме, вполне подходили, а как только изменились условия, – перестали. Кстати, Скрыпник вспоминал, что Ленин, провожая его на работу на Украину, советовал бороться с великодержавным шовинизмом, сознательно перегибать и заострять украинский вопрос и рассматривать его как один из движущих рычагов развития пролетарской революции на Украине¹⁴⁶. Впрочем, Ленина в 1933 г. уже не было и проверить его слова не представлялось возможным, хотя, зная его позицию по национальному вопросу в тот период, нет причин сомневаться в них.

Но отстоять связь между «великим переломом» и национальным вопросом Скрыпнику не удалось¹⁴⁷. По существу, бывший нарком просвещения был не так далек от истины, утверждая, что и люди, и их дела полностью соответствовали условиям 1920-х годов, а теперь оказались лишними. Но правы были и его оппоненты. Деятельность национальной интеллигенции, иммигрантов-галицийцев, Наркомпроса (в котором, кстати, трудилось немало представителей и тех, и других), а также тех групп в компартии Украины, которые действительно относились к национальному вопросу не как к второстепенному и вспомогательному, а как к мощному средству всестороннего строительства украинской нации и государственности, давно расценивалась партией как угрожающая. Но тогда с этим положением вещей мирились. Так что П. Постышевым, Д. Мануильским и рядом других деятелей КП(б)У и ВКП(б) была лишь озвучена точка зрения на украинское национальное движение или «низовую» украинизацию как на вещи несовместимые с социалистическим строительством и в

советском обществе неприемлемые. Июньский пленум 1933 г. обязал Н. Скрыпника в письменном виде изложить свою позицию по национальному вопросу, дать критическую оценку своей прежней деятельности и передать отчет в Политбюро¹⁴⁸.

Кампания вступила в стадию «общественного осуждения». С критикой наркома и руководимого им Наркомпроса выступали на собраниях работников просвещения средних и высших учебных заведений, на специальном пленуме ЦК ЛКСМУ, а также на целом ряде собраний трудовых коллективов различных предприятий и организаций¹⁴⁹. 7 июля 1933 г. наступила развязка. В этот день заседало Политбюро ЦК КП(б)У, на котором заслушивался отчет Н. Скрыпника о его прошлой работе. Тезисы отчета были отвергнуты (уже в четвертый раз) как недостаточно самокритичные и не отвечающие требованиям и указаниям ЦК. Бывший нарком попросил время для написания нового, более самокритичного заявления. Заседание было отложено до вечера. Придя домой, Н.А. Скрыпник застрелился.

Такого поворота никто не ожидал. Возможно, дальнейший сценарий рисовался как повторение кампании против «шумскизма». Но в любом случае смущение длилось недолго. «Железные бойцы революции» славились своим умением находить выход из сложных ситуаций. Нашли они его и сейчас, к тому же используя самоубийство в своих интересах. Были организованы траурно-торжественные похороны. Скрыпника хоронили как верного товарища и старого большевика. Слишком заметной он был фигурой. Но сворачивать борьбу с украинским национализмом никто не собирался. Член Политбюро ЦК КП(б)У и новый нарком просвещения В. Затонский в своей речи подчеркнул, что его предшественник пал от руки классовых врагов – украинских буржуазных националистов, и пригрозил, что за смерть Скрыпника они заплатят дорогой ценой¹⁵⁰. Прежде всего надо было заручиться поддержкой низовых партийных организаций. Для этого в крупнейшие центры республики с разъяснением сложившейся ситуации разъехались высшие руководители партии – П. Любченко, В. Чубарь, Н. Попов, В. Затонский, М. Киллерог. И везде партактив резко осудил Скрыпника, подчеркнул его ответственность за «теоретические, политические и практические ошибки» на «фронте национально-культурного строительства»¹⁵¹.

О том, что Н. Скрыпник продолжал оставаться главным виновником положения, при котором национальный уклон и контрреволюция прочно утвердились в партии и национальном строительстве, прямо говорилось в некрологе на его смерть. После перечисления прежних заслуг большевика-ленинца перед револю-

ционным движением следовали уже не раз звучавшие обвинения. Самоубийство квалифицировалось как «акт малодушия» и «неправимое преступление против партии», вызванные неспособностью по-большевистски преодолеть свои ошибки. Далее шло их перечисление (за них в дальнейшем будут осуждены многие его соратники). Главной среди них значилась ревизия ленинизма в национальном вопросе, заключающаяся в преувеличении последнего и придании ему самодовлеющего значения¹⁵². На практике это выливалось в то, что провозглашенную партией необходимость борьбы на два фронта покойный подменял одной лишь борьбой с великорусским шовинизмом и великодержавным уклоном. Ответственность Н. Скрыпника состояла и в том, что он трактовал задания культурного строительства «как ничем не ограниченное национальное строительство», которое приводило к перегибам в украинизации. В качестве таковых значилась «принудительная украинизация в школе» детей нацменьшинств, в первую очередь русских, чему, в частности, служила созданная им теория так называемого «смешанного говора». Сюда же была включена работа в области терминологии и правописания, направленная на отрыв «украинской советской культуры от культуры российских трудящихся масс» и отстаивавшая «ориентацию украинской культуры на буржуазную культуру капиталистических стран». Припомнили ему и «приукрашивание» роли Центральной рады и националистических партий в революции, а также «укапизм» – неверную оценку роли рабочего класса и компартии «в борьбе за правильное разрешение национального вопроса на Украине» в годы Гражданской войны и вплоть до XII съезда РКП(б)¹⁵³.

В конце некролога были сформулированы «преступления», творившиеся под носом у некогда пламенного большевика. «Под знаменем борьбы за украинскую культуру буржуазно-националистические украинские, петлюровские элементы на деньги зарубежных охранок работали над тем, чтобы оторвать Украину от Советского Союза, загнать украинских рабочих и трудовое крестьянство назад, в рабство... чтобы... заморить голодом, истребить сотни тысяч и миллионы трудящихся Украины». Ну, а сам Скрыпник «пал жертвой национал-шовинистических элементов, окончательно запутавшись в своих связях с ними»¹⁵⁴.

Надо отметить, что обвинения в адрес Н. Скрыпника (как, впрочем, и многих других «врагов народа», особенно в начале 1930-х годов) были основаны на его подлинных взглядах, изложенных в печатных работах и устных выступлениях и воплощенных на практике. Скажем, доказательства того, что на Украине борьба велась только против великодержавного шовинизма,

можно было легко получить из речей самого наркома. Он полагал, что местный национализм существует только из-за наличия великодержавного шовинизма и при устранении последнего (вот только где границы этому?) исчезнет почва и для национализма местного¹⁵⁵. Он также утверждал, что «только великодержавный шовинист может считать, что ленинизм и коммунизм может разговаривать только на русском языке»¹⁵⁶ (стиль оригинала. – А.М.). В том, что бывший нарком мыслил национальными категориями, можно было легко убедиться, подсчитав, сколько раз в его речах и статьях употребляются слова «нация», «национальный», словосочетание «национальное дело» и т.д. «Нация стремится к единой цели – коммунизму», развитие национального самосознания необходимо для строительства социализма¹⁵⁷ – эти и подобные часто встречающиеся в его выступлениях сентенции – яркое тому подтверждение. Теоретические выкладки Н. Скрыпника и деятельность Наркомпроса вполне соответствовали духу 1920-х годов, но явно устарели к 1933 г. Стоило внимательно прочитать труды наркома, и обвинительного материала хватило бы на десяток человек. Что уж говорить о практической работе руководимого им наркомата, через который идеи национал-коммуниста и его единомышленников воплощались в жизнь!

Кампании против украинского национального уклона. Осуждение Н. Скрыпника и его самоубийство лишь усилили кампанию по разгрому национального движения и «вычищению» врагов из всех сфер общественной жизни. Еще на Пленуме в июне 1933 г. П. Постышев заверил аудиторию в том, что «выкорчевывание разгромленного врага» будет продолжаться и дальше. Неудивительно, что наиболее «засоренными» вредительскими, контрреволюционными, националистическими «элементами» были названы Наркомпрос и вся система органов просвещения Украины¹⁵⁸. Поэтому их чистка велась ударными темпами. В ноябре того же 1933 г. на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) П. Постышев докладывал, что из системы Наркомпроса было вычищено свыше 2 тыс. «националистов» и «белогвардейцев», 300 научных работников, а из 8 центральных советских учреждений свыше – 200 руководящих работников не ниже уровня заведующих отделами и секторами¹⁵⁹. За 1933 г. в областных управлениях Наркомата по политическим мотивам оказалось заменено 100% руководства, в районных – 90%. 4 тыс. учителей были уволены как «классово враждебные элементы»¹⁶⁰. Чистка коснулась и сотрудников институтов. Из 29 директоров педагогических вузов было уволено 18, лишлись места 210 преподавателей¹⁶¹.

Далеко не все из них были репрессированы. Но со временем, в связи с другими кампаниями, многие из тех, кто был просто освобожден от занимаемой должности, попадал в категорию подследственных, затем заключенных, а некоторые и расстрелянных. Масштабы чистки системы Наркомпроса, по словам В. Затонского, позволили нанести украинской контрреволюции губительный удар. Но в то же время, утверждал нарком, «из системы НКПр еще не вычищена вся... контрреволюционная сволочь», а значит, чистки должны были быть продолжены и дальше¹⁶².

Враги оказывались повсюду – в МТС, в колхозах, в органах Наркомзема (ведь они собирались «морить голодом» украинских трудящихся). По этим структурам, а также по всем организациям, связанным с сельским хозяйством (включая научные, например, Всеукраинскую академию сельского хозяйства), прокатилась волна репрессий. На них возлагалась ответственность за «прорыв» на «хлебозаготовительном фронте» (так большевики предпочитали называть голод). Например, 27 апреля 1933 г. состоялось судебное заседание по делу раскрытого «украинского филиала вредительской организации» в системе органов Наркомзема. Не в последнюю очередь репрессии коснулись представителей сельской интеллигенции¹⁶³.

Вообще, количество врагов, как и скорость их ликвидации, по сравнению с предыдущим периодом выросла в несколько раз. Если в 1930–1932 гг. было «раскрыто» три подпольных организации, то в 1933–1937 гг. – уже 12^{6*}. Останавливаться на них, равно как и подробно проследить ход репрессий в области культуры и чисток партийного и государственного аппарата в данном случае не имеет смысла. Это – особая, заслуживающая не одного серьезного исследования, проблема. Но вкратце сказать о ходе чисток все же стоит.

Основным объектом в борьбе с украинским национализмом продолжала оставаться его главная носительница – интеллигенция. Помимо чистки системы образования, развенчания истори-

^{6*} Помимо упомянутых выше сюда относятся Организация украинских эсеров (Всеукраинский эсеровский центр), Польская организация войскова, направленная против прежней политики в отношении нацменьшинств. Были раскрыты Всеукраинский боротьбистский центр, Украинский центр белогвардейцев-террористов, Террористическая группа профессора Зерова, Троцкистско-националистический блок. Органы НКВД также обезвредили Украинский троцкистский центр. Был уничтожен Блок украинских националистических партий (УКП, боротьбисты, УСДРП, УВО, УПСР), и наконец, Националистическая фашистская организация Украины. Ликвидация каждой из них сопровождалась новой волной арестов.

ческих школ, принципов разработки литературного языка и их философского обоснования, реорганизация затронула и литературу. Еще 23 апреля 1932 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций». ЦК считал необходимым покончить с групповщиной в литературе, ликвидировать все ассоциации пролетарских писателей и объединить всех писателей, «которые поддерживают платформу советской власти и желают принимать участие в социалистическом строительстве» в один союз советских писателей (с созданием в нем коммунистической фракции). Аналогичные союзы предполагалось создать и в других областях искусств¹⁶⁴. Множество литературных организаций, а вместе с ними и плюрализм мнений, различные идейные установки, уходили в прошлое.

Одновременно усилился контроль за идейным содержанием произведений. На Украине особенно внимательно следили за тем, как «инженеры человеческих душ» обыгрывают национальный вопрос. Скажем, роман М. Ивченко «Робітні сили» был квалифицирован как националистический, поскольку его основной идеей была «борьба за возрождение нации»¹⁶⁵. По решению ЦК КП(б)У были проверены планы книгоиздания и писательские кадры, определены «ненадежные» книги и авторы. Например, в 1933–1934 гг. был наложен запрет более чем на 200 произведений, квалифицированных как националистические¹⁶⁶.

Не обошлось и без репрессий. Например, среди 148 участников уже упомянутой УВО, были писатели О. Вишня (П. Губенко), Б. Антоненко-Давидович и др. В мае 1933 г. был арестован бывший боротьбист, член КП(б)У, ваплитовец и главный политический редактор Госиздательства Украины М. Яловой (Юлиан Шпола). 13 мая застрелился Н. Хвылевой. В своем предсмертном письме в ЦК КП(б)У (письмо не сохранилось и его содержание известно со слов писателей – друзей Хвылевого, которые, якобы, успели его прочитать. При этом с достоверностью утверждать о его содержании не представляется возможным) он обвинял верхушку партии в перерождении, предательстве дела революции и украинского народа. Кстати сказать, литераторы удостоились особой «чести» – персонального процесса над группой писателя Н. Зерова (февраль 1936 г.). Среди арестованных оказались М. Драй-Хмара, М. Вороной, П. Филипович и др.¹⁶⁷ Также был репрессирован и ряд единомышленников Н. Хвылевого из числа «новых европейцев».

Раскрытие тех или иных организаций только активизировало репрессии, вовлекая все новые группы интеллигенции в поле зрения советских спецслужб и выдвигая против них новые обвине-

ния. Репрессии не минули ни одно учреждение или организацию. Чисткам подверглась высшая школа (ВУАН, ВУАМЛИН, научные институты и др.), НИИ строительства, Институт литературоведения им. Т.Г. Шевченко, Институт советского строительства и права, Институт украинской культуры им. Д.И. Багалия, музеи, особенно исторические¹⁶⁸. Не обошли репрессии стороной и работников системы среднего и специального образования, издательств (например, «Молодого большевика», «Рука», «Книгоспилки», Государственного издательства УССР, «Мистецтва»), сотрудников Киевского и Харьковского художественных институтов, театра «Березиль», возглавляемого известным режиссером галицийцем Л. Курбасом.

«Враги» нашлись и в области искусств, литературоведении, книгоиздательстве, в хоровых и музыкальных коллективах¹⁶⁹. Скажем, в изобразительном искусстве таковыми были объявлены М. Бойчук и его школа, творчество которых было признано вредным. Среди многих обвинений (оторванность от жизни, отход от реалистических традиций), которым подвергалась школа М. Бойчука, значилась ориентация на «западный формализм», стремление объединить с ним «украинскую архаику», приемы иконописи. Главным обвинением стала «смычка с хвyleвизмом» и ориентация на «европейские нормы». В 1936 г. М. Бойчук и ряд его соратников (не только этнических украинцев) были расстреляны¹⁷⁰.

Далеко не все участники культурных обществ и объединений обвинялись в национализме и прочих политических преступлениях. Многим в вину ставились «идеализм», «церковщина», «отрыв от масс», аморфная «буржуазность». Даже те деятели искусства или творческие коллективы, которые обвинялись в национализме, могли зачастую не иметь к нему отношения: просто уж очень убойным и, главное, абстрактным, далеким от творчества многих из них, было это обвинение. Конечно, попадались среди репрессированных и настоящие националисты, те, кто в своем творчестве акцентировали на национальном факторе много внимания или разделяли соответствующее мировоззрение. В те годы были репрессированы многие бывшие участники украинского движения. Идеологическое развенчание и организационный разгром шли вместе с физическим устранением его адептов.

Но было бы наивно полагать, что Сталин или другие «украиножеры» в Москве вынашивали планы ликвидации украинской культуры как таковой, о чем можно узнать из многих научных и околону научных работ, как выходивших в эмиграции, так и издаваемых на Украине. Партия и не собиралась этого делать. Сущест-

вание украинской национальной общности и государственности никем не ставилось под сомнение. Социально-экономические условия того времени (индустриализация, урбанизация и вызванные ими изменения в социальном и культурном состоянии общества) оставляли благоприятную возможность для других вариантов национальной трансформации малорусского этноса (или его частей), прежде всего, в русскую национальную общность. И таким образом, создавали вполне реальную возможность не только для внесения корректив в проведение национальной политики, но и (при желании) позволяли пересмотреть курс в целом. То есть, отменить украинизацию, искусственное навязывание населению (по крайней мере, его значительной части) украинской идентичности и создание украинской нации со всеми ее атрибутами, государственностью и т.д. Но ничего этого не произошло. Более того, сам курс на создание украинской нации и культуры никто и не думал сворачивать. Речь всего лишь шла о том, чьими руками она будет создаваться: партийно-большевистскими или руками национальной интеллигенции, и какой она будет по содержанию. С середины 1934 г. кампания по борьбе с национализмом пошла на спад. Масштабы репрессий и чисток по обвинениям в принадлежности к когорте украинских националистов в середине 1930-х годов не шли в сравнение с тем, что было в первой трети десятилетия. Украинизация прессы, научных учреждений, госаппарата не только не прекратилась, но даже усилилась. Никуда не делись и украинская литература, искусство и т.п.

Нельзя отрицать и тот очевидный факт, что многие писатели и деятели искусств были обласканы властью. Заботясь об уровне украинской культуры, партии даже приходилось закрывать глаза на мировоззрение некоторых из них. Например, знаменитый кинорежиссер А.П. Довженко продолжал снимать кино и даже сделал блестящую карьеру, хотя для НКВД не были секретом его настроения, которые при малейшем желании было легко квалифицировать как националистические. Режиссеру были не чужды размышления о нации и национальном сознании, причем в этом вопросе он был законченным пессимистом. «Оказывается, наш народ говно», – говорил он в кругу близких друзей, – ему «совершенно безразлично, украинский он или не украинский». «Поляков, вон, тоже, не менее и русифицировали, и германизировали, а они остались поляками, а наш народ *охотно* (выделено мной. – А.М.) сам идет навстречу потере своей национальности»¹⁷¹, – сокрушался Довженко. (Кстати, сравнение с поляками свидетельствует о непонимании кинорежиссером сути вопроса. Русификация Польши и «русификация» Украины были совершенно разными

явлениями и так же совершенно по-разному воспринимались поляками и украинцами^{7*}.) Не прекращали работы и многие другие деятели культуры, например, руководитель хоровой капеллы «Думка» Н. Городовенко, хотя руководству КП(б)У было известно его отрицательное отношение к советской власти. «У нас, украинцев, нет национальности», – сетовал он, – «украинская нация при советской власти погибла». Пример национального чувства, полагал Городовенко, следовало брать с «наилучшей нации» – немцев¹⁷².

Пройдет всего несколько лет и эта «наилучшая нация» во всей красе продемонстрирует свое «национальное превосходство» над непутевыми почитателями из одной советской республи-

^{7*} Между тем, недопустимость таких аналогий, равно как и рассуждений о насильственной «русификации» украинцев как о чужеродном воздействии, была понятна серьезным и добросовестным людям, причем вовсе не только противникам украинства. Виднейший украинофил М.П. Драгоманов подверг едкой критике «украинолюбов-москалененавистников» (которые как раз и делали погоду в украинском движении) за то, что они ставили на одну доску Украину и Польшу. Поскольку подобное сравнение было распространено среди адептов движения, имеет смысл привести его полностью. «Пускай я стану своего рода “проклятою Мазеюю” для определенного сорта украинских национальничков, – писал Драгоманов в своих «Чудацьких думках», – но я вынужден сказать, что приравнивание обрусения, например, Польши, к “обрусению” Украины неубедительно и неудобно. Даже если бы украинская наука признала, что украинская национальность также отдельна от московской, не только как польская, но даже как немецкая или финская, то из этого все-таки не выйдет, что “обрусение” Украины все равно, что “обрусение” Польши. В Польше национальная отдельность и право на автономию воспринимается не только в ученых кабинетах, но повсюду в жизни, и провозглашается любыми способами среди польских мужиков также, как и среди панов и литераторов. На Украине не так. Даже запрещение 1863 года запрещало, например, Костомарову печатать в России по-украински Библию и популярные педагогические книги, но не запрещало ему печатать по-украински “Богдана Хмельницкого”, “Мазепы” и т.п.» «Почему же он писал их по-московскому? Почему же пишут по-московскому научные труды все современные украинские ученые, даже патентованные украинофилы? Почему сам Шевченко писал по-московскому повести или даже интимный “Дневник”?» – вопрошал он и сам же отвечал: «Очевидно потому, что все эти интеллигентные украинцы совсем не так воспринимают свою отдельность от москалей, как, например, поляки». Особо подчеркнем, что Драгоманов говорит не о людях, придерживавшихся общерусской идентичности, а об «украинцах», о тех, кто подчеркивал свою «отличительность» от «москалей». И естественно, все сказанное выше еще больше относится к простому народу – «украинским мужикам», для которых их «национальная отдельность» от «кацапов», была отнюдь не очевидной. См.: *Драгоманов М.П. Чудацькі думки про українську національну справу // Он же. Вибране... мій задум зложити очерк історії цивілізації на Україні. Київ, 1991. С. 538–539.*

ки. А «говно» и «плохой народ», безразличный к национальному делу, проявит великое мужество и волю, освободит свою Родину, пройдет победным маршем пол-Европы и, кстати сказать, сохранит себя от рабства и уничтожения как народ...

...Трагизм и величие 1930-х годов, их сложность и противоречивость заключались в том, что параллельно с подавлением одних форм культуры шло бурное развитие других. В стране разрушались уникальные памятники архитектуры, но одновременно с этим строились заводы, росли новые и кардинально меняли свой облик старые города, улучшалась их инфраструктура, санитарное состояние, развивалась система народного здравоохранения. Одновременно с изъятием из библиотек Украины «зиновьевско-троцкистской националистической литературы» – работ Б. Антоненко-Давидовича, Г. Косынки, В. Полищука, В. Пидмогильного, Г. Этика, А. Панова и др. (решение ПБ ЦК КП(б)У от 19 июля 1935 г.) – быстрыми темпами развивался кинематограф, а на экраны вышли такие, ставшие знаковыми в советском и мировом кино фильмы, как «Земля», «Аэроград» и «Щорс» режиссера А. Довженко¹⁷³, того самого, которого подозревали в сочувствии националистам.

Наряду, скажем, с критикой (за «засоренность» организаций враждебным элементом и т.д.) Всеукраинского общества «Педагог – марксист» и Украинского НИИ педагогики и последовавшего за этим снятия с должностей их руководства, в системе ВУАН открывается Ботанический сад, создаются Институт электросварки, Институт истории материальной культуры (с 1938 г. Институт археологии, ставший одним из центров развития исторической науки не только на Украине, но и во всем Союзе), основывается Государственный архитектурно-исторический заповедник «Софийский музей». Быстрыми темпами развивается наука, особенно естественные, технические, теоретические и прикладные направления. В эти годы происходит создание современной системы Академии наук УССР. А в Институте физической химии ВУАН под руководством А. Бродского впервые в СССР была получена тяжелая вода¹⁷⁴. Это только несколько примеров развития науки и культуры в республике в 1930-е годы. Наряду с уничтожением и гибелью одних форм рождались и росли другие. В первую очередь развивались народное образование, массовая культура, новое искусство и литература. Последняя, кстати, часто в художественном плане и по глубине затрагиваемых проблем не уступала и порой даже превосходила «пролетарскую» и прочую литературу 1920-х годов, ту, которую относили к «буржуазной» и «враждебной».

Страна успешно ликвидировала неграмотность, и перед ее гражданами были открыты широкие просторы для разнообразнейшего приложения своих сил, знаний, талантов. И государство им в этом всячески помогало. Это видели и понимали миллионы советских людей. Страна росла и мужала буквально на глазах, и эта энергия развития, энергия созидания передавалась людям и рождали в них чувство уважения к себе, к стране и, что не менее важно, к власти. Вспомним, с какой гордостью раньше звучало словосочетание «Правительственная награда». И то, что власть жила и работала прежде всего не для себя, а для страны, тоже было для всех очевидно. Поэтому ей и могли многое простить. И нельзя утверждать, что это десятилетие принесло СССР и в том числе Украине один лишь погром. Именно в этот очень короткий период закладывался фундамент для превращения Советского Союза в передовую мировую сверхдержаву. Без 1930-х годов не было бы ни 1945, ни 1961 г., не было бы прорыва в космическую эру. Не было бы и того колоссального задела, за счет которого существуют постсоветские общества...

Возвращаясь к нашим сюжетам, надо отметить, что чистки и репрессии в отношении интеллигенции на Украине были обусловлены многими причинами, главная из которых лежала не только в национальной плоскости, но и в плоскости социальной. Культура в целом и литература в особенности, как сильнейшее средство формирования общественного сознания и моральных установок, должна была быть поставлена на службу социалистическому строительству. По образному выражению П. Постышева, «наша литература не песня мечты, не абстрактный порыв, а меч в борьбе за дело социализма»¹⁷⁵. Партия и государство стремились взять под свой контроль все сферы жизни, в том числе культуру, искусство, сферу общественного сознания. На Украине этот общесоюзный процесс наложился на действительную борьбу с украинским национализмом и его носительницей – украинской интеллигенцией (или, вернее, развивался параллельно с ней), и был направлен на вытеснение националистической идеологии из культуры, искусства, образования. Те же, кто не соответствовал или не хотел соответствовать новым правилам игры, кто в своей работе ориентировался только на «национальную форму», не принимая или не обращая внимания на «социалистическое содержание», оказывались вне ее рамок и не могли рассчитывать на терпимое к себе отношение, не говоря уже о поддержке.

Также несерьезно утверждать, что «погром» украинской культуры велся в интересах русской культуры или русского народа, на страже которых, будто бы, стояла партия. Репрессии были

направлены вовсе не только против украинской интеллигенции¹⁷⁶. Аналогичные преследования русской интеллигенции (и в том числе в УССР), в силу тех или иных причин не вписавшейся в отводимые коммунистической доктриной рамки, особенно тех ее представителей, которым не чужды были патриотизм и национальные чувства («белогвардейской», «великодержавной», «славянофильской», по терминологии того времени), имели не меньший размах. Более того, глумление над русской культурой, нигилистическое отношение к России как к самостоятельному и неповторимому историко-культурному типу, отношение к ней как к материалу для социальных и национальных опытов, начались гораздо раньше, чем гонения на украинских националистов, уже с самого начала революции. Кстати сказать, сама украинизация, строительство украинской нации, распространение украинской идентичности на еще донациональный в основной своей массе этнический коллектив, тоже являлось одним из проявлений борьбы с русскостью, носителями русской культуры и общерусского сознания.

Следует подчеркнуть и еще один момент. Говоря о репрессиях, надо отличать правду от вымысла и голос истории не путать с присущей националистической историографии тенденцией освещать 1930-е годы с позиций «мортиролога». Острие репрессий было направлено далеко не на одних «сознательных украинцев» или украинцев как таковых. Для наглядности стоит привести несколько цифр. Пик репрессий в УССР пришелся на 1937–1938 гг. Тогда было арестовано 267 579 человек (для сравнения – в 1935 г. подверглись аресту 24 934, в 1936 – 15 717 человек), из них осуждено было 197 617 человек (т.е. меньше, чем было арестовано). Хотя эти цифры отнюдь не маленькие и за каждой из них стоит человеческая судьба, они не позволяют говорить о «разгуле репрессий», якобы «заливших кровью» Украину. Но что еще характерней, в 1937–1938 гг. из числа репрессированных (не арестованных, поэтому количество пострадавших оказывается выше) украинцев было 131 635 (и далеко не все из них были репрессированы по обвинению в национализме), а русских – 191 999! Иными словами, этнических русских было репрессировано больше не только в процентном отношении к населению республики, но и в абсолютных цифрах, т.е. их доля среди репрессированных была заметно выше доли этнических украинцев!¹⁷⁷ И это при том, что в те годы, как твердят националисты, «Москвой» осуществлялся «геноцид» украинцев и разгром «украинских сил».

Уничтожение организующего центра, вокруг которого и по обвинениям, и в действительности группировались силы, зани-

мавшиеся национальным строительством, означало, что в партийных верхах главной опасностью теперь уже окончательно стал считаться местный национализм, на борьбу с которым следовало бросить все силы. Впрочем, идейная эволюция оценок началась раньше. Еще в 1930 г. на XVI съезде ВКП(б) И. Сталин отметил наличие «ползучих» (т.е. на первый взгляд малозаметных) уклонов в национальном вопросе. Указав, что главной опасностью «в области национального вопроса» продолжает оставаться великорусский национализм, Сталин вместе с тем подчеркнул и опасность, исходящую от местного национализма, назвав «решительную борьбу с этим уклоном» задачей партии¹⁷⁸. Характерно, что борьба с местным национализмом столь открыто была объявлена задачей партии впервые (о борьбе с великорусским национализмом речь специально не велась). На XVII съезде ВКП(б) в 1934 г. вождь развил свою мысль, сказав, что корень у всех национализмов один – это «приспособление интернационалистической политики рабочего класса к националистической политике буржуазии». А сам уклон «отражает попытки «своей», «национальной» буржуазии подорвать советский строй и восстановить капитализм». С этим «отходом» от ленинского интернационализма надо нещадно бороться, причем одновременно устранять угрозу, идущую с обеих сторон. При этом, утверждал Сталин, в «современных условиях» старый вопрос – о том, какой из уклонов наиболее опасный – превратился в «формальный и поэтому пустой спор», так как главная опасность исходит от того из них, «против которого перестали бороться и которому дали, таким образом, разрастись до государственной опасности». «Грехопадение Скрыпника и его группы на Украине», продолжал Сталин, было явлением не единичным и имело место и в других республиках. А в силу того, что на Украине перестали бороться с местным национализмом, он и стал там главной опасностью¹⁷⁹.

Руководимая П. Постышевым партийная организация Украины действовала в соответствии с избранным на XVI и XVII съездах ВКП(б) курсом в национальном вопросе. Ноябрьский Объединенный пленум ЦК и ЦКК КП(б)У 1933 г. целиком был посвящен подведению итогов культурно-национального строительства и определению новых задач в этой области. Пленум пришел к выводу, что в результате проводимой национальной политики исчезли остатки колониального положения Украины и была создана почва для свободного развития украинской советской культуры и государственности. В докладе генерального секретаря ЦК КП(б)У С. Косиора были перечислены достижения в экономике, образовании, искусстве. Особо подчеркивался тот факт, что

за годы украинизации вырос и окреп национальный украинский пролетариат. Вместе с тем на Пленуме было продолжено разоблачение уклона во главе со Скрыпником. Подчеркивалось, что «разгром украинского национализма, разоблачение пролезших в партию националистических двурушников является необходимым условием и составной частью большевистской украинизации», истинного интернационального воспитания масс¹⁸⁰.

В выступлениях С. Косиора, П. Постышева, П. Любченко, Н. Попова, в резолюции Пленума были окончательно сформулированы черты украинского национального уклона в КП(б)У. Он заключался в идеализации украинских мелкобуржуазных партий и их роли в революции, в распространении троцкистских, право-оппортунистических и националистических взглядов. Корни уклона крылись в переоценке национального вопроса, взгляде на него как на вопрос самостоятельный, как на решающий фактор в освободительной борьбе на Украине. Уклонисты и те, кого к ним причисляли, смотрели на партию со своих позиций, обвиняя КП(б)У в двурушничестве и непоследовательности в национальном вопросе, критикуя ее отношение к нему в прошлом и переоценивая тот поворот, который произошел после «перехода» большевиков на позиции УКП и боротьбистов. Практическая деятельность уклонистов сводилась к попыткам пересмотра Конституции в сторону увеличения полномочий республик, борьбе против создания СССР как единого союзного государства. Глава и духовный организатор уклона (Скрыпник) выступал за отрыв украинского языка и культуры от языка и культуры русской, продолжал начатую еще Шумским, Хвильевым и Волобуевым ментальную (и не только) ориентацию на Запад. В качестве одной из основных черт уклона отмечалось разжигание вражды между украинским и русским пролетариатом, которая провоцировалась насильственной и ускоренной украинизацией последнего и борьбой с великорусским шовинизмом при одновременном поощрении национализма местного.

В результате «черной работы» «пролезших» врагов из числа националистических элементов и национал-уклонистов – членов компартии, все научные и учебные заведения, литература, театры, искусство и т.п. оказались пронизаны «ложной буржуазной националистической теорией», обезоруживающей пролетариат и объективно подготавливающей реставрацию капитализма. При этом партийцы-уклонисты становились центром притяжения, ширмой и защитой для подобных враждебных элементов, под прикрытием которой эти последние «пролезали» в партийный и советский аппарат, заполняли его и поворачивали украинизацию

таким образом, что она стала использоваться в интересах буржуазной реставрации и отрыва Украины от Советского Союза.

На пленуме даже звучали голоса пересмотреть некоторые решения X и XII съездов. В том, что начатая в 1930 и резко усиленная в 1933 г. кампания могла быть истолкована (что нередко и случалось) как пересмотр ленинского курса, окружение Постышева прекрасно знало. Но в планы советского руководства это не входило. Подобные поползновения к корректировке основных положений национальной политики были пресечены. В резолюции подчеркивалось, что «любые попытки ревизии», прикрывающиеся фразами о том, что «национальный вопрос... уже себя изжил» и «национальные республики больше не нужны», партия будет изобличать и бороться с ними¹⁸¹. Конечно, власти не забывали и о продолжении «самой беспощадной» (как говорилось на пленуме) борьбы с великодержавным шовинизмом, постоянно подчеркивая ее важность для разрешения национального вопроса и проведения «большевистской украинизации»¹⁸². Например, выступая 5 июня 1934 г. на сессии Всеукраинской ассоциации марксистско-ленинских институтов, П. Постышев напомнил, что великорусский национализм снова может стать главной опасностью на Украине¹⁸³. Немало деятелей науки и искусства в СССР и УССР были репрессированы по этому обвинению.

Ноябрьский пленум стал важной вехой на пути проведения национальной политики и еще одним переломным этапом в судьбе многих участников украинского национального движения. На нем был как бы проанализирован пройденный путь, подведены итоги борьбы с этим движением за четыре предыдущих года и намечены новые шаги по окончательному разгрому националистических уклонов и контрреволюции. О том, что не все враги еще вычищены, заявил в своем докладе на XII съезде КП(б)У в январе 1934 г. П. Постышев. Он подчеркнул, что «и шумскизм, и уклон Скрыпника питались одними и теми же корнями и соками», оба «работали на дело отрыва Украины от Советского Союза» и порабощения трудящихся, оба «стремились прочь от Москвы – центра мировой пролетарской революции»¹⁸⁴. Среди дальнейших заданий в области национальной политики он назвал необходимость повышать среди партийной организации большевистскую бдительность «по отношению к националистической контрреволюции» и призвал окончательно разоблачить националистический уклон Скрыпника и непримиримо относиться «к малейшим отклонениям от ленинской национальной политики»¹⁸⁵.

Постановления Ноябрьского пленума интересны еще и тем, что официально подтвердили наличие национального уклона

(именно как уклона, а не ошибок отдельных личностей) в партии. На XII съезде КП(б)У П. Постышев провел прямую параллель между уклоном Н. Скрыпника и А. Шумского, охарактеризовав первого как наследника и продолжателя «шумскизма». Это не только подчеркивало преемственность националистических настроений в партии, но и указывало на их источник. Ноябрьский пленум во всеуслышание назвал его. Им оказались выходцы из украинских партий – боротьбисты и укаписты. Особую пикантность ситуации придавал тот факт, что немало их было в верхнем эшелоне коммунистической партии Украины. Бывшими боротьбистами были активные борцы со «скрыпниковщиной» П. Любченко, А. Хвыля. Их бывший соратник Г. Гринько в то время занимал пост председателя Госплана СССР. Поскольку было объявлено, что «уклон» Скрыпника опирался на укаписто-боротьбистский подход к решению национального вопроса на Украине, вырисовывался и новый объект для внимания советских спецслужб.

Первый удар по бывшим боротьбистам и укапистам был нанесен еще во второй половине 1920-х годов во время борьбы с «шумскизмом». Искать среди них уклонистов стали и теперь. Сначала это делалось в контексте разоблачения «буржуазно-националистической деятельности» украинской интеллигенции. Например, резкой критике был подвергнут учебник «Основы украинознания» под редакцией одного из бывших лидеров УКП А. Речицкого (среди авторского коллектива были такие известные фигуры марксистской науки, как В. Коряк, Д. Фрид и др.). Концепция учебника была названа «извращением... истории революционного процесса на Украине», так как в основу концептуального подхода были положены теории М. Яворского, М. Равич-Черкасского, «переоценивавших» значение национального фактора в истории Украины. «Политически ответственным» за допущенные «извращения» объявлялся А. Речицкий¹⁸⁶. Естественно, он был вынужден публично признать свои ошибки, в том числе и то, что «переоценил вес национального вопроса в революции», «националистически трактовал роль квалифицированного промышленного пролетариата на Украине как носителя руссификаторско-колонизаторских тенденций», а революцию 1917 г. оценивал как «национальную с аграрным и социальным содержанием»¹⁸⁷.

В следующий раз «национал-коммунисты» оказались в центре внимания вокруг «дела» УВО. За причастность к террористической и диверсионной организации были арестованы виднейшие боротьбисты и деятели КП(б)У и КПЗУ – А. Шумский, К. Максимович, А. Турянский.

После 1933 г. выходцев из других партий стали «вычищать» и репрессировать как особую категорию врагов, вне контекста борьбы с украинской интеллигенцией. В 1934–1935 гг. в ходе чистки украинской парторганизации ее покинуло множество боротьбистов¹⁸⁸. Мощный удар по «выходцам» был нанесен в 1935–1936 гг., когда был раскрыт и ликвидирован Всеукраинский боротьбистский центр. В своем докладе на январском (1936 г.) Пленуме ЦК КП(б)У П. Постышев сказал, что укаписты и боротьбисты так и не сменили свои взгляды и продолжали проведение контрреволюционной работы против партии и советской власти. В партию они вливались для того чтобы вырвать Украину из рук большевиков, причем готовиться к этому они начали уже давно. Еще на XII съезде РКП(б) и боротьбисты, и большевик Н. Скрыпник, критикуя национальную политику партии, группировались вместе. Впервые реализовать свои планы, утверждал Постышев, «выходцы» попытались при А. Шумском, а когда «шумскизм» был разгромлен и надежды на «кабинетный переворот» были потеряны, боротьбисты ушли в подполье и создали свою организацию, которая начала устанавливать связи с другими подобными организациями – СВУ, УНЦ, группой М. Грушевского – и оказывать на них влияние. Но основной ее работой было впутывание в свою деятельность Н. Скрыпника и окружение его своими людьми. В 1930–1932 гг. боротьбисты-подпольщики занимались вредительством в хозяйственных органах (например, в Наркомземе) и учреждениях культуры и, опять-таки, готовили восстание. С лета, после ликвидации УВО, они перешли непосредственно к террору¹⁸⁹.

В ходе ликвидации Украинской войсковой организации и Всеукраинского боротьбистского центра было арестовано и осуждено немало бывших видных укапистов и боротьбистов: соответственно, А. Речицкий, Ю. Авдиенко, А. Драгомирецкий и Н. Любченко, Л. Ковалёв, С. Семко-Козачук, Д. Кудря и др. Высшие функционеры компартии Украины – выходцы из других партий – по «делу» ВБЦ привлечены не были. Но теперь их положение становилось очень незавидным.

Конечно, далеко не все из тех, кто ранее состоял в других партиях, продолжали придерживаться своих прежних взглядов. Были и такие, кто сознательно перешел на позиции ВКП(б)–КП(б)У по национальному вопросу. Но, во-первых, осуждению подлежали сами эти взгляды и идеология «национал-коммунизма», а раз так, то и ее сторонники, пусть даже и бывшие. А во-вторых, немало боротьбистов и особенно укапистов действительно вступало в КП(б)У со своими прежними взглядами, надеясь повлиять на ее

национальную политику. Главной задачей эти люди считали подготовку и воспитание сознательных украинских кадров, «способных к борьбе за независимость от Москвы». А для этого нужно было идти в компартию, комсомол, занимать в них командные посты, быть активными, «воевать с русотяпами и украиножёрами», привлекать на свою сторону партийное большинство. «Чем больше нас будет в Компартии, тем легче нам будет потом, будет на кого опереться»; «учиться, копить силы, анализировать», а при удобном моменте «действовать и революционным путем» – все эти цели и методы бывших укапистов и боротьбистов не были секретом для партии и ее «карающего меча» – ГПУ¹⁹⁰.

За примерами не надо было далеко ходить. Тот же кинорежиссер А. Довженко («активный украинский националист», как значилось в его персональной папке – формуляре ГПУ–НКВД), вращавшийся в среде «красной» национальной интеллигенции, говорил, что если «вся украинская интеллигенция пойдет в члены КП(б)У, то там окажется большинство украинцев и это большинство сможет повернуть политику партии в интересах Украины» и «что таково мнение всех боротьбистов, вступающих в ряды КП(б)У»¹⁹¹. Что уже говорить о тех, кто вступал в партию после решений XII съезда РКП(б), или о тех укапистах, чье вхождение в КП(б)У произошло не добровольно, а принудительно, по решению ИККИ! «Великий перелом» в экономике и национальной политике они встретили (или могли встретить) весьма болезненно. А сталинское руководство продолжало методично наносить упреждающие удары.

Таким образом, главным результатом кампаний 1933–1936 гг. стало то, что бывшие активные участники национального движения, причем не «жовто-блакитные», а «красные», были объявлены врагами, а их взгляды и деятельность характеризовались как контрреволюционные. Лица с боротьбистским и укапистским прошлым попали в немилость потому, что продолжали относиться к национальному вопросу как главному и в прошлом были, а во многом и оставались сторонниками особого пути Украины к коммунизму. Украины как национального и государственного целого, чего-то большего, нежели просто республики в составе СССР, особенно в той трактовке взаимоотношений союзного и республиканского, которая стала преобладающей в советском руководстве с начала 1930-х годов.

Здесь надо еще раз обратиться к причинам, обусловившим изменение приоритетов в национальной политике и наступление на местный национализм и украинское движение. О некоторых причинах уже говорилось выше. Но поскольку борьба не ограничи-

лась только национальной интеллигенцией и «осколками» старых классов и велась против тех сил в компартии, которые имели иную точку зрения на перспективы развития Украины, следует вернуться к этому вопросу и посмотреть, что же повлияло на пересмотр, казалось бы, установившихся подходов к принципам организации союзного государства и советского общества.

Советский национальный проект и судьбы украинского движения

Предпосылки становления советской общности. Как уже говорилось, переход к индустриальному рывку требовал чрезвычайной мобилизации всех сил страны и общества. Это не могло не повлечь за собой новый виток централизации управления государством, и как результата, контроля над всеми сферами общественной жизни. По сути, централизационные процессы шли по нарастающей и в 1920-е годы. Наглядный пример – «собрание державы» от объединения советских республик через создание их военно-политического союза до образования СССР. Известно и то, что централистски мыслящих людей в партии и государственном аппарате было немало. Но в условиях послереволюционной России и неустойчивого положения большевиков, преждевременная централизация могла бы активизировать национал-сепаратистские движения, а это привело бы к совершенно не тем результатам, которые ожидали от нее подобным образом настроенные круги в РКП(б). Отчасти подобными опасениями и была продиктована борьба против великодержавных настроений. Собственно, сам принцип, заложенный в основу союзного государства, был нацелен на это.

Но начало 1930-х годов – не начало 1920-х. Изменилось внешнее и внутреннее положение страны, иными были стоящие перед ней задачи. Не могли оставаться неизменными и приоритеты в национальной политике. Возможно, доживи Ленин до 1930–1933 гг., он как выдающийся политический прагматик, изменил бы свою прежнюю позицию, как неоднократно делал это раньше. Партия, которая сама оставалась сверцентрализованным организмом, где любые попытки национальной и всякой другой фракционности немедленно пресекались, тоже шла по пути централизации, но на качественно иной основе: на основе эволюции власти от съезда к ЦК, от ЦК к Политбюро, а от него – к узкому руководству¹⁹² и лично к генеральному секретарю И. Сталину.

Население советской страны, сохранявшее патерналистские настроения и традиционно воспитанное на принципе единоначалия, переходящего в священноначалие, потенциально было готово к «твердой руке» и даже ожидало ее как гаранта стабильности для одних, перехода к постоянно откладывающемуся социалистическому рывку для других, «нормальной» государственности для третьих. Десятилетнее правление большевиков только укрепило вроде бы уже позабытую категорию подданства. В 1920-е годы на месте православного царя оказалась многоликая и очень уж специфическая партия, что не всегда соответствовало привычному сознанию «подданных». Поэтому укрепление в суровой борьбе И. Сталина расставило все по своим местам. Во главе страны встал «царь», только «красный».

К этому времени в сознании правящей элиты произошла определенная эволюция взглядов на государственность. Ожидания мировой революции и полное отрицание старой державной традиции сменились признанием (сквозь зубы) того факта, что какое-то время придется существовать в капиталистическом окружении и продолжать коммунистическое строительство в границах бывшей России, а значит, отстраивать и укреплять ее государственность. Затем идея построения социализма в одной отдельно взятой стране полностью утвердилась. Это неминуемо приводило к выводу о неизбежности большей централизации СССР и его развития не как суммы республик, а как единого государства, пусть даже в виде федерации национально-государственных образований. Этот подход не был результатом плавной эволюции, а рождался в отчаянной внутривластной борьбе.

Централизация, конечно, не предусматривала ликвидацию республик или изменение их статуса, скажем, перевода из союзных в автономные¹⁹³. Не было даже отменено явно конфедеративное право выхода республик из состава Союза. Сталинское руководство считало это не нужным и даже вредным. Например, во внешнеполитическом плане это затруднило бы решение украинского и белорусского вопроса в Польше и т.д. К тому же, республики и «игры в независимость» рассматривались большевиками-сталинцами как форма, как внешние, малозначащие атрибуты. Страну держала партия, утвердившаяся, казалось, на века. Она была «единой неделимой» и это было тогда главным.

И все же, стоящая перед страной сверхзадача – обретение экономической независимости и равноправности с ведущими мировыми державами – требовали пересмотра некоторых положений в системе взаимоотношений центра и республик. Сам И. Сталин понимал федеративное единство республик как «единое фе-

деративное народное хозяйство», как «одно хозяйственное целое» с такими взаимоотношениями центра и окраин, при которых «окраины во всем основном должны безусловно подчиняться центру»¹⁹⁴. Пятилетний план корректировал политику XII съезда РКП(б), подразумевавшую преимущественное развитие национальных республик как средство их экономического «выравнивания» с РСФСР и борьбы с великодержавным шовинизмом. На протяжении всех 1920-х годов национальные территориальные единицы (районы, области, республики) получали все необходимые материальные средства, промышленные товары, семенной фонд. Кредиты на строительство промышленных предприятий выдавались им в первую очередь. В республики направлялись инженерно-технические и рабочие кадры, а порой из России перебазиrowали целые заводы. Случалось, что искусственная перекачка ресурсов из центра в национальные окраины наталкивалась на неподготовленность последних к практическому и моральному восприятию модернизации¹⁹⁵. Конечно, это относилось прежде всего к нерусским окраинам: Казахстану, Средней Азии, Кавказу, отчасти к национальным районам Поволжья. Украина здесь стояла особняком – в наличии имелись и промышленность, и кадры, и технологии. Но как и указанные регионы, УССР находилась в лучшем по сравнению с РСФСР положении, пользуясь своими выгодами как «национальной республики»^{8*}.

Теперь же возобладал принцип хозяйственной целесообразности. В годы первых пятилеток хозяйство республик продолжало развиваться быстрыми темпами (в том числе за счет перекачки ресурсов из России), не было проблем и с их финансированием. Но не менее активно шел экономический рост регионов РСФСР. В основу планов был положен не национально-республиканский, а экономико-географический принцип, против которого ранее так горячо выступали Г. Гринько и М. Волобуев и за который подвергались критике «великодержавные» экономисты, призывавшие промышленное строительство не к «ранее угнетенным» народам, а к источникам сырья, энергии, людским ресурсам, транспорту. Экономические планы исходили из точки зрения на СССР как на единый народно-хозяйственный организм, а не сумму национальных экономик, и республиканские границы ста-

^{8*} Возвращаясь к излюбленному «коньку» украинских (и не только) националистов – разговорам о «колониальном» угнетении – можно сказать следующее. Если Советский Союз и был «колониальной империей», то объектом эксплуатации и разорения вследствие искусственного и доктринального перераспределения национального богатства оказывалась «метрополия», а не ее «колонии».

новились прозрачными при строительстве фундамента социализма. Экономика Союза продолжала развиваться по принципам, на которых строилось хозяйство прежней России. Одним из них была экономическая специализация регионов, а бюджетные права, планирование, контроль над индустрией все больше отходили в ведение союзных органов.

Изменения коснулись не только экономики. С начала 1930-х годов СССР все больше начинает приобретать черты унитарно-централизованного государства, хотя внешне продолжает оставаться федерацией национальных республик. 22 апреля 1931 г. ЦИК и СНК СССР утвердили положение о гражданстве СССР, которое отныне становилось единым¹⁹⁶. А ведь еще многие положения программы и устава Коминтерна, принятые на VI Конгрессе в 1928 г., позволяли утверждать, что граждане СССР рассматривались не столько гражданами государства, сколько ядром мирового социалистического согражданства. А СССР изображался «отечеством мирового пролетариата»¹⁹⁷. В 1930 г. вводилась единая система народного образования: в апреле ЦК и СНК СССР приняли постановление об обязательном начальном образовании (4 класса в сельской местности, 7 – в городе), в июле были реорганизованы вузы, техникумы, рабфаки¹⁹⁸. Пора левацких экспериментов, различных КИНО и ВИНО^{9*}, уходила в прошлое. Вместо них была создана единая и притом эффективная система народного образования с едиными и обязательными программами обучения, учебниками, порядком образовательного процесса. Создание общегосударственной системы образования стало мощным средством укрепления СССР как государства и воспитания подрастающего поколения как граждан Советского Союза, а не той или иной республики. В мае 1935 г. произошла давно назревавшая унификация управления сферой образования, культуры, науки, печати. На месте Культпропа ЦК ВКП(б) в аппарате ЦК было создано пять отделов, получивших право контролировать и направлять деятельность республиканских наркоматов просвещения, ранее центру не подчинявшихся и ревностно следивших за своей самостоятельностью.

Унификация затронула и сферу культуры, чему способствовало учреждение творческих союзов (композиторов, художников, писателей, архитекторов). Союзы создавались и в республиках

^{9*} Под такими двусмысленными аббревиатурами в 1920-е годы скрывались соответственно бывший Киевский университет (!) и Винницкий институт народной освіти (просвещения).

(например, в 1934 г. был создан Союз писателей Украины). Былое разнообразие литературных и прочих направлений и объединений заменялось одной структурой, в рамках которой должен был осуществляться творческий процесс, контролировавшийся партией, аналогичными творческими союзами и цензурными организациями (Главлит, Главискусство, Главрепертком) на государственном уровне. В конце 1935 г. при СНК СССР был создан общесоюзный Комитет по делам искусств, сосредоточивший руководство культурным процессом. Но при всем том создание единых творческих союзов имело огромное значение для формирования культурной элиты национальных республик, причем именно как элиты республиканской, без иного (классового, образовательного, социального) содержания. Заметим, что в РСФСР подобных организаций в те годы не было.

Сыграл свою роль и внешний фактор, пожалуй, главный и определяющий всю русскую историю. Правда, в послереволюционные времена отношение к нему в верхах эволюционировало параллельно с отношением к России. Даже революция 1917 г., от которой велся отсчет новой государственности, планировалась и совершалась не как русская революция, не как революция для России, а как революция всемирная, ломающая прежние национальные рамки. По мере роста интереса к «отдельно взятой стране» менялось и видение внешнего фактора. Советский Союз постоянно находился в ожидании революционной войны или интервенции. А поскольку СССР был в то время единственной социалистической страной и находился в окружении империалистических держав, мотивы войны, фронта, осажденной крепости были на слуху и влияли на всех и на каждого. Это мотив – необходимость крепить оборону перед лицом надвигающегося кризиса капиталистического мира – с новой силой зазвучал во время «великого перелома». Ожидание грядущих битв подразумевало укрепление единства весьма специфически устроенной советской страны. Нужно было найти нечто такое, что сцементировало бы ее, подвело под государственное единство некий более универсальный и прочный фундамент.

Все эти процессы унификации хозяйственного, идеологического, государственного, культурного пространства СССР рано или поздно должны были поставить следующие вопросы: а кто же живет в Советском Союзе? Что это за люди? Составляют ли они единое сообщество или просто являются неким количеством граждан – не связанных между собой индивидов? И чем для них является Советская Страна?

Создание в Советском Союзе новой общественно-политиче-

ской (и национальной) надстройки было обусловлено его новым социально-экономическим фундаментом, начало ускоренного строительства которого обозначил «великий перелом». «Мы уничтожили национальный гнет. Мы уничтожили национальные привилегии и установили национальное равноправие. Мы уничтожили государственные границы в старом смысле слова, пограничные столбы и таможенные преграды между национальностями СССР. Мы установили единство экономических и политических интересов народов СССР»¹⁹⁹, – так охарактеризовал этот фундамент на XVI съезде ВКП(б) И. Сталин. Он же заложил «краеугольный камень» в основание нового курса. Еще в феврале 1931 г., выступая на Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, генеральный секретарь ЦК ВКП(б) сказал, что если раньше у трудящихся России не было (и не могло быть) Отечества, то «теперь, когда мы свергли капитализм, и власть у нас, у народа, – у нас есть Отечество и мы будем отстаивать его независимость»²⁰⁰. «**Советский проект**». Взгляд на население СССР как на новую общность к середине десятилетия утвердился в руководстве страны достаточно прочно. Нужно было пробудить в людях чувство гордости, веру в себя, желание жить и трудиться на благо Родины. Как полагали руководители СССР, это возможно было сделать если «все население пропитать советским патриотизмом, чтобы каждый гражданин Советской республики... встретившись с гражданином капиталистической страны, всегда чувствовал внутреннее превосходство: я – гражданин Советской республики»²⁰¹. На страницах прессы, в выступлениях партийных лидеров все чаще стал появляться мотив, не сразу, исподволь, но приближавшийся к непосредственному формулированию этой концепции.

Роль одного из ее разработчиков взял на себя старый ленинец, один из руководителей Советского государства Н.И. Бухарин, занимавший в то время пост главного редактора газеты «Известия». В его статьях проводилась мысль, что в СССР (который представлял как государство, а не союз республик) мировой пролетариат обрел «свое отечество», «свою пролетарскую родину». Любовь к советской родине, по мнению Н. Бухарина, не имела ничего общего с «зоологическим расизмом», «шовинистическим мракобесием», «глупой национальной ограниченностью» и «тупоумием» «буржуазных патриотов». Это была любовь к труду, историческому будущему человечества. Новое понятие – советский патриотизм – он истолковывал вполне в традиционном для коммуниста-интернационалиста духе и провозглашал «доблестью всего международного пролетариата»²⁰².

В последующих статьях Н. Бухарин продолжал разрабатывать эту концепцию. Надо отметить, что ход экономического, социального, культурного развития СССР создавал новую реальность, которая служила причиной появления объективных признаков этой общности. На них указал тот же Н. Бухарин. Фундаментом этой общности он считал обобществленное производство и общественную форму собственности. Отсутствие эксплуатирующих классов, изменения в общественном бытии и сознании крестьянства, рабочих, интеллигенции создавали предпосылки для их более тесного объединения «на базе растущего единого социалистического хозяйства». Это было одной из предпосылок создания новой общности людей – многонационального «героического советского народа», как его назвал Бухарин. Другой предпосылкой являлось основанное на той же социально-экономической базе и единстве целей сплочение народов, развивающих свою (ибо национальную по форме) и в то же время общую (ибо социалистическую по содержанию) культуру²⁰³.

В мае–июне 1936 г. Н. Бухарин констатировал, что в СССР «создается... единый народ, взятый не как этнографическая, а как социальная категория», представляющий, к тому же, как многонациональная общность, т.е. «единый и суверенный» народ, «консолидированный и по вертикалям (классы), и по горизонталям (нации)»²⁰⁴. Перечисленные Н. Бухариным признаки (и социально-экономические, и лежащие в национально-культурной сфере) в тот период активно закреплялись в сознании людей, превращались в субъективные символические ценности и, таким образом, становились объективными признаками новой общности. Внимание к проблеме со стороны руководителей государства ускорило этот процесс, придавало ему направленность, способствовало формулированию признаков этой национальной общности, которые затем должны были стать ее отличительными чертами.

Однако верно ли название «национальная» для той общности, черты которой обрисовал Бухарин? С определенностью можно утверждать, что нет. Даже сам автор проекта считал советский народ социальной, а не этнографической категорией. Любая нация, любая национальная общность, будучи явлением социально-политическим, тем не менее, основывается на этническом фундаменте. Многонациональные сообщества или, лучше сказать, полиэтнические нации (а именно таковыми и является большинство национальных коллективов) также имеют такой этнический фундамент, который создается на основе одного из проживающих в данном государстве этносов: либо наиболее многочисленного, либо наиболее развитого в культурном отношении, либо наиболее энергичного.

Бухаринский «проект», лишенный этнического стержня, не стал, да и не мог стать основой для формирования нового национального коллектива. На социальном, экономическом, половом и т.п. принципах возможно существование социальной группы, класса, касты, общины, которые уже по определению часть, а не целое. «Героический советский народ» в истолковании Бухарина должен был строиться на отрицании культуры, традиций и ценностей народов Советского Союза, и в первую очередь русского народа – того народа, который только и мог стать этническим фундаментом для такой потенциально возможной национальной общности людей. Да и сам Николай Иванович меньше всего подходил на роль идеолога концепции советской нации. Дело в том, что в партийном руководстве Бухарин был одним из наиболее последовательных и решительных борцов против всего национально-русского; он испытывал подлинную ненависть к прошлому России, ее истории, культуре, народным героям. Он стал олицетворением всех антинациональных, антирусских сил не только в компартии, но и во всем левореволюционном лагере. Весьма точно подметил и объяснил отношение Бухарина ко всему русскому еврей-эмигрант М. Агурский, написавший известную книгу о национал-большевизме. «Это не было следствием его функционального положения, – писал Агурский. – Это было нечто экзистенциальное, некая национальная самоненависть, национальный нигилизм»²⁰⁵.

Эта национальная самоненависть, описанная еще Ф.М. Достоевским в романе «Бесы», вошла в плоть и кровь значительной части российской интеллигенции, стала внелогической, экзистенциальной подпиткой для различных идей и концепций универсалистского толка – от интернационального левацкого коммунизма до либералистских идей единого мира, отрицающих за Россией право на самостоятельное и самодостаточное существование. А ведь именно интересы страны были для Сталина и его соратников главными.

С вероятностью можно утверждать, что изложенный Н. Бухариным проект не отвечал тем задачам, которые стояли перед страной. Сам ход развития СССР подготавливал появление на свет некоей национальной общности, но общности более привычной и естественной, нежели просто многонациональной (а по сути, безнациональной, космополитической) «социальной категории», общности, построенной не на классовом принципе.

Помимо внутренних причин появление советской общности на свет сильнейшим образом подталкивал внешний фактор. Агрессия Японии на Дальнем Востоке и особенно приход в 1933 г. к

власти в Германии А. Гитлера, и утверждение откровенно антикоммунистического и антироссийского национал-социализма заставили советское руководство резко активизировать поиски дополнительных возможностей сплочения населения вокруг идей, которые бы обладали более высоким объединяющим потенциалом, нежели пропаганда идей классовых в международном и внутреннем масштабе²⁰⁶. Такой универсальной идеей мог стать только патриотизм. Эволюция отношения к нему правящих кругов наглядно отражает те перемены, которые произошли с Советским Союзом в 1930-е годы, и то, по какому сценарию развивались в нем национальные процессы.

И патриотизм (естественно, имелся ввиду патриотизм по отношению к России), и даже само это слово в 1920-е годы стали синонимом косности, национальной ограниченности и великодержавной контрреволюционности. То время, по выражению его главного творца В. Ленина, стало полосой «самого резкого расхождения с патриотизмом»²⁰⁷. Ведь еще К. Маркс говорил, что у пролетариата нет отечества. В нашем случае и патриотизм, и национализм приравнялись друг к другу как вещи, угрожающие пролетарской солидарности и мешающие социалистическому переустройству общества (в масштабах страны или всего мира). Борьба с великодержавным (великорусским) национализмом, поддержка идеологических постулатов национальных движений, национальный федерализм были наглядным проявлением этого, хотя уже с начала 1920-х годов потихоньку начинает выдвигаться концепция о борьбе на два фронта. Да и сталинская трактовка социализма предусматривала создание «царства справедливости, способного защитить всех обездоленных на Земле»²⁰⁸, прежде всего в СССР, что также имело общие с «традиционным» патриотизмом корни. Завершение полосы «самого резкого расхождения с патриотизмом» произошло в середине 1930-х годов.

Патриотизм оказался тесно связан с другим подходом к построению новой исторической общности – советского народа, имевшимся в советских верхах. Его выразителем был сам И.В. Сталин. Сталинская интерпретация проблемы нигде публично не звучала, но очень явственно находила выражение в практической политике.

Прежде всего были осмыслены и юридически закреплены кардинальные изменения, произошедшие в обществе за минувшее десятилетие. В 1936 г. была принята новая Конституция СССР, которая должна была стать основой для сплочения общества и превращения его в советский народ. Конституция пыривала с господствовавшим ранее классовым подходом и кон-

ституционно закрепленным неравенством граждан страны. Новая система выборов предполагала всеобщее, прямое и равное избирательное право, распространявшееся на всех «бывших», «лишенцев» и прочие категории неполноправных граждан²⁰⁹. Еще раньше, в конце 1935 – начале 1936 г. были возвращены избирательные права колхозникам, пострадавшим во время коллективизации (около 770 тыс. человек). Были отменены все ограничения на прием в высшие и средние специальные учебные заведения, связанные с социальным происхождением поступающих и социальным статусом их родителей. Окончательно уходило в прошлое унижительное понятие «лишенец»²¹⁰. Эти меры, безусловно, должны были способствовать сплочению населения в единый народ. Все предпосылки для единства были налицо: социально мобильное, не знающее нищеты, угнетения, безработицы социалистическое общество, общенародная собственность (государственная и кооперативно-колхозная) уравнивали все слои населения²¹¹. Естественно, при таком положении продолжать твердить о диктатуре пролетариата было бы просто бессмысленно.

Конституция также укрепляла Союз как федеративное государство. Несмотря на создание новых союзных республик (весьма проблематичных как полноценные государственные образования), существенно менялась конституционно закрепленная оценка того, что же такое СССР. В новом Основном законе отсутствовала «Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик», с которой начиналась прежняя Конституция. В Декларации как раз и говорилось о классовом характере государства и его конечной ориентированности на превращение в мировую республику Советов. Образование союзного государства объяснялось в ней классовыми интересами и необходимостью обороны от лагеря капитализма²¹². Иными словами, формально подразумевалось, что основой основ является не центр, не Союз, а республики, его образующие.

Но ясно обозначившаяся тенденция к сплочению Советской Страны социальными мерами не исчерпывалась. Одним из ее знаковых проявлений стало принятое 15 мая 1934 г. постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР»²¹³. Концепция истории, которую надлежало знать советским людям вне зависимости от их национальности и места проживания, отразила борьбу старого и нового подходов к восприятию патриотизма, причем его отрицание было своеобразным симбиозом национального нигилизма и антироссийского местного национализма. Как и любое изменение в общественной

жизни, переход к построению в СССР новой национальной общности повлек за собой новый раунд «битвы за историю».

Начало ему было положено в марте 1933 г., когда при Наркомпросе РСФСР была создана комиссия по написанию нового учебника по истории СССР. А сама «битва» развернулась на совещании историков, на котором обсуждалась и выработывалась концепция для новых учебных пособий²¹⁴. При этом часть историков (И.И. Минц, И.И. Ванаг, Г.С. Фридлянд и др.) во главе с членом комиссии Н.И. Бухариным продолжали отстаивать прежние взгляды на Россию как на вечно отсталую страну и «тюрьму народов». Например, безраздельно господствовавшая в 1920-е годы в советской историографии школа академика М.Н. Покровского изображала царскую Россию колониальной империей, а ее «национальные окраины», в том числе Украину – колониями. Переяславская рада трактовалась как порабощение украинского народа, приведшее к экономическому и национальному угнетению Украины. Действия же, направленные против России (например, гетмана И. Мазепы) – как попытки отстоять украинскую независимость²¹⁵. Нетрудно убедиться, что официальная советская историография почти слово в слово повторяла идеологические установки местных националистов.

Но ход совещания под пристальным контролем держал лично И.В. Сталин, взявший под защиту другую «партию» историков (среди них были такие ученые, как Б.Д. Греков, С.В. Бахрушин, В.И. Пичета и др.). Совместно с А.А. Ждановым и С.М. Кировым, Сталин внес замечания к проектам учебников, которые позволили отбросить многие идеологические установки 1920-х годов и вернуться к менее предвзятому и идеологизированному освещению истории. И действительно, многое в новой концепции в сравнении с прежними представлениями казалось «белой контрреволюцией». Например, собиранье земель вокруг Москвы и вхождение народов в состав России трактовалось теперь не как завоевание и угнетение, а как прогрессивное событие в жизни этих народов, как приобщение их к достижениям мировой культуры и революционного движения. Более того, Сталин провел параллель между прошлым России и политикой большевиков, заявив, что «к такому же собираньству» русский народ «приступил и сейчас»²¹⁶. Естественно, все прочие концепции, в том числе созданные национальными историческими школами, должны были сойти со сцены (иногда вместе со своими создателями).

В том же году состоялось официальное возрождение понятия *Родина*. «Любовь и преданность своей родине» были объявлены высшей доблестью советских людей, а ее защита – «высшим за-

коном жизни». Тогда же в уголовном кодексе появилась и статья, карающая за измену Родине расстрелом²¹⁷. В русской культуре символы всегда несли особую смысловую нагрузку и играли чрезвычайно важную роль. Возвращение советским людям *Родины* символизировало решительную смену государственных приоритетов и перелом в национальной политике, целью которой становилось объединение населения страны в новую общность вокруг «реабилитированных» прежних традиционных ценностных ориентиров. Сплотить эту общность было проще не на основе классовых и социальных категорий, которые могли трактоваться по-разному, что и продемонстрировали, скажем, грузинские и украинские «национал-коммунисты». Это было легче сделать, взяв в качестве этнического фундамента новой общности русский народ как самый многочисленный, становой и обладающий, ко всему прочему, развитой культурой мирового уровня. Такой вариант новой общности имел больше оснований считаться национальной общностью.

По-иному и быть не могло. Русский язык и культура были не только национальными, но и межнациональными – средством функционирования государственности на огромных пространствах Евразии. Именно интересами укрепления государственности СССР, улучшения управляемости и облегчения его гражданам жизни в полиэтничной стране и объяснялась работа по приобщению населения республик к русскому языку, получившая воплощение в ряде нормативных актов. 13 марта 1938 г. появилось постановление СНК и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей».

Аналогичное постановление «Об обязательном изучении русского языка в школах с нерусским языком преподавания» было принято месяцем позже СНК и ЦК КП(б)У. Русский язык в этих школах должен был теперь изучаться со второго класса. Были реорганизованы и национальные школы²¹⁸.

Вот почему в 1930-е годы, особенно в их второй половине, публично начинают утверждаться представления о русском языке и русской культуре как о феноменах прогрессивных, интернациональных, а политика «разрыва с патриотизмом» не только отходит в прошлое, но и трактуется как враждебная по отношению к государству. Русофобия, столь часто присутствовавшая в советской прессе, выступлениях партийных лидеров, ряде художественных произведений, уступала место возвращению имен русских классиков (например, А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Ф.И. Тютчева), исторических деятелей (К. Минина, Д. Пожарско-

го), народных героев, полководцев, даже царей. Русский язык был объявлен «языком мировой революции», «языком Ленина–Сталина», а русская культура – интернациональной, самой передовой, самой человечной, самой гуманной²¹⁹. Конечно, полностью прав российский историк А.И. Вдовин, утверждающий, что в глазах большевиков «русская... культура сама по себе мало чего стоила, если не становилась советской»²²⁰. Вернее, она и не могла быть иной, кроме как советской. Тех, кто по каким-то причинам выбивался из понятия «русский значит советский», ожидала нелегкая судьба. Русское как символ советского, и наоборот, настолько прочно вошло в сознание населения СССР, что даже отложилось в национальном самосознании русских, которое во многом стало результатом взаимодействия национального и социального факторов в их сталинской трактовке.

Надо подчеркнуть, что при формировании советской общности ведущую роль играли оба фактора, причем социальный, пожалуй, даже в большей степени. Обобществленное производство, единая (народная) форма собственности и, как их следствие, социалистическая структура общества и народная власть, служили фундаментом и главным отличительным признаком населения СССР как общности, формировали его самосознание («советский человек»). Именно они сплачивали представителей без малого сотни народов и народностей в единый коллектив. Национальная же окрашенность в русские цвета придавала ему законченный вид как общности, сложившейся именно в СССР, и отличной от всех прочих. Поэтому «ненависть к русскому народу» отныне включала в себя «ненависть ко всему советскому, к СССР в целом»²²¹.

Таким образом, в 1930-е годы быстрыми темпами развивались процессы унификации и централизации Советского Союза в направлении его фактического превращения в привычное государство. Параллельно с этим началась закладка его национальной основы, которой должна была стать «новая историческая общность людей» – советский народ.

Иными словами, на рубеже десятилетий и особенно в середине 1930-х годов были сформулированы общие черты еще одного национального проекта – советского, начата его разработка и воплощение. Конечно, большевики не ставили перед собой задачу целенаправленно разработать и внедрить его в жизнь. В официальном лексиконе не использовалось понятие национального проекта и т.п. специфической терминологии. Фразеология была марксистско-ленинской и вещала о расцвете национальных культур и сближении наций – процессе, может, и не очень приятном,

но присущем XIX–XX столетиям. Правда, стоит обратить внимание, что даже это «сближение» понималось как сближение «наций» – самостоятельных в своей национальной специфике организмов. Вместе с тем нельзя отрицать, что советская пропаганда, партийные и государственные деятели (в том числе украинские) активно использовали понятия *советский народ*, *советские люди*, *советский* для обозначения принадлежности к обществу СССР, причем говорили об этом как о вещах очевидных. Более того, эти понятия активно входили и в сознание населения страны, ощущавшего принадлежность к этому «воображенному сообществу», ибо под всем этим имелся социально-экономический, политический, психологический и культурный фундамент. Советская общность была «воображена», набирали силу процессы ее формирования. Ее черты субъективизировались в сознании людей, становились символическими ценностями и, тем самым, превращались в ее объективные признаки.

Советский «национальный фантом» не был проектом конструирования национальной общности только на восточнославянском (русском, в широком смысле этого слова) исходном материале. Его правомернее охарактеризовать как проект наднациональный. Область его применения распространялась на все население СССР, на все проживающие в нем народы. И все же, оценивая его объективно, следует признать, что наиболее полно он мог быть воплощен (и был воплощен) среди восточнославянского населения. В немалой степени это объясняется тем, что новая общность имела определенное сходство с чертами общерусской нации. Среди многих факторов, способствовавших этому, можно назвать этническую, культурную, религиозную, ментальную и прочую близость русских и украинцев (малороссов), взаимное сознание своей общности. Несомненное влияние на ход этнического и национального развития украинцев (и русских), на становление их самосознания и последующую историю Украины, оказал, пусть и нереализованный в полном объеме, общерусский проект. То содержание, которое вкладывал в понятие советской общности Сталин, было бы просто невозможно, если бы оно не опиралось на реалии предыдущего многовекового этнического и национального развития славянского населения страны.

Только теперь понятие *русский* становилось тождественно понятию *советский*. Необходимо также заметить, что в данном случае (как, собственно, во всей российской исторической традиции) *русский* не равнялось *великорусскому*, о чем порой можно услышать, причем не только от украинских националистов²²². Тандем *русское–советское* был гораздо шире, чем *великорусское*,

и скорее соответствовал понятию *общерусский*. Советская идентичность не предусматривала отказа от идентичностей более «низкого» уровня, например, украинской. Человек должен был осознавать себя (и часто осознавал в действительности) прежде всего советским человеком, а уж потом русским, украинцем, мордвином, татаринном и т.д., хотя на право считать себя таковыми никто не покушался.

Это даже никому не приходило в голову хотя бы потому, что украинская идентичность окончательно утвердилась, а украинская нация во многом была создана. В этом контексте надо сказать несколько слов и об украинизации. Действительно, хотя национальная политика 1920-х и 1930-х годов имела противоположные векторы развития, никто украинизацию (в том числе официально) не отменял. К концу десятилетия она просто потихоньку сошла на нет²²³. Ведь украинизация была ничем иным, как местным вариантом политики коренизации, которая была направлена на формирование местных партийно-советских кадров, пролетариата, на привлечение на свою сторону крестьянства и нейтрализацию национальной интеллигенции. Социальная структура общества УССР за эти два десятилетия претерпела кардинальные изменения. Политика коренизации достигла поставленных перед ней целей и стала попросту не нужна. Советская власть в республике стала вполне «украинской».

Украинская нация с социалистическим общественным устройством продолжала существовать, так же как продолжала сохраняться и украинская социалистическая государственность. Поэтому новая идентичность не несла непосредственной угрозы существованию украинской нации. Более того, во второй половине 1930-х годов советским руководством был принят ряд мер, препятствующих любым ассимиляционным процессам. Государство как бы замораживало объективные, направляемые жизнью, процессы в национальной сфере. С 1935 г. в аппарате ЦК ВКП(б) вводилась новая форма учета номенклатурных кадров, в которой была предусмотрена графа «национальность», игравшая при продвижении по карьерной лестнице далеко не последнюю роль²²⁴. Например, Л.И. Брежнев, в 1937 г. ставший заместителем председателя Днепродзержинского горисполкома, в анкетах указывал свою национальность как «украинец»²²⁵, поскольку так было легче сделать карьеру. Это, кстати, как нельзя лучше демонстрирует отношение советского партийного руководства к украинской государственности и украинской нации, а заодно и ставит под сомнение маниакальное стремление «украинствующих» представить дело так, будто власти СССР проводили поли-

тику насильственной русификации украинцев, желая превратить их в русских.

Сведения о национальности стали учитываться во всех областях общественной жизни страны. Получить информацию о национальном составе населения можно было из двух источников: из переписей и статистики паспортных столов. Поскольку переписи проводились нечасто, ведущее значение приобретал второй источник информации. После введения в 1932 г. единой паспортной системы в паспорте записывалась та национальность, к которой причислял себя сам гражданин (т.е. действовал тот же принцип, что и в переписях). Естественно, такой подход оставлял свободу динамики нациотворческим и ассимиляционным процессам и лишь фиксировал национальный облик общества. 2 апреля 1938 г. был установлен новый порядок записи национальности в паспортах, свидетельствах о рождении и других официальных документах: теперь ее можно было указывать только по национальности одного из родителей²²⁶. Тем самым процесс сознательного выбора национальной идентичности существенно усложнился. Скажем, человек, который по тем или иным причинам считал себя русским, таковым официально не признавался, если оба родителя у него были, к примеру, украинцами. А таких людей на Украине уже в конце 1920-х годов насчитывалось, как минимум, до 1,5 млн человек^{10*}. Не правда ли, такой подход несколько странен для государства, целью которого является поголовная ассимиляция и русификация?

Новый национальный проект, который отчасти, явился детищем модернизационного рывка, а отчасти стал продолжением многовековых этногосударственных евразийских процессов, не предполагал ассимиляции и ликвидации тех или иных наций. Но вместе с тем он означал вытеснение и ликвидацию других альтернативных проектов национального строительства, например, проекта украинской нации – в том виде, в котором он существовал в представлении украинских националистов. Советский национальный проект претендовал на «верхний» этаж в этой иерархии идентичностей. Он должен был занять первое и высшее место в самосознании населения СССР. Говоря современным языком, украинская национальная общность должна была делегировать часть своего государственного и национального суверенитета более «высокому» этажу в государственной и национальной иерархии – соответственно Советскому Союзу и советскому народу как

^{10*} Кстати, на практике число русских по данным переписей всегда было выше тех, кто значился ими по паспорту.

национальному коллективу. Делегирование первого началось с создания союзного государства и затем просто продолжалось, второй процесс стал возможен благодаря «великому рывку».

Впрочем, называть это «делеги́рованием» можно лишь в том случае, если носительницами суверенитета считать республики и «ранее угнетенные народы», а не Союз. Если же за точку отсчета брать не революционный 1917 г., а смотреть на проблему с точки зрения исторической России (а вся политика Сталина как раз и была направлена на восстановление насильственно разорванной преемственности между дореволюционной Россией и Советским Союзом), то это было ничем иным, как возвращением центру, и то лишь частичным, его прав и полномочий.

Таким образом, *в «конфликт» с проектом советского народа вступала не сама украинская национальная общность и не сама украинская идентичность, а их трактовка сторонниками национального движения как самоценных и самодостаточных категорий, не нуждающихся в каких бы то ни было «высших» этажах.* «Идеальная» украинская государственность тоже вступала в конфликт с проектом советской общности и отражающим ее интересы подходом к соотношению союзного и республиканского в устройстве СССР.

Началась борьба проектов. В ее контексте и надо изучать порой непонятный на первый взгляд разгром так называемого *украинского национального возрождения* в 1930-е годы. Так как сила и модернизационные возможности были на стороне большевиков, в их победе трудно было усомниться. Все те люди, которые считали республики и «ранее угнетенные» народы высшей ценностью и либо полностью отрицали возможность и желательность наделения центра государственным и особенно национальным суверенитетом, либо стремились сохранить его за ними в как можно большем объеме, были сметены волной репрессий 1930-х годов. Украинское национальное движение было разгромлено сначала идейно, а затем организационно и физически.

Но на пути унификации и централизации СССР и успешного формирования советской общности оказывались определенные препятствия, корнями уходящие в революционные годы. Главное из них заключалось в том, что идея единого государства вступала в противоречие с идеологической доктриной: с широко пропагандировавшимся правом наций на самоопределение. Тем более, что в соответствии с ним на территории Российского государства был образован ряд самостоятельных (пусть даже формально) национальных государств²²⁷. А в условиях «многоэтажной» федерации национальных республик (в которой, кстати, не все народы, и

прежде всего русские, находились в формально равноправном положении) строительство советской национальной общности могло быстро и беспрепятственно осуществляться только при таком положении, при котором «окраины во всем основном должны безусловно подчиняться центру». А это было возможно лишь тогда, когда у центра были сила и ресурсы несколько иного плана, нежели юридически оговоренные полномочия. Иными словами, *внутреннее устройство СССР, советской федерации, не было ориентировано на укрепление подобной общности и не могло его обеспечить.*

Была и другая причина. Советский национальный проект в 1930-е годы, да и в дальнейшем, теоретически был слабо разработан. По сути, конструированием советской общности так никто всерьез и не занялся. Его всесторонняя разработка, которая позволила бы определить приоритеты, найти оптимальные пути его реализации и, используя общую динамику развития страны, успешно внедрять в жизнь, была заменена некоторыми важными, но далеко не единственными возможными практическими шагами в этой области. В конце концов сложилось такое положение, когда *социально-политические процессы в стране, объективно способствующие формированию национальной общности, намного опережали их осмысление и надлежащее теоретическое оформление.* В тех же случаях, когда это происходило (в основном уже в последние десятилетия существования Союза), живой творческий процесс, как верно замечает российский историк В.И. Котов, зачастую подменялся откровенным начетничеством, схоластикой и парадной риторикой, выхолащивающими из перспективного в целом проекта рациональные и прогрессивные элементы²²⁸. Считалось, что все делается само собой. Препятствовал утверждению проекта и идеологический догматизм (особенно в национальной сфере), так мешавший поступательному развитию страны.

Таким образом, оба момента: 1) несоответствие государственного устройства СССР нуждам построения советской общности людей и 2) несоответствие теоретического уровня осмысления новой общности тем потенциальным возможностям, которые были в ней заложены – в конечном счете наряду с другими причинами, обусловили неудачу этого национального проекта и развал Советского Союза. Поневоле возникают параллели с судьбой проекта общерусской нации и напрашиваются соответствующие выводы. Но это вовсе не означает, что советский народ был неким мифом, искусственной конструкцией, не оставившей следа в сознании и бытии. Можно сказать, что как и проект большой рус-

ской нации, советский национальный проект (только в значительно большей степени) оказал бесспорное влияние на все народы СССР и особенно на славянские, во многом определив их национальное самосознание, мироощущение, социальное поведение и обусловив их дальнейшую судьбу.

Не способствовали скорейшему сложению этой общности и некоторые субъективные обстоятельства. Новый курс в национальной политике был замечен обществом. Но в то время как одни восприняли его с радостью и удовлетворением, другие отреагировали на него с плохо скрываемым раздражением. В числе последних оказалось немало представителей партии и коммунистической интеллигенции, которые прочно придерживались левых взглядов и мыслили категориями пролетарского интернационализма. Превращение СССР в национальное и, что не менее важно, общенародное государство, поставившее интересы страны выше наднациональных, вызвало у этой влиятельной группы внутреннее отторжение и неприятие. Отсюда как раз и проистекали начетничество, выхолащивание живой сути из перспективного проекта, постоянный поиск внутренних врагов вместо плодотворной мирной работы. Эти люди считали ошибочным курс на «реабилитацию» исторического прошлого и отход от классовых позиций. Причем они не скрывали своих взглядов. Например, влиятельный литературовед В. Блюм был возмущен содержанием оперы «Иван Сусанин», пьесы «Богдан Хмельницкий», кинофильмов «Александр Невский», «Пётр Первый» как искажающих исторические события и подменяющих советский патриотизм (очевидно, в его бухаринском понимании) пропагандой расизма и национализма. В своем негодовании он апеллировал к ЦК и лично к Сталину, правда, не встретив у них поддержки²²⁹: конкретно-исторические условия диктовали необходимость другого отношения к патриотизму. Подобных случаев обвинений патриотических произведений в национализме, расизме, антипролетарском характере, как и презрительного отношения к «возрождению белогвардейщины», насчитывалось немало.

Такая реакция была характерна для наиболее последовательных пролетарских интернационалистов, красных универсалистов, лиц с «экзистенциальной самоненавистью», значительная часть которых оказалась в числе идеологических противников Сталина. Особенно это было характерно для троцкистов, меньшевиков и сторонников былой левой оппозиции, как находившихся в эмиграции, так и остававшихся в стране. Узнав о «реабилитации» Сталиным слова *Родина*, меньшевики, например, с горечью отмечали, что предпринимаемые советским руководством шаги по-

вторяют лозунги и цели белогвардейщины, выхолащивают классово-революционное сознание и подменяют его зоологическим национализмом и патриотизмом²³⁰. Л. Троцкий был более прямолинеен и безапелляционен. Он также осудил Сталина и его соратников за поворот 1934 года и их «национальный мессианизм» вообще, и сделал вывод, что после его, Троцкого, изгнания из СССР «курс на международную революцию был ликвидирован». Он обвинял сталинцев в том, что они «забывают обо всем остальном мире... действуют, думают и чувствуют только “по-русски”», и что в СССР, наконец, завершился процесс, давно развивавшийся по нисходящей линии – от «революционного патриотизма к национал-реформизму»²³¹.

Троцкий, организовавший за границей антисоветский IV Интернационал, продолжал отрицать за СССР право на развитие как самодостаточного политического и экономического организма и по-прежнему увязывал его будущее с «мировым и европейским социалистическим строительством». Основополагающим принципом возглавляемого им левого движения стал отказ от признания возможности построения социализма в одной стране. На деле это означало абсолютное неприятие уже ясно различавшейся трансформации СССР из базы мировой коммунистической революции в государство в привычном понимании этого слова. «Мы решительно отказываемся от задачи построить в “кратчайший срок” национальное социалистическое общество»²³², – писал он еще в 1930 г. Это было открытым вызовом советскому руководству. Деятельность Троцкого, вновь, как и в 1923 г., вставшего на путь подготовки государственного переворота в СССР, была нацелена, как он сам откровенно писал, не на простую замену «одной команды руководителей другой». Его целью было изменение «самых принципов управления экономикой и культурой»²³³, которое означало бы превращение Советского Союза, образно говоря, обратно в «Совдепию». Апелляции к партии, призывы «устранить Сталина», «делать вторую революцию» и создавать подпольную компартию, противодействие троцкистов Советскому Союзу на мировой арене, накаляли обстановку внутри страны и провоцировали репрессии против подлинных и мнимых оппозиционеров.

Вообще, 1930-е годы стали временем острой борьбы между теми кругами в компартии и советской интеллигенции, которые не считали СССР–Россию самоценной величиной, и теми, кто исходил из приоритетности ее интересов. Тогда победу одержали последние. Но как показали последующие десятилетия, особенно конец 1980-х – начало 1990-х годов и постсоветские времена, это был лишь один из этапов борьбы.

Отношение злейших врагов Сталина к проводимому им курсу в национальном вопросе было понятно. Не было сомнений и относительно реакции националистов. Стоит, хотя бы, сравнить только что приведенные слова Троцкого с тем, что говорил по поводу «разговорного языка» коммунизма Н. Скрыпник, чтобы убедиться в их практически полном единодушии по данному вопросу. Многие аргументы украинских национал-коммунистов, доказывающие необходимость самостоятельности Украины, были порождены левыми установками на мировую революцию, которые прочно ассоциировались с именами виднейших оппозиционеров во главе с Троцким. Так что обвинения в «троцкистско-националистической» деятельности или иной комбинации национализма и троцкизма не были одним лишь плодом воспаленного воображения сотрудников НКВД. И хотя троцкизм свое отношение к национальному вопросу и принципам построения СССР основывал на теории мировой революции, а национализм во главу угла ставил национальные интересы данного этнического коллектива, ярко левый коммунизм и национализм имели точки соприкосновения и оставались непримиримыми противниками укрепления Союза и построения советской национальной общности.

Наличие связей между украинским национализмом и партийной оппозицией сталинцы начали подчеркивать еще с опубликования некролога на смерть Скрыпника. Тогда его ошибки характеризовались как помощь правым оппортунистам и троцкистам²³⁴. Ноябрьский пленум ЦК КП(б)У 1933 г. уже ясно указал, что одной из причин распространения национального уклона была его поддержка со стороны «всей контрреволюции» и в том числе троцкистов²³⁵. С 1934 г. начались массовые аресты троцкистов. Процесс, как говорится, пошел, и в 1935–1936 гг. были раскрыты и ликвидированы Троцкистско-националистический террористический блок (ТНТБ) и Украинский троцкистский центр (УТЦ). Как отмечал П. Постышев, троцкисты проводили террористическую и контрреволюционную работу в блоке с разными националистическими организациями²³⁶. Новые репрессии затронули партию, высшую школу, редакции, академические структуры.

Подробное изложение внутривнутрипартийной борьбы выходит за рамки исследования, поэтому оставим в стороне перипетии чистки партийно-советского руководства УССР и ограничимся лишь их беглым обзором. Решающие удары по адептам украинского движения были нанесены в первой половине десятилетия. Репрессии конца 1930-х годов имели уже иную подоплеку. Если предыдущие акции были направлены против реальной или потенциаль-

ной оппозиции в национальном вопросе, националистов и сторонников самостийности Украины (в различных ее проявлениях), то репрессии и чистки конца десятилетия следует рассматривать в контексте борьбы в руководстве страны вокруг проекта сталинских преобразований.

Суть сталинских реформ в общих чертах²³⁷ сводилась к следующему. Курс на модернизацию и укрепление СССР фактически означал смену советским руководством приоритетов и пересмотр многих идеологических установок, казавшихся ранее незыблемыми. Рано или поздно несоответствие между фактической политикой и провозглашенными ранее целями должно было разрешиться. Мировоззрение Сталина и его соратников основывалось на концепции национального государства как точки отсчета мировой политики и единственного носителя суверенитета. «Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР»²³⁸, – так сформулировал генеральный секретарь ЦК ВКП(б) свое политическое кредо. Интересы развития страны, резко осложнившаяся внешнеполитическая обстановка и необходимость поиска союзников заставляли определяться с дальнейшим курсом и требовали решительного отказа от прежних идейных установок во внешней и внутренней политике.

Другой важной проблемой, с которой пришлось столкнуться в ходе социалистического строительства, стала проблема кадров. О нехватке квалифицированных специалистов для нужд бурно развивающейся промышленности уже упоминалось. Но существовал и другой аспект проблемы. Нужны были современные, знающие, профессионально подготовленные кадры управленцев-администраторов, способных руководить народным хозяйством и государственной машиной. Такие люди в партии и государственном аппарате, конечно, имелись. Однако значительная часть партократии была слабо подготовлена профессионально и привыкла действовать методами военного коммунизма, а на народ смотрела не как на своих сограждан, а как на «материал» для всемирных битв. К тому же, большая часть партократии вышла из революции и придерживалась левых взглядов. Смена «вельмож-бюрократов» – людей с ярким революционным прошлым, но неспособных к мирному созидательному труду, с чьими именами в народе ассоциировалась неустроенная жизнь, раскулачивание, гонения на церковь, и замена их новыми, профессионально подготовленными людьми, и стала главной целью намеченных Сталиным и его группой (В.М. Молотовым, Я.А. Яковлевым и др.) политических реформ и одновременно неременным условием превращения СССР в обычное государство. Отстранить старую партийную

гвардию от власти предполагалось путем демократизации общества, проведения альтернативных выборов в советы всех уровней, устранения классового подхода в отношении населения страны и ее внешнеполитических приоритетов и конституционного закрепления этих реформ²³⁹.

Как и можно было предположить, эти замыслы натолкнулись на интересы партийной бюрократии, возглавляемой первыми секретарями обкомов, крайкомов и республиканских парторганизаций, против которых и были направлены преобразования. Перспектива лишиться власти встревожила их не на шутку. Ответом стал саботаж альтернативных выборов и конституционной реформы. Сталин и реформаторы имели все основания опасаться готовящегося заговора под знаменем левой, прежде всего троцкистской, идеологии. Идейное противостояние между левым и сталинским подходами к перспективам развития страны и общества переросло в «вычищение» многих сторонников левой (зиновьевской, троцкистской) оппозиции и ее ликвидацию на нескольких политических процессах. Но партократия в итоге оказалась сильнее. Она использовала другое средство: нагнетание истерии, поиск «врагов народа», на которых можно было свалить собственные ошибки и некомпетентность, и под видом борьбы с которыми развернуть террор. То есть, сорвать свободные выборы, не сулившие ей ничего хорошего, свести на нет попытку обновить правящую элиту и повязать реформаторов кровью²⁴⁰. И развязать репрессии местным партийным вельможам удалось.

Волна «чисток» прокатилась по всей стране и в том числе по Украине. Местные руководители высылали свои, заранее заготовленные списки «врагов», требуя от Москвы повысить «лимиты» на количество подлежащих ликвидации «врагов» народа. Несомненно, среди репрессированных имелись троцкисты, представители оппозиции, националисты. Но большая их часть не принадлежала ни к каким политическим течениям: это были бывшие «лишenci», крестьяне, которым только недавно были возвращены политические права и многие другие рядовые жертвы властолюбивой бюрократии. Конечно же, репрессии не способствовали сплочению общества, только-только начинавшего восстанавливать силы после «рывка», мешали установлению в нем мира и стабильности.

Одновременно с репрессиями и под их прикрытием сталинское руководство предприняло «чистки» местной партократии, в том числе руководства УССР. Последней волной репрессий были смыты остатки «национал-коммунизма» и старой партийной гвардии. Во второй половине 1937 – начале 1938 г. были осужде-

ны и расстреляны В. Затонский, А. Хвыля, Н. Попов, В. Коряк, И. Порайко и ряд других деятелей КП(б)У и УССР, застрелился П. Любченко. В 1939 г. их судьбу разделил С. Косиор. Все они были обвинены в фашизме, национализме, предательстве интересов Украины. На союзном уровне «врагов народа» из «Национал-фашистской организации Украины» представлял бывший боротьбист, нарком финансов СССР Г. Гринько. Он был осужден на Втором московском процессе 1938 г. Многие представители украинской партноменклатуры составляли молчаливую оппозицию сталинским преобразованиям. Ни кто иные, как П. Любченко и С. Косиор настойчиво старались замять обсуждение проекта конституции и нагнетали атмосферу подозрительности, призывая с высоких трибун к вычищению и уничтожению различных врагов²⁴¹. Далеко не все судьбы партийных вождей местного уровня решались в Москве. Тот же Любченко пал жертвой своих товарищей по украинскому ЦК.

П. Постышев тоже не задержался на своем посту. В начале 1937 г. Сталиным был предпринят ряд перестановок первых секретарей. Среди них оказался и Постышев. Мартовский 1937 г. пленум, выполняя постановление Политбюро ЦК КП(б)У, освободил его от занимаемой должности. Бывший вождь украинской парторганизации получил назначение на должность первого секретаря Куйбышевского обкома. Вскоре после этого Постышев был арестован, а 26 февраля 1939 г. расстрелян, опять же не как украинский коммунист, а как один из представителей противостоящей сталинской группе партноменклатуры. На Украину был отправлен Н.С. Хрущёв. После его приезда прокатилась новая волна чисток и репрессий в партии, государственных органах и учреждениях культуры: в музеях, театрах, радиокомитете, редакциях словарей, Наркомпросе²⁴². В январе 1938 г. Н. Хрущёв был назначен первым секретарем ЦК КП(б)У. Начинаясь новый период в истории СССР и УССР.

К вопросу о формировании украинского самосознания. К концу десятилетия Советский Союз на глазах становился могучей индустриальной державой. Надо сказать, что волнений или недовольства укрепление государственности Союза у населения не вызвало, и вовсе не из-за боязни террора (хотя этот фактор нельзя полностью сбрасывать со счетов, особенно когда речь идет об интеллигенции). Большее значение имели внутренние механизмы развития общества, позволившие сталинскому руководству расправиться с оппозиционной интеллигенцией и старыми партийцами и завоевать при этом огромную популярность в народе. Централизация и построение новой общности на базе русской культуры не

вызывали у советских людей протеста еще и потому, что овладение русским языком означало более легкое и быстрое вхождение в эту общность, открывало широкие перспективы для личного профессионального, карьерного роста, превращало человека из провинциала в жителя необъятной страны.

Советское общество было обществом социально мобильным и представляло широкие возможности для самореализации человека, более значительные, чем те, на которые можно было рассчитывать в ограниченных национальными рамками республиках. Советскому Союзу удалось создать то, что Российская империя утратила к концу своего существования – притягательность и престижность. Пока в СССР сохранялись сила и энергия развития, энергия движения вперед, к целям не сиюминутным, а стоящим за недостижимым для человека горизонтом, он обладал притягивающей силой для всех слоев населения, для людей разных национальностей, и в том числе для республиканских элит.

«Русификация» конца 1930-х годов не вызывала у народных масс Украины отторжения, так как не воспринималась чем-то неестественным и насильственным. Отношение к русской культуре как к «городской», «образованной» было распространено среди крестьянства еще в начале 1950-х годов. Дилемма, не придуманная, а лишь озвученная когда-то Д. Лебедем, продолжала оставаться актуальной. Гордость за могучую Страну Советов (которая в глубине своей оставалась именно Россией), отношение к ней как к Родине, отложившаяся в сознании ассоциация: русское – значит советское, передовое, прогрессивное, способствовали тому, что русскими считали себя (или называли, когда возникала необходимость противопоставить себя жителям других стран) многие из тех, кто не был этническим великороссом.

Ростки этой, столь презируемой «гражданами мира» и пламенными революционерами, национальной гордости, еще задолго до великих строек индустриализации, в полуразрушенной и уставшей от войн стране, отметил В. Затонский. Выступая на X съезде РКП(б) он сказал: «Тот факт, что Россия стала первой на путь революции, что Россия из колонии, фактической колонии Западной Европы превратилась в центр мирового движения – исполнил гордостью сердца всех тех, кто был связан с этой русской революцией... И сейчас мы можем наблюдать, как наши товарищи с гордостью, и небезосновательно, считают себя русскими, а иногда даже смотрят на себя прежде всего как на русских»²⁴³. А затем на смену гордости за революцию пришла гордость за строительство великой державы. Вот поэтому многие (те, кто этого

хотел) и считали себя русскими, причем делали это совершенно добровольно и, как верно заметил А. Довженко, охотно.

Для украинского населения проблемы ломки национальных перегородок как таковой не существовало: слишком уж условными и прозрачными были эти перегородки. Этому способствовало и то, что национальное самосознание украинцев УССР окончательно сформировалось именно в этот период и именно в советской и социалистической форме.

Этот момент стоит пояснить. Несомненно, большую роль (прямую и косвенную) в деле утверждения в народных массах украинского самосознания и идентичности сыграло действовавшее на Советской Украине национальное движение. Но таковое имелось и весьма активно себя проявляло и за пределами УССР – на Западной Украине, и задачи его были идентичны тем, что стояли перед украинскими националистами из Советской Украины. Главной было преобразование масс из «этнографического материала» в национально-сознательный коллектив. События середины XX в. и последнее десятилетие независимого существования Украины убедительно свидетельствуют, что довольно явные различия в менталитете восточных и западных украинцев не исчезли и продолжают сохраняться. Серьезные различия между ними имелись уже в XIX – начале XX в. Но тогда они были еще донациональными, и при создании национальной общности, в известной мере, преодолимыми.

Уровень национального самосознания населения Западной Украины еще в 1920-е годы был крайне низким. В первую очередь это относилось к Западной Волыни и Западному Полесью – территориям, которые до Рижского мира 1921 г. находились в составе России. Согласно проводившейся в Польше в 1931 г. переписи населения, примерно 700 тыс. человек из числа тех, кого националисты называли «украинцами», указали свой родной язык не как украинский, а как «тутейший», «местный», «хлопский»²⁴⁴. Население бывшей австрийской Галиции было более «украински сознательным», но и среди него оказалось немало «москвофилов» (людей, продолжавших относить себя к части большой русской нации), а многие продолжали считать себя русинами, т.е. сохраняли прежнее, «доукраинское» самоназвание и самосознание.

Отличия между Восточной и Западной Украиной на новом, национальном уровне, были закреплены в период между 1930 и 1939–1945 гг. Несомненно, Вторая мировая война и Великая Отечественная внесли огромный вклад в становление менталитета восточных и западных украинцев и национального самосознания как одной из его форм и во многом завершили и оформили

этот процесс. Ведь если для подавляющего большинства восточных украинцев война была Великой Отечественной, то для украинцев западных она являлась Второй мировой, советско-немецкой и т.п. Но каково бы ни было значение войны, она лишь решительным образом расставила все точки над «і», подвела черту под теми разнонаправленными процессами, по которым осуществлялось национальное становление «украинцев» в предшествующее войне десятилетие.

В 1920-е годы национально-культурные процессы и в УССР, и на Западной Украине протекали в какой-то мере синхронно и имели между собой много точек соприкосновения. Конечно, действовать «бойцам» национального движения в СССР и Польше приходилось в совершенно разных условиях. Дело даже не в ассимиляторской политике польских властей (нередко осуществлявшейся силовыми методами), считавших русинов частью польской нации. Конечно, она создавала определенные трудности для деятельности украинского движения, но в то же время нет и оснований утверждать, что эта деятельность была невозможна. Напротив, политика Варшавы провоцировала антипольские настроения, которые лишь укрепляли позиции украинского движения и делали национализм (от самых либеральных до самых крайних его проявлений) не просто наиболее популярной идеологией, но и способом мироощущения масс.

Основные причины различия мировоззрений украинского населения Советской и Западной Украины крылись в разном социально-политическом устройстве СССР и Польши, в том содержании, которое вкладывалось в национальное развитие украинской общности в этих странах. В УССР партия постепенно и настойчиво прибирала к рукам руководство национально-культурным строительством, устраняя от этого процесса национальное движение и вкладывая в этот национальный по форме процесс социалистическое содержание. За пределами Советской Украины национальное движение стало способом существования украинской общности, а его политическое крыло – формой его политической самостоятельности.

Но различия в национальной политике и в ее влиянии на судьбы украинского движения в СССР и странах Восточной Европы, в первую очередь Польши, были все-таки частным случаем, наглядным выражением различий между социально-экономическими системами Советской страны и буржуазной Европы. Вся социально-экономическая политика большевиков, социалистический уклад экономики, строительство которой резко активизировалось после «великого перелома», создавали новую действитель-

ность, которая, охватывала все сферы общественного бытия и формировала общественное сознание, мировоззрение, систему нравственных ценностей. Подготовленное ходом развития страны сложение наднациональной и в то же время национальной советской общности людей также оказало серьезное влияние как на самосознание, так и на национальный тип украинцев.

Модернизация украинского общества, сложение соответствующей социальной структуры и прочие изменения, без которых появление нации невозможно, осуществлялись в социалистических формах. Результатом этого стало взаимное наложение социально-экономического и культурного процессов, благодаря чему социальный (социалистический) и национальный факторы оказались тесно взаимосвязаны между собой и стали важнейшей чертой национального самосознания украинцев УССР. Поэтому стоит отметить, что термин *советские украинцы* имеет не только территориальный или политико-государственный, но и национальный смысл. На Западной Украине всех этих процессов не было, социальная структура общества в корне отличалась от той, что сложилась в УССР в 1920–1930-е годы, национальное развитие проходило там в постоянной борьбе против полонизации (а также местных русофилов). Результатом стало то, что на Западной Украине процессы становления украинского самосознания протекали в национальных и националистических формах, а социальное мироощущение тамошних украинцев коренным образом отличалось от мироощущения украинцев советских.

На то, что именно в 1930-е годы произошло закрепление различий в национальном самосознании между восточными и западными украинцами, указывает еще одно обстоятельство. Западноукраинские земли, находившиеся в составе межвоенной Польши, состояли из двух частей. Первой была Галиция, никогда не принадлежавшая России. Вторую составляли Западная Волынь (современные Волынская и Ровенская области Украины) и Холмщина, которые до Рижского мира 1921 г. были российскими территориями. По своему этническому и культурному облику (сильнейшая полонизация, окатоличивание²⁴⁵) Холмщина может считаться особым регионом и в данном случае не браться в расчет. Показательнее будет сравнение Галиции и Волыни.

Эти земли во всем довольно заметно отличались друг от друга еще до Первой мировой войны. В предреволюционное время украинское национальное движение на Волыни было крайне незначительным (даже более слабым, чем на Подолье и Полтавщине). Об уровне развития украинского самосознания и распространенности украинской идентичности может свидетельствовать тот

факт, что на Волыни большую популярность получили организации Союза русского народа (СРН). Например, в Почаевском отделе СРН в 1907 г. состояло 190 тыс. одних только домохозяев, без членов семей. Отметим, что участвовали в политической жизни, в том числе в правом движении, как правило, наиболее социально активные и политически развитые представители крестьянства. Нередко в Союз вступали целыми селами. Это не значит, что волынские крестьяне поголовно были идейными борцами за триединую русскую нацию и носителями общерусской идентичности. Над ее разработкой и пропагандой в массах, над преобразованием этих масс в общерусскую национальную общность трудились руководители отделов СРН, например монахи Свято-Успенской Почаевской лавры, служившей мощным форпостом православия и общерусских ценностей на границе униатской и «украинской» Галиции^{11*}.

А возможность выбирать у волынских крестьян имелась, благо Галиция была рядом и немало галичан приходило в Волынскую губернию на заработки. На выбор крестьян в пользу организаций общерусского толка влиял ряд причин. Несомненно, важным был религиозный фактор: у православных волынских крестьян украинство ассоциировалось с унией, а православная вера – с русскостью. Отчасти популярность СРН объяснялась позицией местных властей. Огромную роль играл экономический фактор (связанный с этническим и религиозным), а именно поддержка крестьянской кооперации и защита крестьянских экономических интересов от конкуренции со стороны помещиков-поляков и торговцев и арендаторов-евреев, которую ячейки СРН оказывали малорусскому населению²⁴⁶.

Но вне зависимости от того, какой из факторов имел определяющее значение, популярность Союза русского народа является свидетельством того, что украинские ценности в то время были чужды волынским крестьянам. Такое положение сохранялось до революции, а главное, до перехода этих земель Польше. В 1920–1930-е годы усилиями украинского движения национальные украинские ценности настойчиво внедрялись в сознание народа. И результатом этой работы стало то, что в годы Второй мировой войны партизанское движение на Западной Волыни развива-

^{11*} Среди активных защитников православия и общерусских ценностей надо прежде всего назвать епископа Волынского и Житомирского Антония (Храповицкого), в мае 1918 г. ставшего митрополитом Киевским и Галицким, а затем главой Русской православной церкви за границей, и архимандрита Виталия (Максименко).

лось под национально-украинскими лозунгами, а советские партизаны встречали в селах кресты, увитые жовто-блакитными лентами. По своему национальному облику эта бывшая российская территория быстро догнала австрийскую Галицию.

Позднее вхождение западноукраинских земель в состав УССР уже не могло полностью снять имевшиеся различия. Социалистическая советская общность была для западных украинцев чужой, не отвечающей их представлениям о гармонии окружающего мира и его национальном устройстве. «Своим» СССР воспринимался всеми теми народами, судьба которых была связана с советской (а еще ранее, с российской) государственностью и действительностью, в том числе с «великим переломом» 1930 г. Поэтому украинцам восточным по мироощущению были ближе остальные советские люди, и, естественно, прежде всего русские, чем, казалось бы, на первый взгляд такие же украинцы, только из Западной Украины.

Итак, процессы образования в УССР украинской национальной общности активно протекали в 1920–1930-е годы, в известной степени завершились к 1939–1945 гг., и были неразрывно связаны с социалистическим характером экономики СССР и его общественного устройства, одним из выражений которого были объективные процессы формирования советского народа.

В конце 1930-х годов Советский Союз стоял накануне больших испытаний. На пороге была Вторая мировая война. Она оставила глубокий след в памяти советских народов и в том числе украинского, оказала сильнейшее влияние на его мировоззрение и самосознание. Война же стала практической проверкой того курса (в том числе в национальной политике), который советское руководство проводило в 1930-е годы. Политическое, экономическое, идеологическое единство страны выдержало испытание войной, ставшей для нашего народа (и для русских, и для украинцев) войной Отечественной. Но это уже другая тема.

¹ См.: Комуністична партія України: з'їзди і конференції. Київ, 1991. С. 159–160.

² Даниленко В.М., Касьянов Г.В., Кульчицький С.В. Сталінізм на Україні: 20–30-ті роки. Київ, 1991. С. 205.

³ См., например: Політичний терор і тероризм в Україні. ХІХ–ХХ ст.: іст. нариси. Київ, 2002. С. 380.

⁴ Сталин И.В. Соч. М., 1947. Т. 7. С. 298–299.

⁵ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 4. С. 256, 274–293.

- 6 Там же. С. 448, 452–453; *Кульчицький С.В.* Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919–1928). Київ, 1996. С. 343–344.
- 7 *Кульчицький С.В.* Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919–1928). С. 356–357.
- 8 *Сталин И.В.* Соч. М., 1949. Т. 12. С. 34–35.
- 9 *Сталин И.В.* Соч. М., 1949. Т. 11. С. 159.
- 10 Політичний терор і тероризм в Україні... С. 358.
- 11 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 127. Л. 291–292; *Подкур Р.* За повідомленням радянських спецслужб. Київ, 2000. С. 67.
- 12 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2800. Л. 204.
- 13 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. С. 72–75, 28–39.
- 14 Політичний терор і тероризм в Україні... С. 369.
- 15 *Кульчицький С.* Україна між двома війнами (1921–1939 рр.). Київ, 1999. С. 150.
- 16 Там же. С. 157.
- 17 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 3184. Л. 1–6, 17, 109–110.
- 18 Політичний терор і тероризм в Україні... С. 410.
- 19 *Кульчицький С.* Україна між двома війнами. С. 158.
- 20 *Костюк Г.* Сталінізм в Україні: генеза і наслідки. Київ, 1995. С. 121–122.
- 21 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 3184. Л. 62, 64.
- 22 Там же. Л. 32, 46.
- 23 Там же. Л. 63.
- 24 Там же. Д. 3192. Л. 3
- 25 Там же. Д. 3184. Л. 7.
- 26 Там же. Д. 3066. Л. 5, 11.
- 27 Там же. Д. 3184. Л. 20, 21, 32.
- 28 Там же. Л. 43, 50, 63.
- 29 Там же. Л. 41.
- 30 Там же. Л. 8; Д. 2800. Л. 230–232; Д. 3021. Л. 8.
- 31 Там же. Д. 3192. Л. 16–21.
- 32 Там же. Д. 3184. Л. 107. Украинская националистическая историография об этой «славной» странице в истории «украинского освободительного движения», по-видимому, не знает, иначе непременно представила бы поход очередной «украинско-московской войной» или проявлением высоких патриотических чувств и ненависти к «большевистско-московским угнетателям».
- 33 Там же. Л. 107.
- 34 Там же. Д. 3066. Л. 13.
- 35 Там же. Д. 3184. Л. 29, 67.
- 36 *Подкур Р.* За повідомленням радянських спецслужб. С. 102.
- 37 *Кукушкин Ю.С.* Осуществление сельскими советами политики ликвидации кулака как класса // Вестн. МГУ. 1966. Сер. 9. История. № 4. С. 26–27.
- 38 Подробнее см.: *Марчуков А.* А был ли «голодомор»? Или непопулярные мысли об одном политическом брэнде // Россия XXI. 2004. № 6. С. 124–143.

- ³⁹ Голодомор 1932–1933 років в Україні: причини і наслідки: Міжнародна наукова конференція. Київ, 9–10 вересня, 1993: матеріали. Київ, 1995; Голод–геноцид 1933 року в Україні: історико-політологічний аналіз соціально-демографічних та морально-психологічних наслідків: міжнародна науково-теоретична конференція. Київ, 28 листопада 1998 року: матеріали. Київ; Нью-Йорк, 2000. Из «неукраинских» работ см. также: *Авторханов А.* Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс, 1990. С. 79; *Семенникова Л.И.* Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1994. С. 557.
- ⁴⁰ *Григоренко П.* В подполье можно встретить только крыс... М., 1997. С. 90.
- ⁴¹ *Кульчицький С.* Україна між двома війнами. С. 175.
- ⁴² Там же. С. 177. В 1930 г. в УССР прошла административная реформа. Существовавшие с 1925 г. округа были ликвидированы и вместо них образованы 484 сельских района и 18 городов-субъектов. В 1932 г. на их месте были созданы 5 областей.
- ⁴³ Некоторые цифры и оценки см., например: *Косик В.* Голод–геноцид 1932–1933 років // Голодомор 1932–1933 рр. в Україні... С. 54–55; *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ століття. Київ, 1997. С. 150–151.
- ⁴⁴ *Кульчицький С.* Україна між двома війнами. С. 183.
- ⁴⁵ *Ивницкий Н.* Голод 1932–1933 гг.: кто виноват? (По документам «кремлевского архива») // Голодомор 1932–1933 рр. в Україні... С. 36, 44.
- ⁴⁶ Население России в ХХ веке: ист. очерки. М., 2000. Т. 1: 1900–1939 гг. С. 266, 275–276.
- ⁴⁷ *Кульчицький С.* Україна між двома війнами. С. 183.
- ⁴⁸ *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ століття. С. 149, 156, 169.
- ⁴⁹ По данным переписи 1926 г., в УССР проживало 2 667 166 русских, из них на селе (согласно переписи 1920 г. – за несколько лет картина не претерпела существенных изменений) – 896 432 (35,9% от всего русского населения УССР). См.: Русское население на национальных окраинах России XVII–XX вв. М., 2000; Національні відносини в Україні у ХХ ст.: зб. док. і матеріалів. Київ, 1994. С. 133.
- ⁵⁰ *Кульчицький С.* Україна між двома війнами. С. 183.
- ⁵¹ Там же. С. 183–184.
- ⁵² «По решению правительства Союза ССР...» Депортации народов: документы и материалы. Нальчик, 2003. С. 94–95.
- ⁵³ *Єфименко Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо Радянської України (1932–1938). Київ, 2001. С. 132.
- ⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 127. Л. 200–201.
- ⁵⁵ Население России в ХХ веке. Т. 1. С. 269.
- ⁵⁶ Політичний терор і тероризм в Україні... С. 394.
- ⁵⁷ *Касьянов Г.* Українська інтелігенція 1920-х–1930-х рр.: соціал. портрет та іст. доля. Київ, 1992. С. 118, 135–136, 139.
- ⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 127. Л. 261, 272–273.
- ⁵⁹ Політичний терор і тероризм в Україні... С. 273.

- 60 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 127. Л. 279; Політичний терор і тероризм в Україні... С. 274–275.
- 61 Політичний терор і тероризм в Україні... С. 276, 281.
- 62 Там же. С. 276.
- 63 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 127. Л. 258–260.
- 64 Політичний терор і тероризм в Україні... С. 276.
- 65 Там же. С. 281–282.
- 66 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 127. Л. 293–294.
- 67 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2994. Л. 185, 186.
- 68 Політичний терор і тероризм в Україні... С. 277–280.
- 69 Там же. С. 404; *Костюк Г.* Указ. соч. С. 250.
- 70 Спілка визволення України: стеногр. звіт судового процесу. Б. м., 1931. Т. 1. С. 14.
- 71 Документи про підготовку й проведення судового процесу над членами Спілки визволення України // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 1995. № 1/2. С. 373–396.
- 72 Політичний терор і тероризм в Україні... С. 407.
- 73 *Шановал Ю.І.* Україна 20–50-х років: сторінки ненаписаної історії. Київ, 1993. С. 67.
- 74 *Пристайко В., Шановал Ю.* Справа «Спілки Визволення України». Київ, 1995. С. 202–212.
- 75 *Курас І., Левенець Ю., Шановал Ю.* Сергій Єфремов і його Щоденники // *Єфремов С.* Щоденники. 1923–1929. Київ, 1997. С. 18; Політичний терор і тероризм в Україні... С. 406.
- 76 *Старинов И.Г.* Мины ждут своего часа. М., 1964. С. 156–158.
- 77 Єфремов умер 31 марта 1939 г. в одном из лагерей. См.: *Гунчак Т.* Україна. Перша половина ХХ століття. Київ, 1993. С. 196; *Курас І., Левенець Ю., Шановал Ю.* Сергій Єфремов і його щоденники // Там же.
- 78 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 3192. Л. 87.
- 79 Там же.
- 80 Там же. Л. 87–88.
- 81 Там же. Л. 88.
- 82 Цит. по: *Подкур Р.* Указ. соч. С. 207.
- 83 Там же. С. 208.
- 84 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 3192. Л. 88.
- 85 Цит. по: *Подкур Р.* Указ. соч. С. 208, 209.
- 86 Цит. по: Там же. С. 207.
- 87 Там же. С. 205.
- 88 Цит. по: Там же. С. 209.
- 89 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 3192. Л. 89, 90–92.
- 90 Цит. по: *Подкур Р.* Указ. соч. С. 208–209.
- 91 Українська контрреволюція сама про свою роботу: з стенографії суду над СВУ. Харків, 1930. Вип. 2: Автокефальній загін петлюровських недобитків. С. 9.
- 92 *Пристайко В.* Жертви терору. Як ДПУ боролось з української академічною наукою // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 1994. № 1. С. 80.
- 93 Українська контрреволюція сама про свою роботу... Вип. 2. С. 10.

- 94 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 3184. Л. 63, 65.
- 95 Українська контрреволюція сама про свою роботу... С. 14.
- 96 «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении дел в стране (1924–1934 гг.). М., 2004. Т. 7. С. 583.
- 97 Там же. С. 594–595. Остальные распределились следующим образом: на почве хлебозаготовок – 4, на почве коллективизации – 1.
- 98 *Пристайко В.* Указ. соч. С. 71.
- 99 *Липківський В.* Відродження церкви на Україні. Торонто, 1959. С. 215–216.
- 100 *Бурко О.* Українська автокефальна православна церква – вічне джерело життя. Саунд-Бавнд-Брук, 1988. С. 100.
- 101 *Даниленко В.М., Касьянов Г.В., Кульчицький С.В.* Сталінізм на Україні: 20–30-ті роки. С. 278.
- 102 *Зінченко А.* Визволитися вірою. Життя і діяння митрополита Василя Липківського. Київ, 1997. С. 317, 318.
- 103 *Бахтурина А.Ю.* Политика Российской империи в Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000. С. 187–190.
- 104 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 16. Д. 1. Л. 98–99.
- 105 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 130. Л. 95.
- 106 *Пристайко В.* Указ. соч. С. 82.
- 107 Были в действительности или не были – вопрос особый. Главное, что они проходили в качестве таковых.
- 108 *Костюк Г.* Указ. соч. С. 251.
- 109 Політичний терор і тероризм в Україні... С. 410; *Пристайко В.* Указ. соч. С. 87.
- 110 ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2522. Л. 59.
- 111 Там же. Д. 2336. Л. 91. Такое было, например, в Киевском институте народной освіти. Члены землячества высказывались за создание крестьянского союза – Украинского селянского объединения.
- 112 *Костюк Г.* Указ. соч. С. 255.
- 113 *Даниленко В.М., Касьянов Г.В., Кульчицький С.В.* Указ. соч. С. 308.
- 114 См.: Украинская государственность в XX веке: ист.-политол. анализ. Киев, 1996. С. 37; *Даниленко В.М., Касьянов Г.В., Кульчицький С.В.* Указ. соч. С. 212.
- 115 Большая советская энциклопедия. 1-е изд. М., 1931. Т. 65. С. 327.
- 116 *Костюк Г.* Указ. соч. С. 129–132.
- 117 Речь тов. Молотова на III Всеукраинской конференции КП(б)У // Правда. 1932. 14 июля.
- 118 *Сталин И.* Соч. М., 1951. Т. 13. С. 233.
- 119 «По решению правительства Союза ССР...» С. 93–94.
- 120 *Верстюк В.Ф., Дзюба О.М., Репринцев В.Ф.* Україна від найдавніших часів до сьогодення: хронол. довідник. Київ, 1995. С. 392.
- 121 Більшовик України. 1933. № 3. С. 3, 6, 17.
- 122 Політичний терор і тероризм в Україні... С. 426; *Костюк Г.* Указ. соч. С. 162.
- 123 *Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В.* ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, документи. Київ, 1997. С. 48, 436–437.

- ¹²⁴ Більшовик України. 1933. № 3. С. 75.
- ¹²⁵ Правда. 1933. 24 нояб. Важно отметить, что кадровые перестановки и репрессии имели место не только в УССР, но и в других союзных республиках, например, в РСФСР. См.: *Ивницкий Н.* Указ. соч. С. 40.
- ¹²⁶ «По решению правительства Союза ССР...» С. 94–95.
- ¹²⁷ *Постишев П.* Підсумки перевірки партійних документів // Більшовик України. 1936. № 3. С. 10.
- ¹²⁸ Українська контрреволюція перед пролетарським судом // Більшовик України. 1930. № 5/6. С. 9.
- ¹²⁹ *Костюк Г.* Указ. соч. С. 257–261.
- ¹³⁰ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 130. Л. 78–79.
- ¹³¹ Там же. Д. 132. Л. 43, 46.
- ¹³² Там же. Л. 43–62.
- ¹³³ Там же. Л. 52.
- ¹³⁴ Правда. 1933. 27 апр.
- ¹³⁵ *Шановал Ю.І.* Указ. соч. С. 125.
- ¹³⁶ *Костюк Г.* Указ. соч. С. 180.
- ¹³⁷ Украинская государственность в XX веке. С. 38.
- ¹³⁸ *Верстюк В.Ф., Дзюба О.М., Репринцев В.Ф.* Указ. соч. С. 397.
- ¹³⁹ Там же. С. 410.
- ¹⁴⁰ Народа з питань національної політики партії // Вісті ВУЦВК. 1933. 1 травня.
- ¹⁴¹ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 130. Л. 99, 128.
- ¹⁴² *Манульський Д.* Завдання чистки київської парторганізації // Вісті ВУЦВК. 1933. 5 червня.
- ¹⁴³ *Постишев П.* Особливості сучасного етапу і завдання боротьби за більшовицьке зібрання, обмолот і хлібоздавання (зі стенограми речи на червеньському пленумі ЦК КП(б)У и об'єднанном пленумі Харківського обкома і облісполкома) // Більшовик України. 1933. № 7/8. С. 6.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 7–8.
- ¹⁴⁵ *Постышев П.П.* Мобилизовать массы на хлебосдачу. Речь на пленуме ЦК КП(б)У 10 июня 1933 г. С. 12.
- ¹⁴⁶ *Скрипник М.О.* Статті і промови. Харків, 1930. Т. 1. С. 292.
- ¹⁴⁷ *Постишев П.* Особливості сучасного етапу і завдання боротьби за більшовицьке зібрання, обмолот і хлібоздавання... С. 8.
- ¹⁴⁸ Політичний терор і тероризм в Україні... С. 429.
- ¹⁴⁹ *Костюк Г.* Указ. соч. С. 194–195.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 198.
- ¹⁵¹ Про націоналістичні ухили в лавах української парторганізації і про завдання боротьби з ними // Комуніст. 1933. 29 липня.
- ¹⁵² Некролог на смерть Н. Скрипника // Більшовик України. 1933. № 7/8. С. 103–104.
- ¹⁵³ Там же. С. 104.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 104–105.

- 155 *Скрипник М.О.* Статті і промови. Т. 2, ч. 2. С. 18. Собственно, это положение содержалось еще в резолюции XII съезда. См.: КПСС в резолюциях... С. 85.
- 156 *Скрипник М.* Культурне будівництво за соціалістичної реконструкції // Більшовик України. 1929. № 7/8. С. 45.
- 157 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 130. Л. 80, 81.
- 158 *Постишев П.* Особливості сучасного етапу...
- 159 *Шаповал Ю.І.* Указ. соч. С. 126.
- 160 Конечно, далеко не все из них являлись «националистами» и «белогвардейцами». Но нас интересует трактовка этих увольнений. См.: *Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В.* Указ. соч. С. 51.
- 161 *Касьянов Г.В., Даниленко В.М.* Сталинизм і українська інтелігенція (20–30-ті роки). Київ, 1991. С. 83–85.
- 162 *Затонский В.П.* Итоги ноябрьского Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) и задачи работников просвещения. Харьков, 1934. С. 18.
- 163 *Постишев П.* Особливості сучасного етапу... С. 7, 8; *Даниленко В.М., Касьянов Г.В., Кульчицький С.В.* Указ. соч. С. 310–312.
- 164 КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 407–408.
- 165 Цит. по: *Єфименко Г.* Указ. соч. С. 217.
- 166 На фронті культури. Київ, 1935. С. 135–136.
- 167 *Костюк Г.* Указ. соч. С. 166, 284–285, 461.
- 168 *Даниленко В.М., Касьянов Г.В., Кульчицький С.В.* Указ. соч. С. 314–315.
- 169 *Костюк Г.* Указ. соч. С. 184–185.
- 170 *Даниленко В.М., Касьянов Г.В., Кульчицький С.В.* Указ. соч. С. 280–281.
- 171 Цит. по: Під софітами секретних служб. Документи з папки – формуляра на О.П. Довженка // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 1995. № 1/2. С. 267.
- 172 Цит. по: *Єфименко Г.* Указ. соч. С. 224.
- 173 *Верстюк В.Ф., Дзюба О.М., Репринцев В.Ф.* Україна від найдавніших часів до сьогодення. С. 407.
- 174 Там же. С. 398, 405, 407.
- 175 Цит. по: *Хвиля А.* Творчі завдання радянської поезії // Червоний шлях. 1934. № 7/8. С. 234.
- 176 *Даниленко В.М., Касьянов Г.В., Кульчицький С.В.* Указ. соч. С. 312–313.
- 177 *Подкур Р.* Указ. соч. С. 37–38, 119. Данные взяты из материалов архива Службы безопасности Украины. В настоящее время в связи с открытием ранее засекреченных фондов эти цифры уточняются. Однако их соотношение (в том числе по репрессированным представителям разных этносов) остается без изменений. Да и большинство репрессированных в те годы украинцев проживало в восточных и юго-восточных регионах УССР и в социальном отношении мало подходило для зачисления в когорту «пламенных борцов за дело освобождения от московского ига».
- 178 *Сталин И.В.* Соч. М., 1949. Т. 12. С. 370–371.

- 179 *Сталин И.В.* Т. 13. С. 361–362.
- 180 Итоги и ближайшие задачи проведения национальной политики на Украине (резолюция Объединенного пленума ЦК и ЦКК КП(б)У по докладу т. Косиора С.В.) // *Правда*. 1933. 27 нояб.
- 181 Там же.
- 182 Там же.
- 183 *Сенченко А.* Блок націоналістичної контрреволюції і теоретичний фронт України // *Більшовик України*. 1934. № 5/6. С. 25.
- 184 *Постышев П.* Советская Украина на новом подъеме. Политический отчет ЦК КП(б)У на XII съезде КП(б)У // *Правда*. 1934. 24 янв.
- 185 Комуністична партія України: з'їзди і конференції Київ, 1991. С. 161.
- 186 *Більшовик України*. 1931. № 23/24. С. 95, 104.
- 187 Там же. 1932. № 3/4. С. 112.
- 188 *Костюк Г.* Указ. соч. С. 269.
- 189 *Постышев П.* Ітогі перевірки документів в КП(б)У і завдання партійної роботи (из доклада на пленумі ЦК КП(б)У 29.01.1936) // *Більшовик України*. 1936. № 3. С. 11–17.
- 190 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 127. Л. 11–12 об., 280–281.
- 191 Під софітами секретних служб. Документи з папки – формуляра на О.П. Довженка. С. 238.
- 192 Узкое руководство – неформальная группа внутри Политбюро (в разные годы насчитывала от трех до шести человек), которая сосредоточила в своих руках всю полноту власти и от имени ЦК и СНК СССР принимала важнейшие государственные решения. См.: *Жуков Ю.* Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2003. С. 493.
- 193 Отдельные случаи имели место, например, преобразование в 1956 г. созданной по политическим соображениям Карело-Финской ССР в Карельскую АССР. Но это не означало изменений в национальной политике.
- 194 Цит. по: *Котов В.И.* Народы союзных республик СССР. 60–80-е годы: этнодемогр. процессы. М., 2001. С. 35.
- 195 Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 283, 302–303.
- 196 *Верстюк В.Ф., Дзюба О.М., Репринцев В.Ф.* Указ. соч. С. 383.
- 197 *Котов В.И.* Указ. соч. С. 24.
- 198 *Верстюк В.Ф., Дзюба О.М., Репринцев В.Ф.* Указ. соч. С. 380; *Кравченко Б.* Указ. соч. С. 176.
- 199 *Сталин И.В.* Соч. Т. 12. С. 365.
- 200 *Сталин И.В.* Соч. Т. 13. С. 40.
- 201 *Калинин М.И.* Избр. произв. М., 1960. Т. 2. С. 210.
- 202 Цит. по: *Вдовин А.И.* Российская нация. Национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея. М., 1995. С. 102.
- 203 Там же. С. 104–105.
- 204 *Бухарин Н.* Расширение советской демократии // *Известия*. 1936. 1 мая; *Он же.* Конституция социалистического государства // Там же. 14 июня.

- 205 *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. М., 2003. С. 207.
- 206 *Вдовин А.И.* Российская нация... С. 98.
- 207 *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 37. С. 190.
- 208 *Вдовин А.И.* Российская нация... С. 97.
- 209 Конституция (Основной закон) СССР. Конституции (основные законы) союзных и автономных советских социалистических республик. М., 1960. С. 28–30.
- 210 *Жуков Ю.* Указ. соч. С. 187, 217
- 211 Конституция (Основной закон) СССР. Конституции (основные законы) союзных и автономных советских социалистических республик, С. 5, 27–28.
- 212 *Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И.* Очерк истории советской Конституции. М., 1987. С. 263–265.
- 213 Собрание законов и распоряжений правительства СССР. 1934. № 26. Ст. 206. С. 350–351.
- 214 *Вдовин А.И.* Эволюция национальной политики СССР. 1917–1941 гг. // Вестн. МГУ. 2002. Сер. 8. История. № 3. С. 18.
- 215 См. например: Книга для чтения по истории народов СССР / Под ред. М. Покровского. М., 1930. Т. 1. С. 89, 93, 95.
- 216 Цит. по: *Вдовин А.И.* Эволюция национальной политики СССР... С. 19.
- 217 За Родину! // Правда. 1934. 9 июня.
- 218 Правда, 1938, 16 июня; Національні відносини в Україні у ХХ ст. Київ, 1994. С. 236–237.
- 219 Конституция героического народа // Правда. 1937. 16 янв.
- 220 *Вдовин А.И.* Российская нация... С. 113.
- 221 РСФСР // Правда. 1936. 1 февр.
- 222 См. например: *Данилов А.А., Пыжиков А.В.* Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 272, 273. Давая характеристику политике Сталина в послевоенное время и той политической системе, которая сложилась в те годы в СССР, авторы употребляют такие некорректные термины, как «великорусская державность», «великорусские настроения» (речь идет о государственно-патриотической идеологии).
- 223 *Кульчицкий С.* Україна між двома війнами. С. 266.
- 224 *Барсенков А.С., Вдовин А.И.* История России. 1938–2002. М., 2003. С. 35.
- 225 *Ефименко Г.* Указ. соч. С. 105.
- 226 *Барсенков А.С., Вдовин А.И.* Указ. соч. С. 35.
- 227 *Котов В.И.* Указ. соч. С. 24–25.
- 228 Там же. С. 30.
- 229 «Все черты расового национализма...»: интернационалист жалуется Сталину (январь 1939 г.) / публ., коммент., вступ. статья Д. Бранденбергера и К. Петроне // Вопр. истории. 2000. № 1. С. 128–133.
- 230 «За родину!» // Социалистический вестн. 1934. 25 июня (№ 12). С. 1–2.
- 231 *Троцкий Л.* Даже клевета должна иметь смысл (объяснение с мыслящей частью сталинцев) // Бюл. оппозиции. 1934. № 38/39. С. 25; *Он*

- же. Что означает капитуляция Раковского? // Там же. № 40. С. 14; *Он же*. К истории русской революции. М., 1990. С. 287–288.
- ²³² *Троцкий Л.* Новый хозяйственный курс в СССР // Бюл. оппозиции. 1930. № 9. С. 8.
- ²³³ Бюл. оппозиции. 1936. № 52/53. С. 19.
- ²³⁴ *Більшовик України.* 1933. № 7/8. С. 104.
- ²³⁵ Итоги и ближайшие задачи проведения национальной политики на Украине // Правда. 1933. 27 нояб.
- ²³⁶ *Постишев П.П.* Підсумки перевірки партійних документів у КП(б)У і завдання партійної роботи // *Більшовик України.* 1936. № 3. С. 20.
- ²³⁷ Подробнее о ходе схватки и о судьбе попытки демократизации СССР см.: *Жуков Ю.* Указ. соч.
- ²³⁸ XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): стеногр. отчет. М., 1934. С. 14.
- ²³⁹ *Жуков Ю.* Указ соч. С. 195, 208–210 и др.
- ²⁴⁰ Там же. С. 320, 451–452.
- ²⁴¹ Там же. С. 295–297.
- ²⁴² *Костюк Г.* Указ. соч. С. 333–340.
- ²⁴³ Десятый съезд РКП(б): стеногр. отчет. М., 1963. С. 202–203.
- ²⁴⁴ *Кульчицкий С.* Україна між двома війнами. С. 269–270.
- ²⁴⁵ *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. С. 126, 129–131, 133, 140–143, 156.
- ²⁴⁶ *Шульгин В.В.* Дни. 1920 год. М., 1989. С. 241–247.

Заключение

Итак, подведем итоги. Стоит еще раз отметить, что данная работа – одна из первых попыток в отечественной историографии приступить к изучению крайне непростой (в силу своей противоречивости и незавершенности) истории становления украинской нации.

Нация – феномен не этнический, а социально-политический, хотя и тесно связанный с этничностью. Появление национального движения, призванного создать нацию, происходит на определенной экономической, социальной и политической стадии развития данного коллектива, соответствующей его индустриальной трансформации и превращения из общества традиционного, сельского в общество городского типа. Внимание было сосредоточено на одной из сторон процесса нациогенеза – на национальной модернизации общества. В центре внимания исследования находилась деятельность национального движения, преобразующего это общество национальной плоскости в коллектив, обладающий набором черт и характеристик, позволяющих ему считаться нацией.

Наиболее объективно и полно процесс украинского нациогенеза может быть проанализирован при помощи конструктивистского подхода, согласно которому нация является не врожденной постоянной величиной, а продуктом современной индустриальной эпохи, меняющей экономический уклад, идеологические императивы, уровень массовой грамотности и политизированности общества, его социальную структуру и сознание. Таким образом, черты, присущие такой общности – национальная идентичность, национальное сознание, объективные признаки – приобретаются с течением времени и под влиянием множества факторов, а процесс ее создания предстает в виде нациотворения, строительства нации. Нелишним будет еще раз повторить, что *нациостроительство* – это совокупность культурных, политических, психологических процессов, направленных на выработку специфических национальных черт и признаков, присущих национальной общности – человеческому коллективу, находящемуся на определенной экономической и политической ступени развития, и преобразование последнего в соответствии с выработанным национальным типом.

Нациостроительство не идет само по себе. Оно ведется национальным движением. Становление и развитие данной национальной общности – его главная цель. Национальное движение является, с одной стороны, формой, в которой идут процессы нациостроительства, а с другой – способом существования и жизнедеятельности этой совокупности процессов. Любое движение, в том числе национальное, это определенное число единомышленников, людей, вырабатывающих и разделяющих те или иные ценности и убеждения, верующих в них и в свое дело. Но все вместе, на сознательном и подсознательном уровне объединенные общей целью и верой, они являют некую целостность. Иными словами, *национальное движение* – это зримая форма воплощения нациотворческих процессов, это многовекторная деятельность групп людей, вместе являющих собой сложную систему, «ответственную» за осуществление процессов формирования национальной общности и служащую той средой, в которой эти процессы нациостроительства развиваются.

Будучи некоей целостностью, движение в то же время неоднородно и состоит из составных частей – направлений, которые в свою очередь подразделяются на более мелкие сегменты, охватывающие различные области общественной деятельности. Эти составные части (точнее, люди, работающие в определенных областях) действуют независимо друг от друга, выполняют свою работу и свои задачи, а иногда и противодействуют друг другу, но в то же время являются участниками единого процесса, направленного на формирование и развитие национальной общности. Национальное движение может быть структурировано в созданные его силами общества и организации, а может действовать через структуры, не являющиеся плодами его усилий; оно может иметь четкое политическое оформление, а может и не иметь его, оставаясь на уровне идей и настроений, воплощаемых в жизнь без помощи политических организаций.

Важно отметить, что адепты движения могут разделять любые социально-политические системы ценностей, от крайне правых до крайне левых. Их общей платформой является национальный фактор, т.е. «национальное» для них является главным, определяющим их мировоззрение и социальное поведение. Людей, для которых категории нации являются символическими ценностями, следует называть *националистами*.

Движения берут начало с небольших групп активистов, его идеологов и организаторов, постепенно вовлекая в ряды своих адептов – носителей новой национальной идентичности – все новых членов, расширяя свою социальную базу и со временем

превращая новую общность в массовый феномен. Деятели движения вырабатывают умозрительные черты будущего национального коллектива, его идеальный образ, который мы условно назвали *национальным фантомом*, конструируют пространство, в котором этот фантом «обитает», и которое соответствует его идеальному образу. Они «привязывают» эту умозрительную конструкцию к конкретным условиям – этническим, языковым, культурным, экономическим, социальным, психологическим особенностям того населения, среди которого предполагается формирование новой общности. На этой основе идет выработка национальной идентичности, формирование у членов пока еще виртуального коллектива национального самосознания. *Объективными* признаками национального коллектива эти факторы становятся тогда, когда в сознании общества, в сознании масс превращаются в *субъективные* символические ценности, близкие и понятные каждому члену этой общности. Поэтому в задачу движения входят не только конструирование «национального фантома» и выработка особых национальных черт и идентичности, но и их утверждение в массах, внедрение в общественное сознание как «единственно подходящих» для данного населения.

Между тем моментом, когда «образ нации» формулируется и моментом, когда он становится достоянием членов этой общности, проходит значительное время, в течение которого процесс нациостроительства подвергается корректировке окружающей действительностью: например, внешними обстоятельствами, воздействием других национальных проектов, стремящихся к формированию иных национальных общностей, но на базе того же самого населения. В случае с украинским проектом таковым до революции 1917 г. был общерусский национальный проект, предусматривающий формирование национальной общности на основе велико-, мало- и белорусского «этнического материала». В дальнейшем противостояние общерусским ценностям, сознанию, русской культуре, языку (иными словами, *русскости*) стало перманентным состоянием украинского движения.

Исходя из указанных выше положений, история украинского национального движения рассматривается как история *конструирования и строительства* украинской национальной общности и «Украины» как особого национально-политического организма, преобразования крестьянского, малорусского, русинского населения в «украинцев», утверждения среди них украинского национального самосознания и украинской идентичности. Именно этот подход позволяет наиболее точно раскрыть суть националь-

ных и политических процессов, имевших место на Украине в конце XIX и в XX вв., и протекающих в наши дни.

Украинское движение предстало как новая, современная тем условиям форма южнорусского сепаратизма и самостийничества. Его корнями и вдохновителями были казачьи смуты XVII – начала XVIII в., а также польское политическое и культурное влияние на малороссийских землях, ставших ареной борьбы между Польшей и Россией. Но при этом оно было самостоятельным феноменом. Украинское национальное движение, ставившее перед собой изложенные выше задачи, зародилось в середине XIX в. Оно прошло ряд стадий – от увлечения его адептами этнографией и краеведением до представления об «украинцах» как об особой нации, интересы которой противоположны интересам русских и России. Движение объединяло небольшие группы интеллигенции, принявшей новую, украинскую, идентичность и новое мировоззрение – взгляд с позиций интересов формируемого национального коллектива. Украинские националисты занимались выработкой образа «украинского народа», его жизненного пространства – «Украины», работали над созданием на основе разговорной народной речи литературного языка, осмысливали и создавали специфические национальные признаки украинской общности. Движение постепенно расширяло свои ряды, но его сторонниками в основном продолжали оставаться представители интеллигенции. Массы крестьянства и быстро растущего пролетариата оставались в стороне от движения, не разделяя украинских ценностей или относясь к ним равнодушно и больше интересуясь социальными проблемами.

Между тем украинское движение, наряду с продолжением прежних видов деятельности, перешло к политизации своих целей и стало требовать автономии Украины и ее развития как национального организма (украиноязычного народного образования и т.п.). На рубеже веков складываются украинские общества, политические группы и партии, целью которых становится борьба за воплощение в жизнь национальных идеалов и создание украинской государственности. Движение все решительнее переходит к агитации в народе, к утверждению среди него украинских ценностей и украинской идентичности, действуя через культурные общества, «просвиты», кооперативы и т.д. Однако оно было еще довольно слабым и малочисленным. Российское общество преобразовывалось в общество нового типа медленно, крестьянство жило в традиционной системе самоидентификации (по религии, подданству, социальному происхождению, местности). Центральное место в мировоззрении миллионов людей занимал не абстракт-

ный национальный вопрос, а действительно насущные и жизненные социально-экономические проблемы. Революция 1905 г. резко усилила политизацию населения, но с особой силой этот процесс развернулся уже после 1917 г., тогда же заметно выросло и внимание масс к национальным проблемам.

Недостаточной силе и укорененности движения среди народных масс способствовало не только относительно медленное экономическое развитие России и даже не отрицательное отношение властей к украинскому движению. Главной причиной было постоянное противостояние украинского и общерусского проектов национального строительства, а украинской идентичности, самосознания – идентичности и самосознанию общерусскому. Украинский национальный коллектив создавался *на противопоставлении всему русскому*. Русская государственность и культура были теми плюсами, которые постоянно притягивали выходцев из Малороссии. Это не было насильственным процессом и не вызывало у них неприятия и отторжения: подавляющее большинство малороссов не считало, что служит «иностранному», «чужому» государству и абсолютно искренне называло Россию своей Отчиной. Общерусская идентичность не оставляла места для идентичности «украинской» (хотя вовсе не означала отказа от местных культурных особенностей и идентичности малорусской), а служение России – служению создаваемой «Украине». Идентичности боролись за одно население, старались превратить одни и те же объекты культуры, истории, религии в символические ценности своей национальности. При этом надо указать, что наступательную политику в этом вопросе вело именно украинское движение, стремящееся превратить эти русские объекты (в смысле их общерусскости, восходящей еще к Древней Руси) в «украинские».

Одним из исходных положений для сложения национальной общности служит этническая и культурная специфика населения, которое предстоит превратить в национальный коллектив. Этническая близость между малороссами и великороссами была настолько тесной, что имевшаяся специфика сама по себе не могла стать надежным фундаментом для украинского национального строительства. Поэтому создание украинской идентичности и нации вообще велось на противопоставлении русской культуре, самосознанию, государственности. Общность происхождения, этническая, культурная, религиозная, языковая близость затрудняли выделение особой украинской идентичности как антитезы идентичности общерусской и ставили ее под сомнение.

Таким образом, противостояние русскости (за которой стояло и государство, хотя его сознательная роль в отстаивании послед-

ней была не так значительна, как это стараются преподнести) отнимало у украинского движения много сил, заставляя доказывать обоснованность особой украинской идентичности. Но главное то, что в ходе этого противостояния стал складываться основополагающий принцип жизнедеятельности украинского движения, а позднее и украинской нации и государственности (как плодов его труда), который мы назвали *отрицательной доминантой*. Это означало, что любая деятельность, которая объективно должна быть направлена на утверждение положительных идеалов формируемой нации, превращалась в отрицание общности с противостоящим национальным организмом, в данном случае с русским, и в создание черт и признаков своей нации на противопоставлении их общерусским аналогам. Такая ситуация вызывала озлобление украинских националистов, усиливала антироссийскую и антирусскую окрашенность движения (идеологии, государственности). Положительный идеал, необходимый при национальном строительстве, подменялся отрицанием всего русского.

Противопоставление действовало на уровне эмоций. Что для создаваемой украинской идентичности и ее носителей русская (общерусская) культура, церковь – «свои» или «чужие»? Что для них Россия – «общий дом», «Родина» или «колониальная империя»? Что для них литературный русский язык – родная речь, восходящая к древнерусскому наследию и языку веры (церковнославянскому) или «язык чужеземной державы»? Эта эмоциональная, нередко не поддающаяся логическому анализу система оценок «свой–чужой», «хорошее–плохое», лежит в основе основ украинства и украинского мировоззрения.

Итак, относительная слабость и немногочисленность движения, а также недостаточная укорененность в массах украинских ценностей, были обусловлены как социально-экономическими причинами, так и противоборством украинскости и русскости, характером движения *не как «созданного» внутри этноса с четкими признаками, а как «выделяющегося»* из более крупного организма, сложившегося или находящегося на стадии формирования, и имеющего своей основой этнос с менее ярко выраженными признаками.

Но слабость движения была относительной. К 1917 г. ему удалось сконструировать идеальный образ «Украины» и украинской общности, создать собственную, национальную концепцию прошлого, отчасти научную школу (преимущественно в гуманитарных дисциплинах), активно шла выработка специфических черт этой общности – литературного языка, культуры, литературы. Движение получило политическую структуризацию в партии. На-

циональные идеи и идентификация хотя и медленно, но утверждались в массах. Адепты движения научились самоорганизовываться и рассчитывать на свои силы. Но вместе с тем многие процессы – элементы нациостроительства – закончены не были. Не были созданы система образования, не были «подработаны» под украинский проект Русская православная церковь и т.д. Не до конца был создан и кодифицирован язык. Отсутствовала и собственная государственность, без которой нация не может считаться таковой. Но главное, национальные идеи, украинская идентичность не успели утвердиться в массах и стать для них символическими ценностями. Таким образом, вплоть до 1917 г. «Украины» как национально-политического организма *не существовало*, еще *не было* и «украинцев» как особой национальной общности (нации), как массового явления.

Тем не менее движение приняло активное участие в революции 1917 г. и Гражданской войне, выступив в них отдельной силой. Ему даже удалось создать собственную украинскую государственность, правда, крайне слабую и неспособную сколько-нибудь долго удерживаться без внешней помощи. В годы Гражданской войны резко усилилось проникновение украинских идей и украинской идентичности в массы, чему способствовала политизация населения и крушение старого мира с прежней системой самоидентификации и связей. Но основные задачи, стоящие перед движением, не были им решены даже в годы революции, хотя уже сам факт появления украинской государственности, армии и т.п., свидетельствует о его зрелости. Поражение движения, крах самостийной государственности произошли не столько из-за силы его противников – большевиков, сколько из-за внутреннего состояния движения, главным из которых было недостаточное укоренение в массах, которые больше внимания уделяли социальным аспектам революции, а не проблемам становления украинской нации. Массы еще предстояло превратить в национальный коллектив, сплотить вокруг идеи «Украины», сделав ее символической ценностью и связав решение всех насущных вопросов именно с ней.

Иными словами, *говорить о появлении «украинцев», да и «Украины» относительно досоветского периода можно лишь с большими оговорками*. Продолжить и завершить их создание – такова была задача национального движения после его поражения в Гражданской войне. Так как основной массив земель, составляющих «идеальную Украину», находился под контролем большевиков, то и делать это пришлось в рамках УССР, в условиях советской власти.

Влияние национального движения на политический процесс было не только непосредственным, но и косвенным. Его наличие, борьба за «Украину», за интересы «украинского народа» как новых субъектов истории (первая уже появилась, второй еще находился на стадии формирования) вынуждало считаться с этим всех участников исторического процесса, прежде всего победивших большевиков. Так, в немалой степени из-за наличия украинского движения, были созданы и сохранены украинская советская государственность, компартия Украины, проводилась политика украинизации. Это *опосредованное воздействие* движения стало весьма сильным и в конечном счете способствовало появлению на свет «Украины» и «украинцев».

Поначалу сторонники движения не смирились с поражением. Перед ними стояли нереализованные задачи, советскую государственность они считали фальшивой, власть большевиков – оккупационной. Движение действовало разными способами, но цель у него оставалась общей – строительство «Украины» и украинской нации. Задачей адептов украинского движения была борьба за язык, культуру, нацию, суверенность Украины. Работа по развитию языка и культуры подразумевала укрепление этнического фундамента нации. Борьба за «нацию» означала осмысление этих и других составляющих, превращение их в символические ценности и признаки данного коллектива и утверждение их в массах. Следующий этап – борьба за суверенность – подразумевал работу, направленную на укрепление государственности УССР, ее институтов и органов власти и защиту ее суверенности как необходимого условия для развития нации и самостоятельности Украины – конечных целей движения.

Все эти задачи движение решало в 1920-е годы. При этом его специфика – противостояние русскости – сохранялась и проявлялась во всем: от принципов создания языка до принципов строительства национальной церкви. Движение в этот период было неоднородно и объединяло представителей разных политических сил – от «петлюровцев» до украинских национал-коммунистов, которые, тем не менее, находили общие точки соприкосновения, поскольку в основе мировоззрения и тех и других лежал национальный фактор – борьба за интересы украинской национальной общности. В силу неоднородности движения и внешней обстановки, его деятельность была разносторонней и многообразной – от попыток силового восстановления «национальной» власти до работы на «культурном фронте».

В течение первых лет после окончания Гражданской войны на Украине весьма активно действовало националистическое

подполье, координировавшееся эмиграцией (в которой после войны оказалось немало адептов движения). Подполье ставило своей целью свержение большевиков и установление режима УНР – «истинной», как считали националисты, формы украинской государственности. Подполье было тесно связано с бандитизмом, получившим те годы большое распространение. Своими корнями бандитизм уходил в крестьянское повстанчество времен Гражданской войны, которое было порождено ее долгим и непростым характером, борьбой крестьянства за землю, разрывом экономических связей между городом и селом, противодействием крестьян попыткам насильно коммунизировать село. Но со временем бандитизм все больше отрывался от села и превращался в самостоятельный феномен, интересы которого все больше расходились с интересами крестьянства. Далек не везде бандитизм имел националистический характер и был связан с петлюровским подпольем. Таковым он был преимущественно в Центральной и Правобережной Украине, где дольше сохранялась власть украинских правительств. В то же время огромные массы крестьянства Восточной, Южной и Юго-Восточной Украины были слабо связаны с националистическим бандитизмом, и крестьянское движение в этих регионах имело ярко выраженный социальный характер с очень слабой национальной окрашенностью. Крестьянство этих регионов гораздо меньше внимания уделяло национальному вопросу, среди него были слабее обозначены украинские настроения и крепче укоренены общероссийские ценности и представления.

В результате комплекса мер – уничтожения подполья и бандитизма правоохранительными органами УССР, укрепления советской власти, амнистий участникам бандформирований, перехода к новой экономической политике, украинизации, а также благодаря самому течению времени, политический бандитизм лишился на селе поддержки и к концу первой трети 1920-х годов ушел в прошлое. Попытки националистов, действовавших внутри страны и в эмиграции, свергнуть большевиков силой провалились. Своих целей движению пришлось добиваться иными средствами, главным из которых стала «культурная работа». Первое время она велась параллельно с деятельностью подполья и бандитизмом. После их ликвидации именно «культурная работа» – т.е. создание национальной культуры, утверждение национального самосознания и идентичности у населения – стала основной деятельностью движения.

Оно продолжало действовать как через созданные им структуры и организации, так и через органы власти и образования УССР. Из числа первых можно назвать культурно-просветитель-

ские организации – «просвиты», в которых осуществлялось развитие украинской культуры, формирование и распространение в народе украинской идентичности, а также различные кооперативные, музыкальные, культурные, художественные общества. В них не только шло создание украинской культуры (что само по себе являлось работой по строительству нации), но и велась ее пропаганда, утверждение в массах как символической ценности, как одного из важнейших объективных признаков национальной общности. Особо нужно отметить Украинскую автокефальную православную церковь, созданную в 1920–1921 гг. путем откола от Русской православной церкви. Центральное место в деятельности всех организаций занимал национальный вопрос.

Из всех организаций до конца десятилетия смогла дожить только одна УАПЦ, не считая хоровых, кобзарских студий, чья деятельность внешне выглядела как чисто культурная. Все прочие были ликвидированы большевиками или не выдержали конкуренции со своими советскими аналогами (как, например, «просвиты»). УАПЦ же была довольно сильной и притягивала к себе всех тех, кто разделял украинские ценности и для кого все украинское имело жизнеопределяющее значение. Адепты автокефалии разрабатывали обрядовость и украинский язык как язык богослужений – т.е. создавали «национальную украинскую церковь». УАПЦ повела борьбу за влияние среди населения республики (противником была, естественно, Русская православная церковь – одна из главных и последовательных носительниц общерусских ценностей). Важнейшей функцией «украинской» церкви было воспитание паствы в украинском духе, утверждение среди них украинского самосознания и идентичности.

Главная задача всего движения – утверждение национальных ценностей среди населения, преобразование их в «нацию» – осуществлялась через советскую школу, ликбез, учреждения культуры, в которых после окончания Гражданской войны оказалось немало националистов, украински настроенных людей. Школу, музей, хоровое общество они стремились использовать для пропаганды своих идей, воспитания масс в национальном духе. Это не могло не встревожить большевиков, но даже не столько из-за чисто национального момента, сколько из-за опасения того, что националистическая пропаганда могла срастись с недовольством населения тяжелой жизнью, стать основой альтернативной большевикам идеологии и послужить призывом к антисоветским волнениям.

Действительно, население УССР, особенно в начале 1920-х годов, далеко не всегда было довольно новыми порядками и отно-

силось к ним весьма критически. В первую очередь такое отношение было присуще крестьянству и интеллигенции. Но крестьянское недовольство было продиктовано, главным образом, экономической политикой властей и тяжелыми условиями жизни. Национальные проблемы по-прежнему волновали крестьян заметно меньше. Самыми распространенными из национальных были антиеврейские настроения, а в приграничных с Польшей районах – еще и антипольские. Эти настроения, в основном, были связаны с социальным и экономическим факторами, например, с резко выросшей после революции ролью евреев в хозяйственной и политической жизни страны, или нежеланием возврата помещиков-поляков.

Антирусские и антироссийские настроения встречались в крестьянстве, но реже, и были вызваны соответствующей агитацией со стороны сельской интеллигенции (как правило, национально настроенной) и «петлюровских элементов», осевших на селе после окончания войны и разгрома бандитизма. Выражались они либо сентенциями об ограблении Украины Россией, вывозе хлеба (что было ближе к крестьянским настроениям), либо разговорами о национальном угнетении Украины (в этом случае источник находился ближе к интеллигентской среде). В целом можно сказать, что несмотря на то что в рассматриваемый период украинская идентичность и украинское самосознание распространились среди основной массы крестьянства, далеко не все оно воспринимало их как символическую ценность или считало их чем-то противоположным и России и русским, т.е. не было националистически настроенным. Впрочем, имелось и немало тех, кто категории нации и национальных интересов понимал и интерпретировал именно в таком смысле. Особенно часто это происходило тогда, когда недовольство экономическим положением увязывалось с национальным вопросом. Привязкой национального фактора к экономическому занималась украинская интеллигенция.

Интеллигенция (и русская, и украинская – такое ее разделение на «национальные отряды» в 1920-е годы имело место в зависимости от мировоззрения человека и его национального выбора) тоже была настроена по отношению к большевикам и их политике весьма критически. Украинская интеллигенция свое недовольство существующей действительностью, чем бы оно ни было вызвано, непременно переносило в национальную плоскость. Во всех трудностях она винила Россию, «оккупационный режим», большевиков, душащих украинский народ. Поэтому пропаганда национальных идей в народе, развитие у него национального самосознания были неразрывно связаны с изначально присущим

движению противостоянием всему русскому, а в силу того, что большевики воспринимались националистами как российская власть – то и советскому и большевистскому.

Со временем, по мере укрепления большевиков и осознания этого факта сторонниками движения, национальная пропаганда начинает вестись в советских формах (по способу работы и формулировкам) и все сильнее увязываться с советской государственностью, которую следовало укреплять и делать украинской по облику и духу. Но даже при этом негативное отношение к большевикам, России и русскости продолжало сохраняться, особенно в тех случаях, когда движение действовало через собственные структуры (УАПЦ, культурные общества, УКП) или оставалось на уровне идейной настроенности его адептов. Впрочем, сохранялась эта специфика (только уже без негативного отношения к большевикам) и в деятельности сторонников движения, работавших в органах власти УССР. Только в этом случае она представляла в облике противодействия великорусскому и великодержавному шовинизму.

Такая настроенность сильно мешала пропаганде в самом передовом отряде общества – в рабочем классе. Он изначально формировался как полиэтнический, но главное, как носитель русской культуры, языка и общерусского сознания, даже несмотря на то что в значительной степени состоял из этнических малороссов. В силу своего национального облика, рабочий класс Украины украинским вопросом не интересовался. Рабочие даже нередко относились к украинскому движению негативно, как к петлюровщине и антисоветчине. Поэтому главным объектом влияния националистов было крестьянство.

Деятельность движения в 1920-е годы не ограничивалась работой с населением. В поле его внимания находились культура и язык, превращение которых в специфические признаки национальной общности также шло весьма активно, причем велось как силами адептов движения (например, сотрудниками соответствующих институтов ВУАН), так и органами власти УССР. Вообще, вклад большевиков в строительство украинского национального коллектива трудно переоценить. В данном случае речь идет не о социальной модернизации общества и превращении его в общество современного типа, готового воспринять национальные ценности и стать нацией. Речь идет о политике большевиков в области культуры и национального строительства, известной под названием *политики украинизации*. Опасения отдать инициативу в борьбе за массы и за руководство украинской культурой в руки интеллигенции, стремление лишить последнюю возможности ра-

зыгрывать национальную карту и увязывать «борьбу за Украину» с критикой экономической политики, собственные далеко идущие планы на международной арене (распространение мировой революции, борьба за симпатии народов Восточной Европы и украинцев, живущих за пределами СССР) – все это побуждало большевиков взять в свои руки строительство украинской культуры и государственности. Тем самым, пусть и исходя из собственных расчетов, но объективно они действовали в нужном национальному движению направлении: ведь целью становилось создание «Украины» и «украинской нации», хотя и социалистических по содержанию, но зато национальных по форме. Как показало время, форма оказалась прочнее и долговечнее содержания.

Правда, большинство адептов движения не понимало этого. Настоящими радетелями украинской нации они считали себя и строительство социалистической Украины оценивали негативно – как «ненастоящее», как выхолащивающее истинное содержание из украинской идеи. Но вместе с тем политика украинизации, означавшая, кроме всего прочего, поддержку и стимулирование украинской культуры, языка и т.п., способствовала прекращению антисоветской деятельности большей части националистов, переходу их на советские позиции, работе в рамках советской украинской государственности и примирению многих из них с властью большевиков. УССР стала восприниматься ими как форма национальной украинской государственности.

В руководстве УССР и в партии тоже имелось немало людей, мысливших национальными категориями и во главу угла своей деятельности ставивших интересы развития украинского народа как национальной общности. В основном так мыслили выходцы из левых украинских партий, вступивших в КП(б)У добровольно или вынужденных в нее вступить по ряду обстоятельств. Одна из таких партий – Украинская коммунистическая партия, в национальном вопросе стоявшая на платформе украинского движения со всеми ее принципиальными положениями – действовала до начала 1925 г., а затем была распущена Исполкомом Коминтерна как «некоммунистическая» и извращающая трактовку национально-колониального вопроса.

Но по мере развития УССР, укрепления ее институтов, в силу все больше вступал новый фактор – *фактор государственности*. Интересы Украинской республики как особого организма отнюдь не всегда совпадали с точкой зрения союзного центра и заставляли республиканские власти руководствоваться именно ее интересами и отстаивать ее права (которые становились одновременно и собственными интересами складывающейся респуб-

ликанской партийно-хозяйственной бюрократии). Фактор государственности (интересов УССР и ее институтов) далеко не всегда был связан с фактором национальным (интересами украинской национальной общности). Он был далек от этничности (для того чтобы служить Украине не обязательно было быть украинцем и разделять украинские ценности). Но эти факторы могли выступать в тесной связке друг с другом, чему способствовало хотя бы то, что Украина строилась как национальная республика. Это нашло свое выражение, в частности, в работе наркомов просвещения А.Я. Шумского и Н.А. Скрыпника и руководимого ими Наркомата просвещения УССР, бывшего в 1920-е годы важнейшим учреждением в республике. Но даже если эти факторы выступали порознь, любая деятельность, направленная на защиту республиканского суверенитета, объективно способствовала укреплению Украины как особого государственного и национального целого.

Укрепление суверенитета Украины было задачей и украинского движения. В этом, как и в поддержке развития культуры, языка, интересы сторонников национального движения и большевиков вольно или невольно совпадали. Совпали они и по вопросу о присоединении к УССР приграничных с ней территорий РСФСР, населенных украинцами (или относимых к таковым), когда адепты движения и ряд лиц из руководства КП(б)У активно добивались перехода этих земель к Украине, мотивируя это интересами более полного национального развития украинцев и в УССР, и в РСФСР.

Строительство нации без укрепления государственности было крайне затруднительно. С середины 1920-х годов националисты все больше сил стали отдавать увязыванию этих задач друг с другом. Пристальное внимание на эту парадигму сторонники движения обратили давно, просто именно к этому времени УССР стала восприниматься ими «своей». Как следствие этих процессов (пусть и благодаря усилиям большевиков) к середине 1920-х годов украинское национальное движение начинает перерастать рамки официальной украинизации и выдвигать свои требования.

Примером этого стала литературная дискуссия – спор о путях развития украинской культуры и народа, в ходе которой зашла речь об интересах украинского национального коллектива и развитии Украины как особого национально-государственного организма. Адепты движения настаивали, что удовлетворение этих интересов ценно уже само по себе, без привязки их к любым социальным и политическим вопросам, и потому должно стать главной задачей советского строительства на Украине. В эти го-

ды в движении появляется *новое идейное направление*, ставшее результатом синтеза национального фактора, фактора государственности и коммунистической идеологии. Это направление олицетворялось теориями Н. Хвелевого и М. Волобуева о построении пролетарской, коммунистической Украины, но Украины как самостоятельной политической и национальной единицы, причем построении на известном принципе противостояния России (в новом контексте – СССР). Эти теории нашли поддержку среди части украинской коммунистической интеллигенции и тех кругов партии, которые считали национальный вопрос центральным вопросом строительства Советской Украины.

Это новое направление находилось в конфронтации с традиционным мировоззрением адептов движения, относившихся к модернизации, индустриализации, социализму как к явлениям негативным, искажающим истинный облик украинской нации (ибо все это расходилось с когда-то созданным ее идеалом), ведущим к затиранию национальной украинской специфики и, в конечном счете, к русификации. Новое же направление не видело иного будущего для Украины и украинцев, кроме как коммунистического. Объективно же и то и другое действовали в одном направлении и добивались достижения одних и тех же целей, только разными путями.

Но именно новое, коммунистическое направление, полностью воспринявшее УССР как «свою» государственность, было лучше приспособлено к существующей действительности и имело больше шансов в дальнейшем превратиться в идеологию развития украинской государственности и украинской нации. Именно эта перспектива перерастания украинским движением традиционных рамок «просвит», культурных обществ и т.п. встревожила партию и заставила ее все больше воспринимать украинский национализм как главную опасность социалистическому строительству в УССР (и СССР). Это нашло выражение в кампании 1926–1928 гг. против «триединого» национального уклона – «шумскизма», «хвелевизма», волобуевщины», в сильнейшем давлении на УАПЦ, в «осаживании» тех сил в компартии и обществе Украины, которые понимали украинизацию не как средство, а как самоцель. Резкую реакцию вызвали попытки этих кругов насильно и спешно украинизировать русскоязычный рабочий класс, причем не просто в языковом аспекте, но и сделав его украинским по духу, т.е. изменив его национальную идентичность.

Но украинское движение продолжало действовать и в конце 1920-х годов. Функционировала, хотя уже и не с таким размахом, УАПЦ. ВУАН, марксистские институты УССР разрабатывали

концепцию прошлого Украины, занимались философским осмыслением проблем, связанных с ее развитием и т.п. Именно к концу десятилетия было завершено создание литературного языка, его научной, технической, медицинской и другой терминологии, утверждено новое правописание, призванное по возможности максимально отделить украинский язык от русского. В конце десятилетия с размахом велась украинизация населения, нередко переходящая в насильственное изменение его национального облика с русского на украинский. Распространение украиноязычного образования на все более широкие слои населения республики способствовало выработке у него украинской идентичности. Все это закрепляло в сознании народа язык, культуру, государственность Украины как символические ценности, превращая их в объективные признаки украинской национальной общности. Вся эта работа была бы невозможна без активнейшего участия в ней Наркомпроса УССР и лично наркомов просвещения А. Шумского и особенно Н. Скрыпника, трактовавших украинизацию как широкое развитие национального украинского коллектива, гораздо большее, нежели средство по укреплению диктатуры пролетариата.

Такому курсу Наркомпроса способствовала не только политика коренизации–украинизации, но и прямое воздействие со стороны украинского движения. В системе Наркомпроса, в системе народного образования республики трудилось много адептов движения. Многие из носителей украинских ценностей довольно быстро поняли, что большевики не выпустят украинизацию из своих рук и поведут ее в своем направлении как национальную только по форме. Но хотя адепты движения считали официальную украинизацию неискренней, они, тем не менее, всю пользовались возможностями, которые эта украинизация предоставляла, стараясь направить ее по нужному для себя руслу.

Утверждение в массах украинской идентичности, строительство культуры или борьба за расширение прав УССР и более широкий республиканский суверенитет проходили согласуясь с уже известным принципом противостояния всему русскому. Антироссийская и антирусская направленность украинского движения вполне соответствовала проводимой в СССР в 1920-х – начале 1930-х годов национальной политике. Ее стержнем было приоритетное развитие «ранее угнетенных», как тогда официально провозглашалось, народов за счет «ранее угнетающего» народа русского, и борьба с «великодержавным шовинизмом» и «великорусским национализмом». На практике борьба с ними и «выравнивание» народов часто перерастали в национальный нигилизм по от-

ношению к русским, русской истории, культуре, самосознанию — т.е. самой основе, на которой держалась Россия, и в откровенную русофобию известных кругов в руководстве страны и в советской интеллигенции.

Такая государственная политика ставила сторонников и носителей русскости на Украине (прежде всего этнических малороссов) в заведомо неравноправное положение виноватого. А главное, *низводила историческую Россию*, частью которой являлись *малороссийские/украинские земли, до «рядовой» РСФСР*, которая уже по определению не могла считаться чем-то более высоким, большим, всеохватывающим, чем УССР. Это «*понижение*» статуса понятия «Россия» сыграло заметную роль в создании «Украины». И одновременно политика большевиков создавала для украинского национального движения благоприятную атмосферу и стимулировала ее активную борьбу с «русским конкурентом».

Но даже несмотря на сильное давление со стороны государства и украинского национализма, позиции русской культуры, русского языка, самосознания и национальной идентичности на Украине оставались еще весьма значительными. Отчасти это было наследием так и нереализованного проекта *большой русской нации*. Впрочем, сильные позиции русскости были даже не столько результатом сознательного действия национального проекта, сколько следствием естественного хода жизни. Во-первых, приобщения знатных слоев и простого населения к единственным в то время «высоким» культуре и языку, корнями уходящим ко временам культурного и этнического единства Древней Руси; во-вторых, генетической памяти об этом единстве; и, в-третьих, логики экономического развития страны и южнороссийских губерний как ее неразрывной части.

В силу специфики политического развития СССР в 1920-е годы, никакого активного противодействия украинскому проекту со стороны русскости не было, но скрытое, подспудное противостояние языков, культур, национальных идентичностей (как отрицающих друг друга по определению) на Украине имело место, сильно замедляя и усложняя работу движения. Это противостояние даже получило название «борьбы культур», причем говорили о ней обе противостоящие стороны.

Точно так же, как сторонники украинских ценностей, сторонники общерусских ценностей (или просто люди, не считающие поддержку украинскости необходимым для строительства социализма и советской страны) имелись во всех областях общественной жизни и в КП(б)У. Сторонники украинской идентичности ви-

дели в «борьбе культур» крайне нежелательное и опасное препятствие на пути становления Украины, грозящее для них вечно вторым, провинциальным положением, и призывали устранить «российского конкурента» и все силы отдать строительству украинской культуры. Сознание общности, общерусская система ценностей, русский язык, которые сохраняли значительные группы населения УССР (рабочий класс, городские слои, часть интеллигенции, партия, часть крестьянства, хотя у многих крестьян национальный тип еще полностью не определился) сторонниками движения виделись главными препятствиями, мешающими утверждению «идеальной» Украины. Это усиливало «отрицательную доминанту» движения. В то же время многие круги в компартии считали украинизацию и «заигрывания» с национальной интеллигенцией делом временным. Таковыми эти последние и были в действительности, что стало ясно во время перехода от нэпа к социалистическому рывку.

Перелом в судьбе национального движения произошел на рубеже 1929–1930 гг. и стал следствием резкого изменения социально-экономической политики – начала форсированной социалистической модернизации СССР, получившего название «*великого перелома*». Необходимость сплочения всех сил страны, пересмотр прежней нацеленности на мировую революцию в пользу защиты государственных интересов, требовали унификации и централизации всех сторон жизни Советского Союза. А это вступало в противоречие с широко пропагандировавшимся ранее правом наций на самоопределение, отношением к республикам как к основе Союза и вытекавшим из этого положением о приоритетности поддержки экономического и прочего развития республик, помощи «ранее угнетенным народам», всемерном содействии их национальному развитию, борьбе с великодержавным шовинизмом, которое автоматически подразумевало терпимое отношение к деятельности национальных движений.

Прежний подход (точка зрения на республики как основу государственности СССР, на расширение их полномочий как гарантию национального развития их народов) вступал в противоречие с новой реальностью. Национальное украинское движение, отстаивающее именно этот подход и традиционно негативно настроенное по отношению к центру (тем более, ассоциирующемуся с Россией), оказывалось в числе тех субъектов, чья деятельность и само существование становились несовместимыми с новым курсом страны. Поэтому в 1930-е годы происходит сначала идейная, а затем организационная ликвидация структур движения и физическое устранение многих его участников. Но при этом не стоит за-

бывать, что ликвидация движения была лишь одним из эпизодов, пусть и значительным, в грандиозной «перетряске» страны и общества 1930-х годов.

Рубежом, открывшим «эпоху» политических процессов над адептами движения, обвиняемыми в национализме, контрреволюции, поддержке внутренней оппозиции, символом начала «великого перелома» в национальной политике стал процесс над Союзом вызволения Украины (1930 г.). Пересмотру подверглись многие дела движения прошлого десятилетия, особенно те, где наиболее ярко проявилась тенденция вести национально-культурное строительство на противопоставлении всему русскому. Скажем, были отменены многие нововведения в правописании, лексике, грамматике украинского языка.

Резкой критике подверглись многие теории и концепции, в основе которых лежали идеи об извечной «особости» Украины, ее национальной специфике как стержне и движущей силе ее истории, различии исторических судеб украинского и русского народов. Вместе с развенчанием подобных взглядов и теорий, репрессиям подвергались их авторы и носители, и те организации, где они работали. За национализм была осуждена старая украинская интеллигенция, участвовавшая в революции и Гражданской войне, многие представители новой интеллигенции, выходцы из левых украинских партий, коммунисты, как сочувствовавшие идеалам национального движения, так и их не разделявшие. Дело в том, что обвинения в национализме получили в 1930-е годы широкое распространение и подвергались им не только подлинные националисты и те, кто считал национальный вопрос символической ценностью, но и многие другие явные или скрытые противники сталинского руководства, а часто и просто люди, коих не миновала горькая чаша репрессий.

Была ликвидирована (формально самораспустилась) УАПЦ, ее члены в основном репрессированы, чистке подверглись ВУАН, система высшего, среднего образования, культурные общества, редакции, органы власти УССР, прежде всего Наркомпрос как руководящий центр национально-культурного строительства – словом, все сферы общественной жизни республики, в первую очередь те, где велась или могла вестись национальная работа. Были репрессированы или покончили жизнь самоубийством многие деятели УССР и активисты национального движения.

Борьба против украинского национального движения и трактовки Украины как самоценного национального организма, интересы которого не только не совпадают с интересами СССР–России, но и полностью им противоположны, а также подхода к стро-

ительству украинской общности как к самоценной величине, была продиктована еще и следующим моментом. С середины 1930-х годов в СССР стали формулироваться черты нового национального проекта – *проекта советской национальной общности* и началось его воплощение в жизнь. Данный проект стал воплощением и выражением модернизационного рывка в национальной сфере. Он не являлся чем-то искусственным, ибо был порожден логикой развития СССР, и даже больше – логикой всего предыдущего развития России и этнополитических процессов на евразийском пространстве. Создание новой общности стало возможным благодаря строительству ее социально-экономического фундамента – обобщественного производства, народной (а не частной) формы собственности и обусловленной этим социалистической структуры общества.

Но общность, претендующая на статус национальной, помимо прочего, должна иметь некий этнический фундамент, на котором формируются ее объективные признаки. Национальный вид новой общности придавала ее окрашенность в русские цвета. Именно русский компонент – русский народ как наиболее многочисленный в СССР (здесь опять-таки русское было значительно шире, чем великорусское), созданная им богатая культура мирового уровня, необходимая для укрепления единства страны и сплочения ее населения в единый организм, обладающий не только общим сознанием, но и единой формой его выражения – стал вторым (после социально-экономического) компонентом складывающейся на просторах Советского Союза общности людей. Сам ход истории страны подталкивал к жизни ее появление, а население СССР (прежде всего славянское, наиболее готовое к тому, чтобы составить единый национальный организм) – к усвоению новых ценностей в качестве символических и, тем самым, к преобразованию их в объективные признаки новой общности. Государственная идеология активно утверждала их в народе. Но несмотря на все объективные предпосылки, новая общность еще не стала реальностью и ее предстояло создавать.

Утверждение нового национального проекта и нового сознания и идентичности означало противодействие всем прочим проектам национального строительства. История сделала виток: украинский проект и советский («одетый» в русские национальные цвета и явно централистско-государственный) вступили в противоборство уже на новом уровне. Так как на стороне большевиков была сила, динамика исторического развития, а национальное строительство Украины вели именно они, то борьба проектов означала вытеснение и ликвидацию национального украин-

ского проекта *в том виде, в каком его понимали националисты*. Украинское движение как его носитель стало ненужным, неудобным и лишним.

Дело было даже не в «реабилитации» патриотизма, русской культуры и прошлого, признании русского языка «языком мировой революции», хотя это и вызывало ярость внутренних и внешних врагов И.В. Сталина, в том числе националистов. «Русское» «амнистировалось» не само по себе, а как синоним «советского» – не будучи советской и социалистической русская культура ничего не стоила. Но в случае с Украиной это означало и частичную «амнистию» русскости, «амнистию» традиционного, пусть советского, но все же общероссийского сознания, идентичности, мироощущения у тех многих, кого адепты украинского движения считали «руссифицированными» и старались обратить в «украинцев».

Хотя советский проект был не просто национальным и также имел сильную наднациональную составляющую, поскольку стремился распространиться на все народы СССР, наиболее полно он был воплощен (и мог быть воплощен реально) среди восточнославянского населения, поскольку в своей основе имел этническую, культурную, ментальную близость этих народов, и тот след, который в них оставили социально-политические и национальные процессы конца XIX – начала XX в. Собственно, новая советская идентичность не предусматривала отказа от идентичностей более «низкого» уровня – скажем, украинской. Украинская нация с социалистическим общественным устройством продолжала существовать и развиваться. Советский проект претендовал на более высокий «этаж» в иерархии идентичностей. Таким образом, в конфликт с ним вступала не сама украинская общность и идентичность, а их трактовка как самоценных, не нуждающихся в каких бы то ни было «высших» этажах. Украинский «национальный фантом» вступал в конфликт с объективными процессами унификации и централизации СССР и советским национальным проектом как одним из их воплощений. В этой борьбе те, кто отрицал за центром право обладать высшим государственным и национальным суверенитетом, были сметены волной репрессий 1930-х годов.

Но народ централизацию и создание новой общности не встретил болезненно, и тому был ряд причин. Во-первых, СССР в то время обладал могучей силой и притягательностью, той «отвлеченной», нематериальной идеей, которая давала и ему, и советскому обществу Смысл Жизни. Он открывал перед человеком широчайшие возможности для самореализации, и овладение русским языком и культурой лишь способствовали этому. Во-вто-

рых, для украинского населения УССР не было проблемы ломки национальных перегородок не только из-за этнической близости с русскими, но и из-за того, что его *национальное самосознание сложилось именно в 1920–1930-е годы как «социалистическое по содержанию»* – как отражение социально-экономических и культурных процессов в УССР, формировавших особое, советское, сознание.

Сложение современной структуры украинского общества проходило в социалистических формах. А политика большевиков, сумевших перехватить у националистов инициативу в строительстве украинской культуры, привела к тому, что социальный и национальный факторы оказались тесно взаимосвязаны и сильнейшим образом повлияли на самосознание украинцев УССР. Они же делали его очень близким мироощущению и самосознанию русских, а также других советских народов, и одновременно отличным от национального мироощущения украинцев западных, не испытывавших воздействия такого социально-экономического фактора в тот период, когда шли процессы нациогенеза и формирования украинского национального самосознания. Для украинцев УССР, в отличие от украинцев западных, советская социалистическая общность стала «своей».

Но украинское национальное движение, несмотря на то что было разгромлено в 1930-е годы, все же смогло достичь многих результатов. Ему удалось реализовать свои главные цели, причем достигнуто это было не только благодаря его непосредственной деятельности, но в значительной степени косвенному влиянию на политику большевиков. В начале 1920-х годов на исторической арене окончательно утвердилась «Украина» как национально-государственное целое, обладающее многими (хотя и не всеми, а иногда и формальными) признаками и атрибутами. *В 1920–1930-е годы появилась и украинская национальная общность с национальным самосознанием, идентичностью, языком, культурой, территорией именно как объективными признаками, присущими национальной общности.*

Тем не менее ход их создания, специфика советских условий привели к тому, что тот идеальный вариант, который движение когда-то создавало, отстаивало и воплощало в жизнь, в 1920–1930-е годы был *весьма сильно подкорректирован*. Создание «Украины» и украинской нации велось в советских формах, с социалистическим содержанием, и к тому же, в значительной степени руками большевиков, что вызывало раздражение и бессильную ярость националистов (за исключением, разве что, их «красных» коллег). Протекавшие в СССР процессы централизации и унификации за-

метно ограничивали тот национальный, политический, экономический суверенитет, который «принадлежал» «идеальной Украине». Большое влияние на формирование национального самосознания украинцев УССР оказало и складывание советской национальной общности, укреплявшее в сознании украинского населения своей идентификации как «советских людей».

Итак, процессы строительства в УССР украинской нации (в национальной и социальной плоскости) активно проходили в 1920–1930-е годы и в известной степени завершились к 1939–1945 гг. Их специфической особенностью стало то, что они были неразрывно связаны с социалистическим характером экономики и общественного устройства СССР, одним из следствий которого явились объективные процессы формирования советской национальной общности. Эта специфика стала определяющей при формировании национальных обликов и характеров восточных украинцев и западных. Вторая мировая война и Великая Отечественная оказали на самосознание (в том числе национальное) и тех и других сильнейшее воздействие, закрепив эти различия и, в свою очередь, став важным фактором их мироощущения и дальнейшей судьбы.

Немного о современности

Но различие между «идеальной Украиной» и реальным результатом привело к тому, что поле для деятельности украинского национального движения не исчезло. Процесс, начатый еще в середине XIX в., с точки зрения украинских националистов остался незавершенным, и со временем это позволило украинскому движению возродиться. Как и накануне 1917 г., в конце 1980-х годов украинское движение было неспособно самостоятельно влиять на общественные процессы, протекавшие в стране. Как и прежде, его судьба, в конечном счете, определилась внутренним состоянием СССР и воздействием внешних факторов, сыгравших в судьбе Советского Союза не последнюю роль. Пока государство было крепким, пока советское общество не было дезориентировано новыми, заманчивыми на вид, но обманчивыми по сути, идеями и теориями, пока не были подточены его моральные устои, не осмеяны и развеяны в прах его идеалы, не поставлены под сомнение его прошлое и будущее, украинское национальное движение тлело на диссидентских кухнях и в кассах американских исследовательских центров.

Но при изменении политической конъюнктуры – ослаблении СССР и выхолащивании живой сути из советского национально-го проекта, а затем и распаде единого государства – украинство вновь вернулось к прежней работе: воплощению своего идеала «Украины». Украинское движение возродилось на уровне настроений, бытовавших в интеллигентской среде – сначала в небольших группках, потом во все более широких слоях. Затем, при ощутимой поддержке союзных и республиканских СМИ и властных кругов, оно структурировалось в общественные организации, а позже – в партии. На волне перестройки и системного политико-духовного кризиса в стране национальное движение неуклонно обретало ореол носителя альтернативного пути развития Украины.

Крушение экономического фундамента советского общества, коренное изменение его основ, социальных связей и структуры похоронили и его надстройку – советский народ как создающуюся и уже вполне осязаемую реальность. Та же участь постигла и сформировавшийся тип украинской нации, основанный на ином, чем это требовали новые условия, понимании мира, справедливости, критериев Добра и зла (в том числе социальных), иной морали, ином понимании «национального». На повестке дня вновь оказался вопрос о строительстве «подлинной» государственности, обладающей всей полнотой реального, не скорректированного «верхним» союзным этажом, суверенитета.

Помня опыт 1917–1920 гг., когда национальная государственность оказалась непрочной из-за того, что не имела широкой поддержки в массах, украинское руководство и общественные организации национального толка основной своей задачей считают создание нации как, во-первых, своей изначальной цели, а во-вторых, как средства укрепления государственности и легитимизации самого существования Украины. Так, в августе 1997 г., спустя шесть лет со дня провозглашения Украины независимым государством, на Втором всемирном форуме украинцев, президент Республики Украина Л.Д. Кучма подчеркнул, что «не только нации создают государства, но и государства – нации»¹. Поэтому основным содержанием политических, экономических, национальных, культурных, языковых процессов, имеющих место на современной Украине, является новый этап строительства украинской нации.

Для решения этой задачи используются вся мощь государственной машины, средства массовой информации, система среднего и высшего образования, научные учреждения гуманитарного профиля. Но дело идет туго. То, что эта важнейшая задача все

еще не решена, Л. Кучма был вынужден констатировать спустя 12 лет независимого государственного существования Украины. «Процессы консолидации украинской нации пока еще далеки от завершения», – признает он, ссылаясь на мнения политологов и социологов, а потому важнейшими для Украины являются проблемы самоидентификации и психологии ее населения. Иными словами, заключает Л. Кучма, «Украину» создали, теперь надо создавать «украинцев»². Комментарий, как говорится, излишни. Методы создания «украинцев» тоже вполне узнаваемы. Об этом, кстати, ясно говорится в книге Л. Кучмы, являющейся квинтэссенцией украинских политико-исторических концепций и приоритетов. «Одна из важных составляющих украинской самоидентификации, – пишет Леонид Данилович, – как раз и заключается в формуле “Украина – не Россия”»³. И не просто «одна из», а самая важная, ключевая – добавим от себя.

Стержнем современного этапа нациостроительства, как и раньше, является изменение сознания и менталитета значительных масс населения Украины. Под ставший вдруг актуальным «новый–старый» идеал началось подстраивание реальной действительности, «подгонка» народа (по крайней мере, его значительной части) под иную, не присущую ей систему ценностей, вытравливание из него любых проявлений и черт «советскости» и «русскости», общерусского духовного единства – т.е. того, что стало одновременно причиной и следствием коррекции украинского национального проекта в 1920–1930-е годы.

Таким образом, политические, национально-государственные и культурные процессы на современной Украине осуществляются на известных принципах «отрицательной доминанты» и противостоятя всему русскому. «Русскому» даже не как «российскому», а как глубинным пластам в сознании и культуре самих украинцев, как способу их мироощущения, отношения к своему историческому пути и духовному опыту. Одним из неперемненных условий строительства украинской нации и государственности является работа по укреплению их «этнического фундамента». Вновь началось реформирование украинского языка, почти точь-в-точь копирующее его предыдущие этапы; вновь началась украинизация населения; борьба с русской культурой и языком; переписывание истории и ее «национализация»; воспитание детей и молодежи на прямолинейных «национальных» концепциях прошлого, формирование у них отношения к России (и всему, что с ней связано) как к чужой и враждебной силе – т.е., повторяются те же самые процессы, явления и шаги, которые имели место в начале XX в. и в 1920-е годы.

Опорой новой ментальности, новой морали, новому историческому сознанию должны служить национальные ценности, более близкие западным, а не восточным украинцам. «Очищению» от русскости и советскости как системы мировоззренческих и духовных ценностей, как способа самоопределения человека в мире, и перестройке на «национальных» принципах способствуют новые социально-экономические условия – построение буржуазного общества с присущими ему принципами частной собственности, индивидуализма, социального неравенства и несправедливости. Иными словами, всего того, что не соответствует историческому сознанию, в том числе национальному, большей части восточных украинцев и более привычно и «нормально» сознанию украинцев западных.

Это «очищение» встречает весьма существенное, но глухое, сопротивление со стороны существующей реальности. Ее важнейшей чертой являются сильные позиции, пока еще занимаемые общероссийским мировоззрением, ценностями, идентичностью, ставших следствием теперь уже советского проекта, так и не реализованного до конца, но, тем не менее, оставившего в сознании восточных украинцев сильный след. Хотя на стороне украинского национализма сейчас сила, динамика становления суверенной Украины (во многом им направляемого), поддержка Запада, невнимание российских властных кругов к этой национальной проблеме и нежелание ее замечать, ход развития Украины еще до конца не определен, и при переменах политической и экономической ситуации в России и мире способен претерпеть большие изменения как в одну, так и в другую сторону.

Но хотя облик национальной общности (заметное «обрусение», появление вместо желанных национальному движению «украинцев» «советских украинцев») был сильно не похож на идеал «национальной» Украины, исходные позиции для новых поколений украинских националистов оказались принципиально иными: украинская государственность, язык, культура, нация уже были созданы – т.е. существовала «национальная форма». Следующим поколениям борцов за украинскую идею уже не надо было их создавать, доказывать их существование – разве что дополнять и «исправлять», исходя из своей оценки исторического процесса. Стоило лишь овладеть национальными формами и придать им такое же национальное, а не социалистическое содержание.

Этому способствовал и продолжает способствовать (и даже определяет) тесно связанный с национальным фактором фактор государственности, взятый на вооружение хозяйственной и политической бюрократией УССР, а теперь Республики Укра-

ина. За годы советской власти этот фактор приобрел ведущее значение. Именно он стал решающим при определении украинской республиканской номенклатурой своего места во время распада Советского Союза и в постсоветское время. Она далеко не всегда мыслила национальными категориями и просто использовала их в своих личных целях, которые при всех вариациях сводятся к одному – власти. Фактор государственности был лишь окрашен в национальные цвета, которые партийно-советская номенклатура позаимствовала у довольно слабого интеллигентского национального движения, придав, тем самым, последнему второе дыхание.

Государственный и национальный факторы составили прочный симбиоз и начали выступать вместе, взаимно дополняя, поддерживая и легитимизируя друг друга. Хотя этот симбиоз и позволяет строить украинскую государственность и украинскую общность, он, тем не менее, объективно препятствует развитию Украины как государства, толкая ее в замкнутый круг противостояния украинскости и русскости и делая ее заложницей умозрительных догм и доктрин.

Действительно, скажем, языковая ситуация на Украине (вытеснение родного для половины населения страны русского языка из системы образования, СМИ и т.д.) никоим образом не способствует укреплению государственности. Русскоязычие вовсе не означает отсутствия уважения к украинскому государству и патриотизма по отношению к Украине. Фактор государственности при определении политической позиции и идентичности в целом играет большую, если не решающую, роль. Постоянное же разделение населения Украины по языковому признаку на граждан первого и второго сорта, упорно провоцируемое различными, в том числе высокопоставленными, националистами, или тактически (скажем, предвыборные) спекуляции на вопросе о языке, приводят к прямо противоположному эффекту и не способствуют принятию миллионами русскоязычных граждан украинской государственности (во имя укрепления которой, якобы, и ведется агрессивная ассимиляционная политика) как «своей». Но стремление построить нацию (причем не как некое согражданство), воплотить в жизнь задачи и идеалы полуторавековой давности, как показывает практика, перевешивают интересы укрепления государственности и стабилизации общества.

Новый этап нациостроительства, толкуемый националистами и взявшей на вооружение национальные лозунги номенклатурой как возвращение к неким «идеальным», «истинным» образцам, по идее должен был бы предусматривать отношение к украин-

ской нации и государственности как к самоценным, самодостаточным величинам, не ограниченными никакими «верхними этажами». Но на самом деле это относится только к «ограничениям», исходящим от России и русскости. К ограничениям суверенитета Украины со стороны блока НАТО, Европейского союза, Всемирной торговой организации, международных финансовых структур, отводящим молодому государству в международной экономической и политической системе не более чем третьестепенный статус, известные круги украинской гуманитарной интеллигенции, государственной элиты и националисты «без портфеля» относятся весьма благожелательно, усматривая в них, прежде всего, гарантии от влияния со стороны России и русскости.

Почему так происходит? Стандартное объяснение, которое приводится наиболее часто – Запад богатый и именно Запад диктует сейчас всему миру свои политические, экономические и нравственные (если их можно назвать таковыми) нормы – верно, но лишь отчасти. Истинные причины лежат глубже – в самом характере украинского национализма, в способе мироощущения и поведенческих нормах украинского движения – в том, что мы назвали *отрицательной доминантой*. Противостояние России и русскости – величина, изначально присущая украинскому национализму. Как ни покажется странным, вопреки внешнему ощущению (а иногда и искреннему убеждению многих националистов), все национально-украинское – государственность, нация, культура, церковь и т.п. – не являются абсолютно самоценными. Это хорошо видно, если взглянуть на проблему с историко-софских позиций, в контексте культурно-философского и политического противостояния Западной цивилизации и Православной Русской цивилизации, которая на протяжении сотен лет и до недавнего времени выступала под политическим знаком Руси–России–СССР⁴. В контексте этого противостояния южнорусский сепаратизм, украинское движение, национально-украинская идея – всего лишь вехи, промежуточные пункты на пути дрейфа осколка (или «отщепенца») одной цивилизации в сторону другой⁵.

Ориентированность украинской системы ценностей «на Запад» была заложена в ней изначально и заключалась в отрицании принадлежности «Украины» и «украинцев» к Русскому миру и причислении их к культурной и политической «Европе» (тут явно прослеживается польский и галицийский след). По мере строительства нации попытки связать движение «прочь от России» с какими-нибудь духовными ориентирами, лежащими не в воспевании «украинских древностей», только усиливались. Отказ от прошлого, разрыв с тысячелетним духовным опытом и историческим

путем (который ярче всего проявился в УАПЦ и современных церковных расколах), утверждение «национальной» идеологии, буржуазное переустройство, оставляет для Украины один путь – на Запад.

Нельзя обойти вниманием и ситуацию в России. Пятнадцатилетний курс советского и российского руководства на «интеграцию» в «цивилизованное сообщество» (т.е. на превращение России из самостоятельного мирового субъекта в часть западной системы), равнодушие к ее стратегическим интересам и, как следствие, утверждение однополярной системы мира, равно как и создание не ориентированной на интересы собственной страны экономической системы, стали причинами слабости и непривлекательности России. Это лишает Украину даже потенциальной возможности для маневра, не может стимулировать естественные для большей части народа Украины пророссийские симпатии и устремления и не дает включиться экономическим рычагам, которые способны нейтрализовать (и с успехом это делали) национально-западническую идеологию.

Ориентированность на Запад украинской гуманитарной и известной части властной элиты, также способствует не строительству «своего», а вхождению в противоположный «лагерь». Кстати, Запад не воспринимает Украину как «свою». Отношение к ней сугубо утилитарное. Оно производно от геостратегических комбинаций, которые в любом их варианте неизменно упираются в «российский вопрос» – в то, какой будет Россия, какую роль она будет играть на просторах Евразии и в мире в целом. К Украине относятся именно как к части России, которую, для ослабления последней и ради укрепления самого Запада и, прежде всего, США, от нее надо оторвать. За примерами не надо далеко ходить. Взять хотя бы такую знаковую в американских политических кругах и весьма почитаемую среди «национально-сознательных украинцев» фигуру, как Збигнев Бжезинский, который с предельной ясностью сформулировал роль Украины в американской «шахматной игре». Она – важный антироссийский геополитический центр на постсоветском пространстве (разумеется, полностью подконтрольный главному «игроку» и его региональным восточноевропейским сателлитам). «Без Украины Россия перестает быть евразийской империей», – утверждает Бжезинский. Само ее существование как независимого государства помогает трансформации России⁶. «Трансформации» – значит, ее «европеизации», отказу от «имперского» прошлого, превращению в «младшего партнера» Запада, как пишет он сам. А иными словами – ее устранению с мировой арены и мирового духовного про-

странства как самостоятельной исторической и политической личности.

Именно в силу такой отводимой ей в новом мировом порядке роли, Украина (в отличие, кстати, от руководимой А.Г. Лукашенко Белоруссии, с которой вынуждены считаться и в Вашингтоне, и в Брюсселе, и в Москве) является не «субъектом» мировой политики, а «объектом», не самостоятельным Игроком, а пешкой в разыгрываемой далеко от Киева мировой «шахматной игре».

Возвращаясь к проблеме украинского национального движения, надо сказать следующее. Национальный фактор в жизни современной Украины имеет не просто важное, а определяющее значение, поскольку именно он призван обосновать законность и необходимость ее существования как независимого государства и нации. Анализ событий последних лет лишний раз доказывает, что нациостроительство на Украине далеко от своего завершения и в обозримой перспективе будет определять ее внутреннюю и внешнюю политику, в том числе состояние российско-украинских отношений. Его незавершенность, генетическая связь между украинской и общерусской системами мировоззрения, специфика нациогенеза восточных и западных украинцев, не говоря уже о всем остальном, накрепко переплетают судьбы России и Украины, делая проблему создания украинской нации, как и развития украинской государственности вообще (хотим мы того или нет), близкой не только для украинской, но и для российской стороны. Все идейные основы и цели украинства будут и дальше использоваться во внутренней и внешней политике окормляемого им государства. А это превращает украинский национализм в серьезный фактор политической действительности, который будет существовать столько же, сколько будет существовать Россия, русское мировоззрение и общерусские ценности.

Москва, 2002–2004 гг.

¹ Цит. по: *Смолин М.* «Украинский туман должен рассеяться, и русское солнце взойдет». Украинофильство в России. Идеология раскола // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М., 1998. С. 20.

² *Кучма Л.Д.* Украина – не Россия. М., 2003. С. 23, 28.

³ Там же. С. 23.

⁴ Это противостояние существует объективно и неизменно находит подтверждение на протяжении всей истории, что было блестяще показано и сформулировано Н.Я. Данилевским в его книге «Россия и Европа», впервые вышедшей еще в 1869 г.

⁵ Подробнее о месте Украины в противостоянии цивилизаций см.: *Мар-*

чуков А. Об Украине, России и даже немножко об Ираке // Россия XXI. 2003. № 3. С. 16–21. См. также статьи всех участников международного круглого стола «Украина, Россия и славизм» в том же номере журнала.

⁶ См. об этом: *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1998. С. 61, 62, 67, 68, 110, 114–115, 126–127, 136–138, 144, 146–148. Впрочем, сравнения с шахматной доской не очень логичны: в шахматы в одиночку обычно не играют.

Источники и литература

Архивные документы

Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАОО У)

Ф. 1 (ЦК КП(б)У). Оп. 20. Д. 135, 442, 845, 984, 985, 998, 1040, 1072, 1073, 1074, 1124, 1203, 1240, 1262, 1276, 1642, 1646, 1650, 1703, 1736, 1772, 1811, 1846, 1976, 1984, 1999, 2006, 2112, 2122, 2180, 2212, 2239, 2242, 2245, 2250, 2252, 2255, 2256, 2259, 2260, 2315, 2316, 2318, 2336, 2338, 2425, 2442, 2443, 2456, 2522, 2523, 2524, 2573, 2631, 2673, 2683, 2688, 2689, 2800, 2815, 2894, 2920, 2928, 2994, 3021, 3066, 3108, 3184, 3192.

Оп. 16. Д. 1, 2.

Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО У)

Ф. 3984 (Украинская автокефальная православная церковь)

Оп. 1. Д. 5–6, 18, 20, 29, 31, 38, 92, 102, 105, 117, 156, 183, 187, 248, 274, 281, 287, 288, 294, 359, 366, 403, 409, 428, 452, 503.

Оп. 3. Д. 22, 26, 102, 103, 120, 121, 168, 169, 173, 222, 223, 235, 236, 253, 255, 257, 266, 310, 372, 459, 473, 513, 666, 711, 712.

Оп. 4. Д. 130, 156.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 81 (Л.М. Каганович). Оп. 3. Д. 34, 113, 120, 121, 122, 124, 127, 130, 132, 135.

Ф. 17 (ЦК КПСС). Оп. 3. Д. 42, 50, 55, 63, 65, 206, 292, 459, 480, 497.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. Р-3431 (Всероссийский поместный собор РПЦ). Оп. 1. Д. 166, 167.

Периодические издания

Більшовик України. 1926–1939.

Голос Православної України. 1925.

Известия. 1935–1936.

Правда. 1932–1938.

Церква й Життя. 1927–1928.

Опубликованные источники

- В.І. Ленін про Україну. Київ, 1977. 1917–1922.
- ВУНК в 1921 році. Загальні завдання і структура ВУНК // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 1995. № 1/2. С. 69–85. Підгот. до друку Є. Скляренко.
- ВЧК–ГПУ: док. и материалы. М., 1995.
- Генерал-хорунжий армії УНР. Невідома біографія Ю. Тютюнника // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 1998. № 1/2. С. 24–56. Публ. О. Божка.
- Гражданская война на Украине (1918–1920): сб. док. Киев, 1967.
- Двенадцатый съезд РКП(б): стеногр. отчет. М., 1968.
- Декреты Советской власти: в 12 т. М., 1957.
- Документи трагічної історії України (1917–1927 рр.). Київ, 1999.
- XI Екатеринославская губернская партийная конференция: стеногр. отчет. Екатеринослав, 1923.
- З матеріалів «Окремої папки»: документи вищого керівництва України // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 1995. № 1/2. С. 90–94. Підгот. до друку Р. Пиріг, Н. Маковська.
- Законодавство про релігійні культу. Київ, 1973.
- Записка об украинском движении за 1914–1916 годы с кратким очерком истории этого движения как сепаратистско-революционного течения среди населения Малороссии // «Украинская» болезнь русской нации. М., 2004. С. 105–174.
- Звіт – доповідь про діяльність київського губернського відділу ДПУ за 1923 рік // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 1997. № 1–6. С. 303–332. Підгот. до друку П. Кулаковський.
- Итоги и ближайшие задачи проведения национальной политики на Украине. М., 1933.
- Колективізація і голод на Україні. 1929–1933: зб. док. і матеріалів. Київ, 1993.
- Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983.
- Коммунистическая партия Украины в резолюциях и решениях съездов и конференций: в 2 ч. Киев, 1958, 1976.
- Конституции и конституционные акты РСФСР 1919–1959: сб. док. М., 1940.
- Конституция (Основной закон) СССР. Конституции (основные законы) союзных и автономных советских социалистических республик. М., 1960.
- Краткий курс истории ВКП(б). М., 1938.
- Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории советских конституций. М., 1987.
- Мартирологія українських церков: док., мат., христ. самвидав України. Торонто; Балтимор, 1989. Т. 1: Українська православна церква.
- Национальная политика ВКП(б) в цифрах. М., 1930.
- Національні відносини в Україні у ХХ ст.: зб. док. і матеріалів. Київ, 1994.

- Національні процеси в Україні: історія і сучасність: док. і матеріали: в 2 ч. Київ, 1997.
- Отчет ВУЧК о деятельности за 1921 год VI Всеукраинскому съезду Советов // Сборник отчетов Всеукраинского центрального исполнительного комитета, Совета народных комиссаров, наркоматов и центральных учреждений УССР VI Всеукраинскому съезду Советов, РКК депутатов. Харьков, 1921.
- Отчет о полугодичной деятельности ГПУ УССР (январь–июнь 1922 года) // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 1997. № 1/2.
- Отчет рабоче-крестьянского правительства Украины за 1923–1924 гг. к 9-му Всеукраинскому съезду Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Киев, 1925.
- Перший український просвітньо-економічний конгрес. Львів, 1910, 1911.
- Під софітами секретних спецслужб. Документи з папки – формуляра на О.П. Довженка // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 1995. № 1/2. С. 235–280. Подгот. В. Топик.
- «По решению правительства Союза ССР...» Депортация народов: док. и материалы. Нальчик, 2003.
- Подкур Р.* За повідомленням радянських спецслужб. Київ, 2000.
- Пристайко В.* Жертви більшовицького терору. Як ДПУ боролася з української академічною наукою // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 1994. № 1. С. 70–88.
- Самостійна Україна: зб. програм укр. політ. партій початку ХХ століття. Тернопіль, 1991.
- Собор Православной российской церкви. 1917–1918. Деяния Священно-го собора Православной российской церкви. М., 1994. Т. 4.
- Собрание законов и распоряжений правительства СССР. 1934. № 26.
- «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении дел в стране (1922–1934 гг.). М., 2001–2004. Т. 1–4, 6, 7.
- Советская деревня 20–30-х годов глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД: в 3 т. М., 1998.
- Спілка Визволення України: стеногр. звіт судового процесу. Б. м., 1931.
- Стенографический отчет Восьмой киевской губернской конференции КП(б)У. Киев, 1923.
- Тайны национальной политики ЦК РКП: стеногр. отчет секретного IV совещания ЦК РКП. 1923 г. М., 1992.
- Українська контрреволюція сама про свою роботу: з стенографії суду над СВУ. Харків, 1930. Вип. 2.
- Українська автокефальна православна церква. Собор 1-й. 1921 . Діяння Всеукраїнського православного собора в м. Київ 14–30 жовтня н. с. 1921. Київ, 1927.
- Українські політичні партії кінця ХІХ – початку ХХ ст.: програмові і довідкові матеріали. Київ, 1993.
- Шаповал Ю.* «Я помилявся, взявши на себе провину»: до 90-річчя М.С. Волобуєва – Артьомова // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД– КГБ. 1994. № 1. С. 104–110.
- Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В.* ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, док. Київ, 1997.

Труды руководителей Советского государства*

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23, 25, 40, 45.

Сталин И.В. Соч. М., 1946–1951. Т. 2, 3, 5, 8, 12, 13.

Затонский В.П. Итоги ноябрьского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) и задачи работников просвещения. Харьков, 1934.

Затонський В. Національно-культурне будівництво і боротьба проти націоналізму. Харків, 1934.

Калинин М.И. Избр. произв. М., 1960.

Косиор С.В. Итоги и ближайшие задачи проведения национальной политики на Украине: докл. на Ноябрьском объединенном пленуме ЦК и ЦКК КП(б)У. М., 1933.

Ларин Ю. Об извращениях при проведении национальной политики // Большевик. 1926. № 23/24. С. 50–58; 1927. № 1. С. 59–69.

Лебедь Д.З. Советская Украина и национальный вопрос за пять лет. Харьков, 1924.

Постышев П.П. Мобилизовать массы на хлебосдачу: речь на Пленуме ЦК КП(б)У 10 июня 1933 г. М., 1933.

Раковский Х.Г. Союз Советских Социалистических Республик: новый этап в советском культурном строительстве. Харьков, 1923.

Скрипник М.О. Статті і промови. Харків, 1930.

Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 1990.

Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990.

Хвилья А. Национальный вопрос на Украине. Харьков, 1926.

Материалы личного характера, труды участников событий и мемуары

Аршинов П. История махновского движения. Запорожье, 1995.

Винниченко В. Відродження нації. Київ; Відень, 1920.

Гордеев И. Махно: от «единого анархизма» к стопам румынского короля. Киев, 1924.

Григоренко П. В подполье можно встретить только крысы... М., 1997.

Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины. М., 2001.

Грушевский М.С. Освобождение России и украинский вопрос. СПб., 1907.

Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. Киев, 1990.

Грушевський М.С. З біжучої хвилі: статті й замітки на теми дня. 1905–1906. Київ, 1907.

Грушевський М.С. Хто такі Українці і чого вони хочуть. Київ, 1917.

Дорошенко В. Революційна Українська партія. Львів, 1921.

Драгоманов М.П. Опыт украинской политико-социальной программы. Женева, 1884.

Драгоманов М.П. Вибране: ...мій задум зложити очерк історії цивілізації на Україні. Київ, 1991.

* В список не включены работы, опубликованные в периодических изданиях.

Евлогій (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994.

Єфремов С. Щоденники. 1923–1929. Київ, 1997.

Зеньковский В, протопресвітер. Пять месяцев у власти (15 мая–19 октября 1918 г.): восп. М., 1995.

Короленко В.Г. Земли! Земли! Мысли, воспоминания, картины/ публ. и коммент. П.И. Негретова // Новый мир. 1990. № 1. С. 168–200.

Липківський В., митрополит. Відродження церкви на Україні. Торонто, 1959.

Лотоцький О. Сторінки минулого. Варшава, 1932.

Мазепа І. Україна в огні і бурі революції 1917–1921. Київ, 2003.

Махно Н. Воспоминания. М., 1992.

Митрополит Іларіон. Любімо свою Українську православну церкву. Ідеологія Української автокефальної православної церкви. Вінніпег, 1993.

Митрополит Іларіон. Хвалімо Бога українською мовою. Київ, 1993.

Нация и империя в русской мысли начала XX века: сб. М., 2004.

Нечуй-Левицький І. Криве дзеркало української мови. Київ, 1912.

Потієнко В. Відродження ієрархії УАПЦ. Новий Ульм; Німеччина, 1971.

Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996.

Хвильовий М. Україна чи Малоросія? Київ, 1993.

Христюк П. Замітки і матеріали до історії української революції. 1917–1920 рр. Відень, 1921.

Чикаленко Є. Спогади (1861–1907). Київ, 2003.

Чикаленко Є. Щоденник (1907–1917). Львів, 1931.

Шульгин В.В. Дни. 1920 год. М., 1989.

Литература

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализмов. М., 2000.

Андрусисин Б. Церква в Української державі. 1917–1920 рр. (Доба Діректорії УНР). Київ, 1997.

Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1938–2002. М., 2003.

Бахтурина А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000.

Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1998.

Бойко Е.Д. Украинская интеллигенция и революция. Общее и особенное // Украина в 1917–21 гг.: некоторые проблемы истории. Киев, 1991. С. 217–248.

Бондаренко Д., Крестовская Н. Украинской вопрос в Государственной думе (1906–1917 гг.) // Россия XXI. 2001. № 6. С. 92–117.

- Борисенко Е.А.* Кулацкие слои украинской деревни в условиях дифференциации крестьянского хозяйства в конце 20-х гг. // Харьковский университет (Вестник). Харьков, 1992. № 363. Вып. 26. С. 21–30.
- Борисёнок Е.Ю.* Проблема украинизации во второй половине 1920-х годов и Л.М. Каганович // Славяноведение. 2001. № 5. С. 3–13.
- Бурко О.* Українська автокефальна православна церква – вічне джерело життя. Саунд-Бавнд-Брук, 1988.
- Ваганян В.* О национальной культуре. М.; Л., 1927.
- Вдовин А.И.* Российская нация. Национальные проблемы XX века и общенациональная российская идея. М., 1995.
- Вдовин А.И.* Эволюция национальной политики СССР 1917–1941 гг. // Вестн. МГУ. 2002. Сер. 8. История. № 3. С. 3–54.
- Верменич Я.В., Слюсаренко А.Г.* Політика коренизації в Україні (20–30-ті): досвід і урок // Теоретичні проблеми відчизняної історії, історіографії та джерелознавства. Київ, 1993. С. 33–44.
- Верстюк В.Ф., Дзюба О.М., Репринцев В.Ф.* Україна від найдавніших часів до сьогодення: хронол. довідник. Київ, 1995.
- Власовський І.* Наріс історії Української православної церкви. Нью-Йорк; Київ; Саунд-Бавнд-Брук, 1990. Т. 4, ч. 1.
- Волковинский В.Н.* Махно и его крах. М., 1991.
- Волковинський В.М., Кульчицький С.В.* Християн Раковський: політ. портрет. Київ, 1990.
- Гамрецький Ю.М.* Интеллигенция и революция на Украине // Интеллигенция и революция. XX век. М., 1985. С. 183–192.
- Ганжа О.І.* Опір селян становленню тоталітарного режиму в УРСР. Київ, 1996.
- Гермайзе Й.* Нариси з історії революційного руху на Україні. Київ, 1926.
- Гилицинский А.* Состояние КП(б)У к пятилетию Октябрьской революции // Октябрьская революция. Первое пятилетие. Харьков, 1922. С. 167–183.
- Голиков А.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР, 1917–1925. 4-е изд. М., 1986.
- Голод – геноцид 1933 року в Україні: історико-політологічний аналіз соціально-демографічних та морально-психологічних наслідків: міжнародна науково-теоретична конференція. Київ, 28 листопада 1998 року: матеріали. Київ; Нью-Йорк, 2000.*
- Голод 1932–1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. Київ, 1990.*
- Голодомор 1932–1933 років в Україні: причини і наслідки: міжнародна наукова конференція. Київ, 9–10 вересня, 1993: матеріали. Київ, 1995.*
- Голубев С.* Идеология русского национализма в сознании окраинных людей (начало 20 в.) // Третий Рим. М., 1994. № 1. С. 51–55.
- Грациози А.* Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 годы. М., 1997.
- Гунчак Т.* Україна: перша половина XX століття. Київ, 1993.
- Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 2003.

- Даниленко В.М., Касьянов Г.В., Кульчицький С.В. Сталінізм на Україні: 20–30-ті роки. Київ, 1991.
- Держава і українська інтелігенція (деякі проблеми взаємовідносин у 20-х – на початку 30-х рр. Київ, 1990.
- Дмитренко М.Ф., Маркова О.Е. Адміністративно-територіальний поділ Української РСР з 1917 по 80-ті роки ХХ ст. // Історико-географічні дослідження на Україні. Київ, 1992. С. 3–13.
- Донцов Д. Історія розвитку української державної ідеї. Київ, 1991.
- Донцов Д. Націоналізм. Львів, 1926.
- Дубнов С.М. Краткая история евреев. М., 1996.
- Емельянов Ю.В. Троцкий. Мифы и личность. М., 2003.
- Євселовський Л.І., Фарина С.Я. «Просвіта» в Наддніпрянській Україні: іст. нарис. Київ, 1993.
- Єленський В.І., Паталай О.І. Партія все виправляє, призначає і буде за одним принципом: Національні проблеми в радянської церковної політиці в Україні // Людина і світ. 1992. № 2. С. 38–42.
- Євдокименко В.Ю. Критика ідейних основ буржуазного націоналізму. Київ, 1968. Вид. 2.
- Євдокименко В.Ю., Ігнатов В.О. Націоналізм і нації. Київ, 1992.
- Єфіменко Г. Національно-культурна політика ВКП(б) щодо Радянської України (1932–1938). Київ, 2001.
- Жуков Ю. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2003.
- Зінченко А.Л. Благовістя національного духу. Українська церква на Поділлі в першій третині ХХ ст. Київ, 1993.
- Зінченко А. Визволитися вірою. Життя і діяння митрополита Василя Липківського. Київ, 1997.
- Іванов Л.М. Революция 1905–07 гг. на Украине // Революция 1905–07 гг. в национальных районах России. М., 1955.
- История России. ХХ век / под ред. А.Н. Сахарова: в 3 т. М., 1997.
- Історія робітничого класу Української РСР: у 2 т. Київ, 1967.
- Історія селянства Української РСР: у 2 т. Київ, 1967.
- Історія Української РСР. Київ, 1977. Т. 5, 6.
- Калініченко В.В. Селянське господарство України в період непу. Харків, 1997.
- Каппелер А. Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад. М., 1997.
- Касьянов Г. Теорії нації та націоналізму. Київ, 1999.
- Касьянов Г.В. Українська інтелігенція на рубежі ХІХ–ХХ ст.: соц.-політ. портрет. Київ, 1993.
- Касьянов Г.В. Українська інтелігенція 1920-х – 30-х років: соц. портрет та історична доля. Київ, 1992.
- Касьянов Г.В., Даниленко В.М. Сталінізм і українська інтелігенція (20–30-ті роки). Київ, 1991.
- Ковба Ж.М. «Просвіта» – світло, знання, добро і воля українського народу (до 125 – річчя зі дня заснування). Дрогобич, 1993.

- Кокін С.А., Мовчан О.М. Ліквідація більшовиками правесеровської і меншовицької опозиції в Україні в 1920–24 рр. Київ, 1993.
- Комуністична партія України: з'їзди і конференції. Київ, 1991.
- Коновець О.Ф. Просвітницький рух в Україні (XIX – перша третина ХХ ст.). Київ, 1992.
- Костюк Г. Сталінізм в Україні (генеза і наслідки). Київ, 1995.
- Котов В.И. Народы союзных республик СССР. 60–80-е годы: этнодемогр. процессы. М., 2001.
- Кошелівець І. Микола Скрипник. Київ, 1993.
- Кравченко Б. Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ століття. Київ, 1997.
- Кручек О.А. Становлення державної політики УРСР у галузі національної культури (1920–23 рр.). Київ, 1996.
- Кубанин М. Махновщина. Крестьянское движение в степной Украине в годы Гражданской войны. Л., 1927.
- Кукушкин Ю.С. Осуществление сельскими советами политики ликвидации кулака как класса // Вестн. МГУ. 1966. Сер. 9. История. № 4. С. 26–36.
- Кульчицький С.В. Керівні органи Центрального Комітету КПРС: персональний склад на кінець кожного року. Київ, 1990.
- Кульчицький С.В. Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919–1928). Київ, 1996.
- Кульчицький С.В. Україна між двома війнами (1921–1939 рр.). Київ, 1999.
- Курас І.Ф. Торжество ленинских идей пролетарского интернационализма и крах мелкобуржуазных партий на Украине: дис. ... д-ра ист. наук. Киев, 1980.
- Курас І.Ф., Овдієнко П.П. О.Я. Шумський у роки Жовтня і громадянської війни. Еволюція поглядів і політична діяльність // Укр. іст. журн. 1990. № 42. С. 105–116.
- Курас І.Ф., Полушкіна В.О. До питання про політичний і організаційний крах українських буржуазно-націоналістичних партій (1917–1920 рр.) // Наукові праці з історії КПРС. 1968. Вип. 22.
- Кучер О.О. Розгром збройної внутрішньої контрреволюції на Україні в 1921–1923 рр. Харків, 1971.
- Леценко В.М. Українське село в революції 1905–07 рр. Київ, 1977.
- Лисяк-Рудницький І. Історичні есе: в 2 т. Київ, 1994.
- Лосский Н.О. Украинский и белорусский сепаратизм // Третий Рим. М., 1994. № 1. С. 42–44.
- Лотоцький О. Українські джерела церковного права. Варшава, 1931.
- Майстренко І. Історія Комуністичної партії України. Сучасність, 1979.
- Машкін М. Освітня політика в УРСР. Київ, 1923.
- Марк фон Хаген. Имеет ли Украина историю? // Ab ipregio. 2000. Казань, 2000. С. 37–51.
- Марчуков А. А был ли «голодомор»? Или непопулярные мысли об одном политическом брэнде // Россия XXI. 2004. № 6. С. 124–143.

- Марчуков А.В.* Движение за автокефалию православной церкви на Украине и украинское национальное движение в 1917–1919 годах // Мир истории. 2000. № 3.
- Марчуков А.* Движение за создание Украинской автокефальной православной церкви в 1920–начале 1921 годов // Богословский сборник. М., 2001. Вып. 8. С. 395–412.
- Марчуков А.* Еврейское крестьянство: миф или реальность? Еврейская сельскохозяйственная колонизация. Проблемы межнациональных отношений в УССР в 1920-е годы // Россия. Век XXI. 2002. № 4. С. 102–115.
- Марчуков А.* Об Украине, России и даже немножко об Ираке // Россия XXI. 2003. № 3. С. 16–21.
- Марчуков А.* Маленький мир с маленькими людьми. Советский политический анекдот в дневниках украинского литератора // Родина. 2002. Февр. С. 81–85.
- Марчуков А.* Украина и русинское движение. Диалог или конфронтация? // Россия XXI. 2002. № 1. С. 48–65.
- Марчуков А.* Украинская автокефальная православная церковь: возникновение и особенности внутреннего устройства (1921–1922 годы) // Богословский сборник. М., 2002. Вып. 10. С. 320–336.
- Марчуков А.В.* Украинское национальное движение и проблема Переяславской рады: взгляды и оценки (XIX–XX вв.) // Русско-украинские отношения в XVII–XVIII вв.: к 350-летию Переяславской рады: сб. статей / отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2006.
- Мельгунов С.П.* Красный террор в России. 4-е изд. Нью-Йорк, 1989.
- Мельниченко В.Е.* Был ли Раковский конфедералистом? // Вопр. истории КПСС. 1989. № 7. С. 112–124.
- Мельниченко В.Е.* Раковский против Сталина. М., 1991.
- Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб., 2000.
- Михутина И.В.* «Украинский вопрос» в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003.
- Нарис історії «Просвіти». Львів; Краків; Париж, 1993.
- Нариси з історії українського національного руху. Київ, 1994.
- Нариси історії Комуністичної партії України. Київ, 1971. Вид. 3.
- Нарочницкая Н.* Россия и русские в мировой истории. М., 2003.
- Население России в XX веке: ист. очерки. М., 2000. Т. 1: 1900–1939 гг.
- Нации и национализм. М., 2002.
- Националізм. Антологія. Київ, 2000.
- Национализм (взгляд из-за рубежа). М., 1995.
- Национализм: теория и практика. М., 1994.
- Национализм и формирование наций. Теории–модели–концепции. М., 1994.
- Национальная политика России: история и современность. М., 1997.
- Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1997.

- Нестеренко А.А.* Очерки истории промышленности и положения пролетариата Украины в конце XIX и начале XX века. М., 1954.
- Новохатько Л.М.* Проблеми соціально-економічного і культурного розвитку України в контексті національної політики (20–30-ті рр. XX ст.). Київ, 1998.
- Петров В.* Діячі української культури (1920–1940 рр.). Жертви більшовицького терору. Київ, 1992.
- Пилипенко С.* Украинская интеллигенция и Советская власть // Октябрьская революция. Первое пятилетие: сб. Харьков, 1922. С. 237–257.
- Платонов О.А.* Терновый венец России: история русского народа в XX веке. М., 1997.
- Політичний терор і тероризм в Україні. XIX – XX ст.: іст. нариси. Київ, 2002.
- Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания Гражданской войны. Территория и население. М., 1986.
- Попов Н.Н.* Очерк истории КП(б)У. 5-е изд. Харьков, 1933.
- Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.
- Прилуцький В.І.* Небільшовицькі молодіжні об'єднання в УСРР в 20-ті роки. Київ, 1993.
- Пристайко В.І., Шаповал Ю.І.* Михайло Грушевський і ГПУ–НКВД: трагічне десятиліття: 1924–1934. Київ, 1996.
- Пристайко В., Шаповал Ю.* Михайло Грушевський: Справа «УНЦ» і останні роки (1931–1934). Київ, 1999.
- Пристайко В., Шаповал Ю.* Справа «Спілки визволення України»: невідомі документи і факти. Київ, 1995.
- Рабочий класс – ведущая сила интернационального единства советского народа. М., 1981.
- Равич-Черкасский М.* История Коммунистической партии (большевик) Украины. Харьков, 1923.
- Репресоване «відродження»: зб. статей. Київ, 1993.
- Россия в XX веке: проблемы национальных отношений. М., 1999.
- Россия–Украина: история взаимоотношений: сб. статей. М., 1997.
- Рубльов О.С., Реент О.П.* Українські визвольні змагання, 1917–1921 рр. Київ, 1999.
- Русский народ: историческая судьба в XX веке. М., 1993.
- Русское население национальных окраин России. XVII – XIX вв. М., 2000.
- Сарбей В.Г.* Національне відродження України. Київ, 1999.
- Сарбей В.Г.* Проблемы истории национальных движений: современный взгляд // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 704–708.
- Святец Ю.А.* Богач, бедняк. Был ли кулак в украинском селе в годы нэпа? // Круг идей: развитие исторической информатики. М., 1995. С. 453–469.
- Семанов С.* Махновщина и ее крах // Вопр. истории. 1968. № 4. С. 37–60.
- Семанов С.Н.* Махно. Подлинная история. М., 2001.

- Сеняевский А.С.* Урбанизация России в XX веке. Роль в историческом процессе. М., 2003.
- Силницкий Ф.* Национальная политика КПСС в период с 1917 по 1922 год. 2-е изд. Сучасність, 1981.
- Соколова М.В.* Великодержавность против национализма. Временное правительство и украинская Центральная рада (февраль–октябрь 1917) // Исследования по истории Украины и Белоруссии. М., 1995. С. 117–129.
- Солдатенко В.Ф.* Українська революція. Київ, 1997.
- Соловей Д.В.* Втрата орієнтиру – українська інтелігенція у визвольних змаганнях. Київ, 1998.
- Танин-Львов А.А.* УСДРП: организационно-идеологическая характеристика // История национальных политических партий России: материалы международной конференции. Москва 21–22 мая 1996 г. М., 1997 С. 154–163.
- Ткачова Л.І.* Інтелігенція Радянської України в період побудови основ соціалізму. Київ, 1985.
- Украина и Россия: общества и государства. М., 1997.
- «Украинская» болезнь русской нации. М., 2004.
- Украинская государственность в XX веке: ист.-политол. анализ. Киев, 1996.
- Украинский сепаратизм в России: идеология национального раскола. М., 1998.
- Українська ідея: іст. нарис. Київ, 1995.
- Українське питання. Київ, 1997.
- Ульянов Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996.
- Ульяновський В.* Церква в Українській державі. 1917–1920 рр. (Доба Гетьманата Павла Скоропадського). Київ, 1997.
- Ульяновський В.* Церква в Українській державі. 1917–1920 рр. (Доба Української Центральної Ради). Київ, 1997.
- Формирование социалистических наций в СССР. М., 1962.
- Формування української нації: історія та інтерпретації: матеріали круглого столу істориків України. Львів, 1995.
- Хлебовчик Ю.* Роль и функции двуязычия в процессе формирования наций // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1991. С. 102–121.
- Чирко В.А.* Крах ідеології та політики націоналістичної партії укапівців // Укр. іст. журн. 1968. № 12. С. 24–35.
- Чмырь С.Г.* Украинская демократическо-радикальная партия: генезис, программа, тактика (90-е годы XIX в. – 1909 г.) // История национальных политических партий России: материалы международной конференции. Москва 21–22 мая 1996 г. М., 1997. С. 146–153.
- Шаповал Ю.І.* Україна 20–50-х років: сторінки ненаписаної історії. Київ, 1993.
- Шляхи розвітку української пролетарської літератури: літ. дискусія (1925–1928): зб. матеріалів. Харків, 1928.
- Шпорлюк Р.* Імперія та нації. Київ, 2000.

- Шубин А.В.* Махно и махновское движение: док. исслед. М., 1998.
- Щёголев С.Н.* История «украинского» сепаратизма. М., 2004.
- Щёголев С.Н.* Современное украинство. Его происхождение, рост и задачи. Киев, 1913.
- Яковенко Д.Д.* Высшие органы государственной власти Украинской ССР в условиях строительства социализма (1917–1937). Киев, 1975.
- Gellner E.* Thought and Change. L., 1964.
- Seton-Watson H.* Nations and States. An Enquiry into the origins of Nations and the Politics of Nationalism. L., 1977.

Список сокращений

- АО – Акционерное общество
БОПУПАЦ – Братское объединение приходов Украинской православной автокефальной церкви
ВУД – Братство украинской державности
ВАПЛИТЕ – Вольная академия пролетарской литературы
ВВЦ – Всеукраинский боротьбистский центр
ВИМЛ – Всеукраинский институт Маркса–Ленина
ВОХР – Войска внутренней охраны республики
ВПЦР – Всеукраинская православная церковная рада
ВПЦС – Всеукраинский православный церковный собор
ВУАМЛИН – Всеукраинская ассоциация марксистско-ленинских институтов
ВУАН – Всеукраинская академия наук
ВУЦИК – Всеукраинский центральный исполнительный комитет
ВУЧК – Всеукраинская чрезвычайная комиссия
ВЦКНА – Всесоюзный центральный комитет нового алфавита
ГИЗ – Государственное издательство
ГПУ – Государственное политическое управление
ГУЛАГ – Главное управление лагерей
ЕКО – Еврейское колонизационное общество
ЕС – Европейский союз
ЗАГС – Запись актов гражданского состояния
ЗУНР – Западно-Украинская народная республика
ИККИ – Исполнительный комитет Коммунистического интернационала
ИНО – Институт народной освіти
КДА – Киевская духовная академия
КЕЭ – Краткая еврейская энциклопедия
КМО – Кирилло-Мефодиевское общество
КНС – Комитет незаможных селян
КПЗУ – Коммунистическая партия Западной Украины
ЛКСМУ – Ленинский коммунистический союз молодежи Украины
ЛНВ – Литературно-науковий вісник
МАРС – Мастерская революционного слова
МВД – Министерство внутренних дел
НАТО – Североатлантический оборонительный союз
НК – Народный комиссариат
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКИД – Народный комиссариат иностранных дел
НКПр – Народный комиссариат просвещения
НТШ – Научное общество (товариство) им. Шевченко

- НУП – Народная украинская партия
- ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
- ОРТ – Общество ремесленного и земледельческого труда
- ОУН – Организация украинских националистов
- ПБ – Политбюро
- ПВА – Волянская повстанческая армия
- ПК – Повстанческий комитет
- ПО – Производственное объединение
- РАТАУ – Радиотелеграфное агентство Украины
- РГО – Русское императорское географическое общество
- РКИ – Рабоче-крестьянская инспекция
- РПЦ – Русская православная церковь
- РУП – Революционная украинская партия
- СВУ – Союз вызволения Украины
- СНК – Совет Народных Комиссаров
- СНХ – Совет народного хозяйства
- СПП – Союз православных приходов
- СРН – Союз русского народа
- ТУП – Общество (Товариство) украинских прогрессистов
- УАИ – Украинская академия искусств
- УАН – Украинская академия наук
- УВО – Украинская войсковая организация
- УГА – Украинская галицкая армия
- УАПЦ – Украинская автокефальная православная церковь
- УДРП – Украинская демократическо-радикальная партия
- УКА – Украинская красная армия
- УКП – Украинская коммунистическая партия
- УКП(б) – Украинская коммунистическая партия (боротьбистов)
- УКРЮС – Украинский коммунистический рабочий юношеский союз
- УНДО – Украинское национально-демократическое объединение
- УНР – Украинская Народная Республика
- УНСМ – Украинско-националистический союз молодежи
- УНЦ – Украинский национальный центр
- УПСР – Украинская партия социалистов-революционеров
- УПСР-к – Украинская партия социалистов-революционеров (коммунистов)
- УПСС – Украинская партия социалистов-самостийников
- УРЕ – Українська радянська енциклопедія
- УСДРП – Украинская социал-демократическая рабочая партия
- УСДРП (н) – Украинская социал-демократическая рабочая партия (независимых)
- УСДРП (н-л) – Украинская социал-демократическая рабочая партия (независимых – левых)
- УТЦ – Украинский троцкистский центр
- ЦИК – Центральный исполнительный комитет
- ЦК – Центральный комитет
- ЦКК – Центральная контрольная комиссия
- ЦПК – Центральный повстанческий комитет
- ЦСУ – Центральное статистическое управление
- ЦЧО – Центрально-Черноземная область
- ЧК – Чрезвычайная комиссия

Указатель имен

- Авдиенко Ю. 364, 367, 372, 501
Агурский М. 510
Александр I 193
Александр II 72
Аксаков С.Т. 63
Амборцевич 162
Андерсон Б. 18
Андрусишин Б. 45
Антоненко Ф. 214
Антоненко-Давидович Б. 490, 494
Антоний (Храповицкий), митрополит 531
Антонович В.Б. 70, 91, 309
Антонович Д.В. 81, 82
Армстронг Дж. 49
Архангельский 184
Аршинов (Марин) П. 152
- Багалий Д.И. 279
Бадан-Яворенко А. 484
Балицкий В.А. 158, 194, 248, 249, 279, 312, 441, 454, 457, 460, 467, 478
Барвинок А. 67
Бахрушин С.В. 513
Белаш В. 161
Беркман 185
Бернард Шоу 65
Бжезинский З. 570
Блакитный В. 357, 381, 383, 426
Блюм В. 521
Богатыренко 160, 161
Богданов 181
Бойко Е.Д. 46
Бойчук М. 491
Борецкий Н. 294, 303, 469
Борисёнок Е.Ю. 408
- Борисоглебский С. 463
Боровиков 463
Брасс П. 49
Брежнев Л.И. 517
Бродский А. 494
Брожечка В. 462
Букшованный О. 480
Бурба П. 473
Бутлеров А.М. 15
Бухарин Н.И. 241, 347, 508–510, 513
- Ваганян В. 334
Валуев П.А. 68
Ванаг И.И. 513
Варейкис И. 370
Вдовин А.И. 515
Вернадский В.И. 91
Вернадский Г.В. 91
Винниченко В.К. 37, 85, 124–126, 132, 141, 269, 364
Виноградов В. 92
Виталий (Максименко), архимандрит 531
Вишня О. (Губенко П.) 490
Власовский И. 45, 282
Вовчок М. (Вилинская-Маркович М.А.) 67, 91
Волобуев М. (Артёмов) 319–325, 327, 328, 332, 336, 398, 404, 498, 505, 556
Волошин 444
Волошиновский И. 273
Востоков (Остенек) А.И. 67
Вороной М. 490
Ворошилов К.Е. 460
Врангель П.Н. 12
Врона 383

- Гаврилюк Я. 182
 Гадзинский 307, 308
 Галак, атаман 161
 Ганжа Е. 47
 Геллнер Э. 18
 Герась, атаман 169
 Гермайзе И. 458
 Гехтер Н. 277
 Гитлер А. 511
 Глоцкий 244
 Глухарёв П. 182
 Голоскевич 467
 Голубович В. 251, 457, 473
 Гонта, атаман 161
 Гордиевский 464
 Городовенко Н. 493
 Греков Б.Д. 513
 Григоренко П. 447, 448
 Григорьев Н.А. 146, 150, 154
 Гринченко Б.Д. 80, 87
 Гринько Г.Ф. 254, 321, 323, 360,
 363, 381, 382, 393, 397, 500, 505,
 526
 Грицак Я. 41
 Грициан Таврический, Грицько
 174
 Грох М. 31, 50
 Грушевский М.С. 26, 37, 41, 49, 70,
 75–77, 86, 88, 89, 114, 124, 125,
 133, 279, 282, 309–314, 360, 382,
 417, 472–475, 483, 501
 Гулый-Гуленко А.А. 37, 101, 151,
 160, 168, 294
 Гунчак Т. 43, 94
 Гупало Д. 163

 Данилевский Н.Я. 571
 Даниленко В.М. 47
 Деникин А.И. 142, 146, 360, 379
 Дивович К. 60
 Довженко А.П. 492, 494, 502, 528
 Доманицкий В. (Диваковский) 79
 Дон Кихот 419
 Донцов Д. (Щелкопёров) 5, 119,
 279, 334, 484
 Донцов, рабочий 209
 Дорошенко В.В. 41, 83, 119

 Достоевский Ф.М. 510, 514
 Драгомирецкий А. 364, 368, 425,
 501
 Драгоманов М.П. 62, 70, 72, 202,
 493
 Драй-Хмара М. 490
 Дубнов С.М. 178
 Дунька, атаманша 444
 Духинский Ф. 58, 59
 Дыба А. 229
 Дыса П. 229

 Евдокимов Е.Г. 163, 166, 175
 Евлогий (Георгиевский), митро-
 полит 104
 Егунов 463
 Еленский В. 46
 Ерстенюк М. 484
 Ефремов С.А. 37, 41, 59, 92, 124,
 180, 185, 212, 216, 222, 225, 230,
 234, 243, 253, 255, 311, 312, 329,
 413, 418, 419, 458, 459, 461, 463,
 467, 473, 481, 484, 535

 Жарко А. 142
 Жданов А.А. 513
 Житецкий П.И. 67
 Жук А. 119

 Завгородный Л. 163
 Зализняк Н. 119
 Затонский В.П. 315, 340, 382, 477,
 483, 486, 526, 527
 Зелёный (Туптало Д.) 150
 Зеньковский В. 132
 Зеров Н. 489, 490
 Зиновьев Г.Е. 247, 362, 388, 395,
 400, 408, 422
 Зинченко А.Л. 45, 46
 Зиньковский Т. 79
 Золотарёв В. 34, 48

 Ивченко М. 490

 Каганович Л.М. 34, 193, 205, 245,
 253, 347, 374, 400–405, 408, 409,
 418, 423, 476

- Калашняк В. 205
 Калиниченко В.В. 47
 Калинка В. 114
 Каменев Л.Б. 185, 362, 394, 395
 Каппелер А. 16, 17, 28
 Карлсон К.М. 193, 462
 Касьянов Г.В. 41, 46, 47, 107, 252
 Квиринг Э.И. 371, 400
 Киллерог М. 486
 Кинен, профессор 465
 Киров С.М. 513
 Клунный Г. 361
 Ковалёв Л. 501
 Козицкий П.Т. 330
 Колиух Д. 473
 Компаниец Т. 163
 Коновалец Е. 207, 380, 480
 Короленко В.Г. 99
 Коряк В. 500, 526
 Косиор С.В. 334, 380, 423, 460, 477, 497, 498, 526
 Косоногов 207
 Коссак Г. 473
 Костомаров Н.И. 59, 66, 72, 76, 493
 Костюк Г. 43
 Костюшко Л. 164, 165
 Косынка Г. 334, 494
 Котляревский И. 93, 94
 Котов В.И. 520
 Котовский Г.И. 163
 Кравченко Б. 45
 Крестинский Н.Н. 362
 Крук В. 219
 Крымский А. 41, 287, 312
 Кубанин М. 153
 Кудря Д. 501
 Кузьменко Галина (Агафья) 154
 Курлешко 150
 Кулиш П.А. 59, 63, 64, 66
 Кульчицкий С.В. 47, 132, 449–451
 Курбас Л. 491
 Кучер А.Е. 48, 153
 Кучма Л.Д. 565, 566
- Лапчинский Г. 367, 379, 380
 Ларин Ю. (Лурье) 256, 408
- Лебедь Д.З. 38, 242, 252, 276, 293, 368, 385–388, 400, 527
 Левитский Н.Г. 473
 Левицкий 257
 Левченко А. 161, 163
 Ленин В.И. 38, 120, 132, 136, 141–143, 185, 304, 305, 361–363, 373, 374, 377, 379, 397, 414, 485, 503, 511, 515
 Леонтович Н. 269
 Лизановский И. 473
 Липковский В. 37, 283, 288, 291, 292, 295, 302, 303, 469, 470
 Лисица, атаман 162
 Литвинов М. 222
 Лотоцкий А. 285
 Лукашенко А.Г. 49, 571
 Лысяк-Рудницкий И. 42–44
 Любченко Н. 501
 Любченко П.П. 242, 360, 363, 460, 478, 480, 483, 486, 498, 500, 526
 Люксембург Р. 375, 379
- Мазепа И., гетман 76, 493, 513
 Мазепа И.П. 37, 122
 Мазлах С. 379
 Мазуренко Ю. 364
 Майстренко И. 49
 Мануильский Д.З. 38, 242, 380, 384, 422, 483, 485
 Мао Цзедун 346
 Макода Т. 254
 Максимович К. 480, 484, 500
 Маркс К. 304, 511
 Мартос Б.Н. 83
 Марчуков А.В. 46
 Махно Н.И. 12, 37, 141, 142, 144, 145, 148–155, 157, 174, 226
 Меленевский М. 119
 Микешин М. 114
 Миллер А.И. 23, 28, 40, 50, 102, 104
 Милюков П.Н. 89, 120
 Минин К. 514
 Минц И.И. 513
 Мирный, атаман 162
 Мирный П. 67

- Михаил (Александрович Романов) 137
 Михайличенко И. 357
 Михневич 184
 Михновский Н.И. 81–83
 Михутина И.В. 40, 123
 Могилянский М. 95, 96
 Молотов В.М. 451, 476, 524
 Морачевский Ф.С. 66, 67
 Моргун 455
 Мордалевич Ю. 143, 161, 168
 Музычка, профессор 464
 Мусульбас И. 363
- Назарий (Блинов) 286
 Нарочницкая Н.А. 3
 Недава И. 426
 Нечуй-Левицкий И.С. 66, 67, 416, 417
 Нидерле Л. 109
 Никитченко А.В. 67
 Никовский А. 458
 Николай I 60
 Николай II 137, 169, 218
 Нирчук 482
 Новохатько Л. 42
- Овчарук 170
 Огиенко И. (Илларион) 291
 Огоновский Е. 77
 Окнин 245
 Онильченко А. 225
 Орлик, атаман 160
- Павловский И. 470
 Палий, полковник 164
 Панов А. 494
 Парвус (Гельфанд А.Л.) 119, 395
 Парфений (Левицкий), архиепископ 286, 287
 Пащенко В. 46
 Петлюра С.В. 41, 85, 121, 136, 141, 143, 146, 154, 158, 160, 161, 164, 165, 188, 223, 225–227, 245, 254, 360, 364, 459
 Петрик А. 164, 165
 Петровский Г.И. 185
- Петрушевич Е. 129
 Пидмогильный В. 494
 Пилипенко С. 326
 Пилсудский Ю. 227
 Пимен (Пегов), епископ 292
 Пичета В.И. 513
 Подкова, атаман 160
 Подкур Р. 34, 48
 Пожарский Д. 514, 515
 Покровский М.Н. 345, 513
 Полищук В. 494
 Попов Н.Н. 48, 486, 498, 526
 Порайко И. 526
 Потиеенко В. 37, 185, 295, 302
 Порш Н.В. 85, 96, 99
 Постышев П.П. 431, 432, 477, 479, 484, 485, 488, 495, 497–501, 523, 526
 Потєбня А.А. 96
 Пристайко В. 34, 48, 459
 Пулой, доктор 66
 Пушкин А.С. 514
 Пчёлка О. (Драгоманова-Косач О.П.) 67, 95
- Равич-Черкасский М. 48, 354, 356, 394, 500
 Раковский (Станчев) Х.Г. 38, 393–400, 412
 Речицкий А. 364, 367, 368, 372, 425, 500, 501
 Решетняк 349
 Риянкевич 245
 Рудницкий С. 87
 Русов А.А. 41, 91
 Русов М.А. 81
 Русова С.Ф. (Линдфорс) 41, 91
 Русовы (семья) 91, 92
 Руденко Р. 320
 Рыков А.И. 185, 218, 398
- Садовский Н. 279, 364
 Самбурский Ю. 474
 Сарбей В.Г. 41, 42
 Семанов С. 152
 Семён, атаман 444
 Семко-Козачук С. 501

- Сенин 150
 Сетон-Уотсон Х. 50
 Силницкий Ф. 45, 48
 Скоропадский П.П. 128, 130, 132, 140, 143
 Скоропис-Йолтуховский А. 119
 Скрышник Н.А. 38, 336, 363, 369, 377, 384, 391, 393, 397, 406, 409–413, 417–423, 432, 462, 472, 473, 475, 477, 478, 480–488, 497–501, 523, 555, 557
 Слабченко М. 345, 458, 459
 Смит Э. 49
 Соловей Д. 43, 45
 Солодуб П. 480, 484
 Сонов 245
 Срезневский И.И. 67
 Сталин И.В. 35, 38, 49, 218, 242, 248, 362, 374, 382–384, 393–395, 397–400, 402, 404, 405, 407–409, 420, 423, 430, 433–437, 439, 445, 451, 460, 475, 477, 480, 491, 497, 503, 504, 508, 510, 511, 513, 515, 516, 519, 521–526, 538–540, 562
 Старицкая-Черняховская Л. 458
 Стешенко И. 81
 Струк, атаман 160
 Судоплатов П.А. 380
 Сухенко 251
 Теодорович И. 292
 Тепер (Гордеев) И. 152, 154
 Терещенко М. 278, 279
 Тито И.Б. 346
 Тихон (Белавин), патриарх 284, 286, 292
 Ткаченко М. 364
 Толстой Л.Н. 65
 Трофименко (Гамалия) 163
 Троцкий Л.Д. (Троцкий) 38, 119, 132, 182, 185, 218, 333, 362, 374, 375, 393, 395, 397–400, 418, 522, 523
 Турбины 316
 Турянский Р. 480, 500
 Тычина П.О. 330
 Тютчев Ф.И. 514
 Тютюнник Ю. 12, 37, 100, 136, 146, 147, 157, 161–164, 166–168, 175
 Украинка Леся (Косач-Квитка Л.) 81
 Ульянов Н.И. 71
 Ульяновский В.И. 45
 Файнстиль 245
 Филиппович П. 490
 Франко И. 79, 86
 Фрид Д. 500
 Фридлянд Г.С. 513
 Фрунзе М.В. 151, 162, 382, 385, 386
 Хавро, атаман 160
 Хаген фон Марк 104
 Хвелевой Н. 38, 320, 325–336, 385, 386, 398, 404–407, 421, 490, 498, 556
 Хвьяля А.А. 38, 311, 312, 328, 363, 421, 477, 481, 500, 526
 Хиггинс, профессор 65
 Хлебовчик Ю. 109
 Хмара, атаман 159, 161
 Хмельницкий Б. 27, 58, 61, 69, 178
 Хоменко 181
 Христос 281, 287, 288, 469
 Христюк П.А. 37, 132, 473
 Хрущёв Н.С. 526
 Цимбаленко 160
 Цымбалюк 184, 189
 Черчилль У. 434
 Чеховской В. 85, 282, 285, 287, 295, 302, 458, 466–469
 Чечель 473
 Чёрный Ворон, атаман 162
 Чикаленко Е.Х. 93, 94, 273
 Чубарь В.Я. 185, 392, 402, 486
 Чубинский П.П. 69, 72
 Шаповал Н. 269, 279, 404
 Шаповал Ю. 34, 48, 459

- Шараевский Н. 288
Шахлевич 244
Шахматов А.А. 67
Шахрай В. 379
Шварцбарт Ш. 188
Шевченко Т.Г., Кобзарь 24, 29,
61, 62, 100, 114, 223, 294, 300,
304, 493
Шептицкий А. 472
Шкуро А.Г. 153
Шпорлюк Р. 25, 26, 43
Шумский А.И. 38, 234, 255,
307, 320, 357, 363, 371, 391,
400, 402–406, 408, 409, 421,
480, 484, 498, 500, 501, 555,
557
- Щёголев С.Н. 40
Элиза Дулитл 65
Энгельс Ф. 304
Этик Г. 494
- Юринец В. 482
- Яворский М. 313, 314, 345,
473–475, 480, 482, 484, 500
Яковлев А.Я. 524
Яловой М. (Юлиан Шпола) 320,
490
Ярещенко А. 295, 302
Яровой, атаман 161
Ярошевский Б. 81

Указатель географических названий

- Австрийская империя 16
Австро-Венгрия 78, 81, 94, 118
Азия 330
Александровская губерния 156
Америка 417
Англия (Великобритания) 65, 222, 398, 450
Антонинский район 441
Артёмовский округ 202, 209
Архангелка, с. 447
- Базар, местечко 165
Балаклейский район 215, 349
Балтийское море 138
Барвенковский район 223
Белгородская область 203
Белоруссия, Белая Русь 27, 49, 89, 109, 128, 571
Белоцерковский округ 212, 228, 456
Бердянский округ 215
Березнеговатое 185, 219
Ближний Восток 321
Богодуховский уезд 370
Богучарский уезд 257
Большая Александровка 186
Большой Кавказский хребет 87
Большой Фонтан, с. 229
Брест-Литовск 129
Брюссель 571
Будици, с. 100
Бугаевский район 223
Буковина 11, 272
- Варшава 529
Вашингтон 571
Верхний Токмак 155
- Валуйский уезд 257
Великороссия, Великая Русь 27, 60, 64, 76, 107, 109, 140, 141, 149, 153, 154, 178, 355, 360, 416
Винница 295, 320, 459
Винницкий округ, Винничина 460, 467
Волга, р. 95
“Вольния” 65
Волынская губерния, Волынская область, Волынский округ, Вольнь, Западная Вольнь 26, 95, 128, 129, 141, 143, 162, 225, 304, 380, 426, 455, 528, 530, 531
Воронеж 257
Воронежская губерния 128, 129, 203, 231, 411
Восток 329, 333
Восточная Европа 9, 17, 392, 529, 554
Восточная Украина 416, 528, 550
- Галиция, Галичина 9, 11, 58, 73, 74, 78–81, 88, 102, 112, 119, 121, 129, 138, 239, 272, 394, 416, 423, 471, 472, 528, 530–532
Германия, Німеччина 118, 224, 511
Гетманщина 60
Гомель 379
Гуляй-Поле 154, 155
Гуляй-Польский район 153
- Дальний Восток 95, 194, 510
Диевка, с. 274
Диканька, с. 99

- Днепр, р. 144, 156
 Днепропетровск 131, 202, 210, 211, 459
 Днепропетровская область, Днепропетровский округ, Днепропетровщина 441, 448, 455
 Дон, р. 445
 Донбасс 128, 141, 151, 166, 199, 202, 203, 208, 211, 224, 228, 255–257, 296, 371, 373, 377, 378, 450, 452, 481
 Донецкая губерния 156, 190
 Донецко-Криворожская республика 377
 Древняя Русь, Киевская Русь, Русь, Северная Русь, Южная Русь 15, 27, 43, 58, 64, 75–77, 178, 290, 416, 546, 558, 569
 Евразия 514, 570
 Европа 7, 22, 26, 38, 57, 67, 78, 103, 119, 120, 135, 162, 321, 329–333, 336, 394, 407, 408, 417, 421, 430, 494, 529, 569
 Европейская Россия 196
 Европейский Союз 569
 Екатеринослав *см.* Днепропетровск
 Екатеринославская губерния, Екатеринославщина 122, 128, 155, 162, 163, 179, 194
 Житомир 165
 Житомирский округ 224
 Закавказье 398
 Закарпатье 11
 Запад 4, 17, 38, 168, 222, 322, 329, 394, 417, 433, 498, 567, 569, 570
 Западная Европа 17, 103, 106, 178, 202, 527, 529
 Западная область 451, 477
 Западная Украина, ЗУНР 8, 9, 12, 31, 59, 129, 414, 417, 472, 480, 528–530, 532
 Запорожская губерния, Запорожский округ 205
 Запорожская Сечь, Запорожье (регион), Сечь 16, 71, 100, 269, 271, 272
 Збруч р. 257
 Зиновьевский округ 181, 183, 223
 Изюмский округ, Изюмщина 215, 223, 244
 Индия 253, 329, 330
 Италия 73
 Кавказ 4, 83, 106, 138, 194, 375, 505
 Казахстан 413, 449, 505
 Калиновка, г. 181
 Калиновский район 467
 Каменец-Подольский 146
 Каменецкий (Каменец-Подольский) округ 169, 176, 224, 245
 Канев 79
 Карело-Финская ССР, Карельская АССР 539
 Карпаты, Восточные Карпаты 27, 83
 Каспий 87
 Киев 27, 28, 77, 81, 86, 92–94, 124, 127, 128, 130, 131, 141, 142, 165, 180, 202, 203, 207, 208, 225, 228, 286, 289, 302, 316, 329, 371, 378, 571
 Киевская губерния, Киевский округ, Киевщина 128, 141, 161, 163, 179, 181, 213, 225, 228, 295, 299
 Кирилловка 100
 Китай 222, 330, 333
 Княжество Русское 16
 Кондровка, с. 468
 Конопотский округ 230
 Константинополь, Царьград 290
 Копай-город 170
 Коростень 162
 Коростеньский уезд 164
 Кошеватский район 228
 Кременчуг 147, 189
 Кременчугская губерния, Кременчугский округ 162, 163, 443

- Кривой Рог 128, 202, 214
Криворожье 211, 452
Крым 27, 128, 151, 180, 194
Кубань 128, 257, 411, 413, 445, 451, 452, 473
Купянский уезд 370
Курская губерния 128, 129, 231, 411
Кустовцы, с. 444
Кухари, с. 455
- Лебединский уезд 139
Левобережная Украина, Левобережье 27, 97, 141, 144, 151, 155, 156, 161, 162
Лондон 65
Луганский округ, Луганщина 202, 459
Луки, с. 228
Львов 28, 75, 147, 166, 277, 429
Львовский уезд 231
- Малая Русь, Малороссия 26, 27, 57–60, 64, 67, 68, 72, 73, 76, 81, 85, 89, 91, 92, 95, 107, 109, 111, 154
Малиновка 173
Мариупольский округ 189
“Махновия” 154
Мелитопольский округ 186
Мерефянский район 350
Мировая (Всемирная) республика Советов, Земшария 13, 322, 373, 488, 512
Могилёвщина (УССР) 169
Москва, г. 35, 41, 131, 142, 181, 208, 256, 284, 287, 293, 338, 345, 355, 368, 377, 382, 407, 444, 491, 513, 526, 571
Москва (полит.) 56, 60, 68, 221, 249, 253, 256, 257, 271, 278, 290, 294–296, 312, 323, 330, 333, 334, 336, 338, 382, 394, 404, 405, 408, 442, 464, 496, 499, 502, 525
Московия, Московское царство, Московское государство, “Московщина” 58, 82, 84, 145, 331
- Надднепрянина 9
Нижневожский край 468
Николаев 146, 197, 202, 459
Николаевская губерния 156, 160, 163
Новороссия 26, 128, 199, 296, 411
Новоросийск 246
Новороссийская губерния 542
Носовка, с. 275
- Область Войска Донского 128
Овручский уезд 164
Одесса 131, 146, 161, 179, 187, 210, 249, 459, 464
Одесская губерния, Одесский округ, Одещина 156, 163, 224, 229, 278, 441
Онацковцы, с. 444
Ореховский район 448
Османская империя 434
- Палестина 184
Париж 188
Переяслав 249
Петербург, Санкт-Петербург, Петроград 74, 79, 102, 124, 127, 345
Поволжье, Поволжье Среднее, Нижнее 97, 156, 449, 505
Подгорная, слобода 231
Подкарпатская Русь 11
Поднепровье, Среднее Поднепровье 58, 95, 203
“Подолия” 65
Подолье, Подольская губерния, Подольский округ 26, 95, 128, 141, 162, 179, 224, 225, 278, 295, 299, 455, 530
Полесье, Западное Полесье 129, 528
Полтава 93, 94, 244, 459
Полтавская губерния, Полтавский округ, Полтавщина 85, 97, 98, 128, 151, 163, 166, 179, 190, 197, 278, 295, 299, 530
Польша 11, 12, 25–27, 57, 58, 68, 69, 128, 129, 143, 160, 164, 178,

- 206, 227, 228, 254, 257, 380, 411, 420, 441, 463, 492, 493, 504, 529–531, 545, 552
- Поморье 65, 172
- Потсдам 38
- Правобережная Украина, Правобережье 136, 141, 142, 144, 151, 156, 158, 162, 163, 169, 201, 203, 206, 255, 276, 378, 416, 441, 550
- Приазовье 26, 141, 151, 155, 224, 296
- Прилужанский район 225
- Причерноморье 141, 153, 224
- Проскурковский округ 187, 225
- Пьемонт 73
- Раштадт, концлагерь 120
- Речь Посполитая 57, 178, 416
- Ровенская область 530
- Ровно 162
- Россия, Российская Империя, Российская республика, Российская Федерация, РСФСР, Нечернозёмная Россия, Советская Россия (Русь) 3–9, 12–14, 16, 17, 22, 25–30, 34, 35, 38, 41, 43, 49, 57–61, 63, 64, 66–75, 77–83, 85, 86, 89, 90, 94, 95, 98, 102–106, 108, 110–113, 118–124, 126–131, 134, 136–140, 142, 144, 145, 155, 158, 160, 167, 177, 181, 182, 186, 193, 198, 199, 201–203, 206, 207, 210, 215, 219, 221–224, 228, 231, 232, 235, 248, 257, 261, 282, 290, 305, 307, 310–312, 314, 315, 320, 321, 323–325, 328, 330–332, 335, 337, 338, 345, 349, 351, 352, 355, 358, 361, 363, 365, 368, 369, 374, 375, 377–380, 385, 388, 394, 398, 402, 411–413, 417, 418, 422, 433, 437, 439, 442, 449, 451, 452, 461, 462, 465, 471–474, 493, 496, 503–508, 510, 511, 513, 519, 522, 527, 528, 530, 537, 545–547, 552, 553, 555, 556, 558–561, 566, 567, 569–571
- Россошанский уезд 231, 257
- Ростовская губерния 412
- Румыния 160, 412, 420
- Рябушки, с. 139
- Севастополь 246
- Северный Кавказ 449, 451, 452, 476, 477
- Сибирь 95, 97, 172, 194, 257, 449
- Славянск 255
- Слободская Украина, Слобожанщина 26, 97
- “Совдепия” 522
- Советская страна, Страна Советов 143, 181, 193, 236, 404, 437, 438, 507, 508, 527
- Советский Союз, Союз, СССР 3–6, 9, 11–14, 22, 33–36, 38–40, 43, 49, 167, 168, 177, 183, 197, 204, 206, 210, 212–214, 217, 219, 220, 223, 227, 242, 246, 249, 253, 257, 261, 277, 278, 305, 310, 314, 315, 319–325, 330–332, 335, 337, 349, 368, 369, 382, 385, 393–398, 402, 407, 408, 410–412, 417, 418, 422, 423, 431, 433, 434, 437–440, 443–445, 447, 449–451, 453, 456, 460, 465, 470, 474, 476–478, 484, 487, 494, 495, 498–500, 502–524, 526, 527, 529, 532, 539–541, 554, 556–565, 568, 569
- Соединенные Штаты Европы 119
- Соловки 314, 475, 482
- Сосницкий район 184
- Средневожский край 468
- Средняя Азия 375, 505
- Сталинский округ 206
- Старооскольский округ 468
- Суджанская волость 231
- США 7, 446
- Таврия 128
- Таганрог 413
- Таганрогский округ 231, 256
- Тамбовская губерния 398
- Тульская губерния 65
- Тульчинский округ 184

“Туляндия” 65
Туркестан 257
Турция 27

Украина, Украинская Держава, Украинская республика, УНР, УССР, Советская Украина, Республика Украина, “Русь–Украина”, “Русское княжество”, “Великая Украина” 2, 5–12, 20, 22, 25, 31–50, 57–63, 65–67, 69, 70, 73–77, 79–85, 87–89, 91, 92, 95–102, 109, 110, 112–114, 118–120, 122–138, 140–163, 165–170, 173, 177–181, 183, 184, 186–204, 206–208, 210–212, 214–217, 219–224, 226–233, 235–237, 239, 241, 242, 245, 246, 248–254, 256–259, 267–274, 277, 278, 280, 282–285, 287, 288, 290, 292–301, 304, 306–339, 342, 347–355, 357–361, 363–373, 375–387, 389–408, 410–415, 418–420, 422, 424, 430, 432, 434–436, 439–443, 445–459, 461–463, 465–485, 487–503, 505, 506, 513, 517, 518, 523–530, 532, 534, 537, 538, 544–571

Уманский округ 182, 455

Умань 183

Урал, Южный Урал 95, 97, 261, 449

Франция 28

Харьков 81, 208, 210, 214, 256, 257, 371, 373, 411, 457

Харьковская губерния, Харьковский округ, Харьковщина 85, 97, 128, 151, 160, 179, 224, 370, 371

Херсон 146

Херсонский округ, Херсонщина 186, 194, 441, 447

Хмельниччина (регион) 441
Холмщина 104, 129, 530

Центральная Россия 172

Центральная Украина 255, 378, 550

Центрально-Чернозёмная область 413, 449, 468

Центрально-Чернозёмный район 411

Черкасщина 161

Чернигов 459

Черниговская губерния, Черниговский округ, Черниговщина 91, 97, 128, 151, 158, 184, 244, 275, 295, 441, 455

Черноземье 452

Черноостровский район 225

Червоноповстанский район 441

Чехословакия 411, 420

Чечня 175

Шаргород 441

Шахтинский округ 256

Шепеличи, с. 181

Шепетовский округ 225, 227, 228, 441, 444

Эльбрус, гора 87

Эмс 72

Юго-Восточная Украина

Юго-Западный экономико-географический район 321

Южная Россия, Юг России 121, 131, 308, 379, 390

Южная Украина 550

Южно-горнопромышленный экономико-географический район 321

Ялта 38

Япония 330, 510

Оглавление

Введение	3
<i>Глава первая. Зарождение и развитие украинского национального движения. XIX – начало XX века</i>	57
Украинское движение до 1914 года.....	57
О сущности украинского национального движения.....	101
<i>Глава вторая. Украинское национальное движение в годы Первой мировой и Гражданской войн</i>	118
Первая мировая война	118
Движение во всероссийской смуте 1917–1920 годов	123
Политическое крыло движения после окончания Гражданской войны.....	135
<i>Глава третья. Население УССР и национальный вопрос в 1920-е годы</i>	177
Антисемитизм и национальное мироощущение населения УССР ..	177
Рабочий класс и национальный вопрос	196
Крестьянство и национальный вопрос	210
Украинская интеллигенция и национальный вопрос	233
<i>Глава четвертая. Украинское национальное движение: практическая деятельность</i>	267
«Культурная работа»	267
Украинская автокефальная православная церковь	281
«Борьба украинской и русской культур»	303
«Новое направление» национальной идеологии. Теоретические концепции	319
<i>Глава пятая. Украинское национальное движение и Коммунистическая партия Украины</i>	348
О национальных началах в КП(б)У	348
Украинское национальное движение и коммунизм	356
Украинское национальное движение и республиканская самостоятельность: проблемы взаимовлияния	384

Глава шестая. Украинское национальное движение в 1930-е годы	431
«Великий перелом» и национальная политика	431
«Великий перелом», население УССР и украинское национальное движение	439
Новые времена: дело «Союза вызволения Украины»	457
Украинское национальное движение и КП(б)У в 1930-е годы	476
Советский национальный проект и судьбы украинского движения	503
Заключение	542
Немного о современности	564
Источники и литература	573
Список сокращений	585
Указатель имен	587
Указатель географических названий	593

Научное издание

Марчуков Андрей Владиславович

**Украинское
национальное
движение**

УССР. 1920–1930-е годы

Цели, методы, результаты

Утверждено к печати
Ученым советом
Института российской истории
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редакторы *Л.М. Кузнецова, В.Д. Лебедев*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *О.В. Ардова*
Корректоры *З.Д. Алексеева,*
Г.В. Дубовицкая, Т.А. Печко

Подписано к печати 20.06.2006
Формат 60 × 90^{1/16}. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 37,5. Усл.кр.-отг. 37,9. Уч.-изд.л. 37,2
Тираж 400 экз. Тип. зак. 3443

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

МАРЧУКОВ

Андрей Владиславович.
Родился в 1977 г. в Москве.
Окончил Исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (1999 г.). Кандидат исторических наук. Работает в Институте российской истории РАН.

Что такое украинский национализм и какой идейный заряд он несет? Кто и зачем вытесняет русскую культуру и русский язык из информационно-культурного пространства Украины? Чем вызвано противостояние внутри украинского общества?

А главное: откуда вообще появилась Украина, каков ее исторический путь?

Этой проблеме как раз и посвящена монография А.В. Марчукова. Через призму деятельности украинского национального движения в ней исследуются ход, движущие силы и механизмы создания украинской нации и национально-государственного организма «Украина» в ключевой для этого процесса период – первую треть XX века.

ISBN 5-02-033993-8

9 785020 339934

НАУКА